МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПРОБЛЕМЫ ВЕЩЕВЕДЕНИЯ

Российская академия наук
Институт археологии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Russian Academy of Sciences
Institute of Archaeology

THE WORLD OF THE MIDDLE AGES
THE PROBLEMS OF MATERIAL CULTURE STUDIES

MATERIALS OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE TO THE 70TH ANNIVERSARY MEDIEVAL ARCHAEOLOGY DEPARTMENT

ИА РАН

Moscow
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Российская академия наук
Институт археологии

МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ПРОБЛЕМЫ ВЕЩЕВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИА РАН

Москва
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
М63

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
кандидат исторических наук В. Ю. Коваль

СОТАВИТЕЛЬ: И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

М63 **Мир Средневековья. Проблемы вещеведения. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии.** – М.: Институт археологии РАН, 2022. 320 с.

ISBN 978-5-94375-399-2

Второго и третьего декабря 2021 г. в ИА РАН состоялась конференция, посвященная 70-летию отдела средневековой (ранее славяно-русской) археологии «Мир Средневековья: проблемы вещеведения». В настоящий том вошли прозвучавшие на конференции доклады и ряд важных для раскрытия темы материалов, поступивших уже после завершения конференции.

В тематике исследований отдела средневековой археологии помимо славяно-русских традиционно представлены средневековые древности финно-угорских и тюркоязычных народов Поволжья, степной зоны Восточной Европы, Южной Сибири. В сферу научных интересов сотрудников входит также археология Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Центральной и Западной Европы, что позволяет изучать вещеведческие проблемы на широком географическом и историческом фоне.

В 2022 г. отметила свой славный юбилей Марина Дмитриевна Полубояринова. Специальным разделом настоящего сборника сотрудники отдела и коллектив авторов поздравляют Марину Дмитриевну с этим событием.

Для археологов, историков, искусствоведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-399-2
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

От редакции 9

Волков И. В., Гайдуков П. Г., Олейников О. М.
Монетный клад времени шведской оккупации из раскопок в Великом Новгороде в 2020 году 11

Жилина Н. В.
Ритуальный рог с растительным орнаментом из Черной Могилы. Роль вещи и традиции декора 39

Коваль В. Ю.
Испанская люстровая керамика в лесной зоне Восточной Европы 60

Курмановский В. С.
Керамика XV века из окрестностей Смоленска: новые материалы 70

Массалитина Г. А., Болдин И. В.
Топография летописного Козельска 94

Медынцева А. А.
Училище и «школа» письма Онфима (по материалам новгородских берестяных грамот) 107

Михайлова Е. Р.
«Садовый нож» из Городца под Лугой 127

Мурашева В. В., Зайцева И. Е., Соболев В. Ю.
Металлические ременные наборные украшения в Древней Руси (очерк) 134

Окулов А. В.
К вопросу о названии камня граната в памятниках древнерусской книжности 161

Олейников О. М.
Детали ременной, сумочной и уздечной гарнитуры в материалах Десятинного-1 раскопа в Великом Новгороде 169

Седов Вл. В.
Надпись о строительстве церкви в усадьбе Николо-Урюпино 191

Сопова К. О.
Сибирская русская керамика: от классификации к хронологии 200

Степанова Ю. В.
Материалы археологического комплекса XI–XII веков у деревни Выркино (Тверская область) в контексте локальной культуры 208

Татаурова Л. В.
Проблемы в изучении археологического источника Нового времени: взгляд из Сибири 219

Флёров В. С.
Предметы из кости и рога Правобережного Цимлянского городища, Хазарский каганат (раскопки 1987–2021 годов) 232

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой 243

Коваль В. Ю.
Русская керамика в городе Болгаре 245

Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.
Бронзовые антропоморфные фигурки из археологических фондов
Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина 264

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б.
Стеклянные изделия с Багаевского селища 276

Руденко К. А.
Медная посуда Волжской Булгарии X–XIV веков: датировка и использование 284

Армарчук Е. А., Кузина И. Н., Шведчикова Т. Ю.
Об одном погребении в храме в селе Весёлом 299

Бадеев Д. Ю.
Литейные формы с территории торгово-ремесленного района
золотоордынского Болгара (по материалам раскопа CXCII) 310

Сокращения 318

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

From the editors 9

Volkov I. V., Gaidukov P. G., Olejnikov O. M.
A Coin Hoard from the Period of the Swedish Occupation from Excavations in Veliky Novgorod in 2020 11

Zhilina N. V.
Ritual Horn with Floral Ornament from Chornaya Mogila. The Role of a Thing and Decor Traditions 39

Koval V. Yu.
Spanish Luster Ceramics in the Forest Zone of Eastern Europe 60

Kurmanovsky V. S.
Ceramics of the 15th Century from Smolensk Area: New Materials 70

Massalitina G. A., Boldin I. V.
Topography of Chronicle Kozelsk 94

Medyntseva A. A.
The College and the «Elementary School» of Onfim's Letters (Based on Materials from Novgorod Birch Bark Letters) 107

Mikhailova E. R.
"Garden Knife" from Gorodets near Luga 127

Murasheva V. V., Zaytseva I. E., Sobolev V. Yu.
Metal Belt Type-Setting Ornaments in Kievan Rus (Essay) 134

Okulov A. V.
To the Question of the Name of the Pomegranate Stone in the Records of Rusian Literature 161

Oleinikov O. M.
Details of a Belt, Bag and Horse (Headband) Set in the Materials of the Desyatinny-1 Site in Veliky Novgorod 169

Sedov Vl. V.
The Inscription about the Construction of the Church in the Estate of Nikolo-Uryupino 191

Sopova K. O.
Pottery of Siberian Russians: from Classification to Chronology 200

Stepanova Yu. V.
The Materials of the Archaeological Complex Vyrkino (Tver Region) of the 11th – 12th Centuries in the Context of Local Culture 208

Tataurova L. V.
Problems in the Study of the Archaeological Source of the Modern Times: a View from Siberia 219

Flyorov V. S.
Objects from the Bone and Horn of the Right-Bank Tsimlyansk Fortress, Khazar Khaganate (Excavations 1987–2021) 232

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

To the Anniversary of Marina Dmitrievna Poluboyarinova 243

Koval V. Yu.
Russian Ceramics in Bolgar 245

Kochkina A. F., Stashenkov D. A.
Bronze Anthropomorphic Figurines from the Archaeological Funds of Samara Museum for History and Regional Studies Named after P. V. Alabin 264

Nedashkovsky L. F., Shigapov M. B.
Glass Items from Bagaevka Settlement 276

Rudenko K. A.
Copperware of the Volga Bulgaria (10th–14th Centuries): Dating and Usage 284

Armarchuk E. A., Kuzina I. N., Schvedchikova T. Yu.
About one Burial in the Temple in Vesyoloe 299

Badeev D. Yu.
Molds from the Territory of the Trade and Handicraft Area of the Golden Horde Bolgar (Based on Materials from Site CXCII) 310

Abbreviations 318

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

От редакции

В 2021 г. отделу средневековой археологии Института археологии РАН – преемнику отдела (сектора) славяно-русской археологии исполнилось 70 лет. Второго и третьего декабря 2021 г. в Институте состоялась конференция, посвященная этому знаменательному событию: «Мир Средневековья: проблемы вещеведения». Это научное мероприятие не было парадным – его организаторы заявили тематику, всегда стоявшую в центре интересов большинства сотрудников отдела. Вещеведение, как известно, изначально являлось основой археологической науки: без глубокого изучения археологических находок, их систематизации, создания хронологических шкал невозможно представить развитие археологии любого периода, включая Средневековье.

Накопление вещеведческих знаний идет постепенно и не каждый год приводит к прорывным открытиям. Тем более такие события

Участники конференции «Мир Средневековья: проблемы вещеведения» 3 декабря 2021 г.

1-й ряд, слева направо: М. М. Шахнович, М. П. Милованова, Н. Д. Угулава, И. К. Решетова, Л. В. Татаурова, Л. В. Яворская, К. О. Сопова, Н. В. Жилина, Е. Р. Михайлова, И. Е. Зайцева, А. Н. Федорина, О. Н. Глазунова.

2-й ряд, слева направо: С. В. Борозова, И. Л. Кызласов, С. Г. Бочаров, В. С. Патрушев, С. В. Шполянский, А. А. Полюлях, А. Н. Артамкин, Н. Е. Чалых, А. Н. Хохлов, А. Ф. Кочкина, Д. Ю. Бадеев, О. М. Олейников, В. Ю. Коваль, Л. А. Беляев

не происходят специально к юбилейным датам. Поэтому ценность проведенной конференции состояла не в сенсациях, а в представлении результатов исследований по темам, разрабатываемым отделом на протяжении десятилетий: это хронология ювелирных украшений, керамических изделий, анализ вещей в их археологическом контексте. Всего на конференции заслушано 25 докладов, девять из них подготовили сотрудники отдела. Авторы остальных докладов – археологи-медиевисты из других отделов Института археологии РАН и разных научных организаций России (из Санкт-Петербурга, Твери, Казани, Томска, Липецка, Самары, Йошкар-Олы). Эта география лишь отчасти отражает широкие научные связи отдела. Сохранение и развитие научных контактов с регионами России, включая Поволжье и Сибирь, очень важно для нашей успешной работы.

В тематике исследований отдела средневековой археологии помимо славяно-русских традиционно представлены средневековые древности финно-угорских и тюркоязычных народов Поволжья, степной зоны Восточной Европы, Южной Сибири. В сферу наших научных интересов входят также археология Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Центральной и Западной Европы. Это позволяет изучать различные актуальные (в том числе вещеведческие) проблемы на широком географическом и историческом фоне.

В настоящий том вошли прозвучавшие на конференции доклады и ряд важных для раскрытия темы материалов, поступивших уже после завершения конференции.

В числе неутомимых и самых плодотворных исследователей мира вещей хорошо известно имя Марины Дмитриевны Полубояриновой, много лет проработавшей в отделе славяно-русской археологии Института археологии РАН. В 2022 г. она отметила свое 90-летие. Марина Дмитриевна по сей день остается главным научным авторитетом в археологии Золотой Орды, Волжской Болгарии и русско-ордынских отношений. С ней консультируются все исследователи, работающие в Поволжье, включая коллег из Института археологии АН Республики Татарстан. Труды М. Д. Полубояриновой остаются непревзойденным образцом скрупулезных, абсолютно объективных научных штудий. Сотрудники отдела и коллектив авторов настоящего сборника поздравляют Марину Дмитриевну со знаменательным юбилеем и желают ей здоровья и долгих лет жизни.

В. Ю. Коваль,
И. Н. Кузина

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.11-38

И. В. Волков*, П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников****
** Столичное археологическое бюро, Москва*
*** Институт археологии РАН, Москва*

Монетный клад времени шведской оккупации из раскопок в Великом Новгороде в 2020 году

В 2020 г. Новгородская археологическая экспедиция ИА РАН проводила охранные археологические работы в зоне строительства Софийской набережной Волхова (участок от моста Александра Невского до гостиницы «Интурист»). Это территория древнего Неревского конца, его северо-восточная часть. Масштабные исследования на четырех раскопах привели ко многим интересным открытиям, важнейшим из которых следует считать обнаружение остатков деревянной башни и крепостной стены Окольного города – внешнего оборонительного укрепления средневекового Новгорода.

Помимо раскопов исследовались многочисленные траншеи под коммуникации на всем протяжении Софийской набережной, где выявлены напластования XV–XX вв., имеющие разную степень сохранности. В слоях XV–XVI вв. прослежены настилы, идущие к берегу Волхова, фрагменты построек, собрана представительная вещевая коллекция, включающая в себя все категории предметов из различных материалов, бытовавшие в древнем Новгороде в рассматриваемый период. Некоторые результаты проведенных работ уже введены в научный оборот в специальной публикации (*Гайдуков и др.*, 2022).

Восьмого декабря 2020 г. в траншее под прокладку новой ветки ливневой канализации, заложенной в 20 м от восточной стены гостиницы «Интурист» (в 76 м от берега Волхова) (рис. 1), в нестратифицированных перемешанных слоях, на глубине 2,3 м от современной поверхности, был обнаружен керамический сосуд с остатками зеленой поливы. В нем находился клад из 1714 русских серебряных монет конца XV – начала XVII в. (рис. 2), анализу состава которого посвящена настоящая статья.

Вместилище кладового комплекса представляет собой поливную флягу округлой формы из ожелезненной (красножгущейся) глины, некоторые части которой изготовлены на ручном гончарном круге, а затем – соединены вместе. Формовочная масса содержит большое количество мелкого песка. По всей видимости, сразу после формовки поверхность сосуда загладили, а затем на нее нанесли орнамент. Сохранились лишь небольшие фрагменты сосуда, его внешняя часть имеет следы длительного механического воздействия: поверхности обколоты, равно как и все выступающие части (ручки, горлышко, поддон), причем сколы и забоины покрывают более 70 процентов поверхности фляги (рис. 3).

После первого обжига флягу покрыли прозрачной зеленой поливой, вторым обжигом глазурь закрепили на поверхности. Сохранность поливы очень плохая: в момент находки ее остатки легко отслаивались, что потребовало срочной реставрации, произведенной в камеральной лаборатории САБ Л. А. Рукавишниковой, которой мы выражаем признательность.

Фляги подобного типа не относятся к классическим, применительно к русским территориям, кладовым сосудам, однако некоторые аналогии известны. В настоящее время нами зарегистрированы два случая находки монетных кладов, содержавшихся в керамической таре подобного рода. Первый из них – клад, обнаруженный в 1930 г. на берегу оз. Ильмень в пределах

Рис. 1. Место обнаружения клада 2020 г. на космическом снимке северной части исторического центра Великого Новгорода

Новгородского района (*Сотникова, Спасский*, 1979. С. 69, № 13). Комплекс из 407 русских серебряных монет времени Ивана Грозного был сокрыт в белоглиняной фляге аналогичного типа (*Калинин*, 1979. С. 97, № 3; 98. Табл. 1, *1*), также поливной, однако желтоватая полива практически целиком отслоилась (рис. 4, *1*). Находка датируется первой половиной 1580-х годов.

В 1964 г. в Твери найден клад из 1100 денег и копеек Ивана Грозного в такой же фляге, белоглиняной с зеленой поливой (рис. 4, *2*). Этот комплекс подробно опубликован (*Бушлякова, Волков*, 2010. С. 13–16, № 1). Технологическое изучение и описание сосуда произведено В. Ю. Ковалем (*Бушлякова, Волков*, 2010. С. 38). Датировка позднейших монет клада очень близкая: начало 80-х годов XVI в.

В Великом Новгороде известны находки подобных керамических емкостей (обычно в виде фрагментов), сделанные в различных частях города. Особенно следует отметить две поливные фляги прекрасной сохранности, обнаруженные в ходе подводных археологических исследований Великого моста, проводящихся А. В. Степановым, в 2008 и 2012 гг. (рис. 4, *3*, *4*).

В настоящее время обсуждаются две версии относительно назначения описываемых сосудов. Первая из них такова: округлые сосуды, имеющие отверстия в ручках и ножках для пропускания ремешка или веревки – это баклаги-пороховницы. Согласно второй версии, это портативные поясные фляги для напитков. Не беремся решать, какое из предположений соответствует действительности, однако отметим, что использование такой керамической тары в качестве кладового вместилища было вполне оправданным, так как это весьма прочные и устойчивые к внешним воздействиям сосуды. Убедительным подтверждением является новгородская наход-

Рис. 2. Общий вид кладового комплекса после промывки монет (без масштаба)

ка 2020 г.: неоднократно перемещенная в ходе земляных работ, потерявшая все выступающие части и даже, в значительной степени, декор тулова, фляга с кладом не раскололась, благодаря чему нумизматический комплекс дошел до нас в целом, непотревоженном виде.

Перейдем к анализу состава клада. Общее количество денег и копеек – 1714; комплекс можно охарактеризовать как достаточно крупное сбережение, и поэтому выборку монет, вошедших в него, следует считать вполне репрезентативной. В таблице 1 представлено распределение монет по правлениям и местам выпуска.

Сохранность монет следует оценивать как очень хорошую: после извлечения из сосуда им потребовалась лишь однократная промывка в слабом щелочном растворе (для удаления попавших во флягу песка и органических частиц), так что весовые данные экземпляров, вошедших в клад, вполне могут использоваться в метрологическом исследовании (подробнее см. ниже).

Самыми ранними являются две тверские денги конца XV в., времени великого князя Ивана III. Еще четыре монеты – новгородские и псковские денги его сына Василия III (рис. I, *1–6*)[1]. Все монеты очень сильно потерты, что не удивляет: ко времени сокрытия комплекса они находились в обращении около ста лет.

К правлению Ивана Грозного относится более четверти от общего количества монет клада. Представлена продукция всех четырех монетных дворов, действовавших в этот период: Московского, Тверского, Псковского и Новгородского (рис. I–III, *7–465*). Около 10% составляют московские, новгородские и псковские выпуски его сына, Федора Ивановича (рис. III–V, *469–637*). Как и в предыдущем случае, мы видим, что очень многие монеты этого периода сильно потерты,

[1] Рисунки с нумерацией римскими цифрами помещены в раздел «Описание состава клада...» в конце статьи.

Таблица 1. Распределение монет клада 2020 г. по правлениям, местам выпуска и номиналам

Правитель	Место чеканки / номинал	Кол-во, экз.	%
Иван III	Тверь, московки	2	0,12
Василий III	Новгород, Псков, новгородки	4	0,82
Иван IV	Москва, денги	160	9,33
	Тверь, денги	26	1,52
	Новгород, копейки	137	7,99
	Псков, копейки	139	8,11
Федор Иванович	Москва, денги	22	1,28
	Москва, копейки	26	1,52
	Новгород, копейки	44	2,57
	Псков, копейки	78	4,55
Борис Федорович	Москва, копейки	71	4,14
	Новгород, копейки	104	6,07
	Псков, копейки	56	3,27
Дмитрий Иванович	Москва, копейки	10	0,58
	Новгород, копейки	30	1,75
	Псков, копейки	56	3,27
Василий Иванович	Москва, копейки	30	1,75
	Новгород, копейки	132	7,70
	Псков, копейки	68	3,97
Владислав Сигизмундович	Москва, копейки	7	0,41
	Новгород, копейки	8	0,47
Шведская оккупация	Новгород, копейки	458	26,72
Фальшивые	Денга, 2 копейки	3	0,18
Не определены	Копейки	2	0,12
Всего		1714	100%

так как тоже находились в обращении весьма длительное время.

Почти 15% от общего количества составляют новгородские, псковские и московские копейки Бориса Годунова (рис. V–VIII, *639–886*). Копеек Лжедмитрия I (рис. VIII, *911–974*) всего около пяти процентов, а монет Василия Ивановича Шуйского (рис. VIII; IX, *1007–1236*) – почти столько же, сколько и копеек Бориса Федоровича. Также представлена продукция всех трех функционировавших монетных дворов. Наконец, в кладе встречены семь московских копеек (рис. X, *1237*) «нецарствовавшего царя» Владислава – сына польского короля Сигизмунда: призвавшие его на царство московские бояре чеканили монеты с его именем, от его имени писали все официальные документы. Но побывать в Москве Владиславу так и не довелось…

Охарактеризованная выше часть комплекса, ее количественный и качественный состав являются обычной для всех депозитов, сокрытых в Смутное время. Кладов этого кризисного периода отечественной истории, по вполне понятным причинам, дошло до нас много (подробнее см.: *Мельникова*, 2003), и в большинстве случаев можно видеть сходную картину количественного распределения монет по правлениям.

Однако состав позднейших выпусков, вошедших в комплекс, достаточно необычен, и именно это дает возможность охарактеризовать клад 2020 г. как очень редкий материальный источник по истории денежного обращения новгородских земель второго десятилетия XVII в.

В кладе присутствуют не только московские, но и новгородские копейки, чеканенные от имени Владислава Сигизмундовича (рис. X, *1244–1251*). Это весьма нечастые монеты. Например, в собрании Исторического музея их насчитывается лишь четыре; они крайне редко и в единичных эк-

Рис. 3. Вместилище клада 2020 г. из Новгорода Великого, керамическая поливная фляга

земплярах встречаются в депозитах XVII в., а в кладе с Софийской набережной их выявлено сразу восемь. Редкость новгородских выпусков Владислава вполне объяснима. Известно, что в конце октября 1610 г. присланный из Москвы боярин И. М. Салтыков привел новгородцев к присяге на верность Владиславу Сигизмундовичу. Но уже в январе следующего года новгородцы восстали, казнили Салтыкова, отказались от признания польского королевича и решили перейти к самоуправлению. То есть теоретически возможный период чеканки в Новгороде копеек с именем Владислава составляет менее трех месяцев. Но, конечно, их выпуск был еще короче: необходимо было изготовить новый маточник оборотной стороны с именем Владислава, а на это, определенно, требовалось какое-то время. Все без исключения известные новгородские монеты, несущие имя этого правителя, отчеканены весьма небрежно, и важно отметить, что экземпляры из рассматриваемого комплекса не несут каких-либо следов пребывания в обращении.

Наконец, самыми поздними монетами клада являются новгородские копейки с именем и титулом Василия Ивановича Шуйского, но имеющие пониженный вес (рис. X, *1252*). Они выпускались в Великом Новгороде после 16 июля 1611 г., когда отряды Якоба Делагарди заняли Новгород, и город с прилегающими территориями перешел под протекторат шведской короны. Использование сохранившихся маточников с именем Василия Ивановича явилось в данном случае

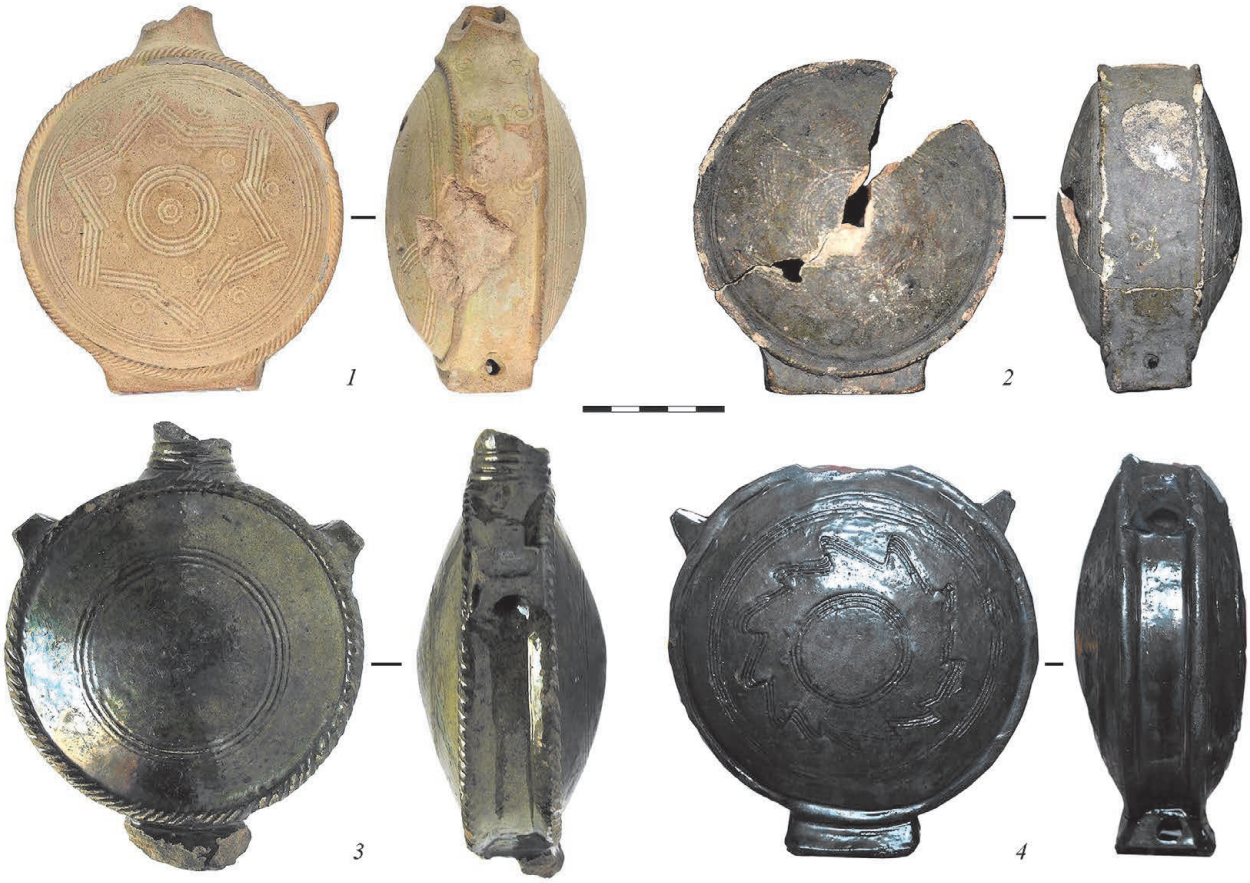


Рис. 4. Аналогии кладовому сосуду

1 – вместилище клада 1930 г. из Новгородского р-на (ГЭ. ОН-Р-К-67540); *2* – вместилище клада 1964 г. из Твери (ТГОМ. Тв. м. КП 3254/1101); *3, 4* – керамические поливные фляги из подводных раскопок Великого моста в Новгороде в 2008 и 2012 гг.

вполне логичным: это был последний царь, признанный и шведами, и новгородцами. Кроме того, не было необходимости заново изготавливать «денежные снасти»: можно воспользоваться старыми. Таких копеек, отчеканенных штемпелями, переведенными всего с одной пары маточников, в кладе насчитывается 458, то есть они составляют более четверти от общего количества монет. Все экземпляры имеют превосходную сохранность и не несут следов пребывания в денежном обращении. Совершенно очевидно, что они в нем и не участвовали, а сразу после выпуска были тезаврированы.

Средний вес этих монет лежит между значениями 0,55–0,57 г, а это означает, что они все соответствуют единой стопе, составляющей три целых шесть десятых рубля из весовой гривенки серебра. По сохранившимся в Стокгольмском архиве книгам Новгородского денежного двора известно, что такая весовая норма была принята в Новгороде с июля 1611 до середины 1615 г. (подробнее см.: *Мельникова*, 1989. С. 136–145; 30, диаграмма 21). Этим периодом в четыре года и датируется сокрытие рассматриваемого комплекса, так как более поздние монеты, имеющие еще более низкий вес, в его составе отсутствуют. На рисунке 5 приведена гистограмма распределения веса новгородских копеек с дифферентом **PIN** и именем Василия, чеканившихся как в правление Василия Шуйского, так и при шведских властях. Налицо отчетливое разделение монет на две группы: первая, относительно немногочисленная, тяготеет к весу 0,65–0,67 г (монеты Шуйского), а вторая демонстрирует ярко выраженный пик на значениях 0,54–0,57 г (копейки, выпущенные шведской администрацией).

Но, как кажется, период сокрытия рассматриваемого клада можно еще сузить. Ос-

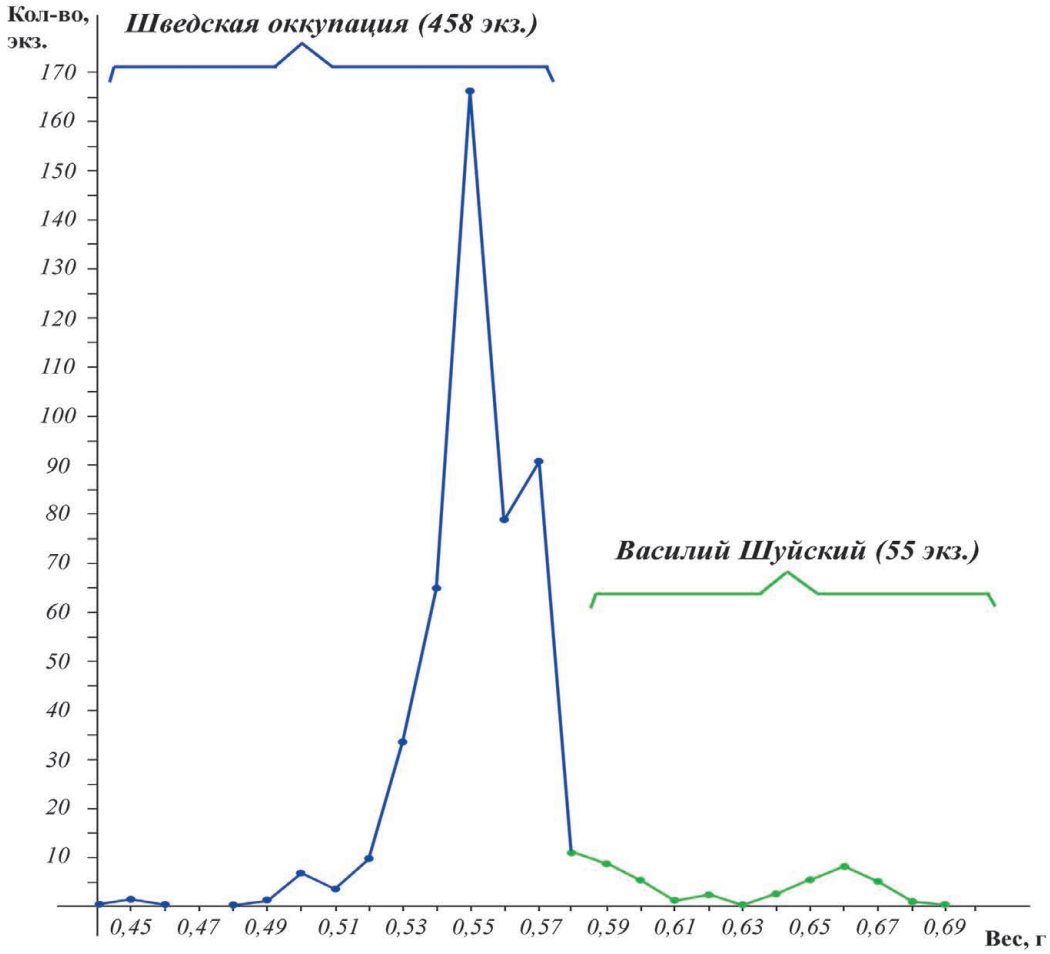


Рис. 5. Распределение веса новгородских копеек с дифферентом PIN времени Василия Шуйского и шведской оккупации Новгорода по материалам клада 2020 г.

нования для этого дают новгородские монеты с именем Владислава Жигимонтовича. Такое большое количество крайне редких копеек в составе одного комплекса свидетельствует, что они еще не успели полностью растворить в составе обращавшейся денежной массы к моменту захоронения сокровища. Следовательно, наиболее вероятно, что клад, обнаруженный на Софийской набережной в 2020 г., спрятали в краткий хронологический отрезок после конца 1611 г., вероятнее всего – в 1612 или 1613 гг.

Как уже отмечено, по данным письменных источников надежно фиксируется факт последовательного понижения шведскими властями веса новгородских монет. Встает вопрос: только ли вес понижали шведы, или же они производили какие-то манипуляции и с пробой металла в монетах? Такая практика получения дополнительной прибыли от монетной чеканки в Европе, в том числе в самой Швеции, была широко распространена, и новые власти вполне могли ее применить. Состав металла общегосударственных монетных выпусков второй трети XVI – середины XVII в. сейчас изучен достаточно основательно (*Будников, Волков*, 2013), результаты исследования готовятся к публикации, но проба новгородских монет, изготовленных при шведских властях, никогда, насколько нам известно, не анализировалась. Причина вполне понятна: у исследователей до сих пор не было возможности изучить репрезентативную выборку таких монет. На сегодняшний день известно всего четыре клада времени шведской интервенции, доступных для поштемпельного изучения, один из них – рассматриваемый комплекс, а три других – клады, обнаруженные в Новгороде и окрестностях в XX в., ныне хранящиеся в собрании Новгородского музея (НГМ. КП 221, 5820, 21407; *Пахомов*,

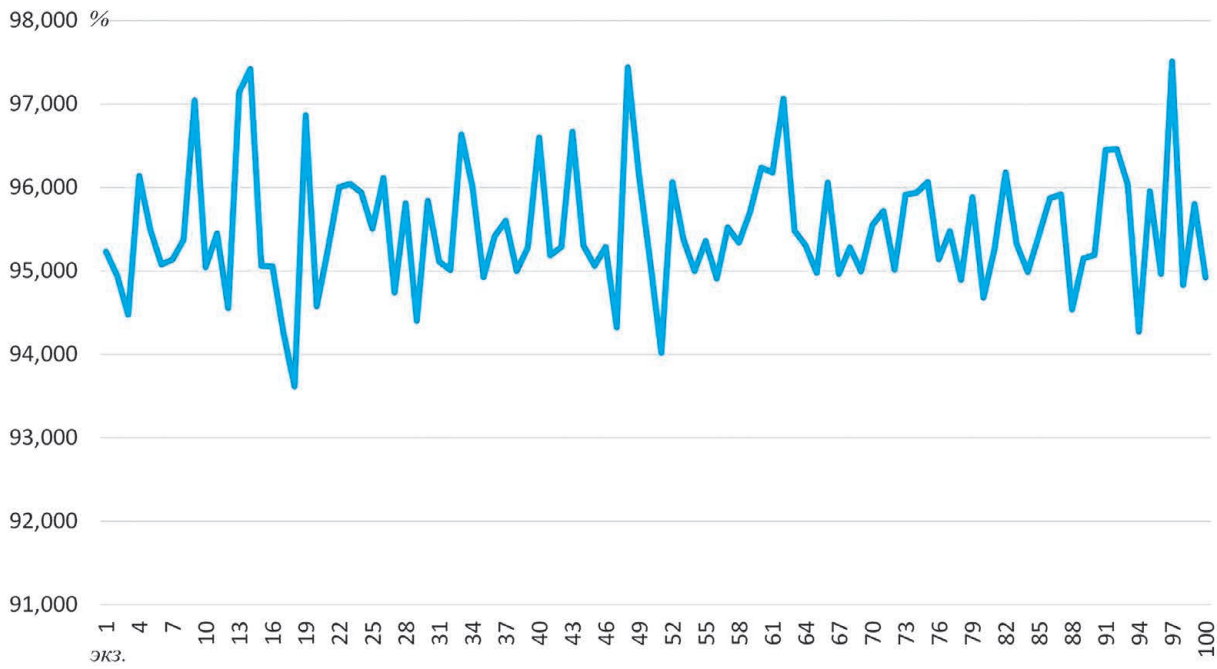


Рис. 6. Распределение количественного содержания серебра в произвольной выборке из ста кладовых монет времени шведской оккупации Новгорода

2021. С. 38, 39. № 70, 74). Лишь самый маленький из них уже опубликован (*Волков, Гайдуков*, 2019), остальные ожидают своих исследователей. В этих трех (более ранних по времени находки) комплексах в совокупности содержится около 400 копеек, изготовленных при шведских властях. В рассматриваемом комплексе их более четырех с половиной сотен, причем все они однотипные, что дало возможность изучить сплав произвольной выборки из ста кладовых «одноштемпельных» монет с применением неразрушающей методики. Эту работу проделала в лаборатории ИА РАН И. А. Сапрыкина, которой мы глубоко признательны за предоставленные материалы исследования. Результаты анализа состава монетного сплава представлены в виде гистограммы на рисунке 6.

Очевидно, что колебания пробы металла очень незначительные: от 940 до 970, а проба подавляющего большинства копеек лежит в узких пределах от 950 до 965 промилле. Именно такие показатели характерны для всех «официальных» русских монетных выпусков, начиная с правления Ивана Грозного и до середины 1620-х годов. То есть перед нами – максимально очищенное, исходя из технических возможностей того времени, серебро. Полученные результаты позволяют вполне аргументировано утверждать, что шведские власти, понижая вес новгородских монет, не решились ухудшить их пробу, по крайней мере, на первом этапе чеканки.

Ниже следует описание состава рассматриваемого комплекса. Оно составлено в табличной форме, принятой сейчас в нумизматической литературе при издании кладов русских серебряных монет второй трети XVI – начала XVIII в. После сведений о правителе, при котором отчеканена монета (или группа монет), указываются место чеканки, приблизительная датировка, отмечаются характерные дифференты. Далее приводятся ссылки на современные публикации, количество монет, зарегистрированных в публикуемом кладе, и вес каждого экземпляра. На рисунках I–X приведены фотоизображения всех вариантов монет, входящих в клад (лучшие по сохранности экземпляры). Нумерация на рисунках соответствует номерам в описании.

Отметим, что найденный клад (вместе со всеми прочими материалами, полученными в процессе раскопок) в ближайшее время будет передан в фонды Новгородского музея.

Описание состава клада 2020 г. с Софийской набережной Великого Новгорода

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
1	Иван III (1465–1505)	Тверь, московка	1486–1487	б/б	В., № 97	1	0,28 (обр.)
2			1490-е	б/б	З., № 55	1	0,44
3	Василий III (1505–1533)	Новгород, новгородка	1510-е	Ѳ	З., № 123	1	0,73
4		Псков, новгородка	1510-е – 1520-е	М	З., № 151	1	0,67
5			1510-е – 1520-е	Т	З., № 157	1	0,75
6	Василий III (1505–1533) или Иван IV (1533–1584)		1-я пол. 1530-х	Ж	З., № 174; ГКХ № 2	1	0,72
7–23	Иван IV (1533–1584)	Москва, денга	1533–1547	б/б	М., т. 1, 2–2; ГКХ № 37	17	0,25; 0,26; 0,29; 0,30(3); 0,31(2); 0,32(7); 0,33(2)
24–25			1533–1547	б/б	М., т.1, 2–5; ГКХ № 39	2	0,28; 0,32
26–50			1533–1547	б/б	М., т. 1, 4–2; ГКХ № 43	25	0,28(2); 0,29(3); 0,30(4); 0,31; 0,32(8); 0,33(5); 0,37; 0,38
51			1533–1547	б/б	Л.с. – ГКХ № 4; о.с. не прочеканена	1	0,31
52–58			1533–1547	б/б	М., т. 1, 5–2; ГКХ № 54	7	0,31; 0,32(3); 0,33(3)
59			1533–1547	б/б	М., т. 1, 5–10; ГКХ № 58	1	0,32
60–81			1533–1547	б/б	М., т. 1, 6–5; ГКХ № 62	22	0,22(обр.); 0,28; 0,29; 0,30(2); 0,31(4); 0,32(9); 0,33(3); 0,35
82–103			1533–1547	б/б	М., т. 1, 6–9; ГКХ № 68	22	0,30(4); 0,31(6); 0,32(9); 0,33; 0,34; 0,38
104			1533–1547	б/б	Плох. сохр.	1	0,27
105–106			1540–1547	М	М., т. 1, 7–7; ГКХ № 73	2	0,30; 0,33
107–113			1547–1560-е	б/б	М., т. 1, 15–18; ГКХ № 78	7	0,30(4); 0,31(2); 0,34

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
114–115			1547–1560-е	ДЄ	М., т. 1, 17–21; ГКХ № 82	2	0,29; 0,32
116–149			1547–1570-е	ДЄ	М., т. 1, 17–19; ГКХ № 83	34	0,21; 0,29; 0,30(3); 0,31(3); 0,32(16); 0,33(5); 0,34(3); 0,35; 0,38
150–166			1560-е – 1580-е	ДЄ	М., т. 1, 16–20; ГКХ № 87	17	0,27; 0,30(3); 0,31; 0,32(2); 0,33(4); 0,34(6)
167–168		Тверь, денга	1533–1547	б/б	М., т. 1, 11–13; ГКХ № 92	2	0,23(обл.); 0,30
169–180			1533–1547	б/б	М., т. 1, 11–15; ГКХ № 94	12	0,29(2); 0,30; 0,31(4); 0,32(3); 0,33; 0,34
181–192			1533–1547	Ѡ	М., т. 1, 13–16; ГКХ № 101	12	0,30(5); 0,31; 0,32(4); 0,33(2)
193–216		Новгород, копейка	1533–1547	б/б	М., т. 1, 9–12; ГКХ № 7	24	0,53; 0,54; 0,61(2); 0,64(2); 0,65(4); 0,66(2); 0,67(3); 0,68(3); 0,69(6)
217–233			Нач. 1540-х – 1547	ФС	М., т. 1, 14–17; ГКХ № 9	17	0,57; 0,61; 0,63(2); 0,64(3); 0,65(3); 0,66(3); 0,67(4)
234–275			1547–1550-е	ПС	М., т. 1, 19–23; ГКХ № 10	42	0,53(обр.); 0,60; 0,61(2); 0,62(2); 0,63(2); 0,64(5); 0,65(13); 0,66(5); 0,67(6); 0,68(3); 0,69(2)
276–277			1550-е	АЛ	М., т. 1, 22–26; ГКХ № 11	2	0,55; 0,68
278			1550-е	ю/ρ	М., т. 1, 23–26; ГКХ № 12	1	0,67
279–281			1550-е	Ѧ/ДМ	М., т. 1, 25–26; ГКХ № 14	3	0,57(обр.); 0,65; 0,69
282–286			1550-е	ВАІА	М., т. 1, 26–26; ГКХ № 16	5	0,62(2); 0,64; 0,73(2)
287			1560-е – нач. 1570-х	к/ВА	М., т. 1, 28–26; ГКХ № 17	1	0,65
288–322			1560-е – нач. 1570-х	к/ВА	М., т. 1, 29–26; ГКХ № 18	35	0,60(3); 0,62; 0,64(5); 0,65(6); 0,66(5); 0,67(9); 0,68(4); 0,69(2)

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
323–324			1570-е – нач. 1580-х	к/ⲘИХ	М., т. 1, 32–26; ГКХ № 22	2	0,63; 0,69
325–327			1570-е – нач. 1580-х	к/ⲘN	М., т. 1, 33–26; ГКХ № 23	3	0,65(2); 0,67
328–329			Нач. 1580-х	ѳ/ⲘN	М., т. 1, 34–26; ГКХ № 24	2	0,61; 0,69
330–358		Псков, копейка	1533–1547	б/б	М., т. 1, 1–1; ГКХ № 27	29	0,53(обр.); 0,59; 0,63(3); 0,64(2); 0,65(5); 0,66(6); 0,67(8); 0,68(2); 0,69
359–375			1533–1547	ⲂⲂ	М., т. 1, 8–11; ГКХ № 25	17	0,55(обр.); 0,62; 0,63(2); 0,64(4); 0,65(3); 0,66(2); 0,67(2); 0,70; 0,76
376–381			1547–1550-е	IВЯ	М., т. 1, 20–24; ГКХ № 28	6	0,66(2); 0,67(2); 0,68(2)
382–414			1547–1550-е	ГР	М., т. 1, 21–25; ГКХ № 29	33	0,44(обр.); 0,56(обр.); 0,59; 0,61; 0,62(3); 0,63(3); 0,65(6); 0,66(6); 0,67(5); 0,68(3); 0,69; 0,70(2)
415–442			1560-е	с/ⲘИ	М., т. 1, 35–27; ГКХ № 31	28	0,56(обр.); 0,57(обл.); 0,59; 0,63; 0,64; 0,65(6); 0,66(3); 0,67(6); 0,68; 0,69(4); 0,70(2); 0,72
443–464			1570-е – нач. 1580-х	р/IВ	М., т. 1, 37–27; ГКХ № 32	22	0,55(обр.); 0,63; 0,64(3); 0,65(5); 0,66; 0,67(5); 0,69(2); 0,70(3); 0,72
465–468			1570-е – нач. 1580-х	р/IВ	М., т. 1, 37–29; ГКХ № 33	4	0,66; 0,67(2); 0,68
469–489	Федор Иванович (1584–1598)	Москва, денга	1584–1598	NС	М., т. 2, 1–1; ГКХ № 151	21	0,26; 0,28; 0,31(2); 0,32(5); 0,33(8); 0,35; 0,36; 0,37; 0,39
490			1584–1598	NС	М., т. 2, 1–3; ГКХ № 153	1	0,35
491–492		Москва, копейка	1595–1598	N	М., т. 2, 4–5; ГКХ № 123	2	0,64; 0,68
493			1595–1598	с Ⲙ	М., т. 2, 6–4; ГКХ № 126	1	0,65

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
494–516			1595–1598	с М	М., т. 2, 9–4; ГКХ № 125	27	0,60; 0,63; 0,64(4); 0,65(4); 0,66(2); 0,67(7); 0,69; 0,70; 0,71; 0,74
517–531		Новгород, копейка	1584–1596	НЄ	М., т. 2, 1–1; ГКХ № 110	15	0,63; 0,64(2); 0,67(7); 0,68(3); 0,69(2)
532			1595–1596	НЄ	М., т. 2, 1–2; ГКХ № 111	1	0,70
533			1595–1596	в НО.РД	М., т. 2, 2–1; ГКХ № 112	1	0,68
534–541			1595–1596	в НО.РД	М., т. 2, 2–2; ГКХ № 113	8	0,65(2); 0,66(4); 0,68; 0,69
542–550			1596–1597	в НОРЄ	М., т. 2, 3–2; ГКХ № 114	9	0,65(2); 0,66(3); 0,67(3); 0,68
551–558			1597–1598	в НОРЅ	М., т. 2, 5–2; ГКХ № 116	8	0,64(2); 0,65(2); 0,67(2); 0,68; 0,69
559			1597–1598	ПРЅ	М., т. 2, 7–2; ГКХ № 118	1	0,67
560			1597–1598	в НОРЅ	М., т. 2, 6–2; ГКХ № 119	1	0,70
561		Псков, копейка	Вторая пол. 1580-х	ПС	М., т. 2, 3–1; ГКХ № 138	1	0,77
562			Вторая пол. 1580-х	ПС	М.; ГКХ № 141	1	0,67
563–575			Вторая пол. 1580-х	ПС	М.; ГКХ № 143	13	0,64; 0,65(3); 0,67(3); 0,68; 0,69(3); 0,70; 0,72
576–621			Конец 1580-х – 1590-е	ПС	М., т. 2, 4–2; ГКХ № 145/146	46	0,60; 0,63(2); 0,64(2); 0,65(11); 0,66(3); 0,67(11); 0,68; 0,69(10); 0,70(3); 0,71(2)
622–636			Конец 1580-х – 1590-е	ПС	М., т. 2, 6–2; ГКХ № 149	15	0,43(обл.); 0,60; 0,61; 0,63; 0,65(3); 0,66(2); 0,67(2); 0,68(2); 0,69; 0,70
637			Конец 1580-х – 1590-е	ПС	М., т. 2, 6–3; ГКХ № 150	1	0,70
638	Федор Иванович или Борис Федорович	Псков, копейка	Конец 1580-х – 1603	ПС	М., т. 2,л.с. 6, о.с. не отчеканена	1	0,67

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
639–653	Борис Федорович (1598–1605)	Москва, копейка	1599–1600	о М	М., т. 3, 1–1; ГКХ № 161	15	0,53(обр.); 0,64(3); 0,65(4); 0,66(4); 0,68; 0,70; 0,71
654			1599–1600	о М	М., т. 3; 2–1; ГКХ № 164	1	0,68
655–694			1600–1605	Б О о М	М., т. 3, 4–2; ГКХ № 169	40	0,59; 0,60; 0,62(2); 0,63(2); 0,64(6); 0,65(7); 0,66(2); 0,67(8); 0,68(5); 0,70; 0,71(2); 0,72(2)
695			1601	Б О о М	М., т. 3, 4–3; ГКХ № 170	1	0,72
696			1601	б/б	М., т. 3, 5–2; ГКХ № 175	1	0,66
697–703			1602	Б О о М	М., т. 3, 4–4; ГКХ № 171	7	0,63; 0,64; 0,65(2); 0,66; 0,67; 0,70
704–705			1602	с М	М., т. 3, 6–1; ГКХ № 177	2	0,67(2)
706			1602	с М	М., т. 3, 6–4; ГКХ № 180	1	0,72
707			1602	МО	М., т. 3, 7–2; ГКХ № 183	1	0,61
708			1603	Б О о М	М., т. 3, 4–5; ГКХ № 172	1	0,67
709			1603	гд рь МО	М., т. 3, 8–2; ГКХ № 186	1	0,67
710–719		Новгород, копейка	1599	в НО.РЗ	М., т. 3, 1–1; ГКХ № 210	10	0,61; 0,64(2); 0,65; 0,66(3); 0,67(3)
720			1599–1600	в НОІРИ	М., т. 3, 3–2; ГКХ № 218	1	0,66
721–727			1599–1600	в НОІРИ	М., т. 3, 2–2; ГКХ № 219	7	0,64; 0,65(2); 0,67(2); 0,68; 0,70
728			1599–1600	в НОІРИ	М., т. 3, 2–3; ГКХ № 220	1	0,67

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
729			1599–1600	в НОІРИ	М., т. 3, 2–4; ГКХ № 222	1	0,75
730–738			1600–1601	в НОРѲ	М., т. 3, 4–2; ГКХ № 225	9	0,59(обл.); 0,62; 0,63; 0,66(2); 0,67; 0,68(2); 0,69
739–742			1600–1601	в НОРѲ	М., т. 3, 4–5; ГКХ № 228	4	0,67(2); 0,68; 0,69
743–760			1601–1602	в НОРІ	М., т. 3, 6–5; ГКХ № 236	18	0,59(обр.); 0,64(2); 0,65(2); 0,66(3); 0,67(3); 0,68(3); 0,69(2); 0,70(2)
761–763			1602–1603	в НОРАІ	М., т. 3, 8–7; ГКХ № 243	3	0,51(обр.); 0,68; 0,71
764–767			1602–1603	в НОРАІ	М., т. 3, 9–8; ГКХ № 248	4	0,64; 0,66; 0,67(2)
768–778			1602–1603	гє НРАІ	М., т. 3, 10–9; ГКХ № 249	11	0,63; 0,65(2); 0,66(3); 0,67(4); 0,69
779–785			1602–1603	НРАІ	М., т. 3, 11–9; ГКХ № 250	7	0,64; 0,65; 0,67; 0,68(3); 0,69
786–788			1602–1603	гє НРАІ или НРАІ	ГКХ № 249 или 250 (дифф. не виден)	3	0,64; 0,67(2)
789			1602–1603	НРАІ	М.; ГКХ № 251	1	0,68
790–795			1603–1604	н РВІ	М., т. 3, 12–10; ГКХ № 255	6	0,61; 0,64(2); 0,66(2); 0,69
796–803			1603–1605	н РВІ или н РГІ	ГКХ № 255 или 256 (дифф. не виден)	8	0,65(2); 0,66(3); 0,67; 0,69(2)
804–808			1604–1605	н РГІ	М., т. 3, 13–10; ГКХ № 256	5	0,67(3); 0,68; 0,71
809–813			1604–1605	н РГІ	М., т. 3, 13–11; ГКХ № 257	5	0,57; 0,64; 0,67(2); 0,69

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
814–862		Псков, копейка	1599	ПСРЗ	М., т. 3, 1–1; ГКХ № 191	49	0,57(обр.); 0,63(2); 0,64(5); 0,65(3); 0,66(12); 0,67(10); 0,68(7); 0,69(6); 0,70(2); 0,71
863–864			1599	ПСРЗ	ГКХ № 192	2	0,67; 0,70
865			1599	ПСРЗ	ГКХ № 191–193 (о.с. не отчеканена)	1	0,66
866–867			1600–1603	ПС	ГКХ № 198	2	0,66; 0,67
868–870			1600–1603	ПС	М., т. 3, 2–1; ГКХ № 199	3	0,61; 0,69(2)
871			1600–1603	ПС	М., т. 3, 2–2; ГКХ № 200	1	0,68
872			1600–1606	ПС	ГКХ № 198–202 (о.с. не отчеканена)	1	0,65
873–875			1600–1603	ПС	М., т. 3, 3–4; ГКХ № 207	3	0,62; 0,68; 0,69
876–885			1603–1604	ПС	М., т. 3, 4–4; ГКХ № 208	10	0,56(обр.); 0,64(2); 0,65; 0,66(2); 0,67(3); 0,72
886–910			1604–1605	ПС	М., т. 3, 5–5; ГКХ № 209	25	0,60; 0,65(7); 0,66(8); 0,67(5); 0,68(3); 0,71
911	Дмитрий Иванович (1605–1606)	Москва, копейка	1605–1606	с М	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 271	1	0,66
912			1605–1606	МО	М., т. 4, 2–1; ГКХ № 272	1	0,70
913–919			1605–1606	б/б	М., т. 4, 4–1; ГКХ № 275	7	0,64; 0,65; 0,66; 0,67(2); 0,68; 0,70
920			1606(?)	б/б, с именем Федора	ГКХ № 285	1	0,62
921–937		Новгород, копейка	1605	НРГІ	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 280	17	0,60; 0,65(2); 0,66(4); 0,67(4); 0,68(2); 0,69(3); 0,70
938–950			1605–1606	н РДІ	М., т. 4, 2–1; ГКХ № 281	13	0,64; 0,65(4); 0,66; 0,67(6); 0,69

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
951–973		Псков, копейка	1605–1606	ПС	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 277	23	0,60; 0,62; 0,63; 0,64(4); 0,65(2); 0,66(4); 0,67(5); 0,68(2); 0,69(2); 0,71
974–1005				ПС	М., т. 4, 2–1; ГКХ № 278	32	0,57(обл.); 0,63; 0,65(7); 0,66(7); 0,67(8); 0,68(4); 0,69(2); 0,77; 0,84
1006	Дмитрий Иванович или Василий Иванович	Псков, копейка	1605–1610	ПС	Два штемпеля с одного маточника л.с. (ГКХ № 312)	1	0,67
1007–1027	Василий Иванович (1606–1610)	Москва, копейка	1606–1607	б/б	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 290	21	0,64; 0,65(3); 0,66(4); 0,67(6); 0,68(3); 0,69; 0,70(3)
1028–1029			1606–1607	б/б	М., т. 4, 1–3; ГКХ № 292	2	0,64; 0,68
1030			1607–1608	б/б	М., т. 4, 1–5; ГКХ № 293	1	0,61
1031–1035			1608–1610	б/б	М., т. 4, 2–5; ГКХ № 299	5	0,60; 0,61(2); 0,63(2)
1036					М., т. 4, 3–6; ГКХ № 302	1	0,61
1037–1044		Новгород, копейка	1606	н РДІ	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 314	8	0,61; 0,64; 0,65(4); 0,66; 0,70
1045–1059			1606–1607	н РЄІ	М., т. 4, 2–2; ГКХ № 317	15	0,63; 0,65(2); 0,66(6); 0,67(2); 0,68; 0,69(2); 0,72
1060			1606–1607	н РДІ или н РЄІ	ГКХ № 314 или 317 (дифф. не виден)	1	0,70
1061–1069			1606–1607	н РДІ или н РЄІ	ГКХ № 315 или 317 (дифф. не виден)	9	0,60; 0,64(2); 0,65(3); 0,66; 0,67(2)

№ п/п	Имя правителя	Место чеканки, номинал	Датировка	Дифферент л.с.	Ссылки на публикации	Кол-во, экз.	Вес, г
1070–1106			1607–1608	н ꝑSI	М., т. 4, 3–2; ГКХ № 321	37	0,57; 0,64; 0,65(7); 0,66(9); 0,67(7); 0,68(7); 0,69(4); 0,70
1107–1113			1608–1609	НРД	М., т. 4, 4–4; ГКХ № 323	7	0,65(4); 0,67(2); 0,68
1114–1168			1609–1610	ꝑIN	М., т. 4, 5–4; ГКХ № 325 (вес более 0,57 г)	55	0,58(12); 0,59(8); 0,60(6); 0,61(2); 0,62(3); 0,64(3); 0,65(6); 0,66(8); 0,67(6); 0,68
1169–1216		Псков, копейка	1605–1606	ПС	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 309	48	0,63(2); 0,64(3); 0,65(8); 0,66(13); 0,67(14); 0,68(5); 0,69(2); 0,70
1217–1235			1606–1610	ПС	М., т. 4, 1–2; ГКХ № 311	19	0,63; 0,65(7); 0,67(6); 0,68(5)
1236			1606–1610	ПС	М., т. 4, 2–1; ГКХ № 313	1	0,67
1237–1243	Владислав Сигизмундович (1610–1612)	Москва, копейка	1610–1612	б/б	М., т. 4, 2–2; ГКХ № 343	7	0,48; 0,51; 0,52(2); 0,53; 0,56; 0,60
1244–1251		Новгород, копейка	1610	НРД	М., т. 4, 1–1; ГКХ № 346	8	0,56; 0,62; 0,65; 0,66; 0,67; 0,68(2); 0,69
1252–1709	Шведская оккупация Новгорода (1611–1617), копейка		1611–1615	ꝑIN	М., т. 6, 1–1; ГКХ № 354 (вес менее 0,57 г)	458	0,45; 0,49; 0,50(7); 0,51(4); 0,52(10); 0,53(34); 0,54(65); 0,55(166); 0,56(79); 0,57(91)
1710	Фальшивая монета, копирующая московскую денгу Ивана IV			б/б	ГКХ № 3055	1	0,20
1711	Фальшивая литая монета, копирующая московскую копейку Василия Ивановича			б/б	Не издана	1	0,26
1712	Фальшивая монета, копирующая московскую копейку			?	Не издана	1	0,26(обл.)
1713–1714	Сбитые и стертые копейки; не определены					2	0,64; 0,67

(В. – *Волков*, 2018; ГКХ – *Гришин и др.*, 2021; З. – *Зайцев*, 2006; М. – *Мельникова*, 1989)

Рис. I. Монеты клада 2020 г.

1, 2 – Иван III; *3–6* – Василий III; *7–116* – Иван IV. Увеличено в 2 раза

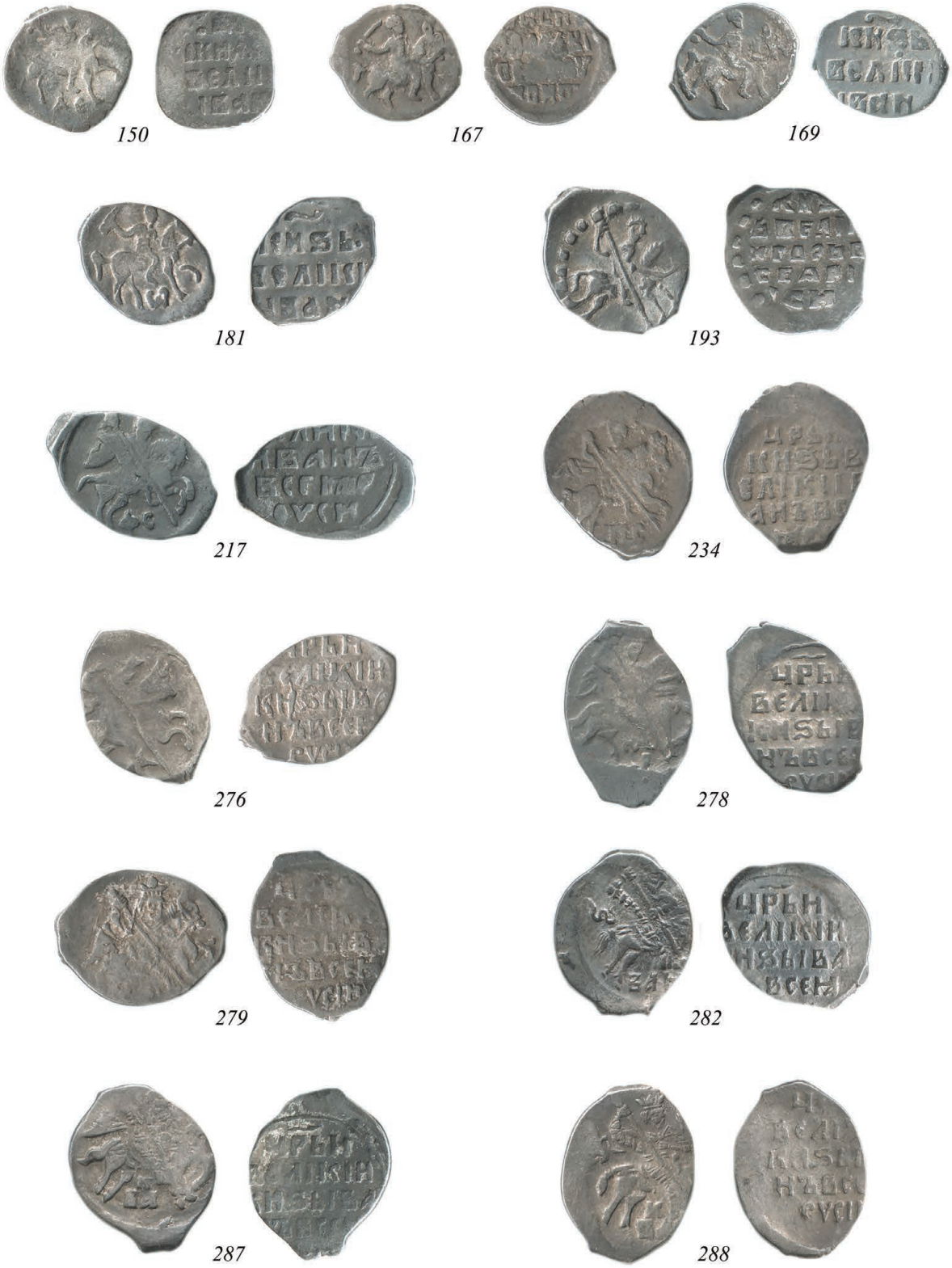


Рис. II. Монеты клада 2020 г.

150–288 – Иван IV. Увеличено в 2 раза

Рис. III. Монеты клада 2020 г.

323–465 – Иван IV; *469–493* – Федор Иванович. Увеличено в 2 раза

Рис. IV. Монеты клада 2020 г.

494–563 – Федор Иванович. Увеличено в 2 раза

Рис. V. Монеты клада 2020 г.

576–637 – Федор Иванович; *639–707* – Борис Федорович. Увеличено в 2 раза

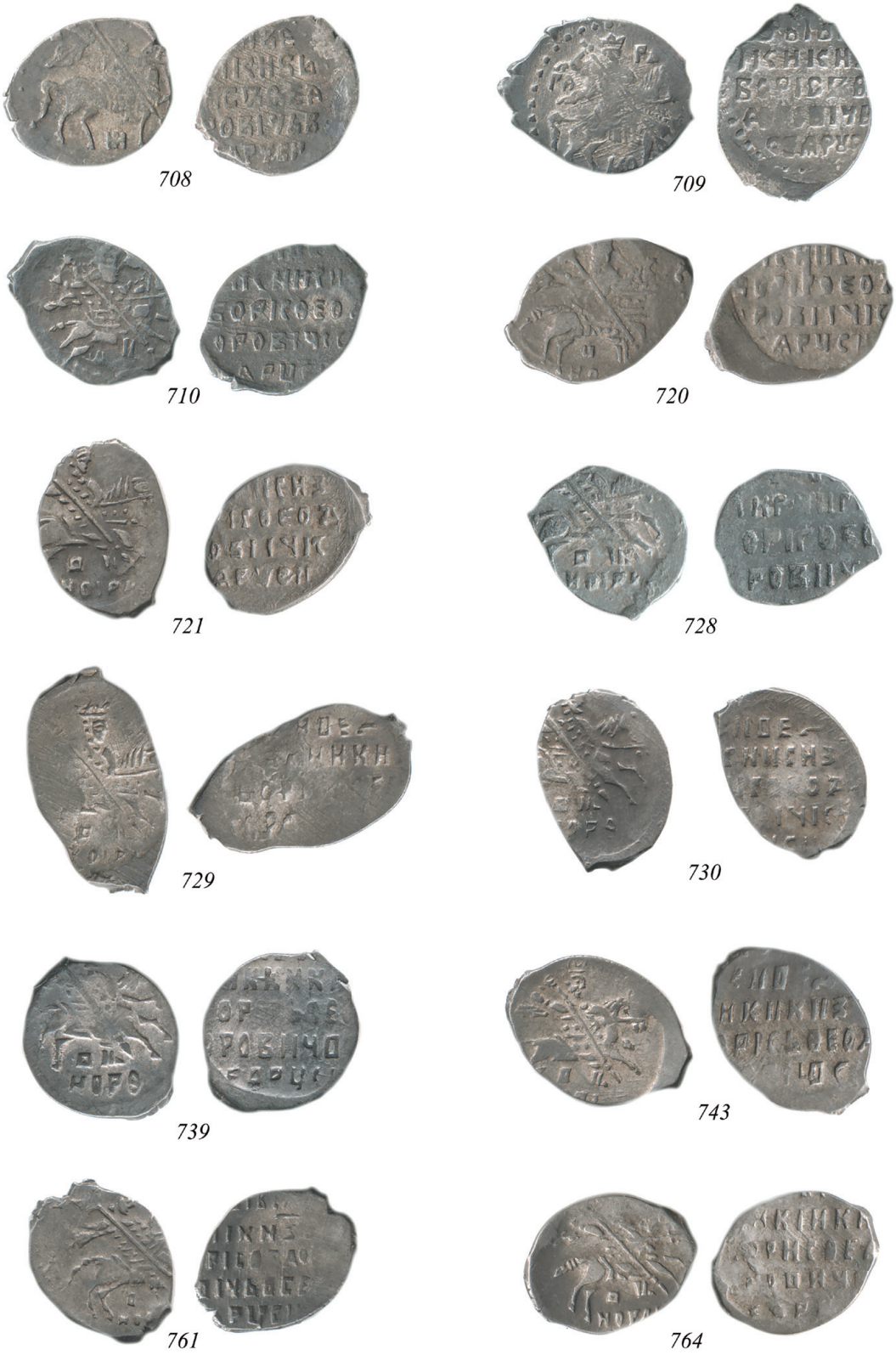


Рис. VI. Монеты клада 2020 г.

708–764 – Борис Федорович. Увеличено в 2 раза

768

779

789

790

804

809

814

863

866

868

871

873

Рис. VII. Монеты клада 2020 г.

768–873 – Борис Федорович. Увеличено в 2 раза

Рис. VIII. Монеты клада 2020 г.

876, 886 – Борис Федорович; *911–974* – Дмитрий Иванович; *1006* – Дмитрий Иванович или Василий Иванович; *1007* – Василий Иванович. Увеличено в 2 раза

Рис. IX. Монеты клада 2020 г.

1028–1236 – Василий Иванович. Увеличено в 2 раза

Рис. X. Монеты клада 2020 г.

1237–1251 – Владислав Сигизмундович; *1252* – шведская оккупация Новгорода; *1710–1712* – фальшивые монеты. Увеличено в 2 раза

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

Будников А. В., Волков И. В., 2013. Об изменениях пробы русских серебряных копеек в XVII в. // XVII Всерос. нумизм. конф. М.: ГИМ. С. 136–139.

Бушлякова В. А., Волков И. В., 2010. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1. Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного объединенного музея. М.; Тверь: Нумизматическая литература. 80 с.

Волков И. В., 2018. Тверские серебряные монеты Ивана III со строчными надписями на обеих сторонах // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2017 года. М.: САБ. (Тр. САБ. Т. II). С. 168–191.

Волков И. В., Гайдуков П. Г., 2019. Нумизматический памятник «Смутного времени» из фондов Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Вып. 18 (28). Великий Новгород: б./изд. С. 34–45.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Степанов М. А., Бадалов А. М., Усольцев П. В., Сарафанова Н. А., 2022. Археологические исследования на Софийской набережной в 2020 г. // ННЗ. Великий Новгород: НМЗ. С. 57–69.

Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. М.: Леопарт. 880 с.

Зайцев В. В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-Монета. 208 с.

Калинин В. А., 1979. Русская кладовая керамика в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л.: Аврора, 1979. С. 95–103.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика. 320 с.

Мельникова А. С., 2003. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона-Монета. 196 с.

Пахомов Н. П., 2020. Монетные клады Новгородской области. М.: ИА РАН. 124 с.

Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1979. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л.: Аврора. С. 48–94.

I. V. Volkov, P. G. Gaidukov, O. M. Olejnikov

A Coin Hoard from the Period of the Swedish Occupation from Excavations in Veliky Novgorod in 2020

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation of a coin hoard discovered in the winter of 2020 near the “Intourist” hotel during archaeological research in the northern part of the Nerevsky konets of Veliky Novgorod.

This treasure-trove consists of 1714 Russian silver “Denga” and “Kopeika” pieces. They were minted in the period from the end of the 15th to the beginning of the 17th c. The complex was stored in a ceramic flask. The typology and metrology of coins are considered in detail; the results of studying their alloy by RFA are also given.

The published hoard is a very rare find. By the authors opinion it can be traced back to 1612–1613.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.39-59

Н. В. Жилина
Институт археологии РАН, Москва

Ритуальный рог с растительным орнаментом из Черной Могилы. Роль вещи и традиции декора

Обычно нет сомнений, что включить в женскую средневековую субкультуру: главное место в ней займут украшения убора. У мужчин также есть украшения, но не так много: серьги или серьга, браслеты, гривны и другие ожерелья. Более ярко мужской образ выделяют статусные и воинские атрибуты, их демонстрируют погребения знатных мужчин и клады.

Обращает на себя внимание, что почти любой украшающий мужчину атрибут имеет и какое-то другое значение: поясной набор и подвесная сумка демонстрируют статус воина, гривна может быть инсигнией, тяжелые браслеты-кастеты становятся и оружием ближнего боя. Мужчину сопровождает и сосуд для питья, как пиршественного, так и ритуального.

Рог животного дал древнейшую форму сосуда для питья – ритона. Для практической функции природная форма содержала неудобство – сосуд из рога из-за остроконечного завершения нельзя поставить. Но форма рога содержала и важные для сакральной стороны качества. Во-первых, зримая связь с животным миром, рог – оружие зверя и символ его силы, которая переходит к человеку, взявшему власть над зверем. Во-вторых, напиток обязательно должен быть выпит до дна. Это происходит либо во время общинной трапезы в процессе передачи от одного участника к другому (кстати, тогда рог можно и рассмотреть), либо в процессе обряда, связанного с мужским поединком. В целом форма рога отражает обращение к силам природы и животного мира.

В Восточной Европе в первые века н. э. известны питьевые рога (из рога животных и дерева), оформленные выемчатыми эмалями, с ними было знакомо население позднезарубинецкого горизонта и киевской культуры. В Брянском кладе рога III в. н. э. снабжены оковками, цепями, оправами окончаний (Брянский клад... 2018. Рис. 91. Табл. XXXIX, XLI).

Рога показаны на идолах с территории формирования славянских этносов, в частности – черняховской культуры (рис. 1).

Турьи рога – атрибут славянских языческих богов, позднее – принадлежность свадебного обряда («турицы»). Рог показан на Збручском идоле в руках женской богини (рис. 2). Острые концы могли оформляться зооморфно, в виде птичьих голов (*Рыбаков*, 1971. С. 10). Подчеркивается связь древнерусских рогов с ритуалом заклания жертвенных животных (*Петрухин*, 1975. С. 90–92).

На пирах скандинавов звучали клятвы-обеты, при которых пили из рога (*Чернецов*, 1988. С. 150). Рога принадлежали и скандинавским богам (*Щеглова*, 1997. С. 250), они найдены в шведских погребениях (*Arbman*, 1940. Taf. 196). В кочевнических древностях питьевые рога с оковками неизвестны (*Щеглова*, 2017. С. 617–619).

Резные рога из слоновой кости, изготавливаемые в Византии – олифанты – имели значение в западноевропейской средневековой культуре как сигнальные, питьевые и церемониальные. Они могли быть наделены именем, их чудодейственная сила была способна спасти жизнь, когда исчерпывалась сила оружия. О. А. Щеглова рассматривает турьи рога из Черной Могилы как промежуточное звено между олифантами и более просто оформленными рогами из варварских дружинных могильников

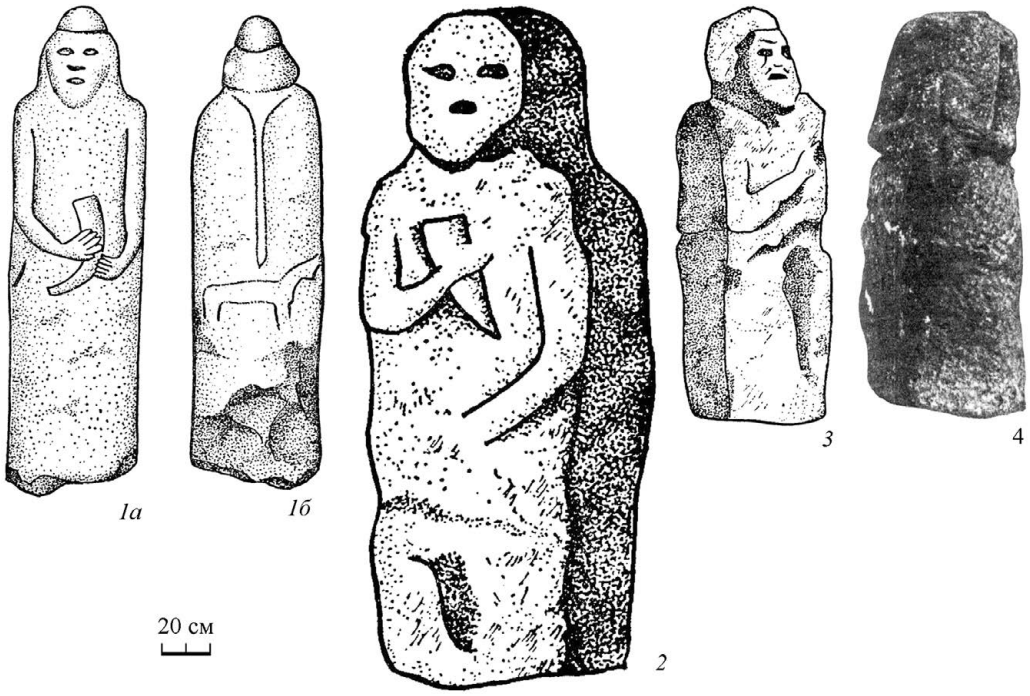


Рис. 1. Каменные идолы с территории Черняховской культуры

1 – Ставчаны Хмельницкой обл.; *2* – Калюс Хмельницкой обл.; *3* – Иванковцы (*Винокур*, 1972. Рис. 34, *1, 3, 6)*; *4* – Поверче (Польша), масштаб условный (*Гейштор*, 2014. Ил. 1)

и кладов X – начала XI в. – с оковками, украшенными пуансонным геометрическим орнаментом (*Щеглова*, 1997. С. 249–251; *Жилина,* 2021а. Рис. 3, *11*).

На наш взгляд, использование ритонов в обрядах – типичное явление, свойственное разным народам, следовательно, в каждой земле у них своя история. Западноевропейские олифанты правильнее рассматривать как параллель, а не прототипичное звено для древнерусских рогов. Искать конкретные прототипы для турьих рогов из Черной Могилы, в сущности, совершенно не обязательно. А главное, те аналогии, которые отмечаются по иноземным вещам, необходимо разделять: аналогии по мифологическому сюжету или аналогии по орнаменту. Следует допустить и вариант местного развития.

На древнерусских черневых браслетах XII в. есть изображения рогов и чаш для ритуального питья (рис. 3). Наиболее сходен по форме с турьими рогами – рог на браслете из Згарского Хмельницкой обл. (рис. 4, *1а*). Видимо, в интерьере святилища рог показан в процессе передачи для питья от одного мужчины к другому, от старшего с оружием – более молодому, прическа которого в виде асимметричной косы, свидетельствует о молодости и знатности[1]. Этот сюжет можно связать с передачей власти или полномочий от старшего властителя новому в процессе обряда (рис. 4, *1б*).

На тверском браслете рога показаны дважды в виде подтреугольных фигур в руках женщин (рис. 3, *3а*; 4, *2а*) В одном случае женщина, сидя, пьет из рога (рис. 4, *2в*). В другом случае происходит совместная пляска женщины с животным (рис. 3, *3б*; 4, *2б*). На браслете из ГИМ чаша на стояке (?) показана в сюжете с животным. Вероятно, в последних случаях отражено «вертимое плясание» в процессе разных обрядов.

На браслете из Старой Рязани и ГИМ в обрядах участвует чаша на поддоне, возможно, по форме связанная с рогом (рис. 3, *1, 2*). Здесь в одном случае показан обряд русалий с участием женщины, присутствует и звериная маска (рис. 4, *3б*). В другом случае из та-

[1] Такая прическа сопутствует одному из двух бегущих персонажей антропоморфной сцены большого турьего рога из Черной Могилы. Коса сопутствует молодым знатным соперникам старших властителей (*Петрухин*, 2017. С. 343–349).

кой же чаши пьет мужчина с жезлом (?) в руке (рис. 4, *3в*).

На устьях рогов и краях чаш мелкими деталями подчеркнуты места, где могли размещаться оковки (рис. 3, *3б*; 4, *1б, 2б, 2в; 3а–3в*).

Турьи рога в погребении были приложены к кольчугам, сохранившимся в виде массы металла (*Самоквасов*, 1916. С. 7, 8. Рис. 5). Размеры большого рога: длина 44 см, диаметр устья 12,5 см; малого длина 42 см, диаметр устья 10,5 см (*Мурашева, Каинов*, 2021. № 57. С. 182). Ширина полосы круговой оковки 12 см (*Рыбаков*, 1987. С. 231)[2]. Более просто украшенные рога с пуансонным орнаментом из других погребений с территории Древней Руси имели оковку шириной от 2 до 4 см, а диаметр – около 6 см[3] (*Бліфельд*, 1977. С. 128–131, 176. Рис. 43. Табл. XXXII, *8*; *Андрощук, Зоценко*, 2012. № 34, 128, 205, 254) (рис. 5).

Изучение растительного орнамента. Растительный орнамент, полностью покрывающий оковку малого турьего рога из Черной Могилы, связывается с растительным пышным декоративным стилем, можно сказать, стилем эпохи X в. (рис. 6, *1*). Поскольку своих блестящих образцов он достигает в средневековой Венгрии, часто его характеризуют как венгерский. Другим распространенным представлением является убежденность в истоке подобной орнаментации на Востоке, в частности, в Иране и Согде (*Arne*, 1914. P. 117–158; *Dienes*, 1972. Old. 63; *Чернецов*, 1988. С. 144–151; *Fodor*, 1996. P. 33, 34; *Петрухин*, 1995. С. 201–218; 2014. С. 340–353. Рис. 49; *Корзухина*, 2017. С. 625–632). Предметы, украшенные орнаментами пышного растительного стиля – ременная и сбруйная гарнитура, подвесные поясные сумки, сосуды – чрезвычайно украсили мужскую воинскую экипировку.

Н. П. Кондаков и И. И. Толстой сблизили растительный орнамент малого рога с византийским лилиевидным (кринообразным) орнаментом, аналогии видятся «на одной из мечетей Каира» и в белокаменном декоре северного входа Георгиевского собора в Юрьеве Польском XIII в. Иногда растительные элементы сближаются с акантовыми и плющевыми (*Кондаков*, 1896. С. 14–17; *Толстой, Кондаков*, 1897. С. 14–17).

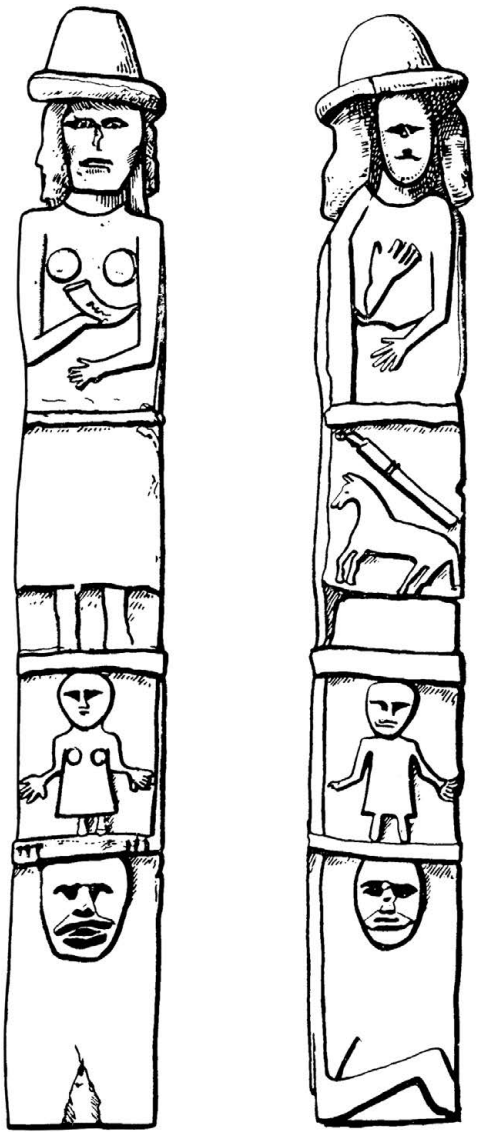


Рис. 2. Збручский идол (*Рыбаков*, 1981. С. 461)

На византийское происхождение ряда произведений пышного растительного стиля указывает А. Ригль, и отчасти с этой гипотезой соглашается Т. Арне, тем не менее, настаивающий на восточном происхождении данной орнаментики (*Arne*, 1914. P. 142–144, 146, 147. Fig. 217–220, 227).

Б. А. Рыбаков, уделив большое внимание символике растительных мотивов большого турьего рога из Черной Могилы,

[2] Б. А. Рыбаков указывает длину большого рога как 67 см (*Рыбаков*, 1987. С. 230). Видимо измерена оказалась дугообразная кривая рога. Рога ни разу не были опубликованы с масштабом.

[3] При публикации относительно размеров некоторых рогов, видимо, допущены ошибки: указано, что диаметр их составлял 30 см (*Бліфельд*, 1977. С. 129; *Андрощук, Зоценко*, 2012. № 128, 205).

Рис. 3. Древнерусские черневые браслеты

1 – Старая Рязань, клад 1966 г. № 1; *2* – ГИМ; *3* – Тверь, клад 1906 г. (*Рыбаков*, 1971. Ил. 157, 159, 145, 146)

практически не охарактеризовал орнамент малого рога (*Рыбаков*, 1987. С. 329–349).

В. М. Василенко на обоих ритонах увидел византийские крины с символикой плодородия и древа жизни, двигающиеся к декоративности (*Василенко*, 1977. С. 144–157).

Согласно рассмотрению Р. С. Орлова, и большой и малый рог относятся к пышной стадии декоративного растительного орнамента[4]. На стадии школы Б, сложившейся к 60-м – 70-м годам X в., стилистика меняется. Произведения сохраняют архаичные признаки: прочерченные линии с кружками внутри растительных элементов и штриховку стебля. В целом характерно уменьшение лепестков в размере, ленточное плетение, развитие штриховки лепестков по всей площади. По мнению исследователя, на этой стадии ощутимо влияние исламского арабеска, но сохранена и стилистическая близость к византийскому искусству. Исследователь подчеркнул преемственность развития стиля по древнерусским произведениям, по его мнению, растительный декор школы А идет в сторону стадии орнамента оковок рогов из Черной Могилы (*Орлов*, 1984. С. 49, 50. Рис. 5). По всей видимости, понимается, что декор рогов завершает развитие школы А. Оковки обоих рогов оказались отнесены к одному орнаментальному этапу и даже обозначены одним номером в таблице (*Орлов*, 1984. Рис. 5, *б*). Следует уточнить, что растительная орнаментация обо-

[4] Уже приходилось отмечать, что отнесение орнамента рогов к выделяемым школам выглядит у исследователя непоследовательно. В таблице примеры обоих рогов размещены в рамках зоны, отведенной для школы Б, отделенной от зоны школы А вертикальной линией, но, тем не менее, на уровне школы А (*Орлов*, 1984. Рис. 9). Вместе с тем, в тексте отмечается, что оковки рогов относятся к школе А (*Орлов*, 1984. С. 49). Трудно оказывается понять расстановку памятников исследователем и при этом не исказить его позицию.

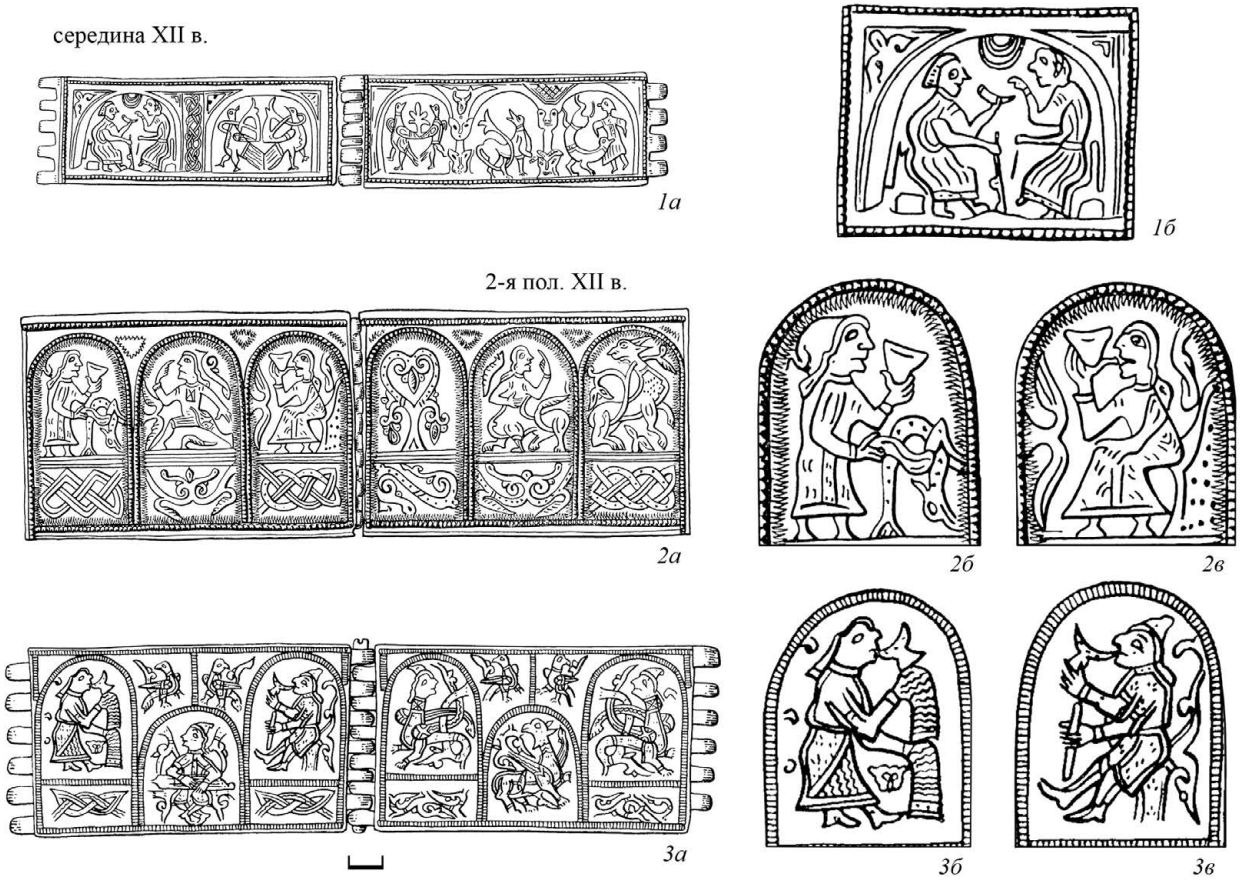


Рис. 4. Изображение ритуальных сосудов на древнерусских черневых браслетах из кладов
1 – Згарское Хмельницкой обл., 1970 г.; *2* – Тверь, 1906 г.; *3* – Старая Рязань, 1966 г., № 1 (*Жилина*, 2014. № 205/12; 170/4; 183/2б). *1б, 2б, в*; *3б, в* – фр-ты с увеличением без масштаба

Рис. 5. Турий рог из Черной Могилы (малый) (*Рыбаков*, 1971. Ил. 1)

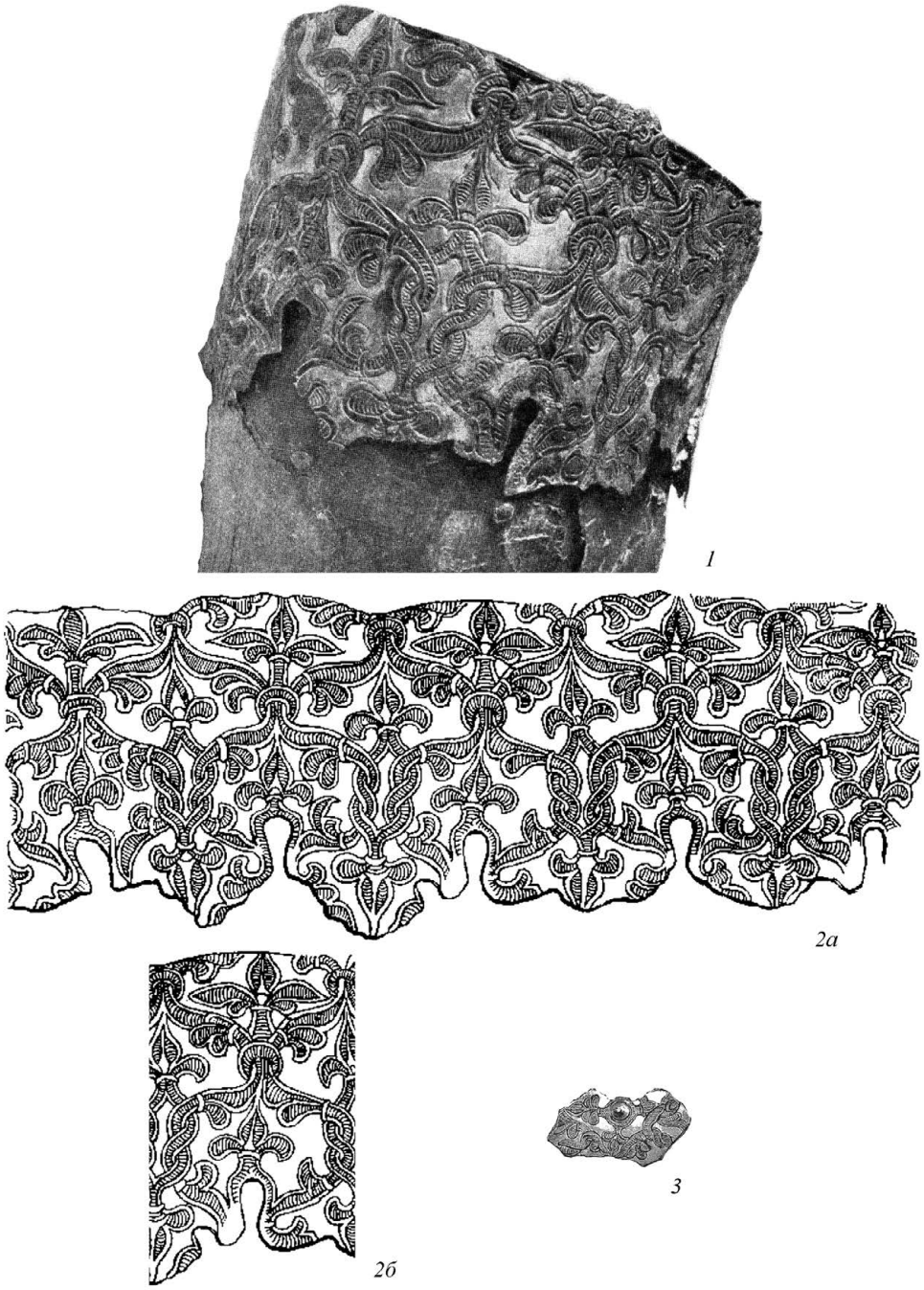


Рис. 6. Орнаментация малого турьего рога из Черной Могилы

1 – оковка по краю, общий вид; *2а* – оковка по краю, орнаментальная развертка; *2б* – оковка по краю, раппорт; *3* – ромбическая оковка (*Рыбаков*, 1948. Рис. 70; *Самоквасов*, 1916. Рис. 13, 14)

их рогов различна стилистически, большой рог сохраняет штриховку по краю и не имеет длинных изгибающихся листьев. Листья (лепестки) растительных мотивов малого рога остаются очень длинными, к ним нельзя отнести характеристику уменьшения, которая характеризует школу Б (рис. 5).

Различия растительного орнамента русских и венгерских произведений выглядят пока не вполне определенно. О. А. Щеглова отметила, что орнаментальные композиции и растительные мотивы произведений из Древней Руси проще мотивов на произведениях венгерского искусства, а витой орнамент, наоборот, сложней, характеризуется двойным перехватом (*Щеглова*, 2017. С. 617–619). На наш взгляд, по этим признакам наблюдается сходство, простые и слож-

ные композиции и мотивы есть и там, и там. Итоговые композиции и мотивы на древнерусских примерах не проще венгерских, оказался сформирован вариант плотной орнаментальной сетки со сложными мотивами. Двойной перехват витья есть и на венгерском произведении – накладной пластине на поясную сумку из Галгоц (*Galgóc*[5]) (см.: The ancient Hungarians... 1996. P. 380; *Dienes*, 1972. Pl. 2). Штриховка мотивов и там, и там встречается различная. Разница по указанным признакам скорее соответствует не региональности, а стадии развития орнамента (*Жилина*, 2021а. С. 100).

Если при анализе большого рога не отдано должное его декоративности, и перевес в изучении явно направлен на изучение семантики сюжета, то при анализе малого, как правило, отмечается декоративность его оформления. Тем не менее, детальной композиционной и стилистической характеристики художественного произведения так же, как и для большого рога, не проделано.

Сходство с венгерской и другой орнаментикой констатируется многими как само собой разумеющееся. Приведение аналогий, как правило, не сопровождается анализом их происхождения или их объяснением, но воспринимается достаточным для выводов о родственности происхождения. Аргументация сводится к перечислению признаков, что не позволяет сравнивать действительные различия или сходства орнамента как целого. Сходства рассматриваются вне стилистических или композиционных характеристик орнамента.

При анализе аналогий следует сравнивать композиции, формы мотивов и элементов совместно. Близкое совпадение по этим всем важным составляющим позволит поставить вопрос об общности происхождения или о влиянии. Сходство только по композиции или только по плотности композиции, а также только по формам отдельных мотивов и элементов позволяет рассматривать его как допустимое в рамках стиля. Охватывающий большое пространство стиль подчинялся сходным нормам, закономерно рождал сходные композиции и элементы. Заимствование каких-либо отдельных мотивов в рамках стиля эпохи, во-первых, практически невозможно установить, поскольку они распространены во многих регионах. Во-вторых, такое сходство не позволяет отказываться от представлений о самостоятельности сложения того или иного варианта растительного стиля в регионе.

В данной работе ставится задача описания и анализа (стилистического и сравнительного) художественного оформления малого рога.

Растительный орнамент относится к растительному декоративному стилю и характеризуется пышными «набухшими» почкообразными, округлыми и сердцевидными элементами: листьями, бутонами; составленными из них мотивами: полутрилистниками, трилистниками, пятилистниками, многолистниками. Мне уже доводилось отмечать, что истоки стиля связаны с развитием завитковой и линейной орнаментации и взаимодействием ее с контуром изделия, что было представлено в разных регионах распространения стиля (*Жилина*, 2021а. С. 105, 112). Здесь следует отметить сложный взгляд Т. Арне: считая, что геометризация растительных мотивов является их деградацией, он в то же время сомневается в этом и допускает обратный путь развития – прогрессивное развитие геометрических орнаментов (*Arne*, 1914. P. 130, 151, 157. Fig. 158, 252), то есть, вероятно, в сторону растительных. Пути развития растительного орнамента в различных регионах были своеобразны, уточнения возможны с помощью конкретных датировок.

Стилистическое описание и анализ орнамента малого рога.

Отработанная композиция оковки на устье малого рога относится к виду косой равномерной сетки. Она построена из трилистных и пятилистных мотивов, связанных тонкими длинными стеблями. Как важные элементы выделяются удлиненные листья с заостренными концами и штриховкой по всей площади. Они вырастают на перевивающихся стеблях и переходят в стебли.

Нижние парные боковые листья растительных мотивов оковки устья утолщены и завершаются, как правило, округло.

[5] Территория современной Словакии.

Центральные листья мотивов и верхние парные листья пятилистников сильно удлинены и завершаются заостренно (рис. 6, *1, 2а*)[6]. Такая разница очертаний создает пышность орнамента.

Половины пятилистных мотивов, расположенные ниже по стеблю, воспринимаются как многолистные растения, стебли сложно переплетаются в виде мотива «Гераклова узла». У основания лиственных мотивов имеются перехваты в виде тонкой ленты, такой же условной лентой или контуром обведены все детали композиции (рис. 6, *1, 2а*).

Можно выделить условный раппорт (рис. 6, *2б*): верхняя и нижняя части разграничены дугообразным перехватом; центральная линия проходит по вертикальной оси симметрии трилистника в нижней части, пятилистника – в верхней. Трилистник стоит на арке, по сторонам от него – симметричные ленты-стебли, дважды перевивающиеся с аналогичными стеблями соседних раппортов, заканчивающиеся вверху и внизу полутрилистниками, обращенными листьями к центру. Пятилистник стоит на дугообразном перехвате, по сторонам от него – симметричные по вертикали ветви из сливающихся полутрилистников, листья которых обращены вниз.

Композиция не образует пустот, этому способствует направленность листьев мотивов: зона между верхней и нижней частью заполнена обращенными вниз листьями полутрилистников, выходящими вовне обрамления пятилистника. Этим нарушается симметрия по горизонтали, но устанавливается общее равномерное заполнение. К сожалению, вследствие утрат точно неизвестны верхний и нижний край композиции.

На ромбической оковке использована композиция розетки, пышные трилистники и пятилистники связаны длинными изгибающимися стеблями со сложным двойным перевиванием (рис. 6, *3*).

Орнаментальная связанность стеблей и листьев подчеркивается широкой или сплошной штриховкой, общим тонким незаштризованным контуром в виде ленты (рис. 6, *2а*).

Орнаментальные композиции малого рога являются чисто декоративными, правильно построенными. Они не содержат элементов смысловой композиции Древа Жизни.

Анализ аналогий. Вариант орнамента малого рога в еще более значительной степени, чем вариант большого рога, различен с *византийским* растительным кринообразным орнаментом. Кринообразный орнамент ведет свою историю с ранневизантийского периода. Для него характерны однотипность лиственных мотивов; разработка трилистника: разделение и умножение; способность уложиться в любую форму орнаментальной зоны, составить любую композицию (рис. 7, *4, 6, 7*). Центральный лист имеет удлиненные очертания и прямо устремлен вверх, что соответствует развитию символики власти (рис. 7, *1, 2*). Лиственные элементы, обрисованные упругими кривыми, приближаются к циркульным фигурам и завитковым элементам и изначально не отличаются чрезмерной изгибистостью и пышностью (рис. 7, *1, 3, 5, 7*) (*Жилина*, 2021б).

Все эти характеристики не свойственны пышному растительному орнаменту малого рога, где наблюдаются изгибание, переплетение и перевивание стеблей, удлинение и заострение одних листьев и утолщение других (рис. 6, *1, 2а*).

Анализируя византийские аналогии, следует отметить, что в византийском орнаменте, а также – в развивающемся на его основе древнерусском, наблюдаются периоды перехода к пышной орнаментике. Так, византийское искусство в X в. отвечает на пышный стиль эпохи, развивая мотив цветка в цветочном орнаменте. Но к XI в. строгость орнаментации возвращается (*Жилина*, 2021в. С. 99, 102, 110). Это, на наш взгляд, вызывает изменения растительного орнамента от пышности к строгости, что влияет на орнаментацию произведений других регионов. На произведениях из Древней Руси это отражается на этапе днепровской школы Б по Р. С. Орлову, произведения которой переходят в первую половину XI в. (*Орлов*, 1984. Рис. 9, *6–9*). Из европейских произведений

[6] Следует отметить, что на рисунке орнамента оковки устья, опубликованной в работе Д. Я. Самоквасова, нижние листья трилистников передаются то скругленно, то заостренно. По фотографии можно заметить сходную разницу (*Самоквасов*, 1916. Рис. 14).

Рис. 7. Кринообразные орнаменты X–XI вв.

1 – мраморный рельеф, Константинополь (The Glory of Byzantium, 1997. No 3); *2* – фр-т каменной плиты, Аттика, кон. X – 1-я пол. XI в. (Византия сквозь века, 2017. № 56); *3* – часть маски шлема, X в.; Киев, район Десятинной церкви, случайная находка (Меч и златник, 2012. № 247); *4* – костяная пластина, Херсонес (Византийский Херсон, 1991. Ил. 115); *5* – браслет, золото, эмаль, Фессалоники, IX–X вв. (Everyday Life... 2002. № 518); *6* – браслет, золото, чернь, Музей Павла и Александры Каннеллопулос, Афины, XI в. (Everyday Life... 2002. No 519); *7* – меч, Карабчиев, Каменец-Подольский, 1-я пол. XI в. (*Кирпичников*, 1966. Табл. XII); *8* – сабля из Вены (The Ancient Hungarians, 1996. P. 67); *9* – белокаменная резьба, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, северный портал (фото Н. В. Жилиной, 2021 г.)

наиболее ярким примером является сабля «Карла Великого» из Вены, несмотря на то, что в ее орнаментации сохраняются признаки пышной стадии стиля, определенно произошел переход к строгой: кринообразные трилистники сопровождаются более развитым регулярным плетением (рис. 7, *8*).

Древнерусская орнаментика показывает, что ко второй половине XII – первой трети XIII в. усиливается новая волна пышности и утрированности очертаний растительных мотивов (*Жилина*, 2014. С. 162). Этим объясняются формальные аналогии с белокаменной резьбой Георгиевского собора в Юрьеве Польском, произведения совершенно другой эпохи (рис. 7, *9*)[7].

При сравнении растительной орнаментации большого турьего рога с восточной орнаментикой было отмечено, что оно нуждается в конкретизации (*Жилина*, 2021а).

Растительные мотивы большого рога отчасти аналогичны *восточным* по внутренней структуре (рис. 8, *а, ж, д*). Но на образцах из Ирана и Средней Азии более развита криволинейность очертаний и асимметрия при передаче растений в иллюзорной природе или в клеймах (рис. 8, *2–9*). Штриховка, как правило, подчеркивает зоны или детали цветка. Эту задачу выполняет прочерченная линия с тремя точками или кружками внутри лепестков цветка (рис. 8, *8, 9*). Такую деталь, сохраняющуюся на последующих произведениях, считают признаком согдийской орнаментики (*Fodor*, 1996. P. 33). Однако следует отметить, что один этот признак не влияет на возникновение стиля. В растительной

[7] Сабля из Вены датируется от начала X в. (The ancient Hungarians, 1996. P. 71) до рубежа X–XI вв. (*Орлов*, 1984. С. 49, 50. Рис. 9, 7). Исходя из развития орнамента, я склонна согласиться с последним мнением, допуская начало XI в.

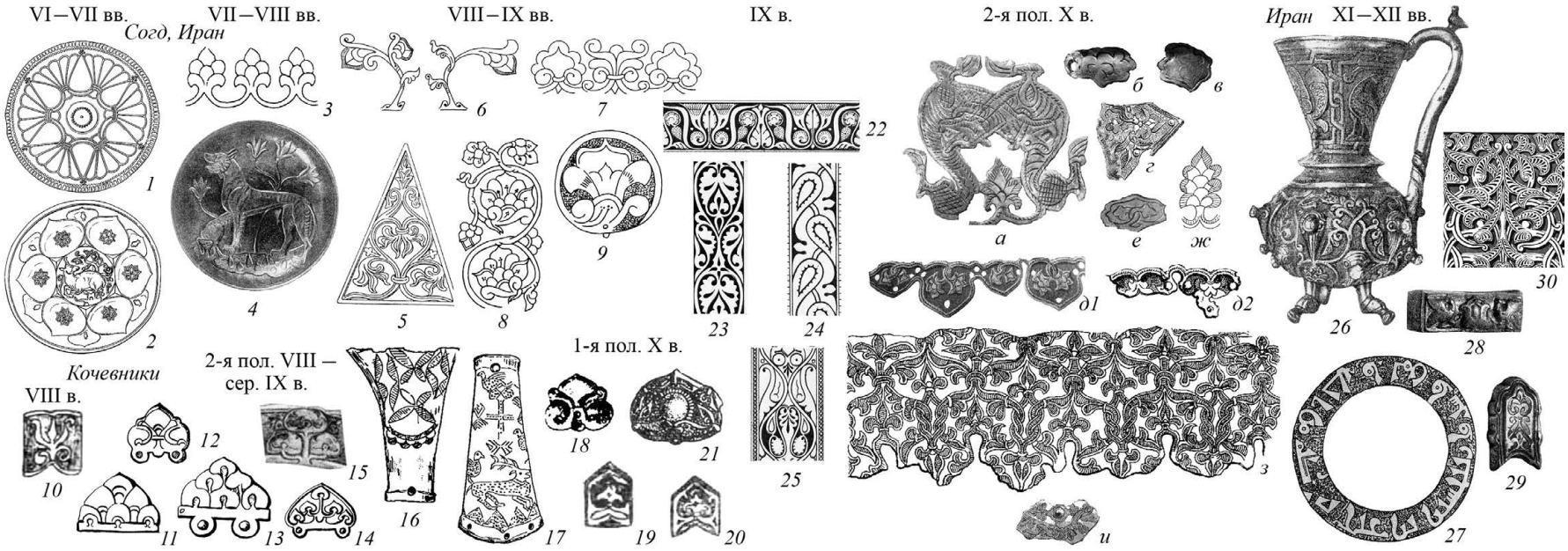


Рис. 8. Восточная орнаментика и мотивы турьего рога из кургана Черная Могила

а–ж – большой рог (*Рыбаков*, 1971. Ил. 3, 4; *Самоквасов*, 1916. Рис. 15, 16; *Рыбаков*, 1949. Рис. 20); *з, и* – малый рог (*Самоквасов*, 1916. Рис. 13, 14); восточная торевтика: *1, 2* – Согд, чаши, VI в, VII в. (*Маршак*, 1971. Табл. 3, 10); *3, 5* – согдийская орнаментика VII–VIII вв. (*Даркевич*, 2010. Рис. 10); *4* – Иран, блюдо (*Даркевич*, 2010. Табл. 6, *3*); *VIII–IX вв.*: *6, 7* – восточноиранская орнаментика (*Даркевич*, 2010. Рис. 6, *1, 3*); *8, 9* – среднеазиатская орнаментика (*Даркевич*, 2010. Рис. 12, *4, 13*); *10* – Вознесенский клад, VIII в. (*Мурашева*, 2000. Рис. 446, *4*); *салтово-маяцкая культура – 11–14* – ременная гарнитура, металл, VIII – нач. IX в.; *15* – блюдо или ковш, серебро, Хазарский каганат, Коцкий городок, 2-я пол. VIII–IX в. (*Даркевич*, 2010. С. 167. Рис. 54, *9*); *16, 17* – горла бурдюков, кость, сер. IX в. (Степи... 1981; Рис. 37, *11–14*; Плетнева, 1967. Рис. 42, *11, 12*); *ременная гарнитура, металл*: *18* – хазарская традиция (*Мурашева*, 2000. Рис. 52, *XVIII 1А*); *19–21* – венгерская/позднехазарская школа (*Мурашева*, 2000. Рис. 51, *XVII 2А*; 42, *X–1ВГ*; 75, *05*); *произведения восточной торевтики (исламский период): 22–25* – орнаментация мечети Тулуна, Каир (*Jones*, 1910. Pl. 31, *22, 23, 30, 32*); *26, 27* – кувшин, Иран, X – нач. XI в. (*Даркевич*, 2010. Табл. 27, *1, 5*); *28, 29* – детали поясного набора, Киевский у., клад с. Мышеловка, XI–XII вв. (*Даркевич*, 2010. Табл. 40, *9*; 41, *14*; *Жилина*, 2014. № 136); *30* – мечеть султана Калауна, Каир, кон. XIII в. (*Jones*, 1910. Pl. 32, *21*)

орнаментации обоих рогов штриховка носит декоративный и более регулярный характер, растительные мотивы связаны либо между собой, либо с изображениями животных (рис. 8, *а–и*).

На стадии развития растительной орнаментации малого рога стилистическая разница с восточным орнаментальным искусством, на наш взгляд, еще более усиливается. Элементы многолистников удлиняются, используется сложное переплетение и перевивание длинными лентообразными стеблями, а главное – строятся четкие непрерывные композиции: розетка на ромбической оковке, равномерная частая регулярная сетка на оковке края (рис. 8, *з, и*).

При сравнении орнаментации с произведениями исламского (саманидского) периода Ирана, когда традиционная орнаментация дополнилась орнаментами гирих и куфи, разница с растительной орнаментацией малого рога выглядит еще более явственно. Анализ приводимой исследователями в качестве аналогии малому рогу орнаментации мечети Тулона в Каире не выявил такого сходства, которое могло бы говорить о происхождении данного орнамента. Аналогичной является только пышность мотивов. Композиции более просты и, как правило, симметричны относительно вертикальной оси, такой элемент, как длинный лист также имеет более простую форму и используется фиксированно, в определенном месте, не связывая собой весь орнамент (рис. 8, *22–25*).

На произведениях X–XII вв. (рис. 8, *26–29*) сохранилось выделение клейм, расположение растительных мотивов внутри витков стебля (*Даркевич*, 2010. С. 114, 115. Табл. 27, 28). Структура и стилистика мотивов становится заметно различна: мотивы на роге более многолистны, листья удлинены и, изгибаясь по всей длине, плавно переходят в лентообразные ровные стебли.

К XIII в. восточный арабеск достигает неимоверной плотности заполнения, развитие идет в ту же сторону, что и развитие орнамента пышного декоративного стиля, но арабеск более разнообразен по составу: орнамент создает иллюзорные уровни, удлиненный лист имеет отличные от венгерского элемента очертания: почти всегда заострен, очерчивающие его дуги более упруги, растительные мотивы сочетаются с абстрактными ленточными и завершаются завитками (рис. 8, *30*).

Для уточнения сходств и различий растительного орнамента Руси и Востока применен *метод геометрической морфометрии* (*Жилина*, 2021г)[8].

Для сравнения составлены две примерно равные по количеству примеров серии: первая – из древней Руси X в. (7 образцов), вторая – из восточного мира – Ирана и Согда – VI–IX вв. (6 образцов), всего – 13 образцов. Небольшой объем выборки объясняется тем, что метод впервые использован для анализа растительного орнамента, и это носило характер пробы. Усредненные координаты всех образцов оказались отражены в прямоугольной системе координат. Их дальность или близость соответствует различию или сходству контура орнаментальных мотивов. При гуманитарной трактовке результатов это пространство представлено как историческое, разными линиями соединены русские и восточные примеры (рис. 9). При этом сравнение сходства или различия контуров мотивов соединяется с наблюдением их развития.

Расположение показало особенности стилистического развития каждой линии. В восточной линии все варианты мотивов, кроме начального (рис. 8, *1*; 9, *Восток 1*), характеризуются усиливающейся криволинейностью (рис. 9, *Восток 2–4*), на последних вариантах создается более изгибистый фигурный контур лепестков (рис. 9, *Восток, 5, 6*).

В древнерусской линии геометризованно-линейная стилистика представлена несколькими различными вариантами (рис. 9, *Русь, 1, 2, 4*). С восточными мотивами по уровню перехода к естественно-криволинейной стадии сближается мотив основной

[8] Метод геометрической морфометрии состоит в выявлении сходств или различий между объектами по форме независимо от размера на основании анализа координат полуметок (точек), расставляемых на поверхности объекта (*Павлинов, Микешина*, 2002. С. 473). Метод дает возможность точного сравнения контуров, очерчивающих объекты. Метод применяется в биологии и антропологии, археологии. Простановка полуметок на выбранных нами объектах, вычисления и их анализ проведены И.Я. Павлиновым. Выражаю Игорю Яковлевичу Павлинову глубокую благодарность и надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

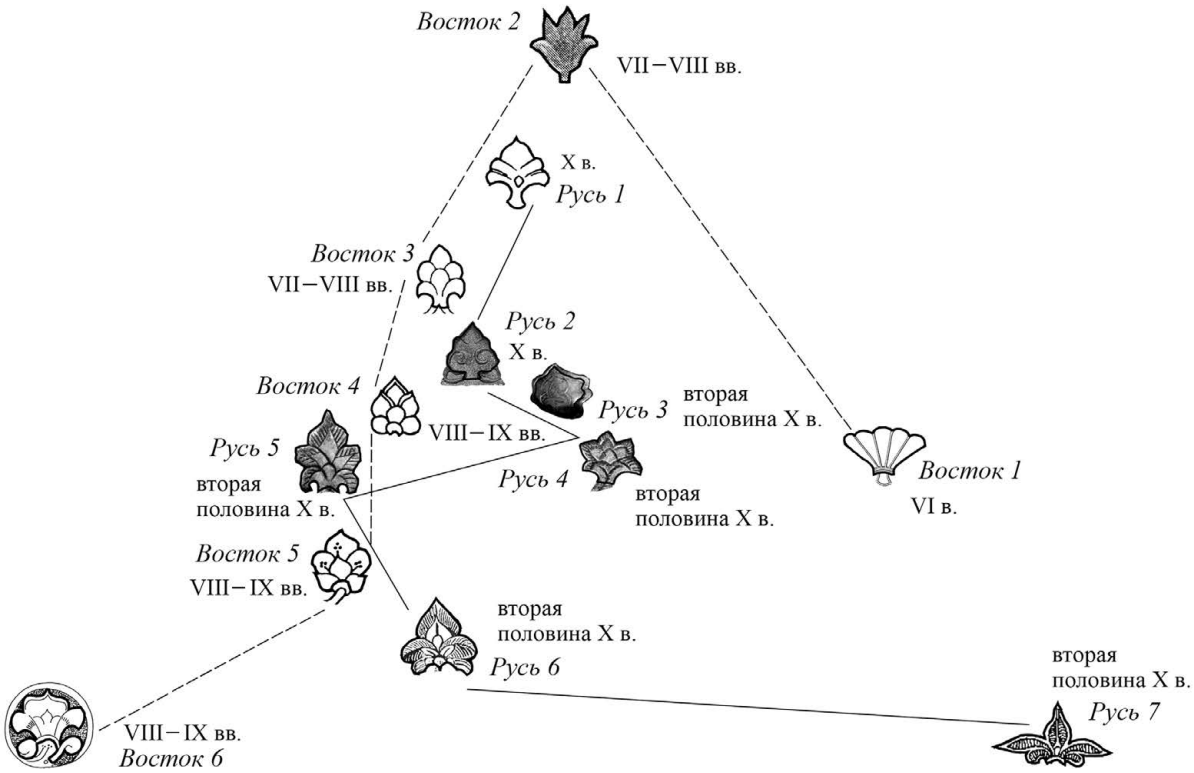


Рис. 9. Схема гуманитарной интерпретации результата сравнения мотивов методом геометрической морфометрии (древнерусские мотивы соединены сплошной линией; восточные – штриховой). Варианты мотива пятилистника

Русь, X в.: *1* – ременная бляшка, Черниговский регион (*Орлов*, 1984. Рис. 6, *6*); *2* – накладка на сумку, Шестовицы (Меч и златник, 2012. № 256); *2-я пол. X в.*, большой рог из кургана Черная Могила, оковка по краю – *3* – верхний бордюр (*Рыбаков*, 1971. Ил. 4); *4* – нижний бордюр (*Рыбаков*, 1949. Рис. 20 – реконстр.); *5* – центральный фриз (*Рыбаков*, 1971. Ил. 3); *6* – ромбическая оковка по центру (*Самоквасов*, 1916. Рис. 15); *7* – малый рог из кургана Черная Могила, оковка по краю (*Самоквасов*, 1916. Рис. 14); *Восток: 1* – Согд, чаша, VI в. (*Маршак*, 1971. Табл. 3); VII–VIII вв.: *2* – Иран, блюдо (*Даркевич*, 2010. Табл. 6, *3*); *3* – Согд, кувшин (*Даркевич*, 2010. Рис. 10); *Средняя Азия, Редикорский клад, VIII–IX вв.*: *4, 5* – ведро; *6* – подвеска (*Даркевич*, 2010. Рис. 12, *4, 13*)

композиции большого рога из кургана Черная Могила (рис. 9, *Русь, 5*). Но начинается и отдаление от восточных вариантов (рис. 9, *Русь, 6*), причем наибольшее показал именно пример из орнаментации малого рога (рис. 9, *Русь, 7*). Условные линии древнерусского и восточного орнаментального развития на схеме разошлись в разные стороны.

На языке стилистического описания и анализа можно сказать, что восточные мотивы более сложны, составляются из листьев сложных фигурных очертаний с внутренними стеблями, заострения усложняют ритм криволинейного контура, деля его на части. Развитие мотивов древнерусской линии состоит в удлинении листьев, становящихся похожими на стебли, но сама кривая линия контура остается ровной. Аналогичную тенденцию показывает и венгерский материал, но для суждения о сходстве и различии древнерусского и венгерского орнамента перспективно провести новое сравнение с использованием метода геометрической морфометрии.

Результаты использования метода геометрической морфометрии для изучения орнамента уточняют визуальные наблюдения и словесные описания, выводы из сравнения становятся более обоснованными[9].

Растительные орнаменты малого рога, более развитые стилистически и компози-

[9] Перспективно применение метода на большем и более разнообразном по происхождению средневековом материале с использованием возможно более точных изображений мотивов.

Рис. 10. Формирование декоративного растительного стиля в Моравии

Микульчицы, ременная гарнитура: *1, 2* – предвеликоморавский горизонт (*Poulik*, 1975. Tab. 19, *3, 1*); *3, 4* – деталь крепления шпор и фр-т бронзового предмета, около 825 г. (*Poulik*, 1975. Obr. 25, *4, 7*); *5, 6* – ременная гарнитура без определенной даты (*Poulik*, 1975. Tab. 1, *2*; 2); период Великой Моравии, IX в.: *7* – наконечник ремня (*Poulik*, 1975. Tab. 49, *1a*); *8, 9* – шаровидные подвески (*Poulik*, 1975. Tab. 7, *внизу*); *10, 11* – орнамент на шаровидных подвесках (*Poulik*, 1975. Tab. 54, *4, 5*)

ционно по сравнению с мотивами большого (рис. 8, *з, и*), еще дальше отходят и от орнаментальных образцов из *хазарского искусства*, отличающихся композиционной простотой и простотой самих мотивов. Примеры из искусства кочевников, строго говоря, не являются аналогиями растительным орнаментам малого рога (рис. 8, *10–21*). Можно отметить, как собственное звено создания растительного стиля, более сложные орнаментальные композиции на костяных горлах бурдюков, где наблюдается попытка дать сеточную композицию из длинных заштрихованных листьев, сохраняющих геометризованный характер (рис. 8, *16, 17*).

Продолжая сравнение путей развития пышного растительного стиля в IX–X вв., можно привести примеры и из декоративного искусства Моравии (рис. 10). Такой стиль оформления получил название блатницко-микульчицкого и характеризуется как своеобразный (*Poulik*, 1975. S. 175–179). Мотивы наиболее ранних образцов составлены из дугообразных элементов и также только подходят к растительному орнаменту (рис. 10, *1–4*). Более сложные варианты складываются в трилистные и полутрилистные мотивы (рис. 10, *5, 6*). В период Великой Моравии важность простейшего дугообразного элемента при построении растительных мотивов сохраняется, преобладают геометрично-организованные композиции с преобладанием прямолинейно-направленных длинных строгих листьев (рис. 10, *7–11*).

Орнамент малого рога ближе всего, конечно, к стилистике венгерского искусства, хотя вариант сеточной композиции все же остается оригинальным. Этим близким сходством растительная орнаментация малого рога отличается от орнаментации большого.

Венгерское искусство пришло к итоговой апогейной стадии развития растительного декоративного стиля. Подчеркивается оригинальность и уникальность данного

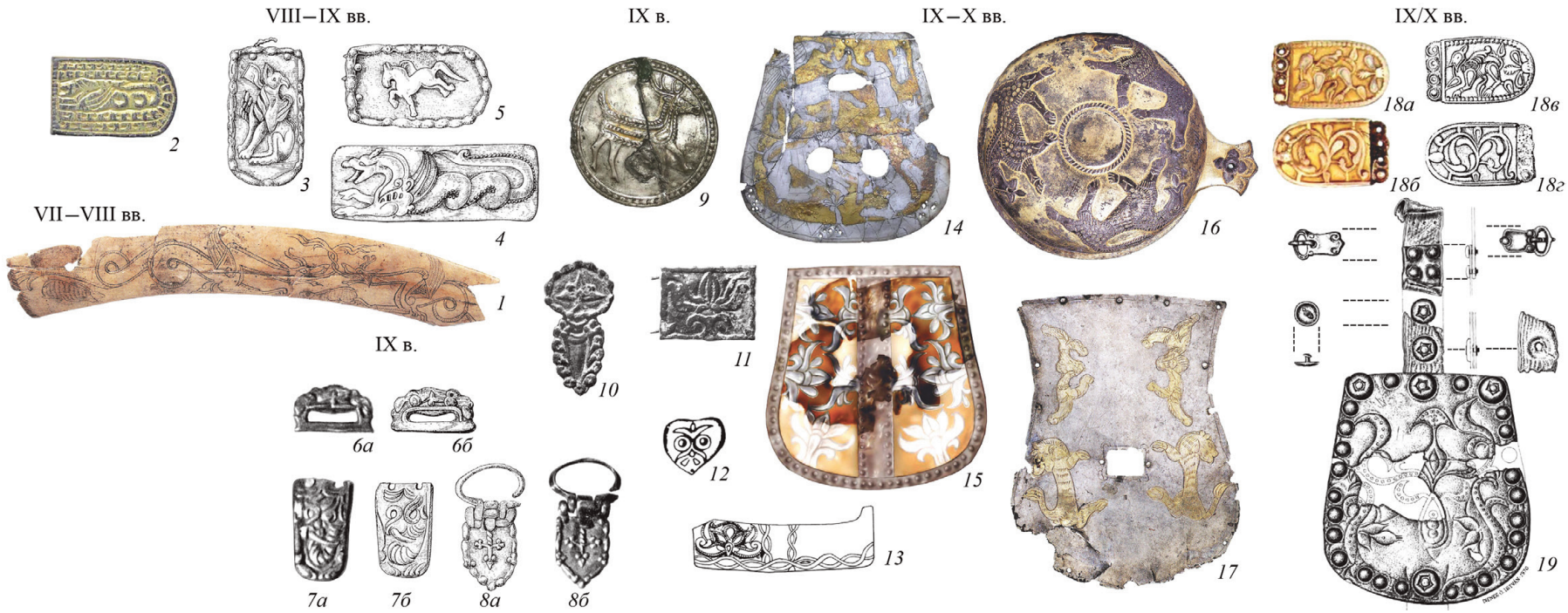


Рис. 11. Формирование зооморфных и растительных мотивов пышного стиля на ранневенгерских произведениях

1 – накладная костяная пластина на щит, Шиловский мог., кон. VII – нач. VIII в., близ Уфы, Предуралье (Путешествие… 2016. С. 242. № 172); *2* – поясная накладка, Синеглазовка, Челябинск, Предуралье, VIII–IX вв. (*Белавин, Данич, Иванов*, 2015. С. 109); поясная гарнитура – *3–5* – Больше-Тиганский мог., кон. VIII – 1-я пол. IX в. (*Седов*, 1987. Табл. CIII, *9, 12, 13*); *6–8* – Воробьево, Воронежская обл., IX в. (*Седов*, 1987. Табл. CIII, *2–4; Комар*, 2014. Рис. 1, *4, 2, 6*); *9* – диск, переделанный в погребальную маску, Баяновский мог., Пермь, IX – нач. XI в. (*Белавин, Данич, Иванов*, 2015 С. 119); *Днепропетровская обл., поясная гарнитура – 10* – Ново-Николаевка; *11* – беспаспортный комплекс из коллекции Ханенко (*Комар*, 2011. Рис. 3, *1, 11*); *12, 13* – бляшка, костяная обкладка колчана, Волосское (*Комар*, 2011. Рис. 4, *6, 7*); *лицевые пластины сумок – 14* – случайная находка, Пермский край; *15* – Баяновский мог., Пермское Предуралье, реконстр. А. Тюрка и А. Штромаера, IX – нач. XI в. (*Белавин, Данич, Иванов*, 2015. С. 123, 124); *16* – ковш (Урал?), кон. IX – 1-я пол. X в.; *17* – лицевая пластина сумки (Путешествие… 2016. С. 346. № 257, 251); *Карпатский бассейн, период обретения родины*, 2-я пол. – рубеж IX/X вв. *18* – поясная накладка, Бенепуста; *19* – набор пластин сумки, Кенезлё (*Dienes*, 1972. Fig. 2; *Фодор*, 2015. С. 78)

Рис. 12. Венгерская орнаментика и мотивы турьего рога из кургана Черная Могила

а–ж – большой рог (*Рыбаков*, 1971. Ил. 3, 4; *Самоквасов*, 1916. Рис. 15, 16; Рыбаков, 1949. Рис. 20); *з, и* – малый рог (*Самоквасов*, 1916. Рис. 13, 14); серебро, Karos-Eperjessög, кон. IX – сер. X в.: *1, 2* – мог. III, погр. 11 (The Ancient Hungarians, 1996. P. 104. Fig. 38); *3* – мог. II, погр. 29 (The Ancient Hungarians, 1996. P. 90. Fig. 14); *4* – мог. I, погр. 1 (The Ancient Hungarians, 1996. P. 86. Fig. 7a); *5, 6* – диски для украшения кос, мог. II, погр. 47 (The Ancient Hungarians... 1996. P. 93. Fig. 18); Tiszaeszlár-Bashalom – *7* – пряжка, *8* – бляшка сумки (мог. I, погр. D, период завоевания – 2-я пол. IX – нач. X в.) (The Ancient Hungarians, 1996. P. 187. Fig. 3, 4); *9* – пластина сумки, медь, Tiszabezdéd, погр. 1 (2-я пол. IX – нач. X в.) (The Ancient Hungarians... 1996. P. 183. Fig. 3); *10* – бляшки-розетки с заклепками, клад 1896/1897 гг., Токайский регион, нач. X в. (The Ancient Hungarians, 1996. P. 202. Fig. 1); *11* – пластина сумки, Eperjeske, погр. 3, нач. X в. (The Ancient Hungarians, 1996. P. 73. Fig. 2); *12, 13* – диски для украшения кос, Rakamaz-Túróczipart, нач. X в. (The Ancient Hungarians... 1996. P. 163. Fig. 1); *14* – Fonyód-Magyar Bálint Primary School, поясная бляшка, 2-я треть X в. (The Ancient Hungarians, 1996. P. 369, 370. Fig. 1); *15* – пластина сумки, Rakamaz-Strázsadomb, погр. A, последняя треть X в. (The Ancient Hungarians, 1996. P. 111, 112. Fig. 1)

варианта пышного стиля, достигающего композиционной сложности уже в Период Завоевания, а также сохранение его оригинальных отличительных черт, несмотря на внешние влияния. Орнаментация некоторых изделий сохранила черты смысловой композиции Древа Жизни, а также других мифических и религиозных представлений. Но эти элементы трансформируются в лиственный орнамент (*Dienes*, 1972. Old. 63–71. Fig. 23; *Fodor*, 1996. P. 32–35)[10]. Интенсивно развивающаяся декоративность, ритмика орнамента поглощают смысл.

Специфика венгерского варианта стиля, главный его отличительный признак состоит в выборе и постоянном повторении элемента – длинного листа (лепестка), очерченного криволинейно (потерявшего геометризм), интенсивно изгибающегося, превращающегося в ленту или стебель.

Попытаемся пронаблюдать сложение венгерского варианта пышного стиля. Для этого выбраны примеры произведений искусства более раннего времени, когда венгры находились на территории Восточной Европы[11].

На самых ранних примерах присутствует главный элемент растительного орнамента – длинный лепесток. Есть примеры геометризованных очертаний, создающие, как правило, более простые трилистники (рис. 11, *6, 10, 12*). Для передачи листьев в геометризованном варианте используется кружок, простой элемент, но содержащий зародыш будущих пышных шаровидных мотивов (рис. 11, *8*)[12]. Появляются интенсивно изгибающие листья и лепестки, образующие многолистники или цветки с парными лепестками, подобные лотосу (рис. 11, *11, 13, 15*). Длинный криволинейный лист образует и сложные асимметричные композиции завитковой структуры (рис. 11, *7*).

Зооморфные мотивы также составили достаточно выразительную линию преемственного развития. Наиболее ранний и интересный пример из Предуралья – накладная костяная пластина на щит конца VII – начала VIII в. дает: дополнение звериных образов (драконов со змеевидным, сворачивающимся завитками телом) растительными мотивами, многолистниками или веерообразно расположенными длинными листьями-перьями (хвосты и крылья); двойное перевивание лент (условные струи огня из пастей драконов), завершающихся почти растительными мотивами из длинных листьев (рис. 11, *1*).

Нетрудно заметить, что в целом композиция на накладках щита представляет интерес и как аналогия центральному фризу большого рога (*Петрухин*, 2017. С. 350. Рис. 57а). Костяные обкладки отражают, вероятно, общий миф о борьбе сил добра и зла (борьбу более сильных и слабых животных): верхний ярус занимают драконы, медведи, к нижнему уровню припали зайцы. На большом роге также наблюдается декоративное изображение парных грифонов и других, более сильных зверей и птиц (волки, орел, петух) в верхней зоне фриза; более слабых, среди которых также есть зайцы – в нижней зоне. Но на большом роге присутствует не отображение мифа, а образы сильных и слабых зверей, играющие роль знаков, соединенные декоративно. Здесь сохранились лишь отдельные черты мифологической композиции. Стилистическая стадия развития орнамента большого рога также более развитая (*Жилина*, 2021а).

На других примерах с предполагаемой прародины венгров повторяется сходный образ дракона со змееобразным завивающимся телом, что и позволяет сблизить композицию накладок щита с древневенгерским ис-

[10] Подчеркивается, что в ранний период, когда венгерские мастера находились в Восточной Европе, имело место копирование восточных сосудов, но после перехода на Запад, на новой родине они перестали копировать и выработали самостоятельный уникальный стиль, адаптировав восточные мотивы. Тем не менее, более ранние традиции продолжали сказываться и в Период Завоевания (*Fodor*, 1996. P. 33, 34).

[11] Как известно, локализация венгров в период, предшествующий их переселению на территорию Карпатской котловины, дискуссионна. Вырисовываются два основных региона: Предуралье (*Седов*, 1987; *Фодор*, 2015; *Белавин, Данич, Иванов*, 2015) и Северное Причерноморье (*Комар*, 2011). Интересно, что на произведениях, происходящих с этих территорий, наблюдаются признаки сложения венгерского варианта стиля (рис. 11).

[12] Появление такого объемного (рельефного) трилистника связано с гравированным изображением – прочерченной линией и тремя кружками. Гравированное линейное изображение было, возможно прототипом объемного, но сохраняется и на произведениях зрелого стиля.

кусством. Есть примеры геометризованных изображений дракона, оленя и других зверей, дополненные геометризованными е растительными мотивами (рис. 11, *2, 9, 14*). Не все мастера виртуозно владели рождающимся стилем. Из Больше-Тиганского могильника происходят наиболее яркие примеры, показывающие более гармоничную степень слияния зооморфных и растительных примеров: прорастание хвоста (рис. 11, *3–5*). Наконец на ряде примеров наблюдается орнаментальное превращение морды зверя в бутон цветка (рис. 11, *16, 17*). Для сравнения в таблицу включены примеры венгерского искусства, происходящие с территории Карпатского бассейна, показывающие ступень растительного и зооморфного орнамента, которая начала формироваться на территории Восточной Европы (рис. 11, *18, 19*).

Для анализа вопроса об иранских или среднеазиатских истоках венгерской орнаментики необходимо было бы обнаружить соприкосновение иранских и венгерских черт. Пока такого круга изделий определенно не выявлено. Возможно, композиция ковша со зверями, расположенными в условной розетке (рис. 11, *16*) вторит композиции иранских произведений. Данный аспект нуждается в дополнительной разработке. Но, по всей видимости, будет возможно обнаружить соприкосновение двух вариантов стиля эпохи.

На произведениях сложившегося пышного стиля с территории новой венгерской родины распространены мотивы: от трилистников до многолистников (рис. 12, *4, 7, 9, 14, 15*); длинные криволинейно изгибающиеся листья с продольным разделением и штриховкой (рис. 12, *8, 9, 11*); ленты с листовидными завершениями, задающие линии сеточной композиции, соединяющие мотивы и переплетающиеся (рис. 12, *15*). Наблюдается неповторимый итоговый вариант срастания зооморфных и растительных элементов, поглощения растительностью фигур зверей: голова становится бутоном, хвост – стеблем, перья – листьями, шея – витьем лент (рис. 12, *5, 6, 9, 12, 13*).

Растительный орнамент малого рога также находится на итоговой стадии развития (рис. 12, *з, и*)[13], в отличие от большого (рис. 12, *а–д*).

Как уже указывалось, растительные и зооморфные мотивы турьих рогов достаточно логично смотрятся в ряду с*лавянских и древнерусских аналогий и параллелей* (рис. 13).

Для анализа собственных истоков растительной орнаментации рассмотрим поясные наборы из кладов Среднего Поднепровья конца VI – VII в. Здесь представлены начальные варианты, демонстрирующие предпосылку или истоки будущего стиля. Линейно-завитковые мотивы, сочетающиеся с фигурным краем изделий, первоначально остаются абстрактно-криволинейными, а затем переходят к растительному облику (рис. 13, *1–7*).

Выделены центры производства и художественные школы, работавшие на Руси, где создавались изделия с растительным орнаментом в конце IX – X в. (*Орлов*, 1984. С. 39–50; *Мурашева*, 2000. С. 91–96). Линейно-завитковый орнамент ряда древнерусских изделий аналогичен декору раннеславянского времени (рис. 13, *8–10*). Столь же просты линейные растительные мотивы верхнего бордюра большого рога (рис. 13, *а, б*).

Но мотивы X в. имеют значительно более выраженные растительные формы при сохраняющейся простоте композиции и некоторой геометризованности (рис. 13, *11–13*). На таком уровне находятся мотивы основного фриза и нижнего бордюра большого рога, где уже начато перевивание стеблей мотивов, а мотивы стали более многолистны и криволинейны (рис. 13, *в, г, д*). Статичность расположения, отделенность от фигур животных отличает их от венгерского варианта стиля.

На сбруйных бляхах из Табаевки более активно используются длинные стебли и листья, переходящие к криволинейности (рис. 13, *14, 15*). По этим материалам видно сложение древнерусского варианта пышного стиля, в чем, возможно, отражены художественные воздействия иностранных образцов, преобразуемые в процессе синтеза.

---

[13] Орнамент большого рога до такой стадии не доходит, растительные мотивы более скованны, статичны, не имеют длинных изгибающихся листьев; зооморфные – выделены; композиции более просты (рис. 11, *а–ж*). Параллели с венгерским искусством относятся к ранней стадии его развития (рис. 11, *4, 7, 14*).

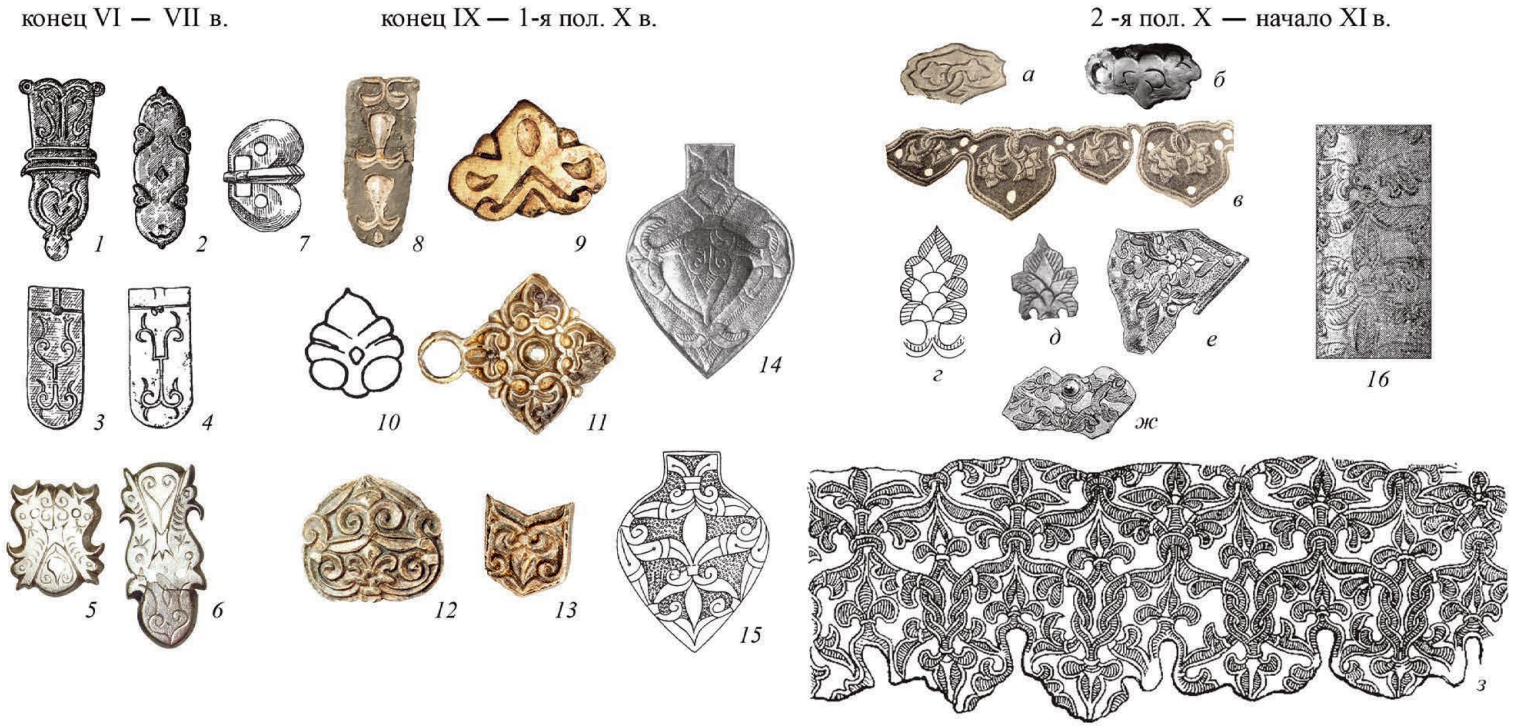


Рис. 13. Растительные мотивы турьих рогов из Черной Могилы в кругу славяно-русских произведений искусства из металла

а–е – большой рог (*Рыбаков*, 1971. Ил. 3, 4; *Самоквасов*, 1916. Рис. 15, 16; Рыбаков 1949. Рис. 20; Орлов, 1984. Рис. 1, *2*); *ж, з* – малый рог (*Самоквасов*, 1916. Рис. 13, 14); *детали поясных наборов, Среднее Поднепровье, серебро*: *1–4* – Мартыновка (*Седов*, 1982. табл. VII; *Корзухина*, 1996. Табл. 13, *5*; 19, *14*); *5, 6* – коллекция Е. Я. Сатановского (Меч и златник, 2012. № 18); *7* – пряжка, Блажки, Полтавской губ. (*Корзухина*, 1996. Табл. 43, *1*); *1-я пол. X в., серебро, курган Гульбище: 8* – ременной наконечник; *11* – застежка; *12, 13* – ременные бляшки (Меч и златник, 2012. № 274, 265, 266, 270); *9* – бляшка уздечная, бронза, Киев, погр. 113, 1-я пол. X в. (Меч и златник, 2012. № 244); *10, 14, 15* – наременная гарнитура, сбруйные бляшки, цветной металл, Черниговский регион, погребения (*Орлов*, 1984. Рис. 6, *6*; 4; 2, *1*); *серебро*: *16* – меч, Киев, 2-я пол. X в. (*Кирпичников*, 1966. Рис. 8, *1*)

Связанность растительного орнамента большого и малого рогов выявляется по развитию таких элементов, как многолистники и длинные стебли, их криволинейной изгибистости и перевиванию. Этот процесс начат мотивами основного фриза и нижней каймы большого рога: перевивание стеблей, многолистные и криволинейные мотивы, непрерывный верхний бордюр нижней каймы. Используется косая штриховка внешнего контура мотивов, как и на сбруйной бляхе из Табаевки (рис. 13, *14, в, г, д*). На бляхах из Табаевки наблюдается и продолжение процесса стилистического развития: используются длинные сначала прямые, а затем плавно изогнутые стебли, переходящие в трилистники с удлиненными и криволинейно изогнутыми листьями, оси стеблей и завитков прочерчены тонкой линией (рис. 13, *14, 15*). Стилистическое развитие продолжено и в орнаментации ромбической оковки большого рога и оковках малого (рис. 13, *е–з*). Композиции розеток обеих ромбических оковок сходны с мотивами пышных пятилистников и более интенсивным свиванием стеблей (рис. 13, *е, ж*), отличаясь от статичных ранних композиций розеток (рис. 13, *11*)[14].

На оковках малого рога произошла стабилизация пышных и удлиненных элементов: постоянно используются удлиненные листья с заостренными концами, штриховка по всей площади элементов. Отработанная композиция косой равномерной сетки состоит из трилистных и пятилистных мотивов, связанных стеблями ((рис. 13, *з*). Стилистически близкой данному этапу является орнаментация киевского меча, с бордюрной композицией и мотивом сложного семилистника и полной штриховкой (рис. 13, *16*).

В рассмотренном ряду изделий из Древней Руси наблюдается последовательное развитие растительного орнамента к усложнению, причем, немаловажно, что в рамках самого погребального комплекса Черной Могилы присутствуют его важные звенья. Растительная орнаментация малого рога дает наиболее развитый стилистический вариант.

Тем не менее, близкое сходство растительной орнаментации малого рога с венгерским искусством, побуждает искать исторические причины этого явления. Здесь возможен и ремесленный контакт, и художественное взаимодействие. Это могло произойти в тот период, когда венгры находились вблизи Киева. Можно надеяться, что изучение растительной орнаментации различными, в том числе и точными, методами позволит конкретизировать сходства и различия орнаментации малого рога с венгерским орнаментальным искусством.

Выводы

Стилистический анализ орнаментации малого турьего рога из Черной Могилы показал, что растительный орнамент достигает апогейной стадии развития стиля, который можно назвать стилем эпохи X в.

Орнамент логично смотрится в ряду славяно-русских аналогий, в том числе в ряду орнаментации, присутствующей на обоих турьих рогах.

Орнамент оковки устья малого рога вместе с тем дает близкую стилистическую параллель венгерским произведениям апогейной стадии развития пышного декоративного стиля. Столь полное сходство, включающее сходство по композиции (плотная сетка) и форме растительных мотивов позволяет предполагать ремесленный контакт древнерусских и венгерских мастеров и художественное взаимодействие венгерского и древнерусского искусства. Это неудивительно, поскольку начальные этапы формирования венгерского стилистического варианта происходили на территории Восточной Европы, а в процессе обретения новой родины венгры продвинулись в Карпатский бассейн по древнерусским территориям.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

[14] Безусловно ощущается необходимость в получении более детальных фотографий всех частей орнаментации турьих рогов.

Литература

Андрощук Ф., Зоценко В., 2012. Скандинавские древности Южной России. Каталог. Paris: ACHCByz. 367 с.

Белавин А., Данич А., Иванов В., 2015. Древние мальяры в Предуралье // И. Фодор. Венгры. Древняя история и обретение родины. Пермь: Типография «ЗЁБРА». С. 101–128.

Бліфельд Д. І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К.: Наукова Думка. 236 с.

Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 18). 562 с.

Василенко В. М., 1977. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I в. до н. э. – XIII в. н. э. М.: Искусство. 464 с.

Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.

Византия сквозь века: каталог выставки, 2017 / Отв. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: ГЭ. 427 с.

Винокур І. С., 1972. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровского межиріччя II–V ст. н. е. К.: Наукова Думка. 180 с.

Гейштор А., 2014. Мифология славян. М.: Весь мир. 384 с.

Даркевич В. П., 2010. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: URSS. 184 с.

Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS. 391 с.

Жилина Н. В., 2021а. Орнамент или миф на серебре. Большой турий рог из Черной могилы (Восток, Византия, Скандинавия, Венгрия, Русь?) // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 93–125.

Жилина Н. В., 2021б. Виноград и лилия. К истории византийского растительного орнамента // Византийский временник. Т. 104 (2020). С. 332–351.

Жилина Н. В., 2021в. Византийский цветок. К истории византийского растительного орнамента // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой / Отв. ред. Н. В. Жилина. М.: ИА РАН. С. 91–112.

Жилина Н. В., 2021г. Экспериментальное применение метода геометрической морфометрии для анализа средневекового орнамента // КСИА. Вып. 265. С. 188–200.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли. IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. (САИ. Вып. Е1-36). 176 с.

Комар А. В., 2011. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Вип. 7. 2011. С. 21–78.

Кондаков Н. П., 1896. Русские клады: изследование древностей великокняжескаго периода. Т. 1. СПб.: ИАК; Тип. Глав. упр. уделов. 214 с.

Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия. С. 352–435; 586–705.

Корзухина Г. Ф., 2017. Турьи рога черниговских курганов // В камне и в бронзе. Сб. ст. в честь Анны Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная тип. С. 620–634.

Маршак Б. И., 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука; Глав. ред. восточной литературы. 191 с.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства / Ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева. М.: ГИМ; Кучково поле, 2012. 320 с.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

Мурашева В. В., Каинов С. Ю., 2021. Викинги. Путь на Восток. М.: ГИМ. 192 с.

Орлов Р. С., 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука. С. 32–52.

Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. 63 (6). С. 473–493.

Петрухин В. Я., 1975. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестник Московского университета. Сер. «История». № 2. С. 85–92.

Петрухин В. Я., 1995. К начальной истории русского искусства. Ритон из Черной могилы и тюркско-иранская традиция // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Индрик. С. 201–230.

Петрухин В. Я., 2017. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: НЕОЛИТ. 464 с.

Путешествие Ибн-Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара / Ред. А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.
Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР. 792 с.
Рыбаков Б. А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л.: АН СССР. С. 7–102.
Рыбаков Б. А., 1971. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора. 128 с.
Рыбаков Б. А., 1981. Язычество древних славян. М.: Наука. 608 с.
Рыбаков Б. А., 1987. Язычество Древней Руси. М.: Наука. 782 с.
Самоквасов Д. Я., 1916. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.: Синодальная тип. 108 с.
Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. (Археология СССР). 328 с.
Седов В. В., 1987. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. (Археология СССР). С. 236–239.
Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. (Археология СССР). 304 с.
Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1897. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб.: Тип. А. Бенке. (Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5). 168 с.
Фодор И., 2015. Венгры. Древняя история и обретение родины. Пермь: Тип. «ЗЁБРА». 132 с.
Чернецов А. В., 1988. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. К.: Наукова думка. С. 143–152.
Щеглова О. А., 1997. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев. С. 246–257.
Щеглова О. А., 2017. Статья Г. Ф. Корзухиной «Турьи рога черниговских курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и в бронзе. Сб. ст. в честь Анны Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная тип. 2017. С. 615–620.
Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stokholm: K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 282 taf.
Arne T. J., 1914. La Suède et l'orient, études archéologiques sur les relations de la Suéde et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K. w. appelbergs boktryckeri. 242 p.
Dienes I., 1972. The Hungarians Cross the Carpathians. Budapest: Corvins Press; Athenaeum Printing House. 94 p.
Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture; Epikoinonia Ltd., 2002. 599 p.
Fodor I., 1996. Art and religion // The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue / Ed. by I. Fodor. Budapest: Hungarian National Museum. P. 31–36.
Jones O., 1910. The Grammar of Ornament. London: Bernard Quaritch. 157 p.
Poulík J., 1975. Mikulčice. Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha: Academia. 207 s.
The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue / Ed. by I. Fodor. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 480 p.
The Glory of Byzantium. Art and Culture oh the Middle Byzantine Era, A. D. 843–1261 / Ed. H. C. Evans, W. D. Wixom. NY: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 574 p.

N.V. Zhilina

Ritual Horn with Floral Ornament from Chornaya Mogila. The Role of a Thing and Decor Traditions

Abstract. Stylistic analysis of the ornamentation of the small tour (bull) horn from Chernaya Mohyla showed that the floral ornament reaches the apogee stage of development of decorative style, which can be called the style of the epoch of the 10th century.

The ornament looks logically in a series of Slavic-Russian analogies, including of ornamentation present on both horns from this burial.

At the same time, the ornament of the forging of the mouth of the small horn gives a close stylistic parallel to the Hungarian works of the apogee stage of development of the magnificent decorative style. This suggests a handicraft and artistic contact between ancient Russian and Hungarian masters. The initial stages of the formation of Hungarian art took place on the territory of Eastern Europe, and in the process of finding a new homeland, the Hungarians advanced into the Carpathian Basin through the Old Russian territories.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.60-69

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН, Москва

Испанская люстровая керамика в лесной зоне Восточной Европы

О находках испанской (так называемой испано-мавританской) люстровой керамики в городах Северного Причерноморья (Каффа, Азов с венецианской факторией Тана, Судак, Аккерман и др.), являвшихся центрами торговли итальянских городов (Генуи, Венеции, Пизы и др.) известно уже давно (*Штерн*, 1906. Табл. IX; *Кравченко*, 1986; 1991; *Коваль*, 1998). Последняя сводка таких находок для Крыма опубликована И. Б. Тесленко (*Teslenko*, 2009), постоянно выходят публикации с новыми находками такой керамики (*Тесленко, Майко*, 2019).

Долгое время казалось, что испанские люстровые керамические изделия поступали только на побережье Черного и Азовского морей. Однако во второй половине XX в. при раскопках городов Золотой Орды (самой западной части монгольской империи) обломки такой посуды обнаружены на Нижней Волге, далеко от морских берегов. К сожалению, это были небольшие обломки и потому ни один из них не опубликован. В тот же период испанскую люстровую керамику стали находить и в других пунктах Восточной Европы. В лесной зоне Восточной Европы первые обломки испанских чаш с люстровой росписью найдены в 1957–1965 гг. в Московском Кремле (рис. 1, *1, 2*) и на примыкавшем к нему участке городской территории (района Зарядье) (рис. 1, *4*), но долгое время эти образцы рассматривались как импорт из Ирана, где люстровая керамика была распространена достаточно широко (правда, там она изготавливалась не из глины, а из силикатной массы). Испанское происхождение московских находок установлено только в самом конце XX в. (*Коваль*, 1996; 2010. Ил. 38, *6*; 39, *1*). Позже при раскопках на территории Китай-города (работы Центра археологических исследований Москвы) найдены еще два обломка разных люстровых сосудов (рис. 1, *5*; 2, *1*), а в в Кремле при раскопках Л.А. Беляева в 2014 г. – еще один крошечный обломок блюда (рис. 1, *3*). Таким образом, сегодня в центре Москвы обнаружены фрагменты шести сосудов, причем три из них происходят с территории Кремля, где размещались дворец великого князя Московского, резиденция митрополита и дворы наиболее богатых аристократов.

Совершенно неожиданным было обнаружение семи обломков испано-мавританских блюд (рис. 2, *2–8*)[1] при охранных раскопках на территории селища и некрополя Каменная плотина 1 (Культура средневековой Москвы, 2005. С. 516), где в 2011 г. проводились охранные археологические раскопки (*Меньшиков*, 2011). Данное место предположительно связывается с загородным двором митрополита Киприана, упомянутом в копийной книге актов на земельные владения московского митрополичьего дома (XVII в.). Из документов следует, что митрополит Киприан поставил свой двор и церковь Трех Святителей на прежде незаселенном («пустом») месте, которое впоследствии стало называться «Старым Голенищевым», и проводил в нем много времени (Акты... 1951. С. 46, 47). Следующие митрополиты Московские не проявляли к этому владению такого же внимания, а в конце XV в. его забросили, и на нем возникло кладбище.

---

[1] Благодарю руководителей раскопок М. Ю. Меньшикова (ИА РАН) и М. А. Молошникову (САБ) за предоставленный для изучения и публикации материал.

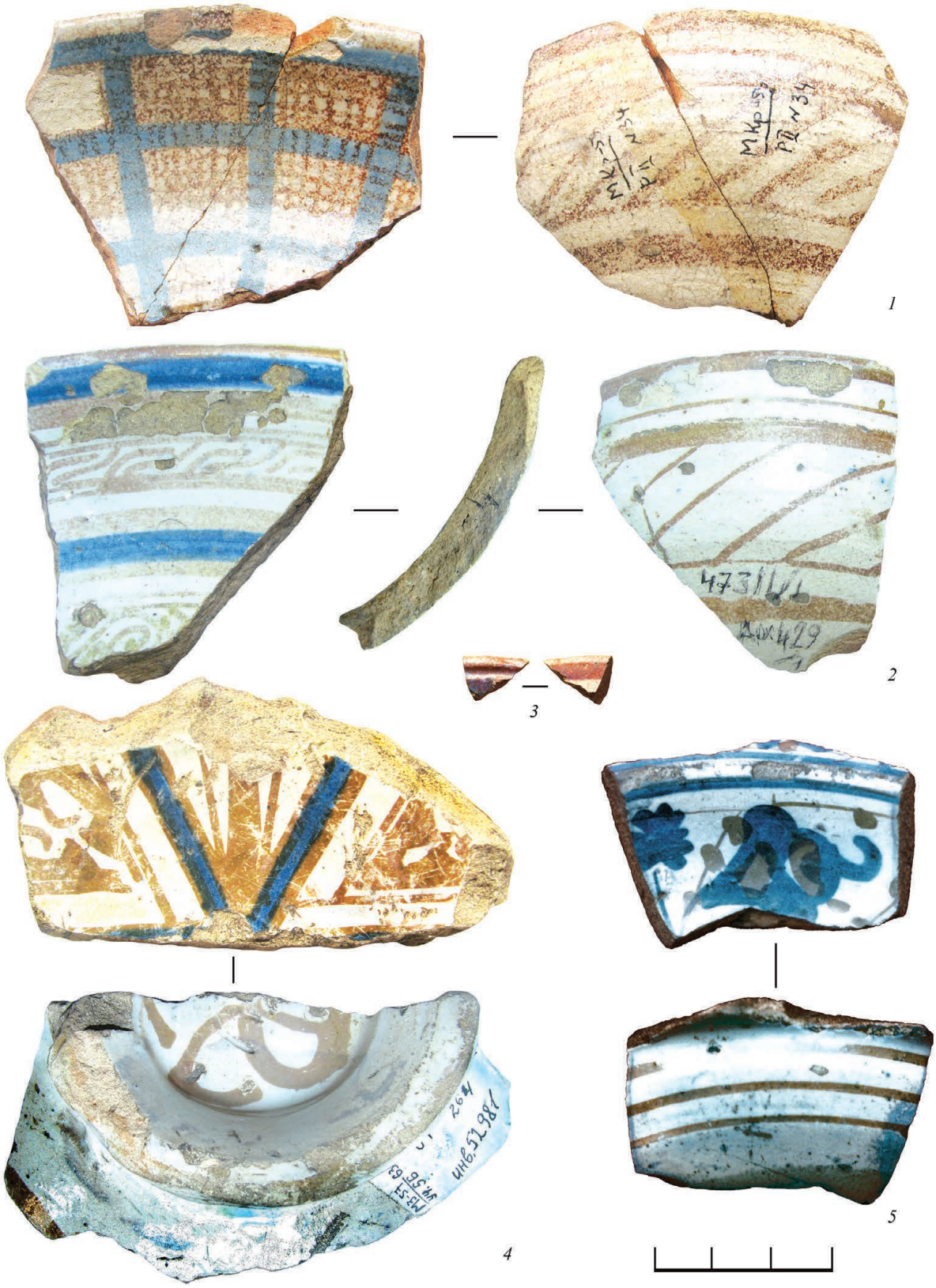


Рис. 1. Обломки испанских люстровых чаш из раскопок в Московском Кремле (*1–3*) и Китай-городе (*4*, *5*)

Рис. 2. Обломки испанских люстровых чаш и блюд из раскопок в Китай-городе (*1*) и в загородном дворе митрополита Киприана (*2–8*)

В ходе этих исследований на селище Каменная плотина 1 удалось собрать небольшую, но важную коллекцию, превысившую по числу находок даже серию из центра Москвы. Не исключено, что некоторые из обломков принадлежали одному сосуду, однако в целом число разбитых тут блюд вряд ли было меньше шести. Эта керамика могла использоваться в церкви Трех Святителей (применение импортных сосудов в литургических целях зафиксировано как археологически, так и в письменных документах), но более вероятным представляется ее применение в домашнем быту высшего иерарха русской церкви. На такой вариант указывает и находка пряслица, изготовленного из обломка разбитого блюда (рис. 2, *6*). Использование разбитой импортной поливной посуды для производства пряслиц известно в разных городах Руси (*Коваль*, 2010. Ил. 20, *4*; 22, *4*; 25, *6*; 26, *2, 5*).

За исключением Москвы в лесной зоне Восточной Европы обломки испанских люстровых чаш найдены еще в четырех пунктах:

- Владимир-Волынский (современная Западная Украина) – дно чаши из светло-розовой глины, вероятно, происходившей из Валенсии (*Коваль*, 2010. С. 103).
- Городище Сокольцы на Южном Буге (современная Западная Украина) – два обломка (*Кучера*, 1965. С. 211).
- Казань – обломок чаши из розовой глины, найденный в слое XV – первой половины XVI в. (рис. 3, *1* – *Коваль*, 2006. С. 26. Рис. 1, *10*).
- Биляр (современный Татарстан) – крупный обломок люстровой чаши с остатками латинской надписи, исполненной кобальтом (рис. 3, *2* – *Валиулина*, 2000. С. 277, 278. Рис. 8).

К сожалению, контексты большинства находок недостаточно надежны (обломки чаш найдены при случайных обстоятельствах или в перемешанном культурном слое). Тем не менее, сам факт их обнаружения в разных частях Восточной Европы свидетельствует о том, что высокохудожественная керамика Испании высоко ценилась и доставлялась в города, где проживали богатейшие люди. Владимир-Волынский – один из важнейших по статусу и богатству городов Юго-Западной Руси. Казань, столица наиболее могущественного ханства – наследника Золотой Орды, в XV – середине XVI в., была одним из крупнейших торговых центров Европы. Золотоордынский Биляр – в числе крупнейших городов Поволжья в XIV в.

Стоит указать, что наряду с люстровой посудой, в Золотую Орду из Испании привозились и тарные сосуды – амфоры и кувшины для оливкового масла, изготовленные в Барселоне, Валенсии и Севилье (*Коваль*, 2016; *Koval*, 2018). К сожалению, все они представлены обломками, но не целыми сосудами, что долгое время затрудняло их правильную атрибуцию. Из состава импортной керамики эта серия выделена лишь совсем недавно по находкам из Болгара, Азака, Укека, окрестностей Кафы (*Морозова, Зеленко*, 2012; *Коваль, Мелькова, Хохлов*, 2021). Однако она показывает, что поток импорта из Испании в Причерноморье был достаточно заметным, а изделия гончаров Испании известны во многих городах Восточной Европы.

Люстровые фаянсы[2] Ирана (XII–XIX вв.) и Сирии (XII–XIV вв.) изготавливались из силикатного материала (в российской археологии его принято называть «кашином»), наследуя традиции производства IX–XI вв. люстровых майолик из светлых (неожелезненных) глин, процветавшей в Египте (Фустат) и Ираке (Самарра). Вероятно, именно египетские образцы дали начало люстровой керамике арабской Испании, поскольку только там стали изготавливать художественную керамику с люстровой росписью на основе из обычных глин, покрытых полупрозрачной глазурью. При этом на раннем этапе (XII–XIV вв.) использовались в основном ожелезненные (красные и розовые) глины и лишь в XV в. начался переход к неожелезненным (светложгущимся) глинам. При этом широкую известность испанская люстровая керамика получила только в XIV–XV вв., когда ее стали экспортировать во все страны Европы – от Италии до Германии и Польши

[2] Люстровой называют роспись, выполненную поверх глазури специальным составом, который в ходе восстановительного обжига приобретает металлический (обычно золотистый) блеск, имитируя тем самым золотую роспись. Тем не менее, золото в состав люстровой росписи не входило, блеск обеспечивали сульфиды меди и серебра (*Коваль*, 2010. С. 40, 41).

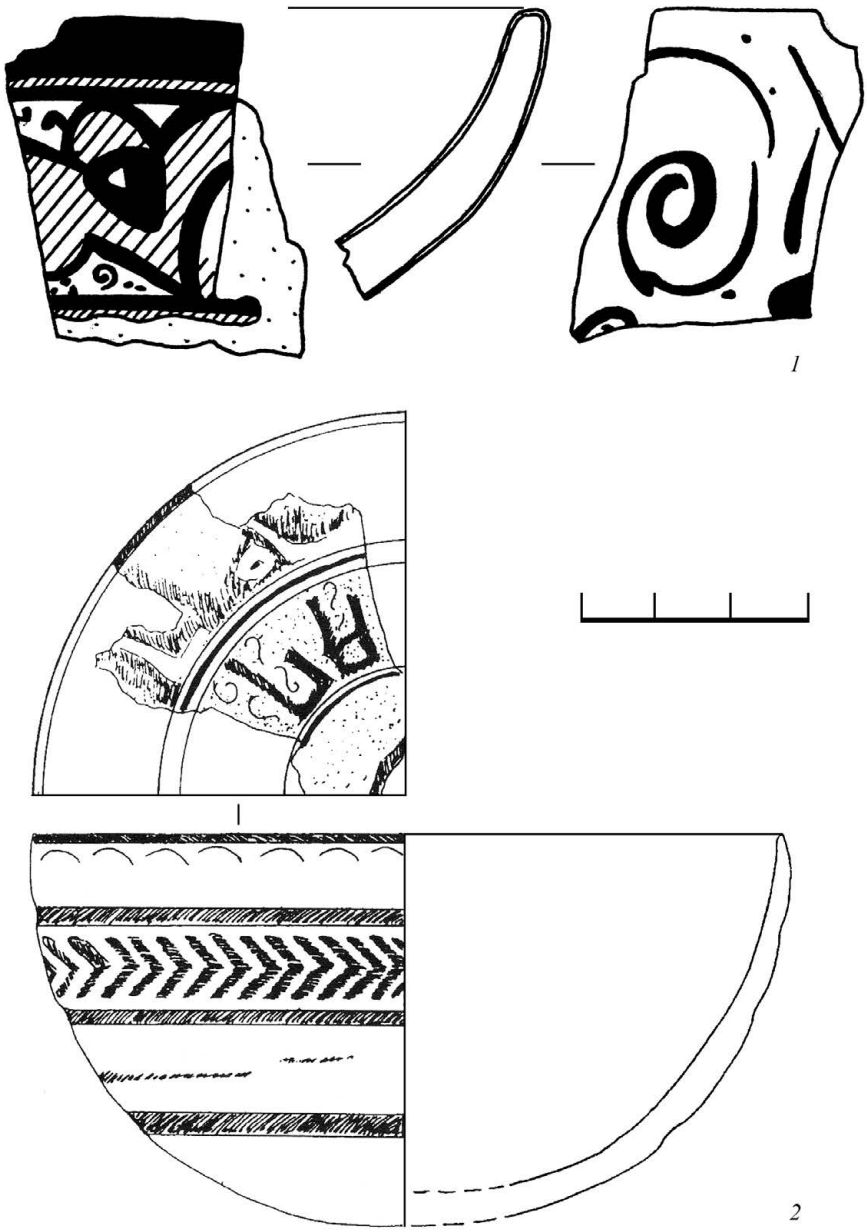


Рис. 3. Обломки испанских люстровых чаши из Поволжья

1 – Казань; *2* – реконструкция чаши из Биляра (по: *Валиулина*, 2000. Рис. 8)

(*Nawrolska*, 2002), благодаря расширявшимся общеевропейским торговым связям и деятельности итальянских купцов.

Перечисленные выше находки испанских люстровых сосудов с территории Руси и Волжской Булгарии относятся к двум родственным разновидностям. Самые ранние из них принадлежат изделиям типа Пула[3], надежно связываемым с производством региона Валенсии в интервале от 1320 до 1375 г. (*Blake*, 1986; *Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.16). К этой серии изделий относятся обломки двух чаш, украшенные росписью люстром и синим кобальтом, найденные в Кремле (рис. 1, *1, 2*).

Первой чаше принадлежал обломок края, найденный на перекопанном участке (*Латышева*, 1971. С. 224. Рис. 4, *8–10*). Чаша изготовлена из глины красного цвета без ви-

[3] Эта серия керамических изделий получила название по кладу сосудов с люстровой росписью, найденному на о. Сардиния в городке Пула в 1896 г. (*Blake*, 1986. P. 366, 367).

димых примесей, покрыта белым ангобом и полупрозрачной глазурью (*Коваль*, 1996. С. 173) Орнамент в виде решетки (кобальт и люстр) на внутренней поверхности и пояс из наклонных люстровых штрихов на внешней поверхности (рис. 1, *1*) находит аналогии как в кладе из Пулы (*Blake*, 1986. Pl. 3. Cat. № 18), так и в декоре церквей Италии, стены которых украшали импортными чашами и блюдами (*Blake*, 1986. Pl. 13, *18*; 16, *14*; 19, *15*). Чаши с таким декором были распространены широко и известны не только в Испании и Италии, но и в других странах Европы, куда они попадали как импорт (*Dugardin*, 1974. Fig. 1). На внешней стороне чаши имелась люстровая роспись в виде пояса наклонных штрихов – типичный способ орнаментации керамики типа Пула (*Blake*, 1986. Pl. 6, *6*, *10*).

От второй кремлевской чаши (рис. 1, *2*) сохранилось два обломка, но один из них столь мал, что никак не может способствовать лучшей атрибуции сосуда. Находка сделана в подошве белокаменной кладки 1380–1390-х гг. (*Шеляпина*, 1966. С. 44; 1971. Рис. 3, *1*). Изготовлена чаша из розовато-желтоватой глины без видимых примесей и покрыта такой же полупрозрачной глазурью, как и первая. Ее внешняя поверхность имела такой же декор (пояс из наклонных штрихов), а вот орнаментация внутренней организована иначе – в виде горизонтальных полос, где синие линии чередовались с поясами беглой позитивной росписи из растительных завитков и сильно стилизованного меандра. Для последнего мотива, наилучшим образом сохранившегося на этом образце, можно указать надежные аналогии (*Ponsford*, *Burchill*, 1995. Fig. 23.2, *1*; *Martinez Caviro*, 1991. Tav. 138).

К той же серии изделий типа Пула принадлежала чаша, от которой сохранилась часть дна с поддоном (рис. 1, *4*), найденная при раскопках в Зарядье в 1957 г. в слое XIV–XV вв. (*Дубынин*, 1957. С. 3, 116. Ил. 5; *Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *9*). От первых двух эта чаша отличалась глиной желтоватого цвета с нежно-розовым оттенком. Такая формовочная масса применялась в испано-мавританской керамике гораздо чаще, чем красная или ярко-розовая (*Blake*, 1972. P. 65; *Mannoni*, 1972. P. 111; *Pringle*, 1977. P. 148). Внутреннее поле чаши разделяли синие (кобальт) полосы, выходившие из центра дна чаши, на шесть секторов, заполненных люстровой росписью: в секторах чередовались линии-лучи, выходившие из центра дна, и панели с растительным орнаментом в технике шамплеве. Подобная орнаментальная схема была широко распространена и известна на чашах из клада в Пула (*Blake*, 1986. Pl. 1. Cat. № 1–3), а ближайшие аналогии можно указать среди *bacini*[4] из церкви Санта-Мария Новелла в местечке Марти, рядом с Пизой (*Blake*, 1972. Fig. 4, *17*), монастыря Сан-Сильвестро в Генуе (*Blake*, 1972. Fig. 4, *21*) и часовне Палаццо Кьярамонте в Палермо (*Blake*, 1986. Pl. 17, *991*). На внешней поверхности этой чаши роспись практически не сохранилась, зато хорошо видно клеймо (вернее, имитация клейма), прорисованное люстром внутри поддона в виде шестилепестковой розетки. Подобные «клейма» широко распространены на изделиях мастеров Валенсии (*Llubia*, 1967. Fig. 134, 165; *Hurst*, 1977. Fig. 28, *21*; *Blake*, 1986. Pl. 6, *10*; *Кравченко*, 1986. Рис. 39, *1*). В европейской искусствоведческой литературе такие клейма-розетки иногда именуют «колесом Екатерины» (*Catherine wheel*), подразумевая орудие казни св. Екатерины Александрийской, однако никакой реальной связи между ним и декором на дне валенсийских сосудов не установлено, это просто условный термин, изобретенный, вероятно, антикварами XIX в. для запоминающейся маркировки своих товаров. В действительности розетки играли роль узнаваемой марки керамики производства Валенсии. Но имелись они не на каждом сосуде. Например, из 29 сосудов клада в Пуле (благодаря которому и выделен одноименный «тип» керамики) они присутствовали только на 14, т. е. на половине изделий (*Blake*, 1986. P. 379, 381, 385).

Остальные находки испано-мавританской керамики с территории лесной зоны Восточной Европы принадлежат серии «классических» изделий Валенсии, которые

[4] Итальянским термином «бачини» (керамический таз) обозначаются чаши и блюда, вмурованные в фасады средневековых храмов для их украшения.

сейчас датируются исследователями в интервале 1375–1475 гг. (*Gutiérrez*, 2000. P. 35).

С территории Московского Кремля происходил мелкий обломок края тарелки или блюда из светложгущейся глины, украшенного полосой красно-коричневого люстра (рис. 1, *3*), найденный в заполнении подпольной ямы второй половины XV в., в жилой постройке, размещавшейся в 30 м от собора Чуда Архангела Михаила в Хонех.

Два обломка «классической» люстровой керамики Валенсии найдены на территории Китай-города. Один из них принадлежал миске с отогнутым краем, на внутренней поверхности которой кобальтом нарисованы цветочные бутоны, а наружная поверхность покрыта горизонтальными полосками люстра (рис. 1, *5* – *Коваль*, 2010. С. 103. Ил. 38, *7*). Бутоны, выполненные кобальтом, – типичный мотив валенсийских люстровых чаш (*Hurst, Neal*, 1972. Fig. 3, *40*), равно как и горизонтальная разлиновка внешней поверхности сосудов открытых форм (*Hurst, Neal*, 1972. Fig. 8, *7, 8*; *Martinez Caviro*, 1991. Tav. 147, 148; *Ponsford, Burchill*, 1995. Fig. 23.2, *2*)

Второй фрагмент принадлежал чаше с росписью кобальтом и люстром, состоявшей из пышного переплетения растительных побегов с цветочными розетками и листьями брионии (рис. 2, *1*). Такой декор встречается на множестве сосудов, изготовленных в конце XIV – первой половине XV в. (*Martinez Caviro*, 1991. Tav. 185; *Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.20a; *Spallanzani*, 2006. Tav. 12, 15, 26, 33, 71; *Coll Conesa*, 2009. Fig. 173).

К той же серии испанских люстров относились все семь обломков блюд, найденные при раскопках загородного двора митрополита Киприана (рис. 2, *2–8*). Можно уверенно говорить, что они принадлежали не менее чем шести различным блюдам. Это очень солидный, но, вероятно, случайным образом сложившийся сервиз, составленный из синхронных сосудов, декорированных, однако, в разных стилях.

Значение этой серии особенно важно потому, что можно точно очертить тот период, когда она попала в Москву: не ранее 1390 г. (момента прибытия Киприана из Константинополя) и не позднее 1406 г. (смерти митрополита). Таким образом, время импорта (а следовательно, бытования) этой керамики укладывается в промежуток продолжительностью 16 лет. Однако, скорее всего, этот набор посуды привезен Киприаном из Константинополя, где проживало множество итальянских купцов и на рынке продавалась художественная керамика со всего мира. Если так (а этот вариант кажется наиболее вероятным), то формирование «сервиза Киприана» должно было произойти около 1389 г. (когда он выехал из Царьграда в Москву). Это делает его важным репером, полностью совпадающим с хронологическими построениями исследователей испано-мавританского люстра, особенно для подтверждения факта широкого распространения всех новых вариантов изделий Валенсии по территории Европы сразу же после начала их массового производства. Но даже если формирование «сервиза» происходило в течение жизни Киприана в Москве (до 1406 г.), то временные границы репера не становятся существенно более широкими.

Большинство из найденных семи обломков принадлежали сосудам, изготовленным из ожелезненной (красной) глины, исключение составляло блюдо, из обломка которого было изготовлено пряслице, – оно сформовано из светложгущейся глины (рис. 2, *6*). Четыре из семи обломков не несли на себе люстровой росписи – на них можно заметить лишь линии внутриглазурной росписи кобальтом (рис. 2, *5–8*). Однако полная идентичность формовочной массы и глазури с люстровыми фрагментами не оставляет оснований для сомнений в том, что все эти образцы принадлежали когда-то массивным блюдам, украшенным росписью кобальтом и люстром. При этом обломки с сохранившимся декором несут на себе мотивы, типичные для валенсийского люстра конца XIV–XV в.

На одном из них (край блюда) идентифицируется мотив из цветков с крупными точками-пятнами (рис. 2, *2*), находящий массу аналогий в валенсийских люстрах конца XIV – первой половины XV в. (*Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.19, *A*; 2.20a). Блюда с таким декором имеются во всех крупнейших собраниях Испании (*Martinez Caviro*, 1991. № 147, 148; *Coll Conesa*, 2009. Fig. 170–172, 174) и всего мира (Reflets d'Or, 2008. № 63, 64)

Другой обломок сохранил часть изображения листа плюща, выполненного ко-

бальтом, с гравировкой по закрашенному синему полю (рис. 2, *4*). Мотив с побегами плюща был одним из излюбленных в «классических» люстрах Валенсии (*Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.19, *B*; *Spallanzani*, 2006. Tav. 86, 88, 92; *Coll Conesa*, 2009. Fig. 181).

Интересен небольшой обломок горизонтально отогнутого края тарелки или блюда, украшенный поясом люстровой сетки между двумя синими линиями (рис. 2, *3*). Сетчатые панели нередко встречаются на изделиях Валенсии (*Platamone, Fiorilla*, 1997. Fig. 4; *Coll Conesa*, 2009. Fig. 183), для плоских краев блюд этот мотив необычен, но вполне ожидаем.

Обломок чаши из Казани найден при раскопках на территории кремля в слое XV – середины XVI в. (рис. 3, *1* – *Коваль*, 2006. С. 26. Рис. 10, *1*). Чаша изготовлена из розовой глины без видимых примесей, а ее декор состоял из внутриглазурной росписи кобальтом и надглазурной люстровой росписи. В первой публикации этот образец был неточно атрибутирован производству Малаги, хотя аналогии ему указаны среди изделий типа Пула (также неточно). Декор внутренней поверхности этой чаши включал, видимо, пояс из стилизованных рыбок, внешне более похожий на пересекающие друг друга «волны». Такие пояса типичны для «классических» люстров Валенсии конца XIV–XV в. (*Martinez Caviro*, 1991. Tav. 167; *Hughes*, 1995. Fig. 30.1; *Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.20a; *Spallanzani*, 2006. Tav. 2; *Coll Conesa*, 2009. Fig. 166). Декор внешней поверхности в виде спиральных завитков встречается редко и не относится к числу «типовых схем» орнаментации. Эту чашу могли привезти в Казань как в золотоордынское время (во второй половине XIV в.), так и несколько позже, на протяжении XIV в.

Обломки (11 шт.) чаши с территории золотоордынского Биляра (Билярского III селища) позволили сделать ее реконструкцию (*Валиулина*, 2000. С. 281, 282. Рис. 8). В публикации формовочная масса чаши не описана, но названа кашином, в том числе на основании ее химического анализа, показавшего, впрочем, в этой массе присутствие 9,5% оксида алюминия (максимальная величина в сравнении с другими, действительно кашинными, сосудами). С. И. Валиулина колебалась в атрибуции этой чаши между иранской и испанской, но все же склонялась к иранскому варианту, что и предопределило вывод о кашинной основе. Между тем, декор чаши не имеет никаких параллелей среди иранских люстровых фаянсов ильханской эпохи, но находит множество аналогий в испано-мавританской майолике. Наиболее наглядным аргументом являются остатки готической надписи в среднем орнаментальном поясе, выполненной кобальтом. Такие надписи были весьма распространены на «классических» люстрах Валенсии, но они известны и на чашах типа Пула (в частности, обломок такой чаши находится в экспозиции музея города Манизес, рядом с Валенсией, т. е. именно там, где размещалось производство такой керамики). На принадлежность билярской чаши все же именно к изделиям типа Пула указывает и декор ее внешней поверхности (с горизонтальными линиями и поясом из уголков или елочки, известном на многих сосудах этой группы) (*Hurst, Neal*, 1972 Fig. 8, *5*; *Hurst*, 1977. Fig. 26; 28, *20, 21*; *Amigues, Mesquida Garsia*, 1993. P. 43. № 4, 13; *Gutiérrez*, 2000. Fig. 2.17, *4*). В частности, из 29 чаш и блюд клада в Пуле такой мотив присутствовал на внешней поверхности 13 сосудов, т. е. почти на половине комплекса (*Blake*, 1986. P. 379, 381, 385). Да и сама концентрическая композиция внутренней поверхности чаши ближе изделиям типа Пула, нежели «классическим». Надо также учесть, что обломки чаши происходили из заполнения ямы, содержавшей многочисленную золотоордынскую кашинную керамику Нижнего Поволжья и тисненую керамику Хорезма (*Валиулина*, 2000. Рис. 4–6), т. е. те типы столовой посуды, которые бытовали в Орде в середине – второй половине XIV в. Автор раскопок предлагал датировать эту чашу второй половиной XIII – первой половиной XIV в., но эта дата исходила в основном из хронологии ильханских люстров. Конкретный контекст находки прямо указывает на вторую половину XIV в. Следовательно, билярскую чашу следует однозначно атрибутировать в качестве испанского импорта второй половины XIV в., отнеся к изделиям Валенсии типа Пула.

Видимо, вся испанская керамика (как поливная люстровая, так и тарная) привозилась в Восточную Европу итальянскими (преимущественно генуэзскими) купцами.

После того, как османское завоевание привело к падению Константинополя и ликвидации всех владений генуэзцев на Черном море (т. е. после 1475 г.), импорт этой керамики сюда полностью прекратился. Люстровая керамика после этого перестала поступать в Восточную Европу. Таким образом, период импорта этой керамики сюда можно ограничивать серединой XIV в. – 1475 г.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVII веков. Ч. 1. М.: АН СССР, 1951. 400 с.

Валиулина С. И., 2000. Исследования золотоордынского Биляра // Тр. ГИМ. Вып. 122. М. С. 273–285.

Дубынин А. Ф., 1957. Отчет Московской археологической экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1. № 1631.

Коваль В. Ю., 1996. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. № 1. С. 169–176.

Коваль В. Ю., 1998. Средневековая керамика Испании и Италии в Восточной Европе // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь: Каламо. С. 124–127.

Коваль В. Ю., 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и раннее Новое время. Казань: ИИ АН РТ. С. 23–48.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука. 269 с.

Коваль В. Ю., 2016. Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. № 4. Казань. С. 101–124

Коваль В. Ю., Мелькова В. Р., Хохлов А. Н., 2021. Новые находки испанской керамической тары в Крыму // Мир Средневековья: познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 126–135.

Кравченко А. А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). К.: Наукова думка. 128 с.

Кравченко А. А., 1991. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев: Наукова думка. С. 111–119.

Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты, 2005. М.: Наука. 651 с.

Кучера М. П., 1965. Середньовічне городище біля с. Сокілци на Південному Бузі // Археологія. Т. XIX. С. 201–214.

Латышева Г. П., 1971. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. (по материалам археологических раскопок 195–1960 гг. в Московском Кремле) // МИА. № 167. С. 213–229.

Меньшиков М. Ю., 2011. Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Селище Каменная плотина» в г. Москве в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 61228–61240.

Морозова Я. И., Зеленко С. М., 2012. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море // 1000 років візантійскої торгівлі (V–XV століття). Київ: Київський національний уні в. С. 83–86.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М.: АН СССР. (САИ. Вып. Е1–39). 124 с.

Тесленко И. Б., Майко В. В., 2019. Испанская керамика с росписью кобальтом и люстром из раскопок в Судаке // История и археология Крыма. Вып. X. Симферополь: ИА Крыма РАН. С. 279–307.

Шеляпина Н. С., 1966. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963–1965 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3578.

Шеляпина Н. С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА. № 167. С. 117–157.

Штерн Э. Р., 1906. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. 3. Одесса: Типогр. А. Шульца. 91 с.

Amigues F., Mesquida Garsia M., 1993. Les Ateliers et la ceramique de Paterna (XIIIe – XVe siecles). Beziers: Musee Saint-Jacques. 72 p.

Blake H., 1972. La Ceramica Medieval Spagnola e la Liguria // Atti V Convegno Internazionale della ceramic di Albisola. Genova. P. 55–105.

Blake H., 1986. The ceramic hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula type of Spanish lusterware // Segundo Coloquio lnternacional de Ceramica Medieval en el Mediterranea Occidental. Madrid: Ministerio de cultura. P. 365–407.

Coll Conesa J., 2009. La Ceramica Valenciana (Apuntes para una sintesis). Valencia: Asociación Valenciana de Cerámica. 302 p.
Dugardin A. M. M., 1974. Fragments de ceramique hispano-moresque trouves en Belgique // Atti VII Convegno Internazionale della ceramic di Albisola. Genova, P. 107–114.
Gutiérrez A., 2000. Mediterranean Pottery in Wessex Households (12th to 17th centuries) // BAR. Vol. 306. Oxford. P. 15–73.
Hughes M. J., 1995. Application of Scientific analytical methods to Spanish medieval ceramics // Spanish medieval ceramics in Spain and the British Isles. (BAR International series. Vol. 610). P. 359–364.
Hurst J. G., 1977. Spanish Pottery imported into Medieval Britain // Medieval Archaeology. Vol. 21. P. 68–107.
Hurst J. G., Neal D. S., 1972. Late Medieval Iberian pottery imported into Low Countries // Medieval Archaeology. Vol. 16. P. 83–109.
Koval V., 2018. Spanish Ceramics in Medieval Bolgar // Xth Congress AIECM3 on Medieval and Modern period Mediterranean ceramics Proceedings. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi. P. 185–196.
Llubia L. M., 1967. Ceramica medieval Espanola. Barselona: Nueva Coleccion Labor. 194 p.
Mannoni T., 1972. Analisi mineralogiche e technologiche delle ceramiche medievali // Atti V Convegno Internazionale della ceramic di Albisola. Genova. P. 107–128.
Martinez Caviro B., 1991. Ceramica Hispanomusulmana. Andalusi y Mudejar. Madrid: Edicines el viso. 350 p.
Nawrolska G., 2002. Discoveries of Spanish ceramics in medieval Elblag // Centre. Region. Periphery. Medieval Europe Basel. Vol. 1. Nertingen: Archaologische Bodenforschung Basel-Stadt. P. 191–195.
Platamone E. C., Fiorilla S., 1997. Ceramiche a lustro dek museo regionale della ceramic di Caltagirone // Actes du VI Congres de l'AIECM2 (La ceramique Medievale en Mediterranee). Aix-en-Provence: Narration editions. P. 475–478.
Ponsford M., Burchill R., 1995. Iberian pottery imported into Bristol 1200–1600 // Spanish Medieval Ceramics in Spain and the British Isles / C. M. Gerrard, A. Gutierrez and A. G. Vince (eds). Oxford: Brit Archaeol. P. 315–318.
Pringle D., 1977. La ceramic dell'area Sud del Convento di San Silvestro a Genova // Archeologia Medievale. V. IV. Genova. P. 100–161.
Reflets d'Or, 2008. D'Orient en Occident. La ceramique lustree IX–XV siècle. Paris: Reunion des Musees Nationaux. 128 p.
Spallanzani M., 2006. Maoliche ispano-moresche a Firenze nel Rinascimento. Firenze: S.P.E.S. 611 p.
Teslenko I., 2009. Spanish Lusterware in the Crimea (Ukraine) // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. T. II. Ciudad Real: Asociacion Espnola de Arqueologia Medieval. P. 857–868.

V. Yu. Koval

Spanish Luster Ceramics in the Forest Zone of Eastern Europe

Abstract. The catalog takes into account all the finds of glazed pottery with luster painting known today, the so-called Spanish-Moorish ceramics ("hispano-moresque ware"), which were imported to Rus' and the Golden Horde in the 14th – 15th centuries. Particularly highlighted are the fragments of the service found at the archaeological site, which is the remai of the suburban estate of Metropolitan Cyprian, the materials of which date back to a narrow time period of 1390–1406.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.70-93

В. С. Курмановский
Институт археологии РАН, Москва

Керамика XV века из окрестностей Смоленска: новые материалы

В ходе работ 2016 г. на поселении Глушица 1 (окрестности д. Боровая, Михновское сельское поселение Смоленского р-на Смоленской обл.) были исследованы две крупных подпольных ямы, весьма насыщенные керамическим материалом, который можно рассматривать как условно закрытые комплексы первой и второй половины XV в. соответственно.

Впервые хронология средневековой керамики смоленского региона начала целенаправленно изучаться в 50-е годы XX в. В этот период, во время первых работ Д. А. Авдусина в Смоленске, Г. П. Смирнова разрабатывает керамическую шкалу на основе аналогий с другими регионами, стратиграфических данных и корреляции с вещевыми находками (*Авдусин*, 1951. Л. 172–183). Фактически одновременно А. А. Бобринский создает керамическую шкалу для сельских поселений Смоленской земли, изучавшихся В. В. Седовым (*Седов*, 1955. Л. 109–111). Кроме того, важным источником для изучения смоленской керамики данного периода явились два целых сосуда, содержавшие денежно-вещевой клад, включавший пражские гроши рубежа XIV–XV вв., найденные в 1959 г. при раскопках городища раннего железного века Новые Батеки в Смоленском районе (работы Е. А. Шмидта) (*Минкин*, *Шмидт*, 1961. Рис. 2).

Этапным событием в изучении хронологии смоленской керамики стало создание дендрохронологической шкалы Смоленска на материале раскопов на ул. Соболева. Были разработаны две дендрохронологические шкалы – Н. Б. Черных (1966–1972) и Н. В. Мясниковой (Жилиной) (1976–1980), частично уточнявшей первую (*Мясникова*, 1980).

В 1993 г. защищено диссертационное исследование Т. В. Сергиной, посвященное керамике Смоленска середины XIII – XVII вв., основанное на материалах смоленского раскопа УС-XI. Слои XV в. в нем характеризовались преобладанием горшков выделенного исследовательницей типа 5 – с завернутым наружу венчиком-валиком, и на втором месте типа 4 – с горизонтальным венчиком-бортиком, исчезающего в 70-х – 80-х гг. XV в. (*Сергина*, 2004. С. 21–26, Илл. 112). При этом рассмотренная в работе серия керамики из слоев XV в. являлась сравнительно небольшой (67 сосудов – *Сергина*, 2004. С. 25. Табл. 7).

Среди работ последних лет следует отметить весьма обстоятельную статью сотрудницы Смоленского объединенного музея-заповедника В. В. Бегуновой. Она изучила коллекции раскопа УС-V 1964 г. и создала свою схему развития и классификацию смоленской керамики XII – начала XV в., основанную на принципах, сформулированных В. Ю. Ковалем (*Бегунова*, 2020). Однако следует также отметить, что В. В. Бегунова в своей статье основывалась на концепции хронологии строительных ярусов раскопа, разработанной А. Ф. Урьевой, в свою очередь основанной на дендрохронологической шкале Н. Б. Черных (*Урьева*, 1991), в то время как Т. В. Сергина основывалась на дендрохронологической шкалах и Н. Б. Черных, и Н. В. Мясниковой. При этом указанные в работе Т. В. Сергиной даты строительных ярусов соответствуют указанным в работе Н. В. Мясниковой (*Сергина*, 2004. С. 75). Датировка отдельных строительных ярусов в этих двух шкалах расходится примерно

на полстолетия. Так, в частности, ярусы 9 и 10 у Н. Б. Черных и А. Ф. Урьевой и В. В. Бегуновой, датируются концом XIV – началом XV в. (*Бегунова*, 2020. Рис. 30–31), в то время как у Н. В. Мясниковой и Т. В. Сергиной, соответственно, 20-ми – 40-ми и 60-ми – 80-ми годами XIV в. (*Мясникова*, 1981. С. 247. *Сергина*, 2004. С. 75).

Кроме того, существуют альтернативные концепции хронологии смоленской керамики, фактически не учитывающие материалы раскопов на ул. Соболева (*Пронин*, *Соболь*, *Гусаков*, 2011. С. 96–102; *Гусаков*, 2012; *Пронин*, *Соболь*, 2020. С. 253–297), как правило, мотивирующие это малочисленностью выборок либо несовершенством методики прежних раскопок (*Ершов*, 2018. С. 32–33). В последних случаях можно констатировать возвращение к ситуации 1950-х годов. Таким образом, прослеживается определенная тенденция к созданию своей собственной концепции хронологии смоленской керамики каждой новой командой исследователей, причем для послемонгольского времени, в целом, расхождения оказываются существенно большими. В связи со всем вышеизложенным ввод в научный оборот новых комплексов керамики данного периода представляется весьма актуальным.

Автор этих строк также попытался создать рабочую классификацию смоленской керамики, предусматривающую учет состава формовочных масс и форм венчиков (*Курмановский*, 2017). Среди последних в качестве характерных для XV в. выделены две формы, обозначенные как варианты 7 и 8, приблизительно соответствующие типам 4 и 5 Т. В. Сергиной. Однако при полевой обработке керамического материала поселения Глушица 1, поскольку керамика здесь достаточно однообразна, применялась ранее разработанная автором рабочая схема, по которой основной массив керамики, датированной XV в., образует группу 2 с вариантами формы венчика 2а и 2б, также примерно соответствующими типам 4 и 5 по типологии Т. В. Сергиной (*Курмановский*, 2014; 2017. С. 121–122).

Поселение Глушица 1 расположено в 6–7 км к западу от г. Смоленска на левом берегу Днепра, несколько восточнее Гнездовского археологического комплекса, на естественной возвышенности между современным руслом Днепра и его старицей. Поселение исследуется с 2004 г. На данный момент на нем вскрыто порядка 130 кв. м. По данным письменных источников (в первую очередь, актов Литовской Метрики) памятник идентифицируется с господарским двором (великокняжеской усадьбой) Глушица, упоминаемым в документах конца XV – начала XVI в. (*Курмановский*, 2017а. С. 82–84) Глушица 1 является одним из редких известных в регионе памятников, на которых преобладает материал XV, а, возможно, также XIV в. Культурный слой памятника в целом слабо стратифицирован, однако на поселении выявлен ряд подпольных ям жилых построек, получивших радиоуглеродные датировки, соответствующие XIII и XV вв. Однако настолько представительных комплексов с достаточно внятным археологическим контекстом до настоящего момента здесь встречено не было.

Выявленные ямы (в рабочей документации обозначенные как яма 1 и яма 3) представляли собой два подквадратных заглубленных в материк сооружения размерами приблизительно 3×3 м и глубиной около метра, на дне каждой из них прослеживалась система ям (в основном, столбовых) и канавок. Аналогичная по размерам и конструкции яма, получившая рабочее название яма 1-2004, разобрана на памятнике в 2004 г.

Из ям 2016 г. получены радиоуглеродные даты: из ямы 1 – четыре даты, две из которых определенно указывали на вторую половину XV в., две другие более поздние, соответствующие XVI–XVII вв., что, возможно, может объясняться конфигурацией радиоуглеродных кривых; из ямы 3 – две даты, одна из которых соответствовала концу XIII – XIV в., а вторая, происходившая из столбовой ямы на дне ямы 3, – первой трети XV в. (табл. 1). Соответственно, можно предположить, что первую дату следует скорректировать в сторону омоложения. Нельзя, однако, исключать вероятности, что подпольное сооружение существовало и ранее, а в первой трети XV в. подверглось перестройке. Основанием для датировки сооружения явились также нумизматические данные. В нижней части заполнения ямы 1 обнаружена литовская монета (денарий) Казимира пе-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты поселения Глушица 1. 2016 г. Аналитик Н. Е. Зарецкая (ИГ РАН).

Индекс и номер	Археологический контекст	^{14}C дата	Калиброванный возраст, 1
ГИН-15425	кв. 8, я. 1, гл. ок. -130	240±40	1635–1677 н.э.
ГИН-15426	-п- -п- гл. -140/-150	360±30	1466–1522 н.э.
ГИН-15427	кв. 14, я. 1, гл. -130/-140	410±30	1441–1486 н.э.
ГИН-15428	кв. 8, я. 1, дно. св.-сер. супесь	270±60	1513–1600 н.э.
ГИН-15584	кв. 11, я. 3, гл. ок. -150; углистый слой	680±50	1274–1387 н.э.
ГИН-15584а	кв. 12, я. 3а	510±30	1410–1435 н.э.

риода около 1440–1475 гг., а в верхней части заполнения ямы 3 – три денария Витовта периода 1411–1430 гг. (определения монет выполнил В. В. Зайцев). Следует отметить, что монета Витовта найдена на памятнике и ранее, в 2007 г.

Для относительной хронологии ям имеются также стратиграфические основания. В заполнении ямы 3 выделяется слой засыпки материковым песком, вероятно, вынутым при рытье ямы 1. В целом, в стратиграфии обеих ям выделяется условно «верхний» горизонт засыпки (в яме 3 – отдельно засыпка материковым песком и культурным слоем, в яме 1 – засыпка культурным слоем) и «нижний» горизонт, вероятно, связанный с функционированием и обрушением построек. В яме 1 оказалось возможным разделить «верхний» (рис. 1; 2) и «нижний» (рис. 3–5) горизонты по распределению фрагментов конкретных сосудов. В яме 3 подобные горизонты не выделялись. Засыпка материковым песком фактически стерильна, а большая часть материала происходила из нижнего темного слоя, прослеживавшегося также вдоль стенок ямы. В то же время удалось выявить несколько сосудов, фрагменты которых происходили исключительно из нижней части ее заполнения.

Основной массив сосудов из заполнения обеих ям изготовлен из ожелезненной глины с примесью песка, характеризуется наклонной внутрь шейкой и отогнутым наружу венчиком. Выявлены также сосуды с примесью дресвы в тесте (преимущественно в яме 3). У многих сосудов на поверхности прослеживается ангоб. Также часто встречаются темные вертикальные полосы, вероятно, результат обработки поверхности обваром либо следы использования посуды.

Целые формы, собранные из верхней части ямы 1, представлены двумя типичными горшками варианта 2б (рис. 1, *1, 4*), мореным сосудом с примесью дресвы в тесте и рифленым линейным орнаментом, по форме напоминающим цветочный горшок (рис. 1, *3*), а также крышкой горшка (рис. 1, *4*). Из нижней же части ямы происходили 13 археологически целых форм, а также определенное количество почти целых сосудов (рис. 3–5). В основном их фрагменты обнаружены в темном «горелом» слое, возможно, связанном с обрушением конструкции, но один сосуд (рис. 5, *4*) собран из лежавшего на дне ямы слоя светло-серой супеси, а также из ямы на дне ямы 1. Из нижней части ямы также происходил сосуд «нетипичного» облика – поливная фляжка, очевидно, европейского происхождения. Кроме того, выделялись сосуды, фрагменты которых были распространены по всей толще ямы. Это два горшка и корчага (рис. 6). Обращает на себя внимание также чернолощеная керамика, в том числе с рельефным сетчатым орнаментом, прослеженная на всей толще ямы (рис. 7). Согласно данным исследования Т. В. Сергиной, чернолощеная керамика впервые появляется в раскопе УС-XI в Смоленске в слоях 10 яруса (конец 20-х – середина 40-х годов XIV в.). Штампованный сетчатый орнамент на ней встречен в слоях 8 (начало 90-х годов XIV – первое десятилетие XV в.) и 5 (последнее десятилетие XV – первое десятилетие XVI в.) ярусов (*Сергина*, 2004. С. 44–46).

Из ямы 3 (рис. 8–10) происходит существенно меньшее количество целых форм сосудов. Следует отметить наличие сосудов довольно нетипичной формы – с изогнутой шейкой и направленным наружу и вверх

Рис. 1. Полные профили сосудов из «верхнего» горизонта заполнения ямы 1

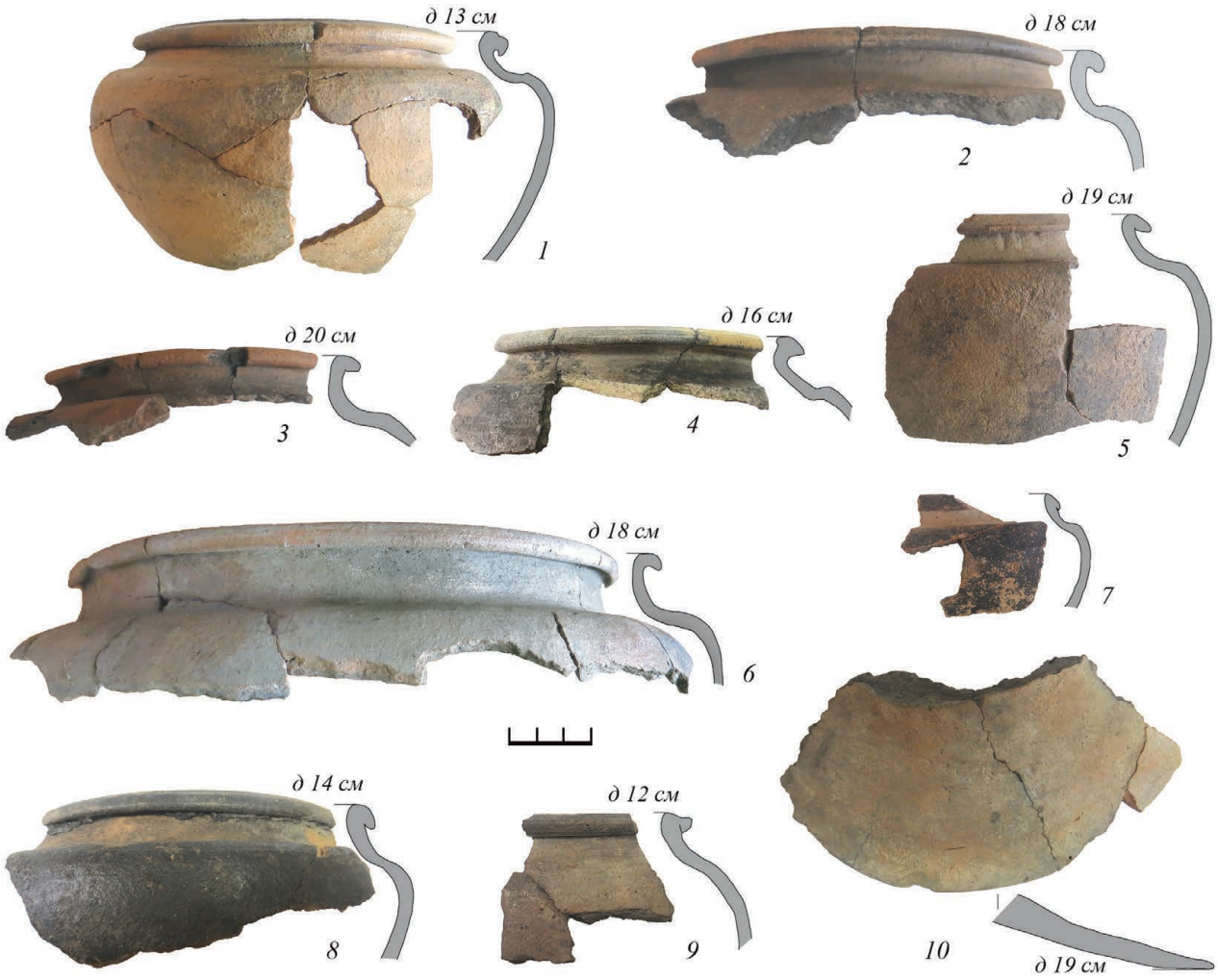


Рис. 2. Керамика из «верхнего» горизонта заполнения ямы 1

завершением уплощенной конфигурации с заворотом чернового края внутрь и чистовым краем, обработанным срезом с ложбинкой (рис. 10, *2*). Подобный же венчик ранее встречен на поселении Глушица 1 в заполнении ямы 2-2006. Сосуд с аналогичной формой венчика, однако без ложбинки по срезу, обнаружен в закрытом комплексе второй половины XIV в. из Любутска (*Болдин*, 2012. С. 62. Рис. 40, *1*). Сосуд с похожей профилировкой обнаружен также в темно-сером слое со щепой на отметках -450/-510 при раскопках в подклете Никольского собора в Можайске (*Янишевский*, 2010. Табл. 27, ниж. ряд, в сер.). Отдельного внимания заслуживает белоглиняная керамика с прямой шейкой и округлым или овальным венчиком-валиком, по общим очертаниям напоминающая «белоглиняную грубую» керамику Москвы конца XV–XVI в. (рис. 11). Подобная керамика широко представлена в Вязьме. Н. А. Кренке датирует ее здесь XVI–XVII вв. (*Кренке, Ершов, Раева*, 2020. Рис. 10, *6–10*; 11, *6–11*). Вместе с тем, И. В. Болдин в монографии о керамике бассейна Верхней Оки относит Вязьму к верхнеокскому региону, где бытование подобной керамики относится к XIV–XV вв. В позднейшее время она здесь сменяется другими формами (*Болдин*, 2012. С. 141–142). Ознакомление с материалами работ Т. В. Сергиной в Вязьме и прилежащих районах (до Дорогобужа включительно) показало, что керамика подобных форм здесь, появившись не позднее XVI в., существует вплоть до XVIII в. (*Сергина*, 1991; 1992; 1999; 1999а; 2000; 2002. Илл. 9–10). Однако археологический контекст говорит о ранней датировке подобной керамики на Глушице, аналогичной комплексам Верхней Оки. К сходным выводам пришел В. Ю. Коваль

Рис. 3. Полные профили сосудов из «нижнего» горизонта ямы 1

Рис. 4. Полные профили сосудов из «нижнего» горизонта ямы 1

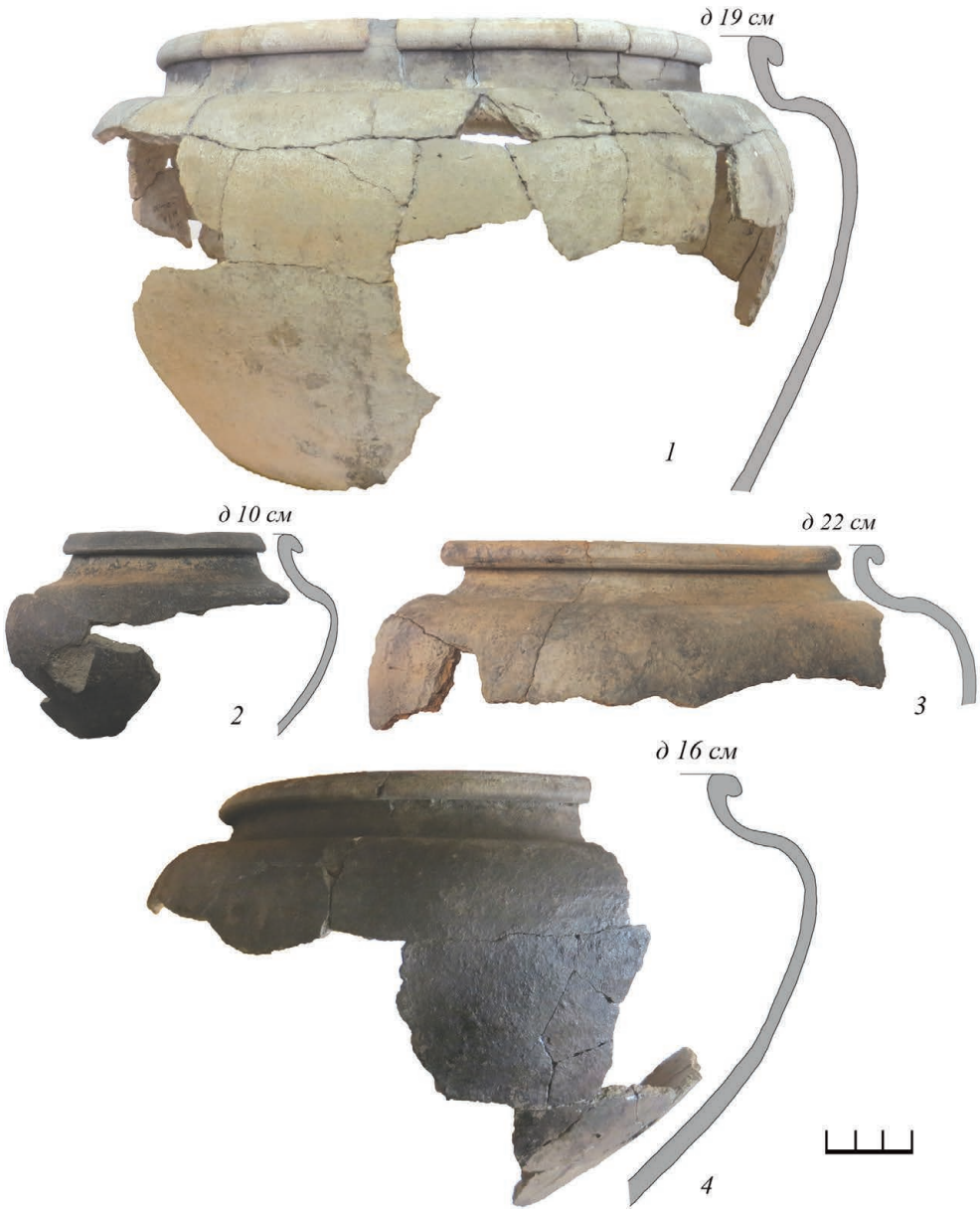


Рис. 5. Сосуды из «нижнего» горизонта заполнения ямы 1

при визуальном осмотре белоглиняной керамики из ямы 3. Возможно, белоглиняная керамика Глушицы 1 является привозной из верхнеокского региона. В яме 1 белоглиняная керамика также встречена, однако ее количество существенно меньшее, чем я яме 3. Вместе с тем, белоглиняная керамика близкого облика присутствует в материалах Ольшанского городища, где весьма широко представлены материалы XVI в., включая монеты Ивана IV (*Авдусина, Зозуля*, 2018; *Курмановский*, 2018). О. Н. Глазунова при визуальном осмотре белоглиняной керамики, происходящей из подъемного материала, собранного в 2007 г. на селище Глушица 2, также входящем в Глушицкий комплекс археологических памятников, определила ее как московскую второй половины XVI в. Возможно, таким образом, в окрестностях Смоленска бытовала сходная в общих чертах белоглиняная керамика, имеющая разное происхождение и датировку. Подобная керамика и ее археологический контекст нуждаются в дальнейшем изучении.

Соотношение основных вариантов форм венчиков – 2а и 2б по пластам в заполнении ям 1 и 3, согласно полевой статистике керамического материала показано в таблицах 2–4.

Таблица 2. Поселение Глушица 1. 2016 г. Распределение вариантов венчиков 2а и 2б по пластам в заполнении ямы 1.

Пласт	Вариант 2а	Вариант 2б
-50/-70	56	61/63
-70/-80	12	23
-80/-90	24	25
-90/-100	18	16/17
-100/-110	18	22
-110/-120	15	23
-120/-130	12	60
-130/-140	12	32
Ниже -140	17	22/23

Таблица 3. Поселение Глушица 1. 2016 г. Распределение вариантов венчиков 2а и 2б по пластам в заполнении ямы 3.

Пласт	Вариант 2а	Вариант 2б
-50/-60	11/12	16
-60/-70	35/36	26
-70/-80	20/21	11/12
-80/-90	6	5
-90/-100	10	5
-100/-110	30	28
-110/-120	15/16	1
-120/-130	12	9/8
-130/-140	7/8	1
Ниже -140	4	2

Таблица 4. Сводное распределение вариантов форм венчиков в заполнении ям 1 и 3. Глушица 1. 2016 г.

Яма	Вариант 2а, экз. / %	Вариант 2б, экз. / %
1	184 / 39,3	284 / 60,7
3	150 / 59,3	103 / 40,7

При сводном подсчете распределения вариантов форм венчиков в яме 1 венчики вариантов 2а и 2б соотнеслись примерно как 40 к 60, в яме 3 аналогичное соотношение установилось в пользу варианта 2а (табл. 4). Отметим, что после склейки, подсчета индивидуальных форм сосудов и исключения форм, отнесение которых к тому или иному варианту вызывало сомнения, эти соотношения заметно изменились (см. ниже).

Предпринималась также попытка отойти от этого двухчастного деления и классифицировать венчики на основании анализа их конструктивной схемы, использовав методические рекомендации, предложенные В. Ю. Ковалем (2016). Абсолютное большинство сосудов из обеих ям имело наклонные внутрь венчики, состоящие из одного устья (конструктивная схема VIII по В. Ю. Ковалю) либо наклонной внутрь шейки и отогнутого наружу устья (конструктивная схема IX). Подобная конфигурация венчика, по-видимому, является датирующим признаком. Так, для яруса 9 раскопа УС-V в Смоленске, исследованного В. В. Бегуновой и датированного А. Ф. Урьевой концом XIV – началом XV в., а Н. В. Мясниковой – 60-ми – 80-ми гг. XIV в., совокупная доля венчиков конструктивных схем VIII и IX составила 71 из 168 (42,3%). Наиболее многочисленными в абсолютных цифрах из выделенных В. Ю. Ковалем конструктивных схем здесь оказались венчики конструктивной схемы VI (отогнутые или изогнутые венчики, состоящие из наклоненной внутрь шейки и отогнутого наружу устья), представленные 60 экз. (35,7%) (*Бегунова*, 2020. С. 103). Примерно сходную картину демонстрируют венчики из яруса 9 раскопа УС-XI, опубликованные Т. В. Сергиной. В материалах обеих ям 2016 г. Глушицы 1, как представляется, по крайней мере, часть имеющихся изогнутых венчиков, принадлежащих к конструктивным схемам VI и V (дугообразно изогнутые, у которых устье и венчик морфологически не разделены либо слабо разделены), следует считать хронологически инородными, попавшими в заполнение ям из более ранних напластований XIII–XIV вв. Однозначно принадлежащим «доямному» периоду в жизни поселения, следует признать, в частности, сосуд конструктивной схемы VI, изготовленный из слабоожелезненной глины, фрагменты которого обнаружены в заполнении нижних частей обеих ям. Кроме того следует отметить, что некоторые сосуды демонстрируют черты переходности между конструктивными схемами VI и IX: принадлежа в целом к последней, они имеют рудиментарный перелом в верхней части шейки. В заполнении ям 2016 г., кроме того, в небольшом количестве присутствовали фрагменты хорошо опозна-

Рис. 6. Полные профили сосудов, собранные из разных горизонтов заполнения ямы 1

1 – корчага; *2, 3* – горшки подгруппы 2б

ваемой керамики более ранних периодов, в частности, лепной второй-третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. и круговой домонгольского периода. В верхних частях заполнения ям присутствовали также единичные фрагменты керамики XVII в., в том числе, поливной.

Венчики сосудов из заполнения обеих ям в основном можно отнести к следующим типам «расширенной» схемы, предложенной В. Ю. Ковалем – тип 23-1 (конструктивная схема V) – изогнутые венчики с заворотом «чернового» края внутрь, с уплощенными валиками «чернового края»; 28-1г (конструктивная схема VI) – венчики с наклонным наружу устьем и наклонной внутрь шейкой с заворотом «чернового» края внутрь, также с уплощенным валиком «чернового» края; 39-1г (конструктивная схема VIII) – наклоненные внутрь с заворотом «чернового» края наружу; 41-2 (конструктивная схема IX) – с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем, расположенным горизонтально; 41-2б – с наклоненной шейкой и отогнутым наружу устьем с ребром на внешней стороне последнего; 41-2в – с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем, оформленным в виде валика; 41-2г – с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем, завернутым вниз; 43-2 – с наклоненной внутрь шейкой и отогнутым наружу устьем, расположенным горизонтально, с заворотом «чернового» края внутрь. Кроме того, выделяются венчики, которые можно было бы отнести к выделенному В. Ю. Ковалем классу 45: венчики конструктивной схемы IX с «секировидным» (один из «черновых» краев завернут наружу, а другой внутрь) оформлением края. Среди материала, рассмотренного В. Ю. Ковалем при подготовке «расширенной» схемы, такие венчики не встретились (*Коваль*,

Рис. 7. Чернолощеная керамика из заполнения ямы 1

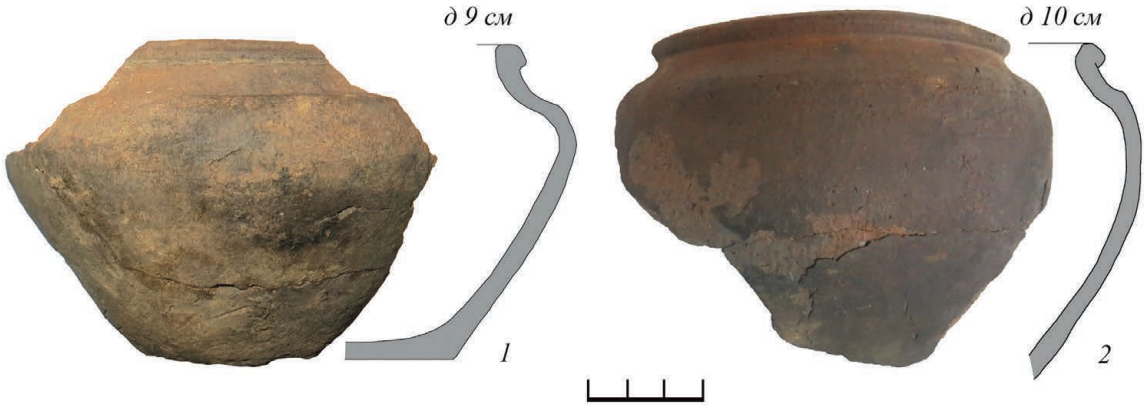


Рис. 8. Сосуды из заполнения ямы 3

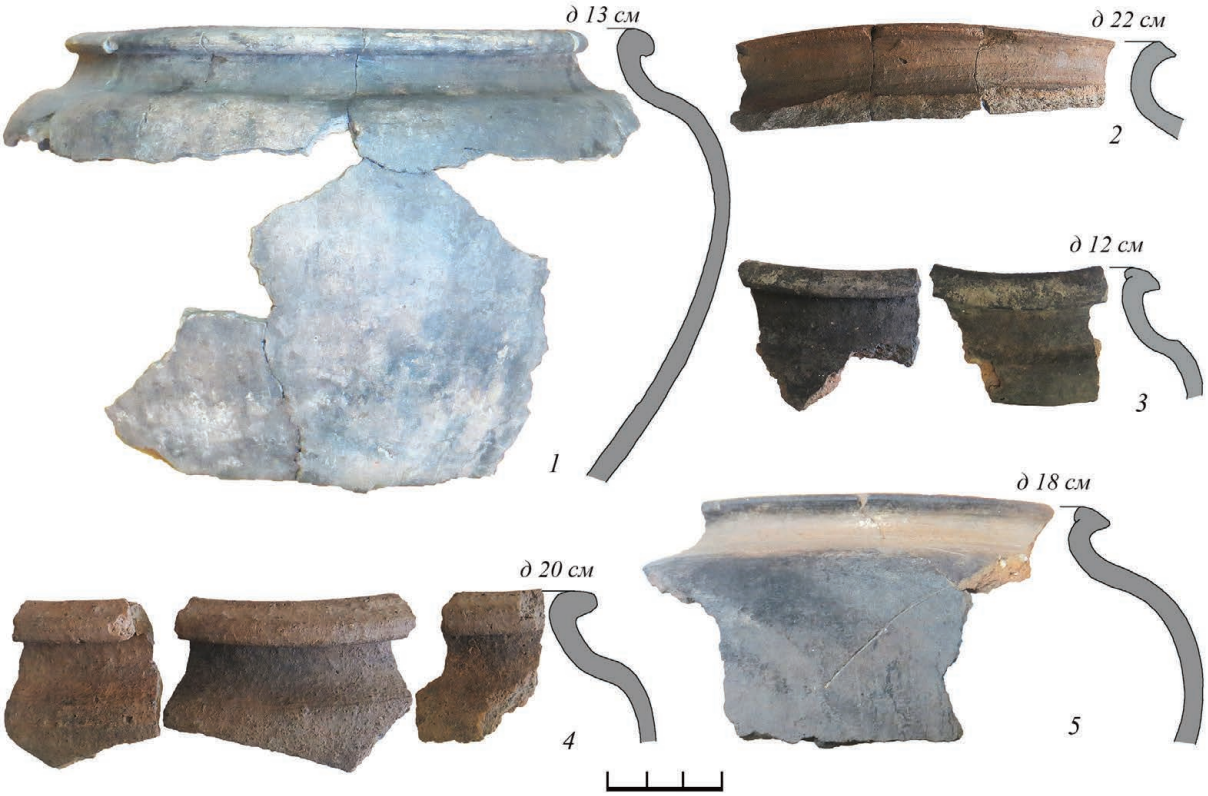


Рис. 9. Фрагменты сосудов из заполнения ямы 3

2016. С. 106–109; Рис. 36–37) (рис. 12). Следует отметить, что венчики типов 39-1г, 41-2в и 41-2г образуют сплошной континуум форм, которые фактически невозможно разграничить. Аналогично объединяются венчики классов 41-2 и 41-2б.

В заполнении ямы 3 (226 индивидуальных форм венчиков) выделенные типы, с учетом отмеченной условности разбиения отдельных близких форм, распределились следующим образом (не учитывались явно хронологически инородные венчики): тип 23-1 (и близкие к нему формы конструктивной схемы V) – 21 экз. (9,2%); тип 28-1г (и другие венчики конструктивной схемы VI) – 11 экз. (4,8%); тип 43-2 – 39 экз. (17,1%); тип 41-2 – 41 экз. (18%); тип 41-2б – 2 экз. (0,9%); тип 41-2г – 29 экз. (12,7%);

Рис. 10. Сосуды из нижней части заполнения ямы 3

41-2в – 32 экз. (14%); 39-1г – 29 экз. (12,7%); 45 – 14 экз. (6,1%); прочие – 10 экз. (4,4%). При объединении близких друг к другу форм распределение оказывается следующим: тип 23-1 и близкие к нему – 21 экз. (9,2%), 28-1г и близкие – 11 экз. (4,8%), 43-2 – 39 экз. (17,1%), 41-2 и 41-2б – 43 экз. (18,9%), 41-2г, 41-2в и 39-1г – 90 экз. (39,5%), 45 – 14 экз. (6,1%), прочие – 10 экз. (4,4%), всего – 226 (100%). Нижняя часть ямы 1 (100 экз.) дала следующее распределение: тип 23-1 – 3 экз. (3%); 28-1г – 2 экз. (2%); 43-2 – 20 экз. (20%); 41-2 – 4 экз. (4%); 41-2б – 3 экз. (3%); 41-2г – 21 экз. (21%); 41-2в – 22 экз. (22%); 39-1г – 12 экз. (12%); 45 – 9 экз. (9%); прочие – 4 экз. (4%). После объединения близких форм распределение выглядит следующим образом: тип 23-1 – 3 экз. (3%); 28-1г – 2 экз. (2%); 43-2 – 20 экз. (20%); 41-2 и 41-2б – 7 экз. (7%); 41-2в, 41-2г и 39-1г – 55 экз. (55%); 45 – 9 экз. (9%), прочие – 4 экз. (4%).

Отмеченные типы венчиков определенным образом коррелируют с типами Т. В. Сергиной и вариантами (подгруппами), отмеченными автором настоящих строк. При этом применение анализа конструктивных схем позволило описать формы венчиков более подробно, чем это имело место в вышеописанных типологиях. Но, как уже отмечалось выше, границы между некоторыми типами на конкретном материале оказываются весьма нечеткими. После «укрупнения» за счет объединения близких форм и выделением промежуточных форм между горизонтальным и завернутым (наклонным) вниз краем (число которых оказывается довольно значительным) схема разбиения форм венчиков обретает следующий облик (табл. 5). В категорию «незначительно наклонный вниз» отнесены венчики, определение которых типом 4 или 5 по типологии Т. В. Сергиной вызвало затруднения. Количественное распределение по данной схеме индивидуальных форм венчиков из нижнего горизонта ямы 1 (100 экз.) и ямы 3 (226 экз.) показано в таблицах 6 и 7 соответственно.

Таблица 5. Опыт разбиения форм венчиков из заполнения ям 1 и 3 с поселения Глушица 1. 2016 г.

Чистовой край с шейкой:	Без заворота «чернового» края внутрь:	С заворотом «чернового» края внутрь:
– изогнутой – «ломаной» – наклонной внутрь – вертикальной – наклонной наружу	– наклонный вверх – горизонтальный – завернутый вниз – незначительно наклонный вниз	– наклонный вверх – горизонтальный – завернутый вниз – незначительно наклонный вниз

Таблица 6. Поселение Глушица 1. 2016 г. Венчики сосудов из заполнения нижнего горизонта ямы 1 (100 экз.).

Чистовой край с шейкой	Без заворота «чернового» края внутрь				С заворотом «чернового» края внутрь			
	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз
изогнутой	–	3	–	–	–	3	–	–
«ломаной»	–	–	–	–	–	3	–	–
наклонной внутрь	–	9	42	11	–	14	7	6
вертикальной	–	1	–	–	–	1	–	–
наклонной наружу	1	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 7. Поселение Глушица 1. 2016 г. Венчики сосудов из заполнения ямы 3 (226 экз.).

Чистовой край с шейкой	Без заворота «чернового» края внутрь				С заворотом «чернового» края внутрь			
	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз
изогнутой	1	2	–	–	2	20	–	–
«ломаной»	–	–	–	–	–	11	–	–
наклонной внутрь	3	43	67	21	–	34	8	11
вертикальной	–	1	–	–	–	1	–	–
наклонной наружу	–	–	–	–	–	–	–	–

Таким образом, серийно в комплексах обеих ям представлены следующие формы венчиков (рис. 13; 14):

1. Изогнутые венчики с горизонтально ориентированным чистовым краем (как правило, подтреугольных очертаний) с заворотом «чернового» края внутрь. В целом соответствуют типу 23-1 по классификации В. Ю. Коваля. По типологии Т. В. Сергиной такие венчики можно отнести к типам 3 либо 4 (*Сергина*, 2004. С. 22–23). По классификации

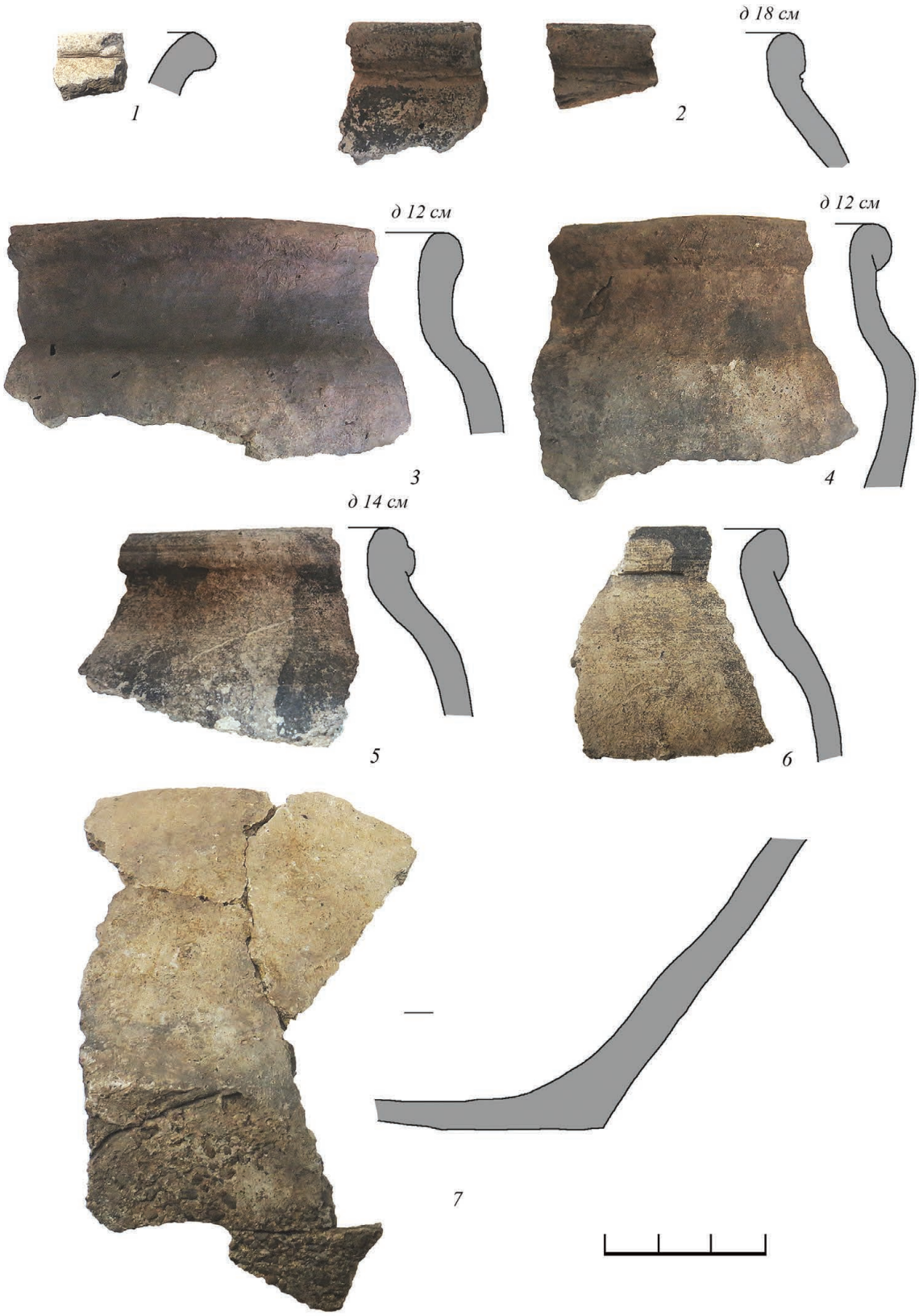


Рис. 11. Белоглиняная керамика из заполнения ямы 3

В. С. Курмановского они соответствуют условному типу 6 (*Курмановский*, 2017. С. 117, Табл. 2), по рабочей полевой схеме, принятой для Глушицы – подгруппе 1в (*Курмановский*, 2017. С. 122). Сравнительно хорошо представлены только в материалах ямы 3 2016 г. (20 экз., 8,8%) (рис. 14, *1–20*), в нижнем горизонте ямы 1 присутствуют в небольшом количестве (3 экз., 3%) (рис. 13, *1–3*). Возможно, часть подобных венчиков, особенно в заполнении ямы 1, могла попасть из более ранних отложений.

2. Венчики с «ломаной» (конструктивная схема VI по В. Ю. Ковалю) шейкой, горизонтально ориентированным чистовым краем и заворотом «чернового» края внутрь. Соответствуют варианту 28-1Г «расширенной» схемы В. Ю. Коваля. По схеме Т. В. Сергиной можно отнести к типу 4. По схеме В. С. Курмановского, также как и предыдущая форма относятся к условному типу 6, либо переходным формам между типами 6 и 7. По полевой схеме, принятой для Глушицы, можно отнести к подгруппам 1в, 2а, либо переходным формам между ними. Так же, как и предыдущая разновидность, относительно неплохо представлены только в яме 3 (11 экз., 4,9%) (рис. 14, *21–31*), в нижней части ямы 1 насчитывается всего 3 экз. (3%) (рис. 13, *4–6*).
3. Венчики с наклоненной внутрь шейкой и горизонтально ориентированным чистовым краем с заворотом «чернового» края внутрь. Соответствуют выделенному В. Ю. Ковалем типу 43-2. По типологии Т. В. Сергиной вписываются в рамки типа 4, по схемам В. С. Курмановского – в рамки условного типа 7 и подгруппы 2а. Представлены 14 экз. (14%) в заполнении нижней части ямы 1 (рис. 13, *7–20*) и 34 экз. (15%) в заполнении ямы 3 (рис. 14, *32–65*).
4. Венчики с наклоненной внутрь шейкой и горизонтально ориентированным чистовым краем без заворота «чернового» края внутрь. Соответствуют выделенным В. Ю. Ковалем типам 41-2 и 41-2Б. По типологии Т. В. Сергиной принадлежат к типу 4, по схемам В. С. Курмановского относятся соответственно к типу 7

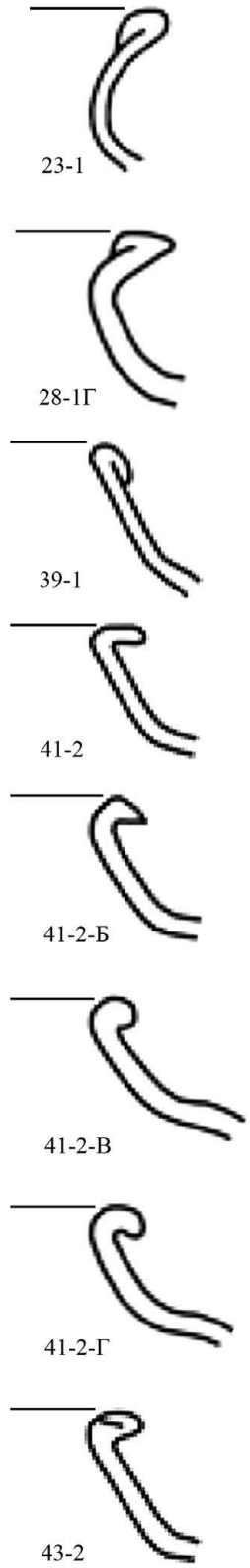


Рис. 12. Типы сосудов «расширенной» схемы, отмеченные в заполнении ям 1 и 3 на поселении Глушица 1 2016 г. (по В. Ю. Ковалю)

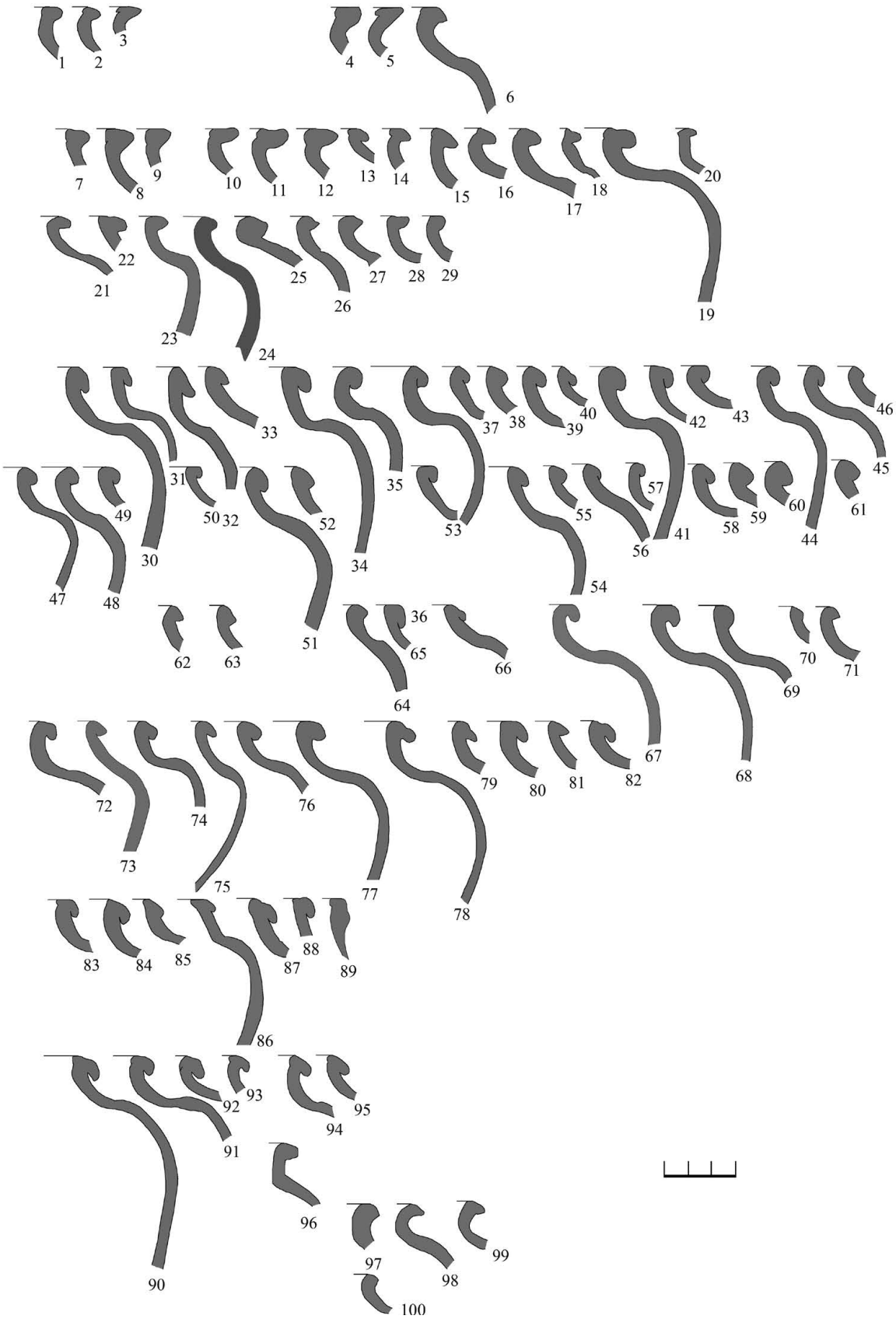


Рис. 13. Венчики сосудов из «нижнего» горизонта заполнения ямы 1

1–3 – вариант 1; *4–6* – вариант 2; *7–20* – вариант 3; *21–29* – вариант 4; *30–71* – вариант 5; *72–82* – вариант 6; *83–89* – вариант 7; *90–100* – прочие формы

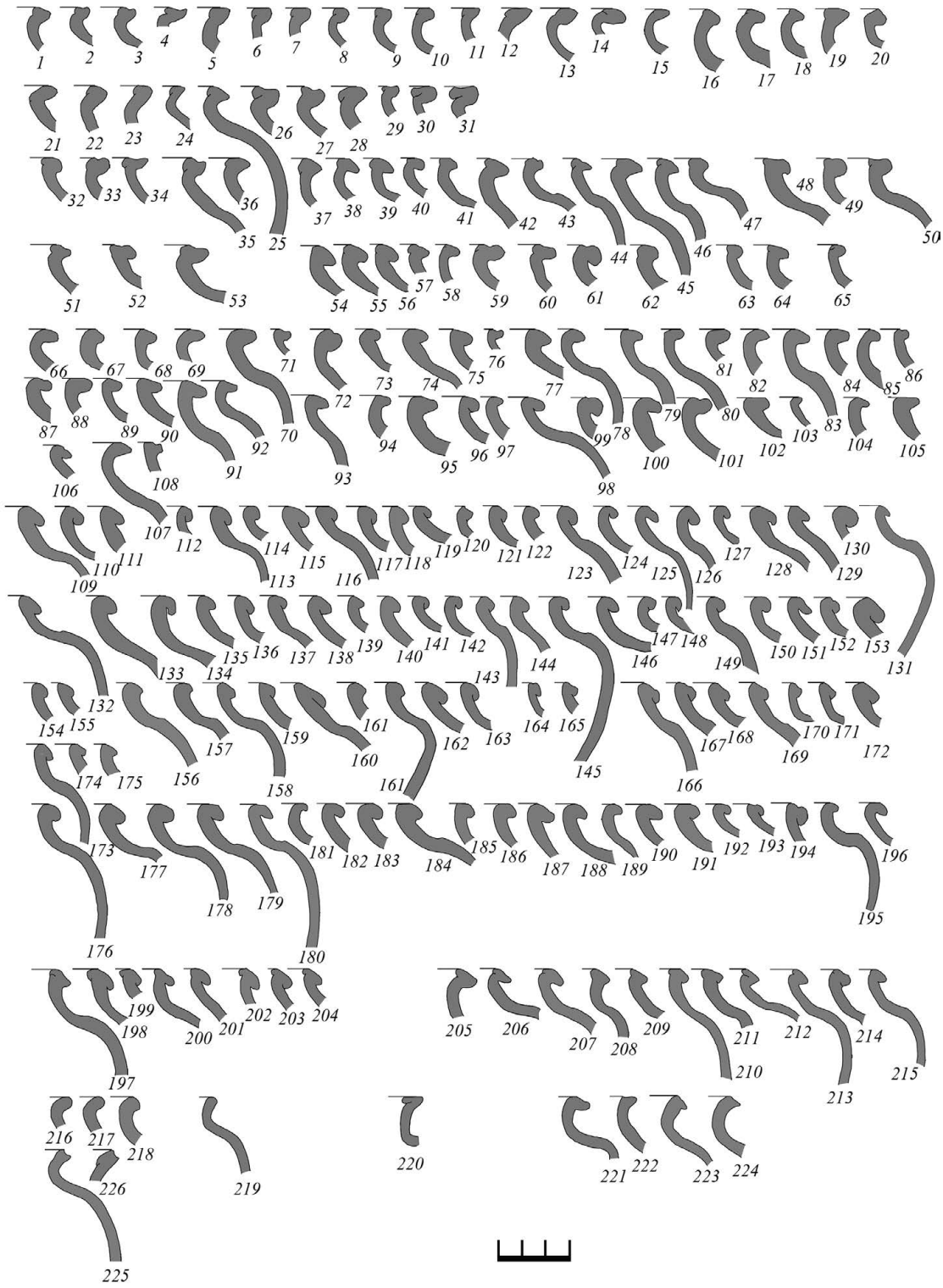


Рис. 14. Венчики сосудов из заполнения ямы 3

1–20 – вариант 1; *21–31* – вариант 2; *32–65* – вариант 3; *66–108* – вариант 4; *109–175* – вариант 5; *176–196* – вариант 6; *197–204* – вариант 7; *205–226* – прочие формы

и подгруппе 2а. В заполнении нижней части ямы 1 насчитывается 9 экз. (9%) (рис. 13, *21–29*), в заполнении ямы 3 – 43 экз. (19%) (рис. 14, *66–108*).

5. Венчики с наклоненной внутрь шейкой и завернутым вниз чистовым краем, без заворота «чернового» края внутрь. Соответствуют типам 39-1; 41-2В и 41-2Г «расширенной» схемы В. Ю. Коваля. По типологии Т. В. Сергиной соответствуют типу 5, по схемам В. С. Курмановского – условному типу 8 и подгруппе 2б. В заполнении нижней части ямы 1 отмечено 42 экз. (42%) (рис. 13, *30–71*), в заполнении ямы 3 – 67 экз. (29,6%) (рис. 14, *109–175*).
6. Венчики с незначительно наклонным вниз краем, наклоненной внутрь шейкой и без заворота «чернового» края внутрь (11 экз. (11%) в яме 1 (рис. 13, *72–82*) и 21 экз. (9,2%) в яме 3 (рис. 14, *176–196*). Отнесены к типу 41-2Г расширенной схемы В. Ю. Коваля. По-видимому, их стоит рассматривать как промежуточные формы между отмеченными разновидностями 4 и 5.
7. Венчики с наклоненной внутрь шейкой, отогнутым вниз чистовым краем и заворотом «чернового» края внутрь. Представлены 7 экз. в нижней части ямы 1 (7%) (рис. 13, *83–89*) и 8 экз. в яме 3 (3,5%) (рис. 14, *197–204*). К ним примыкают формы с незначительно наклонным вниз краем, составляющие соответственно 6 и 11 экз. (6 и 4,9%) (рис. 13, *90–95*; 14, *205–215*).

Все рассмотренные варианты разбивки форм венчиков демонстрируют заметно больший процент сосудов с формой шейки, отличной от наклонной внутрь, а также сосудов с горизонтально ориентированным чистовым краем в заполнении более ранней ямы 3, что соответствует намеченным ранее тенденциям в развитии форм смоленской керамики. Вместе с тем отнесение к разным категориям форм с заворотом «чернового» края внутрь и без такового при сходной ориентации чистового края заметным образом меняет соотношение форм сосудов. В комплексах обеих ям в таком случае наиболее многочисленным оказывается отмеченный выше вариант 5, объединяющий основную часть венчиков типа 5 по типологии Т. В. Сергиной. Однако, следует учитывать, что на части венчиков варианта 4, вместе с венчиками варианта 3 составляющего тип 7 (2а) по схемам В. С. Курмановского, примерно соответствующий типу 4 Т. В. Сергиной, следы «чернового» края могли быть полностью заглажены.

Полученные комплексы керамики из ям Глушицы 1 2016 г. можно сопоставить с другими комплексами смоленской керамики данного периода. Это, в частности, материалы раскопов на ул. Соболева: УС-XI, опубликованные Т. В. Сергиной, и УС-V, опубликованные В. В. Бегуновой. Общая выборка венчиков сосудов из слоев XV в., проанализированных в работе Т. В. Сергиной, насчитывает 67 экз. Из них почти половину (49%) составляют сосуды типа 5, тип 4 составляет 18%, оставшиеся 33% распределяются между другими типами (*Сергина*, 2004. Табл. 7). Наиболее представительная выборка керамики из этих слоев (34 сосуда) происходит из яруса 8 (датировка по Н. В. Мясниковой – начало 90-х годов XIV в. – первое десятилетие XV в.) (*Сергина*, 2004. Илл. 46–52). При «пересчете» на схему, предложенную выше, этот материал распределяется следующим образом (табл. 8). Наиболее многочисленную разновидность также составляют сосуды с наклоненной внутрь шейкой и завернутым вниз чистовым краем без следов «чернового» края (11 экз.; 32,3%). Сосуды типа 5 по Т. В. Сергиной в совокупности составляют 12 экз. (35,3%), все формы с горизонтально ориентированным чистовым краем (тип 4 по Т. В. Сергиной) – 11 экз. (32,3%). Для более поздних слоев раскопа УС-XI характерно довольно значительное количество сосудов слабопрофилированных форм, фактически отсутствующих в материалах Глушицы 1. Так, для яруса 6 (начало 70-х – конец 80-х годов XV в.) из 18 сосудов 5 (27,8%) принадлежат к слабопрофилированным формам, 12 (66,7%) – к типу 5, в том числе 11 (61,1%) – с наклоненной внутрь шейкой, и один (5,6%) – с незначительно изогнутой шейкой, 2 (11,1%) – к типу 4 (с наклоненной внутрь шейкой, горизонтально ориентированным чистовым краем и заворотом «чернового» края внутрь, а также с очень короткой изогнутой шейкой и заворотом «чернового» края внутрь) (*Сергина*,

Таблица 8. Смоленск. Венчики сосудов из яруса 8 раскопа УС-XI (начало 90-х годов XIV – первое десятилетие XV в.) (по Т. В. Сергиной).

Чистовой край с шейкой	Без заворота «чернового» края внутрь				С заворотом «чернового» края внутрь			
	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз	наклонный вверх	горизонтальный	завернутый вниз	незначительно наклонный вниз
изогнутой	1	4	–	–	4	3	–	1
«ломаной»	1	–	–	–	3	–	–	–
наклонной внутрь	–	2	11	1	–	1	1	–
вертикальной	–	–	–	–	–	–	–	–
наклонной наружу	–	1	–	–	–	–	–	–

2004. Илл. 57–60). Общие данные по слоям XIV в., выборка из которых насчитывает 132 экз. сосудов, демонстрируют 35% типа 4 (самого многочисленного в слоях этого столетия) и 24% типа 5 (*Сергина*, 2004. Табл. 7). В слоях яруса 9 (конец 60-х – середина 80-х годов XIV в.), выборка из которого составила 60 сосудов, наиболее многочисленными оказались сосуды с наклоненной внутрь шейкой и завернутым вниз чистовым краем, без следов «чернового» края – 11 экз. (18,3%); 8 экз. (13,3%) составили сосуды с горизонтально ориентированным чистовым краем, изогнутой шейкой и заворотом «чернового» края внутрь; 6 экз. (10%) – с горизонтально ориентированным чистовым краем. «ломаной» шейкой и заворотом «чернового» края внутрь; 6 экз. (10%) – сосуды с наклоненной внутрь шейкой, горизонтально ориентированным чистовым краем и заворотом «чернового» края внутрь; 5 экз. (8,3%) – с изогнутой шейкой и горизонтально ориентированным чистовым краем без следов «чернового» края. Совокупная доля сосудов типа 5 по Т. В. Сергиной в данном ярусе может быть определена 13 экз. (21,7%), типа 4 – 28 экз. (46,7%) (*Сергина*, 2004. Илл. 36–44). В том же ярусе раскопа УС-V, по данным В. В. Бегуновой, из 168 сосудов наиболее многочисленны (42 экз., 25%) сосуды с «ломаной» шейкой (тип VI по В. В. Бегуновой, соответствует конструктивной схеме VI по В. Ю. Ковалю) с горловиной, обработанной отгибом «чернового» края внутрь с нажимом и срезом. На втором месте (31 экз., 18,4%) оказываются сосуды с наклонной внутрь шейкой и небольшим отогнутым наружу устьем (конструктивная схема IX) с аналогичным оформлением горловины; на третьем (18 экз., 10,7%) – сосуды той же конструктивной схемы с горловиной, обработанной отгибом с наложением против оси вращения круга в сочетании с нажимом и срезом (т. е. без заворота «чернового» края). Наиболее распространенные конструктивные схемы венчиков во всем массиве сосудов распределяются следующим образом: схемы с наклоненной внутрь шейкой (VIII и IX) – 50 (29,8%) и 16 (9,5%), итого 66 (39,3%), схема VI (с «ломаной» шейкой) – 60 (35,7%), схема V (с изогнутой шейкой) – 18 (10,7%). Всего в выборке 118 сосудов (70,2%) имеют заворот «чернового» края внутрь. Характер описаний не позволяет разделить сосуды типов 4 и 5 по типологии Т. В. Сергиной, однако на иллюстрациях сосуды со значительно отогнутым вниз чистовым краем (т. е. надежно входящие в категорию типа 5) не отмечены. (*Бегунова*, 2020. Табл. 5. Рис. 30–31). Сравнительные характеристики комплексов керамики Смоленска и Глушицы 1 показаны в таблице 9.

Данные таблицы демонстрируют выделение среди комплексов керамики двух «полюсов». Один из них, «ранний», характеризуется преобладанием типа 4 венчиков по типологии Т. В. Сергиной, широким распространением изогнутых и ломаных

Таблица 9. Некоторые характеристики комплексов смоленской керамики XIV–XV вв. (%).

Комплекс		Тип 4 (по Т.В. Сергиной)	Тип 5 (по Т.В. Сергиной)	Сосуды с изогнутой шейкой	Сосуды с ломаной шейкой	Сосуды с наклонной внутрь шейкой	Сосуды с заворотом «чернового» края внутрь	Сосуды без заворота «чернового» края внутрь	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5
Глушица 1	яма 1-2016 (нижняя часть) (100 экз.)	34	47	6	3	87	35	65	3	3	14	9	42
	яма 3-2016 (226 экз.)	50,0	33,1	11,0	4,9	83,2	38,1	61,9	8,8	4,9	15,0	19,0	29,6
	яма 2-2006 (35 экз.)	51,4	40,0	8,6	8,6	80,0	28,6	71,4	2,9	5,7	11,4	31,4	37,1
УС-XI	XIV в. (132 экз.)	35,0	24,0	31,8	25,8	40,1	58,3	41,7	14,4	8,3	9,8	9,8	11,3
	XV в. (67 экз.)	18,0	49,0	28,4	4,5	49,3	26,9	73,1	9,0	–	3,0	3,0	35,8
	ярус 6 (18 экз.)	11,1	66,7	27,8	–	66,7	16,7	83,3	1,1	–	1,1	–	61,1
	ярус 8 (34 экз.)	32,3	35,3	38,2	11,8	47,1	38,2	61,8	8,8	–	2,9	5,9	32,3
	ярус 9 (60 экз.)	46,7	21,7	28,3	15,0	45,0	51,7	48,3	13,3	10,0	10,0	8,3	18,3
УС-V, ярус 9		–	–	10,7	35,7	39,3	70,2	29,8	–	–	–	–	–

форм шейки, наличием в большинстве случаев завернутого внутрь «чернового» края. Второй, «поздний», полюс отмечен доминированием типа 5 венчиков по типологии Т. В. Сергиной, наклоненных внутрь шеек, и редкостью «чернового» края. Ранжирование комплексов по степени близости к тому или иному полюсу позволяет в целом разбить их на две группы. Более четко выделяется «поздняя» группа, куда входят сводная серия XV в. раскопа УС-XI, комплекс яруса 6 того же раскопа и нижних горизонтов ямы 1 Глушицы 2016 г. Все прочие комплексы, датируемые XIV – первой половиной XV в. образуют «раннюю» группу. Периферийное положение в ней занимает комплекс яруса 8 раскопа УС-XI, датируемый рубежом XIV–XV вв., характеризующийся незначительным преобладанием типа 5 венчиков над 4 и сравнительно небольшим процентом венчиков с заворотом «чернового» края внутрь. Комплексы ямы 3-2016 и ямы 2-2006 Глушицы 1 по ряду показателей занимает промежуточное положение между ярусами 8 и 9 раскопа УС-XI. Так, процент венчиков типа 4 (следует учитывать, однако, исключение «переходных» форм между типами 4 и 5) сближает их с ярусом 9 (и даже оказывается рекордно высоким из всех рассматриваемых серий), в то время как доля венчиков с заворотом «чернового» края оказывается близка к показателю яруса 8. Нужно также отметить, что в наиболее ранних сериях XIV в. менее высокий процент венчиков типа 4 объясняется широким присутствием здесь венчиков более ранних типов (в частности, типа 3 по типологии Т. В. Сергиной), фактически не представленных в материалах Глушицы 1. Более архаичный облик комплекса ямы 3, датированного в пределах XV в., в сравнении с материалом яруса 8 раскопа УС-XI, датируемого рубежом XIV–XV столетий, может объясняться, в том числе, тем, что последняя дата отно-

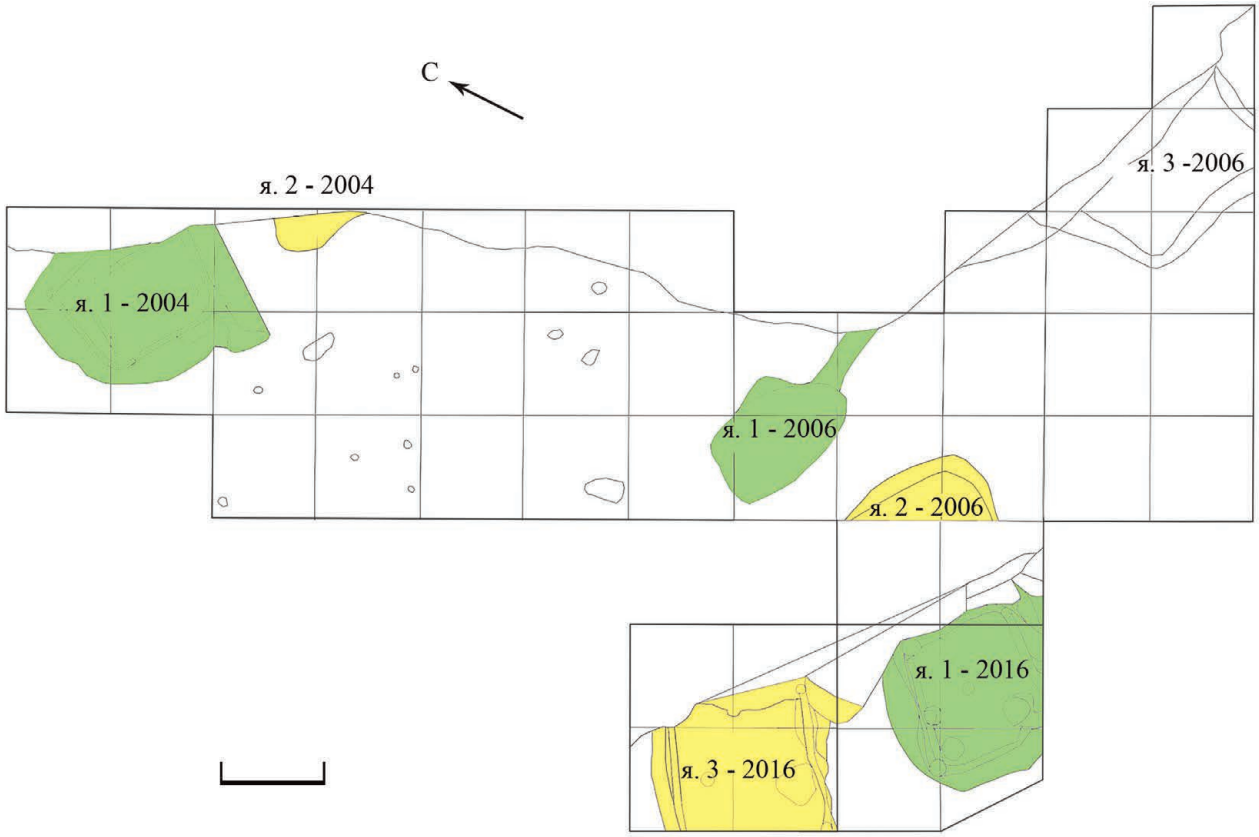


Рис. 15. Сводный план объектов раскопанного в 2004–2016 гг. участка в западно-центральной части поселения Глушица 1. Желтой заливкой обозначены ямы 1-й пол. XV в., зеленой заливкой – ямы 2-й пол. XV в.

сится непосредственно к порубке деревьев данного строительного яруса, в то время как следующий ярус 7 аналогичным образом датируется 50–60-ми годами XV в. Соответственно, дата бытования керамического комплекса яруса 8 может определяться в пределах всей первой половины – середины XV столетия. К комплексу ямы 3 очень близок по составу комплекс ямы 2-2006 Глушицы 1, в непосредственной близости от которой также обнаружена монета Витовта. В свою очередь, комплекс нижнего горизонта ямы 1 занимает периферийную позицию в «поздней» группе, оказываясь архаичнее как комплекса яруса 6, так и выборки по XV в. в целом, в которую входит и комплекс яруса 8, тяготеющий к «ранней» группе. В то же время «поздней» особенностью всех трех комплексов Глушицы является очень высокий процент сосудов с наклонной внутрь шейкой, заметно превышающий даже показатели яруса 6 раскопа УС-XI.

При интерпретации полученных данных могут быть привлечены материалы более ранних раскопок поселения Глушица 1. В частности, в 2004–2007 гг. в примыкающей к раскопу 2016 г. части поселения исследованы еще две ямы (яма 1-2004 и яма 1-2006), из которых получены радиоуглеродные даты, соответствующие второй половине XV в. (*Курмановский*, 2014. Табл. 2, 3), а рядом с ними – две ямы, по-видимому, относящиеся к первой половине столетия (в том числе, яма 2-2006, керамический комплекс которой рассмотрен выше). Вторая яма (яма 2-2004) была почти полностью уничтожена обрывом. В ее заполнении, также как в яме 3 2016 г. отмечались довольно многочисленные фрагменты белоглиняной керамики (рис. 15). Таким образом, на памятнике выделяются два этапа бытования сооружений, датируемые соответственно первой и второй половиной столетия. Чем может объясняться произошедшая в сере-

дине XV в. перепланировка? Гипотетически ее можно связать с событиями Смоленского восстания 1440 г., после подавления которого в Смоленской земле литовская администрация предприняла ряд репрессивных мер, в том числе действий, связанных с перераспределением собственности (*Полехов*, 2014). Не исключено, что именно вследствие этих событий на Глушице мог возникнуть «господарский двор», что нашло археологическое отражение в следах перепланировки поселения.

Подводя итоги, следует отметить, что работы 2016 г. на поселении Глушица 1 позволили выявить два крупных комплекса керамики, достаточно надежно датируемых первой и второй половиной XV в. соответственно. Облик керамики и состав комплексов близко коррелирует с материалами последней трети XIV–XV в. из раскопок на ул. Соболева в Смоленске, а также с сосудами с кладом из Новых Батек, и в основном подтверждает выводы и датировки Т. В. Сергиной. Различия в составе комплексов достаточно наглядно показывают различия в их хронологии. Перепланировку поселения, с чем связано прекращение функционирования ямы 3 и отрытие ямы 1, а также аналогичная судьба объектов на площади, раскопанной в 2004–2007 гг., гипотетически возможно связать с событиями Смоленского восстания 1440 г.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Авдусин Д. А., 1951. Отчет об археологических раскопках в г. Смоленске в 1951 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 618.

Авдусина С. А., Зозуля С. С., 2018. Исследования на территории Ольшанского городища под Смоленском // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и иссследования. Т. 1. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 12–27.

Бегунова В. В., 2020. Керамика XII – первой половины XV в. из раскопа УС-V в г. Смоленске (коллекции 1955 и 1957 гг. из собрания фондов Смоленского музея-заповедника) // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Авт.-сост. Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 79–141.

Болдин И. В., 2012. Круговая керамика бассейна верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга: Буки Веди, 2012. 172 с.

Гусаков М. Г., 2012. К вопросу о классификации смоленской керамики (по материалам раскопок 2008–2010 гг.) // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань: Александрия, 2012. С. 154–166.

Ершов И. Н., 2018. Формирование и развитие Смоленска до середины XIII в. по данным археологии. Дисс. ... канд. истор. наук. М. 322 с.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. 128 с.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., 2020. Керамика Вязьмы XIII–XVII вв. // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Авт.-сост. Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 142–164.

Курмановский В. С., 2014. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации // АП. Вып. 10 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 405–418.

Курмановский В. С., 2017 Смоленская керамика XI–XVIII вв.: опыт рабочей классификации // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 112–124.

Курмановский В. С., 2017а. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке / М.; Смоленск: ИА РАН, Свиток. С. 82–105.

Курмановский В. С., 2018. Гнездово и окрестности в XI–XVIII вв.: Историко-археологический очерк // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и иссследования. Т. 1. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 242–267.

Минкин А. Е., *Шмидт Е. А.*, 1961. Находки конца XIV – начала XV в. на р. Ольше у д. Новые Батеки Смоленского района // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 4. Смоленск: Смоленское книжное изд. С. 376–387.

Мясникова Н. В., 1980. К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI на ул. Соболева) // СА. № 2. С. 246–251.

Полехов С. В., 2014. Смоленское восстание 1440 года // Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. (Исторический вестник. Т. 7 (154)). С. 160–197.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г., 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ИА РАН. 208 с.

Пронин Г. Н., *Соболь В. Е.*, 2020. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН. 336 с.

Седов В. В., 1955. Отчет о полевой работе Смоленского отряда Среднерусской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1955 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1093.

Сергина Т. В., 1991. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15993.

Сергина Т. В., 1992. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17473.

Сергина Т. В., 1999. Отчет о работе в окрестностях с. Волочек Дорогобужского района Смоленской области в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22787.

Сергина Т. В., 1999а. Отчет о работе в г. Дорогобуже в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22797.

Сергина Т. В., 2000. Отчет о раскопках городища у с. Волочек (Нахимовский) Холм-Жирковского района Смоленской области в 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 24691.

Сергина Т. В., 2002. Городище Алферовское // Смоленские древности. Вып. 2. Смоленск: Смоленская тип. С. 77–97.

Сергина Т. В. 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск: Смоленская тип. С. 5–190.

Урьева А. Ф., 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС–V в Смоленске // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: МГУ. С. 80–104.

Янишевский Б. Е., 2010. Можайск и его округа в XI–XV вв. М.: Таус. 144 с.

V.S. Kurmanovsky

Ceramics of the 15th Century from Smolensk Area: New Materials

Abstract. Two large pottery complexes dating from the first and second half of the 15th century are considered. respectively. They were discovered during excavations in 2016 at the Glushitsa 1 settlement in the immediate vicinity of Smolensk. The author gives an overview of the problems of the chronology of Smolensk ceramics.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.94-106

Г. А. Массалитина*, И. В. Болдин**
** Национальный парк «Угра», Калужская обл.*
*** Калужский объединенный музей-заповедник, Калуга*

Топография летописного Козельска

Козельск (Козелеск, Козлеск), один из городов на северо-востоке Черниговского княжества, в летописях упоминается с 1146 г. Широкую известность ему принесла героическая оборона против войск хана Батыя весной 1238 г., описанная в Ипатьевской летописи (ПСРЛ, 1908. Стб. 332, 338, 468, 741, 780–781).

До начала 1990-х годов вопрос о местонахождении древнерусского Козельска не возникал: со времен Н. М. Карамзина он традиционно локализовался в современном Козельске – районном центре Калужской области, на левом берегу р. Жиздры, крупного левого притока р. Оки, в верховьях последней. Это логично следовало из контекста летописных сообщений и более детализированной документально последующей истории города, начиная с XIV в. Небольшая речка Другуска, текущая по городу, перед впадением в Жиздру образует обширную крутую петлю, оставляя между руслами обеих рек очень узкий перешеек, своеобразные «ворота» в исторический центр Козельска. На этом, самом высоком месте в пределах города (высота над р. Жиздрой около 27 м), стояла крепость-«острог», известная по документам XVI–XVII вв. Имеется подробное ее описание на последнюю четверть XVII столетия (Дополнения... 1875. С. 246). Крепость отчетливо обозначена на планах Козельска 1777 г., где она указана как «город» (Фонды КОМЗ. Колл. № КП 453) и 1782 г. (Атлас... 1782). На последнем показан окружающий ее непрерывный земляной вал (рис. 1), остатки которого на двух коротких отрезках сохранились до наших дней.

По укоренившейся еще с XIX в. традиции, берущей начало от исследователей калужской старины Л. А. Кавелина (1847. С. 144) и И. Д. Четыркина (1900), считалось, что домонгольский Козельск находился здесь же. Впоследствии, на остатках города, разрушенного Батыем, была поставлена средневековая крепость. Позже это мнение разделяли московские археологи, обследовавшие центральную часть города: П. А. Рапопорт (1950-е), А. А. Медынцева (1960), Т. Н. Никольская (1975).

П. А. Рапопорт, называя место крепости «городищем Козельска», в своей известной работе упоминал его в главе, посвященной оборонительным сооружениям XI–XIII вв. и относил к типу укреплений, возводившихся на перешейках речной петли. Очень близкие аналогии он видел в городищах Тверского княжества – Ржева и Кашина (*Рапопорт*, 1961. С. 32).

А. А. Медынцева выполнила первое научное изучение исторической топографии Козельска, включающее визуальное обследование старой части города, сбор подъемного материала, опрос местных жителей, использование данных письменных источников и краеведческих публикаций. Под древним Козельском она понимала всю территорию в приустьевой петле р. Другуски. По ее заключению, система обороны города состояла из укреплений детинца и внешнего вала, опоясывающего город (термин «окольный город» она не использовала). Детинец, по мнению А. А. Медынцевой, занимал не только часть перешейка между руслами рек Жиздры и Другуски, где стояла средневековая крепость, но и соседний, такой же высокий участок берега р. Жиздры (в микротопонимике Козельска – «Белевская Горка», к северу от крепости); их разделяет узкая улица Белевская Горка. Внешний вал, о котором в середине XIX в. писал Л. А. Кавелин, не сохранился. По сведениям местных жителей

Рис. 1. Планы г. Козельска

а – 1777 г.; *б* – 1782 г.

его остатки просматривались еще до 1930-х годов, а ныне напоминает улица Земляной Вал, проходящая вдоль склона к р. Жиздре. Определить точные границы внешнего вала уже невозможно, но исследовательница полагала, что они охватывали значительное пространство внутри петли р. Другуски[1].

Сооружение валов – детинца и внешнего – А.А. Медынцева очень предположительно относила к XVI в.: ко времени «Ивана Грозного, когда город стал заново укрепляться». В качестве единственного основания в отчете упоминаются обломки кирпичей среди сохранившихся остатков вала детинца (отметим сразу, что кирпичи могут иметь отношение к зданиям, которыми была застроена территория бывшей крепости; они показаны на планах города конца XVIII в.). В то же время, описание системы обороны Козельска она предваряет замечанием: «По письменным источникам известно, что город в древности был окружен валами и рвами. Самое раннее упоминание

[1] По данным А.А. Медынцевой, остатки сильно оплывшего вала прослеживались у северной оконечности петли р. Другуски, по улице Спартаковская; позже о них упоминала Т.Н. Никольская. Короткий участок улицы, о котором идет речь, вытянут вдоль русла реки и занят старыми деревянными строениями. Авторы настоящей статьи считают это заключение сомнительным.

о валах Козельска содержится в Ипатьевской летописи в 1238 году». Подъемный керамический материал исследовательница датировала в широких пределах: с X по XVIII в., в нем существенно преобладали фрагменты посуды XV–XVIII вв. Находки керамики X–XIII вв., по ее наблюдениям, концентрировались в пределах Белевской Горки, хотя единичные встречались и на других обследованных участках (*Медынцева*, 1960. Л. 1–8).

Т. Н. Никольская остатками домонгольского Козельска также считала всю территорию, огражденную внешним валом, называя ее «городищем». Место средневековой крепости она признавала его бывшим детинцем и полагала, что в Ипатьевской летописи при описании событий 1238 г. упоминаются именно те валы, которые показаны на планах города XVIII в., и остатки которых сохраняются до сих пор.

Мнение исследовательницы о древней топографии Козельска выглядит очевидной данью устоявшейся традиции. В этом отношении особо показателен характер керамики из трех закладывавшихся шурфов, идущий вразрез с ее основными выводами. Почти все полученные в них фрагменты круговой посуды датированы ею XVI–XVII вв. Лишь в шурфе на Белевской горке выявлен горизонт культурного слоя, содержавший «домонгольскую керамику с горизонтальным рифлением и волнистым орнаментом, а также овручское шиферное пряслице». Тем не менее, детинцем древнерусского Козельска Т. Н. Никольской признан, как уже сказано, высокий участок берега на узкой перемычке между руслами рек Жиздры и Другуски, а посадом – территория к северу от него, вплоть до берега р. Другуски (*Никольская*, 1975. Л. 22–24).

Первые археологические раскопки в Козельске, организованные Деснинской экспедицией ИА РАН, проведены в 1992 г. Их основная задача заключалась в выявлении и изучении остатков древнерусского Козельска. Выбор конкретного места для исследования определялся указанной выше традицией, поэтому места закладки трех раскопов общей площадью 164 кв. м были привязаны к остаткам позднесредневековой крепости. Итог оказался следующим: полученный обширный материал характеризовал средневековый и последующие этапы существования города, с XIV в. по XX в. В то же время, дополнительное обследование исторического центра современного Козельска позволило тогда же выявить участок, очень подходящий для местоположения города эпохи Древней Руси – береговой мыс близ устья р. Другуски. Помимо характерной топографии, в подъемном материале с огородов местных жителей здесь присутствовали фрагменты керамики XI–XIII вв., обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица (*Массалитина, Нигматуллин*, 2002. С. 65–67).

В 1997 г. на этом мысу Деснинская экспедиция закладывала два шурфа общей площадью 20 кв. м. Культурный слой в них оказался сильно нарушенным (постройкой Воскресенского храма в 1620-х годах и некрополя при нем, современными строениями) и содержал, преимущественно, позднесредневековый материал. Тем не менее, наблюдения 1992 г. подтвердились: в переотложенном виде в нем присутствовали находки древнерусского времени, включая домонгольскую керамику. Глубина шурфа 2 площадью 4 кв. м составила 4,2 м. Придонную его часть разрушения не затронули, но изучить явно стратифицированный слой должным образом не удалось: площадь шурфа на этом уровне едва вмещала одного человека, и он постоянно заполнялся грунтовыми водами. В сложной обстановке 1990-х годов технически решить эту проблему оказалось невозможным.

В результате работ Деснинской экспедиции возник новый вариант представления о древней топографии Козельска. В монографии, подводившей итоги ее исследований в городе и округе, городище Козельска выделено – среди прочих в Мещовском ополье – в особый тип с тремя укрепленными частями и сложной планировкой оборонительных сооружений: 1) детинец (предположительно) – мысовая часть в устье р. Другуски, оборонительные сооружения которого не сохранились[2]; 2) окольный город – при-

[2] К замечанию «следы снивелированного и сильно заплывшего вала очень слабо читаются в юго-западной части мыса, под домами современной застройки», по нашему мнению, следует относиться осторожно – это субъективное восприятие, требующее проверки археологическими методами.

мыкал к детинцу с юга и запада, занимал значительную часть петли р. Другуски, простираясь на юг до ул. Белевская Горка. Его защищал «внешний» вал, о котором писали Л. А. Кавелин, А. А. Медынцева, Т. Н. Никольская; 3) крепость («острог», «город») на перешейке между руслами рек Жиздры и Другуски. Хронология Козельского городища в издании представляется следующим образом: древнейшая часть – мысовая, только здесь встречены немногочисленные фрагменты керамики мощинской и роменской культур. Древнерусские находки имеются на мысу и в окольном городе. Основная же часть материала всей территории относится к XIV–XVII вв. и более позднему времени.

В указанной монографии есть заключения, не согласующиеся между собой. Выделяя в трехчастной структуре городища детинец (то есть, по определению – укрепленную внутреннюю часть некоего города) и даже усматривая в микрорельефе мыса в устье р. Другуски будто бы сохранившиеся остатки его оборонительного вала, авторы, тем не менее, интерпретируют этот мысовой участок как «поселение», городской статус которого археологические материалы (напомним, происходящие из двух шурфов общей площадью 20 кв. м) не подтверждают. Итоговый вывод: «Вероятнее всего поиски древнерусского Козельска следует вести не на территории современного города с таким же названием и не в его ближайшей округе, а несколько восточнее – на берегах р. Оки, основного водного пути этого региона» (*Нигматуллин и др.*, 2005. С. 21–23, 142). Проблема местоположения летописного Козельска, таким образом, приобрела совсем непредвиденный оборот.

Историки к подобному «нигилизму» отнеслись скептически. Для авторов настоящей статьи, принимавших в работах непосредственное участие (Г. А. Массалитина – руководитель, держатель Открытого листа; И. В. Болдин выполнял анализ многотысячной коллекции фрагментов круговой посуды) такой вывод также оказался неожиданным. Считая его преждевременным и нелогичным, мы решили продолжить исследования на участке исторического ядра Козельска, явно перспективном для поиска остатков древнерусского города. Они велись ежегодно на протяжении десяти лет, с 2010 по 2019 г., что дало новую разностороннюю информацию, во многом меняющую и уточняющую прежние представления о начальной истории города. В частности, удалось получить факты для обоснования местонахождения детинца Козельска XI–XIII вв. и территории его посада и выработать свой взгляд на древнюю топографию города.

Следует отметить, что планировка города претерпела существенные изменения вследствие кардинальной перестройки уездного Козельска в соответствии с регулярным планом в конце XVIII в., проведения через старую его часть двух железнодорожных линий (конец XIX в. и 1930-е годы) и интенсивного строительства XX в. Тем не менее, исторические документы, планы города XVIII в., сохраняющиеся пока еще в той или иной степени детали рельефа и материалы археологических раскопок позволили локализовать детинец древнерусского Козельска в месте слияния рек Другуски и Жиздры.

Рассмотрим его подробнее. Это мыс правого, очень высокого и обрывистого берега р. Другуски близ ее впадения в р. Жиздру. Подчеркнем, современное устье реки – искусственное: в 1930-х гг. оно было отведено в связи со строительством железной дороги. Прежде река в данном месте очень круто огибала мыс, и ее древнее природное русло в приустьевой части находилось непосредственно у его восточной подошвы. Это хорошо видно на карте Козельска 1777 г. На ней, кроме того, имеются и другие примечательные и интересные для нас топографические детали: на мысу показана обособленная возвышенность, аналогичная месту средневековой крепости, только меньших размеров. С юга к ней примыкает обширный овраг (рис. 1а).

И в настоящее время возвышенность в виде невысокого холма правильной овальной формы (размеры около 110×170 м) хорошо просматривается визуально и отчетливо читается на современной топосъемке города. К пойме холм резко обрывается и осыпается, поэтому изначальная его конфигурация и площадь неизвестны. С севера и юга его ограничивают овраги. Южный, что показан на карте 1777 г., перекрыт высокой насыпью железной дороги; его явно засыпали в связи с ее строительством. Уже в начале XVII в.

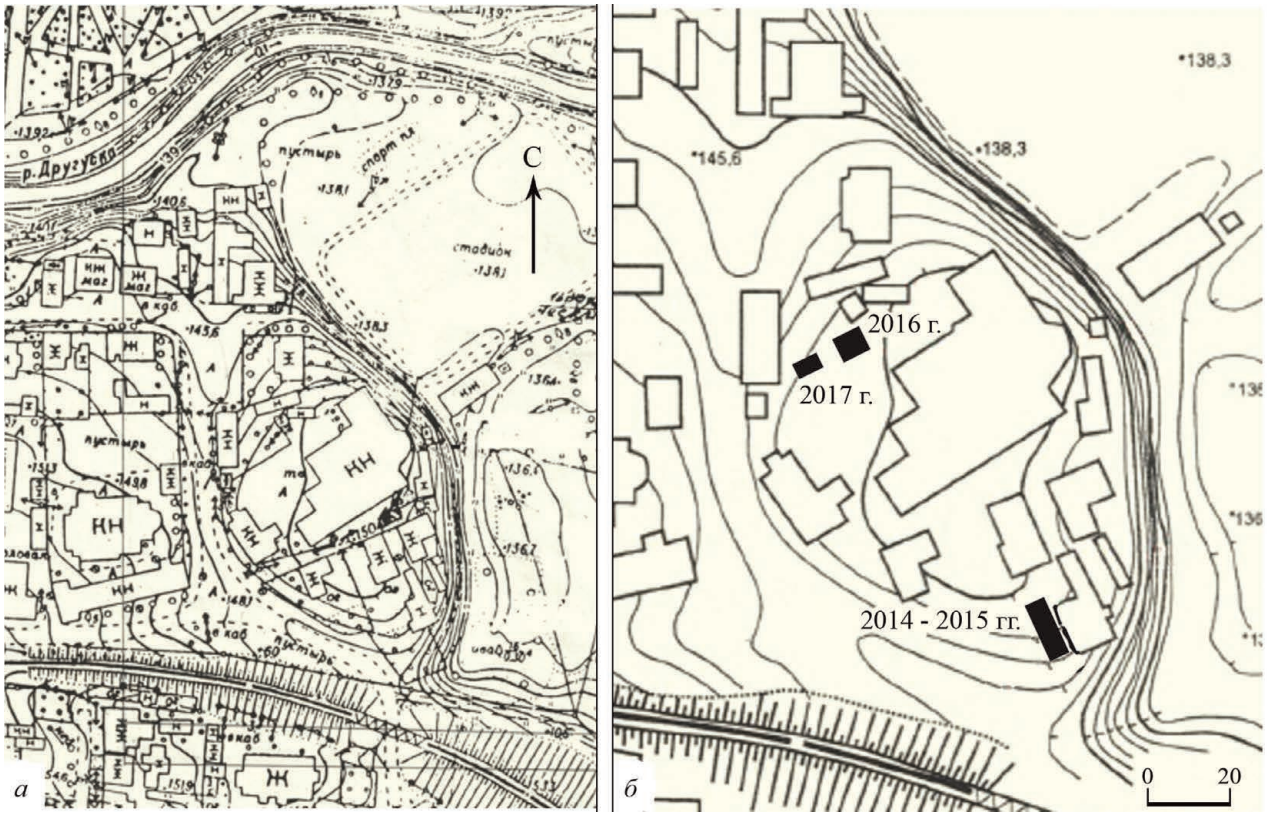


Рис. 2. Участок г. Козельска близ устья р. Другуски на современной карте (*а*) и местоположение раскопов 2014–2017 гг. (*б*)

на холме существовал Вознесенский женский монастырь, в 1764 г. упраздненный. В наши дни это место очень плотно застроено. Центральную его часть в советские годы длительное время занимала хлебопекарня, частью которой была и церковь Вознесения. По периферии холма расположены частные домовладения (рис. 2а).

С 2011 г. началось постепенное возрождение обители. Вялотекущие строительные работы и благосклонность монастырской администрации предоставили шанс для археологии Козельска, хотя и в данной ситуации раскопки широкой площадью оказались невозможными. На протяжении ряда лет территория холма – центральная его часть и периферия – методично обследовалась не стыкующимися друг с другом небольшими раскопами (общая площадь 214 кв. м). По итогам работ имеются публикации (*Массалитина и др.*, 2015). Выявленная «штатная» мощность культурных напластований на холме колебалась на отметке 3 м, максимальная достигала почти 6 м. В их основании повсеместно фиксировался хорошо сохранившийся слой с многочисленными находками и объектами древнерусского времени, включая домонгольский этап (до 1 м) и подстилающий его горизонт с материалами роменской культуры. Для рассматриваемой темы особый интерес представляют данные раскопок 2014–2017 гг., когда обследовалась периферия холма, и в толще культурного слоя обнаружились остатки оборонительных сооружений – вала и зафиксированных внутри него сгоревших деревянных конструкций (рис. 2б). Остановимся на этом чуть подробнее, хотя их изучению посвящена отдельная статья (*Массалитина и др.*, 2019. С. 136–147).

В 2014–2015 гг. работы велись на юго-юго-восточном склоне холма. Южная стенка раскопа 2015 г. находилась неподалеку от насыпи железной дороги, от последней ее отделял неглубокий овраг – остатки обширного оврага, показанного на карте Козельска 1777 г. Основу всей пачки культурных напластований раскопов составлял песок с включениями разного характера. Из находок отмечены лишь единичные фрагменты

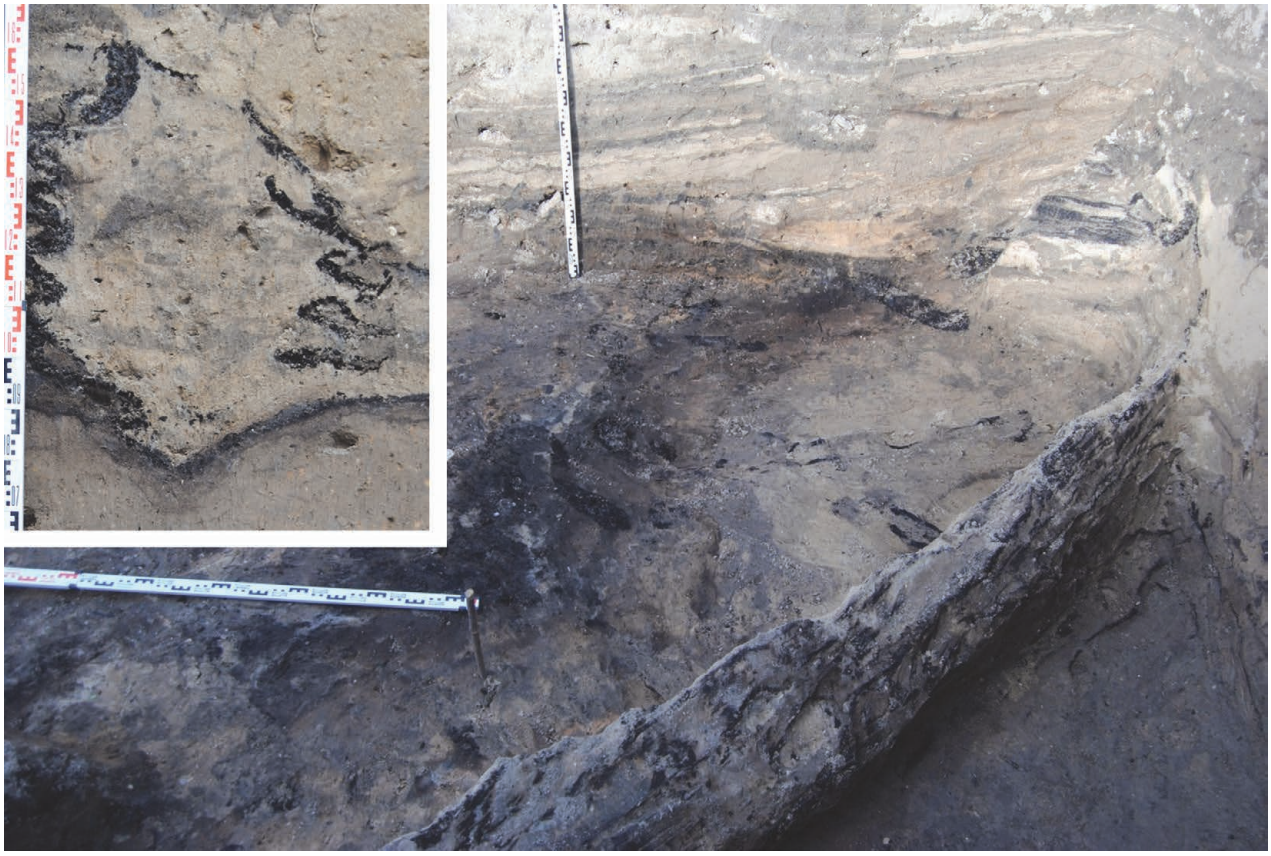


Рис. 3. Остатки пожара в культурном слое Козельска. Раскоп 2014 г.

стеклянных браслетов и керамики, в нижних горизонтах – древнерусской и роменской. Придонные части обоих раскопов содержали следы обширного пожара: остатки сгоревших бревен крупных размеров среди пепла, золы, углей. Они залегали на прокаленном докрасна на толщину более 0,1 м песчаном грунте – показатель того, что бревна не перемещены в результате разгребания пожарища: горело здесь, на этом месте. Положение древесных остатков друг относительно друга не позволило проследить какую-либо определенную конструкцию. Но в стенках раскопа местами отчетливо читались своеобразные «елочки» правильной формы из тонких углистых контуров – следы сгоревших бревен, свидетельствующих, что какая-то конструкция тут все-таки имела место быть (рис. 3). Радиоуглеродные даты подтвердили археологическую датировку, установленную на основе изучения стратиграфии и фрагментов глиняной посуды: сгоревшие конструкции сооружались из деревьев, росших в домонгольское время (рис. 4; табл. 1)[3].

Весьма примечательным оказался характер стратиграфии раскопа 2014 г., южная стенка которого граничила с началом крутого склона. На длинных его стенках отчетливо видно, что множество горизонтов слоя противонаправлены современному рельефу: они не повторяют линию склона, а наоборот, довольно круто, под одинаковым углом поднимаются вверх, но при выходе на современную дневную поверхность были срезаны (рис. 5). Выявленная ситуация давала все основания предполагать, что она связана с остатками вала древнерусского Козельска, упоминаемого в Галицко-Волынской летописи при описании драматических событий 1238 г.: «Тотаром же бьющимся о град, приятии хотящимъ град, разбившим граду стѣну, и возиидоша на валъ татаре…» (ПСРЛ, 1908. Стб. 780–781).

[3] Интерпретация результатов анализа выполнена сотрудником лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии ИГ РАН А. В. Долгих.

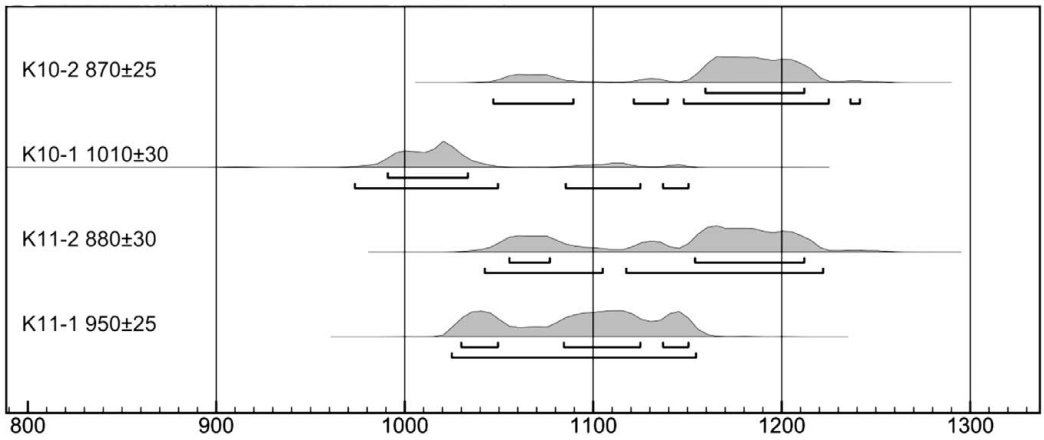


Рис. 4. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесины из раскопа 2014 г.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесины из раскопа 2014 г.

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C	
			BP*	BC/AD**
K10-1	Козельск-2014, пл. 10 (сердцевина, 5 колец)	Ki-18771	1010±30	1σ 990 AD (68,2%) 1033 AD 2σ 973 AD (82,4%) 1049AD 1085 AD (10,4%) 1124 AD 1136 AD (2,6%) 1150 AD
K10-2	Козельск-2014, пл. 10 (внешние 5 колец, промежуток 20 лет)	Ki-18772	870±25	1σ 1159 AD (68,2%) 1212 AD 2σ 1046 AD (13,5%) 1089 AD 1121 AD (3,1%) 1139 AD 1148 AD (78,3%) 1224 AD 1236 AD (0,5%) 1241 AD
K11-1	Козельск-2014, пл. 11 (сердцевина, 5 колец)	Ki-18773	950±25	1σ 1030 AD (18,0%) 1049 AD 1084 AD (38,1%) 1124 AD 1136 AD (12,1%) 1150 AD 2σ 1024 AD (95,4%) 1154 AD
K11-2	Козельск-2014, пл. 11 (внешние 5 колец, промежуток 20 лет)	Ki-18774	880±30	1σ 1055 AD (14,4%) 1076 AD 1154 AD (53,8%) 1212 AD 2σ 1042 AD (27,0%) 1104 AD 1117 AD (68,4%) 1222 AD

Работы 2016–2017 гг. велись на запад-северо-западной оконечности холма. Вскрытая в ходе них картина остатков вала оказалась намного выразительнее, здесь он сохранился на значительную высоту. В раскопе 2016 г. наиболее полное представление дает северная стенка. Множественные песчаные прослойки, нередко с золисто-углистыми границами, простираются на ней с очень большим отклонением от условной линии горизонта: они круто поднимаются в западном направлении. Это важно, так как раскоп расположен в начале западного склона холма, поэтому логично ожидать, что слои будут, наоборот, опускаться в эту сторону. Самая нижняя из прослоек зафиксирована в придонной части раскопа, на глубине почти 3 м от современной дневной поверхности. Фрагменты керамики, связанные с этим уровнем культурного слоя, суммарно датируются XI–XIII вв. (рис. 6). Таким образом, как и на южном склоне холма, современный и древний рельеф поверхности не совпадали. Уже не было сомнения, что

Рис. 5. Восточная стенка раскопа 2014 г.

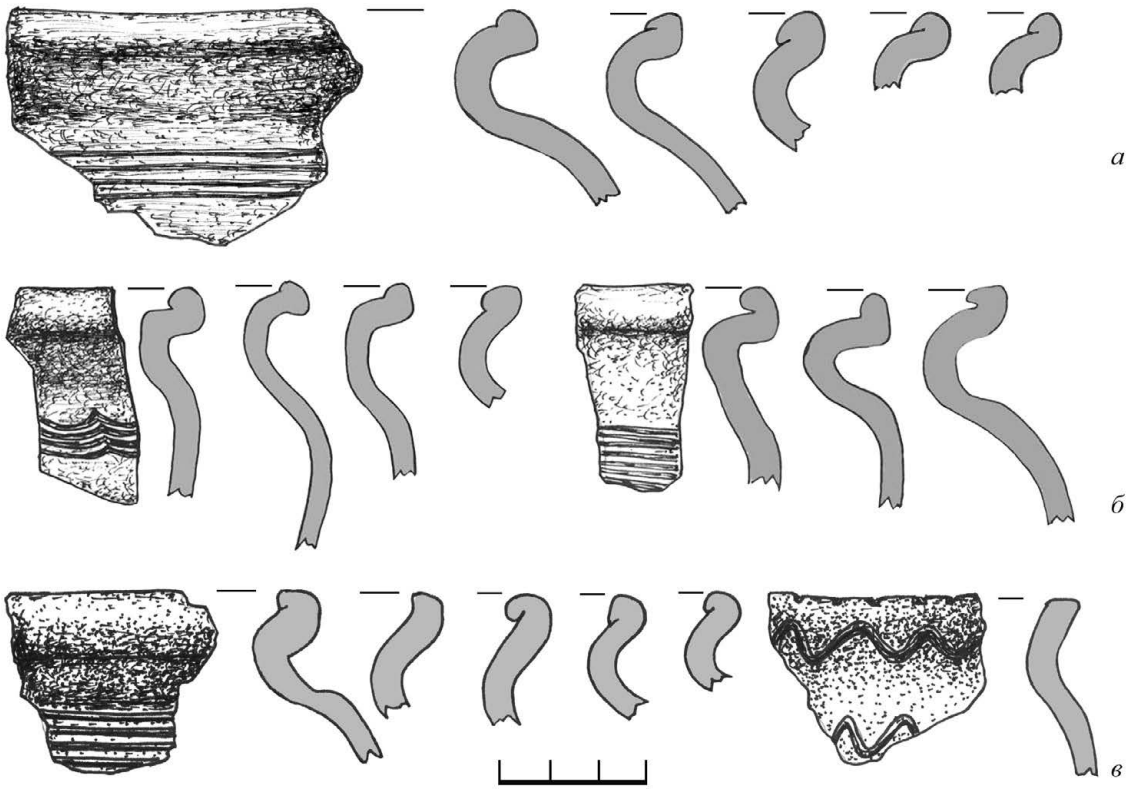


Рис. 6. Образцы фрагментов верхних частей круговых сосудов из культурного слоя г. Козельска

а – раскоп 2016 г.; *б* – раскоп 2014 г.; *в* – раскоп 2012 г.

Рис. 7. Раскоп 2017 г. Зачистка после снятия пласта 10

в обоих случаях мы имели дело с остатками вала детинца древнего Козельска: и там, и здесь это был тыльный его склон, обращенный в сторону города.

По всей площади раскопа также фиксировались следы мощного пожара. Одно из крупных обугленных бревен (по заключению А. Л. Александровского – дубовое) выявлено на уровне, с которым связана нижняя прослойка вала. Корректную радиоуглеродную дату для внешних сохранившихся колец получить не удалось, они были загрязнены «молодым» органическим веществом. Однако калиброванная дата внутреннего кольца этого бревна соответствовала 1071 ± 45 г. н. э.

Раскоп 2017 г. располагался ниже по западному склону холма от раскопа 2016 г. Предполагалось, что он попадет на внешний склон вала и, возможно, захватит начало спуска в ров. Наличие рва логично прогнозировалось характером микрорельефа территории, прилегающей к холму с запада: между огибающими его с севера и юга оврагами имеется перемычка; сейчас это короткий отрезок асфальтированной улицы Земляной Вал.

Исследованный в 2017 г. участок оказался самым глубоким из козельских раскопов всех лет работ: его максимальная глубина от самой высокой точки современной дневной поверхности в пределах раскопа составила 5,86 м (верхние 1,5 м – слой, связанный с инфраструктурой хлебокомбината). Особой информативностью отличалась северная стенка (рис. 7; 8). Песчаный массив вала на ней отчетливо маркировался тонкими прослойками плотной вязкой серо-коричневой глины. Глинистые полосы поднимались снизу в западной части раскопа и под очень большим углом к линии горизонта простирались в толще песка вверх, параллельно друг другу в восточном направлении. Линия материка круто опускалась вниз на запад, в целом – параллельно прослойкам темной глины, но имела на северной и южной стенках отчетливо ступенчатый профиль.

Раскоп 2017 г., таким образом, пришелся, как и ожидалось, на внешний склон вала: характер залегания культурных напластований совпадал с естественным рельефом местности. В нижних пластах

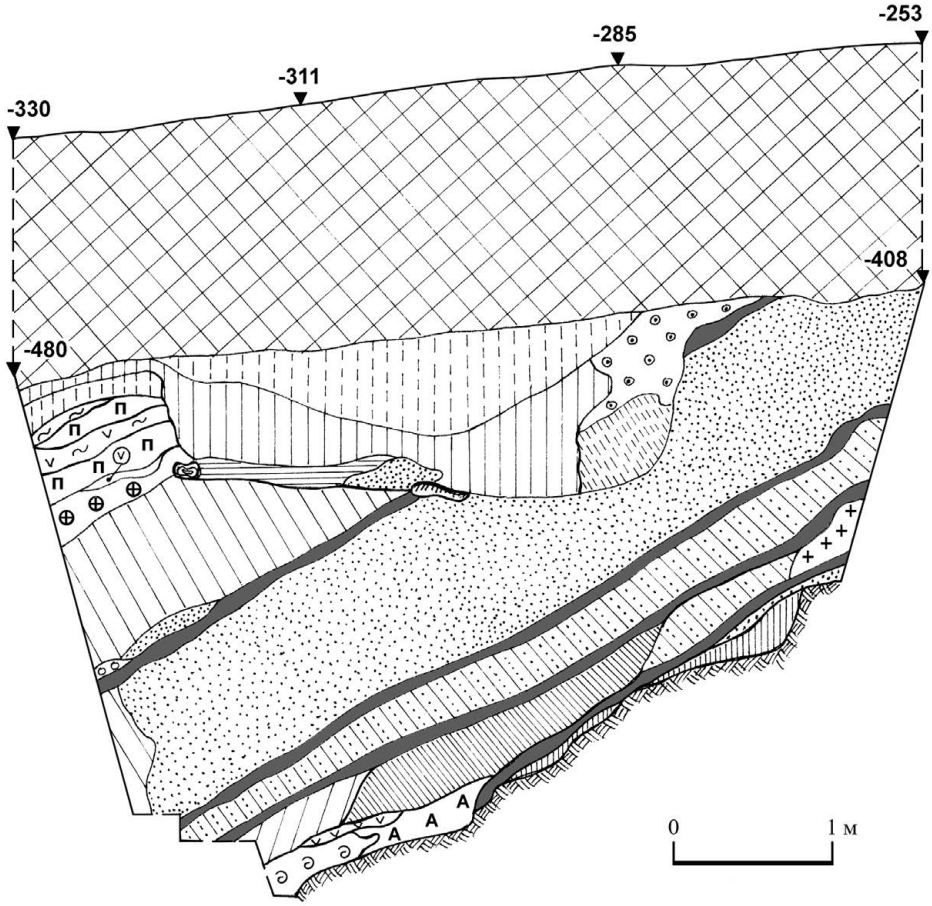


Рис. 8. Северная стенка раскопа 2017 г.

найдены немногочисленные фрагменты лепной керамики роменской культуры и круговой XI–XIII вв. Там же обнаружены четыре изделия, составляющие типичный набор вятических женских украшений: лопасть серебряного семилопастного височного кольца XII – начала XIII в., бронзового широкосрединного ажурного перстня, бронзового бубенчика, стеклянного браслета.

К сожалению, условия, в которых производились работы на заключительном этапе (ливневые дожди, вызывавшие обрушение стенок из рыхлого песка) не позволили завершить их должным образом. Исследуемая площадь была сокращена, не удалось выявить ожидаемое начало спуска в ров, проследить основание глинистых прослоек, определяющих конфигурацию вала.

А. В. Шеков, анализируя размеры различных частей «городища» Козельска, каким оно предстало в итоговой монографии Деснинской экспедиции, отмечает: «Для определения площади так называемого детинца на месте бывшего женского монастыря надежных данных нет». При этом он ссылается на устное сообщение С. З. Чернова, принимавшего непосредственное участие в работах Т. Н. Никольской 1975 г., об отсутствии каких-либо фактов о существовании на бывшей монастырской территории оборонительных валов, поэтому применение термина «детинец» к этому месту ничем не обосновано (*Шеков*, 2018. С. 280). Итоги работ 2000-х годов, как мы пытались показать, дают для этого все основания.

Помимо топографии и археологических материалов, в пользу этого говорят и исторические источники. В архивной документации Сарайской и Крутицкой епархии имеется следующая запись: «Государю преосвященному Варсонофию, митрополиту Сарскому и Подонскому, бьетъ челомъ Кадашевец Максимка Родионовъ. По твоему святительскому благословению и обещанию своему построилъ я церковь новую в городе Козелске, на посаде, на старом городище, во имя Вознесения Гос-

подня...»[4]. Определение «старое городище» очень симптоматично: именно так обычно обозначалось местоположение древнейших городских центров на картах XVIII–XIX вв. в противовес территории средневекового города, именуемой «острог» или «новое городище». Наиболее близкий пример – соседний с Козельском Перемышль на р. Жиздре: «новым городищем» («острогом») там называется крепость XV–XVII вв., «старым городищем» – остатки города эпохи Древней Руси (в середине XVI в. на нем поставлен Успенский собор, ныне руинированный).

Может вызвать вопрос небольшая площадь детинца древнерусского Козельска. Расстояние между археологически выявленными тыльными участками вала, расположенными почти на диаметрально противоположных склонах холма – примерно 70 м. Но здесь уместно вспомнить, что исследователи не раз отмечали маленькие размеры вятических городков в бассейнах верхней Оки и Десны; по данным Т. Н. Никольской площадь детинца с посадом – в среднем от одного до 6,5 га (*Никольская*, 1980. С. 173). В этом смысле козельский детинец не только не уступает – он сопоставим, а в некоторых случаях даже превышает площади таких летописных верхнеокских городов, как Мосальск, Мещовск, Серпейск и других. К примеру, размеры городища Мосальска – 30–40×100 м, Мещовска – 75×100 м (причем, это диаметры холмов; если они имели несохранившиеся валы, то размеры площадок будут еще меньше); площадка Серпейска, окруженная валами – около 60×80 м. Эти городки для древнерусского времени рассматриваются как центры домениальных владений князей Черниговского дома, для эпохи удельного Средневековья – как центры уделов и резиденций соответствующих «верховских князей» – Мосальских, Мезецких и др. (*Шеков*, 2018; *Кром*, 2010).

В ходе работ 2000-х годов получены данные, позволяющие наметить границы посада древнерусского Козельска. Исследования 2012 г. на Белевской горке подтвердили данные Т. Н. Никольской 1975 г. о наличии здесь культурного слоя эпохи Древней Руси (рис. 9). Раскоп закладывался на стройплощадке с тщательно спланированной поверхностью (по распоряжению Президента РФ Д. А. Медведева в Козельске, получившем звание «Город воинской славы», по просьбе жителей спешно строилась баня). Сохранившийся на высоту около метра слой был стратифицирован; нижняя его часть мощностью до 0,45 м содержала материалы XI–XIII вв. и роменской культуры. Множество древнерусских находок извлечено из строительного отвала близ раскопа.

Белевскую Горку и холм со средневековой крепостью разделяет, напомним, узкая улица, круто спускающаяся к р. Жиздре. Склоны Горки и холма очень крутые, поэтому улица имеет вид своеобразного каньона. Вероятнее всего, она проложена по дну природного оврага. На территории крепости древнерусские материалы отсутствуют. Следует думать, что овраг и был южной границей посада древнерусского Козельска. Северная и восточная его окраины также имели естественные границы: начало крутых склонов к поймам р. Другусны (северная) и р. Жиздры (восточная). Не установленной оставалась западная граница.

Общий характер территории исторического ядра Козельска позволял предполагать, что на запад граница городского посада XI–XIII вв. может простираться до р. Другусны. Но заложенные здесь в 2018–2019 гг. шурфы (территория школы-интерната), показали отсутствие ярко выраженных древнерусских материалов. Мощность культурного слоя в шурфе 1 площадью 16 кв. м достигала всего 0,4–0,6 м, а крайне немногочисленные керамические находки относились к периоду XVIII–XX вв. В шурфе 2 (1 кв. м) толщина слоя превышала метр, он был плотно насыщен керамикой, основная часть которой датирована XIV–XVII вв.; зафиксирован лишь один древнерусский венчик (*Болдин и др.*, 2019). С учетом шурфа Т. Н. Никольской 1975 г., к юго-западу от холма на мысу, в котором присутствовала только позднесредневековая посуда, вопрос западной границы посада древнерусского Козельска следует признать открытым.

[4] Копию документа нам любезно предоставила козельский краевед Л. И. Филинова.

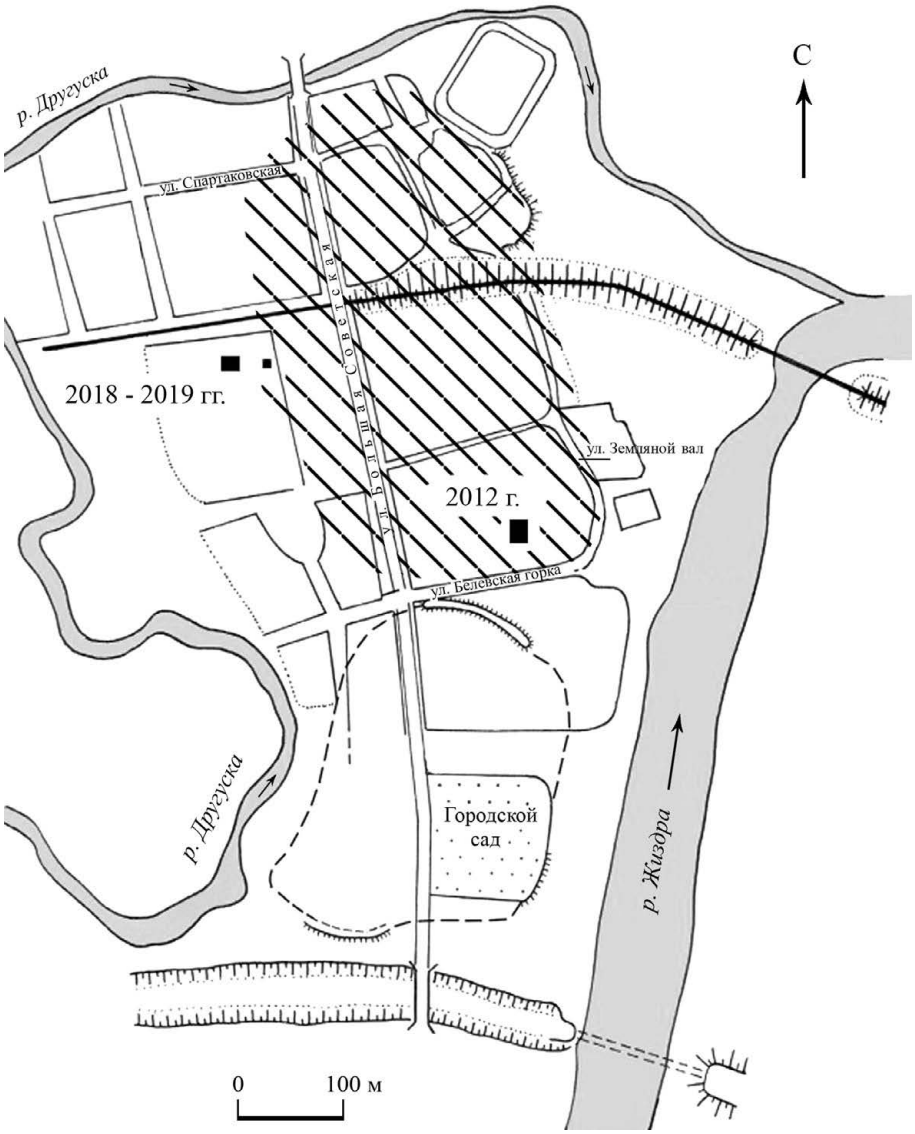


Рис. 9. Условные границы распространения культурного слоя XI–XIII вв. в историческом центре г. Козельска

Подведем итоги. В отличие от устоявшейся точки зрения, помещавшей детинец домонгольского Козельска в южной части исторического ядра города, на месте средневековой крепости, а посад – к северу от него, по нашим данным ситуация с древней топографией меняется на прямо противоположную: детинец находился на севере, в наиболее труднодоступном месте внутри речной петли, на мысу, образованном крутым ее изломом. Посад занимал территорию к югу от него.

С традицией именовать «городищем» почти всю обширную территорию внутри приустьевой петли р. Другуски, по нашему убеждению, давно пора расстаться. Уже на этапе работ А. А. Медынцевой и Т. Н. Никольской она выглядела странной: это был некий собирательный объект, включающий совершенно асинхронные памятники. Неоправданность такого подхода особенно заметна в версии, представленной в итоговой монографии Деснинской экспедиции. При ее изложении, впрочем, заметна неуверенность и самих авторов: они явно уходят от темы детализации хронологии каждого из трех составляющих «городище» участков, а мысовой холм то называют «детинцем», то отказывают ему в этом.

Тема топографии Козельска XI–XIII вв. сейчас приобрела особую актуальность, так

как стала учитываться исследователями в концептуальных разработках. Примером может служить монография А. В. Шекова, где используется метод соотнесения археологических характеристик укрепленных поселений с их социально-политическим статусом. Напомнив об упоминании летописца о Козельске 1223 г., как резиденции кн. Мстислава, сына черниговского Святослава Всеволодовича, автор утверждает, что среди городов этнографической территории вятичей Козельск, наряду с Корачевом, имел самые крупные размеры. И указывает их с опорой на традиционное представление о козельском «городище»: детинец – около 7,8 га, окольный город – не менее 12,5 га. В нашем варианте древнерусский Козельск занимал примерно треть территории, ограниченной петлей р. Другуски. В обозначенных выше границах, с учетом проблемной западной, площадь его посада могла достигать 10 га, детинца (внутри выявленных остатков вала) – 0,5 га.

Литература

Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов, 1782 / ФГБУ «Российская государственная библиотека». Ко 106/VI-27. 1348 с.

Болдин И. В., Массалитина Г. А., 2019. Археологический поиск западной границы древнерусского Козельска // Труды регионального конкурса научных проектов. Вып. 2. Калуга: Калужский научный центр. С. 114–120.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 9. СПб.: Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1875. 380 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. Л. Александрова, 1908. 938 стб.

Кавелин Л. А., 1885. Историческое описание Введенской Оптиной пустыни. М.: Тип. М. Г. Волчанинова. 240 с.

Кром М. М., 2010. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV– первой трети XVI в. М.: Квадрига. 318 с.

Массалитина Г. А., Нигматуллин Р. А. 2002. Поиск местонахождения летописного Козельска // Деснинские древности. Вып. II. Брянск: Брянский краеведческий музей. С. 165–167.

Массалитина Г. А., Болдин И. В., 2015. Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования // Поволжская археология. № 1. Казань. С. 198–214.

Массалитина Г. А., Болдин И. В., 2019. Археологические раскопки Козельска в 2014–2017 гг. // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 136–147.

Медынцева А. А., 1960. Отчет об археологической разведке в г. Козельске, произведенной весной 1960 года / Архив ИА РАН. Р-1. № 2148.

Нигматуллин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М., 2005. Древний Козельск и его округа. М.: ИА РАН. (Труды отдела охранных раскопок. Т. 4). 183 с.

Никольская Т. Н., 1975. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5661.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в XI–XIII вв. М.: Наука. 293 с.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: АН СССР. (МИА. № 105). 246 с.

Четыркин И. Д., 1900. Археологические находки на южной стороне древнего городища в г. Козельске // Изв. Калужской ученой архивной комиссии. Вып. б/н. Калуга: Типо-Литография Губ. Правления. С. 8.

Шеков А. В., 2018. Политическая история и география Верховских княжеств. М.: Квадрига. 304 с.

G. A. Massalitina, I. V. Boldin

Topography of Chronicle Kozelsk

Abstract. Chronicle Kozelsk is traditionally identified with the modern city of the same name on the Zhizdra River, a large left tributary of the Oka River. As a result of large-scale archaeological work in 1992, material was obtained that was dated no earlier than the 14th century. In the course of work in 2010–2019. in the historical core of modern Kozelsk, a section of a citadel with the remains of a rampart was discovered, and the borders of the settlement were outlined.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.107-126

А. А. Медынцева
Институт археологии РАН, Москва

Училище и «школа» письма Онфима (по материалам новгородских берестяных грамот)

Открытие берестяных грамот в Новгороде, – вероятно, одно из самых значительных открытий славяно-русской археологии, получившее мировую известность как среди специалистов самых различных направлений исторического научного знания, так и среди людей, интересующихся историей. Количество их на настоящий день почти достигло полутора тысяч. Особое место занимают учебные грамоты Онфима (11 учебных упражнений и рисунков, найденных в 1956 г. в течение двух дней; позднее к ним добавили грамоту № 331). Среди научной общественности известности «учебным» берестяным грамотам добавила дискуссия между А. А. Арциховским и Б. А. Рыбаковым по поводу наличия даты в грамоте № 206, состоявшаяся в начале 60-х годов прошлого века. В этой грамоте в начале текста Онфимом был написан набор цифр, интерпретируемый А. А. Арциховским как бессмысленный набор букв-цифр, в то время как как Б. А. Рыбаков видел в них дату 6771/1263 г. Эта грамота привлекала особенное внимание как маркер яруса в связи с пересмотром датировки строительных ярусов Неревского раскопа в Новгороде. Нет смысла обращаться снова к этой дискуссии, в результате которой появилось революционное достижение для того времени – новгородская дендрохронологическая шкала, созданная Б. А. Колчиным. Процесс ее и результаты документально изложены в статьях Е. А. Рыбиной (2018. С. 130–145) и П. Г. Гайдукова (2010. С. 101–111). В настоящее время появилась и новая точка зрения, основанная на мнении отца Александра Троицкого, что это вообще не дата, а неумелая запись тропаря 6 часа (*Гиппиус, Зализняк,* 2015. С. 212). По данным дендрохронологии, уточненной П. Г. Гайдуковым, весь комплекс учебных грамот Онфима относится к ярусам 14–15, т. е. к 1224–1268 гг. (*Зализняк*, 2000. С. 100). Поэтому трактовка набора цифр в грамоте № 206 не имеет такого большого значения как в то время, когда при раскопках использовалась стратиграфическая датировка, а дендрохронологическая только еще разрабатывалась. Комплекс ученических грамот Онфима послужил материалом исследований А. А. Арциховского, В. Л. Янина, А. А. Зализняка и других ученых. Итоги их исследования подвел А. А. Зализняк, который, еще считая, что грамота № 206 содержит дату, подробно рассматривает весь «блок» ученических грамот, состоящий из 12 единиц, включая грамоту № 331. Эта грамота присоединена к учебному комплексу позднее и принадлежит к ярусам 12–13 (1268–1299 гг.). Исследователь рассматривает весь комплекс «учебных» грамот, делает поправки к чтению многих, сопровождая каждую грамоту грамматическими, фонетическими и лексическими комментариями. По его мнению, основная часть комплекса (блока) грамот относится ко второй трети XIII в., а по внестратиграфическому датированию – таблицам – к 40-м и 50-м годам XIII в. (*Зализняк*, 2004. С. 478). Они были написаны мальчиком 6–7 лет и выброшены, как предполагают, скорее всего, в один день (*Зализняк*, 2000. С. 100; 2004. С. 476–478). При этом выброшенные учебные грамоты распределились в основном в пределах двух соседних ярусов культурного слоя.

Кажется, «учебные» грамоты рассмотрены во всех возможных аспектах: как свидетельства учебного процесса, палеографии и лингвистики, их содержания – аналогий с соответствующими религиозными текстами и процессами обучения. Но до сих пор появляются работы как по иному прочтению привычных текстов (*Стаменова, Данилевский*, 2018), так и по теоретическому осмыслению системы обучения, связанного со строем древнерусского языка того времени (*Петрухин*, 2020). Так же до сих пор полностью не ясны как процесс обучения, так и уровень его, достигнутый Онфимом. Лишь бегло упоминаются как адресаты его соученики, и остается неизвестным по какой причине «учебные» грамоты, в том числе и более позднего времени, сосредоточены на участке поблизости от перекрестков Великой, Холопьей и Козьмодемьянской улиц. До сих пор не определены палеографические особенности письменной школы, где обучался Онфим, и местонахождение самой школы, или, как правильнее назвать, училища, так как сам термин «школа» относительно позднего западноевропейского происхождения. В древнерусских письменных (летописных и др.) текстах принято использовать термин «училище». В данной работе термин *училище* используется в современном смысле как место обучения и *школа* для обозначения палеографических особенностей письма «учебных» грамот Онфима. Эти важные вопросы вряд ли возможно решить в пределах одной статьи без привлечения и пересмотра полевой документации, но мне представляется важным еще раз обратить внимание на самого Онфима и его соучеников, и поиски училища, которое функционировало в середине – второй половине XIII в. неподалеку от перекрестка Великой и Холопьей улиц Новгорода.

Общеизвестно значение «учебных» текстов, так как они впервые позволили заглянуть в процесс обучения грамоте в XIII в., ранее известный по свидетельствам XVI–XVIII вв. и кое-где сохраняющийся до начала XX в. Отличие его от современной системы обучения состоит в использовании вместо буквенно-звуковой системы (где буква, как правило соответствует одному звуку) названий букв, составляющих алфавиты или абецедары: *аз, буки, веди, глаголь* и т. д. Для облегчения запоминания порядка букв использовались специальные тексты – так называемые азбучные молитвы. Само слово «азбука» произошло от названий первых букв: «аз» и «буки». Разумеется, что помимо практического назначения азбучные молитвы имели сакральный смысл. Одновременно ученик запоминал текст молитвы – именно поэтому начало алфавитов часто встречается в надписях на предметах (пряслицах, гребнях) и граффити на стенах, означая записанное начало азбучной молитвы, произносимой в процессе обучения

По поводу возникновения названий букв славянских азбук (кириллицы и глаголицы) существуют различные мнения и обширная литература, как и относительно азбучных молитв (*Куев*, 1974; *Гергиев*, 1981), но, безусловно, их названия уходят в глубокую древность – эпоху создания славянских азбук. Со временем тексты азбучных молитв упрощались, сохраняя лишь первое слово фразы и приобретая новые словесные формы. В церковно-славянском языке алфавит – порядок букв, составленный из их названий, сохранившийся в учебном процессе до XIX–XX вв., звучал понятно и запоминался даже вне полного текста азбучной молитвы, сохраняя общий благопожелательный смысл: «аз буки веди: глаголь – добро есть» и т. д. Первая необходимость состояла в заучивания слогов – складов, составленных из сочетаний согласных и гласных названий букв в алфавитном порядке. Произносили слоги-склады вслух. Именно этому факту обязана пословица: «Грамоте учат, на всю улицу кричат». При таком обучении первое слово, которое читают современные ученики – МАМА, необходимо было сложить из названий букв «Мыслете + Аз = ма», произнесенных дважды, и таким образом озвучивалось само слово. Переход к буквенно-звуковому чтению, при котором ученику необходимо мысленно выделить лишь первый звук названия буквы, составлял определенные трудности для ребенка. Эту трудность приходилось преодолевать в зависимости от таланта учителя и способностей ученика, пока она не превращалась в автоматическое действие. При

этом общие интеллектуальные возможности ученика не были столь уж важны. Ярким примером трудности психологического перехода от складов к автоматическому звуковому чтению представляет пример из канонического жития преподобного Сергия Радонежского, в котором повествуется, что отрок Варфоломей (в миру) – будущий игумен земли Русской, чудотворец, основатель ряда монастырей, в том числе Свято-Троицкого монастыря под Москвой, духовный собиратель русских земель, немало сделавший для возрождения русской духовной культуры, сначала никак не мог усвоить первоначальную грамоту. «Учитель наказывал его, сверстники укоряли, родители увещевали; он сам со слезами молился Богу, но грамота не давалась» (Жития... 1993. С. 91). Далее следует известный сюжет, названный в последствии как «Видение старца отроку Варфоломею»: «отрок, посланный искать коней в поле, увидел под дубом молящегося незнакомого старца и обратился с просьбой помолиться за него, чтобы научиться грамоте... Старец взошел в храмину молитвенную, взяв с собою Варфоломея... и настоял, чтобы отрок, взяв от него благословление начал стихословить Псалтырь... и от сего часа сделался весьма опытен в грамоте». В этом сюжете отчетливо виден след реального события, как умелый в обучении старец сумел объяснить будущему чудотворцу и собирателю русских земель переход от чтения слогов к буквенно-звуковому чтению, не дававшемуся ему ранее.

Онфим. «Учебные» грамоты Онфима и рисунки неоднократно комментировались исследователями (Арциховский, Янин, Рыбаков, Зализняк и др.), как с точки зрения их содержания, палеографических особенностей, состава азбук, так и предполагаемого возраста Онфима. Этот аспект особенно дискутировался в связи с датировкой грамоты № 206 – возраст мальчика определяли от 4–6 до 9 лет). Эти несколько лет разницы, казалось, были важны в связи с прочтением предполагаемой даты в этой грамоте и, следовательно, датировки строительного яруса, в котором найдена грамота. Грамоты Онфима обсуждались и специалистами (археологами, лингвистами, историками литературы, работниками просвещения), и журналистами. Все многочисленные мнения по поводу датировки, прочтения и содержания грамот суммированы в исследовании А. А. Зализняка (2004, С. 476–478). В этой работе А. А. Зализняк, еще считая, что грамота № 206 содержит дату, подробно рассматривает весь «блок» ученических грамот, состоящий из 12 единиц. К комплексу присоединена грамота № 331, найденная в ярусах 12–13 (1268–1299 гг.) (*Зализняк*, 2004. С. 478). По его мнению, они были написаны мальчиком 6–7 лет и выброшены скорее всего в один день, что повторяет точку зрения первооткрывателя А. А. Арциховского (1957. С. 218–219). А. А. Зализняк, делает поправки к чтению многих из них. Грамоту № 331 он закономерно отнес к учебному комплексу, хотя она найдена в ярусах 12–13 (1268–1299). (*Зализняк*, 2004. С. 478). В одной из последних своих работ, ссылаясь на мнение отца Александра (Троицкого), А. А. Зализняк, наконец, объяснил смысл начального отрезка грамоты № 206, где зафиксированы буквы-цифры (предполагаемая дата) как обозначение начала тропаря шестого часа, что полностью снимает все вопросы относительно необычности написания даты – отсутствии знака тысяч, ошибки в написании «пси» и порядка букв в дате (*Гиппиус, Зализняк*, 2015. С. 212). Подтверждается это мнение полным отсутствием дат с указанием года в текстах других берестяных грамот – до сего дня среди полутора тысяч грамот, найденных в Новгороде и других городах, нет ни одной с точной датой в тексте. Авторы берестяных писем при необходимости указать точное время обозначают либо день святого, либо другое событие, («русалии», «Петров день» или день недели), как это было принято в Средневековье в бытовом письме. Точные даты с указанием года встречаются в надписях-граффити, но очень редко, особенно в XI–XIII вв., отмечая исключительно важные события, и скорее всего, написаны профессиональными писцами. Кажется, все возможные аспекты исследования учебных грамот – от прочтения до графических и палеографических особенностей уже исчерпаны.

Снова привлечь внимание к этому комплексу учебных грамот заставляет знаме-

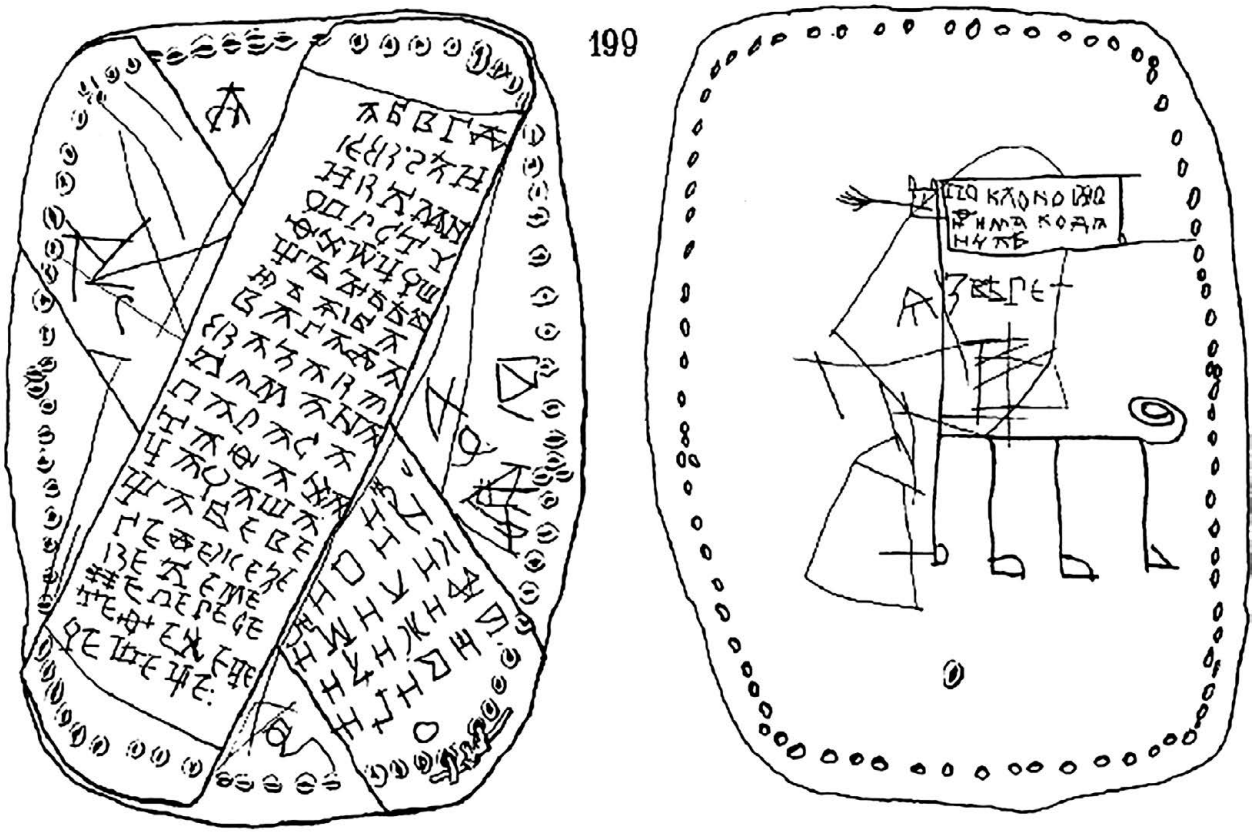


Рис. 1. Грамота Онфима (№ 199). (С сайта *gramoty.ru*)

нательное событие – открытие памятного знака мальчику Онфиму в 2019 г. на месте находки его грамот в июле 1956 г. Событие очень позитивное и важное для археологии Новгорода. Но мне кажется, что при этом ушли в тень за значимой по количеству грамот фигурой Онфима его соученики, имена которых встречаются в учебных текстах, в том числе дополнительно прочитанные А. А. Зализняком, а главное – само училище, где они получали уроки письма, и сам наставник, обучавший письму не только Онфима, но и его товарищей. Требует дополнительного внимания сам процесс обучения и степень образования, достигавшаяся в процессе обучения. В недавнее время сделана попытка объяснить особенности бытового письма новгородских грамот самим процессом обучения чтению по «складам» (*Петрухин*, 2020. С. 104–1280). Не рассматриваются специально особенности палеографической школы, функционировавшей приблизительно в середине XIII в. в Новгороде, хотя палеография грамот Онфима была одним из главных аргументов в вопросе датировки комплекса.

Проще всего решается вопрос о соучениках Онфима – достаточно их перечислить – все они прочитаны, но не всегда подчеркивается, хотя и подразумевается, связь с училищем, где обучался Онфим. Но сначала нужно установить перечень грамот с упоминанием имени Онфим. Его имя встречено уже в самой первой грамоте комплекса – № 199, представляющей собой берестяное донышко туеса в виде овального донышка, укрепленного двумя полосками бересты крест-накрест (рис. 1). На внутренней стороне донца туеса написана азбука и склады от БЕ до ЩЕ (на верхней полосе), на нижней склады от БИ до СИ. Внешняя сторона донца занята рисунком с изображением неведомого зверя и подписью, которую до недавнего времени все исследователи читали как «Я звере». Выше обведенное рамкой начало письма: «Поклон от Онфима ко Данилѣ», называющая его соученика и друга. В недавнее время появилось новое,

хотя и не полностью доказанное, прочтение «Поклон от Онфима к Даниле: Я[лъ] зверя», т.е. «Поклон от Онфима к Даниле [за то, что тот (Данила)] ял зверя» (*Стаменова, Данилевский*, 2018. С. 247–256). Таким образом, имя Данилы стало известным одновременно с именем Онфима. Онфимом подписан рисунок всадника, поражающего копьем поверженного врага (№ 200), в правом углу грамоты – алфавит от **А** до **К**, а рядом со всадником – подпись «Онфиме». Имя Онфима содержит и молитвенная подпись (№ 203): «Г(осподи) помози рабу своему Онфиму» над рисунком (всадника в развевающемся плаще?) и начало имени. В грамоте № 205 над рисунком ладьи записан алфавит и ниже три маленькие буквы, в которых А.А. Зализняк видит начало недописанного того же имени: Он[ѳ] (*Зализняк*, 2004. С. 210). Таким образом, грамот определенно написанных Онфимом три (или четыре, если считать грамоту № 205). Но остальные грамоты комплекса написаны тем же почерком, найдены практически в одном месте и содержат учебные тексты и детские рисунки, поэтому в принадлежности всего комплекса (грамот и рисунков) Онфиму сомнений не возникает.

Данила. Помимо Онфима на первом месте среди соучеников, конечно, стоит имя Данилы, адресата грамоты № 203 с эпистолярной формулой, с которой, вероятно, одной из первых начиналось обучение после усвоения складов: поклон от Онфима ко Даниле. На рисунке А, без текста, изображены два всадника на одной лошади, из-за чего лошадь непропорционально удлинена, и на других рисунках изображаются на первом плане два воина, остальные более мелко. Поэтому закономерно, начиная с первого издания, в Даниле видят друга Онфима, учившегося с ним рядом (*Арциховский, Борковский,* 1963. С. 20; *Янин*, 1965. С. 50).

Дмитр. Помимо Данилы в учебных грамотах встречается еще два ученика: в грамоте № 202 изображены два человечка с поднятыми руками-граблями и надписью, чтение которой в целом ясно: «На Домитре возяти доложзивѣ» – На Дмитре взять, доложив (*Арциховский, Борковский,* 1963. С. 23, 24). При этом букву З между между Ж и И Арциховский был склонен объяснить школьной реминисценцией азбучного порядка, а конечное ѣ – опиской вместо Ъ. И спустя полвека А.А. Зализняк читает последнее слово как **доложзки** – *доложки*, объясняя последовательность букв **жзик** (вместо жек?) тем, что, «по-видимому, Онфим просто перенес ее из азбуки, хотя не исключает также, что **жз** косвенно отражает смешение **ж** и **з**» (*Зализняк*, 2004. С. 477). Но возможно и другое прочтение: Онфим, действительно еще нетвердо освоив письмо, написал механически **ЖЗ**, но далее пропустил букву **N**, две последние буквы читаются отчетливо **И/ КѢ**. Вся запись должна означать: «На Дмитре взяти долж(н)икѣ» – далее должно было следовать указание – сколько и чего «взять» (рис. 2). Но Онфим не закончил фразу, потому что его малолетний товарищ не мог быть ему ничего должен. Могло быть и так, что до «цифири» обучение еще не дошло. Эта письменная формула, наряду с молитвенной подписью, еще одна из необходимых в жизни новгородца фраз, осваиваемых первыми, так как записи о долгах или податях в денежной или материальной форме составляют едва ли не главное содержание берестяных грамот. Интересно, что из грамоты мы узнаем имя еще одного товарища Онфима, которого он определил должником, в чем можно подозревать не самые к нему дружественные отношения. Текст сопровождается рисунком двух человек в манере Онфима, причем у второго одна нога изображена волнообразной линией, что возможно должно отражать страх адресата при получении известия о требовании долга. Грамота, несомненно, написана Онфимом, хотя буква **Ж** здесь не «жукообразна», как в его старательно написанных текстах, а более небрежна – с сокращенным верхом и не симметрична. Вероятно, в свободном тексте Онфим не так старался, как в упражнениях. Но **К** – характерной формы «полужук», и остальные буквы обычны для почерка Онфима.

Павел. Еще одно имя из учебных грамот – [п] **авлє** (восстановлено А.А. Зализняком – 2004. С. 476). Это обрывок бересты с рисунком людей: от одного сохранилась лишь рука с пятью пальцами, ниже подпись *Павл*е. Возле другого человека видны остатки первых букв трех строк, не поддающихся

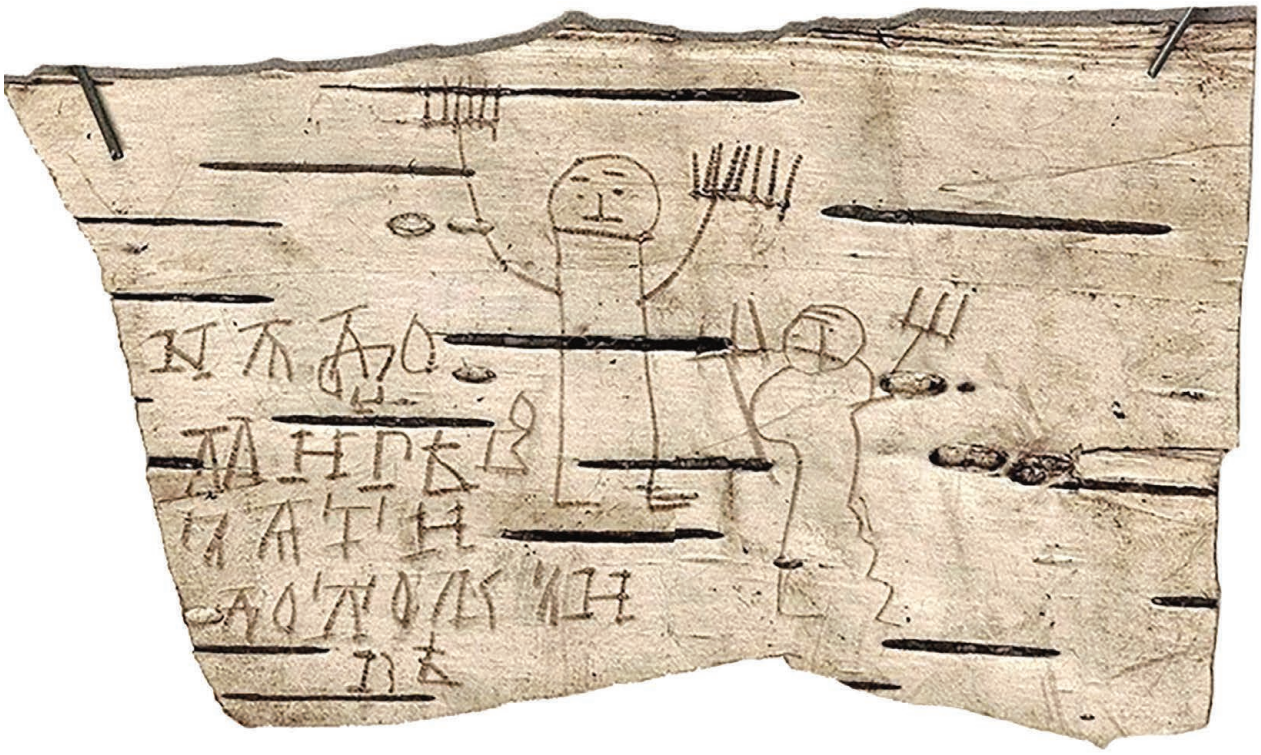


Рис. 2. Грамота с именем Дмитра (№ 202). (С сайта *gramoty.ru*)

прочтению: во второй строке можно угадать **Л** с покрытием, в третьей – часть **И**. Но рисунки исполнены в манере Онфима, что так же, как и имя, относит эту грамоту авторству Онфима и сообщает имя еще одного его товарища. Косвенное упоминание Павла «у попадье у Павлове» появляется в грамоте № 212 среди грамот, относящихся по определению А. А. Зализняка к комплексу «денежных и имущественных документов, состоящих из грамот и обрывков, написанных чрезвычайно близкими почерками – тремя или четырьмя людьми» (*Зализняк*, 2004. С. 485). По уточненной П. Г. Гайдуковым хронологии дендрохронологическая дата – третья четверть XIII в. Грамота с упоминанием попадьи входит в комплекс грамот № 214, 216, 217 – обрывков, написанных одним почерком (определил П. И. Поветкин). В грамоте 216– восстанавливается слово «[п]опа» с указанием долга; в № 217 упоминается серебро и начало слова «у п(опа)». Таким образом, «павлова попадья», «поп», «попович» упоминаются в комплексе документов третьей четверти XIII в. Весь комплекс найден в кв. 312, неподалеку от перекрестка Великой и Холопьей улиц, по другую сторону улицы Великой, несколько южнее комплекса Онфима. По хронологии это мог быть подросший Павел, принявший сан, или совершенно иной человек, тем более что почерк в них, очень близкий к учебным грамотам Онфима, но другой (см. начертания **Л**, **Р**, **К**). Как и должно быть, долги попа и его попадьи учитывались другим человеком. Таким образом, о судьбе ученика Павла мы не имеем достоверных сведений.

Пока точно известно, что с Онфимом учились как минимум еще три мальчика: Данила, Дмитр и Павел.

Учитель N. (?) и школа письма Онфима. Среди учебных грамот выделяется одна (№ 201), написанная почерком, отличающимся от почерка Онфима (рис. 3). Отличия довольно значительные, замеченные еще при первой публикации грамот.

А. В. Арциховский по почерку из всего комплекса выделяет только эту грамоту (№ 201), считая, что «ее автором был другой мальчик, учившейся вместе с Онфимом» (*Арциховский, Борковский*, 1963. С. 22–23). По-

Рис. 3. Грамота № 201 (учебный образец?). (С сайта *gramoty.ru*)

чти к такому же выводу приходит А. А. Зализняк: «...перед нами либо два очень близких почерка, либо вариации в рамках одного и того же почерка. Выбор затруднителен. Практически же мы предпочитаем не отделять грамоту № 201 от онфимовского блока. Даже если почерки здесь не тождественны, а лишь очень близки, лингвистических погрешностей из-за этого не возникнет, так как никаких системных различий между № 201 и остальными грамотами нет» (*Зализняк*, 2004. С. 475).

Другие грамоты комплекса считаются, безусловно, написанными Онфимом. Его почерк рассматривался в деталях, особенно внимательно в процессе дискуссии о дате в тексте и датировке яруса при обсуждении новгородской стратиграфии. Дискуссии посвящено несколько статей, сам процесс и его итоги отражены в двух статьях, вышедших почти одновременно по случаю 50-летия дискуссии (см.: *Рыбина*, 1998; *Гайдуков*, 2010). Содержание самой дискуссии очень лапидарно и четко изложено А. А. Арциховским в комментарии к грамоте № 206 (*Арциховский, Борковский, 1963. С. 26–28*). Тем не менее, необходимо еще раз вернуться к почерку Онфима, рассмотренному в процессе дискуссии только как хронологический признак, но не как система. Особенностью его очень старательного почерка являются **ѧ** с головкой в виде двух параллель-

ных линий, **Д** на двух треугольных ножках, **З** с коротким «хвостиком» от середины буквы, повернутым к началу строки, и особенно «жукообразное» симметричное **Ж**, написанное в три приема (при этом левая и правая часть напоминает цифру 3, с зеркальной левой частью). Параллель к ней представляет **К**, написанное как правая половина «жука». Обращает внимание и **Р** в строке с незамкнутой петлей. В составе используемых Онфимом букв – односторонннее **У** и лигатурное. Все эти начертания особенно четко прослеживаются в начертаниях старательно написанных упражнений во всех грамотах комплекса, кроме грамоты № 201. Б. А. Рыбаков отмечал основные отличия ее почерка в хронологическом аспекте: главное, сокращенный верх букв – подъем так называемой сигнальной линии (*Рыбаков*, 1961. № 2. С. 152), что в рукописях является хронологической приметой второй половины XIII в. В настоящее время в распоряжении исследователей имеются хронологические таблицы А. А. Зализняка, где приведены все начертания букв со статистикой и учетом графики и фонетики берестяного письма, сделанные на репрезентативной выборке (775 грамот), что составляет примерно половину открытых к настоящему времени грамот. Этими таблицами успешно пользуются ученые при датировке как вновь открытых грамот, так и граффити Новгорода и других регионов Древней Руси. О достоинствах и ограничениях этой системы я уже писала в специальной статье (*Медынцева*, 2021а). Сейчас нужно повторить, что главный недостаток таблиц заключается в выделении основных типов букв, производимый чисто механически, по искусственному принципу, объединяющему в одну группу палеографически различные начертания. Отчасти он компенсируется подробным учетом всех начертаний всех грамот, дополненных статистикой (в основных таблицах), при этом многие начертания попадают как дополнительные варианты. Но при переходе к хронологическим «матрицам» учитываются лишь основные типы, обозначаемые римскими цифрами, порой механически объединяющими различные модели в один тип в схематизированном виде, только с информацией о частотности каждой модели в каждой *условной* хронологической рубрике. Таким образом, теряется преимущество основных таблиц и приходится снова возвращаться к ним для проверки типа, часто объединяющего различные, с точки зрения палеографии, типы. Это происходит и с буквой **А**, с головкой в виде двух параллельных линий – очень яркая черта, присущая всем «учебным» грамотам, за исключением № 201. В хронологических таблицах этот тип обозначен «петля с двумя переломами», а интересующее нас начертание проходит в дополнительных признаках, накладывающихся на основную классификацию. Эта форма отмечена в нескольких дополнительных рубриках – в основном в 4-й – «широко открытые» в типе I: в него и попадают основные начертания буквы почерка Онфима. Подобные начертания в берестяном письме встречаются от середины XII до последней четверти XIII в. (*Зализняк*, 2000а. Табл. 1). Этот датирующий признак снова возникает в грамотах XIV в., но уже в иных, вытянутых пропорциях. Таким образом, хронологически это начертание мало информативно, но в грамотах Онфима как индивидуальная черта, она достаточна выразительна. Другие черты грамот Онфима, такие как «жукообразная Ж», вообще не попали в основные типы, а только в дополнительные, причем в рубрики включены разные палеографически начертания: написанные в пять приемов, симметричные и несимметричные, примыкающие к центральной линии и отстоящие от нее. Все перечисленные признаки имеют хронологическое значение. Начертание **К** (полужук), аналогичное написанию **Ж**, вообще не нашло отражения в основных таблицах (*Зализняк*, 2000а. Табл. 1, 7, 11 – ошибочно вместо 12). Как видим таблицы мало информативны для выявления почерка Онфима, хотя почерк упражнений старательный и четкий, отлично узнается даже вне комплекса, что показывает присоединение к грамотам Онфима № 331, найденной в более позднем (12–13) ярусе. Таким образом, при определении его почерка, следует ориентироваться на набор характерных для Онфима начертаний – это прежде всего **А** с головкой из двух параллельных линий, «жукообразное» **Ж**, **К** – «полужука», **З** с коротким невыразительным хвости-

ком, одностороннее **У** наряду с лигатурным, **Р** в строке с округлой незамкнутой петлей. В набор букв входит крестообразный ижей, **Д** на треугольных ножках, **Ѣ** с перекладиной. Из них наиболее выразительны первые четыре. Все они представлены в грамотах Онфима. Кроме того, изредка в упражнениях Онфима появляются и более небрежные формы (например, несимметричное **Ж** в два приема) Естественно, эти особенности почерка особенно старательно написаны мальчиком лет семи, обучающегося письму, и конечно, не появились и не исчезли после того как он завершил обучение. Его почерк должен был измениться с возрастом при убыстрении процесса письма, могли исчезнуть из него дублеты букв (фита, лигатурное У, старательные засечки). А.А. Зализняк, сравнивая почерк грамоты № 201 с другими учебными грамотами, отмечал, что «особые начерки грамоты № 201, отличающиеся от привычных начерков Онфима, в действительности почти всегда обнаруживаются также, хотя бы изредка, в одной-двух из заведомо онфимовских грамот» (*Зализняк*, 2004. С. 475). Но грамота № 201 написана особенно старательно. Она содержит весь алфавит, включая фиту, оба юса и склады от **БА** до **ЩА**. И в алфавите, и в складах каждые две буквы отделены двумя отточиями, под текстом подведена небольшая горизонтальная черта, под ней знак креста. Основные отличия начерков: **А** с узкой петлеобразной головкой, округлые петли **Б**, **В**, фиты и, как уже отмечалось в процессе дискуссии, сокращенные верхи букв, т.е. подъем верхней сигнальной линии. При этом остальные начерки и набор букв не отличаются от других учебных грамот, за следующими исключениями: **Ж** – оба раза оно написано симметрично, в три приема, с сильно сокращенным верхом и боковыми частями, образованными изломанной линией, отстоящими от центральной вертикали; аналогична и буква **К** – с сокращенным верхом и зигзагообразной правой частью. Общая черта почерка грамоты № 201 – округленность и плавность петель и овалов. Это наводит на мысль, что автор грамоты привык писать не по бересте, а по пергамену или воску. Возможно, это образец, написанный учителем, или учеником, освоившим письмо по более мягкому, чем береста, материалу (пергамену?). Так же обращает внимание оформление текста – в конце его подведена черта и поставлен крест, по сторонам которого пунктиром намечены какие-то орнаменты (остатки изображения «процветший» крест?). Словом, автор этой грамоты проявляет более умелые навыки в письме. Может, это образец для подражания, написанный учителем? Уместно вспомнить знаменитую новгородскую «деревянную книгу» – восковые дощечки с записями псалмов – древнейшую «книгу», которая использовалась, по предположению, и для обучения грамоте (*Зализняк, Янин*, 2001а; 2001б). Вероятно, образцово написанная грамота № 201 могла быть таким же пособием для обучения, но только на начальных его стадиях. Имя писавший, к сожалению, не оставил. Не проявляются в более поздних грамотах Дмитр и Павел.

Данила-литейщик. Неожиданно, пока еще в качестве предположения, выясняется судьба его товарища Онфима – Данилы. На Федоровском раскопе Новгорода в 1991 г. найдена литейная формочка с рисунком и подписью, которая заставляет вспомнить соученика Онфима. Она неоднократно издана (рис. 4). Находка представляет собой обломки двухчастной литейной формы для отливки колта. На боковой части формочки сохранились обрывки надписи, при издании не комментировавшейся, а на другой – скругленной – изображение молодецки подбоченившегося человека (воина в шлеме и кольчуге?), как определили издатели, с мечом в правой руке и подписью – **ДАНИЛА** (*Рыбина*, 1998. С. 21; *Дубровин*, 2016. С. 309. Рис. 20 на с. 540). Формочка Данилы найдена в слоях Федоровского раскопа, датируемых серединой – второй половиной XIII в.

На формочке из Новгорода имя Данила является личной подписью, обозначением имени нарисованного воина (?) и обозначением принадлежности формочки. Само имя Данила, как и пристрастие к изображению воинских сцен, заставляет вспомнить адресата Данилу из грамот Онфима, разумеется, с возрастными поправками: рисунки Онфима исполнены ребенком, рисунок «воина» на формочке достаточно профессионален, что неудивительно для мастера-ювелира.

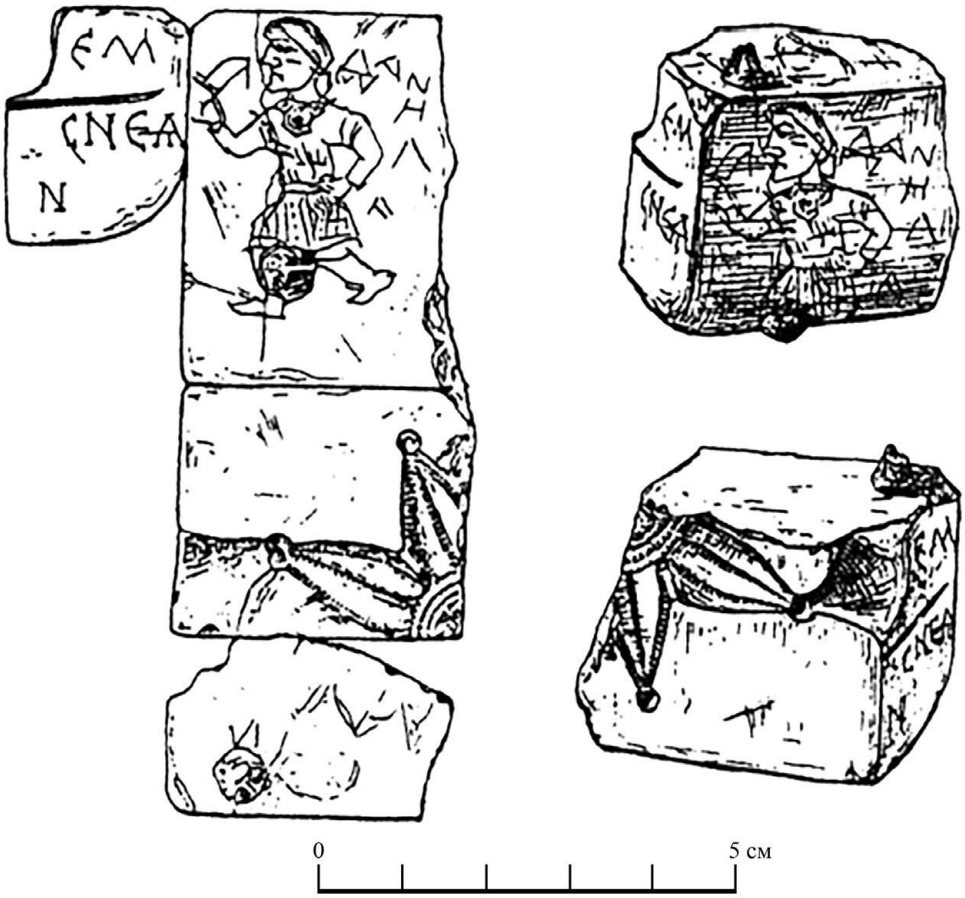


Рис. 4. Подпись и рисунок Данилы на формочке (по: *Дубровин*, 2016)

Оказалось, что подпись сделана буквами с характерными для учебных грамот буквами, в частности Ѧ с головкой из двух параллельных линий. Кроме того, с почерком берестяных учебных грамот совпадает по начертанию Д на треугольных, отдельно выписанных ножках (в автографе). Совпадают начертания Є.Ѧ.Н в непрочитанной надписи. О том, что на формочке изображен сам мастер, а не воин, как считалось ранее, коротко говорится в Словаре мастеров-ювелиров (*Медынцева*, 2021б. С. 238). В упомянутой работе не были рассмотрены остатки надписи на торцовой грани, а только рисунок и подпись с именем мастера Данилы. Редкость находки, непрочитанные остатки надписи и наметившаяся возможность связи с адресатами берестяных грамот потребовали вернуться к этой замечательной находке в специальной статье (*Медынцева*, 2022. С. 208–223), где еще раз обосновывается принадлежность рисунка и подписи мастеру-литейщику и реконструируются остатки непрочитанной надписи. В указанной статье ограниченный объем не дал возможности подробно аргументировать связь мастера Данилы с адресатом Онфима и предполагаемой школой письма. В данной работе нужно подвести итоги этой статьи и еще раз подробно рассмотреть, особенности школы письма, в которой учился Онфим и его товарищи, а также процесс обучения и степень их образования, о которых мы можем судить по комплексу учебных грамот. Имя Данила, написанное рядом с рисунком, является именем изображенного владельца, и тем самым обозначением принадлежности формочки. Следует признать, что рисунок представляет собой портрет мастера-литейщика, который любовно вырезал свое парадное изображение на принадлежащей ему и, скорее всего, им самим вырезанной формочке и озаботился подписать рисунок своим именем

Нужно отметить, что как развернутая, так и более краткие формы личной подписи

известны на всем протяжении XI–XIII вв. Еще раз подчеркиваю, что формочка и надпись сохранились фрагментарно, поэтому восстановление смысла надписи основывается на сохранившихся буквах, летописных параллелях и сравнении с учебными грамотами. Формочка сохранилась не полностью, фрагмент колта и рисунок владельца с мечом в руке – наиболее уцелевший. Одежда Данилы, на первый взгляд, похожа на кольчугу, но внимательное изучение рисунка убеждает, что это подпоясанный кафтан (свита) до колен с узорной «огорлицей» – вышитым воротником и орнаментальными полосами по верхней части рукава и подолу. На подоле отчетливо виден вертикальный ряд пуговиц неуместный на кольчуге. Ясно, что изображен нарядный кафтан с вышитым воротником и рукавами. Данила одет в высокие, до колен сапоги, что должно отличать горожанина – новгородца от деревенского жителя. Сапоги являлись престижной обувью, знаком благосостояния, что нашло отражение даже в летописи (985 г.) – в словах воеводы Добрыни, который, увидев пленных б*о*лгар в сапогах, говорит князю Владимиру Святославичу: «оже суть вси в сапозех... дани нам не даяти, поидем искати лапотников» (ПСРЛ, 1962. Стб. 84). При археологических раскопках в Новгороде находки кожаных сапог исчисляются тысячами, в то время как обнаружение лаптей является редкостью.

Меч в руке Данилы нисколько не противоречит такому определению, так как новгородцы должны были участвовать в ополчении в случае военной опасности. Б. А. Рыбаков насчитал восемь имен ремесленников, упомянутых новгородской летописью в XIII в., как правило, в связи с их гибелью (*Рыбаков*, 1948. С. 516). Данила, вероятно, гордился участием в ополчении, поэтому и изобразил себя с оружием в руке. Определение рисунка как «портрета» мастера-литейщика заставляет усомниться и в том, что на нем надет шлем, скорее всего, это плотная шапочка или плотная повязка, которую и в наши дни надевают кузнецы, чтобы защитить волосы от огня. Как уже говорилось, формочка Данилы найдена в 1991 г. в слоях Федоровского раскопа 2.1–4, датируемых серединой – второй половиной XIII в. Исследователи отмечают, что в это время на усадьбе А, вблизи которой найдена формочка, продолжает развиваться кузнечное ремесло, интенсивно функционирующее всю первую половину XIII в. (*Дубровин*, 2016. С. 429–430, табл. С. 308, 540, 429, 430).

Имя Данила, как уже говорилось, заставляет вспомнить его современника – адресата одной из ученических грамот – Онфима (№ 199), где после записи букв и складов на обороте написано начало принятого вежливого письменного обращения к адресату: «Поклон от Онфима к Даниле» и рисунок неведомого зверя. В комплексе ученических грамот Онфима много рисунков людей, всадников, батальных сцен. Хронология ученических грамот и литейной формочки вполне допускает, что выросший Данила стал мастером-ювелиром и спустя лет 10–15 надписал своим именем формочку, украсив ее своим автопортретом в духе школьных упражнений своего одноклассника Онфима, разумеется, с поправкой на возраст и профессионализм. Имя Данила (в таком варианте) в других грамотах XIII в. не встречается. На боковой стороне формы, под прямым углом к створке с рисунком, находятся обрывки надписи, нигде не комментируемой и с трудом поддающейся прочтению из-за фрагментарности и плохой сохранности. До сих пор не делалось даже попытки ее прочесть (рис. 5). Подробно восстановление надписи рассматривается в упомянутой статье, находящейся в печати (*Медынцева*, 2022). Легче всего восстановить окончание надписи в третьей строке, там довольно уверенно можно прочесть **Н(Ъ)** или ...**(И)Н(Ъ)**, так как окончание слова на согласную было невозможно, а места для других букв там нет. Это дает ключ к пониманию слова как окончание притяжательного прилагательного. Сохранившаяся часть надписи читается как **(Д)ЄМ Є(?)НЄѦ Н(Ъ)**.. Можно предположить, что было написано слово **(Д)ЄМ Є НЄѦ Н(Ь)** – начальное **Д** вполне могло уместиться в начале строки, там, где находится небольшой скол, следующая буква во второй строке – более вероятна **Є** – эквивалент **Ь**, а не **С** как на прориси (видна даже небольшая черточка посередине буквы), и отчетливо далее

Рис. 5. Остатки надписи на боковой грани формочки Данилы

читаются **НЄѦ**. Восстановление последних букв в третьей строке убедительно по смыслу, несмотря на то что сохранилась только одна **Н**. Таким образом восстанавливается слово *(д)еменеѧн(инъ)* или, учитывая взаимозаменяемость **Є/Ь** *(д)еменьѧн(ь)* Сохранившиеся буквы допускают любой из вариантов. Все слово определяется как указание на Кузьмодемьянскую улицу – притяжательное прилагательное от названия, при условии, что это начало ее названия осталось на отбитой части формочки.

Проблематично до некоторой степени указание мастера на связь с Кузьмодемьянинской улицей, находящейся в Неревском конце, хотя сама формочка найдена на другой стороне Новгорода – Торговой, близ известных позднее по письменным источникам Коржевой и Славковой улиц. Но это противоречие не слишком важно, так как по археологическим данным известно, что в этой части Новгорода сначала население было внекончанским; здесь среди заболоченной местности располагались ремесленные огнеопасные кузнечные, а с середины XIII в. и ювелирные, мастерские, и проживало относительно небогатое ремесленное население (*Дубровин*, 2016. С. 152). Но следует при этом допустить, что представлено «усеченное» наименование Кузьмодемьяней улицы, предположив, что начало наименования улицы *Кузьма* было написано на отсутствующей части формочки. Такое прочтение соответствует сохранившимся буквам, их расположению в строках и смыслу. Учитывая, что в бытовом письме берестяных грамот знаки Е/Ь и О/Ъ были взимозаменяемы, предпочтительнее последний вариант – краткое притяжательное прилагательное указывающая на уличанское прозвище Данилы. Ссылка на место жительства мастера или иного новгородца обычна для уточнения личности при упоминании в новгородских летописях. Например, под 1196 г. в летописи упоминается мастер «Коровъ Якович с Любянѣй улицѣ» (НПЛ. С. 235). При перечислении погибших новгородцев в битве на Дубровне в 1234 г. среди убитых 10 новгородцев отмечены, помимо имен знатных новгородцев с упоминанием должности или отчества, имена ремесленников с добавлением их уличанской принадлежности: «...убиша... Гаврила щитника, Негутина **с Любятиници**, Нежилу серебреника, Гостилца с **Кузьмодемьяне** улице... (НПЛ. С. 284). В этом сообщении отчетливо прослеживается тенденция: при перечисления погибших знатных новгородцев указывается отчество или должность, при упоминании имен ремесленников – их уличанская принадлежность. Поэтому восстановление окончания надписи как указания на уличанскую принадлежность мастера Данилы вполне вероятна.

Имя Данила в других грамотах XIII в. не встречается, за исключением грамоты № 765, найденной на Троицком раскопе Новгорода, написанной приблизительно в то же время (в слоях 40–60 гг.) неким Данилом к «брату Ыгнату» с просьбой прислать сукна «рудого» и предоставить место «на задах», так как ему нечем кормиться. Но эта грамота не отвечает процветающему облику мастера Данилы, представленному в «автопортрете», как и форма имени – в письменной литературной форме *Данилъ* (м.р). В. Л. Янин и АА. Зализняк отмечают, что автор грамоты имел установку на литературный язык и «представляет собою искусное

соединение красивых разжалобливающих фраз с весьма конкретными практическими просьбами» (*Янин, Зализняк*, 2000. С. 61, 62). Эта письмо-прошение плохо вяжется с обликом молодца – мастера, предстающего перед нами на надписанной формочке с портретом. Этим можно было бы пренебречь, так как обстоятельства жизни меняются и жанр письма-прошения имеет свои законы, если бы почерк соответствовал «школьным» грамотам. Письмо № 765 написано совершенно иным почерком, имеющего мало общего с почерками учебных грамот. Из особенностей письменной «школы Онфима» можно отметить лишь **Д** на треугольных ножках, **Ꙗ** с перекладиной. Совершенно другие формы имеют начертания **Ѧ, Ꙋ, Ж, З**, *юс малый*, отсутствуют характерные для учебных грамот лигатурный *УК* и крестообразный *ижей*. Все перечисленные особенности не позволяют отождествлять Данила – автора грамоты № 765 с мастером Данилой и кем-либо из учеников «школы» Онфима. Конечно, можно предположить, что грамота-прошение написана по поручению Данилы, тем более что он проявляет повышенное внимание к приобретению «рудого» сукна – этому моменту уделено столько же внимания, сколько просьбе выделить место для проживания или работы «на задах» усадьбы Игната. При этом можно вспомнить тщательное изображение вышивки и пуговиц на кафтане рисунка – портрета Данилы. Но и мастер Данила, и предполагаемый соученик Онфима были хорошо обучены грамоте. Поэтому предположение о тождестве Данилы-мастера и автора грамоты № 765 не выдерживает критики, если только не представить, что прошения писали специальные люди по образцу казенных на «гербовой» бумаге более позднего времени. Данных о подобном явлении для XIII в. нет. К тому же указания купить красного сукна с обещанием оплатить его позднее не вяжется с жанром официального прошения[1]. Все же, вероятно, стоит задуматься о возможном зажиточном положении Данила – автора грамоты № 765. Но за отсутствием данных тождество литейщика Данил**ы** и Данил**а** – брата Игната остается не доказанным.

Доказательством тождества авторов надписи на формочке и кем-то из соучеников Данилы может быть только почерк, но грамот, написанных самим Данилой не известно, но зато есть несколько грамот его соученика Онфима, учившегося с ним письму в одно время у одного и того же учителя. Подробное рассмотрение почерка Онфима приведено выше. Полностью совпадает начертание буквы **Д** на отдельно выписанных треугольных ножках, и особенно характерное остроугольное **Ѧ** с головкой в виде двух параллельных линий (на формочке она в «зеркальном» варианте), **Є** и *юса малого*. Наиболее важно начертание **Ѧ** с головкой в виде двух параллельных линий. Это начертание присутствует во всех учебных грамотах из комплекса Онфима. Оно встречено в имени на формочке один раз и в «зеркальном» написании. Это легко объясняется профессией литейщика и резчика – резчик формочек должен был привыкнуть вырезать надписи и изображения зеркально, чтобы после отливки они читались в обычном формате. Ошибки ювелиров (зеркальное написание в обычном письме и зеркальное в отлитых) неоднократно встречаются на произведениях прикладного ремесла. Второе начертание **Ѧ** – обычное остроугольное. Оно встречается в небрежном почерке учебных грамот.

Училище и Козьмодемьянские храмы. Можно пока утверждать, что почерк Данилы и Онфима принадлежит к одной школе, возможно, не только в общем, но и буквальном смысле. Подтверждает это предположение местонахождение грамот – на перекрестке Великой и Козьмодемьянской улиц, неподалеку от ее пересечения с Холопьей улицей (*Колчин*, 1968. Рис. 1. С. 5; *Арциховский, Янин*, 1978. См. вкл. между с. 132, 133. Сводный план

[1] Однажды прозвучало мнение по поводу социального положения автора грамоты № 765 – просьбе Данила о присылке «рудого» сукна и предоставлении места в торговых рядах, что «...место на торге, даже на задах – высоко ценившаяся привилегия; потребность в дорогом импортном сукне свидетельствует о достаточно высоком социальном положении Данила». Кстати, «брат» не обязательно указывал на родственные отношения. Это могло обозначать равенство социального положения (подробнее см.: *Буров*, 1994. С. 35).

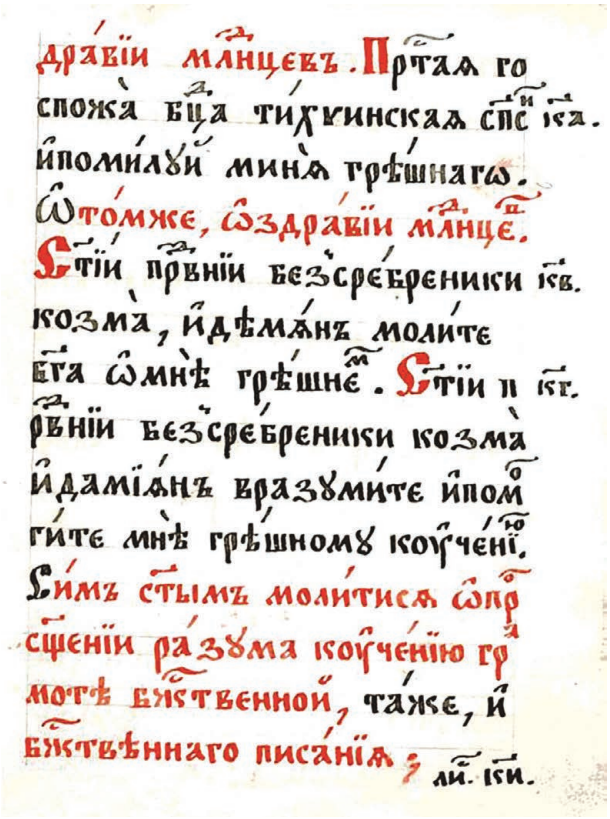


Рис. 6. Азбуковник. Молитва свв. Кузьме и Демьяну «о просвещении разума к учению грамоте»

находок берестяных грамот на Неревском раскопе (1951–1982 гг.)). Поблизости расположены как минимум три церкви Козьмы и Демьяна, традиционно считающиеся покровителями кузнечного ремесла. Название Кузьмодемьянской улице дали храмы, посвященные святым Кузьме и Демьяну. О строительстве одноименной церкви на этой улице сообщается в летописи под 6654/1146 г., а под 6679/1271 г. о строительстве во имя этих святых церкви на Холопьей улице, расположенной неподалеку (НПЛ. С. 89, 91; см. также: Указатель к НПЛ. С. 621). Неподалеку от этих улиц найден и комплекс «ученических» грамот, где упомянуты Онфим и Данила.

Святые Козьма и Демьян широко известны в русском фольклоре как покровители кузнечного ремесла, но они считались еще и врачами, колдунами и даже покровителями брака. Эти функции кузнеца, иногда называемого «хытрокузнец», находящегося в родстве со словом *искусство* и *кузнь*, одновременно означающего как изделие, художество, так и кознь – злой умысел. Так же глагол *ковать* родственен слову *коварство* (*Фасмер*, 1986. С. 279, 402, 403; *Рыбаков*, 1948. С. 485; 1981, С. 539–544). Эти разнообразные функции кузнеца, как предполагают, перешедшие на христианских святых из-за созвучия имени *Козьма*, *Кузьма* со словом *кузнец*, давно засвидетельствованы исследователями фольклора. Менее известны в научной литературе святые «безмездники», врачеватели и кузнецы как покровители обучения грамоте, но молитвы этим святым перед началом учения и о развитии ума традиционно сохраняются в древнехристианской и современной православной традиции (рис. 6; Молитвослов, 2003. С. 279–281).

Неизвестно, когда и каким образом на этих святых, преподобных «безмездников» и врачей перешли функции помощников в учении. Возможно, истоком этого послужило сложное и таинственное мастерство кузнеца, требовавшее много знаний и практических приемов, рецептов изготовления сплавов, передающихся от мастера к ученику не только устно, но и записей и схем, следовательно, – владения грамотой. Возможно, эта дополнительная функция святых кузнецов – не только новгородская традиция, происходящая от улицы ремесленников, где в течение многих лет, по крайней мере, с середины XIII в., а возможно и ранее, проживало ремесленное население, и судя по находкам учебных грамот, существовало «училище» при одном из храмов Козьмы и Демьяна. В районе этих улиц учеников обучали не только грамоте, но и тонкому кузнечному ремеслу. Пока не известно, каким образом передавались секреты ремесла от учителя к ученику. В середине прошлого века Б. А. Рыбаков в своей основополагающей монографии по истории древнерусского мастерства предположил наличие института ученичества и, следую В. Я. Юшкову, возможность существования в Древней Руси ремесленных корпораций по образцу европейских (*Рыбаков*, 1948. С. 518). При отсутствии письменных документов для раннего времени в качестве внешних признаков их существования для XV–XVI вв. указывались постройки патрональных церквей, совместные пирушки, праздники и т. д. (*Рыбаков*, 1948. С. 747). К настоящему времени наличие цеховых ремесленных орга-

низаций в древнерусских городах не находит подтверждения. Напротив, весь комплекс письменных и археологических данных позволяет говорить о наличии в XII–XIV вв. вотчинного и свободного ремесла. Именно патронимический характер ремесла, при котором ремесленники жили на территории боярских усадеб, был одним из главных препятствий для профессиональных объединений ремесленников (*Янин, Колчин*, 1978. С. 37–38). При этом не отрицается, что деятельность свободных ремесленников регулировалась сотнями, торговыми рядами и уличанскими организациями (*Колчин*, 1985. С. 244). Но не все исследователи придерживаются подобной точки зрения. Например, Т.И. Макарова справедливо отмечает, что «проблема ремесленных объединений и их следов на Руси подменяется вопросом о существовании здесь цехов, аналогичных западным. Не находя таковых, в результате приходят к выводу, что профессиональных корпораций в ремесле Древней Руси не было вообще» (*Макарова*, 1997. С. 226). Повышенную концентрацию ювелирных мастерских в районе Великой и Холопьей улиц Новгорода еще в домонгольское время отмечает Н.В. Рындина (1963. С. 226, 227). Подробное рассмотрение уличанской общины как административно-территориальной единицы в Новгороде, ее организации, функций и историографии вопроса можно найти в монографии В.А. Бурова (1994. С. 32–50). Социальное устройство Новгорода, соотношение улиц, концов и рядов при всей важности вопроса невозможно рассмотреть в пределах не только одной статьи, но и монографии. Достаточно отметить, что в районе находки учебных грамот существовало несколько храмов, посвященных Кузьме и Демьяну, которые традиционно являлись не только покровителями кузнечного ремесла, но и способствовали усвоению грамоты и «просвещении разума», и эти храмы окормляли не только феодалов – донаторов, но и остальных жителей этих улиц, в том числе ремесленников, традиционно их заселявших.

Б.А. Рыбаков в качестве признаков ремесленных объединений в XV–XVI вв. называл среди «наиболее уловимых» наличие патрональных церквей, затем корпоративных праздников, уличанских гридниц, канцелярий. Наиболее отчетливо такие признаки ремесленных объединений прослеживались на примере Кузьмодемьянских не только в Новгороде, но во многих других городах: Пскове, Москве, Твери и др. (*Рыбаков*, 1948. С. 729–756).

Концентрация учебных грамот в районе пересечения Великой, Холопьей и Кузьмодемьяней улиц предполагает наличие в этом районе Новгорода училища, функционирующего «во второй трети XIII в.» и позднее. Неподалеку от перекрестка Великой и Холопьей улиц найдены и другие ученические грамоты разного времени: № 330 – 12–13 ярус (последняя треть XIII в.) – содержит помимо начала алфавита и благочестивой формулы «Господи помози» (без указания имени) стишок-дразнилку ненормативного содержания (*Янин, Зализняк*, 2000. С. 99–100). Этот стишок никак не мог быть записан семилетним мальчиком (отличает эту грамоту и почерк). Кроме того, имеется еще грамота № 74, найденная в 16-м (XII в.) строительном ярусе возле мостовой Великой улицы – это обрывок алфавита (*Арциховский*, 1954. С. 75). Нужно отметить грамоту № 46, найденную в 10-м ярусе (первая треть XIV в.) – загадку, написанную особым образом, когда буквы читаются по вертикали. Она представляет еще одну школьную дразнилку: «Невежа писа, недума каза а хто се цита...» – конец фразы оторван, там должно быть ругательство (*Арциховский*, 1954. С. 48). Все эти школьные грамоты разного времени найдены на том же участке, неподалеку от перекрестков Великой с Холопьей и Кузьмодемьянской улицами. Таким образом, они свидетельствуют, что училище функционировало длительный период времени на протяжении многих поколений учеников. Отсюда следует вопрос: не могло ли это училище, или последовательно несколько, работать при уличанском объединении прихода какой-либо церквей Козьмы и Демьяна, являясь еще одним из признаков профессионального объединения ремесленников, наряду с корпоративными праздниками и канцелярией? Но на этот вопрос ответа пока нет. Возможно, что большая постройка, находящаяся южнее перекрестка Великой и Холопьей улиц во второй половине XIII – XV в. – остатки *улицкой беседы*, или *обчины* (*Буров*, 1994. С. 41. Рис. 5, 6 на с. 225). В такой гриднице могло располагаться

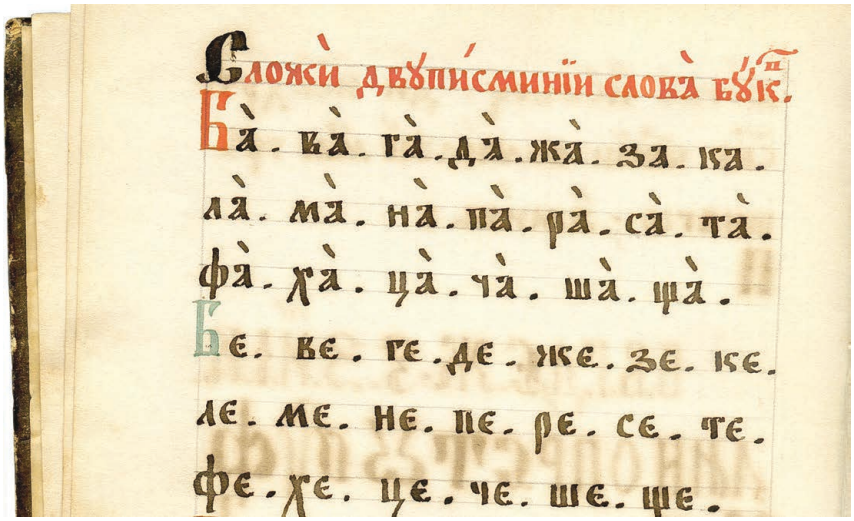

Сложи двуписминїи слова буки.
Ба. ва. га. да. жа. за. ка.
ла. ма. на. па. ра. са. та.
фа. ха. ца. ча. ша. ща.
Бе. ве. ге. де. же. зе. ке.
ле. ме. не. пе. ре. се. те.
фе. хе. це. че. ше. ще.

Рис. 7. «Двуписьменные» слоги. Л. 3(об) из рукописного учебника XIX в. (?)

и училище, а учителем мог быть священник или иной представитель храмового причта. Пока это только предположение, подкрепляемое скоплением учебных грамот разного времени на самом участке и поблизости от него. Предположение о роли уличанских организаций в процессе обучения грамоте не противоречит общепризнанной точке зрения на главную роль церкви, священников и монастырей в образовании Древней Руси, но возможность участия уличанских «обчин» в организации училищ под руководством уличанских козьмодемьянских храмов до сих пор не учитывалась.

Что касается самих училищ, то о них в средневековой Руси известно очень мало. Историки оперируют одними и теми же сведениями и логическими построениями. Общеизвестно, что в ПВЛ в статье под 988 г., посвященной истории крещения Владимира Святославича в Корсуни и общего крещения, сообщается, что «школа учения книжного» открылась в Киеве в 988 г. когда князь «*по всем городам и селам послав, нача поимати у нарочитой чади дети и даяти на учение книжное*» (ПСРЛ, 1962. Стб. 118–119). Затем следует известие о школе, основанной Ярославом Мудрым в Новгороде в 1030 г., когда он собрал в Новгороде «*детей 300 учити книгам*» (ПСРЛ, 1851. Стб. 136). Эти немногие летописные сведения дали возможность для самых различных мнений о степени грамотности и образования в Древней Руси – от широкого развития на фоне сохранившейся книжности, блестящих литературных оригинальных произведений, богатых княжеских библиотек и сравнения древнерусского образования с западноевропейскими университетами, до почти полного отрицания даже простой грамотности. Крайним проявлением последнего мнения является утверждение, что даже многие священники не владели грамотностью. Оно основано на свидетельстве Стоглавого собора 1551 г., его участники говорили об училищах как явлении почти изжитом: «а преже всего в российском царствии на Москве и в великом Новгороде и по иным городом многия училища бывали, грамоте и писати и пети и чести учили»[2]. Но после открытия берестяных грамот в Новгороде и других городах, многочисленных граффити на стенах храмов и надписей на предметах вопрос о низком уровне грамотности в Древней Руси не возникает. Однако система обучения до обнаружения «учебных» грамот все равно оставалась неизвестной. Обычно делается отсылка на способ обучения, сохранявшийся до начала XX в. в старообрядческих общинах и церковноприходских школах.

Однако если о местонахождении училища, функционирующего под покровительством храма Кузьмы и Демьяна и, возможно,

[2] Историографию вопроса и процесс развития просвещения Российского государства см., например, в основательных статьях В. М. Кириллина (2009а; 2009б).

Рис. 8. Числа церковное и гражданское. Л. 6–7 (разворот) из рукописного учебника XIX в. (?)

уличанского объединения, учителе и способе оплаты (частное ли это училище, училище при храме или общинном объединении, как и средствах оплаты труда учителя) можно строить лишь догадки, подкрепленные всем комплексом имеющихся на сегодняшний день письменных, религиозно-учительских, фольклорных, изобразительных, археологических материалов, то о самом процессе обучения письму можно уже говорить вполне уверенно, на основании известных учебных «грамот Онфима» и дошедших до наших дней руководств – так называемых азбуковников. Первые печатные азбуковники – своеобразные энциклопедии, где присутствовали и руководства, предназначенные для обучения в качестве учебных пособий.

Рукописных азбук старше конца XVI в. не сохранилось. Хотя уже через десять лет после выхода первопечатного Апостола 1564 г. появляется первый русский букварь Ивана Федорова, изданный во Львове (*Тихомиров*, 1959. С. 12), печатных азбук не хватало, и вплоть до XIX в. продолжали использовать рукописные руководства, представляющие пособия по «начальному учению всем человекам, хотящим учитися...». Начиналось обучение с азбуки и слогов (складов), представляющих полную аналогию «учебным» грамотам. Сначала заучивалась азбука (первые слова букв), затем следовали слоги «двуписьменные» – на все буквы, кроме фиты (рис. 7). Отличие состояло в наличии «троеписьменного сложения» – в древнерусское время в учебных грамотах оно не представлено, вероятно потому, что в это время такие склады отсутствовали, так как в древнерусском языке существовал закон «открытого слога». Затем приводились слова, которые нужно писать под титлами, а после шло обучение «числу церковному и гражданскому» (рис. 8). В заключение приводились тексты наиболее распространенных молитв и псалмов, после которых следовала запись: «конец азбуке исполна» (рис. 9). На этом содержание рукописного руководства не заканчивалось – далее следовали мирское правило «всего лета» и отдельно – молитвы на всякий день и на вся-

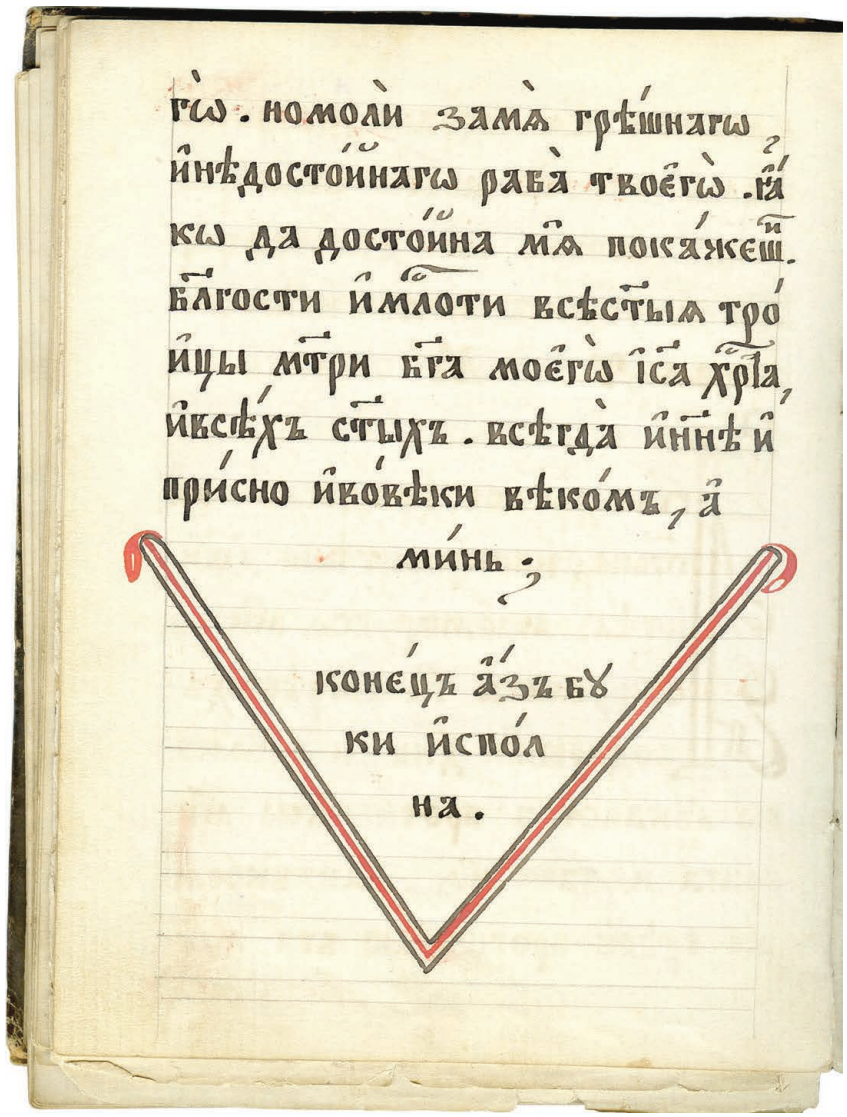

гѡ. помоли зама грѣшнагѡ
инѣдостоинагѡ раба твоегѡ. ꙗ
кѡ да достоина ма покажеш.
благости имлоти всѣстыꙗ тро
ицы мтри бга моегѡ іса хрта,
ивсѣхъ стыхъ. всѣгда ининѣ и
присно ивовѣки вѣкомъ, а
минь.
конецъ азъ бу
ки испол
на.

Рис. 9. Запись о полном завершении азбуки. Л. 22(об) из рукописного учебника XIX в. (?)

кий случай, какому святому следует молиться от «потопления и заразной погибели, от трясовицы» и т. д. Среди этих молитв находится упомянутая выше молитва свв. Кузьме и Демьяну о просвещении разума к учению книжному. Этот учебник является полной иллюстрацией к сохранившимся учебным грамотам не только комплекса Онфима, но и других, что позволяет почти полностью реконструировать систему начального обучения училища, действовавшего в приходе церквей Козьмы и Демьяна в Неревском конце Новгорода, с добавлением текстов, необходимых в письменном общении.

Онфим и его соученики полностью освоили азбуку и слоги, могли самостоятельно поставить подпись «Господи помози рабу своему», написать начало письменного вежливого обращения, записать долговую запись и более того, самостоятельно написать фольклорные загадки и стишки, которым явно не обучал учитель. Обучение этим не ограничивалось: грамота № 331, как установлено Н. А. Мещерским (1962. С. 108), содержит несколько разрозненных и оборванных на полуслове фрагментов из следованной Псалтыри – книги, постоянно использовавшейся на Руси для обучения грамоте. Опознаются отдельные начала фраз, между второй и третьей из этих фраз Онфим начал и тут же бросил еще два или три отрывка. Но скорее всего это не отрывки, а памятки, чтобы не забыть текст: записываются первые слова или их фрагменты, а далее произносится текст молитвы наизусть. Таким

образом Онфим освоил почти весь курс, полагающейся в начальной школе. Не ясно пока как обстояло дело с «цифирью» и расчетами. Судя по грамоте № 206, буквы-цифры Онфим знал, может быть, и не твердо. Но в грамоте № 342, происходящей из 10-го яруса (1313–1340 гг.), написанной уже его потомком, содержатся буквы-цифры под титлами от единиц до сотен, тысяч и десятков тысяч. Следовательно, арифметику изучали и в училищах. А если принять во внимание суммарно содержание многих берестяных текстов, то со знанием арифметики, пересчетом гривен, кун и пр. у жителей Новгорода проблем не было. Вероятно, более сложные расчеты, такие как определение пасхальных праздников, индиктов, кругов солнца и луны, преподавались уже в других школах, о чем свидетельствует труд Кирика Новгородца (Словарь... 1987. С. 215–217), как и степень просвещения и начатки научных знаний (см. упомянутые выше работы В. П. Кириллина). Обобщенный взгляд на известные учебные грамоты под новым углом, с привлечением других материалов, полученных в процессе раскопок и результатов их исследования многими авторами, дает возможность проследить деятельность училища, предположительно его местоположение, уровень обучения, достигавшийся в Новгороде, и объяснить высокий уровень бытовой грамотности его жителей как результат деятельности училищ, существовавших, несомненно, при храмах Козьмы и Демьяна и, возможно, при других уличанских объединениях.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Арциховский А. А., 1954. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: АН СССР. 92 с.

Арциховский А. А., 1957. Берестяные грамоты мальчика Онфима // СА. № 3. С. 219–223.

Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Изд. АН СССР. 328 с.

Буров В. А., 1994. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М. 245 с.

Гайдуков П. Г., 2010. Б. А. Рыбаков, А. А. Арциховский и Б. А. Колчин // ННЗ. Вып. 24. Великий Новгород. С. 101–111.

Георгиев Е., 1981. Нашето АЗ-Буки-Веди. София: Изд-во Народна просвета. 142 с.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., 2015. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных грамот // НГБ. Т. XII. Из раскопок 2001–2014 годов. М.: ЯСК. С. 196–275.

Дубровин Г. Е., 2016. Плотницкий конец средневекового Новгорода. М.: Зерцало-М. 608 с.

Жития и творения русских святых. М.: Современник, 1993. 480 с.

Зализняк А. А., 2000а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ. Т. X. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари. С 82–122.

Зализняк А. А., 2000б. Палеографические таблицы // Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ. Т. X. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари. С. 152–217.

Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК. С. 476.

Зализняк А. А., Янин В. Л., 2001а. Новгородская Псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси // Вестник РАН. № 71 (3). С. 202–209.

Зализняк А. А., Янин В. Л., 2001б. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 5. С. 3–25.

Куев К. М., 1974. Азбучната молитва в славянските литератури. София: БАН. 362 с.

Кириллин В. М., 2009а. Русская образованность в X–XVII вв. // ДРВМ. № 2 (36). С. 22–33.

Кириллин В. М., 2009б. Русская образованность в X–XVII вв. Продолжение // ДРВМ. № 4 (38). С. 5–23.

Макарова Т. И., 1997. Заключение // Древняя Русь. Быт и культура. (Археология). М.: Наука. С. 226–231.

Медынцева А. А., 2021а. О проблеме датировки берестяных грамот и надписей-граффити: внестратиграфический метод А. А. Зализняка и «классическая палеография» // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. Ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 21–38.

Медынцева А. А., 2021б. Персонифицированный словарь древнерусских мастеров – ювелиров-литейщиков и камнерезов XI–XIII вв. (с комментариями) // Средневековые искусства и ремесла. Сб., посвященный 90-летию Т. И. Макаровой. М.: ИАРАН. С. 216–248.
Медынцева А. А., 2022. Мастер Данила из Новгорода // КСИА. Вып. 269. С. 208–223.
Мещерский Н. А., 1962. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот // Уч. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. 12. Петрозаводск. С. 84–115.
Молитвослов. СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2003. 480 с.
Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. (САИ Е1–55). 184 с.
Колчин Б. А., 1985. Ремесло // Древняя Русь Город. Замок. Село. М.: Наука. (Археология СССР). С. 243–297.
НПЛ. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
Петрухин П. В., 2020. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // Словѣне. № 2. С. 104–128.
ПСРЛ. Т. 5. Псковские и софийские летописи. СПб., 1851.
ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.: Изд. АН СССР. 792 с.
Рыбаков Б. А., 1961. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской археологии»? // СА. № 2. С. 141–163.
Рыбина Е. А., 1998. Рисунки средневековых новгородцев // Историческая археология. Традиции и перспективы: к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 15–28.
Рыбина Е. А., 2018. Берестяная грамота № 206 мальчика Онфима. История интерпретации // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 130–145.
Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. М.: Изд. АН СССР. С. 200–263.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. XI – первая половина XIV в. / под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1987. 496 с.
Стаменова А., Данилевский И., 2018. Нарисовал на бересте и подписал в уголке… // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 13 / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского, при участии О. Е. Кошелевой. М.: Индрик. С. 247–35.
Тихомиров М. Н., 1959. Предисловие // У истоков русского книгопечатания / Под общ. ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова, А. И. Назарова. М.: АН СССР. С. 5.
Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс. 672 с.
Янин В. Л., 1998. Я послал тебе бересту… М.: Школа «Языки русской культуры». 464 с.
Янин В. Л., Зализняк А. А., 2000. НГБ. Т. X. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари. 430 с.
Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., 2015. НГБ. Т. XI. Из раскопок 2007–2011 гг. М.: ЯСК. 286 с.
Янин В. Л., Колчин Б. А., 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука. С. 5–56.

A. A. Medyntseva

The College and the «Elementary School» of Onfim's Letters (Based on Materials from Novgorod Birch Bark Letters)

Abstract. This article discusses the well-known complex of Onfim's educational letters, determines the features of his individual handwriting. Some amendments are being made to the reading of one of the letters (No. 206). Considering the well-known and earlier names of his fellow students, attempts are made to trace their further fate. Presumably, the fate of one of them, Danila, who became a master jeweler, is being clarified. But the author's main attention is directed to identifying the school where Onfim and his comrades studied, the connection of the school with the activities of the street community and the Kuzmodemyansk churches, and the location of the school itself. Based on a comparison of the material of educational documents and handwritten teaching aids that survived until the 19th century, a conclusion is made about the level of education that was achieved in the primary schools of medieval Novgorod, and provided opportunities for wide written communication of its inhabitants.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.127-133

Е. Р. Михайлова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

«Садовый нож» из Городца под Лугой

Материалы раскопок интереснейшего городища в деревне Городец Лужского района Ленинградской области до сих пор не введены полностью в научный оборот, несмотря на важное значение памятника для изучения раннесредневековой археологии Северо-Запада.

Городище расположено в центре деревни, у края автодороги Р-23 «Псков» (Киевское шоссе), на холме, на правом коренном берегу Городецкого ручья, при истоке ручья из небольшого проточного Городецкого озера. Сам Городецкий ручей впадает в оз. Белое – залив оз. Врево, из которого по системе проток можно выйти в Череменецкое озеро, а оттуда – в р. Лугу (рис. 1).

Площадка городища имеет в плане треугольную форму. Ее максимальные размеры сейчас, после значительной нивелировки валов, составляют приблизительно 90×100 м. Высота площадки над уровнем озера 8–9 м, крутизна склонов городища – около 60–70°. По периметру площадку окружал вал шириной 6–8 м и высотой до 3 м на сохранившихся участках; в настоящее время вал оплыл и сильно поврежден, местами срыт при расширении находящегося здесь кладбища.

В центре площадки стоит часовня святого Трифона Городецкого, основателя Георгиевского Городецкого монастыря. Монастырь как недавно основанный упоминается в конце XVI в. в тарханной грамоте, выданной игумену Трифону новгородским митрополитом Варлаамом. Грамота характеризует место, где расположен монастырь, как «убогое, развоевано от литовскихъ людей и от немец» (*Зверинский*, 1892. С. 115, 116). Согласно преданию, игумен Трифон был убит в 1590-х годах литовскими воинами прямо в монастырской Георгиевской церкви во время службы и погребен в ней же. Долгое время преподобномученик Трифон почитался местно, в 1913 г. состоялось его общецерковное прославление. Особенно чтятся окрестным населением могила св. Трифона на городище и связанный с его именем источник на левом берегу Городецкого ручья.

В 1764 г. Георгиевский Городецкий монастырь упразднили, его церковь обратилась в приходскую. Георгиевская церковь была закрыта в 1930-е годы, а в годы войны разрушена. Остатки первого этажа церковного здания в 1950 г. по проекту епархиального архитектора А. М. Казанского перестроили в деревянную часовню.

В 1838–1844 гг. юго-восточнее Георгиевской церкви по проекту архитектора П. С. Лукашевича построена деревянная церковь Успения Богородицы. В начале 2000-х храм разобрали и построили вновь, в настоящее время он действует.

Первые сведения о древностях в с. Городец относятся к 1850 г., когда местный крестьянин Тимофей Раков на валу городища у церкви нашел 95 древних монет, оказавшихся московскими копейками XVII в. (О находке... 1850).

Само городище неоднократно обследовали: в 1927 г. Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин, в 1960 г. – А. С. Потресов и Е. В. Шолохова, в 1960 г. – Л. Ю. Янитс и Э. Ю. Тыниссон, в 1970 г. – Г. С. Лебедев, в 1988 г. Е. М. Колпаков, в 2003 г. – С. А. Семенов и С. Л. Кузьмин, в 2013 г. – Е. Р. Михайлова, в 2015 г. – С. А. Васильев и С. А. Семенов (*Потресов, Шолохова*, 1966. С. 87; *Лапшин*, 1990. С. 31; *Михайлова*, 2014. Л. 27–30).

Основные раскопки на городище провел Г. С. Лебедев в 1970–1974 г. Работы 1970 г. но-

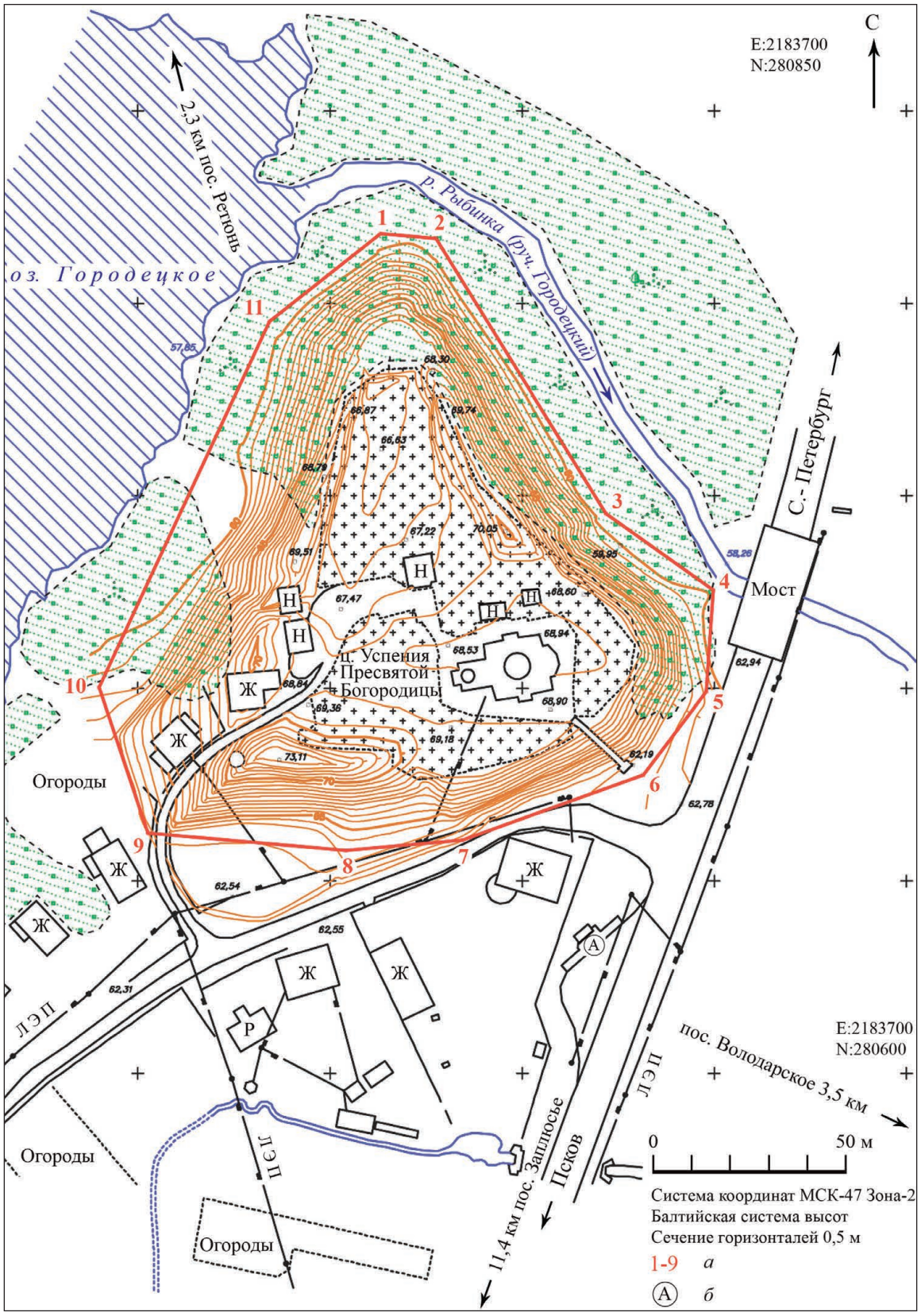


Рис. 1. План городища Городец под Лугой. Съемка А. В. Бехтера (2013 г.) с уточнениями С. А. Васильева. Публикуется с любезного разрешения авторов

а – поворотные точки границ памятника; *б* – автобусная остановка

сили разведочный характер: в северной части площадки городища вскрыта площадь 19 кв. м. В 1971–1973 г. Г. С. Лебедев раскопал практически всю северную треть площадки от часовни св. Трифона до северной оконечности городища (около 1000 кв. м) и прорезал вал вблизи въезда на площадку. Изучены подполья построек (по мнению Г. С. Лебедева, котлованы полуземлянок) и хозяйственные ямы, открыты деревянные конструкции в основании вала. Общая мощность напластований в пределах раскопа 1971–1973 гг. достигала метра (*Лебедев, Розов*, 1975; *Лебедев* 1973; 1977. С. 102–129; *Lebedev*, 1982). Материалы раскопок хранятся в фонде археологии Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Одновременно в 1973 г. архитектурно-археологические работы на городище провел Вал. А. Булкин. Он исследовал основание каменной церкви св. Георгия, а также обнаружил основания столбов монастырской ограды XVII–XVIII вв. и фундамент небольшой постройки в северо-западной части городища, вероятно, отдельной кельи.

На основании материалов раскопок Г. С. Лебедев датировал раннесредневековый этап жизни на городище IX – первой половиной XIII в., разделив слой на три основных стратиграфических горизонта. Верхний из них (горизонт I) исследователь датировал XII–XIII вв., его верхняя дата соответствует гибели городища в большом пожаре. Средний горизонт (II) датируется в основном XI в., нижний (горизонт III) – предшествующим временем, в пределах IX–X вв. (*Лебедев*, 1977. С. 102–129; *Lebedev*, 1982. S. 227–236).

Н. И. Платонова (Залевская), проанализировав стратиграфию нижнего горизонта, разделила его на три субгоризонта, отметив, что во вскрытой части самого нижнего субгоризонта III В, достоверных комплексов IX в. нет. Нижний субгоризонт она предложила датировать в пределах X в. (*Залевская*, 1982. С. 50–54).

Следует отметить сильную нарушенность культурного слоя позднейшим кладбищем: в пределах раскопа неоднократно были встречены углубленные в материк могилы с безынвентарными ингумациями.

Среди находок из Городца под Лугой, хранящихся в Музее истории Санкт-Петербурга,

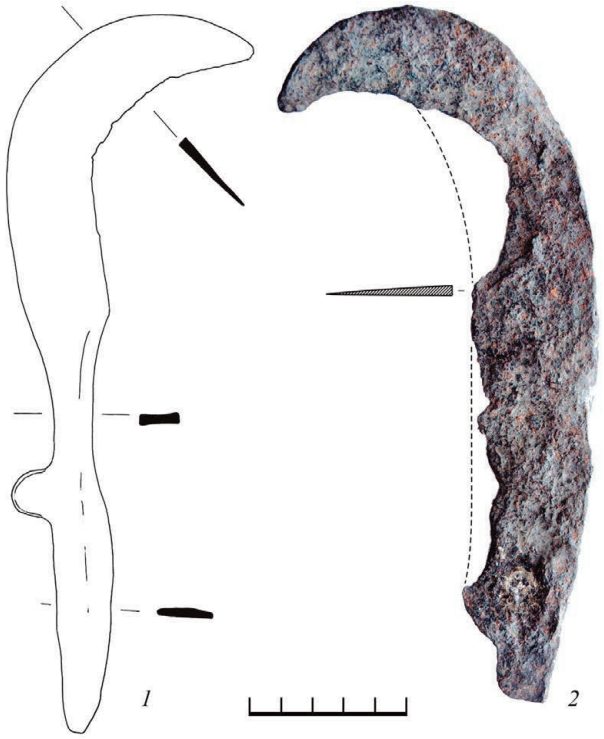


Рис. 2. Железные предметы с серповидными лезвиями

1 – Городец под Лугой (рис. автора); *2* – Юрьевы Горы (по: *Еремеев*, 2015. Рис. 146)

есть крупный кованый железный предмет, обозначенный в полевой описи как «садовый нож». Общая длина предмета составляет 233 мм, из которых около 105 мм приходится на рукоять, остальное – на серповидное лезвие. Ширина лезвия составляет 28 мм при толщине обушка 3 мм. Рукоять в сечении прямоугольная, 18×2–3 мм, слабо выпуклая с одной стороны. От рукояти в сторону, обратную загибу лезвия, отходит небольшой полукруглый выступ (рис. 2, *1*).

Точные аналогии этому предмету мне не известны. Похожий предмет с серповидным лезвием был случайно найден в урочище Юрьевы Горы в п. Усвяты Псковской области (*Еремеев*, 2015. Рис. 146, *7*), но у него отломана рукоять (рис. 2, *2*).

Аналогичные орудия в археологической литературе принято интерпретировать как виноградарские ножи, предназначенные для обрезки лозы (*Ганцев*, 2021). Трудно представить себе возделывание виноградников на Северо-Западе Восточной Европы. Вероятно, именно это соображение побудило

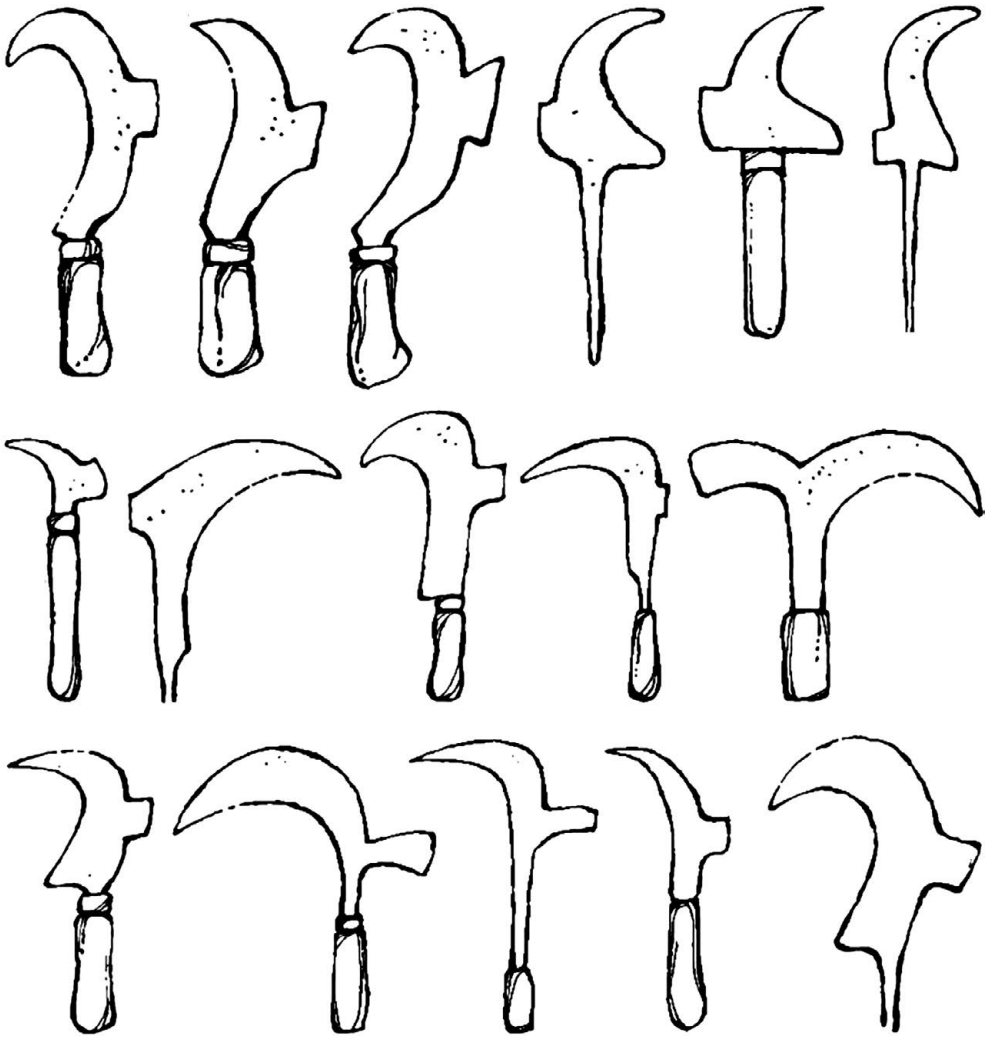


Рис. 3. Традиционные формы моравских виноградарских ножей (по: *Frolec*, 1974. Tab. 11–13)

Глеба Сергеевича назвать предмет не виноградарским, а садовым ножом. То же соображение позднее высказал А. Б. Варенов, рассматривая находку из предматерикового слоя Псковского городища (*Варенов*, 1994). Следует сразу же отметить, что «садовый нож» из Пскова отличается от «садового ножа» из Городца под Лугой: в Пскове найдено серповидно изогнутое лезвие с двусторонней заточкой и резко отогнутым пластинчатым черешком.

Однако виноградные (и садово-виноградные) ножи, известные в регионах традиционного европейского виноградарства, отличаются от находки с Городца под Лугой (*Frolec*, 1974. S. 42–48; *Henning*, 1987. S. 93–96). Несколько отличаются рукояти: у виноградарских ножей они обычно втульчатые или стержневидные, рассчитанные на крепление на (в) крепкую деревянную рукоять. Но главное отличие составляет заостренный выступ-«топорик» (*secures*) на тыльной стороне виноградных ножей, предназначенный для обрубания толстых побегов – на виноградных ножах он располагается не на рукояти, а на тыльной стороне самого лезвия, часто у его загиба, и всегда имеет форму прямоугольника или трапеции, расширяющейся от обушка (рис. 3). На ноже из Городца мы видим небольшой полукруглый выступ посередине кованой рукояти, который явно не предназначен для рубки, это скорее ограничитель рукояти.

Серповидные лезвия характерны также для так называемых косарей (*vesuri*), широко употребляющихся, в частности, в странах Балтийского бассейна с древности до наших дней и предназначенных для рубки веток. Од-

Рис. 4. Этнографические ножи-косари из музейных собраний. Фото с портала *goskatalog.ru*

1 – музей-заповедник «Кижи»; *2* – Подпорожский краеведческий музей;
3 – Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник;
4 – Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей

нако для них вовсе не характерны какие-либо выступы на рукояти, а клинки древних косарей обычно массивные и угловатые; серповидные лезвия широко распространяются уже в Новое время, и такие косари хорошо представлены в краеведческих музеях (рис. 4).

Есть еще одна группа предметов, для которых характерны массивные серповидные лезвия, – гизармы (гвизармы). «Классическая» гизарма представляла собой древковое оружие с длинным узким серповидным наконечником, снабженным шипом или ответвлением на обухе. Считается, что гизармы и родственные им виды древкового оружия произошли от сельскохозяйственных ножей-косарей и широко использовались в Западной Европе XIV–XVI вв. (*Окшотт*, 2009. С. 456–458).

Однако такого рода оружие появилось в Европе гораздо раньше. Серповидно изогнутые однолезвийные наконечники с шипами или отростками со стороны обушка встречаются в воинских могилах третьей четверти 1-го тысячелетия на территории Западной Европы: в раннемеровингских древностях Франции и Германии западнее Рейна, а также в лангобардских могильниках Пиза (Пьяцца деи Мираколи) и Кастель Трозино в Италии (*Schulze*, 1979; *Legoux, Périn, Vallet*, 2009. N° 46; *Казанский*, 2014. С. 106). Французские археологи называют это оружие «боевыми косами» (*fauchard*), немецкая исследовательница М. Шульце предпочла термин «глефа» (*Glefe*) по аналогии с позднейшим пехотным оружием (рис. 5). Публикаторы материалов могильника Кастель Трозино описали находку как «кончик ромфеи» (*punta di romphaia*; *Paroli, Ricci*, 2007. P. 79), хотя это явно цельный втульчатый наконечник.

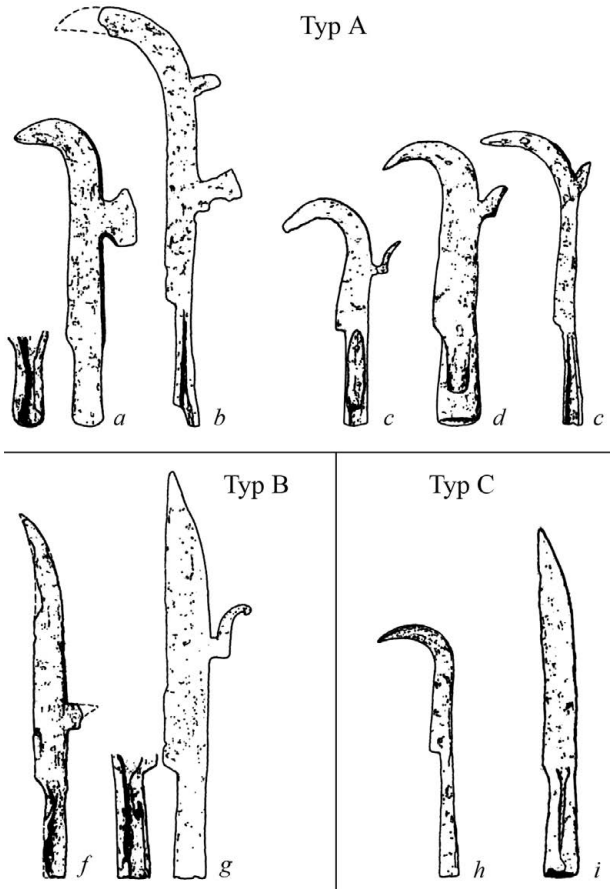


Рис. 5. Типологическая схема западноевропейских глеф меровингского периода (по: *Schulze*, 1979. Abb. 2). Приведены находки из следующих памятников

a – Брени (Bréni); *b* – Мюи (Muids); *c* – Дэлен (Daillens); *d* – Маршелепо (Marchélepot); *e* – Дье-сюр-Мез (Dieue-sur-Meuse); *f* – Метлох (Mettloch); *g* – Амуар (Hamoir); *h* – Кастель Трозино (Castel Trosino); *i* – Дитерсхайм (Dietersheim)

Рассматриваемая здесь находка из Городца под Лугой отличается от «глеф» меровингского периода, которые к тому же остались в истории европейского вооружения локальным эпизодом. Однако регулярно возникавшая идея превращения бытовых крестьянских орудий в оружие заставляет искать следы ее реализации в археологических материалах. «Садовый нож» из Городца под Лугой, безусловно, представляет собой специализированное рубящее орудие. Использовалось оно в быту, в поле или в боевых действиях еще предстоит выяснить.

Литература

Варенов А. Б., 1994. Садовый нож из нижнего слоя Псковского городища // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. К 75-летию В. Д. Белецкого / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-Contact. С. 61–65.

Ганцев В. К., 2021. Виноградные ножи средневекового Крыма // Античная древность и средние века. Т. 49. С. 147–163.

Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин. 696 с.

Залевская Н. И., 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: ЛГУ. С. 49–54.

Зверинский В. В., 1892. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи с библиографическим указателем. Т. II СПб.: Типогр. Б. Безобразова и Комп. (Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов). 466 с.

Казанский М. М., 2014. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов // Stratum plus. № 6. С. 105–111.

Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Л.: Ленинградское отделение ВООПИК. 124 с.

Лебедев Г. С., 1973. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76;

Лебедев Г. С., 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат. 232 с.

Лебедев Г. С., Розов А. А., 1975. Городец под Лугой // Вопросы истории. № 2. С. 212–216;

Михайлова Е. Р., 2014. Отчет об археологической разведке в Лужском районе Ленинградской области в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 40959.

О находке 95 монет в с. Городец Лужского у., 1850 / Архив ИИМК РАН. РО. Ф. 6. Д. 156.

Окшотт Э., 2009. Оружие и воинские доспехи Европы. С древних времен до конца Средневековья. М.: Центрполиграф. 703 с.

Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Тр. комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука. С. 65–97.
Frolec V., 1974. Tradiční vinařství na Moravě. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 366 s.
Henning J., 1987. Südosteuropa zwischen Antike und Mittelalter. Archäologische Beiträge zur Landwirtschaft des 1. Jahrtausends u. Z. Berlin: Akademie-Verlag. (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte, 42). 176 s.
Lebedev G. S., 1982. Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga (Zur Probleme den ost- und westslawischen Beziehungen) // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte, Bd. II / Bearb. Kaufmann, Hans. Berlin. (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Beiheft 17). S. 225–238.
Legoux R., Périn P., Vallet F., 2006. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Condé-sur-Noireau. (Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne. N° hors série). 65 p.
Paroli L., Ricci M., 2007. La necropoli altomedievale di Castel Trosino. Vol. 1 (Catalogo), 2 (Tavole). Firenze: All'Insegna del Giglio. (Ricerche di Archeologia Altomedievale e Medievale, 32–33). 374 p.
Schulze M., 1979. Eine merowingische Glefe aus Cobern-Gorndorf an der Mosel // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd 9. S. 345–353.

E.R. Mikhailova

"Garden Knife" from Gorodets near Luga

Abstract. The article deals with a forged iron object with a sickle-shaped blade, which originated from the excavations of G.S. Lebedev at the hillfort Gorodets near Luga. The object comes from the layer of the 11th century and has no reliable analogies. According to the author, it is a specialized chopping tool that could be used for household work or serve as a weapon.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.134-160

В. В. Мурашева*, И. Е. Зайцева, В. Ю. Соболев*****
** Исторический музей, Москва*
*** Институт археологии РАН, Москва*
**** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Металлические ременные наборные украшения в Древней Руси (очерк)

Введение

Пояса, украшенные металлическими накладками, были составной частью костюма многих этнических групп в периоды раннего железного века и Средневековья. Древняя Русь в домонгольскую эпоху (IX–XII вв.) не является исключением. Тысячи металлических деталей ременной гарнитуры обнаружены при исследовании некрополей и культурных слоев поселений. Драгоценные серебряные пояса входили в состав сокровищ, сокрытых в кладах.

Археологически наборные пояса известны с ранне-скифского времени, однако идея украшения поясов зарождается, вероятно, еще в эпоху поздней бронзы (*Добжанский*, 1990). Хорошо известны древнеримские пояса, декорированные геральдическими накладками, которые стали яркой и престижной деталью воинской культуры на огромной территории – в зоне культурного и политического влияния Римской Империи. Отдельная и своеобразная традиция украшения пояса и сбруи сложилась в середине I в. до н. э. – начале I в. н. э. в кочевническом мире тюркских народов Южной Сибири и Монголии, откуда она вместе с перемещением ее носителей распространилась далеко на запад, войдя в состав престижного костюма соседних оседлых народов.

Древнерусские ременные украшения неоднократно становились предметом специальных исследований. В своей монографии «Швеция и Восток» Т. Арне был одним из первых, кто обратился к данному материалу (*Arne*, 1914). Анализ ременных украшений с территории Швеции стал основой для изучения «восточных» связей Скандинавии в эпоху викингов. И хотя древнерусские находки рассматривались лишь в качестве аналогий, этот анализ положил начало систематизации обширного восточноевропейского материала. Исследования скандинавских наборных украшений и их восточных аналогий были продолжены шведскими археологами И. Янссоном (*Jannson*, 1986), Ш. Хеденштиерна-Йонсон и Л. Холмквист (*Hedenstierna-Jonson, Holmquist*, 2006).

В целом ряде работ рассматриваются ременные накладки, найденные непосредственно на территории Древней Руси. Прежде всего, необходимо отметить региональные исследования. Материалам Ярославского Поволжья посвящены работы В. А. Мальм (1963), В. Н. Седыха и Я. В. Френкеля (2015); Среднему Поднепровью – исследования Р. С. Орлова (1984); северу европейской части и Суздальскому Ополью – работы И. Е. Зайцевой (2008; 2015); Северо-Западу Восточной Европы – К. А. Михайлова и В. Ю. Соболева (*Михайлов, Соболев*, 2000; *Михайлов*, 2005б). Первый подход к систематизации всего накопленного к концу XX в. массива находок предпринят в монографии В. В. Мурашевой (2000а).

Ременные накладки с древнерусской территории поражают своим разнообразием. Они обнаружены во всех ее регионах: в Приднепровье и на Десне, в Смоленской, Новгородской и Псковской землях, в Приладожье, в Суздальском Ополье, на северной

и северо-восточной периферии Древнерусского государства (рис. 1). Существует проблема дифференциации накладок на поясные и сбруйные. Многие экземпляры происходят из погребений по обряду кремации, где указать функциональную принадлежность данного вида украшений невозможно. Известны случаи, когда одни и те же типы накладок могли быть использованы и как поясные, и как сбруйные. В данном очерке мы не касаемся этой проблемы и рассматриваем весь массив материала, оставляя за рамками статьи лишь детали, характерные исключительно для сбруи, такие, как решмы, разделители-тройники, массивные скобы и др. (*Кирпичников*, 1973. С. 21).

Хазарские и ранне-венгерские импорты

Наиболее ранний блок находок (вторая половина IX – начало X в.) связан с миром хазарских древностей (салтово-маяцкая культура). Основным диагностическим признаком наборных украшений салтово-маяцкой культуры является характерный орнамент, основанный на разнообразных композициях из специфических «почковидных листьев», по выражению Т. Арне (1914. P. 118–123), или цветков лотоса (*Плетнева*, 1967. С. 165. Рис. 45). Накладки салтовского типа встречаются не только в пределах Каганата, но и в зоне культурного и политического влияния Хазарии, прежде всего, на территории Поволжских финнов (Лядинский и Крюково-Кужновский могильники – *Ястребов*, 1893. Табл. IV, *5, 10*; Материалы по истории мордвы, 1952. Табл. XXVIII, *3*), а также в Прикамье (Больше-Тиганский могильник – *Халикова*, 1976. С. 170. Рис. 11, *6–9)*. Самой северной точкой, где зафиксирован полный набор накладок пояса, является могильник поселения Крутик в Белозерье (*Милованова*, 2022).

В Древней Руси и в Северной Европе накладки этого круга часто не воспринимались как ременные украшения и использовались не по прямому назначению, превращаясь из деталей мужского костюма в женские подвески. Этому способствовало наличие петли для подвесного колечка. При отсутствии петли часто к накладкам или наконечникам приклепывалось ушко. Многочисленные примеры таких трансформаций известны в женских погребениях Бирки на территории Швеции (данные о накладках-подвесках из Бирки полностью рассмотрены И. Янссоном – *Jansson*, 1986. S. 80–91).

Ярким примером вторичного использования ременных украшений является оригинальная подвеска, найденная в Гнездове (*Пушкина*, 2007. С. 236). Три маленькие пятиугольные накладки были закреплены на восточной монете вплотную друг к другу, образуя фигуру трилистника. Монета, чеканенная аббасидским наместником Табаристана в 93–110 г. хиджры (711–728 г. н. э.) была обрезана по контуру ременных накладок и превращена в подвеску с помощью ушка из узкой серебряной пластины (рис. 2, *1*).

Часть ранних ременных украшений юго-восточного происхождения найдена в составе кладов. Роскошные привозные отлитые из серебра, они, без сомнения, воспринимались как вещи статусные и были сокрыты в землю как часть сокровищ. Такие накладки найдены в составе двух больших кладов, датируемых концом IX – началом X в.: Алпатьевского и Супрутского.

В состав стилистически единого поясного набора из Алпатьевского клада (Московская обл.) входят пряжка, ременной наконечник, 24 накладки с кольцом и 33 накладки без кольца (*Мурашева*, 2014. С. 119–121). Все детали ременного набора, включая щиток пряжки и ременной наконечник, декорированы композициями из трилистников, внутренняя поверхность которых разделана овалами (рис. 2, *2–5*). Подобного рода декор, характерным композиционным приемом которого является вставка боковых пальметт в зубцы средней, относится к самому позднему этапу развития орнаментальных мотивов салтово-маяцкой культурно-исторической общности (*Фонякова*, 1986. С. 36–47; 2010). Ременные накладки этого типа получили самое широкое распространение как на территории салтово-маяцкой культуры, так и в ареале культурного и политического влияния Хазарского каганата.

Необычен наборный пояс из клада, найденного на городище Супруты в Тульской обл. (*Мурашева*, 2008. С. 16–23). Набор состоит из округлых накладок с подвесным коль-

Рис. 1. Упоминаемые в тексте памятники на карте Восточной Европы

1 – Киев; *2* – Шестовица; *3* – Чернигов; *4* – Седнев; *5* – Вядец; *6* – Рокот; *7* – Гнездово; *8* – Супруты; *9* – Алпатьево; *10* – Крюково-Кужновский м-к; *11* – Большетиганский м-к; *12* – селище Измери; *13* – Танкеевский м-к; *14* – Рождественский м-к; *15* – Роданово Городище; *16* – Степаново Плотбище; *17* – Нижняя Стрелка; *18* – Веселовский м-к; *19* – Шекшово; *20* – Б. Тимерево; *21* – Михайловское; *22* – Минино; *23* – Крутик; *24* – Сязнеги; *25* – Кумбита; *26* – Старая Ладога; *27* – Чемихино; *28* – Рюриково городище и Новгород; *29* – Старая Русса; *30* – Псков; *31* – Которской погост; *32* – Удрай; *33* – Передольский погост; *34* – Кюлялахти

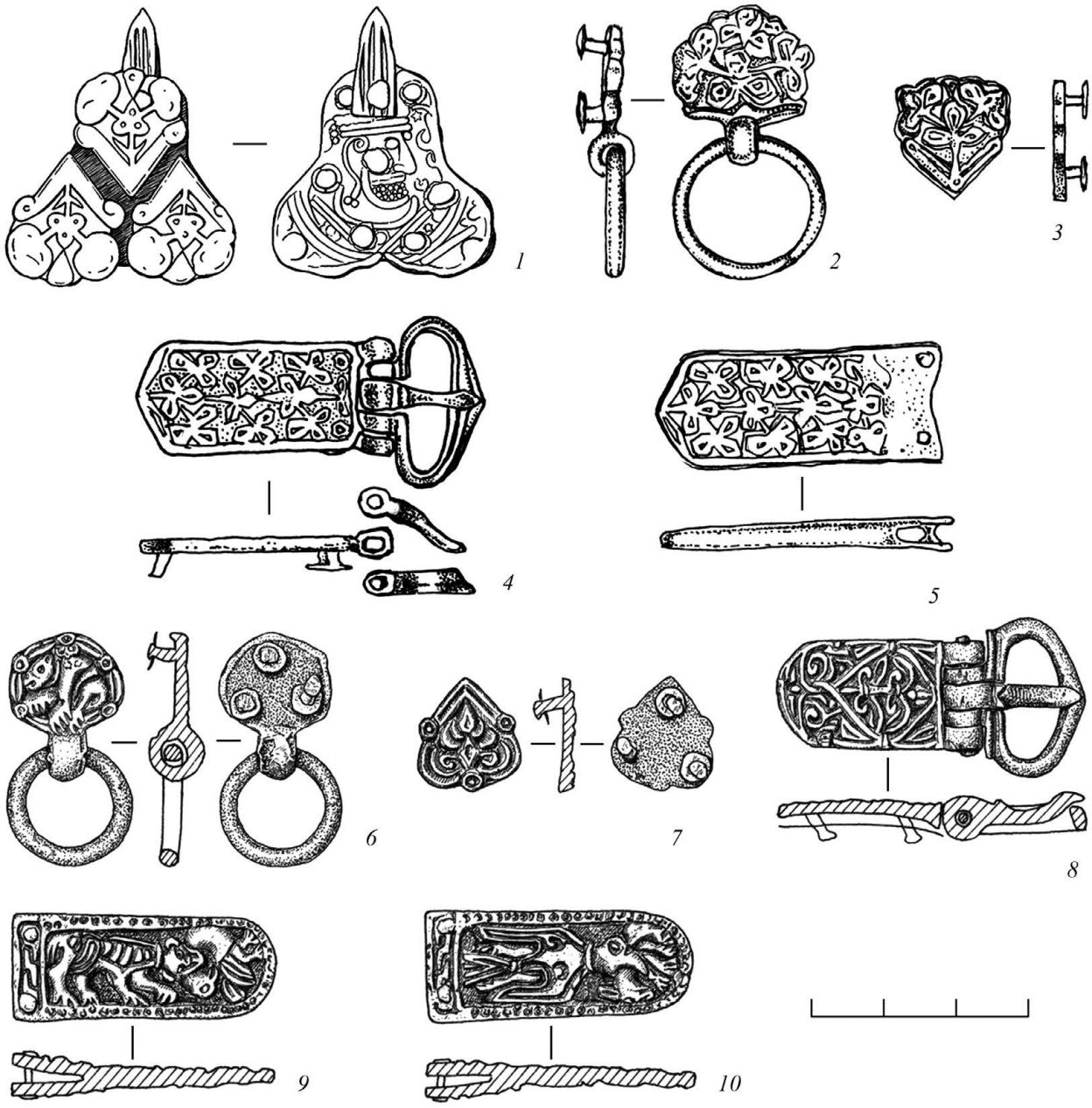


Рис. 2. Детали поясной гарнитуры

1 – подвеска из Гнездова (*Пушкина*, 2007. Рис. 1); *2–5* – Алпатьевский клад (*Мурашева*, 2014. Рис. 2); *6–10* – Супрутский клад (*Мурашева*, 2008. Рис. 14, 23, 26, 28, 29)

цом (61 экземпляр), сердцевидных накладок (39 экземпляров), пятиугольной накладки с овальной прорезью у основания, пряжки и двух ременных наконечников (рис. 2, *6–10*). Накладки с кольцом (рис. 2, *6*) декорированы изображением трудно идентифицируемого животного – возможно, льва или медведя, их края украшены «узелковым» бордюром. Такого рода бордюр (наряду с сюжетными изображениями людей и животных, широким трилистником и «пылающей жемчужиной») является диагностическим признаком предметов декоративно-прикладного искусства памятников «субботцевского типа». Понятие «памятники субботцевского типа» введено в научный оборот А. В. Комаром, интерпретирующим их как древности, оставленные мадьярами в эпоху их временного пребывания в Северном Причерноморье (Этелькёз) (*Комар*, 2018. С. 114, 253, 254). Сердцевидные накладки (рис. 2, *7*), украшенные семилепестковым цветком, точных ана-

логий ни в салтовских, ни в субботцевских древностях не имеют. Возможно, они являются подражанием стилю субботцевской торевтики (*Комар*, 2018. С. 160).

Наиболее выразительные детали поясного набора – пара ременных наконечников со сценами терзания: на одной стороне изображена сцена терзания хищной птицей травоядного животного, на другой, наоборот, – хищное животное терзает птицу (рис. 2, *9–10*). В верхней части наконечников, в рамке – род меандрового орнамента, состоящего из фрагментов зигзагообразной линии. Сцены терзания относятся к категории сюжетных изображений, свойственных субботцевскому искусству, однако, неожиданным является оформление края меандровым орнаментом. Подобный способ декорирования края изделий свойственен скандинавскому искусству эпохи викингов. Присутствие скандинавов среди полиэтничного состава жителей Супрутского городища документировано многочисленными находками (*Мурашева*, 2012. С. 103–106). Возможно, именно местный мастер изготовил такие необычные детали поясной гарнитуры.

К предметам, которые можно бесспорно отнести к древностям «субботцевского круга», принадлежит ременной наконечник из Зарайского клада (*Рыбаков*, 1948. С. 106–107). Сюжетная композиция, украшающая наконечник, относится к сценам охоты, истоки иконографии которой лежат в торевтике иранского круга (*Комар*, 2018. С. 124–125). И хотя центральная фигура – лучник – отсутствует, в наличии олень, лев и дерево.

«Волжско-болгарский» производственный центр

Широкомасштабное производство металлических деталей поясной гарнитуры возникает в Волжской Болгарии во второй половине X в. Более ранние материалы второй половины IX – начала X в. (Танкеевский и Большетиганский могильники) связываются исследователями преимущественно с культурой кочевых переселенцев с юго-востока Европы (салтовская культура) и областей Урало-Прикамья (угорские культуры) (*Казаков*, 2010. С. 53–61). Существовавшее в это время собственное изготовление накладок в основном обслуживало запросы болгарского населения, тем не менее, уже на этом этапе поясные наборы экспортировались. Подтверждением является находка двух поясных наборов в курганах группы Сязниги в Приладожье, датирующихся второй половиной IX – первой половиной X вв. (*Мурашева*, 2000а. С. 92). В 60-х годах X в. в связи с приходом новой волны болгар изготовление изделий металлопластики вышло на новый уровень. Во-первых, оно значительно увеличилось в объемах, во-вторых, появились новые устойчивые типы накладок, изготавливавшиеся серийно крупными партиями и распространявшиеся на обширной территории.

Центральным пунктом производства накладок и пряжек являлось Измерское селище, в настоящее время сильно размываемое водами Волги. По данным Е. П. Казакова, на селище обнаружено более 100 типов накладок, представленных разным количеством экземпляров. Среди них есть бракованные – один из маркеров местного производства (*Казаков*, 2010. С. 55). Массовое производство металлических деталей поясной гарнитуры существовало в Волжской Болгарии, вероятно, до середины XI в. Во второй половине этого столетия украшенные накладками пояса теряют популярность и постепенно выходят из моды.

Готовая продукция имела обширнейший рынок сбыта. Мусульманский обряд погребения, распространившийся в Волжской Болгарии после 922 г., не сохранил для нас деталей местного костюма, а потому о распространенности поясов с накладками среди булгарского населения можно судить только гипотетически. Более информативны находки в комплексах грунтовых погребений окружающего Волжскую Болгарию языческого мира. По ним мы можем установить, что наборы накладок (или готовые пояса?) массово поставлялись в эти регионы. Крупным импортером болгарской продукции было Пермское Предуралье (*Белавин*, 2000. С. 104–110). Детали поясной гарнитуры распространялись и далее на северо-восток, где они обнаружены в могильниках коми (*Савельева*, 1987). Накладками булгарского производства украшены пояса большинства мужчин, погребенных

на грунтовых могильниках западных соседей Волжской Болгарии поволжских финнов: мордвы, муромы, марийцев (*Зеленцова, Сапрыкина*, 2013. С. 84–90; *Никитина*, 2012). Присутствие многочисленных булгарских накладок на памятниках X–XI вв. характерно для северо-восточных периферийных территорий Древней Руси с финским или со смешанным славяно-финским населением, еще слабо включенных в орбиту Древнерусского государства (*Кудряшов*, 2014; *Зайцева*, 2008. С. 90–95; *Милованова*, 2022). Накладками булгарского производства насыщены разноэтничные, преимущественно славяно-финские, сельские поселения и могильники Суздальского Ополья и Ярославские курганы: например, из 13 гипотетических наборов накладок (обнаружены разрозненно) из курганного и грунтового могильника Шекшово в округе Суздаля 7 являются продукцией волжско-болгарских мастерских (*Зайцева*, 2014; 2015; 2018). Булгарские поясные накладки достигают центральных и западных территорий Древнерусского государства: достаточно представительная их серия происходит из Гнездово (*Мурашева*, 2000а), известны экземпляры накладок из памятников на территории современной Беларуси (*Лавыш*, 2008. С. 126).

Большинство металлических деталей наборных поясов изготавливалось из сплавов на основе меди: нелегированной меди, чистой или загрязненной свинцом; оловянной и оловянно-свинцовой бронзы с низким содержанием свинца, перешедшим в сплав из плохо очищенной меди (*Зайцева*, 2009. С. 160, 162; 2010. С. 120; 2015. С. 252–262; *Ениосова, Мурашева*, 1998. С. 48). Гораздо реже встречаются поясные наборы из серебра и серебра с позолотой (*Зайцева*, 2015б. С. 195; *Зеленцова, Сапрыкина*, 2013).

Технология изготовления накладок булгарского производственного центра изучена Н. В. Ениосовой и В. В. Мурашевой методами оптической микроскопии и металлографического анализа на примере находок из Гнездово (*Ениосова, Мурашева*, 1998. С. 43–51; *Мурашева*, 2000а. С. 8–14). Накладки отливались с использованием копирования моделей. Чаще всего применялись восковые модели. Они могли вырезаться резцом по остывшему воску, лепиться от руки или получаться при помощи специальной модели. В последнем случае тонкий пласт воска накладывался на рельефное изображение модели и продавливался. Иногда в самых тонких местах восковых пластин получались разрывы, которые не заделывались, так что отлитые из металла накладки повторяли все дефекты воска. Маркером изготовленных таким способом изделий является наличие четкого негативного рельефа на тыльной стороне готовой металлической накладки, дублирующего орнамент на лицевой стороне.

Известно несколько археологических находок, которые могли выступать в роли первоначальных моделей для производства накладок. Они обнаружены на Измерском селище в Волжской Болгарии, два предмета происходят с территории современной Смоленской области – из Гнездова (рис. 3, *1*) и городища Рокот (рис. 3, *2*); одна модель, превращенная в подвеску, найдена во Владимирских курганах (рис. 3, *3*). Большинство моделей изготовлены из сплавов на основе меди, экземпляр из Гнездова вырезан из розового шифера (*Нефёдов, Мурашева*, 2008. С. 98–105). Подобные модели, вероятно, использовались и в роли штампов для получения полостей в глиняных формах.

Восковые модели накладок могли отливаться и в каменных формах. Экземпляры форм с полостями для изготовления поясных накладок обнаружены на обширной территории от Крыма до Северной Европы. Например, широко известны створки двух каменных литейных форм для отливки накладок и наконечников X в. с территории Киевского Подола (*Гупало, Ивакин*, 1981).

К полученным восковым моделям крепились восковые шпеньки. Далее восковые накладки формовались в глину, воск вытапливался и производилась отливка. Металлографическое изучение шлифов, изготовленных на поперечных срезах накладок через тулово и шпенек, показывают единую литую дендритную структуру. После отливки доводка была минимальной: преимущественно, убирался облой. Многие виды накладок покрывались полудой и выглядели серебристыми, имитирующими дорогие изделия.

Тулова накладок имели в большинстве случаев плоскую лицевую поверхность и скошенный бортик. Встречены двускат-

Рис. 3. Модели для производства накладок (*1–3*), ременные накладки среднеднепровского производственного центра (*4–9*) и фрагмент узды из Гнездово (*10*)

1 – шиферная модель из Гнездова (*Пушкина и др.*, 2012. Рис. 10); *2* – бронзовая модель с городища Рокот (Смоленская обл.) (*Нефёдов, Мурашева*, 2008. Рис. 3); *3* – бронзовая подвеска из модели наконечника (Владимирские курганы) (ГИМ; фото В. В. Мурашевой); *4, 7* – Тимерево; *5, 6, 8, 9* – Гнездово (ГИМ; *4, 7* – фото С. С. Зозули; *5, 6, 8, 9* – фото В. В. Мурашевой); *10* – кург. Оль-30 (кафедра археологии Исторического фак-та МГУ, фото С. А. Орлова)

ные экземпляры. Некоторые наконечники были выпуклыми. Размеры накладок были, как правило, небольшими – они равнялись от 10 до 20–25 мм в поперечнике. Пряжки чаще были односоставные с фигурными щитками, рисунок на которых стилистически совпадал с декором на накладках и наконечниках. Наконечники также были достаточно миниатюрными: их длина составляла 30–35 мм. Таким образом, ремни, которые они украшали, были достаточно узкими. По форме накладки булгарского центра весьма разнообразны: прямоугольные, круглые, пятиугольные, сердцевидные, арочные. На группы их можно разделить по орнаменту на лицевой поверхности:

1. Без орнамента;
2. Растительный орнамент;
3. Геометрический орнамент.

Накладки и наконечники с гладкой поверхностью без орнамента появляются еще в 1-м тысячелетии и бытуют довольно

Рис. 4. Поясные накладки и пряжка

1–3 – Владимирские курганы; *4–15, 18* – мог-к Шекшово; *16* – мог-к Минино; *17* – мог-к Степаново Плотбище; *19, 20* – Рождественский мог-к; *21* – Антыбарский мог-к. (*1–3* – ГИМ; фото В. В. Мурашевой; *4–15, 18* – фото Суздальской экспедиции ИА РАН; *16* – фото С. Д. Захарова; *17, 19–21* – *Подосенова*, 2021. Рис. 2)

продолжительное время – до начала XI в. Они связаны своим происхождением с тюркоязычной средой (*Добжанский*, 1990). Чаще всего накладки имеют квадратную форму с прорезью в нижней части, круглую с углублением в центре, сердцевидную с углублением в центре и без (рис. 4, *1–3*). Среди гладких известны сердцевидные накладки с тремя каплевидными выступами-«почками»: один располагается в нижней части и два по бокам (рис. 4, *4, 5, 8*). Некоторые экземпляры сердцевидных и пятиугольных накладок украшены по краю рубчатым бортиком. На древнерусской территории гладкие накладки немногочисленны. Они обнаружены в погребениях Гнездовского и Тимеревского могильников, во Владимирских курганах, раскопанных в середине XIX в. А. С. Уваровым, и Шекшово в округе Суздаля, могильнике Минино на северо-восточных окраинах Руси, могильнике Кумбита на Северо-Западе. Все погребения с накладками на этих

памятниках датируются X (в основном, второй половиной) – началом XI в. (*Мурашева*, 2000а. С. 26–27; *Зайцева*, 2008. С. 88–89, 95).

Самым популярным декоративным сюжетом для накладок и наконечников Волжско-Болгарского производственного центра был растительный. Изделия с таким орнаментом чаще имеют квадратную, сердцевидную или пятиугольную форму. Декор получался разными способами: от простого прочерчивания линий по поверхности восковой модели до создания сложных выпуклых рельефных композиций. Центральным элементом является трех или пятилепестковый цветок с отогнутыми вниз боковыми лепестками. Этот мотив, насыщенный различными деталями, представлен в большом разнообразии. В широком смысле «восточный» по своему происхождению он характерен не только для волжско-болгарского производственного центра, но здесь он приобрел свою своеобразную стилистику, позволяющую идентифицировать изделия этого круга (рис. 4, *6, 7*).

Прослеживаются целые серии накладок с практически одинаковыми рисунками, найденные на разных, порой значительно удаленных друг от друга памятниках. Одними из самых распространенных типов являются квадратные с прорезью и сердцевидные накладки с одинаковым углубленным линейным рисунком многолепесткового цветка. Практически идентичные накладки обнаружены на древнерусской территории в Гнездово, Старой Ладоге, Новгороде, Тимерево, во Владимирских курганах, могильнике Минино. Много таких накладок собрано в поволжско-финских грунтовых могильниках: Крюково-Кужновском, Веселовском, Черемисском кладбище, Нижней Стрелки. Известны они и в материалах Прикамья (*Мурашева*, 2000а. С. 12, 46; *Козлова*, 2004; *Зайцева*, 2008. С. 89–91; *Никитина*, 2012; *Белавин*, 2000. С. 105; Данич, 2013. С. 191). Накладки распространяются на запад, достигая Пруто-Днестровского междуречья (*Рябцева, Рабинович*, 2014. С. 267).

Еще одним примером широкого территориального распространения типа являются пятиугольные накладки с парными расходящимися лепестками над цветком, обнаруженные на широкой территории от Волжской Болгарии до Белоруссии (рис. 4, *10, 11*). Целые наборы таких накладок происходят из Чемихино в Ленинградской области, Вядца в Могилевской, Минино в Вологодской области, Шекшово в Суздальском Ополье (*Мурашева*, 2000а. С. 38–39; *Зайцева*, 2008. С. 90, 95; 2015. С. 195, 196).

Почти полная идентичность большого количества накладок, найденных на обширной территории и имеющих близкий химический состав, свидетельствует о значительном размахе массового производства металлических деталей поясной гарнитуры. Широко расходились даже типы, представленные небольшим числом экземпляров. Например, обнаруженные в Шекшово серебряные позолоченные накладки со скошенным бортиком, украшенным орнаментом из вьющейся лозы (рис. 4, *13, 14*), имеют прямые аналогии в бронзе на Измерском селище. Такой же бортик с виноградной лозой сделан на поясном наконечнике из марийского Дубовского могильника (*Зайцева*, 2015а. С. 195–196; *Казаков,* 2007. С. 202; *Никитина*, 2012. С. 383).

Вероятно, на рубеже X–XI вв. появляются небольшие по размеру пятиугольные накладки с выпуклым рисунком пятилепесткового цветка с широким центральным лепестком ромбической формы, обращенным вверх (рис. 4, *12*). Хронологически это один из самых поздних массовых типов Волжско-Болгарского производственного центра, маркирующий в большей степени древности первой половины XI в. (*Казаков,* 2010. С. 56; *Мурашева*, 2000а. С. 42; *Зайцева*, 2015а. С. 195–196).

Накладки и наконечники с геометрическим орнаментом: выпуклые полусферы, плетенка, ромбы, также изготавливались Волжско-Болгарским центром и также широко распространялись за ее пределами. Количественно они уступают деталям гарнитуры с растительным декором, но среди них тоже фиксируются стандартные широко распространенные типы изделий. Пожалуй, самыми популярными были так называемые накладки с выступом и выемкой (рис. 4, *16*). Они имеют прямоугольную форму, с одного торца сделан выступающий полукруг, а с противоположного выемка такого же диаметра. Лицевая поверхность украшена рельефным декором из полусфер или кружков, плетенок, ромбов. На ремень накладки крепились вплотную, образуя непрерывную «змейку».

Накладки с выступом и выемкой встречены на всей Древнерусской территории: в Гнездово, Кумбите в Приладожье, Новгороде, Хрепле в Верхнем Полужье, Залахтовском могильнике, Седневе, в ряде памятников северо-восточных окраин государства (*Мурашева*, 2000а. С. 54; *Комар*, 2012. С. 360; *Зайцева*, 2008. С. 94; *Янин и др.*, 2009. Рис. 5, *4*; *Фараджева*, 2009. Рис. 3, *6*; *Хвощинская*, 2004. Табл. XVII, *1*, XXXVI, 9–12). Известны они в Бирке, Венгрии и в Дунайской Болгарии (*Fodor*, 1996. P. 444). Этот тип накладок имел достаточно широкую дату в рамках второй половины X – первой половины XI в.

Производство металлических деталей поясной гарнитуры в Волжско-Болгарском центре прекращается, вероятно, ближе к середине XI в. Наборные пояса выходят из моды, и потребность в изделиях исчезает.

Прикамский производственный центр

Собственный центр производства металлических деталей поясной гарнитуры сложился в Пермском Предуралье. Типы накладок, распространенные в Пермском Предуралье, сложились на основе импортных, прежде всего, волжско-болгарских образцов, которые активно поступали в регион в результате торговли. В могильниках (Рождественский, Степаново Плотбище и др.) можно встретить практически все виды продукции волжско-болгарского центра, подвергавшиеся активному копированию. Но наряду с этим, местное ремесло вырабатывает как свои собственные типы, так и модифицирует широко распространенные украшения пояса. Например, прорезь на квадратных накладках с пятилепестковым цветком приобретает сердцевидную форму, на гладких накладках сердцевидной формы появляется округлая или каплевидная прорезь в основании сердечка (*Крыласова*, 2021).

В конце X в. создаются изделия, характерные именно для этого производственного центра. В качестве примера можно привести выпуклые щитовидные накладки полуовальной формы с выпуклыми литыми рисунками многолепестковых цветков (в виде бабочки) для основного ремня и накладки с таким же рисунком, но сердцевидной формы для свисающего конца (*Крыласова*, 2021. С. 200). Похожим орнаментом украшаются и квадратные с прорезью накладки. Эти изделия становятся «визитной карточкой» Прикамского производственного центра (рис. 4, *19–21*). Их находки встречены и за пределами региона вплоть до курганов Петербургской губернии и Восточного Причудья. Наряду с ними выпускаются изделия и другого облика. Наибольшее разнообразие в поясной гарнитуре прослеживается в первой половине XI в.

Собственное производство накладок подтверждено материалами литейной мастерской первой половины XI в., исследованной в 2018 г. на Родановом городище, где найдены целые серии полуфабрикатов и бракованных изделий. Накладки не имеют негативного рельефа, характерного для изделий Волжско-Болгарского центра. Рентгенофлюоресцентный анализ серии накладок из разных памятников показал, что среди сплавов для их изготовления преобладала высокооловянная, так называемая, «белая» бронза. Изделия из этого сплава имели серо-белый металлический цвет и достаточно успешно имитировали серебряные украшения (*Подосенова*, 2021).

Конструкция поясов

История наборных воинских поясов уже насчитывала несколько столетий до того, как они попали на территорию Древней Руси. С течением времени менялся их облик. Известны пояса с дополнительными подвесными ремешками и без них, двойные и одинарные. Анализ материалов ингумаций, где детали поясов сохранились *in situ*, позволил утверждать, что основным типом древнерусских наборных поясов был так называемый «венгерский» пояс «эпохи завоевания родины». Основная конструктивная особенность «венгерского» пояса – наличие дополнительного внутреннего ремешка, который продевался через рамку пряжки, застегивая пояс (*Dienes*, 1959. P. 153; 1960. P. 185). Длинный конец основного ремня свободно свисал, продетый через обойму или был просто перекинут через плотно прилегающую часть ремня. Пояса этой конструкции имели широкое распространение: они зафиксированы у хазар (*Шрамко*, 1962. С. 281), протоболгар

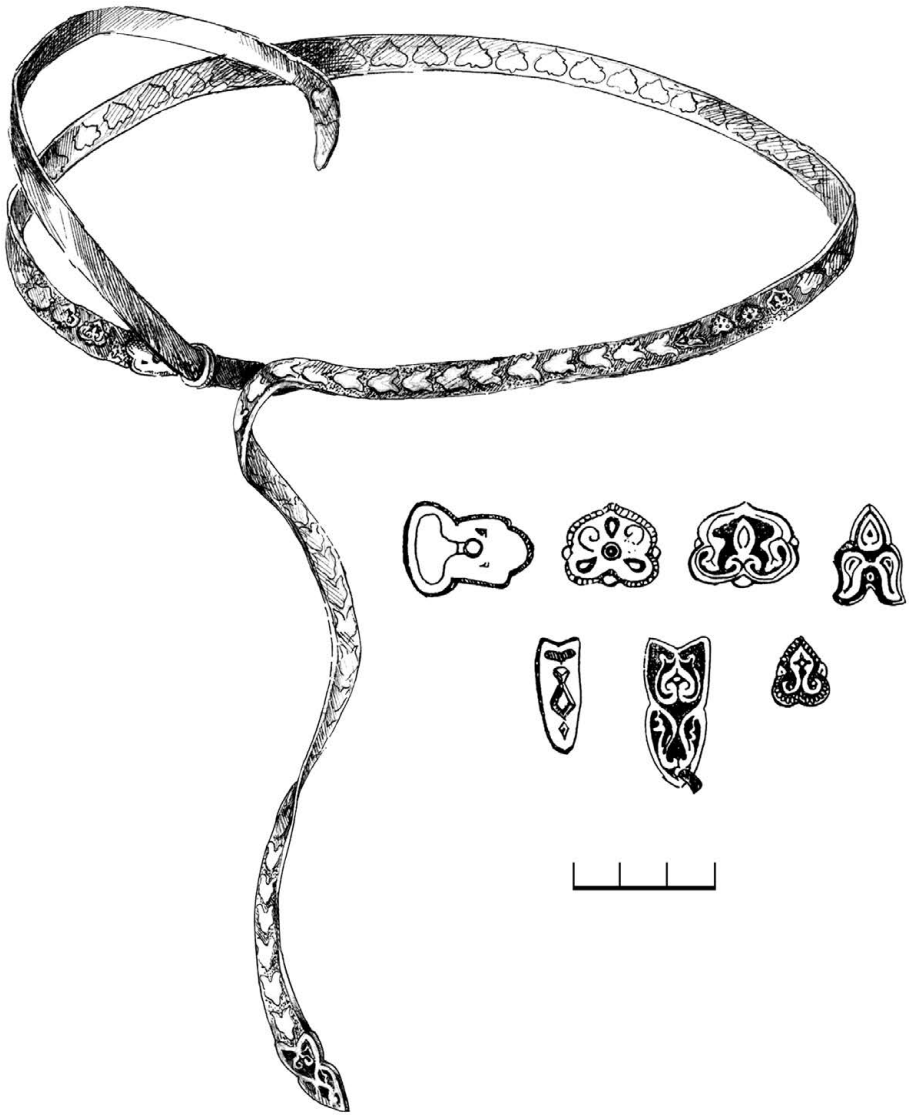


Рис. 5. Гнездово, курган Ц-160. Реконструкция пояса (В. В. Мурашева) и ременная гарнитура (*Muraševa*, 2006. Abb. 2, 3)

(*Халикова*, 1972. С. 150), поволжских финнов (*Подвигина*, 1968. С. 19), в Прикамье (*Крылосова*, 2021. С. 195). Возможно, мода на подобного рода пояса сформировалась на территории Хазарского Каганата.

Характерным примером «венгерского» пояса является экземпляр, найденный в одном из курганов Гнездова (курган Ц-160, раскопки Д. А. Авдусина, Т. А. Пушкиной, 1990 год). Почти полностью сохранился кожаный ремень: его длина составляет около 168 см, ширина – 1,7–2,0 см. Судя по расположению остатков ремня, он опоясывал туловище (костяк почти не сохранился), а один конец свисал вниз (рис. 5). Пояс украшен 66 накладками трех видов.

Необычный, несколько отличающийся от классического «венгерского» пояс был найден в другом кургане Гнездова (Ц-191 раскопки Д. А. Авдусина, 1976 г.) (рис. 6). В состав пояса входили 28 сердцевидных накладок, пять ременных наконечников с двумя округлыми вдавлениями вдоль продольной оси, ременной наконечник со стилизованным растительным орнаментом, три кольца, три обоймы и пряжка. Пояс состоял из нескольких фрагментов ремня, соединенных кольцами. К кольцам ремень прикреплялся с помощью обойм, а сложенные вдвое части ремня прошивались штифтами поясных наконечников. Расположение накладок в погребении позволяет предположить, что

Рис. 6. Гнездово, курган Ц-191. Реконструкция пояса (В. В. Мурашева) и ременная гарнитура (*Muraševa*, 2006. Abb. 1, 3)

пряжка располагалась на дополнительном внутреннем ремешке. Свисающая часть пояса оканчивается ременным наконечником с растительным орнаментом. Своеобразие данного пояса обусловлено использованием колец для соединения частей ремня. Данная традиция более всего характерна для балтских поясов (*Aspelin*, 1884. P. 365. Fig. 1988). Композиционно с балтскими поясами гнездовский наборный пояс сближают ременные наконечники, обрамляющие кольца. Они заменяют специальные удлиненные зажимы, при использовании которых не требуется перегибать ремень через кольцо (Latvias PSR Arheologija, 1974. С. 197. Рис. 119. Табл. 59. Рис. 24, 25; Табл. 64. Рис. 3, 5).

В XII–XIII вв. наборные пояса постепенно выходят из моды в регионе, но их производство продолжается. Упрощается технология их изготовления – шпеньки изготавливаются из проволочек, которые присоединяются к туловам накладок методом прилива.

Среднеднепровский производственный центр

Единственные предметы, связанные с ременной гарнитурой, о которых достоверно можно сказать, что они производились на территории Древней Руси, это накладки, отнесенные к среднеднепровской или «черниговской» школе (*Орлов*, 1984; *Му-*

рашева, 2000а. С. 94). Они резко отличаются от остальных и характеризуются четким набором признаков: плоская верхняя и нижняя поверхность, заклепки, серебряная инкрустация. Иногда накладки имеют дополнительную вставку, как правило, позолоченную и украшенную пуансоном.

Технология изготовления накладок, украшенных серебряной инкрустацией, впервые была рассмотрена Р. С. Орловым (1984. С. 42, 44). В своей реконструкции технологического процесса автор опирался на находку серии каменных литейных форм в составе ювелирной мастерской X в. на киевском Подоле (*Гупало, Ивакин*, 1981). В формах были вырезаны полости для изготовления ременных накладок, одна из которых – круглая с восьмиконечной звездой сходна с одним из вариантов накладок с инкрустацией. Р. С. Орлов предположил, что накладки отливались в каменных двусторонних формах со всеми желобками для инкрустации. При изготовлении двусоставных накладок, вставки в виде ромба, треугольника или звезды отливались отдельно и соединялись с основой путем клепки, следов пайки обнаружено не было. Вставки золотили, часть поверхности прорабатывалась пуансоном.

Возможен и другой вариант реконструкции технологии изготовления инкрустированных накладок (*Мурашева*, 2000а. С. 12, 14). Плоские, гладкие с лицевой и оборотной стороны модели, могли быть вырезаны с помощью шаблона из тонкого восковой пласта. На лицевую сторону наносились ячейки для врезной таушировки. Это предположение опирается на изучение накладок с частично утраченной инкрустацией методом оптической микроскопии. Углубленные ячейки имеют характерные признаки резьбы по воску. На изнаночной стороне мастер крепил восковые штифты (они также отливались монолитом с накладкой).

Главным отличительным признаком накладок черниговской школы является геометрический орнамент, выполненный в технике инкрустации. В отличие от невероятной изменчивости орнаментального декора ременных накладок «волжско-болгарской» школы, бляшки и ременные наконечники данного блока характеризуются ограниченным набором форм и орнаментальных схем.

Среди односоставных накладок наиболее распространенной разновидностью являются круглые накладки с изображением пятишестиконечной звезды и гладким ободком вдоль края (рис. 3, *4–5*). Находки зафиксированы в Киеве (*Каргер*, 1948. С. 199. Рис. 43), Шестовице (*Блифельд*, 1977. Табл. XXV, *1–2*; *Моця, Скороход*, 2020. С. 129. Рис. 61, *30*), Гнездове (*Сизов*, 1902. Табл. III, *39*; *Авдусин*, 1952. С. 100. Рис. 29, *11*; *Мурашева, Ениосова, Фетисов*, 2007. С. 58. Рис. 38, *9*), Старой Ладоге и Тимереве (*Мальм*, 1963. С. 89; *Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 2). За пределами Древней Руси круглые накладки со звездой встречены только на территории Венгрии (*Fettich*, 1937. Taf. L, *4–6*). Сердцевидные накладки с ободком, который завершается завитками (рис. 3, *6*), обнаружены в нескольких курганах Гнездова (*Сизов*, 1902. Таб. III, *42*). Все они происходят из погребений с кремациями, серебряная инкрустация не сохранилась.

Известны две разновидности овальных накладок с фигурным краем. Большую серию составляют накладки из одного из курганов Гнездова (*Авдусин*, 1957. С. 151. Рис. 17), один экземпляр встречен в культурном слое Новгорода (*Новиков*, 2020. С. 55. Рис. 43, *27*). Орнаментальная композиция состоит из кружков, часть из которых соединена дугами. Накладки второй разновидности известны в двух экземплярах и происходят с Центрального Гнездовского городища (*Мурашева*, 1989. С. 92. Рис. 4, *4*) и из Седнева. Орнаментальная схема дополнена ромбовидной фигурой с вписанным кружком в центре.

Фигурные накладки в форме трех слившихся кружков зафиксированы в двух комплексах киевского некрополя (Каргер, 1958. С. 187, 199. Рис. 35, 43), в Шестовице (*Бліфельд*, 1977. Таб. XXV, *9*) и в Тимереве (*Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 2). Квадратные с четырехлучевой звездой – редкий тип, встречен в одном из курганов Тимерева (*Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 2) и в Венгрии (*Fettich*, 1937. Taf. L, *1*).

Настоящим произведением ювелирного искусства являются двусоставные накладки. Сердцевина, вклепанной в центр изделия дополнительной детали треугольной или ромбовидной формы, прорабатывалась пуансоном и покрывалась позолотой, частью декора являлись тонкие гравиро-

ванные линии, завершающиеся миниатюрными кружками. Орнамент на основном поле накладок составлен дугами, кружками, сердцевидными и петлевидными фигурами. Известны двусоставные накладки круглой (*Бліфельд*, 1955. С. 19. Табл. II, *8*), прямоугольной (*Бліфельд*, 1955. С. 19. Табл. II; 1977. Табл. IV, *5*; XXXVII, *6*), овальной с фигурным краем (*Бліфельд*, 1965. Табл. IV; 1955. С. 19. Табл. II, *6*; 1977. Табл. IV, *6*; XXXVIII) (рис. 3, *7*) и сердцевидной с фигурным краем (*Бліфельд*, 1955. С. 19. Табл. II, *9*). Подавляющее большинство этих ременных украшений, найдено в черниговских памятниках. Исключения единичны: прямоугольная накладка обнаружена в окрестностях Суздаля (*Зайцева*, 2014. С. 370. Рис. 4, *4*), овальная с фигурными краями – в районе Ярославля.

Орнамент инкрустированных серебром ременных наконечников гораздо более однообразен. В зависимости от длины, они украшены тремя (*Сизов*, 1902. Табл. III, *40*; *Мурашева, Ениосова, Фетисов*, 2007. С. 45. Рис. 22, *4*), четырьмя (*Мурашева*, 1989. С. 93. Рис. 6; *Бліфельд*, 1977. Табл. IV, *7*) или шестью сердцевидными фигурами (*Авдусин*, 1957. С. 151. Рис. 19) (рис. 3, *8, 9*). Встречены также наконечники, орнаментация которых состоит из двух сердцевидных фигур, соединенных дугами (*Бліфельд*, 1977. Табл. XXV, *11, 12*; *Сизов*, 1902. Табл. III, *15*; *Спицын*, 1905. С. 58. Рис. 63). Кроме среднего Поднепровья, большое количество находок зафиксировано в Гнездове, как в составе погребальных комплексов, так и на поселении. Один наконечник был найден в Псковской области.

Р.С. Орлов, изучивший составы сплавов, использовавшихся для отливки накладок «среднеднепровского» производственного центра, отмечал, что большинство изделий сделаны из многокомпонентных сплавов на основе меди с наибольшим легированием оловом и свинцом (*Орлов*, 1984. С. 47). Анализ накладок «среднеднепровской» серии из Тимерева показал, что практически все проанализированные изделия изготовлены из «чистой» меди (содержание большинства примесей не превышает процента) с добавлением серебра (*Седых, Френкель*. 2015. С. 221). Исследование круглых накладок со звездой из Гнездова показывает сходный результат – высокий процент серебра в медном сплаве, остальные примеси не превышают процента, за исключением свинца, содержание которого в отдельных случаях превышает 2%.

Территория максимальной встречаемости накладок среднеднепровского производственного центра – среднее Поднепровье, особенно курганы Черниговщины, однако в значительном количестве они найдены в Гнездове, Небольшая серия зафиксирована в Тимереве. Остальные находки единичны (Старая Ладога, Псковская область, Новгород, Суздальское Ополье, Венгрия). Изделия данной школы настолько своеобразны, что трудно указать им какие-либо аналогии и говорить об истоках сложения данного направления декоративно-прикладного искусства. Несколько серий таких накладок зафиксировано в некрополе Киева. Можно предположить, что причиной меньшего количества находок является намного более худшая сохранность киевского некрополя. «Среднеднепровский» производственный центр был, вероятно, связан с киевским великокняжеским двором.

Важно отметить массовое распространение во второй половине X в. накладок, инкрустированных серебром, на территории Верхнего Поднепровья – в Гнездове. Совокупность данных, полученных при изучении поселения, позволяет предположить, что в середине X в. произошел перелом в отношениях Гнездова и Киева. Вероятно установление прямой зависимости территории верхнего Поднепровья от центральной киевской власти. Этот процесс сопровождался переселением сюда части подконтрольной Киеву элиты, вместе с которой появились новые черты в материальной культуре, в том числе и престижный ременной набор (*Мурашева, Ениосова, Фетисов*, 2007. С. 70).

Болгарские и венгерские импорты

Среди всего разнообразия накладок, выполненных в рамках технологии, описанной для волжско-болгарского производственного центра, выделяются серии изделий, имеющие аналогии на территории Дунайской Болгарии и Венгрии. Широкое распространение технологических знаний на обширной тер-

ритории могло быть связано как с наличием странствующих ремесленников, так и с едиными истоками ремесленной традиции.

В 2004–2009 гг. на территории северо-восточной Болгарии близ города Шумен был исследован крупный ювелирный центр, основной продукцией которого были большие серии ременных накладок. Публикация материала данного памятника позволила выявить на древнерусской территории, небольшие, но значимые в контексте понимания международных связей, импорты эпохи Первого Болгарского царства. «Болгарский след» зафиксирован в Среднем Поднепровье, Суздальском Ополье (*Зайцева*, 2015а. С. 190), в курганах Петербургской губернии и в Пскове (*Щукина*, 2019. С. 47). К таким импортам относится ременной набор из кургана 110 Шестовицы (*Бліфельд*, 1977. Табл· XXXII, *3, 6*). В составе сбруйного набора гладкие шестиугольные и сердцевидные накладки, вышедшие из производственного центра в окрестностях Шумена (*Бонев, Дончева*, 2011. С. 275, 285. Рис. 231, 235, 427–428). Целый наборный пояс был найден в одном из погребений X в. в Пскове. Он состоит из пятиугольных накладок двух типов, характерной особенностью которых является центральный сердцевидный выступ, обрамленный двойным ребром. Псковские бронзовые накладки относятся к “Preslav Type”, свидетельства изготовления подобных изделий в Нижнем Подунавье документированы находками готовых и бракованных изделий в рамках исследованных производственных центров (*Щукина*, 2019. С. 47).

Характерные для венгров «эпохи обретения Родины» серебряные с позолотой круглые и сердцевидные накладки (*Fodor*, 1996. P. 145, 165, 258, 280–281, 306) являются редкими находками на древнерусской территории. Обрывок уздечного ремня с серебряными накладками найден в одном из погребений в Гнездове (рис. 3, *10)*. Особенностью оформления этих накладок является округлое вдавление с позолотой в центральной углубленной части. Древнерусские ремесленники, стараясь подражать драгоценным венгерским ременным накладкам, отливали аналогичные изделия из медных сплавов, причем для придания сходства с образцами накладки покрывались полудой. Серебристое покрытие наносилось только на поверхность, не затрагивая округлое «вдавление». Благодаря этому накладки приобретали сходство с серебряными экземплярами с позолотой в центральной части (*Новиков, Ениосова*, 2015. С. 211).

Скандинавские импорты

Эпоха образования Древнерусского государства характеризуется тесными связями Восточной Европы со Скандинавией. Археологические данные свидетельствуют о переселении на древнерусскую территорию значительных масс населения из Северной Европы. В процессе освоения трансъевропейских речных путей и участия в дальней торговле, скандинавы оседали и в первых раннегородских центрах, и в небольших поселках. Естественно, что выходцы с севера несли с собой свою материальную культуру, престижные элементы которой, в том числе и наборные украшения входили в состав элитарной «дружинной культуры».

Ярким и бесспорным диагностическим признаком скандинавских ременных украшений является специфический декор этих предметов (орнамент в стиле Борре и Усеберг), в то время как форма вполне стандартна для накладок, украшенных в разных стилях.

Другим маркером является технология изготовления. Процесс был многоступенчатым, включавшим в себя создание первоначальной модели, получение промежуточной формы и промежуточных моделей, изготовление одноразовых глиняных форм для литья и отливку серии накладок. Отличительной чертой создания накладок скандинавского облика является, прежде всего, способ изготовления первоначальной модели – она резалась из воска, чем достигался основной декоративный эффект, связанный с созданием сложного рельефного плетеного орнамента с зооморфными деталями. Основными морфологическими признаками использования такого вида первоначальной модели является рельефная верхняя поверхность и, как правило, гладкая нижняя.

Перед отливкой из бронзы промежуточные восковые модели могли подвергаться небольшой индивидуальной доработке и совершенно аналогичные вещи получали

Рис. 7. Скандинавские ременные накладки

1, 3, 4, 6–9, 11–13 – Гнездово; *2* – Михайловское; *5* – Тимерево; *10* – Псков; *14* – Старая Рязань. (*1–9, 11–14 – Мурашева*, 1998. Рис. 1, 2; *10 – Малышева*, 2012. Табл. LVII, *5*)

отличия в мелких деталях. Необходимо отметить, что такая сложная технологическая схема применялась далеко не всегда и, в подавляющем большинстве случаев в качестве первоначальной модели использовалось готовое изделие.

Большинство скандинавских накладок имеет небольшие размеры и квадратную форму. Три типа таких накладок украшены в стиле Борре. Орнаментальная композиция первого типа состоит из ленточного плетения и двух профильных изображений головок животных в углах (рис. 7, *3*) (*Сизов*, 1902. Табл. III, *12*). Накладки второго типа также украшены ленточно-тератологическим орнаментом, в составе которого читается головка животного (рис. 7, *4*) (*Сизов*, 1902. Табл. III, *11*; *Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 1, *11, 68*), в Гнездове был найден большой фрагмент сохранившейся узды, украшенной подобными накладками (*Новиков*, 2016. С. 137). Орнамент третьего типа накладок представляет собой стилизованную фигурку фантастического животного, вписанную в квадрат (рис. 7, *5*) (*Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 1, *25, 26, 31*). Кроме накладок в стиле Борре в Гнездове зафиксирована небольшая серия бляшек, украшенная в стиле Усеберг, одной из характерных особенностей которого является изображение фантастических животных с развевающимися «гривками» (рис. 7, *1*) (*Мурашева*, 1998. С. 156. Рис. 1, *3*).

На древнерусской территории встречены два типа бантовидных накладок. Одна се-

Рис. 8. Ременной наконечник. Михайловское, Ярославская обл. (*Muraševa*, 2006. Abb. 2)

рия происходит из некрополя Гнездова – накладки выполнены в стиле Борре и украшены двумя симметричными зооморфными личинами (рис. 7, *6*) (*Сизов*, 1902. Табл. III, *41)*. Примечателен комплект бантовидных накладок из погребения в Михайловском. Одна из пяти накладок этого комплекта украшена замысловатым плетением с включением фигурок животных с развевающимися «гривками» (стиль Усеберг) (рис. 7, *2*). Остальные, очевидно, были изготовлены по отпечатку первой, однако, мастер не вполне понял смысл орнаментальной схемы и при подправке промежуточной восковой модели орнамент превратился в простое переплетение линий, утратив изначальный зооморфный характер (*Мурашева*, 2000б. С. 28–29).

Замечательный комплект сбруйных накладок в стиле Борре найден в одном из богатых женских погребений Гнездова. Сохранившаяся в кремации часть набора состоит из пяти накладок трех типов (*Спицын*, 1905. С. 58): два вида больших квадратных и трапециевидные. Один из типов квадратных (рис. 7, *7*) и трапециевидные бляшки (рис. 7, *9*) украшены изображением фантастического животного (дракона), тело которого превратилось в переплетенные ленты. Точные аналогии накладкам этих типов известны в кургане № 1 Борре (Вестфольд, Норвегия) (*Graham-Campbell*, 1980. P. 297. Fig. 489). Именно эти находки и дали название одноименному стилю. Второй тип квадратных накладок (рис. 7, *8*) точных аналогий не имеет, единственный экземпляр украшен симметричными стилизованными фигурками фантастических животных.

Скандинавские ременные наконечники, несмотря на разнообразие размеров, украшены в рамках единой орнаментальной схемы, обусловленной стандартной формой изделий (рис. 7, *10–14*). Композиция состоит из переплетенных лент (стилизованная фигура фантастического зверя) и маски животного, оформляющей нижний конец наконечника (*Малышева*, 2012. С. 270. Табл. LVII). Иногда в состав композиции включены ромбы или ромбы с точкой в центре (*Сизов*, 1902. Табл. III, *15*; *Седых, Френкель*, 2015. С. 215. Рис. 1). В редких случаях маска животного отсутствует (*Сизов*, 1902. Табл. XI, *14*; *Мурашева*, 1998. С. 157. Рис. 2, *10*).

Наконечники имеют рельефную лицевую поверхность и плоскую оборотную. Исключение составляет серия изделий из Михайловского (*Мурашева*, 2000б. С. 26–27). Они представляют собой сложносоставные предметы, состоящие из выпуклой ажурной позолоченной верхней крышки, дублирующей бронзовой пластины и тонкой серебряной прокладки, которая просматривается сквозь отверстия ажурной пластины (рис. 8).

Ременные украшения данной группы имеют многочисленные аналогии на терри-

тории Скандинавии (*Arbman*, 1940. Taf. 28, 88; *Fettich*, 1937. Taf. CXII, *3–14*; *Thunmark-Nulen*, 1995. Abb. 39, *3–9;* 130a, *4–16*; *Rydh*, 1936. S. 116). Интересно отметить уникальный случай местного развития скандинавского стиля Борре на древнерусской территории. В составе культурного слоя городища Старая Рязань был найден ременной наконечник, украшенный геометрическим орнаментом, являющимся переосмыслением и упрощением ленточного плетения, в верхней части композиции – маска животного (рис. 7, *14*) (*Мурашева*, 1998. С. 157. Рис. 2, *11*). Предмет найден в слое, который датируется XI в. и относится к эпохе, когда на территории Скандинавии уже господствовали иные орнаментальные стили.

Наборные пояса северо-западного региона

Новгородская земля по динамике распространения ременных и упряжных накладок разительно отличается от других древнерусских территорий. Десятый век – время наибольшего распространения поясных и сбруйных накладок как в южнорусских землях, так и в Северо-Восточной Руси, представлен на Северо-Западе лишь редкими единичными находками. Мода на использование украшенных металлическими накладками наборных поясов распространяется вместе с распространением обряда ингумации – т. е. вместе с христианизацией населения Новгородской земли, но наборные пояса остаются нечастой археологической находкой. При общем числе около 10 000 исследованных в пределах Новгородской земли и пограничных территориях погребальных комплексов XI–XIII вв., известно около сотни захоронений с поясами, украшенными металлическими накладками. Отдельные экземпляры происходят из культурных напластований самого Новгорода, Рюрикова Городища, Старой Руссы, погостских центров, иногда встречаются на поселениях более низкого статуса.

Все детали поясной гарнитуры из погребальных комплексов Новгородской земли XI–XIII вв. изготовлены из меди или сплавов на ее основе. Пояса, украшенные металлическими накладками, встречены

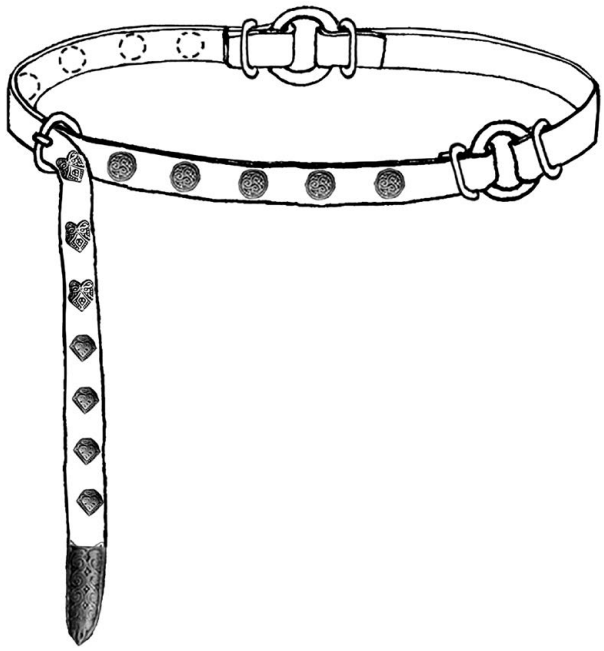
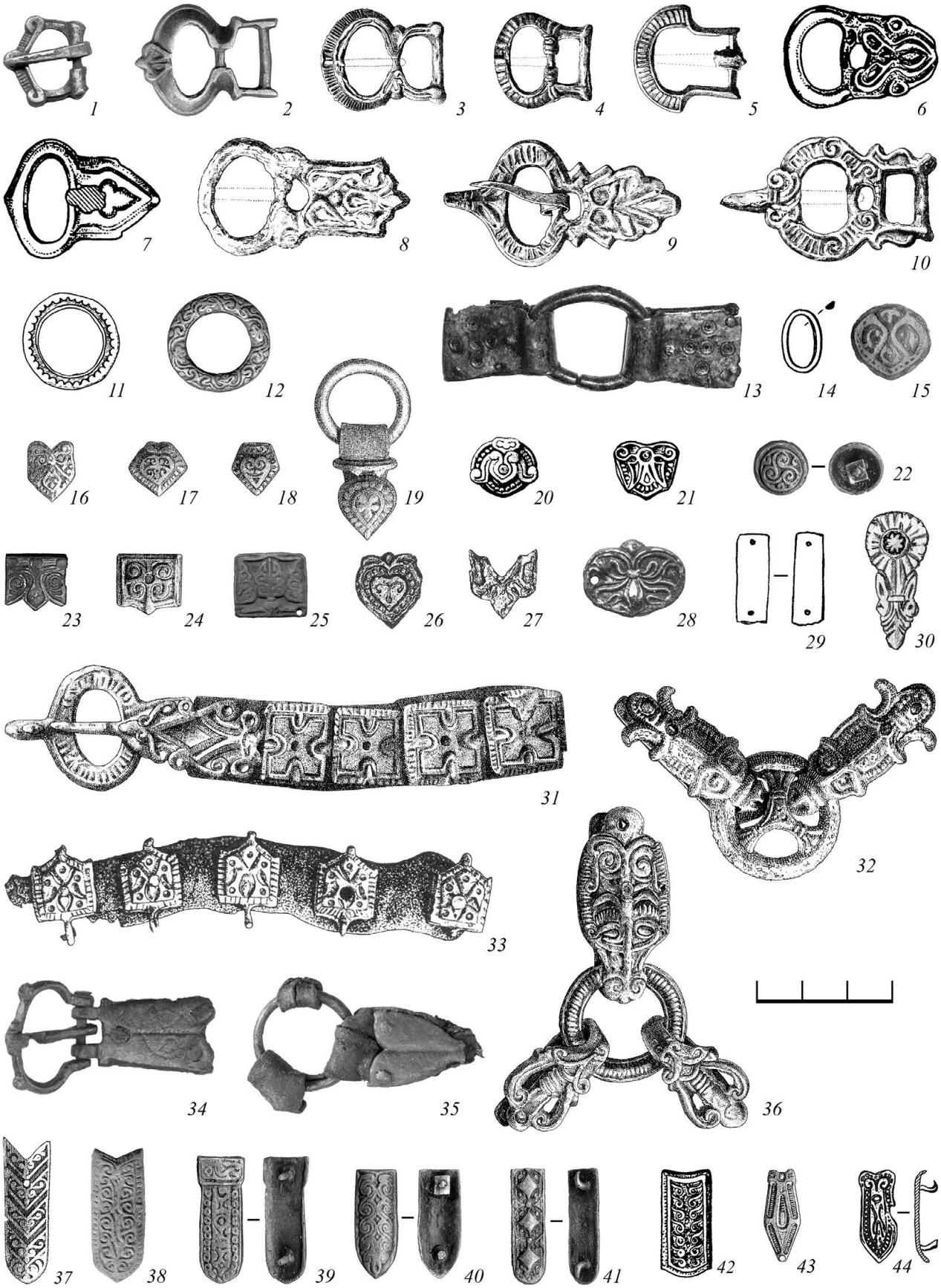


Рис. 9. Реконструкция пояса «новгородского типа» (В. Ю. Соболев)

только в мужских ингумациях, в женских крайне редко встречаются либо экземпляры, переделанные в подвески, либо ломаные изделия (Удрай II, «каменная насыпь», погр. 3).

Наиболее распространенной конструкцией являлась самая простая: кожаная, тканевая лента или свитые «косичкой» три пучка конского (?) волоса необходимой длины, концы просто завязывались спереди. Менее распространены пояса, состоявшие из трех ремней – длинного, помещавшегося за спиной, и двух более коротких, находившихся спереди (*Михайлов, Соболев*, 2000; *Михайлов*, 2005б) (рис. 9). Части ремня соединялись между собой через два литых бронзовых поясных кольца, круглых, линзовидных или уплощенного сечения. Их внешняя поверхность могла быть орнаментирована (рис. 10, *11, 12*). Одна из коротких частей пояса оканчивалась пряжкой, а другая – металлическим наконечником. Иногда спереди к поясу крепились короткие дополнительные ремешки, свисавшие вдоль бедер. Данная конструкция пояса (так называемые пояса «новгородского типа») оказалась очень устойчивой и использовалась вплоть до развитого средневековья (*Laakso, Belskiy*, 2018). Накладками декорировались лишь два располагавшие-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44

ся спереди «коротких» ремня, находившийся же за спиной ремень оставлялся без накладок. Украшения набивались не вплотную друг к другу, а через промежутки, примерно равные ширине одной-трех накладок. Металлические накладки помещались и на дополнительные вертикальные декоративные ремешки, возможно, на бóльшем расстоянии одна от другой; концы дополнительных ремешков украшались наконечниками, как и основной ремень.

Самым распространенным в Новгородской земле типом поясных пряжек являются так называемые лировидные пряжки двух видов: одночастные и двухчастные с выделенным приемником иглы на рамке (рис. 10, *1–5*). Реже встречаются щитковые пряжки с орнаментированными щитками различных форм (рис. 10, *7–9*) и пряжки иных типов. Из щитковых самыми распространенными кажутся цельнолитые овальнорамчатые пряжки с вписанными друг в друга трилистниками на щитке, выделяется два вида этого орнаментального мотива – с крупной вписанной друг в друга трехлепестковой композицией и каплевидными выступами на щитке (рис. 10, *6*), и овальнорамчатые пряжки с небольшим трилистником (рис. 10, *7*). Большинство пряжек имели железные иглы, крайне плохо сохранившиеся, зачастую лишь в виде бесформенных окислов или следов ржавчины.

В погребальных памятниках средневековой Новгородской земли выделяется устойчивый набор металлических накладок, характерных для поясов XI–XII вв. В пределах собственно Новгородской земли, в пограничных районах и в зоне новгородского влияния выявлено более 30 погребальных комплексов второй половины XI – начала XII в. с отдельными металлическими поясными накладками или «полными» комплектами ременных украшений. Число металлических накладок в «наборе» обычно не превышало 25 экземпляров. Кроме накладок набор обязательно включал в себя орнаментированные

Рис. 10. Детали поясной гарнитуры из находок в Северо-Западном регионе (Новгородская земля)

1 – селище Которской погост (*Соболев*, 2005. Рис. 5, *2*); *2* – место находки не известно (архив В. Ю. Соболева); *3* – Новосиверская, кург. 4 (*Спицын*, 1897. Табл. VII, *5*); *4* – Новосиверская, кург. 4 (*Спицын*, 1897. Табл. VII, *7*); *5* – Шашкино, кург. 26 (*Спицын*, 1897. Табл. XV, *21*); *6* – Залахтовье, кург. 165 (*Хвощинская*, 2004. Табл. LXVII, *15*); *7* – Торопец (*Фоняков*, 1986. Рис.); *8* – Городня, кург. 26 (*Спицын*, 1897. Табл. VII, *2*); *9* – Тяглино, кург. 19 (*Спицын*, 1897. Табл. VII, *1*); *10* – Борницы, кург. 44 (*Спицын*, 1897. Табл. VII, *9*); *11* – Березицы III, кург. 2, погр. 2 (рис. Е. Р. Михайловой); *12* – Поозерье, место находки не известно (*Соболев, Торопов*, 2010. Рис. 1, *16*); *13* – Дятлицы, кург. 23 (Из чудесных камней... 2018. Илл. 44); *14* – Залахтовье, кург. 165 (*Хвощинская*, 2004. Табл. LXVII, *14*); *15* – Деревяницы, случайная находка (архив С. Е. Торопова); *16* – Петербургские кург., место находки не известно (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *2*); *17* – Петербургские кург., место находки не известно (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *4*); *18* – Гонголово, кург. 2 (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *1*); *19* – Горка, кург. 20 (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *19*); *20* – Петербургские кург., место находки не известно (*Arne*, 1914. Fig. 246); *21* – Залахтовье, кург. 165 (*Хвощинская*, 2004. Табл. LXVII, *23*); *22* – Поозерье, место находки не известно (*Соболев, Торопов*, 2010. Рис. 1, *3*); *23* – Усвяты, случайная находка (архив В. Ю. Соболева); *24* – Руссковицы, кург. 5 (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *22*); *25* – селище Которской погост (*Соболев*, 2005. Рис. 5, *4*); *26* – Псков. Поздноевский II р., камерное погр. 5 (Древнерусский некрополь... 2016. С. 252. Рис. є); *27* – Псков. Поздноевский II р., камерное погр. 5 (Древнерусский некрополь... 2016. С. 252. Рис. з); *28* – Заполье II (Тесовский погост) (*Селин*, 2008. Рис. 4, *2*); *29* – Удрай II, «Каменная насыпь», погр. 5 (рис. Е. Р. Михайловой); *30* – Удрай II, «Каменная насыпь», погр. 3 (рис. Е. Р. Михайловой); *31* – Борницы, кург. 24 (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *24*); *32* – Терпилицы, кург. 29 (*Спицын*, 1897. Табл. XIV, *28*); *33* – Лашковицы II, кург. 2 (*Рябинин*, 2001. Табл. XLIV); *34* – Кюлялахти Калмистомяки, погр. 46. (*Laakso, Belskiy*, 2018. Fig. 73, *c*); *35* – Кюлялахти Калмистомяки, погр. 46. (*Laakso, Belskiy*, 2018. Fig. 73, *d*); *36* – Городня, кург. 32 (*Спицын*, 1897. Табл. X, *3*); *37* – Петербургские кург., место находки не известно (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *5*); *38* – Леоново, кург. CXII, погр. 6 (*Бранденбург*, 1895. Табл. VI, *12*); *39* – Поозерье, место находки не известно (*Соболев, Торопов*, 2010. Рис. 1, *14*); *40* – Поозерье, место находки не известно (*Соболев, Торопов*, 2010. Рис. 1, *13*); *41* – Поозерье, место находки не известно (*Соболев, Торопов*, 2010. Рис. 1, *15*); *42* – Залахтовье, кург. 165 (*Хвощинская*, 2004. Табл. LXVII, *22*); *43* – Козлово (*Еремеев*, 2015. Рис. 90, *8*); *44* – Грызово, кург. 54 (*Спицын*, 1897. Табл. XVI, *20*)

или гладкие поясные кольца и небольшие овальные кольца (скобки) (рис. 10, *11–14, 19*), изготовленные из проволоки треугольного сечения, и несколько – от одного до четырех – ременных наконечников (рис. 10, *37–44*).

В состав пояса «новгородского» типа входят накладки пятиугольной формы с центральной зоной, выделенной бордюром из ложной зерни (рис. 10, *16–19*). В центральной орнаментальной зоне сердцевидной формы изображение растительного побега или нераспустившегося цветка, вероятно, восходит к орнаментальным мотивам центральноазиатских поясных накладок. Пятиугольные накладки делятся на два варианта, «широкий» (рис. 10, *17*) и «узкий» (рис. 10, *18*).

Второй тип поясных накладок – «геральдические» – также пятиугольные. По краю они украшены бордюром из ложной зерни, в центре – растительный орнамент, напоминающий антропоморфную маску (рис. 10, *20*). Миндалевидные с бордюром из перлов по краю и пятилепестковой композицией в центре (рис. 10, *19*) – третий тип накладок в наборе. Еще два типа накладок, «усатые» (*Михайлов, Соболев*, 2000) или сердцевидные с орнаментом, напоминающим трезубец (рис. 10, *21*), и полуовальные с орнаментом в виде пальметы (*Михайлов*, 2005б. С. 133) также имеют поясок из мелкой ложной зерни по краю и различаются центральной композицией. Они, также как пятиугольные, восходят к изображениям цветка лотоса, характерным для южносибирских ременных украшений.

Последний тип – круглые накладки, диаметром около 1,5 см, с бортиком по краю и выпуклой центральной частью, украшенные тремя переходящими один в другой волютообразными побегами (рис. 10, *22*).

Накладки и ременные наконечники изготавливались в технике литья по восковой модели. Их крепление к ремню осуществлялось при помощи центрального штифта. На штифт надевалась небольшая подквадратная или ромбическая шайба из тонкого бронзового листа, конец штифта иногда дополнительно расклепывался (рис. 10, *22, 40*). Среди находок изредка встречаются отремонтированные изделия с отломанными шпеньками и пробитыми отверстиями. Щитковые пряжки имели иной способ фиксации: при помощи заостренных штифтов, которые загибались в разные стороны. Таким же способом крепилась к основе и часть наконечников (рис. 10, *41, 44*). Место производства изделий не известно: Новгород или локальные центры, на которых есть следы ювелирного дела (Передол, Которск, Усвяты и др.) (литейные формы, льячки, выплески).

Конструктивно важная деталь «новгородского» пояса – проволочные овальные скобки, крепившие согнутые ремни по сторонам от поясных колец (рис. 10, *14*). Дополнительно ремни могли закрепляться накладкой или наконечником, штифт которого проходил сквозь согнутый ремень (рис. 10, *19*) (*Хвощинская*, 2004. Табл. CIII, *4*).

Наконечники ремней не дают возможности выявить характерные формы изделий, устойчиво встречающихся с другими элементами гарнитуры. Складывается впечатление, что при сборке пояса наконечникам использовались изделия, имевшиеся в наличии у мастера в момент работы.

Целые пояса и отдельные бляшки от поясов «новгородского типа» являлись предметом импорта и были найдены в погребальных памятниках островной и материковой Швеции и в Финляндии. В Швеции, в провинции Смоланд, в озере у самого берега был найден мешок с различными металлическими изделиями и украшениями, среди которых находились различные поясные накладки, в том числе рассматриваемых типов (*Zetterberg*, 1958. P. 151–169). Все изделия не прошли «предпродажную подготовку» (не сняты заусеницы, вещи не отполированы), что позволяет предположить, что мешок принадлежал купцу, побывавшему на Руси и в Финляндии, и везшему приобретенный там товар в Швецию. Можно предположить, что бóльшая часть накладок поступала в Скандинавию россыпью, и пояса собирались на месте, при этом использовались местные пряжки в стиле Урнес. Один из типов накладок вызвал на Готланде подражания, но орнаментальная композиция оригинала, восходящая к цветку лотоса, была «творчески» переработана, в результате чего на изделии появилась личина – изображе-

ние мужской головы (*Thunmark-Nulen*, 1995. Abb. 113, 295b, 434). Лишь несколько поясов были привезены в готовом виде (напр., погребение 6 в некрополе Чёпингскола (*Sjoberg*, 1987. P. 99–100). В свою очередь, на Северо-Западе Руси фиксируется небольшое количество ременных пряжек и поясных колец, «усовешенствованных» на скандинавский манер: щитками из листового металла (бронзы или латуни) (рис. 10, *13*).

Мода на пояса «новгородского» типа просуществовала очень недолго – не более 50–60 лет. Не ранее середины – третьей четверти XII столетия в Новгородской земле появляются целые пояса (*Рябинин*, 2001. Табл. XVIV) и отдельные их элементы – пряжки со щитками, кольца-разделители с обоймами аналогичными щиткам пряжек и ременные наконечники, изготовленные в стиле Урнес и изображающие стилизованные головы и морды фантастических существ (рис. 10, *32, 36*). Ю. М. Лесман доказал готландское происхождение этих поясов (*Лесман*, 2004). Изделия выделяются качеством проработки изображения и изготовления в целом, обоймы на разделительных кольцах объемные прорезные. Бóльшая часть этих находок сделана в курганах Ижорского плато, отдельные детали происходят из Приладожья, Поозерья, западных районов Новгородчины. За пределами Северо-Запада аналогичные изделия встречаются в Юго-Западной Финляндии, Прибалтике, Белоруссии, на Украине.

Также во второй половине – конце XII столетия в Новгородской земле фиксируется появление импортных – тоже скандинавских по своему происхождению, поясных пряжек. Они выделяются очень характерными вытянутыми «носами» в центральной части рамок, вписанными в общий стиль пряжек, украшенных геометрическим орнаментом с включением растительных мотивов (рис. 10, *9, 10*). Иногда «нос», как кажется, выделен и несет собственное зооморфное изображение. Аналогичные пряжки спорадически встречаются и восточнее (*Захаров*, 2004. Рис. 94, *6*).

В целом, данная группа импортов довольно немногочисленна, ареал распространения находок этих поясных деталей у́же и охватывает преимущественно Ижорское плато. Как и пояса с деталями в стиле Урнес, они наглядно демонстрируют торговые связи населения Новгородской земли, возможно, прямые, минуя Новгород, контакты жителей западных, ближайших к морю, районов со странами Балтийского региона.

В конце XII – начале XIII в. детали поясных наборов исчезают из погребальных памятников. Крупные города и приграничные территории демонстрируют поступление европейских поясных наборов (*Бельский*, 2012; *Laakso, Belskiy*, 2018; *Седова*, 1981. Рис. 59, *1–3, 11, 12, 15, 17; Сорокин, Стасюк, Матвеев*, 2016. Рис. 4, *10*).

Заключение

Рассматривая вопрос о той среде, в которой были распространены украшенные накладками пояса, большинство исследователей сходятся во мнении, что она была воинской (*Плетнева*, 1967. С. 164; *Фонякова*, 1988; *Гаврилина*, 1986; *Мурашева*, 2000а. С. 84; *Hedenstierna-Jonson, Olausson*, 2006. P. 65). Так, Н. А. Фонякова прямо пишет, что изготовлявшие наборные пояса мастерские располагались в ставках хазарских воинов (*Фонякова*, 1988. С. 45). Похожая картина получается и при рассмотрении среднеднепровского производственного центра (*Мурашева*, 2000а. С. 94).

Причины распространения моды на ношение украшенных накладками поясов в Дунайской Болгарии в X в. болгарские исследователи видят в сильном византийском влиянии на местное общество (*Бонев, Дончева*, 2011. С. 157–164). Установлением тесных контактов с Византией в середине X в. они объясняют и возникновение княжеских мастерских по производству поясной гарнитуры в Древней Руси (*Бонев, Дончева*, 2011. С. 159). К. А. Михайлов также придерживается версии о заимствовании верхушкой древнерусского общества в X в. как и в Дунайской Болгарии, византийского покроя одежды (кафтанов или скарамангиев) (*Михайлов*, 2005а).

Не исключая возможное влияние Византии на складывание у древнерусской элиты представлений о статусности костюма, нельзя не отметить и общего «восточного» облика большей части древнерусских ременных

наборов в период пика их популярности (X–XI вв.). Очевидно, что основным поставщиком наборных украшений в этот начальный период древнерусской истории была Волжская Болгария, причем поставщиком как готовой продукции, так и ремесленных традиций их изготовления. На формирование моды на пояса и уздечки, украшенные металлическими накладками, не могла не сказаться близость к исламскому и кочевому миру. Исследование крупных производственных центров в Шумене (Болгария) и на Родановом городище (Прикамье) показывает, что крупные партии серийных накладок производились в специализированных мастерских и широко распространялись.

Существует и другая сторона вопроса. Специалисты, изучающие древности Волжской Болгарии, пермского Предуралья и материалы финно-угорских могильников Поволжья наоборот, акцентируют внимание на том, что в X – первой половине XI в. пояса с накладками были популярны среди рядового населения этих регионов. Это дань общеевразийской моде, а не показатель статусности. Возможно, накладками, как и стеклянными бусами болгарские купцы расплачивались за меха. Присутствие многочисленных накладок на памятниках этого времени характерно и для северо-восточных периферийных регионов Древней Руси, еще слабо включенных в орбиту Древнерусского государства (*Зайцева*, 2008; *Захаров, Меснянкина*, 2012. С. 26–27; *Кудряшов*, 2014. С. 299–311).

О. В. Зеленцова и И. А. Сапрыкина предприняли специальное исследование комплексов погребений с наборными поясами из мордовского Крюково-Кужновского могильника IX–XI вв. с целью определения критериев статусности данного элемента одежды в финно-угорской среде. Одними из наиболее значимых оказались материал, из которого изготовлялись накладки (серебро с позолотой или бронза), и тщательность проработки изделий (*Зеленцова, Сапрыкина*, 2013. С. 84–90).

Таким образом, полученные в последние годы материалы позволяют пересмотреть уже устоявшийся в древнерусской археологии тезис о безусловной социальной, в первую очередь воинской, статусности обладателей наборных поясов и уздечек. По-видимому, ситуация была сложнее: наряду с действительным распространением наборных поясов в древнерусской воинской среде во второй половине X – начале XI в., мы фиксируем и заметную популярность этих украшений у рядового финно-угорского и смешанного славяно-финского населения. Крупным центром производства поясной гарнитуры для этих потребителей выступает Волжская Болгария: все накладки имеют высокую степень стандартизации и явно производились массово профессиональными мастерами.

Во второй половине XI – начале XII в. в Новгородской земле сформировался и распространился устойчивый набор поясных украшений, возможно, служивший визуализации статуса их владельцев. Пояса «новгородского» типа, восходящие к кочевническим образцам, и их детали были популярны лишь на протяжении небольшого хронологического промежутка и исчезли из материальной культуры новгородцев, не получив дальнейшего развития. Во второй половине – конце XII столетия в Балтийском регионе и далеко за его пределами достаточно массово появляются пояса, производившиеся на острове Готланд и оказавшиеся популярным предметом торговли. Возможно, на территории Восточной Европы изготавливались подражания накладкам в стиле Урнес. Однако, как и пояса «новгородского» типа готландские пояса не прижились в культуре новгородцев после прекращения поступления «оригинальных» изделий.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Авдусин Д. А., 1952. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смоленское обл. гос. изд. С. 311–367.

Авдусин Д. А., 1957. Отчет о раскопках Гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск: Смоленское книжное изд. С. 113–183.

Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь. Пермь: Пермский гос. пед. унив-т. 195 с.

Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (Археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.: Наука. 240 с.

Бліфельд Д. И., 1955. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам`ятки УРСР. Т. V. К.: АН УССР. С. 12–21.

Бліфельд Д. И., 1965. Давньоруський могильник в Чернігові // Археологія. Т. XVIII. К. С. 105–138.

Бліфельд Д. И., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К.: Наукова думка. 236 с.

Бонев С., Дончева С., 2011. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер. 322 с.

Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. Вып. 18. СПб.: Тип. Глав. Упр. Уделов. 156 с.

Гаврилина Л. М., 1986. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков. Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2352.

Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., 1981. Набор литейных форм для поясных украшений X в. // Древности Среднего Поднепровья. К.: Наукова думка. С. 105–113.

Данич А. В., 2013. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1 (3). Казань. С. 181–196.

Добжанский В. Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ. 164 с.

Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2: Камерные погребения древнего Пскова: по материалам арх. раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. 622 с.

Ениосова Н. В., Мурашева В. В., 1998. Технология производства гнездовской ременной гарнитуры // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.: ГИМ. С. 43–51.

Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин. 712 с.

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М.: Наука. С. 80–98.

Зайцева И. Е., 2009. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 3. М.: Наука. С. 53–70.

Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Болгарии // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука. С. 116–138.

Зайцева И. Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.–Вологда: Древности севера. С. 363–376.

Зайцева И. Е., 2015а. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. М.–Вологда: Древности севера. С. 184–198.

Зайцева И. Е., 2015б. Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополье (химический состав) // КСИА. Вып. 241. С. 252–262.

Зайцева И. Е., 2018. Древнерусские пояса с накладками: социальный статус или традиция? // STRATUM plus. № 5. С. 267–280.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.

Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2012. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // АВСЗ. Вып. 4. М.–СПб.: Нестор-История. С. 14–29.

Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2013. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. С. 84–90.

Из чудесных камней прошлого сложите ступени грядущего. К 125-летию начала археологической деятельности академика живописи, археолога, коллекционера и путешественника Н. К. Рериха. СПб.: Санкт-Петербургский гос. музей-институт семьи Рерихов, 2018. 64 с.

Казаков Е. П., 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ. 208 с.

Казаков Е. П., 2010. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука. С. 53–61.

Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.–Л.: Наука. 686 с.

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 138 с.

Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР. 642 с.

Козлова А. В., 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения в Великом Новгороде // ННЗ. Вып. 18. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 188–207.

Комар А. В., 2012. Чернигов и нижнее Подесенье, Русь в IX–X веках // Археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 334–365.

Комар А. В., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт: Martin Opitz Kiadó, PPKE BTK Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport. 426 с.

Крыласова Н. Б., 2021. Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э. М.: ИА РАН. С. 194–212.

Кудряшов А. В., 2014. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.–Вологда: Древности Севера. С. 299–311.

Кызласов Л. Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: МГУ. 198 с.

Лесман Ю. М., 2004. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV Конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М.: ИВИ РАН. С. 233–236.

Малышева Н. Н., 2012. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова. Т. 1. СПб.: Нестор-История. С. 26–91.

Мальм В. А., 1963. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Советская Россия. С. 64–70.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.

Милованова М. П., 2022. Металлические детали ременной гарнитуры могильников Крутика IX – начала XI вв. (Кладовка I, II) // АВСЗ. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 21–37.

Михайлов К. А., 2005а. Древнерусские кафтаны «восточного типа» (мода, происхождение, хронология) // Вестник молодых ученых. № 1. СПб. С. 56–65.

Михайлов К. А., 2005б. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиция // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 132–144.

Михайлов К. А., Соболев В. Ю., 2000. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. С. 222–228.

Моця О., Скороход В., 2020. Шестовицький археологічний комплекс. Київ – Чернігі в. (Протоміста Подесення в процесі одержавлення регіону. Вип. I). 227 с.

Мурашева В. В., 1989. Технология изготовления поясных накладок из Гнездова // Вестник МГУ. Сер. «История». № 2. С. 85–93.

Мурашева В. В., 1998. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли. С. 154–164.

Мурашева В. В., 2000а. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

Мурашева В. В., 2000б. Курган № 1 из Михайловского. (Опыт атрибуции и датировки) // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.: ГИМ. С. 25–34.

Мурашева В. В., 2008. Супрутский клад. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 175). 46 с.

Мурашева В. В., 2012. Скандинавские находки из раскопок Супрутского городища // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Матер. Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина. СПб.: СОЛО. С. 103–106.

Мурашева В. В., 2014. «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языци... М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 116–131.

Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.: Альфарет. С. 31–77.

Нефёдов В. С., Мурашева В. В., 2008. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. Вып. 222. С. 98–105.

Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: ИИ АН РТ. 408 с.

Новиков В. В., 2016. Оголовье верхового коня кургана № 7 из раскопок С. И. Сергеева в центральной курганной группе в Гнёздове // Археологические вести. № 22. С. 135–139.

Новиков В. В., 2020. Снаряжение коня и всадника X – первой половины XI в. // Усадьба X–XI вв. в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы Ж Троицкого раскопа). М.: Наука. С. 45–57.

Новиков В. В., Ениосова Н. В., 2015. Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнёздова: результаты комплексного исследования // Археологические вести. Вып. 21. С. 199–222.

Орлов Р. С., 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука. С. 32–52.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. (МИА. № 142). 198 с.

Подвигина Н. Л., 1968. Из истории поясных наборов I тысячелетия н. э. на территории нашей страны // Сб. докл. на IX и X Всесоюз. археологических студенческих конф. М.: МГУ. С. 19.

Подосенова Ю. А., 2021. Технология изготовления элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (конец X – начало XIII вв.) // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э. М.: ИА РАН. С. 213–227.

Пушкина Т. А., 2007. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 325–331.

Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР. 792 с.

Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин. 259 с.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А., 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.–Вологда: Древности Севера. С. 263–279.

Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Селин А. А., 2008. Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 333–350.

Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Глав. Упр. Уделов. (МАР. № 28). 136 с.

Соболев В. Ю., 2005. Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // ННЗ. Вып. 19. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 71–90.

Соболев В. Ю., Торопов С. Е., 2010. Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2. М.: Ломоносовъ. С. 350–360.

Сорокин П. Е., Стасюк И. В., Матвеев В. Н., 2016. Средневековые памятники в среднем течении реки Славянки // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. СПб.: Нестор-История. С. 163–174.

Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов. (МАР. № 20). 123 с.

Спицын А. А., 1905. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. № 15. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов. С. 6–70.

Фараджева Н. Н., 2009. Археологические исследования на раскопе Десятинный-II в 2008 г. // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Виконт. С. 46–60.

Фоняков Д. И., 1986. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. Вып. 187. С. 62–65.

Фонякова (Чувило) Н. А., 2010. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: ИИ АН РТ. 168 с.

Фонякова Н. А., 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. № 3. С. 36–47.

Фонякова Н. А., 1988. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – начала X вв. (по материалам художественной металлообработки). Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2411.

Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. С. 158–178.

Халикова Е. А., 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. С. 145–160.

Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин. 428 с.

Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков: Харьковский унив-т. 404 с.
Щукина Т., 2019. Поясной набор из погребения 3 (курган 1) на Мстиславском II раскопе // АИППЗ. Вып. 64. М.–Псков: ИА РАН. С. 39–47.
Янин В. Л., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., 2009. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2008 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Виконт. С. 17–27.
Ястребов В. Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. (МАР. № 10). 32 с.
Arbman H., 1940. Birka I. Die Graber. Tafeln. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. 283 p.
Arne T. J., 1914. La Suede et l'Orient. Uppsala: K. W. Appelberg. 240 p.
Aspelin J. R., 1884. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors: G. W. Edlund. 86 p.
Beskow Sjoberg M., 1987. Ölands järnålders – Gravfält, Kalmar. Vol. I. Kalmar. 438 p.
Dienes I., 1959. A perbetei lelet. Milyen volt a honfoglalo magyarok ove? // Archaeologiai Értesítő. Vol. 86. Budapest. P. 145–158.
Dienes I., 1960. Honfoglalo magyarok sirjai Nagykoroson // Archaeologiai Értesítő. Vol. 87. Budapest. P. 177–187.
Fettich N., 1937. Die Mettallkunst der Landnehmenden Ungarn. Budapest: Magyar Történeti Múzeum. 303 s.
Fodor I., 1996. The ancient Hungarians. Budapest: Hungarian National Museum. 477 p.
Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. A select catalogue, L.: British Museum Press. 316 p.
Hedenstierna-Jonson C., Holmquist L., 2006. The oriental mounts from Birka`s Garrison: an expression of warrior rank and status. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. (Antikvariskt arkiv. Vol. 81). 102 p.
Jansson I., 1986. Gurtel und Gurtelzubehor. Birka-II:2. Stocholm: Almqvist & Wiksell International. S. 77–108.
Laakso V., Belskiy S. V., 2018. The Kalmistomäki cemetery of the Kylälahti pogost in Hiitola, Karelia. Archaeological materials from excavations in 2006–2009. Turku: Suomen Keskiajan Arkeologian Seura. 328 p.
Latvias PSR Arheologija. Riga: Zinātne, 1974. 373 p.
Muraševa V. V., 2006. Kompositgürtel altrussicher Krieger aus dem 10 und dem Beginn des 11 Jahrhunderts // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 12. Mainz: Verlag Philipp von Zibern. S. 353–368.
Rydh H., 1936. Forhistoriska undersocningar på Adelso, Stokholm: Wahlström & Widstrand. 234 s.
Thunmark-Nulen L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. 1. Abbildungen der grabfunde. Stockholm: Kungl. Vitterhetsakademien. 396 h.
Zetterberg I., 1958. Furenfundat – ett senvikingatida Smalandskt handelsfund // TOR. Stockholm. Vol. IV. P. 151–169.

V. V. Murasheva, I. E. Zaytseva, V. Yu. Sobolev

Metal Belt Type-Setting Ornaments in Kievan Rus (Essay)

Abstract. The article discusses the main types of belt fittings from different production centers of Kievan Rus in the 9th – 13th centuries and imported products. The design features of decorated belts of different types are established. Along with their spread in the Russian military society in the second half of the 10th – beginning of the 11th century, a noticeable popularity of these ornaments among the ordinary Finno-Ugric and mixed Slavic-Finnish population is recorded. In the second half of the 11th – 12th century the fashion for typesetting belts among Russian warriors is basically passing away. The center of their popularity is shifting to the North-West – to the Novgorod land.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.161-168

А. В. Окулов
Центральный научно-исследовательский институт цветных и благородных металлов, Москва

К вопросу о названии камня граната в памятниках древнерусской книжности

В Древней Руси интерес к ювелирным камням заметно проявился еще в домонгольский период. К этому времени относятся многочисленные находки хрустальных, сердоликовых и янтарных бус в городских и сельских археологических памятниках. Изделия из янтаря и горного хрусталя, отчасти изделия из сердолика, продолжают бытовать и в XIII–XV вв. (*Аксентон*, 1973. С. 18; *Полубояринова*, 1994; *Каргер*, 1958. С. 473). Изделия из этих камней можно отнести к категории относительно часто встречающихся. Кроме того, находки раковин речных жемчужниц в Великом Новгороде позволяют говорить о существовании жемчужного лова в русских реках уже в домонгольский период (*Аксентон*, 1973. С. 17).

Более дорогие камни встречаются значительно реже, поскольку использовались в основном в статусных изделиях – в регалиях и облачении князей, бояр, высокопоставленных духовных лиц, в окладах икон, книг и др. Одним из наиболее популярных камней, служивших для украшения этих изделий как в ранний период с XII по XV в., так и в позднее время, был гранат (*Аксентон*, 1973. С. 161). В золотых медальонах и подвесках из Старорязанского клада XII–XIII вв. использованы вставки из аметиста, жемчуга, сапфира, топаза и изумруда, а также из граната. Из более поздних изделий гранат известен в числе вставок в потире новгородского архиепископа Моисея 1329 г., в облачении митрополита Алексея третей четверти XIV в., в венцах и цатах окладов икон (Умиление второй половины XIV в., Владимирская икона Божьей Матери XIV в., Богоматерь Тихвинская кона XIV в., Богоматерь Одигитрия рубежа XIV–XV вв., Распятия и Троицы второй половины XV в. и др.), напрестольных крестах XV в. (*Аксентон*, 1973. С. 170–196). В археологических памятниках гранат до конца XV в. почти не встречается (*Полубояринова*, 1994). Несмотря на значительное количество изделий декоративно-прикладного искусства с драгоценными камнями, вероятно, до конца XV в. практически все камни были привозными. Как известно, большая часть Восточно-Европейской равнины не располагает месторождениями ювелирных камней. Исключение составляли жемчуг и янтарь. Жемчуг добывался во многих русских реках, а янтарь, помимо привозимого с Балтики, также добывался в Поднепровье (*Рыбина*, 1978. С. 60–62). Однако в целом, как отчасти справедливо писал академик А. Е. Ферсман, интерес к ювелирным камням на Руси сопровождался практически полным отсутствием их месторождений на собственной территории (*Ферсман*, 1954. С. 19).

Несколько иная ситуация наблюдается с конца XV – начала XVI и до конца XVII в. В слоях этого и более позднего времени в Твери зафиксированы находки необработанного граната-альмандина, полуфабрикатов и готовых бусин из него. Подобные находки в слоях XVII в. известны также в Великом Новгороде и Москве (рис. 1). Во-первых, это однозначно указывает на наличие собственных мастерских по обработке драгоценного камня в этот период. Во-вторых, проведенные специализированные минералого-геохимические исследования позволили установить происхождение археологических находок граната-альмандина – месторождение в Северном Приладожье. Это говорит о том, что по крайней мере

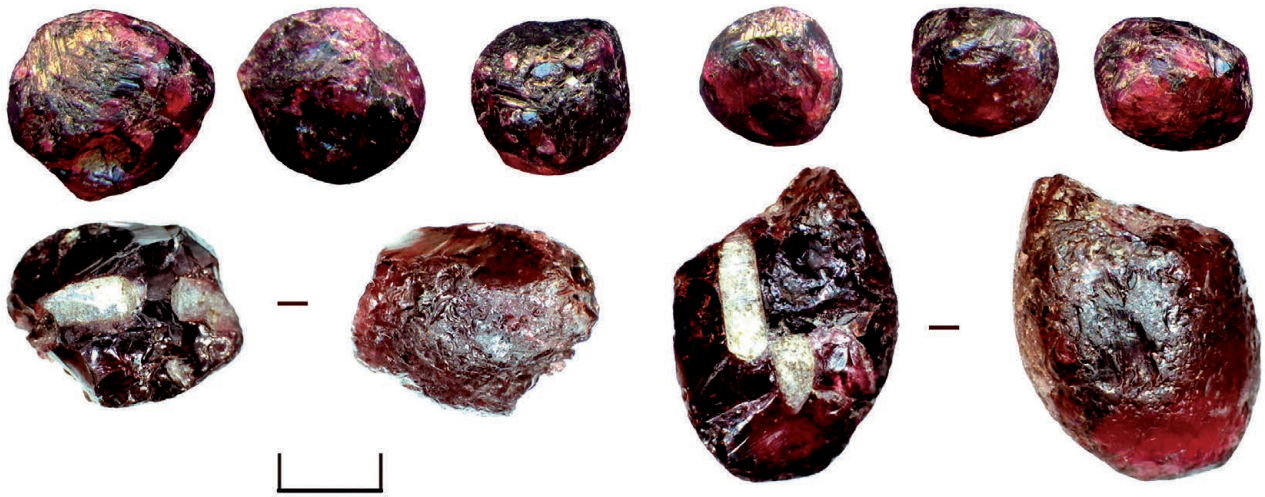


Рис. 1. Гранаты-альмандины из раскопок в Москве (парк Екатерининской больницы, 2015 г., раскопки САБ). Верхний ряд – необработанные кристаллы; нижний ряд – фрагменты бусин

один из широко употреблявшихся на Руси драгоценных камней уже с конца XV – начала XVI в. доставлялся из собственного месторождения (*Окулов и др.*, 2015; *Окулов и др.*, 2017; *Окулов, Меньшиков, Шкурский*, 2019).

В связи с этим представляется важным исследование не только самих находок и памятников декоративно-прикладного искусства с гранатом, но и изучение письменных сведений о нем в древнерусской книжности, начиная с древнейших времен.

Для начала кратко поясним, что включает в себя термин «гранат» в современном понимании. В соответствии с современной минералогической классификацией термин «гранат» – это название целой группы минералов, по составу относимых к силикатам (*Корнилов, Солодова*, 1983. С. 108–118). В эту группу входит шесть основных минералов, главные характеристики которых приводятся в таблице 1.

В древности под гранатами, видимо, понимались прежде всего камни с различными оттенками красного цвета. Первым памятником древнерусской книжности, где приводятся описания целого ряда драгоценных камней, считается Изборник 1073 года, который также называют Изборник князя Святослава. Он был составлен по заказу князя Изяслава, а потом переадресован великому князю Святославу Ярославичу (*Творогов*, 1987; Сводный каталог... 1984. С. 36–40). В состав Изборника входили преимущественно извлечения из отцов церкви. Также в его статьях затрагиваются проблемы богословия, философии, географии, астрономии и др. Перу Епифания Кипрского, управителя Кипрской церкви в IV – начале V в., принадлежит сочинение «О 12 драгоценных камнях». В этом сочинении описывается пектораль (нагрудное украшение) иудейского первосвященника Аарона, которую украшали 12 драгоценных камней – сердолик, топаз, изумруд, анфракс, сапфир, яшма, аметист, оуакунт, агат, хризолит, берилл, оникс (Изборник... 1880. Л. 121об.). Данный сюжет довольно широко распространен в христианской книжности, а перечень камней восходит к Книге Исход. Творчеству Епифания принадлежит описание свойств отдельных камней, а также соотнесение камней с коленами Израиля (*Аксентон*, 1977. С. 281). Эти сведения не попали в Изборник 1073 года, но приводятся в Палее Толковой, которая имеет общие чтения с текстом Изборника.

К нашей теме имеет отношение камень под названием «анфракс», о котором сообщается, что он «*...на вид очень красный и блестящий; имеется в Карфагене в Ливии, его изредка находят ночью в той земле, ибо его видно издалека: он светится, как свеча или же мечет искры, как уголь, и его ищут и находят по свету; будучи взят и завернут в какую-нибудь ткань, он все равно сияет сквозь ткань. Этот камень есть образ Иуды, четвертого сына Иакова, царского колена, из "которого произойдут цари". И подобно тому, как царям свойственно утешать своих,*

Таблица 1. Основные характеристики минералов группы граната.

Название минерала	Химическая формула	Окраска
Пироп (от греч. «пиропос» – подобный огню)	$Mg_3Al_2\ [SiO_4]_3$	Ярко-красная, розовая, малиновая, вишневая, фиолетово-красная окраска
Альмандин (от местности Алабанда в Малой Азии)	$Fe_3Al_2\ [SiO_4]_3$	Красная, фиолетово-красная, бордово-красная, темно-красная, почти черная
Спессартин	$Mn_3Al_2\ [SiO_4]_3$	Оранжевая, красно-оранжевая и желто-коричневая
Гроссуляр	$Ca_3Al_2\ [SiO_4]_3$	Желтовато-зеленая, зеленая и зеленовато-коричневая
Андрадит	$Ca_3Fe_2\ [SiO_4]_3$	Желтая, коричневая, буро-красная
Уваровит	$Ca_3Cr_2\ [SiO_4]_3$	Изумрудно-зеленая

а также мучить злодея, так и огню свойственно жечь и светить. Так Иисусу Христу, о котором пророчествовал Иаков, свойственно миловать и прощать грехи и мучить нераскаявшихся. Он (камень) является также образом того, как Он после распятия был увит пеленами и положен во гроб, но по божеству воскрес от гроба...» (Палея Толковая, 2002. С. 349–350).

Как известно, для многих разновидностей граната типична красная окраска различных оттенков, поэтому, на первый взгляд, «анфракс» в сюжете «О 12 драгоценных камнях» может быть отождествлен с гранатом. Из анализа содержания упомянутого сюжета следует, что его автор пользовался сведениями, восходящими к римскому ученому Плинию Старшему (*Аксентон*, 1977. С. 281–282). В связи с этим обратимся для начала к минералогическим данным, сообщаемым Плинием. «Антракс» («анфракс») – это греческий синоним римского термина «карбункул», применяемого Плинием. Оба эти термина переводятся как «уголек» (*Ферсман*, 1954. С. 223).

Плиний по территориальному признаку выделяет несколько «родов» карбункулов – *индийские, эфиопские, алабандские, карфагенские (кархедонские)*, а также ряд других со ссылкой на различных авторов. Как следует из текста, термин «карбункул», как и многие другие, применяемые автором, имеет собирательное свойство, и обозначал различные драгоценные камни красного цвета, в том числе рубин и красный гранат (*Гай Плиний Старший*, 1810. С. 82–83).

Возможно, индийские карбункулы Плиния – это рубины, добываемые в Индии с древнейших времен до настоящего времени. Алабандские карбункулы – «чернее прочих» – отождествляются с гранатом-альмандином, который и получил свое нынешнее название по местности Алабанда в Малой Азии. Этот минерал обладает малиново-красной окраской, вследствие насыщенности которой часто имеет темный, почти черный цвет (*Корнилов, Солодова*, 1983. С. 113). Весьма интересные сведения сообщаются о «кархедонских корбункулах». Со ссылкой на Архелая Плиний пишет, что они *«... цветом чернее, но от огня или солнца, и чрез поворачивание возбуждается в них ярчайший блеск, нежели в прочих. Они же под застеняющей крышей кажутся багряными, на открытом воздухе пламенными, а против солнечных лучей искрометными»* (*Гай Плиний Старший*, 1810. С. 84). Таким образом, в описании «кархедонских карбункулов» Плиния и антракса Епифания наблюдается целый ряд общих свойств. Во-первых, это указание на местность, откуда они происходят. Во-вторых, сильный блеск, в-третьих – способность «светиться», а также «искрометность». Некоторые отличия касаются цвета. Анфракс у Епифания «очень красный», а Плиний дает его характеристику в относительном контексте – «цветом чернее» (табл. 2).

Такие свойства рубинов, как яркий цвет и сильный блеск, а также способность «светиться» отмечали многие древние авторы. Так, арабский ученый X–XI вв. Ал-Бируни красный яхонт (рубин) со ссылкой на Ал-Кинди сравнивает с раскаленными красными углями, объясняя это тем, что он обладает «лучистостью», какой нет ни у одного из прозрачных камней и самым сильным блеском (*Ал-Бируни*, 2011. С. 74).

На первый взгляд приводимые многими авторами фантастические способности

Таблица 2. Сравнительные характеристики камня «анфракса» в Изборнике 1073 года и «кархедонсого карбункула» Плиния Старшего.

Характеристика минерала	Изборник 1073 года (анфракс)	Естественная история (Плиний Старший) (кархедонский карбункул)
Цвет	*«очень красный»*	*«...цветом чернее»*
Блеск	*«очень ... блестящий»*	*«ярчайший блеск»*
«Светимость» и «искрометность»	*«светится как свеча и мечет искры как уголь»*	*«кажутся ... против солнечных лучей искрометными»*
Происхождение	*«в Карфагене в Ливии»*	*«Кархедонские...»* (Карфагенские)

минерала светиться и давать яркий блеск можно увязать с реальным свойством природного рубина. Природные рубины действительно обладают ярким блеском, светопреломлением и дисперсией. Как известно, красную окраску рубину придает примесь трехвалентного хрома, с которым так же связана способность минерала люминесцировать – то есть давать яркое свечение под действием ультрафиолетовых лучей. Последние всегда присутствуют в ярком дневном свете, благодаря чему природный цвет рубина усиливается на дневном свету (*Корнилов, Солодова*, 1983. С. 113).

Важной деталью является упоминание Плиния о том, что в «кархедонских мужеских» карбункулах «горят внутри звездочки» (*Гай Плиний Старший*, 1810. С. 84). Возможно, здесь имеется ввиду явление астеризма, связанное с наличием в некоторых минералах мельчайших ориентированных игольчатых включений других минералов. Ориентировка включений подчиняется кристаллографическим осям минерала-хозяина, благодаря чему в них возникают своеобразные оптические эффекты в виде звездочек. Характерно явление астеризма и для корундов, разновидностью которых является рубин (*Киевленко, Сенкевич, Гаврилов*, 1982. С. 27).

Таким образом, свойства минерала «анфракса», описанного Епифанием, наиболее близки свойствам рубина, а не граната. Впрочем, нельзя исключать собирательного использования этого термина. Не вполне понятным остается, почему происхождением анфракса (карбункула) указывается Карфаген в Ливии. По имеющимся данным, здесь в настоящее время и ранее не были известны месторождения этого минерала. Не исключено, что карфагенскими камни назывались не по месту добычи, а по месту обработки и торговли. Так, например, в Торговой книге указывается, что лучшие яхонты (т. е. рубины) – «фряжские», то есть итальянские (Торговая книга... 1851. С. 120). Вероятно, здесь идет речь о камнях, привозимых итальянскими купцами с Востока, поскольку собственные месторождения этого минерала в Италии не известны.

Сюжет «О 12 драгоценных камнях» был достаточно распространенным в древнерусской литературе. Этот сюжет, как достаточно стереотипный, кроме Изборника 1073 года и Палеи Толковой, приводится во многих переводных памятниках: в Истории иудейской войны Иосифа Флавия, Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского, Хронике Георгия Амартола.

Особым корпусом источников, где упоминаются драгоценные камни являются лечебники и травники. Многочисленные лечебники и травники появляются на Руси в XVI–XVII вв. Они состояли из разделов ботанического, минералогического, зоологического плана и дополнялись сведениями медицинского характера. Например, в основу переводного Вертограда, в жанровом отношении представляющем разновидность лечебника, положен имевший большое распространение в средневековой Европе труд под названием «*Hortus sanitatis*» («Сад здоровья»). Он формировался из произведений средневековых авторов (Альберта Великого, Арнольда из Виллановы и др.), опиравшихся на труды античных авторов – Гиппократа, Теофраста, Плиния и т. п. Первоначально текст Вертограда распространялся на латинском языке, но по мере роста популярности его содержание переводилось и на другие европейские языки, в том числе на славянские.

Русские Вертограды сохранились в списках XVI–XVIII вв. Различные версии лечебников имели широкое распространение: в настоящее время известно около 400 списков. В связи с медицинскими задачами в них тема свойств камней поднимается неоднократно.

Вот что говорится о гранате в лечебнике XVII в. из собрания Колобова: «*гранат, а по-русски виниса камень, веселит сердце человеческое и отдаляет кручину. Если кто тот камень носит у себя во рту, у того человека речь и смысл к судебным делам направляются. И кто тот камень при себе носит, тот человек всем людям приятен*» (Домострой, 1990. С. 257). Аналогичное описание находим в «Прохладном вертограде» (Книга глаголемая ... 1997. С. 227–228). Как видно из описания, не сообщается даже цвет камня. Однако автор приводит два названия – русское и латинское: «гранат» – от лат. *granum* (зерно), из-за сходства формы и цвета минерала с зернами граната. Русское название «вениса» (или «виниса») заимствовано из персидского (*Макеева*, 1988. С. 143). Примечательно, что в России название «виниса» или «вениса» наряду с названием «гранат» было в употреблении вплоть до второй половины XIX в. (*Пыляев*, 1990. С. 219).

Отдельно следует упомянуть лечебник, известный под наименованием «Травник Любчанина». В нем говорится, что «*...камень алабиндин назван есть по земли, где он ростет во алабандских странах, а та земля лежит во асии велицей*» (*Макеева*, 1988. С. 146). «Алабиндин», есть, вероятно, не что иное, как искаженное альмандин. Альмандин же – это бордово-красная разновидность граната. Как упоминает автор, название происходит от местности Алабанда в Малой Азии, где в древние времена обрабатывали ювелирные камни (*Корнилов, Солодова*, 1983. С. 113). Здесь вспоминаются «алабандские карбункулы» Плиния Старшего, о которых уже говорилось выше. Как пишет Плиний, эти камни «чернее прочих», что может быть увязано с реальными свойствами граната-альмандина: как известно альмандины часто кажутся темно-красными и почти черными, при этом красный оттенок окраски минерала виден только в тонких сколах или на просвет.

Еще один примечательный памятник – это так называемый Травник Любчанина I. В этом источнике приводятся многочисленные переводы иноязычных названий камней на русский язык. Как отмечает И. И. Макеева, на основе анализа текста памятника создается впечатление, что его создатель был хорошо знаком и с самими минералами, и с античной и европейской минералогией, а также с представлениями о камнях на Руси. В частности, про камень карбункул здесь говорится, что «*карбунклус по латынски, а по руски самоцветный камень*» (*Макеева*, 1988. С. 146). Вероятно, автор понимал, что для термина «карбункул», изначально имевшего собирательную природу, не существует эквивалента в лице какого-либо одного камня, и по этой причине в качестве русского термина привел сходное собирательное наименование «самоцветный камень».

Совершенно особым памятником является Торговая книга XVI в. Книга содержит обширные описания различных товаров и цен на них и написана в форме руководства для русских купцов. Раздел «О каменьях всяких» посвящен драгоценным камням, описанию их свойств, методов диагностики и цен, что было важно для торговых людей. Гранат здесь описан под именем «вениса». Говорится, что «*...Вениса камень красен, а цвет жидок у него*». В соответствии с языком того времени, термин «жидок» мог обозначать неустойчивую и ненасыщенную окраску. Такую характеристику можно объяснить следующим образом. Вероятно, эталоном красной окраски у камней являлись наиболее ценимые на Руси «червленые яхонты» (рубин) и «лалы» (шпинель), цвету которых «вениса» (гранат) обычно уступает. Как уже говорилось выше, красные гранаты часто имеют настолько темную красную окраску, что кажутся черными. Тем не менее, окраска граната, шпинели и рубина в ряде случаев может быть сходна, и поэтому автор Торговой книги предостерегает: «*...берегитесь того, чтобы вам Венисы за Лал не продали...*» (*Окулов*, 2021. С. 315).

Еще один камень, который следует упомянуть в связи с поисками сведений о гранате в русской книжности – это камень «бечет». По мнению академика А. Е. Ферсмана, «бечетом», как правило, называли гранат-альмандин, а русское название происходит от восточного «биджади» (*Ферсман*, 1954. С. 357). Вот что говорится о нем в Торговой

книге: «*А Бечеты за Лал не купите. Бечеты знати к цвету: в нем как пузырьки*». В Лечебнике из собрания Колобова говорится, что он «*сердце возрадует, а кручину и потребные мысли отгонит, разум и честь умножает, от грома и неприятелей охраняет, от губительного морового поветрия оберегает, беременным женщинам быстрые роды приносит*». Сходными свойствами наделяется камень бечет в «Прохладном вертограде», однако свойства охранения от морового поветрия и принесения быстрых родов здесь опущено, вместо этого говорится, что «... *камень огня не боится и не горит, и от всяких немощей избавляет*».

Под созвучным названием «биджази» гранат описан у хорезмского ученого X–XI вв. Ал-Бируни. На тождество камня «биджази» Ал-Бируни и граната-альмандина указывали А. М. Беленицкий и Г. Г. Леммлейн. В качестве аргументов приводился цвет (густо-красный с винным и фиалковым оттенком, в действительности свойственный природному гранату-альмандину), форма огранки (из-за густоты окраски граната-альмандина нижнюю сторону камня часто делают вогнутой; такой прием используется с античности до современности), меньшая твердость по сравнению с рубином (яхонтом) и сходный с рубином и шпинелью удельный вес, а также происхождение – месторождениями лучших сортов камня биджази Ал-Бируни называет о. Цейлон, где гранаты-альмандины наряду с другими драгоценными камнями добываются и по сей день (*Ал-Бируни*, 2011. С. 110–114, 509–511).

Если считать, что «вениса» и «бечет» – это восточные названия граната, то не очень понятно, почему этот камень описывался двумя терминами и в каком случае применялось то или иное наименование. К сожалению, не вносят ясности и другие памятники, в том числе из корпуса лечебников и травников. Так, в «Травнике Любчанина I» говорится, что русское название «бечета» соответствует европейскому «яцынктус». В тоже время в тексте созвучное «яцынктусу» наименование «иасинтус» отождествляется с русским «желтым яхонтом». Близкое «иасинтусу» по звучанию наименование минерала «оуакинф» упоминается в сюжете «О 12 драгоценных камнях» из Изборника 1073 года, а термин «оуакунт» – в аналогичном разделе Палеи Толковой (Изборник... 1880. Л. 121 об.; Палея Толковая, 2002. С. 358–354). Окраска камня описана как красноватая; здесь же указывается, что «*брошенный на горящие угли, он тушит огонь, сам же остается невредимым. Если кто-то обернет его тряпицей и будет держать над огнем, то он обожжет себе руку, а тряпица останется невредимой. Говорят, он полезен роженицам*». Примечательно, что свойствами помогать роженицам и противодействовать огню наделен и камень «бечет» в Лечебнике из собрания Колобова и в Прохладном вертограде (см. выше).

По созвучию «яцынктус», «иасинтус», «оуакинф», «оуакунт» можно отождествить с камнем под названием «иакинф» (*Пыляев*, 1990. С. 267)[1], за которым просматривается искаженное латинское название камня гиацинта (*hyacinthus*). Проблема заключается в том, что и это название так же не имеет четкой интерпретации. По наблюдениям И. И. Макеевой, «иасинусом» на протяжении веков русские люди называли самые разные камни. Аналогичная ситуация была характерна и для средневековой Европы. Так Г. Смит полагает, что вначале термин «гиацинт» применялся для обозначения прозрачных корундов (яхонтов), но позднее, когда в Европе вошли в употребление термины «рубин» и «сапфир», название «гиацинт» сохранилось за остальными разновидностями корунда, из которых наиболее обычной была желтая. И уже позднее гиацинтом стали называть разновидность минерала циркона (*Смит*, 1984. С. 359–360)[2]. Характерно, что и корунды (яхонты), и гиацинты (цирконы) в природе так же имеют весьма разнообразную окраску, что не позволяет провести идентификацию на основании цвета. Важно отметить, что свойство противодействовать огню может быть увязано с реальными свойствами корундов (рубинов

[1] По мнению М. И. Пыляева, иакинфом на Руси называли гиацинт – разновидность минерала циркона (*Пыляев*, 1990. С. 267).

[2] Циркон – прозрачный минерал, силикат циркония ($ZrSiO_4$) желтой, оранжевой, красной, реже зеленой окраски.

и сапфиров) и цирконов (гиацинтов). Прокаливание этих камней при высокой температуре использовалось для улучшения их окраски и цвета с древнейших времен (*Здорик*, 1979. С. 59).

Заметим, что среди камней, подобных «биджази» (гранату) Ал-Бируни со ссылкой на Ал-Кинди указывает камень «джарджун», в котором А. М. Беленицкий и гг. Леммлейн видят желтый или красно-желтый циркон, добывавшийся совместно с гранатом на о. Цейлон (*Ал-Бируни*, 2011. С. 112, 510).

Таким образом, первое надежное упоминание граната в русской книжности относится к достаточно позднему времени – XVI в. (камень «вениса» в Торговой книге XVI в). Камень, который описан под наименованием «антракс» в сюжете «О 12 драгоценных камнях» из Изборника Святослава и других памятниках по своим свойствам более всего похож на рубин, хотя не исключено, что этот термин использовался в собирательном смысле. Термин «бечет», упоминаемый в Торговой книге и лечебниках, не может быть надежно увязан с гранатом. Позднее, в XVII в., на Руси из переводных европейских источников стали известны и другие названия граната – собственно «гранат» и «алабиндин», то есть альмандин.

Несмотря на раннее знакомство русских людей с этим камнем, первое упоминание, надежно с ним связанное, появляется достаточно поздно. Отчасти это можно объяснить тем, что в более ранний период представления русских людей о камнях, как и европейская минералогическая наука, не позволяли надежно отличать красные разновидности граната от сходных с ними других красных драгоценных камней – рубинов (яхонтов) и шпинелей (лалов). Для их обозначения вполне могли употребляться одинаковые термины. Так, например, гранаты Кительского месторождения в Северном Приладожье, захваченного шведами в ходе Ливонской войны, назывались ими «рубины из Кексгольма» (*Kirkinen*, 1976. P. 164). Значительно более точные и конкретные сведения о драгоценных камнях (том числе о гранате), их реальных свойствах и отличиях от сходных минералов мы находим трактатах ученых Востока (Ал-Бируни и др.). Это обусловлено тем, что территория Европы в целом не богата месторождениями ювелирных камней, с древнейших времен хорошо известных и добываемых на Востоке: в Индии, Китае, Мьянме, Персии, Афганистане, Таджикистане, Узбекистане, Египте и др. странах. Соответственно, обилие материала, возможность контактировать с людьми, занятыми в добыче и обработке драгоценных камней, давало возможность ученым Востока подмечать различия в сходных минералах, находить приемы их диагностики.

Примечательно, что обозначающий гранат термин «вениса» появляется в русской книжности в XVI в., когда на Руси уже появилось собственное месторождение этого замечательно камня.

Автор выражает глубокую благодарность Владимиру Владимировичу Милькову, при участии которого появилась настоящая работа. Автор также глубоко признателен Инне Николаевне Кузиной за ценные рекомендации в работе над статьей.

Литература

Аксентон Ю. Д., 1973. «Дорогие камни» в культуре древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.). Дисс. ... канд. истор. наук. Л. 227 с.

Аксентон Ю. Д., 1977. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 года: сб. ст. М.: Наука. С. 280–292.

Ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухкамед ибн Ахмед, 2011. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова. СПб.: Петербургское лингвистическое общ-во. 600 с.

Гай Плиний Старший. Естественная история ископаемых тел, переложенная на российский язык в азбучном порядке и примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб., 1810. 385 с.

Домострой. М.: Советская Россия, 1990. 304 с.

Жилина Н. В., 2017. Рясна в головном уборе Московской Руси // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 278–306.

Здорик Т. Б., 1979. Приоткрой малахитовую шкатулку. М.: Просвещение. 255 с.
Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. 266 л.
Каргер М. К., 1958. Древний Киев. М.; Л.: Изд-во АН СССР. (Очерки по истории материальной культуры древнерусского города). 579 с.
Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П., 1982. Геология месторождений драгоценных камней. М.: Недра. 279 с.
Книга глаголемая «Прохладный вертоград» / Изд. подг. Т. А. Исаченко. М.: Археографический центр, 1997. 414 с.
Корнилов Н. И., Солодова Ю. П., 1983. Ювелирные камни. М.: Недра. 239 с.
Макеева И. И. Минералогические сведения в русских памятниках XVI–XVII вв. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 141–150.
Окулов А. В., 2021. Торговая книга XVI в. как источник минералогических знаний // КСИА. Вып. 264. С. 307–326.
Окулов А. В., Шкурский, Б. Б., Романова Е. А., Данилов, В. В., Гурвич М. Ю., 2015. Ювелирные гранаты Кительского месторождения из раскопок в Твери // Отечественная геология. № 4. С. 50–62.
Окулов А. В., Воронин К. В., Лебедев В. И., Меньшиков М. Ю., 2017. Альмандины в слое XVII века в Москве: ювелирное сырье или отходы камнерезного производства? // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 272–279.
Окулов А. В., Меньшиков М. Ю., Шкурский Б. Б., 2019. Информативность минералого-геохимических исследований сопутствующих минералов при определении источника ювелирного граната-альмандина (по материалам археологических раскопок в Москве) // ТТЗ. Вып. 12. Тверь. С. 414–426.
Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. 648 с.
Полубояринова М. Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Матер. науч. конф., посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород. С. 75–82.
Пыляев М. И., 1990. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. Репринтное воспроизведение издания 1888 г. М.: Совместное советско-австрийское предприятие «Х. Г. С.». 402 с.
Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.: Изд-во Московского ун-та. 167 с.
Смит Г., 1984. Драгоценные камни. М.: Мир. 558 с.
Творогов О. В., 1987. Изборник 1073 года // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. Л.: Наука. С. 194–196;
Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 405 с.
«Торговая книга» с предисловием И. П. Сахарова // Записки отделения русской и славянской археологии императорского археологического общества (ЗОРСА). Т. 1. СПб., 1851. 575 с.
Ферсман А. Е., 1954. Очерки по истории камня. Том 1. М.: Изд-во АН СССР. 372 с.
Kirkinen H., 1976. Karjala Taistelukenttänä. Karjala Idän Ja Lännen Välissä. II. Helsinki. 376 с.

A. V. Okulov

To the Question of the Name of the Pomegranate Stone in the Records of Rusian Literature

Abstract. The publication examines the monuments of old Rusian literature of the 11th – 17th centuries and mentioned in their names of precious stones, which can potentially be correlated with garnet stone. A comparison of the characteristics mentioned in the texts of the monuments with the real properties of the mineral garnet, as well as with the information of Pliny the Elder and al-Biruni, which characterize the development of mineralogical science in the period of antiquity and the early Middle Ages. It is noted that the processed garnet stone as a part of jewelry items appears in Rus in the 12th century. Despite this, the first mention in Russian literature, which can be reliably associated with garnet, appears at a fairly late time – in the 16th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.169-190

О. М. Олейников
Институт археологии РАН, Москва

Детали ременной, сумочной и уздечной гарнитуры в материалах Десятинного-1 раскопа в Великом Новгороде

Археологические работы, проведенные в 2008 г. Новгородской экспедицией ИА РАН на Десятинном-1 раскопе, дали новые материалы, важные для понимания и изучения материальной и духовной культуры жителей средневекового города.

Исследования проводились в северо-западной части Людина конца к югу от современной улицы Добрыни и к востоку от Рождественского Десятинного монастыря. В раскоп, площадью 1250 кв. м при мощности культурного слоя до 2 м, вошли две средневековые улицы – Добрыни и Волосова, к ним примыкали шесть усадеб. Освоение территории (деление плетнем на участки, где располагались постройки с печами-каменками) началось в конце X в. В 30-е годы XI в. на усадьбе вблизи Волосовой улицы, принадлежавшей знатному новгородцу, был построен поруб-темница (*Олейников*, 2013). Во второй половине XI в. прошло новое межевание – территорию поделили плетнем на участки под огороды и яблоневые сады. В конце XI в. пространство к востоку от Десятинного монастыря по улицам Добрыня и Волосова разбили на усадебные наделы. С 1216 г. на исследованной территории археологически фиксируется начало периода «запустения»[1]. Возобновление усадебной застройки происходит в начале XIV в., когда вдоль улиц возникают богатые усадьбы. Слои XV–XVIII вв. сильно перемешаны огородами XVIII–XIX вв. (*Олейников*, 2009).

В ходе работ обнаружено более 5000 индивидуальных находок, результаты изучения которых вводятся в научный оборот по мере завершения исследований.

В настоящей статье представлены предварительные результаты изучения коллекции деталей ременной, сумочной и уздечной гарнитуры. Эти вещи несут разнообразную информацию, но в первую очередь представляют интерес как датированный материал; именно в этом аспекте он изложен в настоящей работе. Место обнаружения указано только для находок, происходящих с мостовой, из слоя огорода и из заполнения ям, в остальных случаях находки происходят с территории усадеб. Для датирования вещевой коллекции использован комплексный подход, включающий данные дендроанализа (получены кандидатом исторических наук О. А. Тарабардиной), стратиграфии, керамической шкалы, разработанной на материале раскопа (*Олейников*, 2019в), а также нумизматические и сфрагистические датировки (определение члена-корреспондента РАН П. Г. Гайдукова).

Всего на раскопе обнаружено 188 предметов. Среди них накладки разного функционального назначения и их заготовки, пряжки и язычки, ременные кольца, ременные наконечники, ременной разделитель и накладки на кожаные сумки (табл. 1). К моменту извлечения из культурного слоя все артефакты утратили связь с предметами, к которым крепились.

---

[1] Резкое сокращение городской территории в XIII в. обусловлено эпидемиями 1216 и 1230 гг. (НПЛ, л.135 об., л. 154 об.), а также общим упадком экономической жизни, наступившим после завоевания монголами в конце 1230-х годов центральных и южных регионов средневековой Руси (*Олейников*, 2009. С. 43, 44; *Гайдуков, Олейников*, 2018. С. 28, 29).

Таблица 1. Общий состав коллекции по категориям и материалу (экз).

Категория	Бронза	Белый металл	Серебро	Железо	Кость	Итого
Накладки ременные/ уздечные	33	43	5	1		82
Заготовки (матрицы)	7	4			1	12
Пряжки	29	1		12		42
Язычки пряжек	5			3		8
Кольца ременные	14			5		19
Наконечники ременные	7					7
Разделитель ременной	1					1
Накладки на сумки	14	1		2		17
Итого	110	49	5	23	1	188

Материалы раскопа не дают достаточных оснований для разделения коллекции металлической гарнитуры на элементы наборного пояса мужского костюма и украшения уздечного набора. Трудности атрибуции, неоднократно отмечаемые археологами и историками, обусловлены частым использованием при изготовлении ременных и сбруйных украшений одних и тех же форм бляшек, привесок и наконечников, поэтому детали уздечных наборов можно поставить в один ряд с украшениями костюма (*Кирпичников*, 1973. С. 23). Исходя из этого положения, вся коллекция разделена на две группы: *ременная гарнитура* и *накладки на сумки*.

I. Ременная гарнитура

I.1. Накладки представляют самую многочисленную и разнообразную категорию находок. В слоях XI–XV вв. обнаружено 82 накладки и 12 заготовок. Все вещи, за исключением единственной костяной заготовки, металлические. Преобладают предметы, изготовленные из относительно недорогого сырья – бронзы и белого металла (40 и 47 предметов соответственно), одна накладка железная, и еще пять – отлиты из сплавов, содержащих серебро.

По способу крепления все накладки традиционно разделены на две группы: *штифтовые* (39 накладок, из которых 21 бронзовая, 13 – из белого металла, 5 серебряных) и *нашивные* (43 накладки, среди них 12 бронзовых, 30 – из белого металла и одна железная).

Самые ранние накладки появляются в слое XI – начала XII в. (25 предметов) сразу в готовом виде, без следов становления конкретного типа и, в целом, характеризуются очень хорошим качеством исполнения. Этот факт представляется абсолютно закономерным: наборный пояс и сбруя не были древнерусским изобретением и попадали на территорию Древней Руси, имея уже длительную историю развития (*Мурашева*, 2000. С. 3). В слое XII – начала XIII в. число находок возрастает более чем в два раза – 51 предмет (47 накладок и 4 заготовки). В слое XIV в. число находок резко снижается до 17 (13 накладок и 4 заготовки). В более поздних напластованиях находки ременной гарнитуры единичны (рис. 1)[1].

Накладки XI – начала XII в.

Накладки со штифтами
(рис. 2, *1–15*)

При значительном разнообразии выборки выделяются устойчивые стилистические типы, один из которых представляет рельефные накладки с выемкой и выступом, собирающиеся в компактные ряды по типу пазла.

Накладки этого конструктивного типа были распространены очень широко. Они встречены на древнерусских памятниках Минино и Владышнево (*Зайцева*, 2008. С. 89. Рис. 88, *9–14*), на Белоозере (*Захаров*, 2004.

[2] Рисунки приведены в конце статьи, перед списком литературы.

Рис. 96, *19*, *43*), а также в Волжской Булгарии (*Казаков*, 1991. С. 138. Рис. 44, *81*).

Конструкция и оформление накладок весьма рациональны. На лицевой стороне накладок размещены полусферы, окруженные ободками ложной зерни. Полусферы разделены вертикальными орнаментированными поясками, несущими не только эстетическую нагрузку. На оборотной стороне именно в этом месте закреплены штифты. Такой несложный в техническом решении прием, тем не менее, обеспечивал каждой накладке дополнительную горизонтальную жесткость. Прочность всему ременному набору гарантировала стандартная конфигурация наборных элементов. Все они выполнены с соблюдением единого правила: форма и размеры полукруглой выемки практически точно соответствуют аналогичным параметрам выступающей части полусферы (полукруга). Таким образом, все элементы легко и достаточно плотно соединялись друг с другом в единую линию ременного набора.

Рис. 2, *1, 2*. Две прямоугольные накладки конструкции «выступ-выемка» Дес-1/1-228[3] и Дес-1/7-221 (1,55×0,90×0,15 см, вес 1,6 г) имеют два вертикальных штифта длиной 0,8 см с заостренными окончаниями и отличаются высоким качеством исполнения и хорошей сохранностью. Максимальный диаметр отверстия, пробиваемый такими штифтами, не превышает 0,2 см. Щиток слегка вогнутый. Изготовлены из сплава серебра с медью[4]. Слой первой половины XI в.

Рис. 2, *3, 4*. Две бронзовые заготовки Дес-1/1-310 и Дес-1/3-333 (1,60×1,15×0,30 см)[5]. В отличие от предыдущих экземпляров, конструктивный узел «выступ-выемка» образован строгими прямыми линиями. Накладка Дес-1/1-310 происходит из слоя начала XI в., накладка Дес-1/3-333 – конца XI – начала XII в. Оба предмета имеют прекрасную сохранность, следы использования отсутствуют, что позволяет сблизить время изготовления и выпадения накладок в культурный слой.

Рис. 2, *5*. Ромбическая рельефная накладка Дес-1/1-642 (2,60×1,10×0,35 см, вес 3,16 г) типологически близка накладкам Дес-1/1-228 и Дес-1/7-221 (рис. 2, *1, 2*), возможно, входившим в один ременной набор. Накладка несет два хорошо сохранившихся прямых штифта длиной 1 см. Изготовлена из серебра с примесью меди. Слой первой половины XI в.

Рис. 2, *6*. Фрагмент ажурной прорезной серебряной накладки Дес-1/1-245 (1,10×1,00×0,25 см) с одним сохранившимся штифтом длиной 1 см, расположенным под внешним острым углом к щитку. Слой начала XI в.

Рис. 2, *7*. Сердцевидная накладка Дес-1/11-215 (1,15×0,95×0,5 см) с рельефным зооморфным изображением и с двумя штифтами (Ø 0,2 см). Контур щитка подчеркнут рельефной каймой с прямыми насечками. Отлита из белого металла. Слой первой половины XI в.

Рис. 2, *8*. Скорлуповидная бронзовая накладка Дес-1/2-697 (1,70×1,40×0,25 см) с одним центральным штифтом. Слой второй половины XI в.

Рис. 2, *9*. Бронзовая накладка Дес-1/3-398 (1,3×1,5×0,7 см) пятигранная с непараллельными сторонами, орнаментированная, с одним штифтом (Ø 0,15 см, длина – 0,6 см), расположенным по центру. Слой второй половины XI в.

Рис. 2, *10*. Луновидная бронзовая накладка Дес-1/11-222 (1,5×1,1×0,4 см) украшена сдвоенными поперечными поясками, имеет два штифта длиной 0,7 см и диаметром 0,2 см. Слой конца XI в.

Рис. 2, *11*. Фрагмент бронзовой пластинчатой накладки Дес-1/3-338 (1,70×1,55×0,25 см) с рельефным изображением сердцевидной фигуры с небольшим отверстием в центре (Ø 0,15 см) и двумя (из трех?) отверстиями (Ø 0,4 см), расположенными «по углам» сердцевидного элемента. Сохранились два (из трех?) раскованных штифта (Ø 0,15 см и 0,30 см). Слой конца XI – начала XII в.

---

[3] Шифр находки означает: раскоп/участок-номер по полевой описи.

[4] По данным микрозондового исследования содержание серебра колеблется от 56 до 90%.

[5] О технологии изготовления накладок см.: *Зеленцова и др.*, 2012. С. 50; *Подосенова*, 2021.

Рис. 2, *12*. Антропоморфная накладка Дес-1/7-112 (0,95×2,00×0,70 см) с двумя штифтами (Ø 0,15–0,20 см) и двумя «ушками», одно из которых с литейным браком. Отлита из белого металла; найдена в слое первой половины XI в. Подобные накладки известны на Белоозере (*Захаров*, 2004. Рис. 96, *25*).

Рис. 2, *13*. Миниатюрная восьмиобразная с перехватом (бантовидная) накладка Дес-1/3-366 (1,6×0,7×0,4 см) из белого металла. В центре выпуклых полусфер сохранились следы крепления двух штифтов. Слой конца XI в.

Рис. 2, *14*. Кольцевидная накладка Дес-1/11-84 с утраченными штифтами. Внешний диаметр щитка составляет 1,20–1,25 см, внутренний – 0,6 см, высота бортика 0,15–0,18 см. Вес 1,30 г. Отлита из белого металла. Орнамент состоит из семи завитков, шесть из которых закручены по часовой стрелки, а один – против. Слой конца XI в.

Рис. 2, *15*. Округлая плоско-выпуклая накладка Дес-1/1-309 (диаметр 0,9 см, толщина 0,15 см) с одним центральным штифтом (утрачен), отлита из белого металла. Слой первой половины XI в.

Нашивные накладки и заготовки
(рис. 2, *16–25*)

Рис. 2, *16*. Миниатюрная накладка в виде сдвоенных восьмиобразных фигур Дес-1/12-215 (1,0×1,0×0,3 см). В центре находится небольшое сквозное отверстие (Ø 0,1 см), с тыльной стороны расположены две пары ушек-стоек для крепления. Диаметр отверстия ушек не превышает 0,1 см. Изготовлена из белого металла.

Накладка Дес-1/12-215 происходит из слоя конца XI в., но эти накладки бытовали на изученной территории в течение трех столетий: с конца XI в. до конца XIV в. На раскопе обнаружены еще две аналогичные накладки в слоях середины XII в. (Дес-1/8-267, рис. 4, *7*) и конца XIV в. (Дес-1/3-524, рис. 5, *12*).

Рис. 2, *17*. Круглая плоская накладка Дес-1/3-509 (Ø 1,5 см, толщина 0,2 см) с четырьмя небольшими отверстиями диаметром до 0,1 см, расположенными в центральной части (крест в круге). Обнаружена в заполнении хозяйственной ямы № 1 середины XI в.

Рис. 2, *18, 19*. Две небольшие накладки Дес-1/9-121 и Дес-1/15-93 (1,75×1,60×0,20 см) квадратной формы, в центре которых помещена фигура, напоминающая песочные часы. На двух противоположных сторонах находились крепежные элементы: сверху – четыре (?) петли, снизу – две щели. Изготовлены из белого металла. Дес-1/9-121 найдена в слое конца XI в., Дес-1/15-93 – в слое конца XI – начала XII в.

Рис. 2, *20, 21*. Две ажурные накладки с криновидными элементами: фрагмент Дес-1/12-211 (1,2×1×0,25 см) и полная форма Дес-1/12-198 (2,0×1,2×0,3 см) отлиты из белого металла. Обнаружены в слое второй половины XI в.

Рис. 2, *22*. Бронзовая заготовка в форме лапки с трехчастным завершением Дес-1/2-674 (2,1×1,0×0,2 см) происходит из слоя конца XI в.

Рис. 2, *23*. Заготовка (матрица?) в форме рыбы Дес-1/9-83 (2,3×0,7×0,3 см) отлита из белого металла. Обнаружена в слое конца XI в.

Рис. 2, *24*. К накладкам условно отнесен фрагментарно сохранившийся односторонний «овальнорамчатый щиток» с тщательно проработанным литым изображением процветшего креста Дес-1/7-158 (2×0,95×0,7 см), найденный в слое первой половины XI в. Изготовлен из белого металла.

Рис. 2, *25*. Бронзовая накладка Дес-1/3-767 (4,8×5,4×0,1 см), вырезана из сосуда, спаянного из двух пластин. Слой первой половины XI в.

Накладки второй половины XII – начала XIII в.

Накладки со штифтами и заготовки
(рис. 3, *1–25*)

Рис. 3, *1*. Трапециевидная пластинчатая бронзовая накладка Дес-1/2-411 (3,7×2,4×0,2 см) с четырьмя штифтами (один обломан, высота штифтов 0,7 см, диаметр у основания 0,3 см). Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *2*. Фрагмент ромбической плоской бронзовой накладки Дес-1/4-241 (2,60×2,50×0,25 см) с обломанным штифтом (диаметр у основания 0,3 см). Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *3*. Сердцевидная плоская бронзовая накладка Дес-1/2-421 (2,38×2,35×0,20 см) с тремя штифтами-«гвоздиками» (длина 0,75 см, Ø 0,2 см). Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *4*. Миниатюрная криновидная бронзовая накладка Дес-1/12-3 (1,1×2,1×0,3 см) с двумя штифтами (Ø 0,15 см). Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *5, 6*. Две сердцевидные орнаментированные бронзовые накладки Дес-1/2-732 и Дес-1/8-142 (1,4–1,5×1,45–1,55×0,2 см) с двумя загнутыми штифтами. Длина штифтов 0,55 см, диаметр у основания – 0,2 см. Слой середины XII в.

Рис. 3, *7*. Фрагмент сердцевидной бронзовой орнаментированной накладки Дес-1/7-69 (1,30×1,20×0,45 см) с двумя обломанными заостренными штифтами (диаметр у основания 0,1–0,2 см). Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *8*. Сердцевидная накладка Дес-1/5-73 (1,35×1,10×0,50 см) с двумя обломанными штифтами (Ø 0,2 см), отлита из белого металла. Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *9*. Скорлуповидная орнаментированная (крин) бронзовая накладка Дес-1/11-223 размером (1,75×1,65×0,10 см) с одним центральным штифтом (Ø 0,15 см). Слой середины XII в.

Рис. 3, *10*. Круглая плоско-выпуклая накладка Дес-1/6-86 (Ø 1,15 см, толщина 0,2 см) с ободком по краю в виде поперечных насечек, с центральным штифтом (утрачен). Отлита из белого металла. Слой начала XIII в.

Рис. 3, *11*. Миниатюрная круглая плосковыпуклая накладка Дес-1/8-259 (Ø 0,8 см, толщина 0,5 см) с центральным штифтом (Ø 0,28 см). Отлита из белого металла, обнаружена на мостовой древней Волосовой улицы в слое середины XII в.

Рис. 3, *12, 13*. Две бронзовые накладки в виде замкнутых лунниц Дес-1/8-269 и Дес-1/11-220 (1,45–1,50×1,40×0,15 см, диаметр внутреннего отверстия 0,6 см) с двумя штифтами (высота штифтов 0,55 см, Ø 0,25 см). Дес-1/8-269 – слой второй половины XII в., Дес-1/11-220 – середина XII в.

Рис. 3, *14, 15*. Две бронзовые кольцевидные рифленые накладки Дес-1/2-582 и Дес-1/6-182 (внешний диаметр накладок составляет 1,3 см, внутренний – 0,8 см), с двумя штифтами (высота штифтов 0,4 см, Ø 0,15 см). Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *16*. Фрагмент пятигранной орнаментированной накладки с двумя параллельными гранями Дес-1/7-236 (1,8×1,4×0,4 см) и вогнутой линией треугольного завершения, с двумя отверстиями (Ø 0,2 см) под крепежный гвоздик. Грани накладки подчеркнуты веревочкой ложной скани. Изготовлена из белого металла. Слой середины XII в.

Рис. 3, *17*. Накладка пятигранной формы Дес-1/2-422 (1,40×1,20×0,25 см) орнаментированная, с фестончатой линией треугольного завершения. Выполнена из сплава, содержащего серебро; контуры рисунка подчеркнуты чернью, заполняющей углубления. Штифты утрачены. Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *18*. Миниатюрная трапециевидная накладка с выступом на меньшей грани Дес-1/14-6 (1,25×0,70×0,30 см) с коротким расплющенным штифтом (Ø 0,25 см). Отлита из белого металла, обнаружена в слое начала XIII в.

Рис. 3, *19*. Треугольная бронзовая накладка Дес-1/8-131 (1,35×1,70×0,30 см) с тремя штифтами, расположенными по углам (обломаны). Слой середины XII в.

Рис. 3, *20*. Бронзовая накладка Дес-1/2-627 (1,60×1,40×0,15 см), напоминающая по форме сектор круга, с одним центральным загнутым штифтом (Ø 0,8 см) и фрагментом ушка для привешивания (Ø около 0,4 см), расположенным на дуге. Две другие грани щитка усилены двумя небольшими выступами, расположенными симметрично относительно вертикальной оси накладки. Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *21*. Трапециевидная пластинчатая накладка с заклепкой Дес-1/16-50 (2,30×1,95×0,60 см), орнаментированная, изготовлена из белого металла. Слой второй половины XII в.

Рис. 3, *22*. Заготовка накладки конструктивного типа «выступ-выемка» прямоугольной формы Дес-1/2-572 (2,1×1,3×0,5 см). Орнамент (полусферы между продольными и поперечными рельефными линейными поясками) расположен тремя рядами. Отлита из белого металла. Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *23*. Миниатюрная шестилепестковая бронзовая заготовка Дес-1/15-50

(Ø 0,95–1,10 см, толщина 0,08 см) происходит из слоя второй половины XII в.

Рис. 3, *24*. Бронзовая заготовка (матрица) Дес-1/13-43 (1,35×1,35×0,30 см) имеет форму треугольной пирамиды, контур основания подчеркнут ободком ложной зерни. Тыльная сторона гладкая. Слой первой половины XII в.

Рис. 3, *25*. Бронзовая заготовка (матрица) в форме стрелы Дес-1/8-61 (2,00×0,65×0,20 см) происходит из слоя второй половины XII в.

Накладки нашивные (рис. 4)

Рис. 4, *1–3*. Три плоские однорядные четырехколечковые накладки Дес-1/7-203, Дес-1/5-114, Дес-1/12-113. По размеру относятся к миниатюрным (1,95–2,25×0,50–0,60×0,12–0,15 см), отлиты из белого металла. Две накладки украшены простым рубчатым орнаментом, они происходят из слоя первой половины XII в. (рис. 4, *1, 3*), одна – гладкая, найдена в слое середины XII в. (рис. 4, *2*).

Рис. 4, *4–6*. Три девятичастные накладки Дес-1/4-200, Дес-1/3-550, Дес-1/8-84 (2,65×0,50×0,20–0,30 см) полусферические в сечении, с двумя маленькими отверстиями (Ø 0,1 см) на закругленных концах. Дес-1/4-200 и Дес-1/8-84 отлиты из белого металла (рис. 4, *4, 6*), Дес-1/3-550 – из бронзы (рис. 4, *5*). Дес-1/4-200 – слой первой половины XII в., Дес-1/3-550 и Дес-1/8-84 – слой второй половины XII в.

Рис. *4, 7*. Миниатюрная накладка в виде сдвоенных восьмиобразных фигур Дес-1/8-267 (0,7×0,7×0,3 см) несет одну пару крепежных ушек. Отлита из белого металла. Найдена в слое середины XII в. Еще две накладки этого типа происходят из слоя конца XI в. (Дес-1/12-215; рис. 2, *16*) и конца XIV в. (Дес-1/3-524; рис. 5, *12*).

Рис. 4, *8, 9*. Две круглые ребристые накладки Дес-1/2-524 и Дес-1/2-673 (Ø 0,8–0,9 см, толщина – 0,2 см), в центре которых находится небольшое углубление с отверстием (Ø 0,1 см). Отлиты из белого металла. Дес-1/2-524 обнаружена в слое середины XII в., Дес-1/2-673 – в слое первой половины XII в.

Рис. 4, *10*. Треугольная, слегка выпуклая накладка Дес-1/2-664 (1,25×1,05×0,20 см) с тремя небольшими отверстиями по углам (Ø 0,05–0,08 см). Изготовлена из белого металла. Слой первой половины XII в.

Рис. 4, *11*. Квадратная накладка Дес-1/3-544 (1,2×0,25 см) со слегка выступающим в рельефе ребром на двух противоположных сторонах и с тремя отверстиями: одно почти квадратное в центре (0,38×0,35 см) и два небольшие круглые (Ø 0,1 см), расположенные диаметрально на двух других гладких сторонах предмета. Отлита из белого металла. Слой начала XIII в. Аналогичная находка обнаружена в перекопе XV в. (Дес-1/4-109; рис. 5, *14*).

Рис. 4, *12*. Квадратная плоская накладка из белого металла Дес-1/3-293 (1,65×1,5×0,2 см). Этот экземпляр несет четыре коротких ребра, расположенных по диагоналям от условного центра накладки к вершинам, и декоративный бордюр из коротких параллельных насечек. На двух противоположных сторонах размещено по одному круглому отверстию (Ø 0,2 см), в центре – прямоугольное (0,35×0,40 см). Слой второй половины XII в.

Рис. 4, *13*. Квадратная бронзовая накладка Дес-1/5-161 (1,90×1,80×0,05 см) с небольшим круглым отверстием в центре (Ø 0,25–0,3 см). Украшена двумя рядами пуансонного орнамента в виде мелких прямоугольников. Слой середины XII в.

Рис. 4, *14*. Квадратная неорнаментированная накладка Дес-1/12-222 (2,25×2,10×0,50 см) с одной профильной стороной и большим овальным отверстием в центре (1,0×1,2 см). Отлита из белого металла. Слой второй половины XII в.

Рис. 4, *15*. Фрагмент накладки прямоугольной формы Дес-1/1-449 (2,05×1,50×0,55 см) с двумя отверстиями (Ø 0,1 см) по краям. Накладка плохой сохранности, деформированная (загнута по одной из коротких сторон), вдоль другой короткой стороны просматривается детали декора в виде вертикального ряда полусфер. Отлита из белого металла. Слой середины XII в.

Рис. 4, *16*. Прямоугольная накладка Дес-1/1-273 (2,7×1,05×0,35 см) с ложно плетенным щитком и двумя парами ушек-стоек, расположенных по углам накладки. Изготовлена из белого металла. Слой начала XIII в. (граница огородного слоя периода «запустения»).

Рис. 4, *17*. Фрагмент рельефной орнаментированной накладки из белого металла Дес-1/9-106 (2,05×1,25×0,25 см) с тремя отверстиями (Ø 0,20 и 0,15 см). Слой первой половины XII в.

Рис. 4, *18*. Миниатюрная ажурная накладка Дес-1/11-232 (1,50×1,45×0,15 см) в виде стилизованной женской фигуры, два отверстия боковые (Ø 0,20–0,25 см), три – на основании Ø 0,15–0,20 см). Отлита из белого металла. Слой середины XII в.

Рис. 4, *19*. Фрагмент ажурной бронзовой накладки Дес-1/13-44 (1,7×1,6×0,3 см) с двумя круглыми отверстиями (Ø 0,2 см). Слой первой половины XII в.

Рис. 4, *20*. Ажурная бронзовая накладка-«пряжка» Дес-1/3-305 (1,70×1,65×0,20 см). Завитки рамки украшены поперечной штриховкой. Слой середины XII в.

Рис. 4, *21*. Бронзовая накладка Дес-1/2-755 (2,70×1,45×0,25 см) с криновидным пятичастным завершением и якоревидным основанием. Слой первой половины XII в.

Рис. 4, *22*. Миниатюрная накладка с трехчастным криновидным завершением Дес-1/2-596 (1,85×1,15×0,2 см) и двумя отверстиями у основания (Ø около 0,5 см). Эта накладка стилистически близка предыдущей. Отлита из белого металла. Слой второй половины XII в.

Рис. 4, *23*. Фрагмент каплевидной бронзовой накладки, украшенной круглым пуансонным орнаментом Дес-1/1-605 (1,6×1,2×0,1 см). Размер круглого отверстия 0,15×0,20 см. Слой начала XII в.

Рис. 4, *24*. Овальная пластинчатая бронзовая накладка Дес-1/9-61 (2,75×1,75×0,05 см) несет пять небольших отверстий диаметром 0,1–0,2 см (одно не пробито). Слой начала XIII в.

Рис. 4, *25*. Бантовидная накладка Дес-1/2-410 (1,75×1,20×0,15 см), выполнена в технике чеканки из бронзового листа. По краям (вдоль средней линии) расположены два ровных круглых отверстия (Ø 0,2 см), пробитых с лицевой стороны на готовом изделии. На оборотной стороне хорошо видны следы этой операции: рваные металлические края по краям отверстий. Слой второй половины XII в.

Рис. 4, *26*. В слое первой половины XII в. найдена бронзовая накладка Дес-1/1-520 (3,40×3,10×0,05 см), орнамент которой выполнен в технике тиснения.

Накладки и заготовки XIV–XV вв.
(рис. 5, *1–18*)

Накладки штифтовые (рис. 5, *1–5*)

Рис. 5, *1*. Фрагмент скорлуповидной накладки из белого металла Дес-1/10-26 (1,9×1,45×0,2 см) с центральным штифтом (Ø 0,15 см). Слой XIV в.

Рис. 5, *2*. Накладка в виде восьмилепестковой розетки, бронзовая Дес-1/9-25 (Ø 1,2–1,3 см, толщина 0,15 см) с одним центральным штифтом. Слой начала XIV в.

Рис. 5, *3*. Накладка-лунница из белого металла Дес-1/9-143 (1,40×0,90×0,15 см) с двумя штифтами (Ø 0,15 см). Слой начала XIV в.

Рис. 5, *4*. Миниатюрная бронзовая рельефная накладка Дес-1/3-542 (1,4×1,7×0,2 см) с одним центральным штифтом (Ø 0,25–0,30 см). Щиток ромбический, с шестью небольшими выступами («черепаха»). Слой второй половины XIV в.

Рис. 5, *5*. Миниатюрная бронзовая накладка удлиненной трапециевидной формы Дес-1/2-342 (1,3×0,5×0,4 см) с раскованным штифтом (Ø 0,2 см). Слой начала XIV в.

Накладки нашивные (рис. 5, *6–14*)

Рис. 5, *6*. Фрагмент квадратной бронзовой накладки Дес-1/3-123 (1,6×1,4×0,2 см) с большим круглым отверстием в центре (Ø 0,65–0,70 см). По трем углам намечены небольшие несквозные отверстия (Ø 0,10–0,12 см). Четвертое отверстие отсутствует; одна из граней неровная, со следами излома. Возможно, эти детали следует рассматривать как свидетельство неудачной отливки. Слой второй половины XIV в.

Рис. 5, *7*. Ажурная накладка с якоревидным основанием и криновидным завершением Дес-1/3-511 (2,75×2,15×0,20 см); диаметры отверстий на основании не превышают 0,25–0,30 см. Отлита из белого металла. Стилистически близка двум накладкам XII в. (рис. 4, *21, 22*) и заготовке второй половины XIV в. (рис. 5, *16*). Слой второй половины XIV в.

Рис. 5, *8*. Овальная железная накладка – «набойка» на сундучок Дес-1/2-348

Таблица 2. Пряжки. Состав коллекции и хронологическое распределение (экз.).

Хронологический период	Материал	Одночастные	Двухчастные	Всего	
XI – нач. XII в.	бронза	4	4	8	9
	белый металл	1		1	
XII – нач. XIII в.	бронза	4	9	13	18
	железо	4	1	5	
XIV в.	бронза	5		5	11
	железо	6		6	
XV в.	бронза	1	1	2	3
	железо	1		1	
XVI в.	бронза		1	1	1
Итого		26	16	42	

(6,35×4,65×0,40 см). По краю расположен ряд (примерно 10 шт.) круглых отверстий диаметром 0,3 см. Из семи сохранившихся – два отверстия сквозные, остальные вдавлены. Слой второй половины XIV в.

Рис. 5, *9*. Фрагмент прямоугольной накладки из белого металла Дес-1/16-121 (1,8×1,7×0,2 см) с тремя отверстиями по короткой стороне (Ø 0,12 см), украшена ложным замкнутым плетением. Слой XIV в.

Рис. 5, *10*. Бронзовая плоская накладка Дес-1/6-72 в виде восьмилепестковой розетки (Ø 1,95 см, толщина 0,2 см) с круглым отверстием диаметром 0,35 см. Слой XIV в.

Рис. 5, *11*. Фрагмент плоской зооморфной накладки Дес-1/9-44 (2,1×1,5×0,1 см) с круглым отверстием (Ø 0,25 см). Изготовлена из белого металла. Слой начала XIV в.

Рис. *5*, *12*. Миниатюрная накладка в виде сдвоенных восьмиобразных фигур Дес-3-524 (0,7×1,0×0,3 см), белый металл. В центре находится небольшое сквозное отверстие (Ø 0,1 см), с тыльной стороны расположена пара «ушек-стоек» для крепления. Внутренний диаметр ушек не превышает 0,1 см. Обнаружена в перемешанном слое конца XIV в.

В погребальном инвентаре кургана 282 Тимеревского могильника присутствует бляшка аналогичной формы, но с одним центральным штифтом, которую В. А. Мальм интерпретирует как бляшку от кошелька (*Мальм*, 1963. С. 65. Рис. 37, *4*)

Рис. 5, *13*. Миниатюрная плоская тонкая накладка в виде кольца Дес-1/8-30. Четыре отверстия диаметром 0,1 см расположены по краю бортика на уплощенных площадках. Внешний диаметр накладки 1,2 см, толщина 0,05 см, ширина бортика 0,15–0,35 см. Изготовлена из белого металла. Слой XIV в.

Рис. 5, *14*. Квадратная накладка из белого металла Дес-1/4-109 (1,2×1,1×0,2 см) с тремя отверстиями: одно квадратное в центре (0,38×0,35 см) и два небольшие круглые диаметром 0,1 см расположены диаметрально на гладких сторонах предмета. Перекоп XV в.

Заготовки (матрицы) (рис. 5, *15–18*)

Рис. 5, *15*. Миниатюрная плоская заготовка в виде пирамидки из трех округлых фигур с углублением в середине Дес-1/3-142 (1,05×1,03×0,20 см). Слой второй половины XIV в.

Рис. 5, *16*. Ромбическая рельефная Дес-1/3-513 (1,5×1,3×0,2 см) с симметрично расположенным криновидным орнаментом. Эта накладка напоминает Дес-1/2-596 из слоя второй половины XII в. (рис. 4, *22*) и, по сути, представляет ее двойную комбинацию. Обнаружена в слое второй половины XIV в. вместе с Х-образной заготовкой Дес-1/3-512.

Рис. 5, *17*. Х-образная рельефная бронзовая заготовка Дес-1/3-512, (1,5×1,3×02 см). Слой второй половины XIV в. Накладки со штифтами аналогичной формы известны среди древностей кочевников южнорусских степей (X–XIV вв.) и Владимирских курганов (*Спицын*, 1905. С. 132. Рис. 58; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 52. Рис. 8).

Рис. 5, *18*. Сердцевидная костяная накладка Дес-1/6-80 (2,15×1,95×0,15 см) найдена в слое XIV в.

I.2. Пряжки (рис. 6; 7)

Пряжки представляют хорошо известный и изученный вид застежек, скрепляющих края ремня. Конструктивно они делятся на *одночастные*, имеющие рамку и основание с закрепленным язычком, и *двухчастные*, в которых рамка и приемник для ремня разделены осью для крепления язычка. На раскопе обнаружено 42 поясные пряжки, среди которых 26 одночастных и 16 двухчастных (табл. 2). Практически все находки имеют хорошую сохранность. Их формы стандартные, широко распространенные как в Новгороде, так и на Руси в целом.

Больше половины обнаруженных пряжек (29 экз.) бронзовые литые, в их числе 14 одночастных и 15 двухчастных. Из белого металла отлита единственная миниатюрная одночастная пряжка. Остальные 12 экземпляров, среди которых 11 – одночастные, изготовлены из железа.

Динамика распределения пряжек в культурном слое раскопа Десятинный-1 аналогична хронологическому распределению накладок. Самые ранние находки также зафиксированы в слое конца XI – начала XII в.: здесь найдено девять пряжек (4 бронзовых двухчастных и 5 одночастных: 4 бронзовые и свинцово-оловянная). В слое XII – начала XIII в. число находок возрастает до 18. Обнаружено 10 двухчастных пряжек: железная и девять бронзовых; восемь одночастных: по четыре бронзовых и железных. В слое XIV в. количество пряжек уменьшается до 11 находок, представляющих только одночастные пряжки: пять бронзовых и шесть железных. В слое XV в. зафиксированы только три пряжки (две одночастные – бронзовая и железная) и двухчастная бронзовая. В стратифицированных слоях XVI в. обнаружена только одна двухчастная бронзовая пряжка.

Для 41 пряжки установлена максимально возможная ширина ремня, измеренная для двухчастных экземпляров по высоте ременного приемника, а для одночастных – по высоте основания. Этот параметр изменяется в широких пределах: от 0,5 до 3,4 см. У бронзовых пряжек он укладывается в довольно узкий интервал: 0,6–2,2 см (для одночастных – 0,6–2,2 см и для двухчастных – 0,8–1,5 см). Разброс значений по железным пряжкам более значительный: от 1,0 до 3,4 см.

Наименьшая высота (0,5 см) зафиксирована у приемника для ремня одночастной пряжки из белого металла (Дес-1/7-211, № 23) (рис. 6, *23*). Максимальные значения (2,5–2,7 и 3,4 см) характерны для железных пряжек одночастных (рис. 6, *9, 10, 13*) и двухчастной (рис. 7, *16*).

Полученные материалы позволяют сделать вывод, что большинство пряжек (33 экз.: 24 бронзовых, 8 железных и одна из белого металла), предназначалось для ремней шириной 0,8–2,0 см. Три бронзовые пряжки служили для узких ремней (0,5–0,7 см) и три железные пряжки – для широких ремней (2,5–3,5 см). Совпадение ширины большинства бронзовых и железных пряжек (в интервале 1–2 см) позволяет предположить, что эти пряжки могли использоваться и как поясные, и как уздечные. Большие железные пряжки относятся к сбруйной гарнитуре.

Одночастные пряжки (рис. 6)

Рис. 6, *1, 2*. Наиболее ранними являются две бронзовые *лировидные* пряжки без язычков. Форма их однотипна: передняя овальная (лировидная) часть с насечками непосредственно переходит в прямоугольное основание. Углы основания оттянуты в сторону ремня. В средневековом Новгороде такие пряжки были самыми распространенными и популярными.

Пряжка Дес-1/3-330 (2,4×2,05×0,2 см) имеет ровную полукруглую лировидную часть, происходит из слоя конца XI – начала XII в. (рис. 6, *1*). У пряжки Дес-1/15-105 (2,8×2,35×0,3 см) присутствует небольшой заостренный выступ, слой начала XII в. (рис. 6, *2*).

Рис. 6, *3*. Бронзовая пряжка Дес-1/6-81 (2,1×1,85×0,25 см) с выпрямленной передней частью с небольшими выступами по краям и волнистыми верхней и нижней сторонами. Слой XIV в.

Рис. 6, *4, 5*. У двух пряжек передняя часть рамки имеет овальную форму, плавно переходящую в гладкое прямоугольное основание. Передняя часть миниатюрной бронзовой пряжки Дес-1/3-381 (1,6×1,43×0,2 см)

украшена насечками (рис. 6, *4*), эта находка происходит из слоя конца XI – начала XII в. Железная пряжка Дес-1/2-493 (3×2,7×0,1 см) найдена в слое середины XII в. (рис. 6, *5*).

Рис. 6, *6, 7*. Еще у двух пряжек рамка пятиугольная. Бронзовая пряжка Дес-1/6-59 (2,35×2×0,22 см) имеет плавные грани, передняя часть ее орнаментирована (фигуры змей?). Углы основания оттянуты к ремню. Обнаружена в слое XIV в. (рис. 6, *6*).

Железная неорнаментированная пряжка Дес-1/3-18А (2,40×2,05×0,25 см) выполнена в виде практически равностороннего пятиугольника. Найдена в слое конца XIV в. (рис. 6, *7*).

Рис. 6, *8, 9*. Две находки (Дес-1/5-52 и Дес-1/11-111) представляют особую конструкцию пряжек, рамка которых состоит из передней части различной формы и основания (стержня круглого сечения), изготовленных по отдельности. Такая конструкция пряжки предполагала наличие щитка (подвижного или статичного), крепившегося на стержень рамки по типу шарнира. Законченная деталь – основание с закрепленными на нем язычком и щитком, фиксировалась на рамке приемом клепки (сплющиванием концов стержня).

Первая находка происходит из слоя второй половины XIV в. Это фрагмент бронзовой пряжки Дес-1/5-52 (3,1×2,6×0,4 см), представленный передней частью рамки дуговидной формы с двумя симметричными выступами по краям. Диаметр отверстия, предназначенного для основания, равен 0,25 см (рис. 6, *8*). Абсолютно аналогичный фрагмент встречен на Белоозере (*Захаров*, 2004. Рис. 94, *30*).

Вторая находка – прямоугольная железная пряжка Дес-1/11-111 (3,50×2,90×0,65 см) обнаружена в слое начала XIII в. (рис. 6, *9*). Предмет весьма интересен тем, что представляет результат ремонта. Изначально, это была пряжка с отдельно изготовленным и приклепанным основанием, на котором закреплены щиток и язычок. В ходе починки пряжку повернули на 180°, и язычок зафиксировали на передней части рамки. Это один из наиболее ранних типов ременной гарнитуры, бытовавших в течение длительного времени (*Захаров*, 2004. С. 185).

Рис. 6, *10–12*. Три железные неорнаментированные пряжки имеют прямоугольное сечением рамки: Дес-1/12-229 (4,05×2,5×0,45 см) происходит из слоя середины XII в. (рис. 6, *10*), Дес-1/6-62 (3, 05×3×0,45 см) – из слоя XIV в. (рис. 6, *11*) и Дес-1/1-317 (2,65×2×0,25 см) – начала XV в. (рис. 6, *12*).

Рис. 6, *13*. Круглое сечение рамки имеет фрагмент бронзовой прямоугольной пряжки Дес-1/5-10 (2,75×2,6×0,13 см), поверхность которой орнаментирована косой сеткой (колоском). Слой второй половины XIV в.

Рис. 6, *14*. Прямоугольная бронзовая пряжка с язычком Дес-1/9-171 (2,6×2,6× 0,3 см) с прямоугольным сечением рамки и язычка. Передняя часть рамки выполнена в виде широкой (0,9 см) прямоугольной полосы, украшенной растительным орнаментом. Слой второй половины XIV в.

Рис. 6, *15*. Прямоугольная бронзовая пряжка с язычком Дес-1/3-44 (3,2×3,1×0,8 см). Рамка и язычок имеют круглые сечения. Передняя часть рамки заключена в подвижную цилиндрическую обмотку, представляющую собой тонкую пластину, свернутую и закрепленную встык. На одной из горизонтальных сторон рамки оттиснут небольшой знак размером 0,4×0,2 см. Слой второй половины XI в.

Рис. 6, *16*. Пятигранная миниатюрная бронзовая пряжка Дес-1/8-143 (2,15×1,55× 0,20 см), передняя часть которой имеет фигурное треугольное завершение с двумя симметрично расположенными сквозными отверстиями (Ø 0,2–0,25 см). Слой середины XII в.

Рис. 6, *17–19*. Три железные пряжки трапециевидной формы. Две из них, Дес-1/11-109 (2,2×1,65×0,3 см) и Дес-1/6-39 (2,4×1,75×0,2 см), утратившие язычок, происходят из слоя XIV в. (рис. 6, *17, 18*). Третья пряжка Дес-1/2-408 (2,75×2,20×0,50 см) сохранила полную форму, но несет следы ремонта: обломанный язычок укреплен небольшой железной пластиной, один конец которой зафиксирован на передней части рамки (рис. 6, *19*). Эта находка происходит из слоя первой половины XIV в.

Рис. 6, *20–22*. У трех бронзовых пряжек прямое основание переходит в полусферическую переднюю часть, украшенную насечками: Дес-1/2-564 (2,05×2,1×0,55 см), Дес-1/7-190 (2,95×1,65×0,35 см) и Дес-1/

11-130 (2,35×2,3×0,25 см). Язычок сохранился только у пряжки Дес-1/2-564 (рис. 6, *20*). Слой середины XII в.

Рис. 6, *23–26*. Четыре пряжки с язычком имеют овальную рамку. Среди них миниатюрная свинцово-оловянная пряжка Дес-1/7-211 (0,95×1,00×0,25 см) происходит из слоя второй половины XI в. (рис. 6, *23*); небольшая железная Дес-1/16-52 (1,70×1,50×0,35 см) – из слоя второй половины XII в. (рис. 6, *24*); бронзовая Дес-1/8-2 (2,55×2,05×0,25 см) – из слоя середины XV в. (рис. 6, *25*) и железная пряжка Дес-1/11-124 (2,00×2,05×0,80 см) с пластинчатым прямоугольным щитком, закрепленным на основании двумя замкнутыми петлями, в центре щитка расположено одно круглое отверстие (Ø 0,3 см) для крепежного штифта (рис. 6, *26*) – из слоя XIV в.

Двухчастные пряжки (рис. 7)

Представлены выборкой из 16 находок, большинство которых происходит из слоев начала XI – второй половины XII в. В слоях XV и XVI в. обнаружено по одной находке.

Рис. 7, *1–4*. Четыре бронзовые пряжки имеют прямоугольную рамку и прямоугольный приемник для ремня. На оси для крепления язычка расположены парные выступы-ограничители разной формы (овальной, каплевидной и пятиугольной). На передней части рамки находится небольшой выступ с углублением для фиксации язычка. Такая форма одна из самых ранних и распространенных.

Самой ранней находкой стал фрагмент пряжки Дес-1/4-215 (2,3×2,1×0,5 см), обнаруженный в слое начала XI в. (рис. 7, *1*). Две пряжки найдены в слое середины XI в.: Дес-1/13-59 (3,5×2,3×0,4 см), лицевая часть передней поверхности рамки украшена завитками (рис. 7, *2*) и Дес-1/3-517 (3,05×2,10×0,45 см) (рис. 7, *3*). Еще одна пряжка Дес-1/1-542 (2,95×2,00×0,40 см) найдена в слое середины XII в. (рис. 7, *4*).

Рис. 7, *5, 6*. Две бронзовые пряжки Дес-1/16-102 (1,75×1,70×0,25 см) и Дес-1/9-87 (2,4×2,25×0,35 см) имеют лировидную форму – это наиболее древняя форма пряжек в Новгороде. Обе находки сохранились в виде фрагментов. Дес-1/16-102 происходит из слоя конца XI в. (рис. 7, *5*), Дес-1/9-87 – из слоя первой половины XII в. (рис. 7, *6*).

Рис. 7, *7–10*. Четыре бронзовые пряжки с округлой передней частью и прямоугольным приемником для ремня. У трех из них на передней части рамки находится небольшой заостренный выступ с углублением для фиксации язычка: Дес-1/13-36 (2,70×1,85×0,25 см), мостовая середины XII в. (рис. 7, *7*); Дес-1/7-73 (2,90×2,00×0,25 см) – слой первой половины XII в. (рис. 7, *8*); Дес-1/3-203 (2,75×2,00×0,30 см), слой второй половины XII в. (рис. 7, *9*). Пряжка Дес-1/3-157 (2,8×1,9×0,2 см) гладкая, без выступа, слой второй половины XII в. (рис. 7, *10*).

Рис. 7, *11*. Неорнаментированная бронзовая пряжка Дес-1/9-2 (3,10×2,35×0,25 см) без язычка с увеличенной передней частью овальной формы и уменьшенным прямоугольным приемником для ремня. Встречена в слое XV в.

Рис. 7, *12*. Фрагмент бронзовой пряжки с овальной передней частью Дес-1/5-15 (1,7×1,6×0,25 см). От приемника для ремня сохранились лишь короткие обломки, направленные к рамке под некоторым углом; наиболее вероятно, что ременной приемник имел трапециевидную форму. Заполнение ямы с керамикой XVI в.

Рис. 7, *13, 14*. Две бронзовые пряжки Дес-1/2-555 (2,85×2,05×0,20 см) и Дес-1/8-106 (2,65×1,85×0,13 см) имеют трапециевидный приемник для ремня и пятиугольную переднюю часть с двумя боковыми выступами и одним центральным (для фиксации язычка на пряжке). Места соединения передней части и приемника с внешней стороны усилены небольшими подтреугольными выступами. Обе находки сохранились с небольшими утратами формы и без язычков. Пряжка Дес-1/2-555 обнаружена в слое первой половины XII в. (рис. 7, *13*), а Дес-1/8-106 – середины XII в. (рис. 7, *14*).

Рис. 7, *15*. Небольшая бронзовая прямоугольная пряжка с язычком Дес-1/15-165 (1,90×1,15×0,15 см). Ось для крепления язычка расположена симметрично по центру рамки. Слой начала XII в.

Рис. 7, *16*. Единственная железная двухчастная пряжка Дес-1/1-171 (4,30×1,70×0,05 см) сохранилась в виде фрагмента

передней части прямоугольной формы и обломка приемника для ремня. Найдена в слое середины XII в.

В целом, выборка пряжек характеризуется хорошей сохранностью. 12 предметов сохранили полную форму. У семи пряжек имели место нарушения целостности рамок. Наиболее часто утрачивался язычок: у 30 пряжек к моменту попадания в слой эта деталь отсутствовала.

Отдельно найдено восемь *язычков пряжек*: пять бронзовых и три железных. У шести экземпляров полностью или частично обломана наиболее уязвимая часть – петля, обжимающая соответствующий стержень пряжки. Четыре находки происходят из слоев второй половины XI – второй половины XII в., среди них два железных язычка прямоугольного сечения и два бронзовых – прямоугольного и круглого сечений. Из слоя первой половины XIV в. извлечены два бронзовых язычка прямоугольного сечения и один железный язычок прямоугольного сечения обнаружен в заполнении ямы вместе с керамической флягой XVI в. и фрагментом бронзовой пряжки с овальной передней частью Дес-1/5-15 (рис. 7, *12*)

Расположение в культурном слое пряжек и язычков носит случайный характер и в пределах данной выборки не дает достаточных оснований соотнести отдельные язычки с конкретными пряжками.

I.3. Ременные наконечники (рис. 8)

Ременные наконечники – эффектная функциональная деталь поясного набора. Они крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисавшему концу ремня и предохраняли его от быстрого изнашивания.

На раскопе обнаружено семь бронзовых наконечников, пять из которых представляет один конструктивный тип – вытянутые орнаментированные с заостренной или округлой передней частью (рис. 8, *1–5*). Противоположный конец оформлен в виде ласточкиного хвоста (рис. 8, *3, 5*), либо прямой ровный (рис. 8, *2*). Все предметы выполнены с соблюдением горизонтальной симметрии, имеют гладкую тыльную поверхность и крепились к ремню с помощью штифтов.

Рис. 8, *1*. Фрагмент бронзового наконечника с двускатной внешней поверхностью и треугольным передним краем Дес-1/11-66 (2,60×1,25×0,25 см, вес 3,75 г). Лицевая сторона украшена растительным орнаментом с чернью, нанесенной в неглубокие выемки. Боковые грани также параллельны. Диаметр сохранившего штифта составляет 0,25 см, высота – 0,6 см. Слой конца XI в.

Рис. 8, *2*. Бронзовый наконечник Дес-1/15-117 (2,55×1,20×0,20 см) удлиненной пятигранной формы. Боковые грани расширяются к треугольному переднему завершению. Украшен литым геометрическим орнаментом, линии которого повторяют общую форму наконечника. Наконечник снабжен двумя штифтами (макс. Ø 0,11 см). Заостренный штифт у переднего края сохранился полностью, длина его составляет 0,3 см. Эта величина может рассматриваться как косвенное указание на толщину ремня, к которому крепился этот наконечник. Слой второй половины XI в.

Рис. 8, *3*. Бронзовый наконечник Дес-1/3-356 (2,50×0,85×0,20 см) с параллельными боковыми гранями, заостренной передней частью и раздвоенным концом. Наконечник имеет два штифта (Ø 0,25 см), обломившихся до выпадения в культурный слой. Орнамент литой, растительный. Слой конца XI – начала XII в.

Рис. 8, *4*. Фрагмент бронзового наконечника Дес-1/15-106 (2,2×1,5×0,2 см) с округлой передней частью и одним сохранившимся штифтом, диаметром 0,3 см. Лицевая сторона украшена широким косым крестом, отделенным вертикальной полосой насечек, напоминающей буквенные знаки (?). Слой начала XII в.

Рис. 8, *5*. Бронзовый плоский наконечник Дес-1/12-223 (3,05×1,40×0,25 см) с треугольной передней частью; противоположный конец раздвоен, углы слегка выходят за линию боковых граней. Орнамент растительный, литой. Для крепления к ремню наконечник снабжен небольшим сквозным отверстием ромбической формы (Ø 0,2 см). Слой середины XII в.

Рис. 8, *6*. Бронзовый наконечник Дес-1/3-155 (3,4×1,0×0,4 см) представляет иной конструктивный тип. Это согнутая пополам плоская пластина, скрепленная маленькой конической заклепкой. Ближе к изгибу пластины прилегают друг к другу почти вплот-

ную, у краев образуется зазор (для ремня) с максимальной высотой 0,25 см. Слой второй половины XII в.

Подобные наконечники использовались для основных и боковых ремней или в качестве привесок к бляшкам с боковыми петлями (*Захаров*, 2004. С. 186).

Рис. 8, *7*. Бронзовый рельефный наконечник ремня с крючком Дес-1/11-221 (4,0×1,60×0,35 см, ширина проема для ремня 0,5 см) с двумя отверстиями (Ø 0,15–0,20 см). Слой второй половины XII в.

I.4. Разделитель ремня (рис. 8, *8*)

Единственный трехчастный литой бронзовый ременной разделитель Дес-1/3-400 обнаружен в слое середины XII в. Он представляет собой функциональный элемент поясного набора, распределяющий ремни (шириной до 1,4 см) в трех направлениях. Внешний диаметр трехчастного кольца равен 2,8 см, толщина 0,21–0,31 см. Реконструируемый размер всего разделителя составляет 5,0×5,5 см.

В конкретном экземпляре ремни крепились с помощью пластинчатых орнаментированных щитков, толщиной 0,15–0,20 см. С лицевой стороны щиток имеет вид трапеции с максимальной длиной большего основания 1,4 см и высотой 1,85 см; с оборотной он превращается в узкую прямоугольную пластину шириной 0,4–0,5 см. Стороны щитка с зажатым между ними ремнем, фиксировались штифтом диаметром 0,4 см.

I.5. Поясные кольца (рис. 9)

На раскопе обнаружено 19 поясных замкнутых колец, среди которых пять железных и 14 бронзовых.

Железные кольца неорнаментированные, происходят их слоев конца XI, второй половины XII в. (рис. 9, *1, 2*), XIV – начала XV в. (рис. 9, *3–5*). Внешний диаметр составляет 2,3–2,8 см. Четыре предмета имеют круглое поперечное сечение, один – прямоугольное (рис. 9, *4*). Железные кольца отнесены к предметам поясного набора, но, безусловно, их использование и применение могло быть более широким.

Бронзовые кольца обнаружены в слоях XII в. (рис. 9, *6–16*) и XIV – начала XV в. (рис. 9, *17–19*). Кольцо Дес-1/16-42 (вторая половина XII в.) свернуто из бронзовой пластины (рис. 9, *13*). Кольцо Дес-1/2-57 (первая половина XIV в.) украшено с лицевой стороны растительным орнаментом (рис. 13, *17*). Остальные 12 – литые неорнаментированные.

Внешний диаметр бронзовых колец изменяется в широких пределах: от 1,50 до 4,55 см, но преобладают экземпляры, диаметр которых укладывается в интервал 2,3–2,9 см.

Форма поперечного сечения колец различна. Преобладают экземпляры с круглым сечением (Ø 0,2–0,5 см). Таких колец 14. Прямоугольное сечение (0,15–0,20×0,20–0,40 см) отмечено у одного предмета, найденного в слое XII в. (рис. 9, *14*). Полукруглое сечение (0,20×0,35 см) имеет только одно кольцо середины XII в. (рис. 9, *10*).

Динамика выпадения в слой накладок, пряжек, ременных колец и наконечников имеет общие закономерности (рис. 10) и отражает бытование ременной гарнитуры на конкретной территории. Традиция ношения поясов с накладками прослежена здесь археологически со второй половины XI в. Массовое бытование и многообразие этих предметов приходится на XII – начало XIII в. В слоях XIV в. число находок резко сокращается.

II. Металлические детали поясных кожаных сумок XII–XV вв.

К этой категории отнесены 17 накладок (табл. 1). Все они к моменту выпадения в слой утратили связь с предметами, на которые крепились. Самые ранние находки происходят из слоев XII – начала XIII в.: восемь накладок, среди которых шесть бронзовых, железная и из белого металла. В слоях XIV в. обнаружено также восемь накладок: семь бронзовых и железная. И еще одна бронзовая накладка найдена в слое XV в. (рис. 10).

Накладки на кожаные сумки, XII – начала XIII в. (рис. 3, *26–33*)

Рис. 3, *26*. Кольцевидная рельефная накладка Дес-1/8-288 с вертикальным бортиком, формирующим с тыльной стороны

углубление. На бортике крестообразно расположены четыре выступа, в которые с тыльной стороны вставлены тонкие стержни из медной проволоки диаметром 1,0–1,2 мм. Орнамент накладки представляет собой симметричную комбинацию четырех криновидных мотивов, разделенных фигурными линиями.

Внешний диаметр накладки составляет 3,5 см, внутренний – 1,3 см, высота вертикального бортика 0,5–0,6 см. Изготовлена из белого металла, орнаментальные углубления заполнены чернью. Происходит из слоя второй половины XII в.

Рис. 3, *27*. Крестовидная бронзовая неорнаментированная накладка Дес-1/11-162 (3,35×1,70×0,20 см) с тремя штифтами диаметром 0,3 см (один – утрачен) и цельнолитым цилиндрическим ушком (Ø 0,2 см) с каплевидным завершением. На момент выпадения в слой у предмета было обломано одно горизонтальное завершение ветви. Находка происходит из слоя середины XII в. Аналогичная накладка на этом же раскопе обнаружена в слое конца XIV в. (Дес-1/4-48; рис. 5, *21*).

Рис. 3, *28*. Ромбическая ажурная бронзовая накладка Дес-1/6-102 (2,70×2,25×0,25 см) с двумя раскованными штифтами (Ø 0,20 до 0,35 см) и цельнолитым цилиндрическим ушком, внешний диаметр которого составляет 0,62 см, внутренний – 0,25 см. Щиток плоский, в середине граней расположены небольшие выступы; в центре накладки – большое крестовидное отверстие в виде четырехлистника (1,7×1,3 см). Обнаружена в слое второй половины XII в.

Рис. 3, *29*. Железная накладка Дес-1/11-177 в виде двойной десятилепестковой розетки (Ø 2,4–2,5 см) с двумя несимметричными отверстиями на щитке (Ø 0,25–0,30 см), одним коротким штифтом (длина 0,25 см, Ø 0,2 см, в раскованном состоянии – 0,28 см) и пластинчатым загнутым ушком, в которое вставлено кольцо. Внутренние размеры овального ушка не превышают 0,4×0,5 см; внешний диаметр кольца составляет 1,4 см, внутренний – 1 см. Найдена в слое первой половины XII в.

Рис. 3, *30*. Т-образная бронзовая накладка Дес-1/2-402 (3,5×2,4×0,2 см) с небольшими треугольными выступами, с четырьмя загнутыми штифтами (диаметр 0,1–0,2 см, длина целого штифта 0,9 см). Украшена ложно плетеным орнаментом. Найдена в огородном слое начала XIII в.

Рис. 3, *31*. Ромбическая рельефная бронзовая накладка Дес-1/2-495 (1,40×1,10×0,15 см) с криновидными завершениями, двумя круглыми отверстиями (Ø 0,3 см) и двумя штифтами (Ø 0,15–0,20 см). Найдена в слое второй половины XII в.

Рис. 3, *32*. Ромбическая рельефная бронзовая накладка Дес-1/2-72 (5,6×2,3×0,6 см) с криновидными завершениями, с тремя частично обломанными штифтами (Ø 0,15–0,20 см). Происходит из слоя второй половины XII в.

Рис. 3, *33*. Пластинчатая бронзовая накладка Дес-1/15-68 с двумя загибающимися штифтами (Ø 0,15 см, обломаны) и двумя кольцами (0,8×1,2 см, частично обломаны) на противоположных концах. Под одним из колец на раме накладки расположено одно отверстие (Ø 0,45 см). Обнаружена в слое середины XII в.

Накладки на сумки, XIV–XV вв. (рис. 5, *19–27*)

Рис. 5, *19, 20*. Ладьевидные бронзовые накладки Дес-1/3-280 и Дес-1/3-70 (3,15×1,35–1,45×0,30 см) с двумя штифтами (Ø 0,2 см). Верхняя часть оформлена зубчатым трехчастным остроугольным завершением, нижняя – подчеркнута пояском из прямых параллельных штрихов. Обе накладки обнаружены в слоях второй половины XIV в.

Рис. 5, *21*. Крестовидная бронзовая неорнаментированная накладка Дес-1/4-48 (3,35×2,00×0,20 см) с тремя штифтами диаметром 0,3 см и цельнолитым цилиндрическим ушком (Ø 0,2 см) с каплевидным завершением. Обнаружена в слое конца XIV в. и аналогична накладке Дес-1/11-162 (рис. 7, *27*), происходящей из слоя середины XII в.

Рис. 5, *22*. Пиковидная бронзовая накладка Дес-1/8-12 (2,35×1,90×0,20 см) с двумя штифтами (высотой 0,3 см и Ø 0,2 см), двумя отверстиями (Ø 0,2 см), расположенными симметрично относительно верти-

кальной оси, и ушком для привешивания (обломана верхняя часть, диаметр внутреннего отверстия ушка 0,2 см). Обнаружена в слое второй половины XIV в.

Рис. 5, *23*. Фрагмент пластинчатой бронзовой накладки Дес-1/10-9 (2,65×2,30×0,25 см) с двумя штифтами (один утрачен, диаметр сохранившегося штифта 0,2 см, высота 0,6 см) и двумя круглыми отверстиями (Ø 0,4 см). В центре щитка рельефом выделен ромб, сохранивший следы орнаментации. Найдена в слое XIV в.

Рис. 5, *24*. Квадрифолийная плоская накладка Дес-1/7-8 (3,4×3,1×0,3 см) с круглыми отверстиями (Ø 0,3 см) на криновидных выступах, расположенных в центре каждой стороны (три выступа-завершения сохранились фрагментарно). Обнаружена в слое второй половины XIV в.

Рис. 5, *25*. Ромбовидная плоская накладка Дес-1/2-353 (3,75×2,65×0,10 см) с полукруглым выступом на вершине. В центре накладки – прямоугольное отверстие размером 0,4×1,0 см, на выступающей части – два круглых отверстия диаметром 0,22 см (сохранилось одно). Происходит из слоя второй половины XIV в.

Рис. 5, *26*. Железная овальная слабо выпуклая накладка Дес-1/3-145 (2,35×2,00×0,10 см) с двумя отверстиями по краям диаметром 0,4 см. Найдена в слое второй половины XIV в.

Рис. 5, *27*. Треугольная плоская бронзовая накладка с заклепкой Дес-1/4-69 (2,20×1,30×0,25 см). Найдена в перекопе XV в.

Заключение

Присутствие комплекса деталей ременной, сумочной и уздечной гарнитуры в материалах Десятинного-1 раскопа в Великом Новгороде синхронно появлению и выпадению в культурный слой целого комплекса находок, свидетельствующих о высоком ранге проживающих здесь людей. На изученных усадьбах найдены 30 вислых печатей (XII–XV вв.) и их заготовок (XIV–XV вв.), три византийские пломбы XII в., 214 древнерусских пломб и заготовок XII в., пять западноевропейских товарных пломб XIV–XV в., 97 нательных крестов (X–XV вв.), три энколпиона (XII – начала XIII в.), амулет-змеевик с изображением Бориса и Глеба (начало XIV в.) и др. (*Олейников*, 2016а; 2016б; 2019а; 2019б). Единство археологического контекста всего вещевого комплекса позволяет говорить, что коллекция деталей ременной, сумочной и уздечной гарнитуры также связана с проживанием в этой части Людина конца представителей новгородской элиты, имеющей отношение к властным структурам, духовенству и торговле. Эти вещи были не просто украшениями, отражающими культуру, менталитет, моду; в первую очередь, это статусные символы – внешние знаки, подчеркивающие социальную представительность их владельцев.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

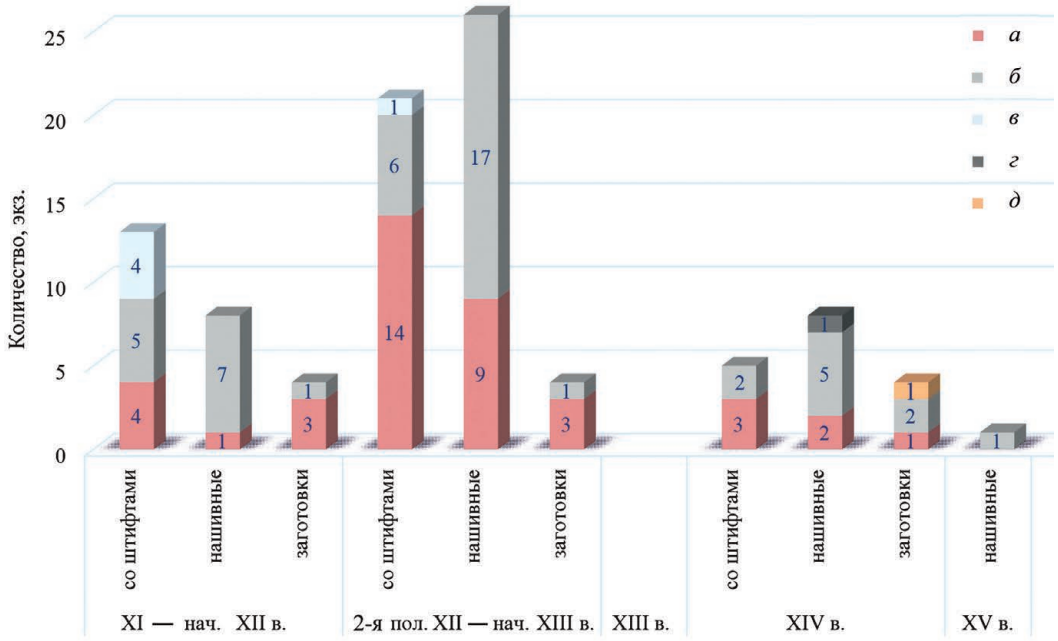


Рис. 1. Динамика распределения накладок в культурном слое Десятинного-1 раскопа

а – бронза; *б* – белый металл; *в* – серебро; *г* – железо; *д* – кость

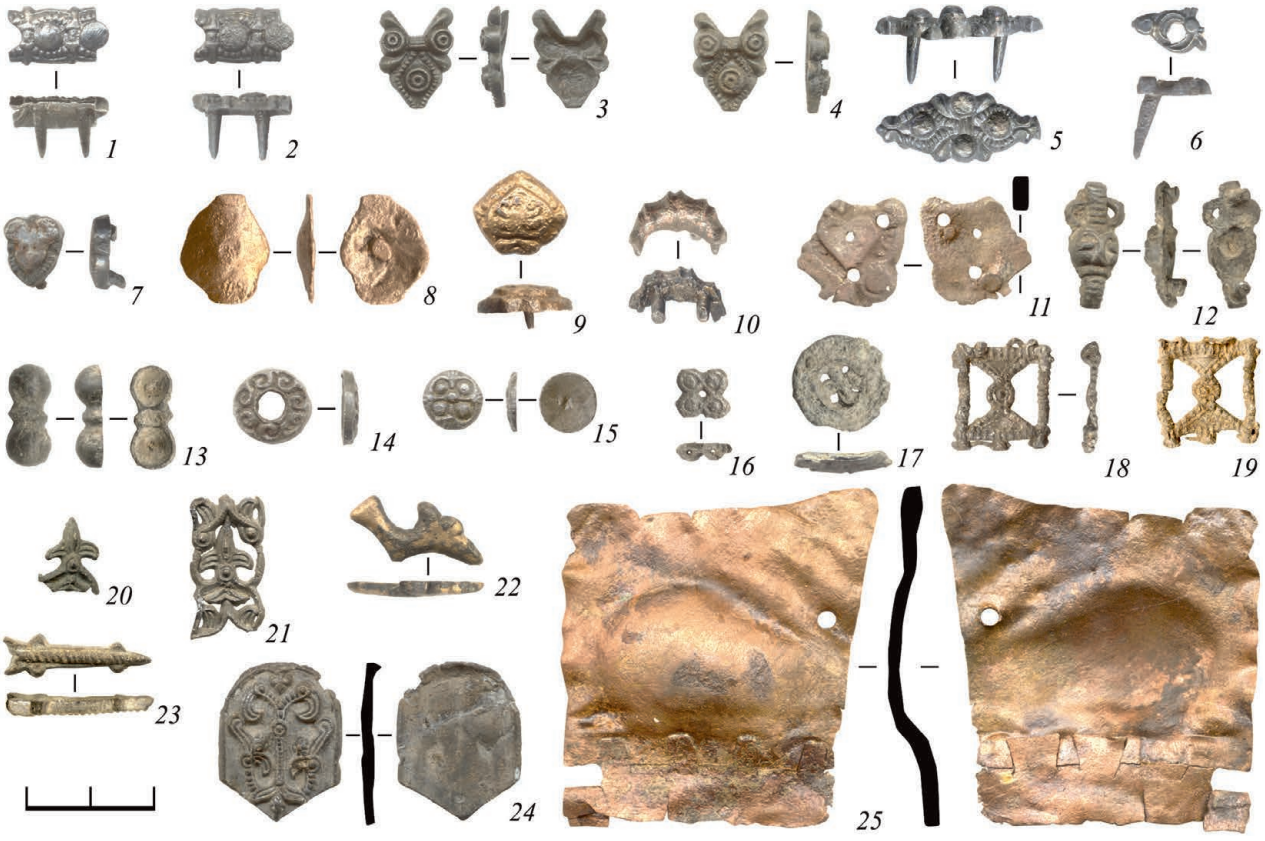


Рис. 2. Накладки и заготовки (матрицы) XI – начала XII в.

1, 2, 5–15 – накладки штифтовые; *3, 4* – заготовки (матрицы); *16–25* – накладки нашивные и заготовки (матрицы). *1, 2, 5, 7, 12, 15, 24, 25* – 1-я пол. XI в.; *3, 6* – нач. XI в.; *4, 11, 19* – кон. XI – нач. XII в.; *8, 9, 20, 21* – 2-я пол. XI в.; *10, 13, 14, 16, 18, 22, 23* – кон. XI в.; *17* – сер. XI в. *1, 2, 5, 6* – серебряный сплав; *3, 4, 8–11, 22, 25* – бронза; *7, 12–21, 23, 24* – белый металл; *25* – медь

Рис. 3. Накладки со штифтами и заготовки (матрицы) XII – нач. XIII в.

1–21 – ременные накладки; *22–25* – заготовки (матрицы); *26–33* – накладки на сумки. *1, 3, 8, 12, 14, 15, 17, 21, 23, 25, 28, 31, 32* –2-я пол. XII в.; *2, 4, 7, 20, 22, 24, 29* – 1-я пол. XII в; *5, 6, 9, 11, 13, 16, 19, 27, 33* – сер. XII в.; *10, 18, 30* – нач. XIII в. *1–7, 9, 12–15, 19, 20, 23–25, 27, 28, 30–33* – бронза; *8, 10, 11, 16, 18, 21, 22, 26* – белый металл; *17* – серебряный сплав; *29, 31* – железо

Рис. 4. Накладки нашивные XII – начала XIII в.
1, 3, 4, 9, 10, 17, 19, 21, 23, 26 – 1-я пол. XII в.; *2, 7, 8, 13, 15, 18, 20* – сер. XII в.; *5, 6, 12, 14, 22, 25* – 2-я пол. XII в.; *11, 16, 24* – нач. XIII в. *1–4, 6–12, 14–18, 22* – белый металл; *5, 13, 19–21, 23, 24, 26* – бронза; *25* – медь

Рис. 5. Накладки и заготовки (матрицы) XIV–XV вв.
1–5 – накладки ременные штифтовые; *6–14* – накладки ременные нашивные; *1 5–18* – заготовки (матрицы); *19–27* – накладки на сумки. *1, 9, 10, 13, 18, 23* – XIV в.; *2, 3, 5, 11* – нач. XIV в.; *4, 6–8, 15–17, 19, 22, 24*–26 – 2-я пол. XIV в.; *12, 20, 21* – кон. XIV в.; *14, 27* – XV в. *1, 3, 7, 9, 11–16* – белый металл; *2, 4–6, 8, 10, 17, 19–25, 27* – бронза; *8, 26* – железо; *18* – кость

Рис. 6. Одночастные пряжки

1, 4 – кон. XI – нач. XII в.; *2* – нач. XII в.; *3, 6, 11, 17, 18, 26* – XIV в.; *5, 10, 16, 20*–22 – сер. XII в.; *7* – кон. XIV в.; *8, 13, 14* – 2-я пол. XIV в.; *9* – нач. XIII в.; *12* – нач. XV в.; *15, 23* – 2-я пол. XI в.; *19* – 1-я пол. XIV в.; *24* – 2-я пол. XII в.; *25* – сер. XV в. *1–4, 6–8, 12, 13–16, 20–22, 25* – бронза; *5, 9–12, 17–19, 24, 26,* – железо; *23* – белый металл

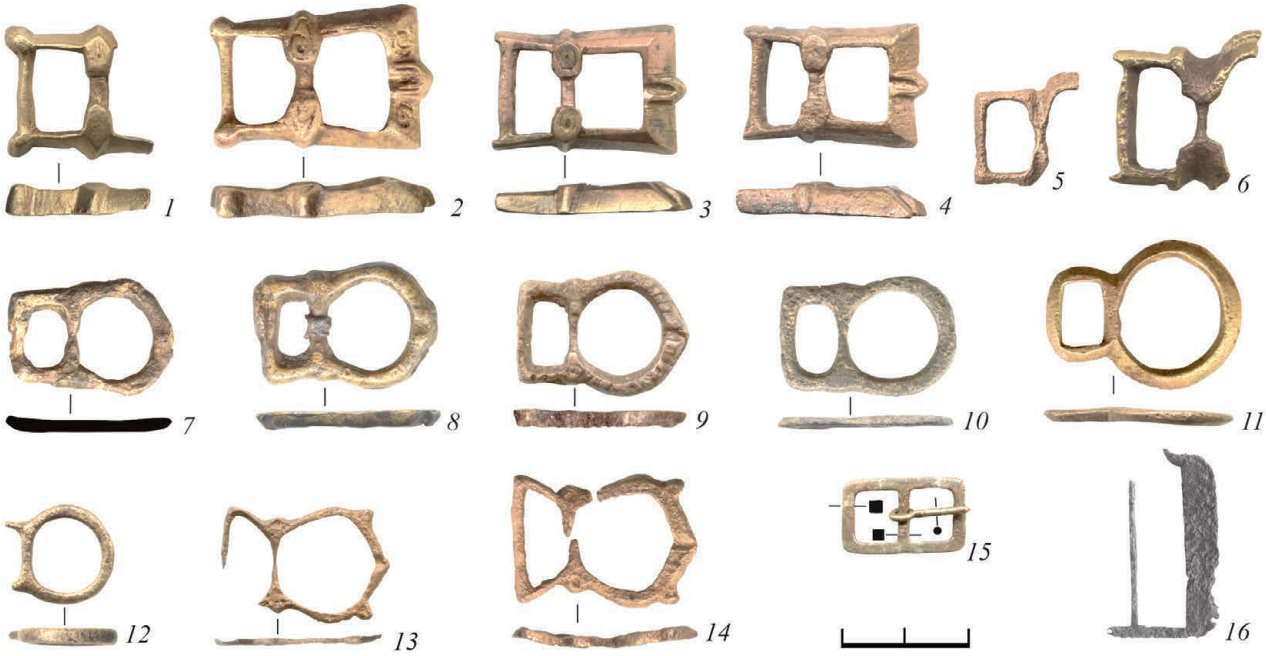


Рис. 7. Двучастные пряжки бронзовые (*1–15*) и железная *(16)*
1 – нач. XI в.; *2, 3* – сер. XI в.; *4, 14, 16* – сер. XII в.; *5* – кон. XI в.; *6, 8,13* – 1-я пол. XII в.; *7* – сер. XII в.; *9, 10* – 2-я пол. XII в.; *11* – XV в.; *12* – заполнение ямы с керамикой XVI в.; *15* – нач. XII в.

Рис. 8. Бронзовые ременные наконечники (*1–7*) и ременной разделитель (*8*)
1 – кон. XI в.; *2* – 2-я пол. XI в.; *3* – кон. XI – нач. XII в.; *4* – нач. XII в.; *5* – сер. XII в.; *6, 7* – 2-я пол. XII в.; *8* – сер. XII в.

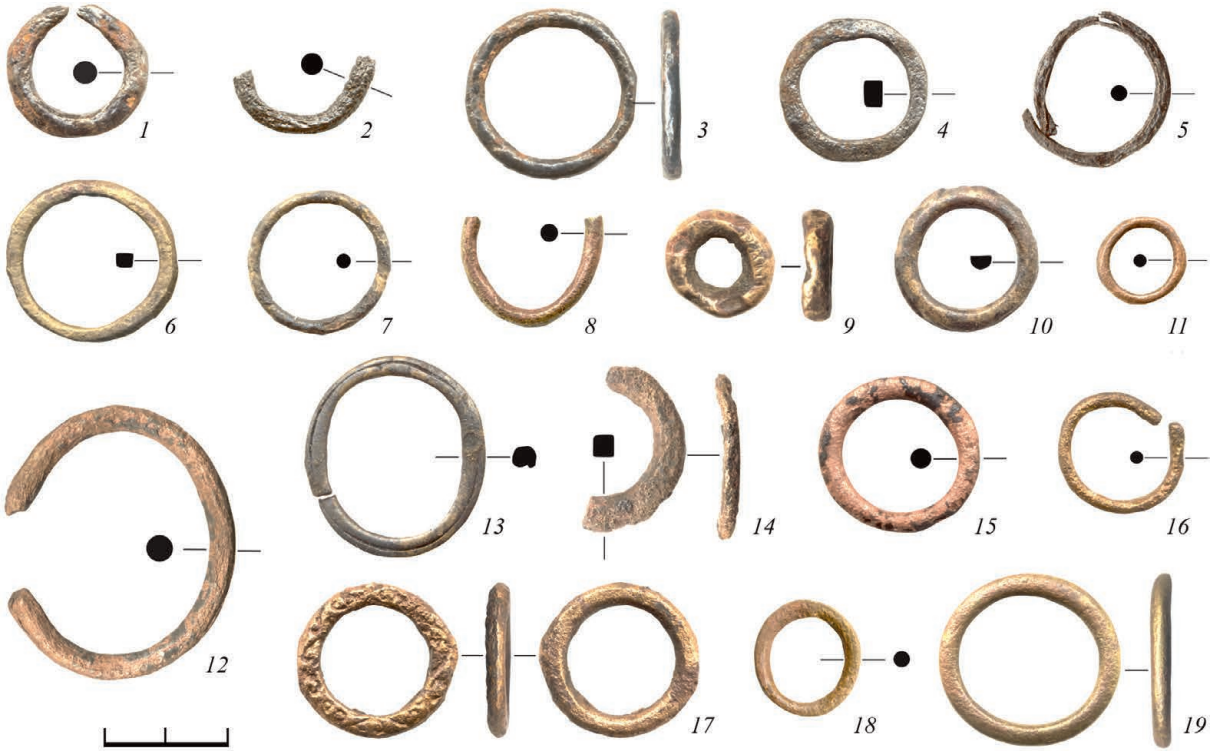


Рис. 9. Поясные кольца железные (*1–5*) и бронзовые *(6–19)*
1 – кон. XI в.; *2, 12–16* – 2-я пол. XII в.; *3* – нач. XIV в.; *4, 17, 18* – XIV в.;
5, 19 – нач. XV в.; *6–11* – 1-я пол. XII в.

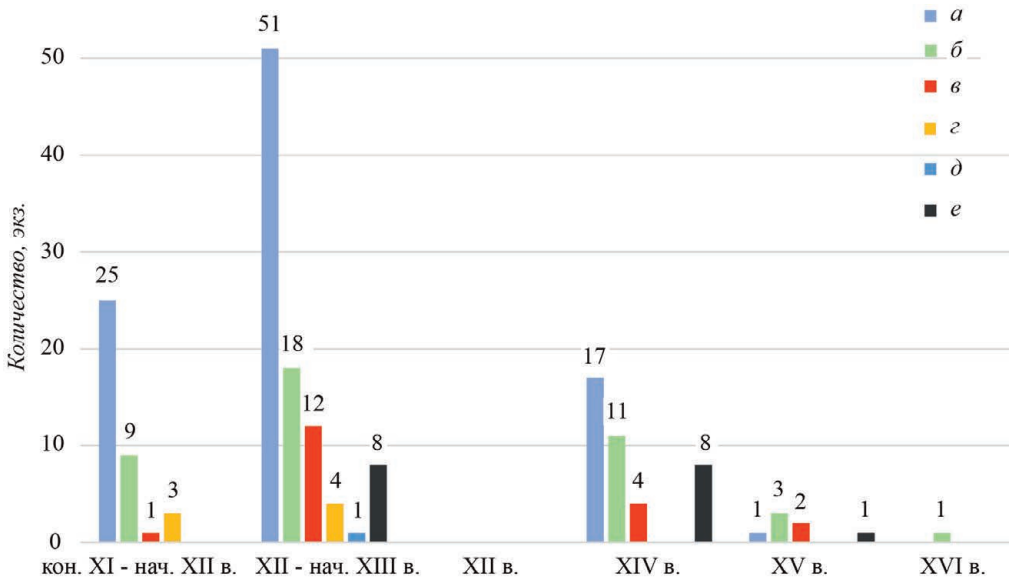


Рис. 10. Динамика распределения артефактов по категориям в культурном слое Десятинного-1 раскопа
а – накладки; *б* – пряжки; *в* – кольца; *г* – наконечники;
д – разделитель; *е* – накладки на сумки

Литература

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2018. О работах Института археологии РАН в Великом Новгороде в последнее десятилетие // Всемирное наследие ЮНЕСКО: Пути и перспективы развития ценностного потенциала памятников северо-запада России / сост. Т. М. Воронина, Т. Н. Ярыш. Великий Новгород – СПб.: Любавич, 2018. С. 27–42.

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2 / Отв. ред. тома С. Д. Захаров. М.: Наука. С. 57–142.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Зеленцова О. В., Митоян Р. А., Сапрыкина И. А., 2012. Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средней Мордвы // РА. № 2. М.: Наука. С. 42–51.

Казаков Е. П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное изд. 176 с

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. (САИ. Вып. Е-36). 137 с.

Мальм В. А., 1963. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Гос. ист. музей. Яросл. музей-заповедник; под ред. А. П. Смирнова. М.: [Сов. Россия]. С. 64–70.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

НПЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

Олейников О. М., 2009. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Тип. «Виконт». С. 36–46.

Олейников О. М., 2013. Темница первой половины XI в. в средневековом Новгороде // КСИА. Вып. 228. С. 76–82.

Олейников О. М., 2016а. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде // РА № 4. С. 75–89.

Олейников О. М., 2016б. Отражение раннего этапа иконографии святых князей Бориса и Глеба на амулетах-змеевиках // АВСЗ. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 17–32.

Олейников О. М., 2019а. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. С. 323–351.

Олейников О. М., 2019б. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде // РА. № 1. С. 161–176.

Олейников О. М., 2019в. Круговая керамика X – начала XIII вв. Десятинного-1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) // ТТЗ. Вып. 12 / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь: Парето-Принт. С. 6–37.

Подосенова Ю. А., 2021. Технология изготовления элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (конец X – начало XIII века) // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э. М.: ИА РАН / ред.-сост. О. В. Зеленцова. С. 213–226.

Спицын А. А., 1905. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб.: Тип. Глав. упр. уд. 172 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 273 с.

O. M. Oleinikov

Details of a Belt, Bag and Horse (Headband) Set in the Materials of the Desyatinny-1 Site in Veliky Novgorod

Abstract. The results of the study of the collection of parts of the belt, bag and horse (headband) parts discovered on the Desyatinny-1 excavation in Veliky Novgorod are presented. The dynamics of the fallout of objects in the layer is established. The conclusion is made to usage of the belt parts on a specific territory. The tradition of wearing belts with overlays is traced from the second half of the 11th century. The massive existence and diversity of these items falls on the 12th – the beginning of the 13th century. In the layers of the 14th century the number of finds is sharply reduced by reaching the level of the second half of the 11th – early 12th century. The unity of the archaeological context of the entire discharge complex suggests that the collection of belt and bag parts and horse headset part is connected with accommodation of the representatives of the Novgorod elite, related to the power structures, clergy and trade, in this part of the Lyudin End of Veliky Novgorod.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.191-199

Вл. В. Седов
Институт археологии РАН, Москва

Надпись о строительстве церкви в усадьбе Николо-Урюпино

Церковь Николая Чудотворца в подмосковном селе Никольское-Урюпино известна специалистам и любителям древнерусской архитектуры. Храм этот (рис. 1), расположенный в живописной местности в нынешнем Красногорском районе Московской области, хорошо датирован 1664–1665 гг. благодаря надписи на каменной доске, расположенной внутри западного притвора на западной стене церкви, обращенной в притвор. Многие исследователи упоминали эту надпись или просто извлекали из нее дату строительства и имя заказчика храма, однако сама надпись не была полностью прочитана и опубликована. Кажется необходимым рассмотреть этот редкий памятник эпиграфики и искусства середины XVII в. и напечатать его текст и его изображения.

В книге архимандрита Леонида (Кавелина) говорится о надписи в храмовом притворе церкви Николо-Урюпина, назван заказчик храма и дата его освящения, но церковь, построенная в 1664–1665 гг. церковь почему-то названа Казанской (*Леонид*, 1878. С. 45). Интересные сведения о храме сообщают Холмогоровы, но о надписи в притворе они говорят только со ссылкой на архимандрита Леонида (*Холмогоровы*, 1886. С. 130–133; о надписи: С. 131, Прим. 5). Упоминает надпись и С. А. Торопов, извлекший из нее дату и имя заказчика храма, архитектуру которого он довольно подробно описал (*Торопов*, 1925. С. 43). О храме, без упоминания надписи, писал М. А. Ильин (1966. С. 210–212). Об архитектуре церкви сообщают также два выпуска «Памятников архитектуры Московской области» (1975. С. 289–292; 1999. С. 145–146).

Надпись сделана на белокаменной плите прямоугольной формы, поставленной вертикально (рис. 2). Плита находится в западной паперти и вделана в западную стену самого храма слева от западного портала. Для закладки плиты устроена неглубокая ниша, а в своде над ней сделана распалубка треугольной формы, в поле которой помещена белокаменная розетка.

Сама плита имеет прямоугольную раму по периметру, обработанную в виде цветов с тянущимися от цветка к цветку побегами и листьями. В эту прямоугольную раму вставлена внутренняя рама с округлыми очертаниями, причем если внизу в образовавшиеся углы вставлены цветочные композиции, то вверху углы заполнены изображениями херувимов с нимбами и крыльями (рис. 3). Внутренняя рама состоит из гирлянды, напоминающей стилизованный толстый стебель с чешуйками-листьями. Внизу в середине эта гирлянда сходится к розетке с волютами, по бокам в середине находятся бусины, похожие на ребристые плоды, а наверху в дополненной двумя завитками овальной рамке изображены орудия страстей. Стиль этого обрамления близок к маньеризму в его северной версии, а также к раннему барокко. Здесь ощутима европейская манера и иконография, но она подана в несколько адаптированной форме.

Надпись сделана в иной технике: буквы не скруглены по бокам, они выступают как фигурные «плато» из пониженного фона, то есть надпись выполнена в технике так называемой обронной резьбы, когда вокруг желаемых фигур или букв фон выбирается до определенного уровня. Фон надписи и ее внешней рамки зеленый, вероятно, это

Рис. 1. Церковь Николая Чудотворца в Никольском-Урюпине. Общий вид с севера

первоначальная покраска. Сама надпись состоит из прихотливых по форме букв – можно говорить о вязи, причем очень сложной и изобретательной (рис. 4).

Надпись, распределенная по строкам и с раскрытым чтением цифр, а также с раскрытыми титлами и поставленными по правилам заглавными буквами читается следующим образом:

1) лѣта ЗРОВ (7172=1664) го мая въ А (1) д(е)нь, начата здатиси

2) ц(е)рков(ь) во имя великаго чюдотворца Николы с предѣлы в славу и похвалу Тр(ои)цы, славимо

3) му б(о)гу отцу и с(ы)ну и с(вя)тому д(у)ху, при бл(а)гочестивой державѣ великого г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого

4) кн(я)зя Алексѣя Миха(й)ловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, и при его

5) бл(а)гочестивой ц(а)р(и)це и великой кн(я)г(и)не Марии Ильи(н)ичне, и при ихъ г(осу)д(а)рьскихъ дѣтех, бл(а)го

6) вѣрномъ ц(а)р(е)в(и)че и великомъ кн(я)зѣ Алексѣе Алексѣевиче, и бл(а)говѣрномъ ц(а)ревиче и великомъ князѣ Феодорѣ

7) Алексѣевиче, и бл(а)говѣрномъ ц(а)р(е)виче и великомъ князѣ Симеонѣ Алексѣевиче, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне

8) и великой кн(я)жнѣ Ирине Миха(й)ловнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ Аннѣ Михайловнѣ, и при

9) бл(а)говѣрно(й) ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Та(тиа)не Миха(й)ловнѣ, и при бл(а)говерной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ

10) Евдокѣе Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Марфе Алексѣевнѣ,

11) и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ Софии Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и

12) великой кн(я)жнѣ Екатерине Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ

13) Марии Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Феодосии Алексѣевнѣ

14) по обѣщанию боярина кн(я)зя Ианикиты Ивановича Одоевскаго, в подмосковной ево

Рис. 2. Церковь Николая Чудотворца в Никольском-Урюпине. Надпись о постройке храма на западной стене. Общий вид

Рис. 3. Церковь Николая Чудотворца в Никольском-Урюпине. Фрагмент верхней части надписи

15) отчине в селѣ Оурюпине, Никольское тоже. А совершена во РОГ ([7]173=1665) году, августа въ К (20)

16) д(е)нь, а ос(вя)щена сия ц(е)рковь по бл(а)гословению великого го(спо)д(и)на с(вя)тѣйшаго Иоасафа патриар

17) ха Московскаго и всея Росии, преосв(я)щеннымъ Филаретомъ архиеп(иско)пом

18) Смоленскимъ и Дорогобужским, РОЕ 175 ([7]175=1667) г(ода) маиа въ З (7) де(нь).

Если убрать деление по строчкам, заменив его обычным обозначением строки, а также убрать буквенные обозначения цифр и расставить знаки препинания, заменив типичные для этой надписи запятые и точки на соответствующие смыслу знаки, а также дать необходимые конъектуры в сокращенных датах, то надпись будет выглядеть так:

«Лѣта 7172 (1664) го мая въ 1 д(е)нь, начата здатиси || ц(е)рков(ь) во имя великаго чюдотворца Николы с предѣлы в славу и похвалу Тр(ои)цы, славимо || му б(о)гу отцу и с(ы)ну и с(вя)тому д(у)ху, при бл(а)гочестивой державѣ великого г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого || кн(я)зя Алексѣя Миха(й)ловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, и при его || бл(а)гочестивой ц(а)р(и)це и великой кн(я)г(и)не Марии Ильи(н)ичне, и при ихъ г(осу)д(а)рьскихъ дѣтех, бл(а)го || вѣрномъ ц(а)р(е)в(и)че и великомъ кн(я)зѣ Алексѣе Алексѣевиче, и бл(а)говѣрномъ ц(а)ревиче и великомъ князѣ Феодорѣ || Алексѣевиче, и бл(а)говѣрномъ ц(а)р(е)виче и великомъ князѣ Симеонѣ Алексѣевиче, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне || и великой кн(я)жнѣ Ирине Миха(й)ловнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ Аннѣ Михайловнѣ, и при || бл(а)говѣрно(й) ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Та(тиа)не Миха(й)ловнѣ, и при бл(а)говерной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ || Евдокѣе Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Марфе Алексѣевнѣ, || и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ Софии Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и || великой кн(я)жнѣ Екатерине Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и велико(й) кн(я)жнѣ || Марии Алексѣевнѣ, и при бл(а)говѣрной ц(а)р(е)вне и великой кн(я)жнѣ Феодосии Алексѣевнѣ, || по обѣщанию боярина кн(я)зя Ианикиты Ивановича Одоевскаго, в подмосковной ево || отчине в селѣ Оурюпине, Никольское тоже. А совершена во [7]173 (1665) году, августа въ 20 || д(е)нь. А ос(вя)щена сия ц(е)рковь по

Рис. 4. Церковь Николая Чудотворца в Никольском-Урюпине. Фрагмент нижней части надписи

бл(а)гословению великого го(спо)д(и)на с(вя)тѣйшаго Иоасафа патриар || ха Московскаго и всея Росии, преосв(я)щеннымъ Филаретомъ архиеп(иско)пом || Смоленскимъ и Дорогобужским, [7]175 (1667) г(ода) маиа въ 7 де(нь)».

Заметим сразу, что это одна из самых обширных надписей на каменных досках в древнерусских памятниках XVII в. Длина строк этой надписи колеблется в связи с тем, что она вписана в округлую рамку, так что нижние и верхние строки поневоле сокращаются.

Из надписи прямо следует, что церковь начата строительством 1 мая 1664 г., а закончена 20 августа 1665 г. Освящение нового храма произошло 7 мая 1667 г., то есть полтора года спустя после окончания работ (за это время был, очевидно, сделан иконостас). В надписи упомянуто множество исторических лиц. Прежде всего, это заказчик, князь и боярин Никита (Ианикита) Иванович Одоевский; строительство произошло «по обещанию» этого вельможи.

Никита Иванович Одоевский принадлежал к XXII колену от Рюрика и происходил от Черниговских князей. Его отец, князь Иван Никитич Одоевский (Большой), боярин и воевода, начал карьеру еще при царе Федоре Ивановиче, был стольником; во время Смуты Иван Никитич, находясь в Новгороде, присягнул шведскому королевичу Карлу Филиппу, а затем, когда страна тому не присягнула, взят был шведами в плен, где и умер в 1616 г. (*Арсеньев*, 1902. С. 4; *Власьев*, 1906. С. 74–75).

Его сын, князь Никита Иванович, родившийся примерно в 1601 г., с юности тоже был рядом с Романовыми: в 1618–1619 гг. при осаде Москвы в качестве стольника находился «при государе» Михаиле Федоровиче. В 1622 г. он женился на Евдокии Федоровне Шереметевой, дочке Ф.И. Шереметева, находившегося в свойстве с царским домом. В 1624 г. Н.И. Одоевский присутствовал при свадьбе Михаила Федоровича; в 1640 г. он из стольников пожалован в бояре; в 1640–1642 г. был воеводой в Астрахани; в 1643–1644 гг. управлял приказами Сибирского и Казанского дворца; в 1645 г. вел переговоры с послами Дании и Литвы. При царе Алексее Михайло-

виче значение князя Никиты Одоевского возросло: уже в 1645 г. он пожалован в «ближние бояре», а в 1648 г. на свадьбе царя с М.И. Милославской был «дружкой». Его жена, названная Авдотьей Федоровной, была «большою свахою» со стороны государя. В том же году Одоевский был председателем комиссии по составлению Соборного Уложения, далее воеводой в Казани (1651–1653). Во время войны с Польшей в 1654–1656 гг. он был воеводой передового полка в Вязьме, участвовал во взятии Орши, Дубровны и Вильны, участвовал в съезде послов в Вильне, затем назначен ближним боярином (1655). В 1662 г. Никита Одоевский поехал послом для переговоров с поляками в Смоленск. В 1668 г., то есть около того времени, когда строилась церковь в Никольском-Урюпине, он управлял приказами Большой казны, Рейтарским и Иноземным. В 1671 г. на свадьбе царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной Никита Одоевский «сидел в отцево место», то есть выполнял роль посаженного отца, а его жена княгиня Евдокия Федоровна была «в материно место». Значение Н.И. Одоевского сохранялось и после смерти царя Алексея Михайловича: в 1680 г. ему было приказано именоваться Наместником Владимирским, в 1682 г. при отмене местничества он подписался как старейший из присутствовавших бояр, а в 1684 г. управлял Аптекарским приказом. Умер боярин в 1689 г. и погребен в Троице-Сергиевой Лавре (*Арсеньев*, 1902. С. 3–24; *Власьев*, 1906. С. 77–79; *Седов*, 2016).

Боярин и князь Н.И. Одоевский имел двор в Китай-городе в Москве и несколько вотчин, среди которых Никольское-Урюпино выделялось. Никита Иванович был адресатом двух писем царя Алексея Михайловича, направленных князю в Казань, во время его воеводства. В первом, от 3 сентября 1652 г., царь описывает свои впечатления от встречи в Москве мощей митрополита Филиппа, а во втором письме, написанном осенью 1653 г., царь утешает князя в связи со смертью его сына, Михаила Никитича, умершего от горячки. Сохранились почтительные ответы князя на царские письма (*Бартенев*, 1856. С. 218–236; *Арсеньев*, 1902. С. 10–12). В 1658 г. царь гневался на боярина за неудачи и промедления на переговорах и писал воеводе князю Ю.А. Долгорукому об Одоевском: «ведаешь сам, какой он промышленник, послушаешь, как поют про него на Москве» (*Арсеньев*, 1902. С. 14).

Старший сын Никиты Ивановича, Михаил, умер в 1652 г., еще до строительства церкви в Урюпине; второй сын, Федор, скончался в 1656 г., а третий – Алексей Никитич – в 1655 г. Зато четвертый сын, Яков Никитич, сделал, как и отец, блестящую карьеру при царе Алексее Михайловиче: он был ближним боярином и воеводой, дворецким, а также наместником Костромским и Астраханским. Умер князь Яков в 1697 г. (*Власьев*, 1906. С. 80–83).

Село Урюпино в 1621 г. пожаловано в поместье боярину князю Ивану Никитичу Одоевскому. В 1635 г. оно продано Поместным приказом в вотчину князю Никите Ивановичу Одоевскому (*Холмогоровы*, 1886. С. 130).

Церковь Николая Чудотворца существовала в Урюпине довольно давно: уже в приходной книге Патриаршего казенного приказа за 1639 г. упоминается этот храм в имении все того же Никиты Ивановича, бывшего в то время стольником: «церковь Николы Чудотворца, да в пределе Федора Тирона, в поместье стольника князя Никиты Ивановича Одоевского, в селе Урюпине Никольское тож, у речки у Липешни» (*Холмогоровы*, 1886. С. 131).

В 1678 г. в переписных книгах уже упомянут каменный храм: «в селе Никольском, Урюпино тож, церковь Николая Чудотворца каменная с приделы; ... да в селе двор боярской (кн. Ник. Ив. Одоевскаго), в нем 6 человек» (*Холмогоровы*, 1886. С. 131). Наиболее полно церковь описана в писцовых книгах Московского уезда 1685–1686 гг.: «за боярином за князем Никитою Ивановичем Одоевским вотчина село Никольское, Урюпино тож, по обе стороны речки Липишны, а в нем на вотчинникове земле по левую сторону, церковь Николая Чудотворца каменная с пределы, по правую сторону предел Благовернаго князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, по левую сторону – Великомученика Феодора Тирона, вверху над папертью по правую сторону предел Св. мученика Фотия и Ианикиты, по левую сторону – преподобно мученицы Евдокеи, а в церкви и церквах образы и

сосуды церковные и книги, и ризы, и колокола и всякое церковное строение вотчинникова» (*Холмогоровъ*, 1886. С. 132).

Можно попытаться разъяснить посвящения многочисленных приделов этой церкви. Посвящение собственно храма осталось прежним, как осталось прежним и посвящение одного из приделов Феодору Тирону: такие же посвящения имел деревянный храм и его придел в 1639 г. В новом каменном храме основной престол был посвящен Николаю Чудотворцу, а придел слева внизу, на северо-восточном углу – Феодору Тирону. Симметричный ему придел на юго-восточном углу («справа») был посвящен предку князя Одоевского, князю Михаилу Черниговскому, а также его боярину Феодору, принявшим мученичество в Орде в XIII столетии. Одновременно можно предположить, что посвящение Михаилу и Федору связано с памятью о двух старших сыновьях князя Никиты Ивановича, Михаиле и Федоре, умерших, соответственно, в 1652 и 1656 гг.

Придел на втором ярусе над папертью справа был посвящен небесному покровителю заказчика, мученику Ианикитe (Аникитe) и его племяннику Фотию, пострадавшим от императора Диоклетиана в начале IV в. н. э. Придел во втором ярусе слева обязан своим посвящением имени супруги князя Никиты Ивановича Одоевского, Евдокии Федоровны, урожденной Шереметевой (*Власьев*, 1906. С. 79): придельный храм назван в честь ее небесной покровительницы преподобномученицы Евдокии. Евдокия Федоровна была уже в летах ко времени постройки храма: он стала супругой князя Никиты Ивановича в 1622 г., а умерла в 1671 г. и была похоронена в Новодевичьем монастыре.

Строительство каменного храма в вотчине «по обещанию» могло быть связано с каким-то событием в жизни князя Никиты Ивановича Одоевского, или с возрастом: в 1664–1665 гг. боярину князю было примерно 65 лет, он должен был задумываться о подведении некоторых итогов, о своем жизненном пути и жизненной «линии» своей семьи, так наглядно отмеченной в посвящении приделов и в самой надписи.

Язык надписи спокойный, если не сказать простой, это последовательное и логично построенное изложение дат, мотивов и обстоятельств строительства и освящения вотчинного храма. Не совсем обычным выглядит только оборот «начата здатиси» (а не «здатися»), но его мы встречаем в письме 1625 г., посланным в Москву думному дьяку Ивану Тарасовичу Грамматину Киевским православным братством о ходатайстве перед царем Михаилом Федоровичем относительно выдачи средств для достройки церкви: «Посем ходатайствуй нам милости у царского величества, да церковь, от нас здатиси зачатая, и в совершение прийти возможет, сиречь да беложелезием покрыется и иконами честными украсится, посланницы же наши не вотще будут» (Воссоединение ... 1953. С. 54). Возможно в надписи перед нами украинизм, перешедший в эпиграфику.

В интересующей нас надписи упоминается не только царь Алексей Михайлович, при котором осуществлено строительство церкви, но также его жена царица Мария Ильинична Милославская, его дети и сестры. Перечислены все дети царя: сначала сыновья – царевич Алексей Алексеевич, царевич Федор Алексеевич, царевич Симеон Алексеевич, затем сестры Ирина, Анна и Татьяна Михайловны, а под конец дочери: царевны Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария и Феодосия Алексеевны.

Рассмотрение дат рождений и смерти части из упомянутых лиц дает представление о времени составления надписи на плите – в 1666–1667 гг. Понятно, что плиту должны были изготовить около 7 мая 1667 г., когда произошло упомянутое в надписи на ней освящение новопостроенной церкви. Однако тут важно предположение, что плиту могли сделать без последней даты, то есть до освящения (а дата проставлена потом), и возможность составления надписи и изготовления плиты с этой надписью несколько позже освящения, причем вряд ли сильно позже. Возможность составления надписи и изготовления плиты до освящения следует считать не слишком вероятной, поскольку резьба надписи выглядит единообразной и единой по стилю. А вот некоторое запаздывание в составлении и изготовлении надписи вполне возможно.

Обратимся к датам жизни упомянутых в надписи царевичей и царевен, чтобы проверить наши предположения. Из

«Новгородского хронографа» мы точно знаем, что упомянутый в надписи церкви Николо-Урюпина царевич Симеон Алексеевич родился в 1666 г. и именины его (крещение) были 17 апреля этого года (*Тихомиров*, 1979. С. 313). Упомянутый в надписи патриарх Московский и всея Руси Иоасаф II наречен 8 февраля 1667 г., а поставлен на кафедру 10 февраля 1667 г., так что надпись составлена после этого времени, ближе к 7 мая 1667 г. С другой стороны, в надписи не упомянут царевич Иоанн Алексеевич, родившийся 29 августа 1668 г. (*Тихомиров*, 1979. С. 314), так что надпись, вероятно, изготовлена к концу весны – лету 1667 г.; возможна и несколько более поздняя дата, но до лета 1668 г.

Напомним также, что освящение церкви в 1667 г. осуществлено по благословению патриарха Московского и всея России Иоасафа II (1667–1672), недавно поставленного на престол. Само освящение храма провел Филарет, архиепископ Смоленский (1658–1671). Он поначалу имел титулатуру архиепископа Смоленскогого и Мстиславского, но с какого-то года титулатура изменилась и значилась теперь как «архиепископ Смоленский и Дорогобужский», как это видно и в надписи, относящейся, как сказано выше, к 1667 г.

Дату вырезания самой надписи можно определить как «близкую к августу 1667 г.». Скорее всего, ее сделали после освящения нового каменного храма, когда обстоятельства посвящения и присутствующий при этом архиерей полностью определились. Соответственно стиль надписи, пространный и деловитый одновременно, следует отнести к этому времени. Стиль художественного оформления надписи с доской и высеченной на ней выпуклой рамкой также следует связать с 1667 г.

Необыкновенная подробность в перечислении членов царской семьи в надписях о строительстве встречается крайне редко. Еще один пример, где нет перечисления сестер и дочерей царя, в надписи над северным порталом церкви Рождества Богородицы в селе Поярково под Москвой, построенной Артамоном Сергеевичем Матвеевым, также близким к царю Алексею Михайловичу, в 1664 г.:

«Лета 7172-го маия в 1. Д(е)нь начата здати сия ц(е)рковь пр(е)ч(и)стыя державы пресвет(л)ого г(осу)д(а)р(я) ц(а)ря и велико(го) кн(я)зя алексея михаловича всеа великиа и малыа и белыя росии самод(е)ржца и при бл(а)гочестивои г(о)с(у)д(а)р(ы)ни ц(а)р(и)цы и великои кн(я)г(и)ни марьи ильи(ни)чны и при г(о)с(у)д(а)рьских наследниках при бл(а)гоче(с)тивом г(о)с(у)д(а)ре ц(а)р(е)в(и)че и великом кн(я)зе алексее алексеевиче и при бл(а)гочестивом г(о)с(у)д(а)ре ц(а)р(е)виче и великом кн(я)зе феодоре алексеевиче а по бл(а)гословению преосвященного митрополита питирима сар(с)кого и подонског(о) а совершена и освищена во 173. году сентября в. 13 д(е)нь а строил по обещ(а)нию своему ц(е)рков(ь) сию полковникъ и голова московских стрельцов арътемон сергеев с(ы)нъ матвеевъ» (*Гиршберг*, 1961).

Две надписи, из Поярково 1664 г. и из Никольского-Урюпина 1667 г., можно сопоставить как два образца развернутых строительных надписей середины XVII в., составленных, изготовленных и поставленных в подмосковных вотчинах царских приближенных. Похож стиль упомянутых надписей на прямоугольных белокаменных плитах, сходен сам характер шрифта, и то, что надписи вписаны в круг, и западный, европейский характер обрамления.

Вместе с тем, надпись на плите, вделанной в стену паперти церкви Николо-Урюпина, принадлежит к наиболее выдающимся произведениям декоративного искусства придворного круга и очень полно характеризует культуру этого круга, как в области литературной, так и в области украшения. Если сама надпись как литературное произведение принадлежит к древнерусской традиции, то ее исполнение в камне носит двоякий характер: шрифт принадлежит к лучшим образцам древнерусской вязи, тогда как обрамление говорит об активном интересе к европейской стилистике.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Арсеньев Ю. В., 1902. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной (1650–1684). М.: Университетская тип. 129 с.

Бартенев П., 1856. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. Иждивением К. Т. Солдатенкова. М.: В тип. В. Готье. 262 с.

Власьев Г. А., 1906. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной. Т. I. Князья Черниговские. Ч. 1-я. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильберг. 694 с.

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. I. 1620–1647 годы. М.: Изд. АН СССР, 1953. 588 с.

Гиршберг В. Б. Эпиграфические заметки // СА. 1961. № 3. С. 298–301.

Ильин М. А., 1966. Подмосковье. М.: Искусство. 336 с.

Леонид, архимандрит (Кавелин), 1878. Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. М.: В Синодальной тип. 74 с.

Памятники архитектуры Московской области. Т. I / Под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М.: Искусство, 1975. 384 с.

Памятники архитектуры Московской области. Иллюстрированный каталог. Вып. 3 / Е. Н. Подъяпольская, А. А. Разумовская, Г. К. Смирнов. М.: Стройиздат, 1999. 304 с.

Седов П. В., 2016. К истории боярской семьи XVII в. (Pavel Sedov. K istorii boiarskoi sem'i XVII v. Sem'ia kniazia Nikity Ivanovicha Odoevskogo) // Cahiers du Monde russe. Vol. 57, No. 2–3, Famille et mobilité sociale en Russie, XVIe – XVIIIe siècles / Family and social mobility in Russia, 16th–18th centuries (Avril-septembre 2016). P. 311–342.

Тихомиров М. Н., 1979. Русское летописание. М.: Наука. 556 с.

Торопов С., 1925. Никольское-Урюпино // Архангельское. Никольское-Урюпино. Покровское-Стрешнево / под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. М.–Л.: Гос. изд-во. (Подмосковные музеи. Путеводители. Вып. 2). С. 39–66 (о церкви – С. 43–46).

Холмогоровы В. и Г., 1886. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVII ст. Вып. III. Загородская десятина (Московского уезда). М.: Тип. Л. Ф. Снегирева. 387 с.

Vl. V. Sedov

The Inscription about the Construction of the Church in the Estate of Nikolo-Uryupino

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the inscription on a stone plaque on the western wall of the Church of St. Nicholas the Wonderworker in the village of Nikolskoye-Uryupino near Moscow. This temple is located in a picturesque area in the current Krasnogorsk district of the Moscow region. It is well dated 1664–1665, thanks to an inscription on a stone slab. This inscription belongs to the most outstanding works of decorative art of the court circle and very fully characterizes the culture of this circle, both in the field of literature and in the field of decoration. If the inscription itself, as a literary work, belongs to the Old Russian tradition, then its execution in stone is of a twofold nature: its font belongs to the best examples of Old Russian ligature, while the framing speaks of an active interest in European style.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.200-207

К. О. Сопова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск

Сибирская русская керамика: от классификации к хронологии

Керамика – самый массовый материал на русских археологических поселенческих памятниках Нового времени. Накоплено значительное количество коллекций, характеризующих гончарное производство Западной Сибири XVII–XIX вв. Тем не менее, проблемы классификации и хронологии в данном регионе являются наименее изученными для этого вида источника.

В европейской части России одними из первых типологии русской посуды из культурных слоев Москвы разработали М. Г. Рабинович (1949) и Р. Л. Розенфельдт (1968). Хронологию московской керамики XIII–XVI вв. успешно разрабатывал С. З. Чернов (1991).

В. Ю. Коваль (2004) предложил типологию керамики средневековой Руси, взяв за основу конструктивно-технологический подход, а также хронологическую стратификацию на основе анализа массива керамики. Статистический анализ материалов селища Мякинино-1 позволил выделить группы керамики по составу формовочной массы, т. е. дифференцируемые по наличию дресвы, песка или отсутствию примесей (*Коваль*, 2009. С. 143).

Классификацию керамики Новгорода с X до XVI в. разработала Г. П. Смирнова, исходя из изменения формы венчиков, характерных для серии сосудов, бытовавших в одно и тоже время, а также состава глиняного теста, обжига и орнамента (*Смирнова*, 1956. С. 228). Хронологию новгородской керамики для X–XIII вв. представил О. М. Олейников (2019). Систематизацию венчиков горшков из раскопок Нижнего Новгорода предложил Н. Н. Грибов (2003), для Старой Рязани подобную работу провел И. Ю. Стрикалов (2006).

Типологию и хронологию лепной и круговой керамики IX–XIII вв. Смоленска и его округи разработала Е. В. Каменецкая (2019), а для керамики XIII–XVII вв. такую шкалу составила Т. В. Сергина (2004). Эту схему дополнил для Глущицкого комплекса археологических памятников XII–XVIII вв. в окрестностях Смоленска В. С. Курмановский (2014. С. 405).

В Западной Сибири типологию глиняной посуды по материалам русских поселенческих комплексов Омского Прииртышья на основе этноархеологического подхода разработала Л. В. Татаурова (2015). Классификацию тобольской керамики представили исследователи И. В. Балюнов (2018), О. М. Аношко и Т. В. Селиверстова (2009). Специальных исследований по хронологии западносибирской керамики не проводилось.

Цель настоящей работы – построение хронологии западносибирской керамики XVII–XIX вв. на основе сравнения материалов сельских и городских археологических комплексов. Эта работа особенно актуальна для сельских памятников Западной Сибири, так как они часто однослойные (*Сопова*, 2021. С. 44).

Необходимо указать, что в период с конца XVI до середины XX в. в Сибири существовали разные уровни гончарного производства: от изготовления лепных сосудов методом скульптурной лепки до гончарного ремесленного. Это связано с тем, что Сибирь до прихода русских не знала гончарного круга, поэтому на раннем этапе адаптации посуду делали самыми простыми способами, известными с древности (*Татаурова и др.*, 2014. С. 207–214). На протяжении XVII–XVIII вв.

ремесло развивалось, особенно в городах. Но в деревнях продолжали бытовать разные способы изготовления посуды (*Татаурова*, 1997). Об этом свидетельствует и керамика сельских поселений Омского Прииртышья: Бергамак I, Ананьино I, Изюк I (рис. 1). Керамические комплексы характеризуются разным качеством и способами изготовления, однако абсолютное большинство изделий изготовлено лепным способом или с доработкой на ручном гончарном круге (*Татаурова и др.*, 2014. С. 213–214; *Татаурова*, 2015. С. 144). В то время как в европейской части России уже было развитое гончарное производство, в Сибири оно только начинало развиваться.

Для сравнения материалов в качестве базовой использована коллекция керамики из однослойного сельского памятника XVII–XIX вв. Ананьино-I (Омская обл.). Она сопоставлялась с материалами Мангазейского городища (существовало с 1608 г. по начало 1670-х годов), Тобольского кремля (слой XVII в.) и погребального комплекса XIX в. Евгащино-IV (Омская обл.). Анализируемые коллекции имеют разный объем доступных материалов. Наиболее представительны городские и сельские, наименее – погребальная керамика. На их основе удалось выделить морфологические группы, соотнести их между собой и найти аналогии с керамикой Ананьино-I.

Принадлежность керамики к тому или иному временному промежутку определялась на основе морфологических особенностей венчиков горшков, описанных по терминология В. Ю. Коваля (2016. С. 100–109). Кроме того, сравнивались признаки технологии производства посуды.

При сравнении керамики Мангазеи, Тобольска и Евгащино-IV с материалами памятника Ананьино-I особое внимание уделялось морфологии венчиков. Статистический анализ других параметров – технологии производства, способа обжига, дополнительной обработки поверхности – выявил, что абсолютное большинство русской керамики XVII–XVIII вв. из изученных памятников выполнено методом скульптурной лепки с доработкой на гончарном круге, без дополнительной обработки поверхности, обжиг восстановительный. Среди керамики XIX в. чаще встречается посуда, изготовленная методом вытягивания из цельного комка глины на ножном гончарном круге, покрытая глазурью.

Материалы Мангазеи – первого русского заполярного города в Сибири XVII в., относятся к очень короткому временному интервалу. Учитывая, что типология форм отражает принятые в традиционной культуре нормы, характеризующиеся стабильностью для определенного и достаточно короткого (в пределах века) периода, мангазейская коллекция может использоваться в качестве эталонной при датировке смешанных и широко датируемых коллекций, зачастую представленных в основном обломками венчиков и днищ.

Первые исследователи Мангазеи на основании материалов раскопок сделали вывод об отсутствии местного гончарного производства. Аргументирован такой вывод малочисленностью находок керамики – «несколько сотен черепков примерно от 186 сосудов» (*Белов, Овсянников, Старков*, 1981. С. 37).

Однако последующее археологическое изучение Г. П. Визгаловым этого памятника в 2001–2004 гг. выявило большую насыщенность культурного слоя керамическим материалом. Только на площади 159 кв. м обнаружен 4361 фрагмент. Формы посуды представлены горшками, сковородами, мисками (*Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 87–89).

Преобладали в этом наборе горшки, которые характеризуются как приземистые, преимущественно широкогорлые, с короткими венчиками, едва намеченными шейками, высокими плечиками и раздутыми туловами. Диаметр днищ меньше диаметра венчиков. Всего проанализировано 364 венчиков горшков. Из них большинство – 73% – это венчики с короткой шейкой (1–2 см), наклоненные внутрь, с отогнутым наружу краем, плавно переходящие в сильно раздутое тулово; плечики покатые, высокие (рис. 2, *1*) (*Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 88–89).

Для мангазейских сосудов характерна донно-емкостная схема формовки – конструирование на ручном гончарном круге донного начина и наращивание емкости сосуда лентами по 3–4 см высотой. Использование ручного гончарного круга

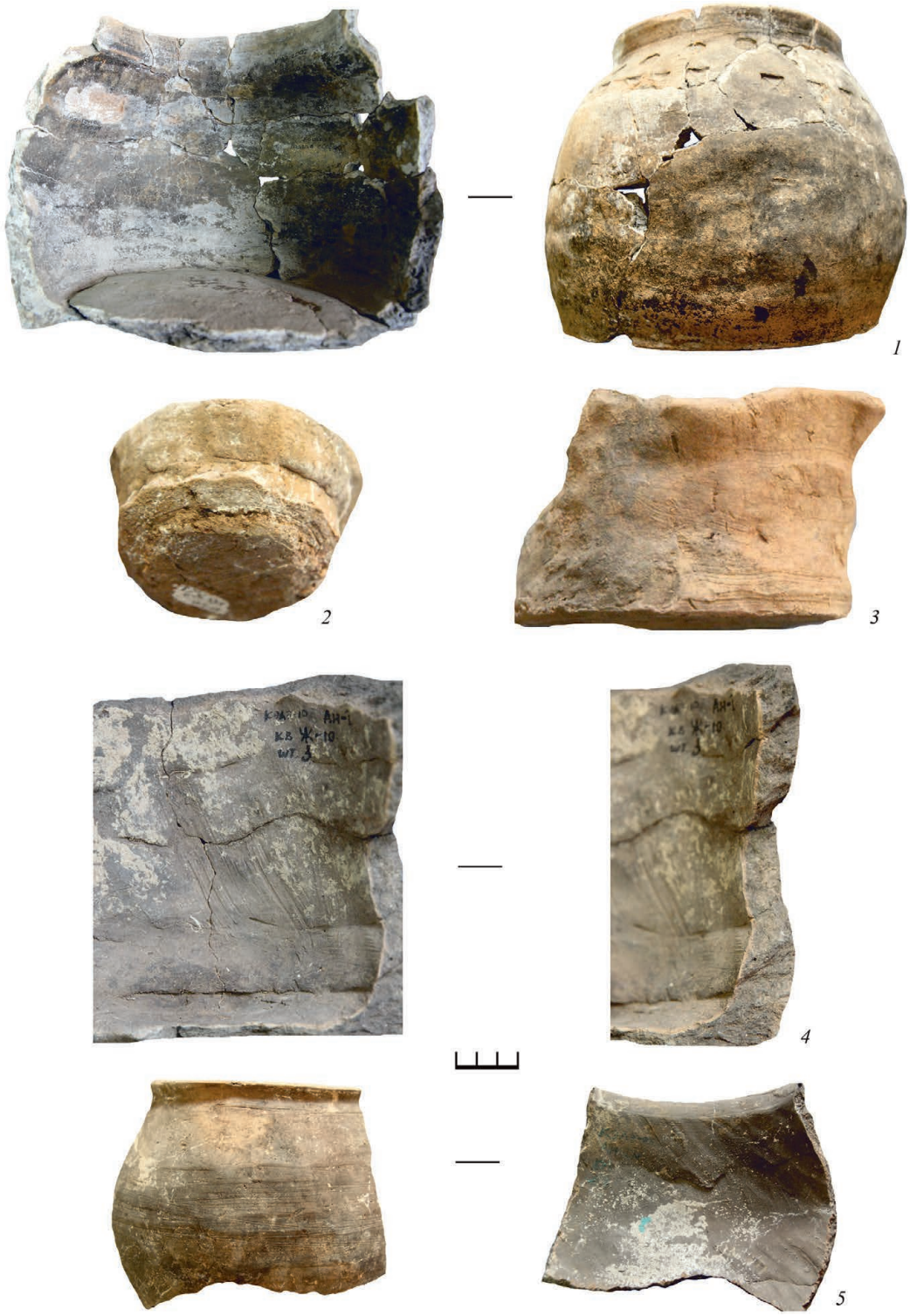


Рис. 1. Лепная керамика из русских сельских поселений Омского Прииртышья XVII–XVIII вв.

1 – Изюк-I; *2–5* – Ананьино-I

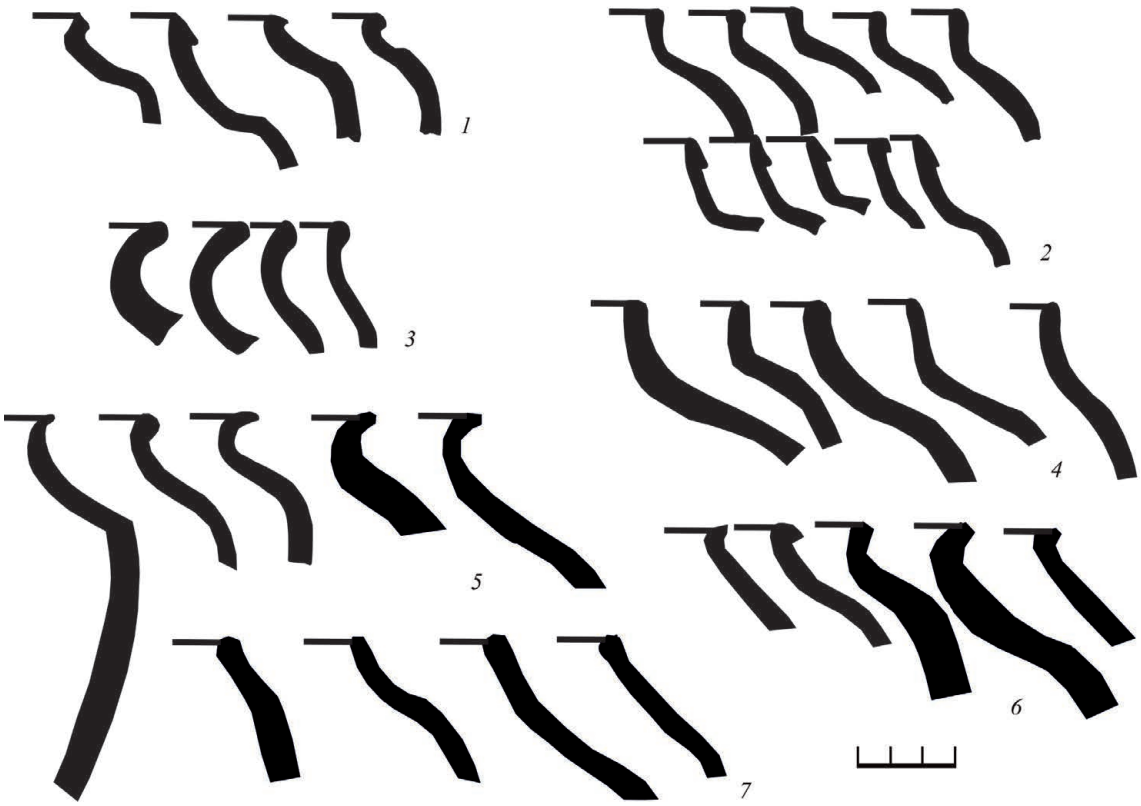


Рис. 2. Морфологическое разнообразие венчиков горшков

1 – Мангазея (по: *Визгалов, Пархимович*, 2008); *2* – Софийский и воеводский двор Тобольского кремля (по: *Балюнов*, 2018); *3* – могильник Евгащино IV; *4* – Ананьино-I (1-я морфологическая группа); *5* – Ананьино-I (2-я морфологическая группа); *6* – Ананьино-I (3-я морфологическая группа); *7* – Ананьино-I (4-я морфологическая группа)

диагностировано по следам подсыпки золы и песка на внешней поверхности дна сосудов. Песок в качестве примеси в формовочной массе зафиксирован у 96% образцов. Большинство сосудов обожжено в восстановительном режиме (*Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 254).

Керамика Тобольского кремля, относящаяся к слою Софийского и воеводского дворов датирована И. В. Балюновым XVII в. Посуда представлена горшками, рукомойниками, корчагами, сковородами, мисками (*Балюнов*, 2018. С. 121–122). Горшки являются самой распространенной формой в этой коллекции. Формовка тобольской посуды проводилась ленточно-жгутовым способом с заглаживанием и частичным формированием верхней части сосуда на гончарном круге. Для основной массы исследованных днищ характерно отсутствие следов среза и подсыпки. В ряде случаев встречаются днища с закраинами. Проанализировано 739 фрагментов венчиков горшков. Большинство (43%) с вертикальной шейкой, переходящей в округлое плечико, среди которых выделяются два варианта: 1) с короткой шейкой и округлым (с утолщением) краем венчика; 2) с удлиненной шейкой и загнутым наружу, плотно прижатым к внешней стороне краем (рис. 2, *2*). Как правило, это неорнаментированная посуда восстановительного обжига. По признакам дополнительной обработки поверхности выделяются немногочисленные фрагменты с небрежным полосчатым лощением (*Балюнов*, 2018. С. 122).

Погребальная керамика изучалась из закрытого археологического комплекса – могильника Евгащино-IV, относившегося к XIX в. (*Татауров, Сопова*, 2022. С. 41) и представлявшего собой кладбище ныне не существующей д. Красный Яр в Большереченском районе Омской области. На территории

Западной Сибири традиция установки в могилу керамических сосудов с золой и углями была распространена вплоть до первой четверти XX в. По мнению ряда исследователей такие сосуды применялись в похоронном обряде «окуривания», связанного, возможно, с выходцами из Белоруссии и Русского Севера (*Воробьев*, 2001).

В погребениях представлены типы посуды: крынки, горшки, жбаны, миски, кувшины (*Татауров, Сопова*, 2022). В отличие от остальных памятников материалы представлены в основном целыми формами.

Из 79 целых сосудов могильника Евгащино-IV горшки составляют 19 штук. Большинство (12 шт.) вытянуты из цельного комка глины на гончарном круге. Семь выполнены методом скульптурной лепки с последующей доработкой венчика на гончарном круге. По способу обжига 11 горшков относятся к керамике восстановительного обжига и восемь – окислительного.

Дополнительную обработку поверхности характеризует покрытие глазурью: один горшок с глазурью зеленого цвета, шесть с коричневой, один из которых имеет нагар по венчику и плечикам с внешней стороны горшка. Наличие нагара – признак его использования в быту для приготовления пищи.

Два горшка ручной лепки, вероятно, изготовлены специально для погребального обряда. В составе глиняного теста обоих большое количество органики, они выполнены небрежно, с неровным краем венчика, толстостенные.

Морфологический анализ венчиков погребальных горшков показал, что преобладают сосуды с плавно изогнутым в наружную сторону венчиком с закругленным краем. Варианты различаются высотой венчика (рис. 2, *4*).

Типовое разнообразие изученной керамики сельского поселения Ананьино-I представлено корчагами, мисками, сковородами, но наиболее распространены были горшки. Из всех типов керамики памятника Ананьино-I проанализирован 201 венчик и 48 целых сосудов.

Из 201 проанализированного венчика памятника Ананьино-I 183 относятся к горшкам. Из них 158 – восстановительного обжига и 25 – окислительного. Десять венчиков лощеные, остальные без дополнительной обработки поверхности.

Из 48 археологически целых форм 12 представлены горшками (рис. 3). Из них пять сосудов сформованы методом скульптурной лепки, внешняя поверхность заглаживалась на круге, что соотносится с этапами 1 и 2 развития функции гончарного круга по А. А. Бобринскому (1978. С. 37–49). Шесть горшков выполнены методом скульптурной лепки, но с профилированием или вытягиванием верхней части сосуда на круге – уровень 3–5 развития функции круга (*Бобринский*, 1978. С. 49–55). Один горшок полностью изготовлен методом вытягивания из комка глины – этап 6–7 развития функции круга (*Бобринский*, 1978. С. 55–63).

Все 12 целых горшков обожжены в восстановительной среде (цвет поверхности и излома темно-серый, черный). В качестве дополнительной обработки поверхности встречается сплошное лощение (у двух сосудов). Остальные без дополнительной обработки поверхности. В коллекции керамики Ананьино-I лощение, орнамент, покрытие глазурью встречаются, но в общей выборке – не более чем в 5% случаев.

Среди целых форм и фрагментов венчиков горшков Ананьино-I выделяются четыре конструктивные схемы венчиков:

1) вертикальные венчики, состоящие из цилиндрического устья;

2) дугообразно изогнутые венчики, не разделяющиеся морфологически с устьем;

3) наклоненные внутрь сосуда венчики, состоящие из шейки и отогнутого наружу небольшого устья;

4) наклоненные внутрь сосуда венчики, имеющие вид усеченного конуса.

Шестьдесят венчиков горшков из Ананьино-I (31%) – это вертикальные венчики, состоящие из одного цилиндрического устья (рис. 2, *4*). Они соотносятся с наиболее встречающейся формой венчиков горшков из раскопок Тобольского кремля, датируемых концом XVI – XVII в. (рис. 2, *2*).

Тридцать процентов (58 экз.) венчиков горшков Ананьино-I представляют собой дугообразно изогнутые венчики, не разделяющиеся морфологически с устьем (рис. 2, *5*).

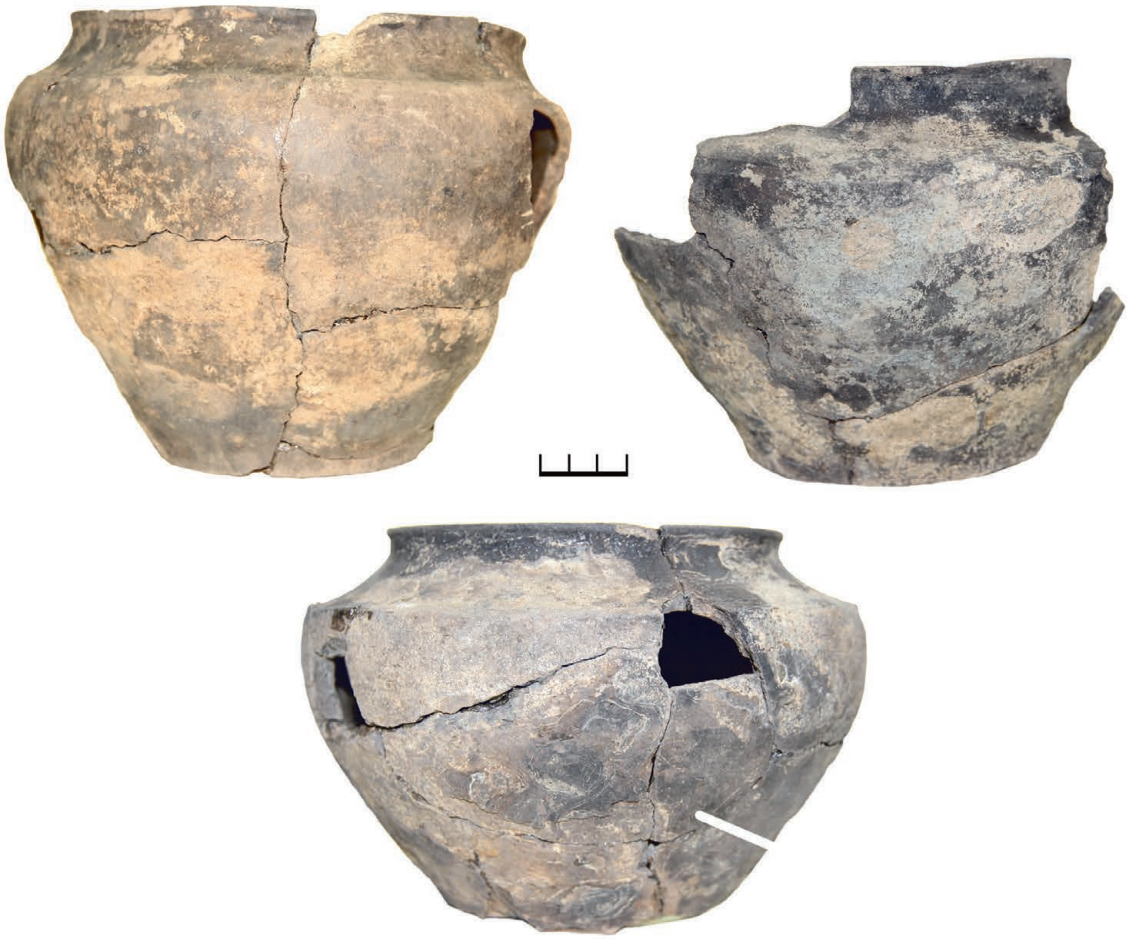


Рис. 3. Археологически целые горшки. Ананьино-I

Они наиболее соотносятся с морфологией горшков XIX в. памятника Евгащино-IV (рис. 2, *3*).

Следующая группа 20% (39 экз.) – это наклоненные внутрь сосуда венчики с отогнутым наружу небольшим устьем (рис. 2, *6*). Подобная конструкция типична для горшков Мангазеи XVII в. (рис. 2, *1*). Похожую форму имеют 16% венчиков (31 экз.) коллекции Ананьино-I – наклоненные внутрь сосуда, состоящие из одного устья, имеющего вид усеченного конуса (рис. 2, *7*).

Таким образом, проведя сравнительный анализ венчиков из памятника Ананьино-I с широкой датировкой XVII–XIX вв. и отсутствием четкой стратиграфии, позволяющей разделить керамический материал на хронологические группы с материалами из закрытых комплексов или с четкими хронологическими границами, удалось выделить морфологические группы, как различающиеся по времени бытования, так и существовавшие продолжительное время. К последним можно отнести дугообразно изогнутые венчики, не разделяющиеся морфологически с устьем.

Несмотря на различные размеры коллекций с изучаемых памятников, результаты анализа показали наличие аналогий и схожие процентные соотношения морфологических групп. Наименее представительная группа венчиков из Ананьино-I (наклоненные внутрь сосуда, состоящие из одного устья, имеющего вид усеченного конуса венчики) пока не имеет аналогий среди проанализированных коллекций.

При своей кажущейся «похожести» русская сибирская глиняная посуда Нового времени обладает существенными морфологическими различиями, даже в рамках одного типа на одном памятнике. Увеличение источниковой базы (не в количественном

эквиваленте найденной керамики, а в увеличении единообразно статистически обработанных сосудов) способствует качественному сравнительному анализу сибирских сосудов из сельских или смешанных городских слоев с керамикой из закрытых, узко датированных комплексов. В свою очередь это позволит выделить четкие маркеры для составления более широкой хронологической шкалы.

Литература

Аношко О. М., Селиверстова Т. В., 2009. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // Вестник Тюменского гос. университета. № 7. С. 80–90.

Балюнов И. В., 2018. Тобольская керамическая посуда конца XVI – XVII века: опыт классификации // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. Т. 17. № 5. С. 120–129.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: Наука. 147 с.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.

Воробьев А. А., 2001. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического исследования // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Алтайский унив. С. 506–508.

Грибов Н. Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород: Нижегородский гос. унив. С. 16–36.

Каменецкая Е. В., 2019. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: Университетская книга. 244 с.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 58–88.

Коваль В. Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1) // АП. Вып. 5 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 142–153.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. 128 с.

Курмановский В. С., 2014. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации // АП. Вып. 10 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 405–419.

Олейников О. М., 2019. Круговая керамика X–XIII вв. Десятинного 1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ИА РАН; ТНИИР-Центр. С. 6–37.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. С. 57–79.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-39). 124 с.

Сергина Т. В., 2004. Керамика Смоленска середины XIII – XVII вв. // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск: МГУ; ИА РАН; Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Смоленской обл. 206 с.

Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода: по материалам раскопок 1951–1954 годов // МИА. № 55. С. 228–248.

Сопова К. О., 2021. Проблемы изучения и хронологии славяно-русской керамики X–XVIII веков: опыт исследования // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 20. № 7. Новосибирск. (Археология и этнография). С. 37–47.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. М. 340 с. / РГБ ОД, 61:07-7/339.

Татауров Ф. С., Сопова К. О., 2022. Погребальная посуда русского некрополя XIX – начала XX в. Евгащино IV в Омском Прииртышье // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 29. № 1. С. 40–45.

Татаурова Л. В., 1997. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии). Дисс ... канд. ист. наук. Омск. 285 с.

Татаурова Л. В., 2015. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. М.: ИА РАН. С. 142–154.

Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., Татауров С. Ф., 2014. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI –XVIII вв. (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист. 374 с.

Чернов С. З., 1991. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. М.: ИА АН СССР. С. 20–32.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // МК. М.: ИА АН СССР. С. 50–59.

K. O. Sopova

Pottery of Siberian Russians: from Classification to Chronology

Abstract. The article presents results of compare analysis of pottery from the Ananyino-I (17th–19th cc.) – it is site without stratigraphy that allows dividing ceramics into chronological groups with materials from closed archaeological complexes or with clear chronological boundaries like Mangazey settlement (existed from 1608 to the beginning of the 1670s), the Tobolsk Kremlin (layer of the 17th century.) and the burial complex of the 19th century – Evgashino-IV (Omsk region). Morphological features of the corollas and the technology of pottery production were taken into account in order to draw conclusions about the ceramics belonging to a particular time interval. As a result analogies were revealed and morphological groups of corollas that differ in time of existence or have existed for a long time have been identified among the ceramics of Ananyino-I.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.208-218

Ю. В. Степанова
Тверской государственный университет, Тверь

Материалы археологического комплекса XI–XII веков у деревни Выркино (Тверская область) в контексте локальной культуры

Археологический комплекс у д. Выркино расположен в Кимрском районе Тверской области, на правом берегу р. Медведицы (левый приток р. Волги) (АКР, 2003. С. 250–254). Он находится на участке Верхневолжья между устьями притоков Волги рек Шоши и Медведицы (рис. 1). Эта территория в XI–XII вв. являлась частью пути между Новгородом и Суздальским княжеством. Дубна, возникшая здесь в XII в., была административным пунктом, появившимся в процессе установления княжеского контроля над этой территорией (*Кучкин*, 2015. С. 319). В домонгольский период р. Медведица являлась пограничной зоной между Новгородской землей и Владимиро-Суздальским княжеством. В XIV–XVII вв. по Медведице проходила граница между Бежецким Верхом и Кашинским уездом.

В среднем течении р. Медведицы находится скопление древнерусских памятников, в том числе городище и курганная группа Посады, курганная группа Хрипелево, курганные группы и селище Воробьево и др. Недалеко от устья Медведицы расположен курганный могильник Плешково 1, погребения которого содержали большое количество шумящих украшений мерянского типа (*Комаров*, 2002). Материалы могильников характеризуют население XI – первой половины XII в., проживавшее в бассейне Волги, Медведицы и верховьев Мологи, как самобытную группу населения, в местном этнографическом комплексе которого присутствовали славяно-финские черты (*Степанова*, 2009. С. 54).

Археологический комплекс Выркино включает городище, три селища и 12 курганных групп. О существовании курганов у д. Выркино известно со второй половины XIX – начала XX в. (*Плетнев*, 1903. С. 268, 269). Поселения выявлены в 1980-х годах (*Малыгин*, 1982; 1984). Отдельные памятники раскопками исследовал в 1985 г. К. И. Комаров (1985; 1987). Обследование комплекса проводилось в 1996 г. (*Новиков*, 1996). Паспорта памятников хранятся в архиве Главного управления по охране объектов культурного наследия Тверской области (№ 7666–7673). Коллекция из раскопок курганных групп находится в фондах ТГОМ. До настоящего момента материалы раскопок Выркино практически не введены в научный оборот.

Городище Выркино приурочено к устью ручья, впадающего в р. Медведицу. Сохранились остатки вала и рва с напольной стороны. В нижней части культурного слоя мощностью 0,3 м выявлена угольная прослойка. Находки на городище не обнаружены (*Малыгин*, 1984. С. 68).

Селища приурочены к устью ручья Студеный, впадающего в р. Медведицу. Селище Выркино 1 расположено на левом берегу ручья Студеного. Оно примыкает к курганной группе 7. Высота площадки селища над уровнем воды 4–6 м. В 1985 г. К. И. Комаров исследовал 80 кв. м площади селища. Найдена лепная керамика (рис. 1, *1*), шиферное пряслице и железный шлак (*Комаров*, 1985. Л. 10–11; 1987. С. 71).

Селища Выркино 2 и 3 расположены на правом берегу ручья Студеного, напротив селища 1. На селище 2 собраны обломки круговой керамики (рис. 2, *3*). Раскопки

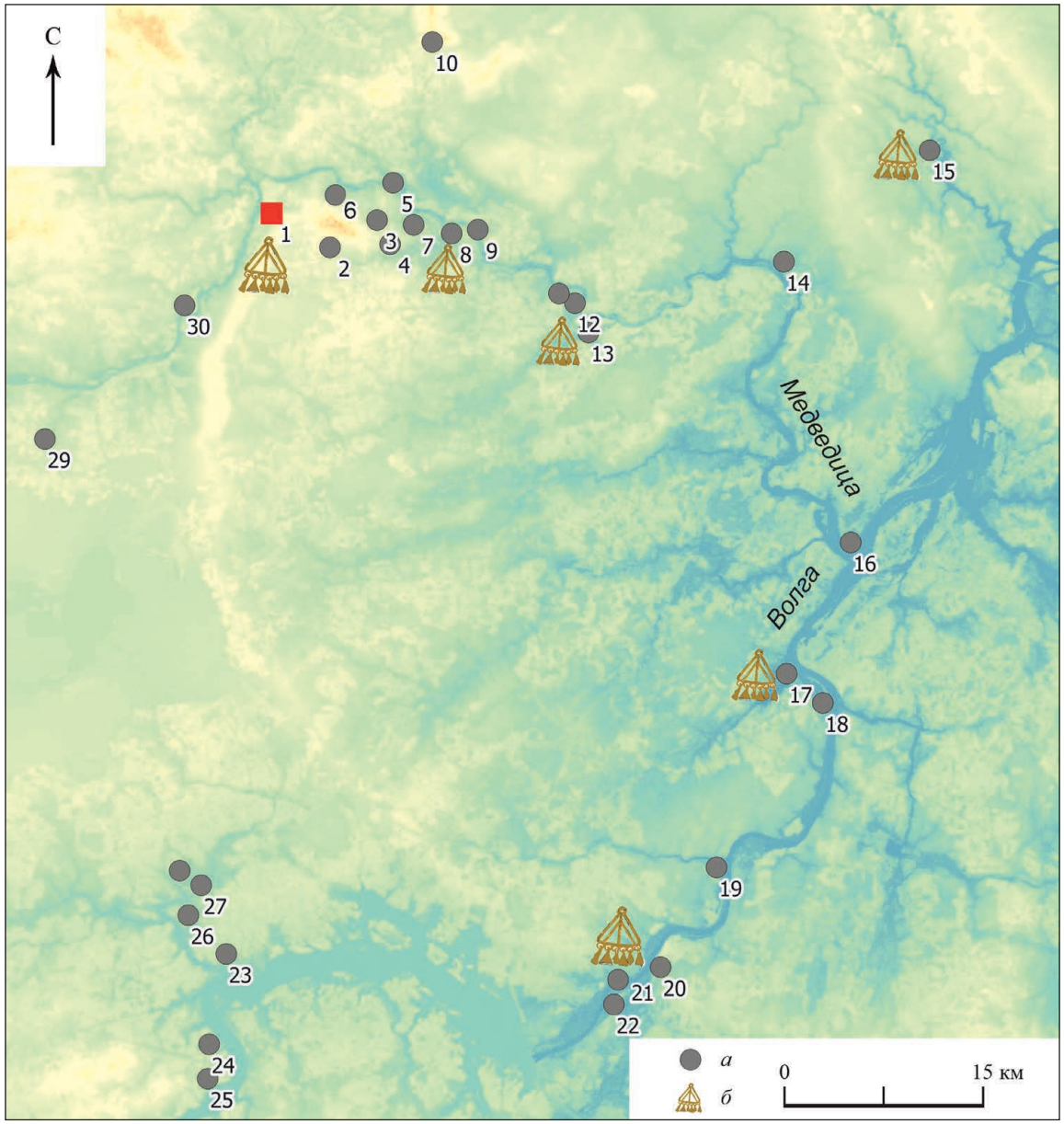


Рис. 1. Расположение археологического комплекса у д. Выркино в контексте погребальных памятников микрорегиона X–XIII вв.

а – погребальные памятники X–XIII вв.; *б* – находки шумящих привесок; 1 – археологический комплекс Выркино; 2 – Красный Бор; 3 – Воробьево 1 и 2; 4 – Грибово; 5 – Сергово; 6 – Дольницы 1 и 2; 7 – Алешово; 8 – Колюбеево; 9 – Калицыно; 10 – Ильинское; 11 – Тетьково; 12 – Посады; 13 – Хрипелево; 14 – Ременницы; 15 – Кашин; 16 – Медведицкое; 17 – Плешково 1 и 2; 18 – Ваулино; 19 – Кимры; 20 – Прислон; 21 – Пекуново 1 и 2; 22 – Дубна; 23 – Устье; 24 – Заборье; 25 – Глинники; 26 – Мыслятино; 27 – Поповское; 28 – Никольское на Сози; 29 – Сутоки; 30 – Волосково

этого памятника не проводились. Селище 3 расположено в 200 м от селища 2. В 1985 г. К. И. Комаров исследовал 24 кв. м. В раскопе зафиксирован культурный слой мощностью 0,45–0,64 м и выявлены остатки постройки срубной конструкции с развалом печи-каменки. Обнаружена лепная и круговая керамика и ряд индивидуальных находок. Среди них – проволочные височные кольца (рис. 3, *1, 2, 5*), привеска-конек смоленского типа (рис. 3, *7*), обломок браслета из плоско-выпуклого дрота (рис. 3, *6*), пластинчатая бронзовая подвеска на кольце (рис. 3, *8*), бронзовый язычок пряжки (рис. 3, *3*),

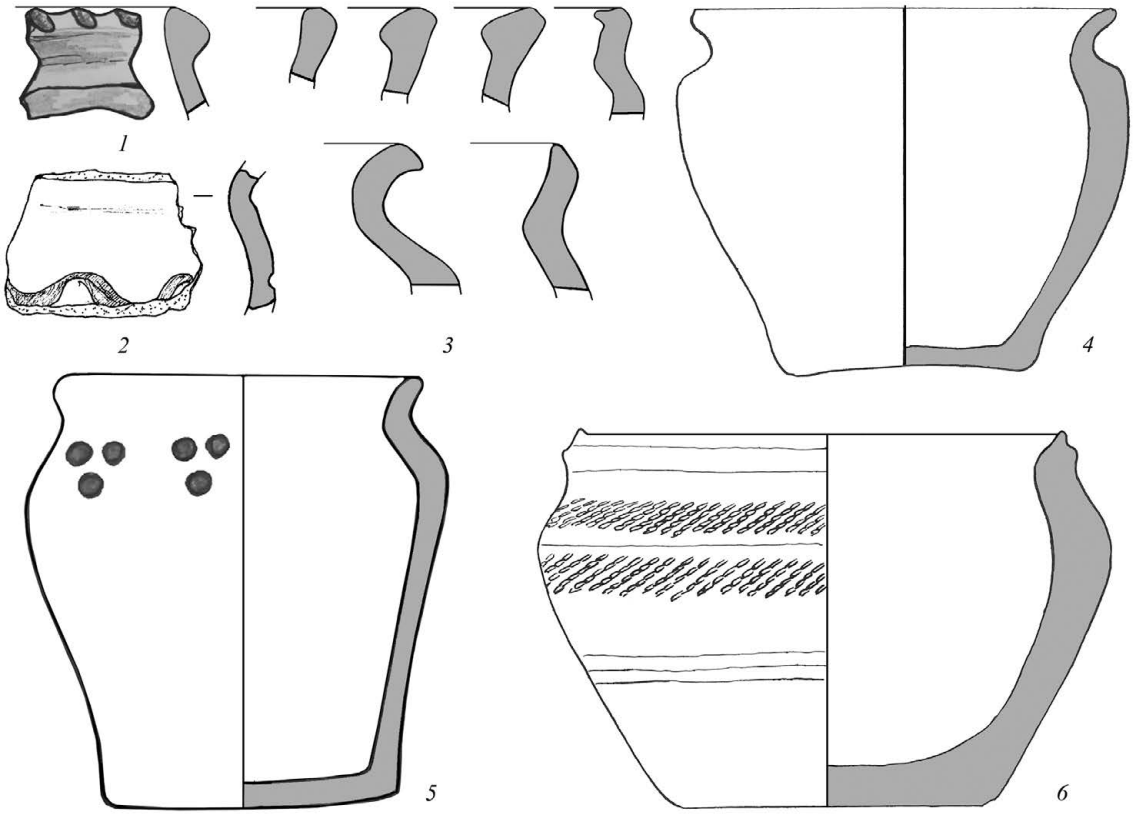


Рис. 2. Керамика из разведок и раскопок селищ и курганных групп у д. Выркино

1 – селище Выркино 1; *2* – курганная группа Выркино 3, кург. № 16; *3* – селище Выркино 2; *4* – курганная группа Выркино 3, кург. № 31, погр. 2; *5, 6* – курганная группа Выркино 2, кург. № 76, погр. 4

сердоликовая бипирамидальная граненая бусина (рис. 3, *4*), железные калачевидное кресало (рис. 3, *9*) и ножи, медвежий клык с просверленным отверстием, пять шиферных пряслиц, стеклянная четырехчастная пронизка. Найдены также обломки глиняной льячки и фрагмент тигля.

Таким образом, наиболее ранними в комплексе представляются селище 1 и нижний слой селища 3 с лепной керамикой, хронология которых определяется XI–XII вв. Находки свидетельствуют о существовании на поселениях железоделательного производства и ювелирного ремесла. Селище 2, вероятно, является относительно поздним памятником, датируемым XII – началом XIII в.

Курганный комплекс Выркино включает в общей сложности 12 курганных групп. Группы 1 и 2 расположены на берегу р. Медведицы; группы 3–9 приурочены к руслу ручья Студеного, впадающего в Медведицу; 10–12 – на склоне небольшой гряды, идущей вдоль русла Медведицы. Самой крупной является группа Выркино 2, насчитывающая 182 насыпи. Группа 3 состоит из 57 курганов, группа 7 – из 13. Раскопки курганов этих групп производил К. И. Комаров в 1985 г.

Высота курганов всех групп не превышает двух метров. Преобладают низкие насыпи (0,6–1,0 м). Курганы имеют ровики в основании и каменную обкладку. В исследованных курганах находилось, как правило, несколько разновременных погребений: от двух до четырех. Основные погребения совершались на горизонте и в могильных ямах, впускные – в полах существующих насыпей с их последующей досыпкой и в ямах, вырытых в насыпях. В кургане № 31 (погребение 2) курганной группы Выркино 2 обнаружен череп женщины с сопровождающими украшениями.

Вещевой инвентарь из раскопок курганных групп у д. Выркино представлен в основном украшениями женского костюма:

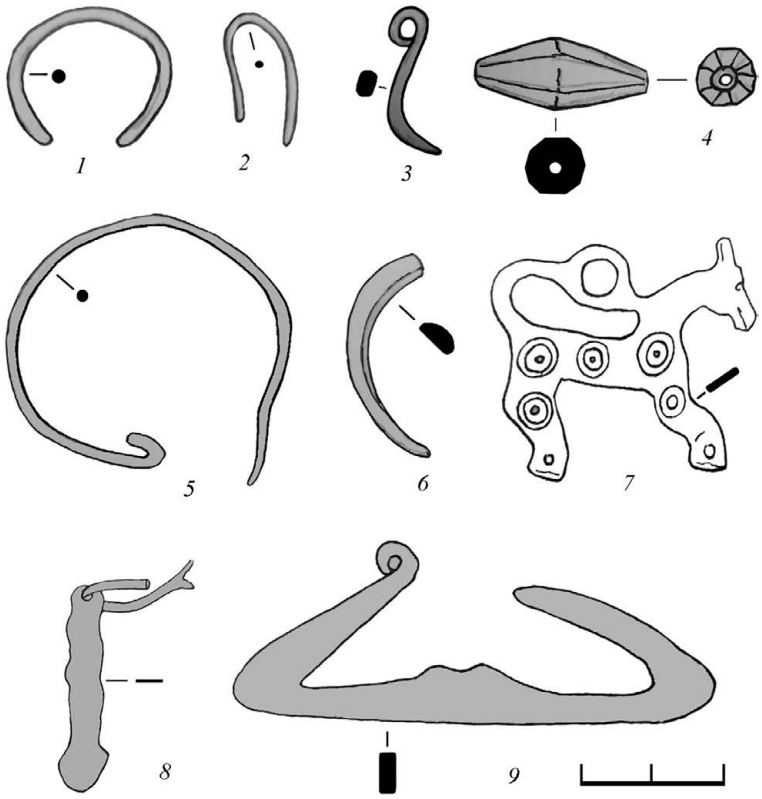


Рис. 3. Находки из раскопок селища Выркино 3

1, 2, 5 – височные кольца; *3* – язычок пряжки; *4* – бусина; *6* – фрагмент браслета; *7* – привеска-конек; *8* – пластинчатая привеска; *9* – кресало. *1–3, 5–8* – цветной металл; *4* – сердолик; *9* – железо

височные кольца, бусы, привески, браслеты, перстни. Височные кольца представлены проволочными перстнеобразными и браслетообразными с различным оформлением концов. В большинстве своем это кольца с заходящими концами. Есть загнутоконечные и бусинные кольца с полыми гладкими бусинами из двух половинок (рис. 4, *1, 3–5*). Проволочные височные кольца с заходящими концами и загнутоконечные, характерные для погребений Выркино, преобладают в восточной части Верхневолжья и в бассейне Мологи. Их средние размеры – 3–5 см в диаметре – меньше, чем у проволочных браслетообразных височных колец, распространенных на остальной территории Верхневолжья (*Степанова*, 2010а. С. 277). Единственный экземпляр крупного браслетообразного височного кольца с завязанными концами найден в кургане № 76 группы Выркино 2 (рис. 4, *2*). Во всех женских погребениях височные кольца располагались симметрично у каждого виска, по 1–4 экземпляра. В курганах № 2 и 3 группы Выркино 7 в состав женского убора входили 9 и 12 височных колец соответственно: с заходящими концами и бусинные, располагавшиеся у висков. В кургане № 96 группы Выркино 2 перстнеобразные кольца были продеты друг в друга. По составу височных украшений наборы головных украшений Выркино близки к комплексам восточной части Верхневолжья (Глинники, Пекуново 2, Плешково 1, Воробьево 1 и 2) и бассейна Верхней Мологи (Бежицы, Узмень, Сорогожское, Мотыли) и резко отличаются от комплектов браслетообразных височных колец, характерных для запада и центра Верхневолжья (*Степанова*, 2010а. С. 280).

Ожерелья из бус включали золото- и серебростеклянные (рис. 5, *1–4*), синие стеклянные, рубленый бисер, металлические из двух половинок (рис. 5, *5*), сердоликовые шарообразные бусы. В состав ожерелья из кургана № 31 группы Выркино 3 входили подвески-денарии (граф Герман или герцог Ордульф, 1059–1086 гг.) (рис. 5, *6, 7*).

Характерны для женского костюма Выркино цепочки простого плетения с подвешенными на них ножами, прикрепленные

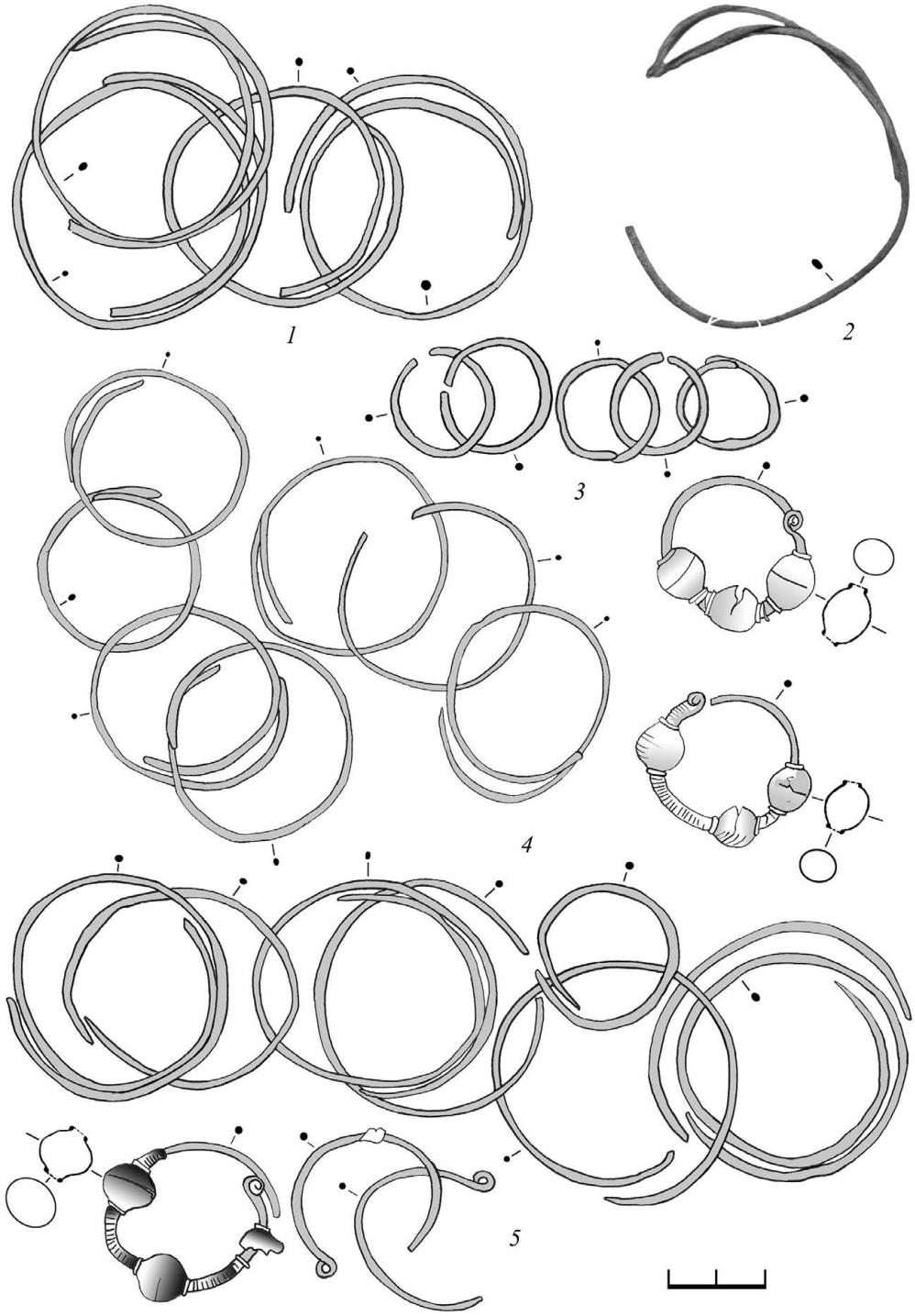


Рис. 4. Височные кольца из курганных групп Выркино 2 (*1–3*) и 7 (*4, 5*)

1 – кург. № 88, погр. 2; *2* – кург. № 76, погр. 1; *3* – кург. № 96, погр. 2; *4* – кург. № 2, погр. 2; *5* – кург. № 3. *1, 2, 4, 5* – белый металл; *3* – желтый металл

на одном плече (рис. 5, *9–11, 13*). Не исключено, что в погребальном костюме из кургана № 94 группы Выркино 2 нпходились парные украшения на плечах – цепочка с ножом на одном и треугольная привеска с кольцом (рис. 5, *12*) на другом плече.

В кургане № 12 (погребение 2) курганной группы Выркино 7 в области пояса погребенной женщины найдена шумящая литая арочная привеска с остатками кожаного ремешка в ушке (рис. 5, *14*). Похожие украшения найдены в костромских курганах

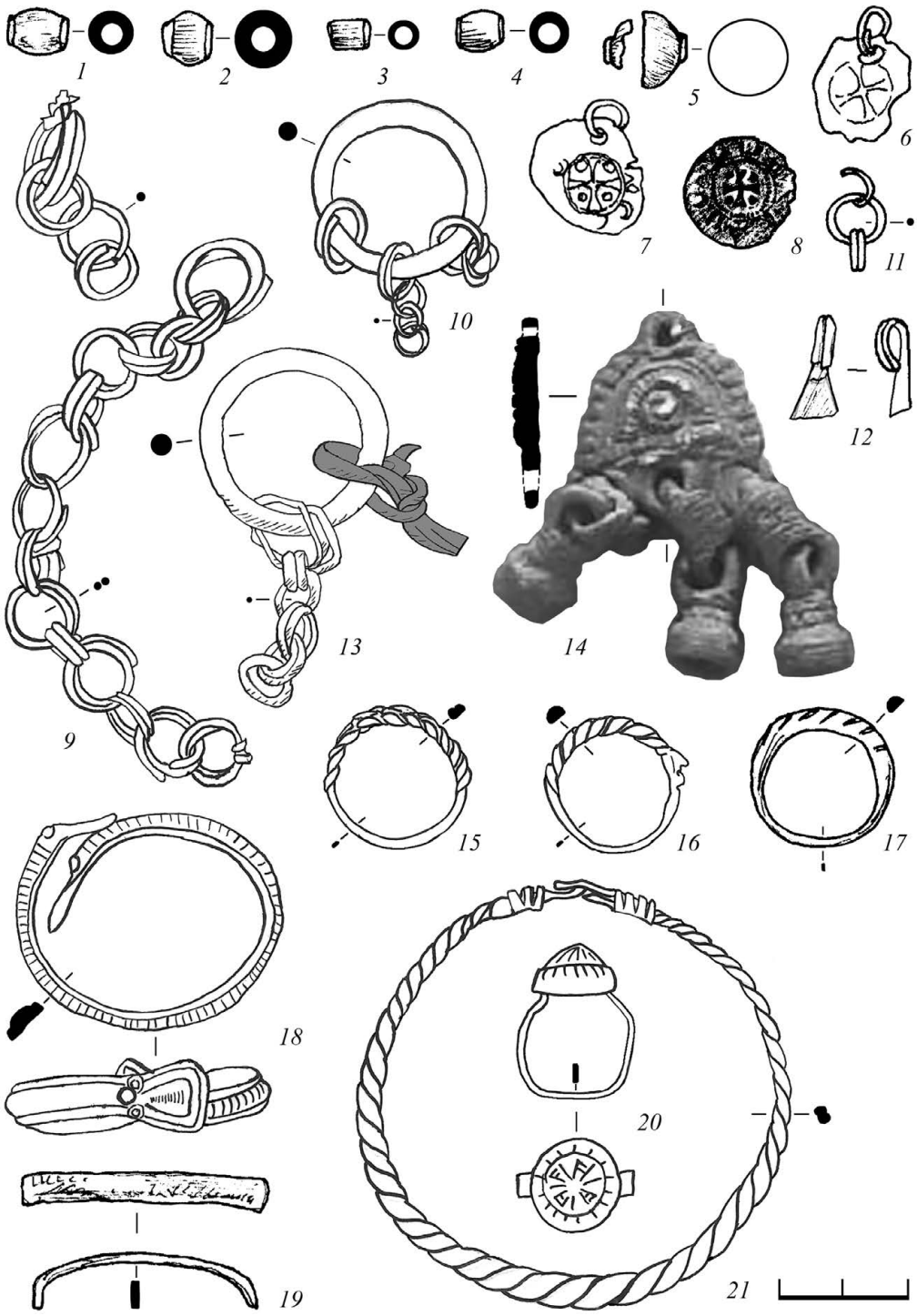


Рис. 5. Украшения женского костюма из погребений курганных групп Выркино

1–5 – бусы; *6–8* – привески-денарии; *9–11, 13* – цепочки; *12* – фр-т треугольной привески; *14* – шумящая привеска; *15–17, 21* – перстни; *18–20* – браслеты. *1–4* – стекло, серебряная фольга; *5–18, 20, 21* – цветной металл; *19* – железо.

1–4 – Выркино 7, кург. № 2, погр. 2; *5, 10–12* – Выркино 2, кург. № 88, погр. 1; *6, 7, 18* – Выркино 3, кург. № 31, погр. 2; *8* – Выркино 3, кург. № 31, погр. 1; *9* – Выркино 2, кург. № 94; *13* – Выркино 7, кург. № 1, погр. 2; *14* – Выркино 7, кург. № 12, погр. 2; *15–17, 19* – Выркино 7, кург. № 1; *20, 21* – Выркино 7, кург. № 3

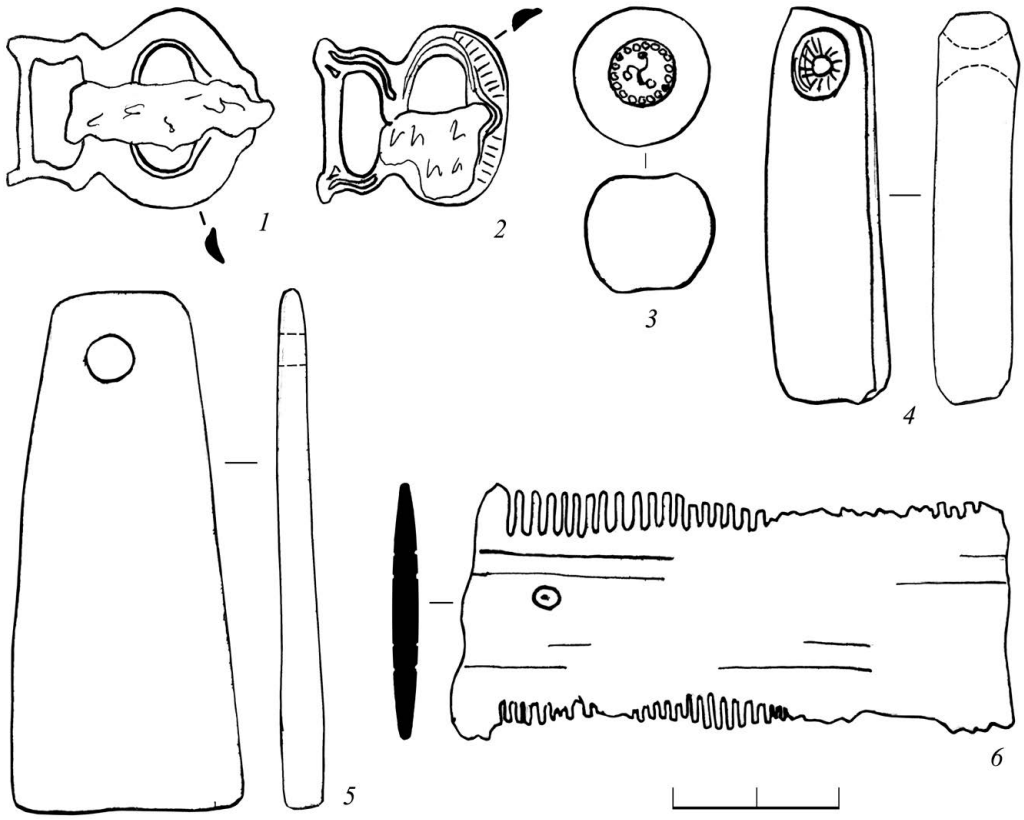


Рис. 6. Детали мужского костюма и предметы быта из погребений курганной группы Выркино 2

1, 2 – поясные пряжки; *3* – гирька; *4, 5* – оселки; *6* – гребень. *1–3* – цветной металл; *4, 5* – сланец; *6* – кость. *1, 5* – кург. № 96, погр. 1; *2, 4* – кург. № 76, погр. 3; *3* – кург. № 76, погр. 4; *6* – кург. № 96, погр. 2

(*Рябинин*, 1981. Табл. V, *8*) и памятниках муромы. Как и в погребениях муромы, она, вероятно, была подвешена на поясе (*Зайцева, Зеленцова*, 2021. С. 79).

Наручные украшения представлены браслетами: железным пластинчатым (рис. 5, *19*), бронзовыми плоско-выпуклым звериноголовым (рис. 5, *18*) и витым с завязанными концами (рис. 5, *21*). Перстни, входившие в состав погребального костюма, относятся к ложновитым (рис. 5, *15–17*). Найден также один экземпляр со сферическим навершием (рис. 5, *20*).

В поясной зоне погребений найдены железные ножи, гребень (рис. 6, *6*) и шиферное пряслице. В кургане № 3 Выркино 7 в центре нагрудной зоны погребенной женщины лежала игла от фибулы. Фибулы в составе женского погребального костюма Верхеволжья XI–XII вв. редки. Они характерны лишь для группы населения, оставившей могильник Плешково 1 в относительной близости к бассейну р. Медведицы.

В мужских погребениях найдены поясные пряжки, ножи и оселки (рис. 6, *4, 5*). Пряжки относятся к типам лировидных (рис. 6, *1*) и с овальной рамкой (рис. 6, *2*). В погребении 4 кургана № 76 найдены остатки кожаного кошелька, в котором находились гирька в форме бочонка с кружковым орнаментом (рис. 6, *3*) и половинка калачевидного кресала. В единственном случае (в погребении 3 кургана № 76) зафиксирована мужская серьга – перстнеобразное колечко с заходящими концами, носившееся в правом ухе. В мужском погребении кургана № 31 Выркино 2 обнаружен денарий (Фризия, Болсвард, граф Экберт I, 1057–1068 гг.) (рис. 5, *8*).

Погребения сопровождались также лепными сосудами и фрагментами круговой керамики.

Найденные в погребениях вещи, такие как золото- и серебростеклянные бусы (*Лесман*, 1984. С. 139), перстень со сферическим щитком, датируемый XI в. (*Седова*, 1981. С. 132), пряжка с овальной рамкой

(в Новгороде бытовали с конца XI в. – *Седова*, 1981. С. 144), западноевропейские монеты второй половины XI в., позволяют датировать рассматриваемые погребения концом XI – первой половиной XII в.

Погребальный обряд курганных групп Выркино 2, 3 и 7 близок обряду, зафиксированному по материалам раскопок курганных групп Бежицы, Воробьево 1 и 2, Узмень, для которого также характерны каменная обкладка курганов, захоронения в подкурганных могильных ямах, несколько разновременных захоронений в курганах (*Степанова*, 2010б. С. 188–190). Женский погребальный костюм так же, как и в этих группах, включает головной убор с перстнеобразными и браслетообразными височными кольцами (чаще всего с заходящими концами), цепочки и шумящие привески, поясные аксессуары.

Вероятно, население, оставившее курганные группы Выркино, сохраняло финно-угорские черты в культуре. Прежде всего, это комплекс головных украшений, предполагаемые парные плечевые украшения и одежда с фибулой. Возможно, на местную культуру оказывало влияние соседнее население бассейна р. Медведицы и Волги, включавшее выходцев из земли мери на границе с муромой (*Комаров*, 2002. С. 166–167).

В регионе Медведицы и Верхней Мологи культура верхневолжских финнов сохранялась более длительное время, чем на западе и в центральной части Верхневолжья, где она практически не просматривается в древнерусском погребальном обряде.

Приложение

Характеристика погребений, исследованных в курганных группах Выркино 2, 3 и 7 (*Комаров*, 1985).

Выркино 2

Курганы имеют высоту от 0,2 до 2,0 м, диаметр 6–8 м, ровики в основании. В курганной группе Выркино 2 изучено пять насыпей, включавших 12 погребений: четыре – мужские, пять – женские, три – неопределенные (пол погребенных определялся в ходе раскопок только по характеру инвентаря).

Курган № 76. Высота – 1,6 м, диаметр – 10,8 м. Выявлено четыре разновременных погребения. В западном ровике кургана выявлен очаг размерами 1,0×2,4 м с кострищем мощностью до 0,45 м.

Погребение 1. Женское. Располагалось в центре кургана, в яме, вырытой в вершине кургана, гл. 0,6 м. Ориентировано головой на запад, руки вытянуты. У висков – по два перстнеобразных височных кольца (два загнутоконечных, одно с небрежно перекрученными концами, одно со сходящимися концами). У правого плеча – железный нож.

Погребение 2. Мужское. На гл. 0,8 м, на 0,25 м выше древней дневной поверхности. Ориентировано головой на северо-запад, руки вытянуты. У правого бедра – железный нож.

Погребение 3. Мужское. В южной части кургана, на 0,4 м выше древней дневной поверхности. Ориентировано головой на запад, руки вытянуты. Справа у черепа – бронзовое перстнеобразное колечко с заходящими концами (серьга). На костях таза – бронзовая лировидная пряжка и сланцевый оселок.

Погребение 4. Мужское. На горизонте, в северной части кургана, в слое древней погребенной почвы. Ориентировано головой на северо-запад. У пояса, слева – гирька в форме бочонка с кружковым орнаментом вместе с фрагментами кожаного кошелька. Слева у бедра – фрагмент калачевидного кресала и железный нож. В ногах погребенного – лепной и круговой сосуды. Над погребением 4 зафиксирована первичная насыпь диаметром 4,2–4,3 м.

Курган № 88. Разрушен. Высота – 1 м, диаметр – 8 м. Выявлено четыре погребения.

Погребение 1. Располагалось в центре кургана, на 0,10–0,15 м выше уровня погребенной почвы, ориентировано головой на ЗСЗ. Остатки скелета имели плохую сохранность. Вещей нет.

Погребение 2. Совершено в 0,3 м выше уровня погребенной почвы. Плохой сохранности. Вещей нет.

Погребение 3. Женское. Располагалось в юго-восточном секторе кургана, на горизонте, ориентировано головой на юго-юго-запад. По сторонам черепа найдено по три височных кольца (диаметром 2,8–5,0 см) со сходящимися и заходящими концами. В области шеи – 124 экз. бисера и три серебростеклянные цилиндрические бусины. У левой плечевой кости – железный нож.

Погребение 4. Располагалось параллельно погребениям 1 и 2, к западу от погребения 1, на горизонте. Имело плохую сохранность, вещи не найдены.

Курган № 94. Высота – 0,7 м, диаметр – 5,6 м. В центре кургана обнаружено погребение женщины в могильной яме размерами 2,40×0,60–0,75 м, глубиной 0,28 м. Ориентировано головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. У висков – по одному бронзовому перстнеобразному височному кольцу со сходящимися концами. На шее – девять шарообразных сердоликовых бусин, несколько экземпляров бисера плохой сохранности. Справа, в области груди – бронзовая цепочка, ниже ее – железный нож, который, вероятно, был к ней подвешен. Слева, в области груди – бронзовое колечко. У левой бедренной кости – крупная хорошо отшлифованная галька. В коллекции ТГОМ – остатки бронзовой треугольной подвески.

Курган № 95. Высота – 0,6 м, диаметр – 6 м. В центре кургана, в могильной яме размерами 2,06×0,80 м, глубиной 0,2 м обнаружено погребение женщины. У висков – по три перстнеобразных височных кольца с заходящими концами диаметром 1,5–3,0 см. В области шеи – пять золотостеклянных цилиндрических бусин, справа от правой бедренной кости – железный нож длиной 11 см. В могильной яме обнаружен венчик кругового сосуда.

Курган № 96. Высота – 0,6 м, диаметр – 6,4 м. Выявлены два погребения.

Погребение 1. Мужское. В южной половине кургана, в могильной яме размерами 2,34×0,75 м, глубиной 0,28 м. Ориентировано головой на северо-запад, руки вытянуты. В области таза справа – бронзовая лировидная пряжка с железным язычком и железный нож, слева – сланцевый оселок с отверстием. В ногах погребенного – крупный камень.

Погребение 2. Женское. Параллельно погребению 1, в могильной яме размерами 1,2×2,3 м, глубиной 0,2 м. Ориентировано головой на северо-запад, руки вытянуты. У висков – по три перстнеобразных височных кольца. На шее – пять сердоликовых шарообразных бусин. У левого плеча и вдоль левой руки – бронзовая цепочка с железным ножом. У левого бедра – костяной двухсторонний гребень с циркульным орнаментом.

Въркино 3

Курганы имеют высоту от 0,6 до 1,5 м, диаметр 6–8 м, ровики в основании. В курганной группе Выркино 3 изучено две насыпи, содержавшие четыре погребения, в том числе одно тройное. Один скелет можно определить как женский, еще одно погребение – мужское, два – неопределенные. Кроме того, в погребении 2 кургана № 31 найден только череп, сопровождавшийся женскими украшениями.

Курган № 16. Высота – 0,7 м, диаметр – 6 м. Обложен валунами. Выявлено две могильные ямы. Яма № 1 глубиной 0,4 м располагалась в центре кургана. В ней найдено тройное погребение плохой сохранности. Ориентировано на юго-запад. Череп скелета 1 располагался в западной половине ямы. К востоку от него найдены берцовые кости и череп скелета 2. Около черепа скелета 2 найдены два бронзовых перстнеобразных височных кольца. К востоку от скелета 2 располагался череп скелета 3. К югу от могильной ямы № 1 располагалась могильная яма № 2. В ней ничего не найдено.

Курган № 31. Высота – 1,2 м, диаметр – 8 м. Обнаружено три погребения.

Погребение 1. Мужское. Первоначальное погребение в кургане. На горизонте, ориентировано головой на запад, руки вытянуты. На уровне низа грудной клетки найден денарий (Фризия, Болсвард, граф Экберт I, 1057–1068 гг.). Справа, у таза – железный нож.

Погребение 2. Женское. Сохранился только череп. Справа и слева от него – по две монеты-привески: два денария (Евер, граф Герман (1059–1086 гг.) или герцог Ордульф (1059–1071 гг.)); две неопределенные. Справа, у черепа – битрапецоидная синяя бусина, слева – биллоновая полая гладкая бусина.

В 0,1 м от черепа – железный пластинчатый браслет и бронзовый плоско-выпуклый звериноголовый браслет. Рядом с черепом и вещами – круговой сосуд, по-видимому, относящийся к этому погребению.

Погребение 3. Сохранилось частично. Вещей нет.

Выркино 7

Курганы имеют высоту от 0,4 до 1,8 м, диаметр 6–10 м, ровики и каменные выкладки в основании. Изучено четыре насыпи, включавшие шесть погребений: три женских и три неопределенных.

Курган № 1. Разрушен. Погребение выявлено в могильной яме размерами 1,0×4,0×0,84–1,02 м, ориентированной на запад-северо-запад. Кости скелета плохо сохранились. Руки, вероятно, были скрещены в области таза. У костей рук найдено два ложновитых перстня. У зубов – обломок медной пластинки.

Курган № 2. Высота – 0,6 м, диаметр – 9,2–10,0 м. Обложен валунами. В валунной кладке найден обломок жернова. В восточном секторе кладки – четыре небольшие плитки, поставленные как квадратное гнездо. Найдено два погребения.

Погребение 1. В яме, расположенной в северной части кургана, размерами 0,9×2,4 м, глубиной 1,1 м. При скелете найдены железный нож с остатками деревянной рукояти и лепной сосуд в обломках.

Погребение 2. Располагалось в центре кургана, в могильной яме глубиной 0,84 м. Ориентировано на северо-запад. Кости не сохранились. Найдено семь перстнеобразных височных колец с заходящими концами диаметром 3,5–4,5 см, два трехбусинных височных кольца с полыми бусинами, 13 металлических полых бусин, 13 серебростеклянных бус, одна пастовая, одна синяя стеклянная, одна золотостеклянная цилиндрическая бусины. Ниже бус располагалась бронзовая цепочка с ножом с левой стороны груди. На кольце цепочки – обрывок кожаного шнурка. Фрагменты кожаных и плетеных в виде косички шерстяных шнурков сохранились в коллекции ТГОМ.

Курган № 3. Высота – 0,54 м, диаметр – 7,5 м. Обложен валунами. Погребение находилось в могильной яме размерами 2,9×1,0 м, глубиной 0,42 м. У черепа найдено восемь бронзовых перстнеобразных височных колец с заходящими концами диаметром 3,2–5,5 см, одно целое бусинное височное кольцо с полыми бусинами и одно – в обломках, два перстнеобразных загнутоконечных височных кольца. Найдено много обломков металлических бусин, одна целая. На груди – щитковый перстень со сферическим щитком и витой бронзовый браслет с завязанными концами. В центре груди – обломок железной иглы от фибулы.

Курган № 12. Высота – 0,64 м, диаметр – 5,6–6,1 м. Обложен валунами. Выявлены два погребения.

Погребение 1. Северное. В могильной яме размерами 2,9×1,0 м, глубиной 0,32 м. Ориентировано головой на запад. В яме найдены обломки лепной керамики.

Погребение 2. Южное. В могильной яме размерами 3,2×0,6 м, глубиной 0,8 м. Ориентировано на северо-запад. Руки вытянуты. У черепа – три бронзовых перстнеобразных височных кольца с заходящими концами, обломки металлических бусин. У тазовой кости, справа – бронзовый сомкнутый ложновитой перстень. У кисти левой руки – бронзовая литая арочная подвеска с ушком и тремя привесками-бубенчиками. На ушке сохранился кусок кожаного ремешка. Рядом с привеской – бронзовое колечко с заходящими концами, на котором, вероятно, крепилась подвеска, и железный нож с костяной рукоятью с циркульным орнаментом. Под лучевой костью – фрагмент неопределенного железного предмета.

Литература

АКР. Тверская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2003. 528 с.

Зайцева И. Е., Зеленцова О. В., 2021. Треугольные ажурные подвески на древнерусских и муромских памятниках // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тыс. н. э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 75–88.

Комаров К. И., 1985. Отчет о разведке в Костромской области и раскопках в Калининской области в 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11863.

Комаров К. И., 1987. Исследования в Костромской и Калининской областях // АО 1985 года. М.: Наука. С. 70–71.

Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К°. С. 141–189.

Кучкин В. А., 2015. Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 308–319.

Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: ЛГУ, 1984. С. 118–172.

Малыгин П. Д., 1984. Работы на Верхней Волге // АО 1982 года. М.: Наука. С. 67–69.

Малыгин П. Д., 1982. Отчет о раскопках в г. Торжке и разведках в бассейне Верхней Волги в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8959.

Новиков А. В., 1996. Отчет о разведках в Кимрском районе Тверской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 20843, 20844.

Плетнев В. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия. 519 с.

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Степанова Ю. В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. унив. 362 с.

Степанова Ю. В., 2010а. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 5. С. 275–283.

Степанова Ю. В., 2010б. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений // АИППЗ. № 25 (55). С. 187–195.

Yu. V. Stepanova

The Materials of the Archaeological Complex Vyrkino (Tver Region) of the 11th – 12th Centuries in the Context of Local Culture

The article is devoted to the materials of excavations of the archaeological complex Vyrkino (Tver region) of the 11th – 12th centuries. The complex includes a stronghold, 3 settlements and 12 barrow groups. Excavations were carried out in the 1980s. Details of a female costume and household items were found on the settlements and in the burials. The female headdress of the Vyrkino population included the fingerring-shaped temporal rings, characteristic of the eastern part of the Upper Volga region. Necklaces consisted of beads and pendants, including made from denarius of the second half of the 12th century. The noisy pendant from the barrow 12 of Vyrkino 7 has analogies among the jewelry of Merya and Muroma. Wrist jewelry is represented by finger rings and bracelets. The complex of finds of the burials date by the second half of the 11th – first half of the 12th century. The article gives a catalog of burials.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.219-231

Л. В. Татаурова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория, Омск

Проблемы в изучении археологического источника Нового времени: взгляд из Сибири

Проблемы в получении и изучении археологического источника Нового времени уже рассматривались исследователями. Они относились к определению места и значения исследований памятников XVI–XIX вв. в структуре археологической науки; особенностям сопряжения с другими источниками (письменными, этнографическими); ценностям полученных результатов изучения средневековых комплексов в социально-культурном и политическом ландшафте современности (Археология ... 2005; *Беляев*, 2014; *Татаурова*, 2015а; 2021а; и др.).

Самой важной проблемой в археологии Нового времени является достоверность интерпретаций, прежде всего потому, что в реконструкции внутреннего содержания изучаемых объектов участвуют разные виды источников, которых нет для дописьменной истории. Кроме того, период XVI–XIX вв. с одной стороны стыкуется с древнерусскими материалами на территории европейской части нашей страны, с другой стороны, как в Сибири, так и в Европейской России близок к этнографической современности.

Объектом исследования стала археология русского мира во всероссийском масштабе.

Цель – осмысление имеющихся наработок и возможных исследовательских путей в решении указанной проблемы.

В рамках направления археологии русских в нашей стране указанную проблему можно представить как систему, включающую комплекс сопутствующих вопросов, часть которых представлена ниже:

1. Проблема построения типологических структур на основе общепринятой методики (которая пока отсутствует), применимой к археологическим материалам для всех территорий распространения русского мира. Бесспорно, что культура любого этноса независимо от места его проживания имеет традиционные черты, выработанные в ходе исторического развития. Построение «сквозных» типологий позволит представить развитие русской культуры во времени и пространстве.

В современном научном поле опыт построения типологий для некоторых вещевых категорий имеется. Чуть ниже я приведу несколько примеров.

Но сначала стоит отметить один методический аспект, прежде всего присутствующий в исследованиях по археологии русских Сибири. Археологические источники характеризуют здесь культуру населения исключительно периода Нового времени. Тем не менее, для систематизации коллекций применяются классификационные схемы, построенные на материалах Древней Руси, несмотря на временной и территориальный разрыв (*Артемьев*, 2007; *Самигулов*, 2007).

С одной стороны, это обусловлено исторической преемственностью русской культуры. Но главное, древнерусские коллекции обработаны по требованиям археологической науки, их интерпретация основана на многочисленных, разнообразных хорошо изученных письменных источниках, дополняющих друг друга, и менее дискретных, чем сибирские летописи.

С другой стороны, их использование как базы для изучения периода XVI–XIX вв. создает парадоксальную ситуацию – направление процесса исследований идет не от этнографической современности в древность (от известного к неизвестному), а наоборот, – от моделей, полученных на древнерусских материалах, к Новому времени и сопоставлению их с этнографией.

Можно задать вопрос – почему? Все дело в том, что, по мнению Ю. М. Лесмана, и я с ним полностью согласна, имеется источниковедческий разрыв между археологическими материалами, обработанными по правилам археологической науки (типологии, хронологии, ареалы распространения) и данными этнографии и музейными коллекциями. Разрыв этот методический, связанный с отличающимися принципами сбора и обработки материала в археологии и этнографии (Археология ... 2005. С. 87).

Для оценки корректности этого тезиса проанализированы каталоги музейных коллекций, характеризующих культуру и хозяйство русского населения Западной Сибири (*Татаурова*, 2021б) в сравнении с археологическими коллекциями сельских памятников (ведь чаще всего предметные комплексы музеев представляют сельский быт).

Выводы получились такие: музейные предметные коллекции формируются, во-первых, из сборов в разных населенных пунктах, часто рассредоточенных на огромной территории – Западной Сибири, или, в лучшем случае, отдельной области. Кроме того, избирательно, а значит, они не могут образовывать серии, соответственно, это не позволяет проводить сравнительный анализ с археологическими собраниями. В описательных этнографических материалах, даже при наличии иллюстраций, часто нет размерных, морфологических, технологических характеристик или они единичны. Кроме того, археологические вещевые комплексы, характеризующие системы жизнеобеспечения, значительно разнообразнее по составу, чем музейные.

Еще одна проблема связана с репрезентативностью использования этнографических описаний русского мира Сибири XVI–XIX вв., имеющихся в письменных источниках, записках путешественников. Несмотря на то, что в них отражено время, синхронное существованию будущих археологических памятников; они, как и археологические материалы, требуют применения определенных методических приемов для получения информации, которую можно использовать в создании типологий и интерпретациях. Но она так же, как и этнография, будет иметь дискретное содержание.

Однако мы не можем игнорировать эти источники, потому что для исследования археологических памятников русского населения Сибири Нового времени это важно – в этнографических собраниях есть комплексы предметов и объектов, использование которых было, во-первых, более продолжительным по сравнению с европейской частью России (*Артемьев*, 2005. С. 260, 261; *Татаурова*, 2017. С. 167), что позволяет их соотносить с археологией. Во-вторых, отдельные категории предметов (например, кресала, керамика, светцы, и др.) вышли из употребления только к середине XX в. (*Митько*, 2011. С. 337; *Татаурова*, 2015б. С. 144; 2017. С. 167).

Это позволяет группировать археологические объекты и артефакты в соответствии с описаниями ассортимента предметов в этнографических и письменных источниках. Такие типологии репрезентативны и работающие, так как выработаны самой культурой, где каждый тип имеет свое название, назначение и соответствует традиционным функциям и связям.

Возвращаясь к вопросу построения типологий, замечу, что, в их создании более продуктивен в плане достоверности интерпретаций этноархеологический подход. В тех случаях, когда возможно его применение для отдельных вещевых комплексов, стоит создавать «общероссийские» типологические схемы для Нового времени на основе сибирских материалов в большей степени сохранивших традиционные архетипичные черты и меньше подверженных урбанистическим воздействиям (*Татаурова*, 1998; 2015б; 2021б).

Однако этноархеологический подход не всегда возможен в силу обозначенных выше проблем в работе с этнографическими материалами.

Поэтому, чаще всего применяются чисто археологические или комбинированные

методики к созданию типологий. Они решают конкретные задачи – от систематизации вещевых комплексов по основным параметрам (материал, форма) к изучению конструктивно-морфологических признаков, а также анализу технологий конструирования и дизайна. Последний подход к систематизации позволяет выйти на назначение изделий и связанные с ним конструктивные и технологические особенности.

К типологии, выполненной на основе конструктивно-морфологических признаков, в качестве примера можно привести систематизации наконечников стрел Русского государства XV–XVII вв. (*Двуреченский*, 2007), средневекового населения Западной Сибири (*Соловьев*, 1987) и позднесредневекового населения Барабы (*Молодин, Соболев, Соловьев*, 1990). Первые две работы характеризуют один хронологический период времени в разных регионах, но в Сибири – до прихода русских. Третья – культуру аборигенного населения, синхронную началу формирования русского мира в отдельном регионе.

Предложенные схемы типологий были применены для русских материалов Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. (*Татаурова, Мыльников*, 2021). Большая часть коллекций (материалы города Тары, сельских поселений: Ананьино, Изюк, и Бергамакского острога – Омская область) соответствовала выделенным типам (рис. 1), как сибирским, так и европейским, хотя есть и оригинальные вещи, отдельные типы коррелировались с более ранними – древнерусскими материалами, систематизированными А. Ф. Медведевым (1966).

Таким образом, взяв за основу сравнительного анализа синхронные материалы, характеризующие типы вооружения (наконечники стрел) русского населения XV–XVII вв. европейской части России и Сибири Нового времени, сравнив их с оружием коренного населения Сибири в позднем Средневековье и в более ранний период, стало возможным понять общие и особенные черты его появления, распространения и использования. То есть получить пример общероссийской типологии стрел. Кроме того, проследить связь и преемственность позднего материала с наследием Древней Руси.

Еще один пример – изучение кожаных изделий, коллекции которых в сибирских материалах весьма представительны (рис. 2–4).

В настоящее время, хотя и частично, опубликована коллекция кожаных изделий из города Мангазеи. Типология кожаной обуви на материалах раскопок памятника в 2001–2007 гг. построена на комплексном подходе, включающем изучение расположения артефактов в культурном слое, их типовое разнообразие, различающееся конструктивными особенностями обуви (рис. 2, *1, 2*), материалом и технологиями производства изделий (*Визгалов, и др.*, 2011). Собственно исследование включает несколько классификационных разделов для разных категорий находок: виды сырьевых ресурсов (*Визгалов, и др.*, 2011. С. 34–37); типологию обуви, основанную на конструктивных и технологических отличиях фасонов (*Визгалов, и др.*, 2011. С. 37–55); типологию обувных подковок на примере разработанной Б. А. Колчиным для древнерусских материалов (*Визгалов, и др.*, 2011. С. 55–58); типологии других деталей костюма, выполненных из кожи, ремесленных инструментов кожевенно-обувного производства, и т. д. Для реконструкции культурного контекста использования выделенных типов обуви и другой одежды из животного сырья привлекались обширные этнографические материалы, письменные источники: зарубежные, древнерусские и европейской части России, сибирские.

Структура монографии, благодаря участию в составе авторского коллектива А. В. Курбатова, по сути, аналогична его работе «Кожевенное производство Твери XIII–XV вв.» (2004). Хотя в ней рассмотрен более ранний период развития производства изделий из кожи и их ассортимент, показана динамика развития типов обуви в русских городах (по имеющимся на начало 1990-х годов археологическим материалам) с X по XVIII в. Даны технологические и размерные характеристики. В подобном же ключе выполнено исследование обуви Московской земли, относящейся к XII–XVIII вв. (*Осипов*, 2006).

При огромном объеме археологического материала, как из европейской части России, так и Мангазеи, к сожалению, в работах недостает конструкторско-тех-

Рис. 1. Наконечники стрел

1 – Тарское Прииртышье, Тара, русские XVII в. (по: *Татаурова, Мыльников*, 2021. С. 86. Рис. 2, *25*); *2* – Бараба, Абрамово-10, барабинские татары XVI–XVIII вв. (по: *Соловьев*, 1987. С. 180, табл. IV, *4*); *3, 4* – Московская Русь, русские XI–XIV вв. (по: *Медведев*, 1966. С. 65, 157, табл. 23–*38, 39*); *5* – Тарское Прииртышье, Ананьино-I, русские XVII в. (раскопки Л. В. Татауровой, 2020 г.); *6* – Бараба, Пнистые Курганы, барабинские татары XVI–XVIII вв. (по: *Соловьев*, 1987. С. 180, табл. IV-*4*); *7* – Московская Русь XVI–XVIII вв. (по: *Двуреченский*, 2007. С. 288, рис. 15); *8* – Тарское Прииртышье, Ананьино-I, русские XVII в. (по: *Татаурова, Мыльников*, 2021. С. 86, рис. 2–15); *9* – Мангазея, русские XVII в. (по: *Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 205, рис. 89, *5*); *10* – Московская Русь, русские XIII–XIV вв. (по: *Медведев*, 1966. С. 64, 179, табл. 30Д, *107*)

нологической и графической реконструкций выделенных типов обуви, которые позволили бы детально сравнивать коллекции сибирских памятников с материалами европейской части России, а также зарубежными собраниями. Анализ последних позволил бы выявить традиции, которые влияли на распространение как отдельных элементов обуви, изменение фасонов, так и целых форм. Хотя реконструкции/реставрации некоторых типов обуви представлены в работе Д. О. Осипова (2006. С. 135–159).

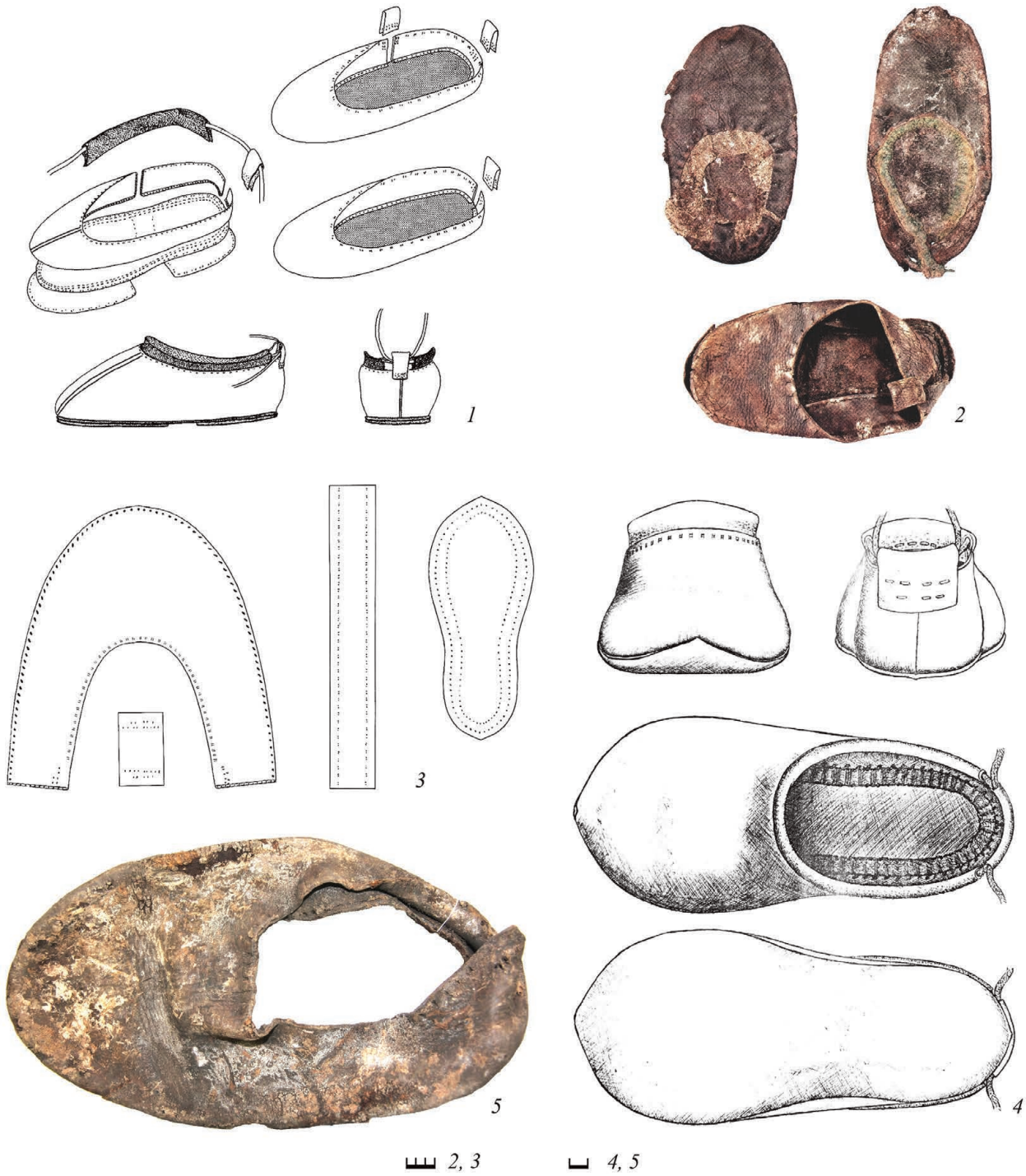


Рис. 2. Типы кожаной обуви и технологии сборки

1 – Мангазея. Раскрой и технология сборки детальнокроеной обуви, русские XVII в. (по: *Визгалов, Пархимович, Курбатов*, 2011. С. 121, рис. 14, *1*); *2* – Мангазея, археологические материалы. Детальнокроеная обувь без каблука, русские XVII в. (по: *Визгалов, Пархимович, Курбатов*, 2011. С. 126, рис. 19); *3, 4* – раскрой и графическая реконструкция кожаных туфель без каблука (коты) по материалам Тарского Прииртышья, русские XVII–XVIII вв. (по: *Богомолов, Татаурова*, 2017); *5* – головка кожаных туфель без каблука (котов). Изюк-I. Тарское Прииртышье, русские XVII–XVIII вв. (раскопки Л. В. Татауровой, 1999 г.)

Несколько другой подход в изучении обуви предложен на материалах сельских памятников Омского Прииртышья (рис. 2, *3, 4*). Коллекции деталей кожаной обуви систематизированы, описаны и изучены с точек зрения технологии, конструирования и дизайна. На основе полученной информации реконструирована форма изделий, выделены 10 типов обуви, характерных для конца XVII – XVIII в. Основой для выделения типов взяты назначение обуви и связанные с ним конструктивные и технологические особенности (*Богомолов, Татаурова*, 2014; 2017; *Татаурова, Богомолов*, 2016; 2018).

Отличием этого подхода от использованного для Мангазейской и других коллекции является то, что конструктивные детали каждого типа обуви рассматривались с позиции их расположения в целых формах, что находило воплощение в натурной реконструкции (рис. 3, *6*; 4). Технологические сюжеты и детали конструкции каждого типа прорисовывались в графической модели (рис. 2, *3, 4*; 3, *1, 2, 4, 5*). Культурный ландшафт использования каждого типа обуви представлялся по письменным источникам и данным этнографии. Это позволило выявить возможные названия обуви, ее предназначение, проследить историю и время появления в костюмных комплексах русского населения, как европейской части России, так и в Сибири.

Приведенные примеры типологий, конечно, не исчерпывающие, есть многие другие (см., напр.: *Татаурова*, 2021а).

2. Проблемой, напрямую связанной с типологией, является терминологический аппарат для каждой категории предметов и объектов, реально существовавший на разных территориях в разные периоды времени. Его изучение выходит за рамки только археологического вещеведения – это языковая система, связанная с назначением и применением каждой вещи в культуре и на определенной территории проживания той или иной группы населения в разное время.

Проблема создания единой терминологии имеет две стороны: 1) корреляция названий одинаковых типов предметов для разных территорий их распространения и использования; 2) чисто научная необходимость разработанной терминологии для изучения конструктивных, морфологических, технологических признаков, в том числе, для построения типологий, хронологических колонок.

Терминологическую проблему хотелось бы показать на примере керамики, которая в Сибири для периода Нового времени изучена плохо, хотя это самый массовый материал.

Несмотря на то, что глиняная посуда в Сибири дожила в деревенской культуре повседневности до середины прошлого века, у нас нет перечней использовавшихся типов. Хотя, бесспорно, такой ассортимент был – так как присутствует в статистических отчетах и других источниках, художественных произведениях, относящихся к XIX – началу XX в. (Опыт обзора ... 1895; *Соболев*, 1910).

Кроме того, из анализа этнографической и справочной литературы даже в рамках одного типа видно, что названия очень вариативны. В качестве примера рассмотрим самый распространенный тип посуды – горшок.

Его общее назначение: в горшках варили супы и кашу, тушили мясо, рыбу, овощи, делали разнообразные запеканки и напитки, хранили крупы, соль, муку, масло, топленый жир (*Татаурова,* 2013. С. 260). По археологическим материалам Тарского Прииртышья в рамках типа выделено три варианта горшков, различаемых по размерам, и соответственно, по объему. В каждом варианте имеются разновидности (*Татаурова, Сопова*, 2020).

Различия в использовании горшка в зависимости от объема отражены в словарных собраниях. В толковом словаре В. И. Даля горшку посвящена большая статья, анализ которой показал обозначенные выше проблемы. К горшку относится «округлый, облый глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне» (*Даль*, 1998а. С. 943). Далее, кроме описания горшка как отдельного типа, приводятся характеристики разного содержания и объема для других по назначению сосудов: высокие, узкоголые, для молока: глек, балакир, кринка, горнушка, горлачь; цветочные горшки, горшки сахароваров, поливные кувшины для стока в них патоки, ночные горшки (*Даль*, 1998а. С. 943). Из приведенного описания можно сделать вывод, что в этом случае название горшок

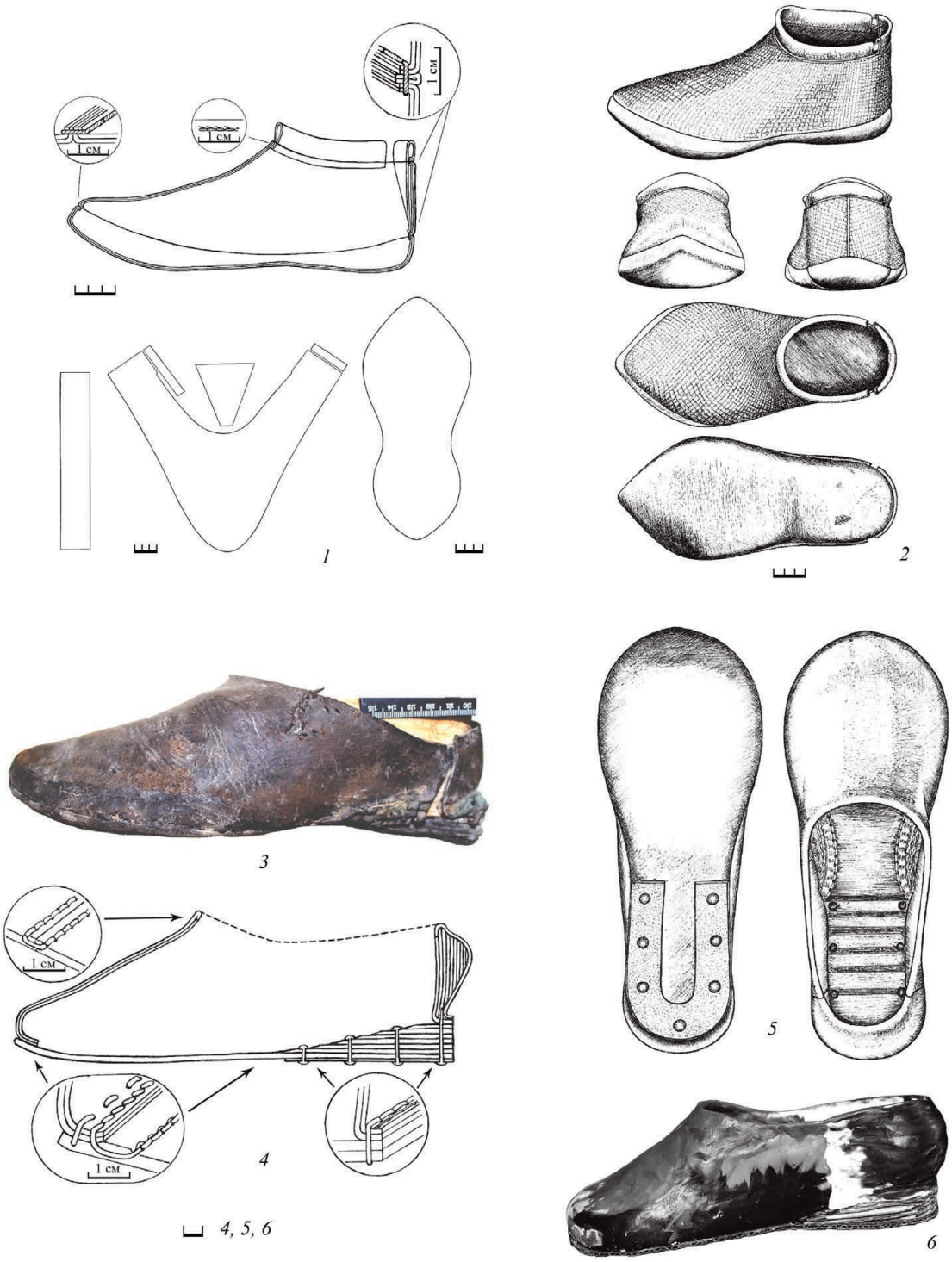


Рис. 3. Типы кожаной обуви и технологии сборки по материалам Тарского Прииртышья, русские XVII–XVIII вв.

1, 2 – раскрой и графическая реконструкция погребальной кожаных обуви без каблука (чирки) (по: *Богомолов, Татаурова*, 2014); *3.* – археологический образец из Тары, натянутый на колодку (раскопки С. Ф. Татаурова, 2010 г.); *4, 5* – конструктивные и технологические детали, графическая реконструкция женских кожаных туфель на среднем каблуке (по: *Татаурова, Богомолов*, 2018); *6* – натурная реконструкция женских кожаных туфель на среднем каблуке (по: *Татаурова, Богомолов*, 2018)

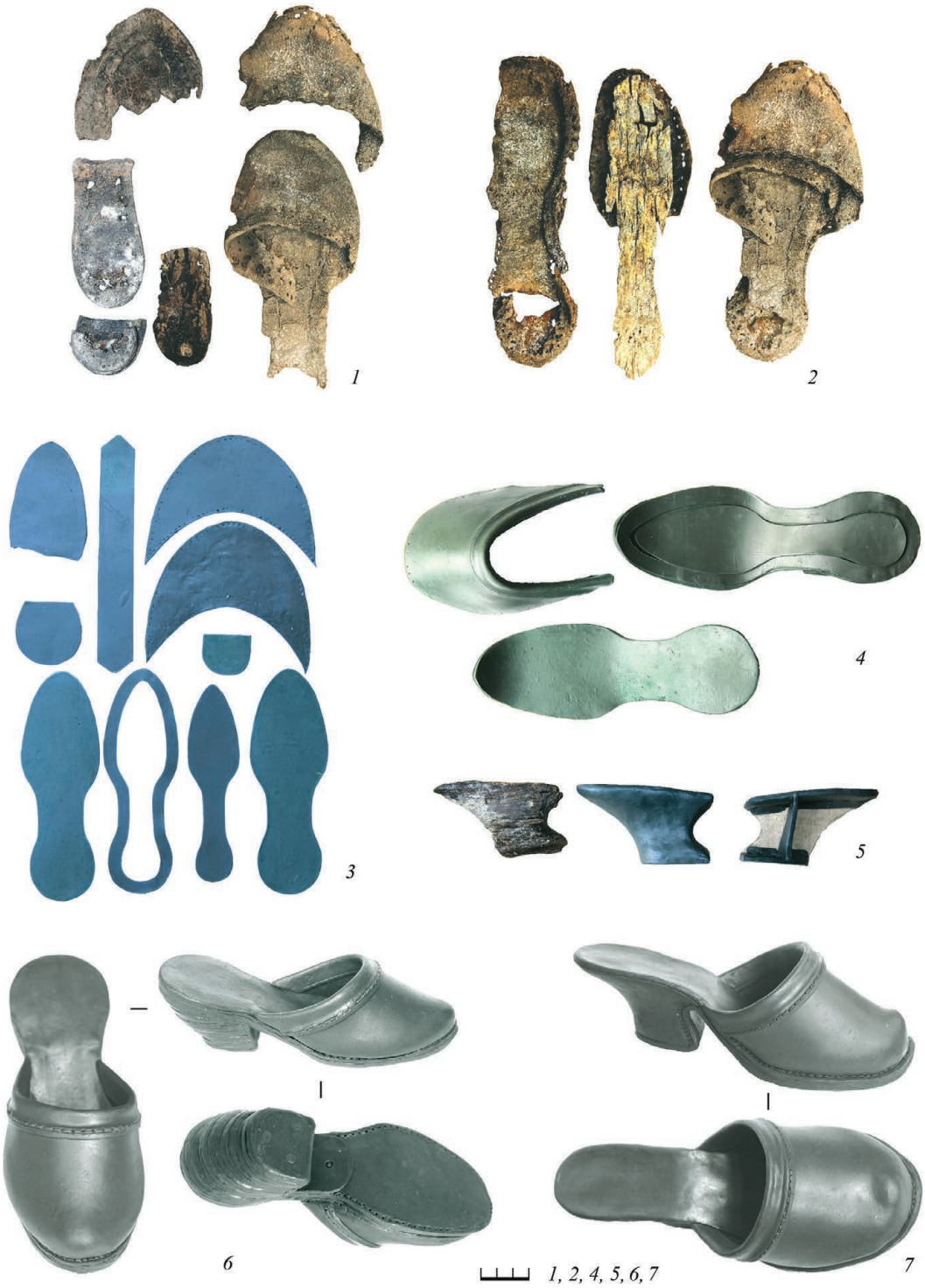


Рис. 4. Типы кожаной обуви и технологии сборки по материалам Тарского Прииртышья, русские XVII–XVIII вв.

1, 2 – археологические экземпляры мулей из памятников Ананьино-I и Изюк-I (раскопки Л. В. Татауровой, 2000, 2005 гг.); *3* – детали раскроя из скульптурного пластилина; *4* – части модели перед сборкой; *5* – реконструкция каблука с деревянной основой; *6* – натурная модель обуви типа мули на сборном кожаном каблуке; *7* – натурная модель обуви типа мули на деревянном каблуке (реконструкции В. Б. Богомолова)

характеризует совокупность глиняной посуды с различным назначением.

Возвращаясь к словарному толкованию типа «горшок» и его формообразующим характеристикам, заметим, что у В. И. Даля они даны самому крупному его представителю – корчаге: «...корчага или макитра, самый большой горшок, репкой, с узким дном» (*Даль*, 1998а. С. 943). «Большой глиняный горшок или чугун, чугунчик, развалистее горшка. Корчага щаная, пивная» (*Даль*, 1998б. С. 434).

По поводу назначения щаной корчаги стоит заметить, что ее использовали не для приготовления основного блюда русской кухни – щей, а для получения лучшего сорта кваса из смеси солодов, под названием «щи кислые», которые потом «дозревали» в бутылках (*Беловинский*, 2007. С. 773). С этой поправкой в приведенном выше определении В. И. Даля, корчага – сосуд для кваса и пива.

В словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья этот сосуд назван «корчаж», «корчажка» (Словарь... 1992. С. 78). Существует две *разновидности* корчаг разного назначения. В корчагах с отверстиями внизу (подырушках) варили пиво и квас (*Даль*, 1998б. С. 434, 435). В корчагах без отверстий солили рыбу, сало, сохраняли продукты, в том числе, ягоды. В этих емкостях держали расходный запас воды (*Беловинский*, 2007. С. 312). Вероятно, к корчаге в таком контексте относится в Среднем Прииртышье название «подольник» – высокий горшок для воды (Словарь... 1993. С. 27).

Другая подгруппа больших горшков в исследованиях В. И. Даля называется «естальник», «егольник». Скорее всего, именно в них готовили щи.

К горшкам средней размерной группы, вероятно, относится название кашник (*Даль*, 1998а. С. 943). В зависимости от потребностей семьи выбирали вместимость посуды: чем больше едоков, тем больше горшок для каши.

Назначение маленьких горшочков описано мало. Из этнографических сборов по Тарскому Прииртышью выявлено, что их называли «топлюшки» и использовали для приготовления детской пищи – каш, топленого молока, «макушек» (отвар в молоке головок мака), в качестве седативного средства (*Татаурова*, 1998. С. 96, 97).

В словаре русского языка XI–XVII вв. для маленьких горшочков встречается название «махотка». В указанном источнике назначение этой посуды – для хранения мелких денег, т. е. в качестве копилки (Словарь ... 1982. С. 49). В словаре В. И. Даля это – маленький (малюсенький) горшочек кашничек: «махотка маленька, да кашка сладенька» (*Даль*, 1998б. С. 807). Вероятно, топлюшка и махотка – названия одной группы горшков.

В заключение замечу, что приведенное терминологическое разнообразие собрано из всех доступных источников – как общероссийских, так и региональных. Но и те выступают только историческим фоном.

Вторая сторона терминологической проблемы – это научный аппарат для изучения конструктивных, морфологических, технологических признаков, в том числе, для построения типологий, хронологических колонок. Имеющееся терминологическое разнообразие признаков в описании керамики проанализировала К. О. Сопова (2021а. С. 58–63). У каждого исследователя в рамках его работ свое обозначение конструктивных элементов. Поэтому иногда бывает затруднительно понять мысль автора без сопровождения ее рисунком. В конечном итоге это приводит к непониманию авторами друг друга, или несопоставимости материалов.

В европейской части России типологии керамики построены, чаще всего, на основе морфологических и технологических признаков (*Сопова*, 2021б. С. 38–40), продолжая традицию, заложенную М. Г. Рабиновичем (1971. С. 14–27). При этом важно, что к XVI в. тут господствовало гончарное ремесленное производство посуды.

В Новое время на территории Европейской России сложились «керамические провинции» (*Коваль*, 2011 С. 317–323). Керамические типы выделены согласно сырьевым и технологическим критериям, характерным для определенного времени и отдельных регионов («белоглиняная гжельского производства XVI в.», «красноглиняная севернорусского типа XV–XVII вв.», «белоглиняная коломенского типа XVI–XVII вв.» и др. (*Коваль*, 2011. С. 323).

В Сибири русское керамическое производство в XVI в. только начинает формироваться. В процессе развития сложились че-

тыре уровня производства глиняной посуды, в том числе и профессиональное, ремесленное, но до середины XX в. в деревнях изготавливали керамику, которую можно отнести к самым ранним стадиям РФК по А. А. Бобринскому (*Татаурова, и др.*, 2014. С. 206–218)[1]. Поэтому для включения сибирской керамики в общероссийское научно-информационное пространство необходима типологическая схема, построенная на единых принципах, и единый терминологический аппарат. В такой схеме должны превалировать конструктивные, морфологические и культурооопределяющие признаки, так как технологические критерии, кроме уровней развития РФК, характеризуют региональные, в том числе, сырьевые особенности.

Завершая этот сюжет, отмечу, что сейчас существует много вещеведческих словарей (Ю. Л. Щаповой, Ю. А. Лихтер, Ю. Г. Кокориной, В. Д. Викторовой и др.), вероятно, пришло время объединить этот материал в единое целое для каждой исторической эпохи.

Следующие проблемы логично происходят из вышеперечисленных:

3. Изучение технологий производства/изготовления: возникновение некоторых ремесел в Сибири; трансляции технологий; промышленные производства; торговые отношения.

В плане решения этой проблемы важен выход на современный междисциплинарный уровень исследований, так как регламенты изготовления большинства типов в предметном разнообразии не описывались. Этот опыт передавался из поколения в поколение, или путем обучения. В ходе распространения русского мира на новые территории он обогащался, впитывая традиции аборигенного населения, или приобретал новые черты в зависимости от сырьевых, природных или других условий.

В Сибирь большинство передовых технологий принесли и закрепили в сложившейся к концу XVII в. общесибирской культуре русские переселенцы. Более показательным в этом плане было керамическое производство, не только посуды, о чем сказано выше, но и таких изделий как кирпич, черепица, трубы. Его развитие способствовало процессу исчезновения традиционной керамики у коренных народов (*Татаурова, и др.*, 2014. С. 123–130, 141), перенявших использование русской посуды, кирпича и т. д.

Появление на рынках Сибири разнообразного ассортимента качественных товаров из Руси, а позднее и местного ремесленного производства, способствовало развитию торговых отношений, в том числе международных. Исследование технологических критериев каждой категории товаров позволит выявить центры изготовления, а в общероссийском масштабе – пути распространения, как предметов, так и технологий.

4. Проблема интерпретации функционального назначения и применения категорий предметов и объектов, – по сути, итог каждой систематизации и последующих реконструкций, о ней уже сказано выше. Стоит добавить, что эта сложная работа должна основываться на разных видах источников и мультидисциплинарных подходах.

5. Проблема выяснения роли и значения (в том числе в духовной жизни и обрядовой практике) каждой категории предметов и объектов в системах жизнеобеспечения, исторический экологии, социально-культурной среде.

Здесь хочется остановиться пока на одном сюжете – культовом литье. Для предметов, полученных из культурных слоев археологических памятников (крестов-тельников, икон, складней), начиная с XIX в., предложено много типологий (*Молодин*, 2007. С. 39, 40). На сибирских материалах выработана типология крестов на основе методик А. К. Жизневского и Э. П. Винокуровой, позволяющая связать весь имеющийся ставрографический материал.

В целом все предложенные классификации медного литья разрабатываются в рамках одного или нескольких исследовательских подходов.

Первый подход можно назвать сугубо искусствоведческим. Он направлен на изучение иконографии креста и аспектов, связанных с этой проблемой. Второй можно определить как исторический. В его границах кресты-

[1] Иллюстрации ранних стадий РФК можно посмотреть в статье К. О. Соповой в настоящем сборнике.

тельники рассматриваются в структуре историко-культурных комплексов, прежде всего погребальных. Особое значение имеет контекст памятника, позволяющий решать проблемы, связанные с хронологией комплекса, а следовательно, и крестов, в том числе с внутренней периодизацией; вопросы имущественной и социальной дифференциации; определять черты погребальной обрядности. Как отдельное направление по изучению крестов можно выделить историко-культурологический подход, близко стоящий по своим методикам к этнографии.

В современных исследованиях преобладает искусствоведческое направление, хотя стало появляться больше работ, в которых крест изучается в археологическом контексте: как датирующий предмет (*Кромм, Бердников*, 2012), конфессиональный маркер (*Молодин*, 2001; 2008; *Татаурова*, 2016).

Технологическое (материаловедческое) направление изучения культового литья в европейской части России формируется с конца XX в. Его основа – анализ состава сплавов, результаты которого, по мнению М. С. Шемаханской, одной из первых поставивших этот вопрос (*Шемаханская*, 1993. С. 8), позволят выйти на хронологию бытования отдельных типов изделий, классификацию с использованием статистических методов (*Шемаханская, Дубровин М. Ф., Дубровин А. Ф.,* 1998. С. 185). В рамках этого направления проведены и опубликованы исследования, в которых сделаны попытки связать различие рецептур с определенным периодом времени, территориально атрибутировать коллекции (подробнее историографию см.: *Татаурова, Тишкин*, 2018).

В Сибири технологическое направление в изучении культового литья методами естественных наук только складывается (*Боброва*, 2004; *Сальникова*, 2016а; 2016б).

Перспективность исследования в этом направлении показал даже мой небольшой опыт. Спектральный анализ выборок из коллекций погребальных комплексов двух сельских памятников с родственным населением (Ананьино и Изюк – Омская область) позволил сделать некоторые выводы относительно технологических особенностей – прежде всего, о существовании отличий в составах сплавов и хронологии бытования изученных предметов (*Татаурова, Тишкин*, 2018).

К сожалению, очень мало работ в историко-культурологическом направлении. Кресты выступают как символы веры, но интерпретация каждого отдельного типа и всего типологического разнообразия в системе жизненных ценностей и внутреннего мира их носителей нам мало доступна. Ни этнография, ни письменные источники не дают на это ответов. Культовое литье изучено с точки зрения иконографии, морфологии, художественного смысла. Но эти знания не позволяют определить, по какому признаку человек выбирал тот или иной тип (вариант) креста, ведь даже деление на «мужские» и «женские» не имеет бесспорной доказательной базы.

Решение этих проблем актуально как для городской, так и для сельской археологии России, оно позволит понять многие аспекты русской истории во времени и пространстве.

Литература

Археология позднего периода истории: материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–89.

Артемьев А. Р., 2005. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омский гос. унив. С. 260–267.

Артемьев А. Р., 2007. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 1. Владивосток: Дальнаука. С. 124–171.

Беловинский Л. В., 2007. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа XVIII – начало XX в. М: Эксмо. 784 с.

Беляев Л. А., 2014. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан. С. 11–18.

Боброва А. И., 2004. Нательные кресты с Тискинского курганного могильника // Археология, этнография, антропология Евразии. № 4. С. 107–115.

Богомолов В. Б., Татаурова Л. В., 2014. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан. С. 7–18.

Богомолов В. Б., Татаурова Л. В., 2017. Коты – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // Народный костюм Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 20–22.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В., 2011. Мангазея: Кожаные изделия (Материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Магеллан. 216 с.

Даль В. И., 1998а. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 (А – З). М.: Цитадель. 944 с.

Даль В. И., 1998б. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 (И – О). М.: Цитадель. 1024 с.

Двуреченский О. В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 277–332.

Коваль В. Ю., 2011. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ. С. 317–323.

Кромм И. Д., Бердников И. М., 2012. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник Омского унив. № 4. С. 222–226.

Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское востоковедение. 312 с.

Митько О. А., 2011. Кресала из археологических памятников русского населения Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ. С. 336–341.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1–36). 154 с.

Молодин В. И., 2001. Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Спец. вып. Омск: Омский гос. унив. С. 20–30.

Молодин В. И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио. 248 с.

Молодин В. И., 2008. Очерки по ставрографии. Красноярск: Красноярский гос. пед. унив. 164 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука. 262 с.

Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии / Сост. Н. Л. Скалозубов. Тобольск: Тип. Епархиального Братства, 1895. 106 с.

Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XVII–XVIII вв. М.: ИА РАН. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7). 202 с.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского кремля. М.: Наука. (МИА. № 167). С. 9–116.

Сальникова И. В., 2016а. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 15. № 5. С. 50–69.

Сальникова И. В., 2016б. Результаты анализа статистического химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 15. № 7. С. 39–48.

Самигулов Г. Х., 2007. Историко-археологические исследования русских поселений Нового времени Урала и Сибири. К вопросу о методологии исследований // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь: Пермский гос. пед. унив. С. 113–119.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 2. Томск: Томский гос. унив., 1992. 244 с.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 3. Томск: Томский гос. унив., 1993. 356 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 363 с.

Соболев М. Н., 1910. Кустарные промыслы Томской губернии // Тр. статистико-экономического отд. юридического кабинета при императорском Томском унив. Вып. V. 50 с.

Соловьев А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука. 192 с.

Сопова К. О., 2021а. Терминология типов и элементов морфологии глиняной посуды: историографический аспект // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 1. Омск; Сургут: ИА Севера. С. 58–63.

Сопова К. О. 2021б. Проблемы изучения и хронологии славяно-русской керамики X–XVIII веков: опыт исследования // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 20. № 7: Археология и этнография. С. 37–47.

Татаурова Л. В., 1998. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука. Т. 3. С. 88–123.

Татаурова Л. В., 2013. Глиняный горшок как архетип в славяно-русской культуре // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. Опішне: Українське Народознавство. Кн. VIII. Т. 1. С. 254–265.

Татаурова Л. В., 2015а. Специфика археологического источника Нового времени // Вестник Сургутского гос. пед. унив. № 3 (36). С. 98–103.

Татаурова Л. В., 2015б. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. М.: ИА РАН. С. 142–154.

Татаурова Л. В., 2016. Нательные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-I) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 23. № 2. С. 28–32.

Татаурова Л.В,. 2017. «В горнице моей светло»: осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск: ИД «Д Принт». С. 167–171.

Татаурова Л. В., 2021а. Методические аспекты формирования археологического источника Нового времени // Вестник Томского гос. унив. Сер.: История. № 69. С. 67–72.

Татаурова Л. В. 2021б. Предметные комплексы археологических слоев и музейных коллекций: общее и особенное на примере русских материалов Западной Сибири // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск: ИД Наука. Т. 1. С. 170–175.

Татаурова Л. В., Богомолов В. Б., 2016. Кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 44 (2). С. 109–117.

Татаурова Л. В., Богомолов В. Б., 2018. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 107–120.

Татаурова Л. В., Мыльников В. П., 2021. Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49. № 3. С. 83–92.

Татаурова Л. В., Сопова К. О. 2020. Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты // Былые годы. Вып. 58. № 4. С. 2396–2408.

Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., 2014. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель Полиграфист. 374 с.

Татаурова Л. В. Тишкин А. А. 2018. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского унив. Сер. «Исторические науки». № 1 (17). С. 220–231.

Шемаханская М. С. 1993. К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья // Русское медное литье. М.: Сол Систем. Вып. 2. С. 8–10.

Шемаханская М. С., Дубровин М. Ф., Дубровин А. Ф. 1998. Состав металла как датирующий признак русской мелкой пластики // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства. М.: Объединение Магнум АРС. С. 185–188.

L. V. Tataurova

Problems in the Study of the Archaeological Source of the Modern Times: a View from Siberia

Abstract. The main problems of Siberian archeology of the 16th–19th centuries, which concern all Russian regions, are outlined. Necessity and possibility of building end-to-end typologies of objects according to a single methodology and terminology. Potentials of interpretation of the use of clothing complexes, and their manufacturing technologies. Problems of cognition of the worldview of the population of the Russian world in Russia.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.232-242

В. С. Флёров
Институт археологии РАН, Москва

Предметы из кости и рога Правобережного Цимлянского городища, Хазарский каганат (раскопки 1987–2021 годов)

Небольшая заметка об изделиях из кости из одного памятника не требует предваряющего историографического обзора состояния изученности темы кости в Хазарском каганате в целом и его нижне-донском регионе, где находится Правобережное городище.

Кость, как материал для изготовления чего-либо занимает едва ли не последнее место в салтово-маяцкой культуре. Первые принадлежат керамике и металлам. Исключение среди костяных изделий составляют только накладки на луки, в значительном числе представленные в катакомбных могильниках и подкурганных погребениях, в том числе на Нижнем Дону (*Круглов*, 2004; 2005; 2007; *Алейников, Кузьмин*, 2013. С. 242, 243. Рис. 5, 6). Причина – незаменимость кости и рога по их свойствам для придания лукам упругости и, в конечном итоге, увеличения дальности стрельбы.

Для других предметов кость в большинстве случаев можно заменить менее прочными и долговечными материалами, но в кости, как сырье для поделок, была большая привлекательность ввиду повсеместной доступности. Ее основной источник – кухонные отходы. Препятствием для использования была трудность обработки и необходимость обладания некоторыми навыками. В ряде случаев выбор именно кости, даже не рога, трудно объяснить. В частности, при размещении короткой надписи на обломке трубчатой кости из Правобережного городища, о которой речь идет ниже. И все-таки основным препятствием для использования кости была ее твердость. Помимо умения требовалась достаточная физическая сила, а железный инструментарий требовал высокой закалки.

На Нижнем Дону информация о находках изделий из кости разбросана по многим публикациям. Собрать ее воедино – работа на многие годы. Коснусь только самых известных нижнедонских памятников.

Крымское поселение[1] у слияния р. Северский Донец с Доном. При очень мощном культурном слое и множестве керамики находок отдельных предметов на нем вообще мало, а изделия из кости не обнаружены (*Иванов*, 2008; 2013).

Крымский ямный могильник богаче на изделия из кости – их семь: а) обломок накладки лука; б) три характерных игольника – короткие трубочки с прямоугольным сечением, покрытые циркульным орнаментом; внутри остатки железных иголок; в иных случаях подобные трубочки служили рукоятками ножей; в) три реликвария, которые тогда еще ошибочно принимались за «горлышки бурдюков». Это на 140 погребений (*Савченко*, 1986. С. 76. Табл. 4. С. 88, 89).

Золотые Горки, поселение у г. Новочеркасска Ростовской области (*Ключников, Иванов*, 2003; *Ключников*, 2007. С. 126, 127). Тщательно проведенные, но еще не завершенные, раскопки привели к находке двух астрагалов с отверстиями и двух амулетов

[1] Традиционно называлось «городище», но каких-либо искусственных оборонительных сооружений, как-то рвы и валы, около него не обнаружено. То же самое относится к «городищу» Золотые Горки.

из клыка большого животного и косточки собаки другого (*Ключников*, 2013. С. 172, 173. Рис. 8, *23, 24*). Последняя известна по целому комплекту аналогичных в сочетании с клыками собак и бусами из катакомбы № 11 Дмитриевского могильника (*Плетнёва*. 1967. Вкл. между с. 176 и 177). Известны они и в Саркеле (*Флёрова*, 2001б. Рис. 59, *10–13*). Но в связи с данными случаями нельзя забывать, что использование костей в их естественном состоянии (амулеты, астрагалы без граффити, игольники без доработки формы) не есть использование кости и рога в качестве сырья. Легко отнести к амулетам кость с просверленным отверстием, но та же кость без отверстия также могла служить амулетом, о чем мы и не догадываемся, если она не лежала в погребении.

Семикаракорское городище – самое большое из нижнедонских, но раскопано не более чем на 2% площади (*Флёров*, 2020). Вещи из разных материалов в них единичны, и изделий из кости среди них нет.

Как ни краток приведенный обзор памятников, он отразил типичную частоту использования кости в памятниках салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону. Продолжение работ на уже начатых раскопками памятниках мало изменит ситуацию. На одних кость и рог как поделочный материал так и не встретится при продолжении раскопок. На других число их находок возрастет ненамного, хотя не исключается обнаружение косторезной «мастерской». Правильнее сказать места, где работал мастер.

Саркел – Белая Вежа. На фоне изложенного разительно иную картину дало Левобережное Цимлянское городище, теперь более известное под наименованием Саркел – Белая Вежа. Громадную коллекцию найденных на нем изделий из кости систематизировала и в полном составе издала В. Е. Флёрова (2001б). По числу предметов, 1300 экз., к саркело-беловежской коллекции не приближается ни одна другая с территории Хазарского каганата. «По объему и разнообразию ее можно сравнить с коллекцией кости раннесредневековой Старой Ладоги в Отделе археологии Эрмитажа» (*Плетнёва*, 2001. С. IX).

Правобережная Цимлянская крепость. Обращаясь к ней, видим уже знакомую по другим поселениям Нижнего Дона картину – использование кости минимально. Это даже удивляет, поскольку крепость была плотно заселена. Предполагаемое число юртообразных жилищ в ней приближается к ста. Перечисляемые ниже предметы происходят из самого южного раскопа № 6.

Рог животного без капсулы, возможно небольшой особи коровы (рис. 1, *1*). Основание рога не обработано. Длинными срезами заострена его верхушка, в результате чего получилось орудие для каких-то работ. Пример минимальных усилий для рационального использования формы сырья. В коллекции Саркела подобного экземпляра не оказалось, но представлено иное применение рогов (*Флёрова*, 2001а. С. 30, 31, 44).

Трубочки (рис. 1, *2, 3*) Первая, длиной 9,5 см, имеет на обоих концах раструбы и сквозные отверстия. Отверстия отличают ее от аналогичной по форме и более короткой, 8,5 см, из Саркела (*Флёрова*, 2001а. Рис. 37, *1*). Вторая, длинной 7,5 см, является простым отрезком кости, но также со сквозными отверстиями на концах. Обе не орнаментированы. Несмотря на простоту формы, а может быть и по этой причине, назначение трубочек является предметом обсуждения многими авторами, отечественными и зарубежными, оперирующими такими признаками как обработка поверхности, наличие или отсутствие отверстий и орнаментации. Имеет значение и принадлежность кости животному или птице. В Саркеле преобладают кости животных (*Флёрова*, 2001а. С. 78–80). Сама Флёрова относит их к игольникам, но допускает и другие предназначения.

Амулет – одна из пястных костей собаки (рис. 1, *4*). На верхнем конце отверстие для подвешивания. Разногласий в определении как амулета в широком понимании нет. Набор таких же, включенный С. А. Плетнёвой в группу «амулетов-онгонов», известен по Дмитриевскому могильнику (*Плетнёва*, 1967. С. 173. Рис. 47, *15*). Полная аналогия нашей косточке происходит из расположенного ближе к Правобережной крепости поселения Нижнемакееевское IV на р. Белая Калитва – притоке Нижнего Дона (*Коротоякская*, 2013. С. 104. Рис. 9, *2*).

Астрагалы – известны по многим находкам в Хазарском каганате. В материалах Правобережной крепости их два с граффити.

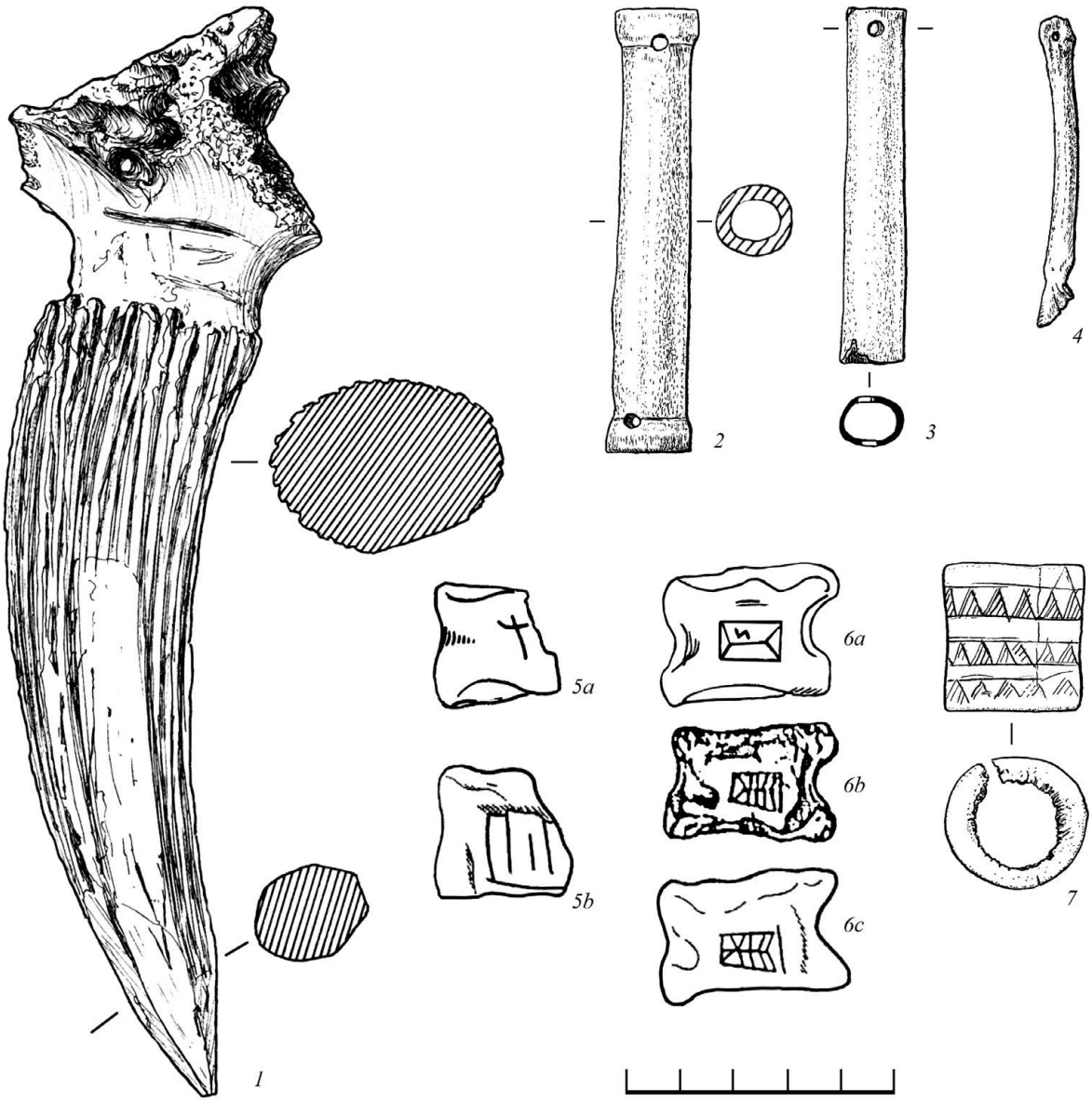


Рис. 1. Находки из рога и кости из Правобережной Цимлянской крепости

1 – рог заостренный; *2, 3* – «трубочки» с отверстиями; *4* – амулет, пястная кость собаки; *5* – астрагал с двумя вариантами прорисовки изображения *(a, b)*; *6* – астрагал с тремя вариантами прорисовки изображения *(a, b, c)*; *7* – «цилиндр» (эпоха бронзы?)

Они не заслуживали бы особого внимания, если бы не история их рисования.

Граффити на первом астрагале первоначально искаженно зарисовала неопытная художница в полевых условия для научного отчета о раскопках крепости в 1987 г. (рис. 1, *5а*). К счастью, оно не попало в публикации. Позднее прорисовку этого граффити (рис. 1, *5б*) выполнила В. Е. Флёрова (1997. С. 119. Табл. VIII, *65*; 2001а. С. 139. Рис. 1, *23*).

Граффити на втором астрагале в варианте для полевого отчета, так же не изданном, прорисовано с искажением (рис. 1, *6а*). В ранней публикации граффити представлено в совершенно другом виде (рис. 1, *6b* – *Флёров*, 1994. С. 511. Рис. 20, *8*). В своих изданиях этого же граффити В. Е. Флёрова нашла необходимым внести в его схему дополнительные уточнения (рис. 1, *6с* – *Флёрова*, 1997. С. 139. Рис. 1, *12*; 2001а. С. 119. Табл. VIII, *66*).

Два примера с правобережными граффити на астрагалах показали необходимость более чем внимательного отношения к этому археологическому источнику. Воспроизведению

схемы граффити часто мешает плохая сохранность поверхности астрагала. Кроме того, сам средневековый мастер не всегда создавал четкое изображение. Расстояние между линиями знаков было минимальным, до миллиметра и менее. Бывало линии почти сливались в одну. В какой-то мере выявить изображение может фотографирование с последующим увеличением (об этом ниже). Всегда надо помнить, что искажение схемы одного граффити в последующем внесет ошибку в типологизацию всей их совокупности.

Реликварий с орнаментацией. Прежде чем перейти к его описанию, коротко скажем о назначении предметов, долгие годы именовавшихся «горлышко/горловина бурдюка». «Впервые такая трактовка предложена М. И. Артамоновым для орнаментированной костяной цилиндрической трубочки из Саркела (*Артамонов,* 1958. С. 40). Но высказанная сначала как предположение, она получила в ряде последующих публикаций более категорический характер. Аварские находки аналогичного типа обычно называют коробочками или флаконами для трав, соли или мазей» (*Флёрова,* 1987. С. 59–61). Сам Артамонов описал предмет из Саркела так: «...роговая трубочка, *вероятно* (курсив мой. – *В. Ф.)* горлышко от бурдюка, украшенная сложными гравированными изображениями...» (*Артамонов,* 1958. С. 41, 42. Рис. 27). Отмечу, что горлышки этнографических бурдюков крепились к кожаной основе не посредством сквозных отверстий на двух концах. И горлышки таких бурдюков не орнаментировались, тем более, мифологическими сюжетами, каким была, например, многофигурная композиция на реликварии из музея г. Славянска на Украине – шедевр хазарской графики (*Нахапетян (Флёрова), Шамрай*, 1990. С. 42. Обр. 1, *а*). Не существовало и трехконечных горловин бурдюков.

Поставив под сомнение интерпретацию костяных двух- и трехстворчатых предметов как «горловин бурдюков», В. Е. Флёрова вводит определение «костяные сосудики» и «коробочки-реликварии» (*Флёрова*, 1994. С. 108, 109. Рис. 1). В последующих ее публикациях остается главное – «реликварий». Эту трактовку принимает С. А. Плетнёва (1999. С. 212–214. Рис. 124). Термин стал общепринятым. Только Н. А. Кокорина продолжала называть реликварии «так называемыми». В ее трактовке назначение этих вещей состоит в «надувании плавательных средств при переправах через реки» (*Кокорина,* 2014). Остается необъяснимым, зачем покрывать горлышки бурдюков для вина или плавательного средства, приспособлений самого утилитарного назначения, сложными изображениями с мифологическим содержанием. Мало того, эти изображения минимум на две трети были скрыты в кожаной горловине бурдюков до полного их износа. Попутно отмечу, что Н. А. Кокорина не воспользовалась небольшой статьей украинского автора А. А. Тортики – единственной в библиографии салтово-маяцкой культуры, посвященной способам переправ кочевников через реки (*Тортика*, 1999).

Рис. 2. Реликварий из Правобережной Цимлянской крепости

1 – профиль; *2* – развертка изображения

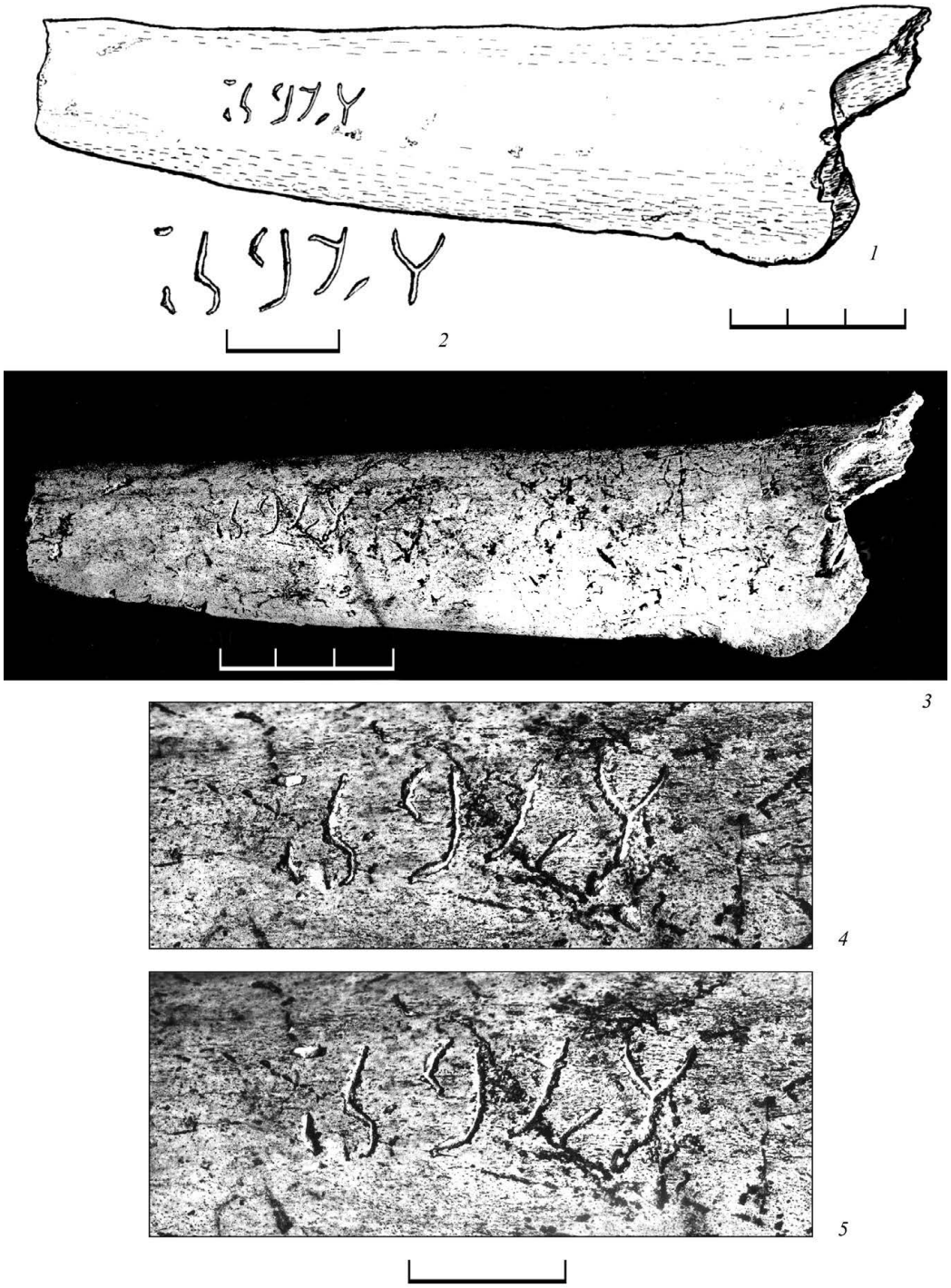


Рис. 3. Кость крупного животного с рунической надписью из Правобережной Цимлянской крепости

1 – общий вид; *2* – прорисовка надписи; *3* – общий вид, фото; *4, 5* – надпись, фото с подсветкой с противоположных сторон (см. рис. 4)

Можно еще встретить употребление устаревшего термина «горлышки бурдюка» в иной ситуации, когда авторов интересовало не назначение этих предметов, а лишь изображения на них. Так случилось с Н. В. Жилиной в ее небесспорной статье (*Жилина*, 2021. С. 116. Рис. 6, *16–17*).

Реликварий Правобережной крепости впервые опубликован более 30 лет назад (*Нахапетян (Флёрова), Шамрай*, 1990. С. 42. Обр. 1, *б*), но остается малоизвестным. Он относится к типу двустворчатых; на краях просверлены противолежащие отверстия (рис. 2). Будучи редким для своего

времени предметом, к тому же орнаментированным, тем не менее, оказался в конечном итоге в хозяйственной яме (№ 7/1988 г.). Может быть по причине значительной поломки? Яма обычная для салтово-маяцкой культуры – колоколовидная с овальным устьем 60×80 см при глубине 82 см. В заполнении кости животных и рыб, обломки керамики.

Поверхность реликвария настолько плохо сохранилась, что воспроизвести изображенное на нем удалось с трудом и большими лакунами. Композиция оказалась уникальна для реликвариев. Не повторяется она и на других предметах салтово-маяцкой культуры. Ее можно было бы назвать переплетением, если бы каждая «ячейка» рисунка не была самостоятельной. Еще хуже сохранились какие-то мелкие детали внутри ячеек. Хорошо просматривался лишь ободок из косых черточек с точками на концах по окружности узкого конца реликвария.

Попытка использовать фотографирование любительской зеркальной камерой окончилась неудачей. Сотни миниатюрных каверн и выбоин на поверхности реликвария дали сплошной ковер из такого же числа миниатюрных черных теней (рис. 2, *1*). Фото отразило только контур предмета. Почти подобное произошло с другим реликварием, хотя его поверхность сохранилась лучше (*Коротоякская*, 2013. С. 104. Рис. 9, *1*, 193). Сказывается трудность фотографирования изогнутой поверхности. Утеряна информативность на цветных фотографиях реликвария из могильника Таловый II (*Глебов, Иванов*, 2007. Цв. вкл.).

Проблема точности фиксации изображения на костяном изделии возникла и в связи с очередным предметом.

Кость с рунической надписью (рис. 3, *1, 2*). Найдена на раскопе 6 в 1988 г. в заполнении (не на полу!) юртообразного жилища № 48 среди немногих прочих предметов и обломков керамики. Она единственная в крепости. На 2021 г. не было надписей и на блоках.

Выполнена на обломке трубчатой кости особи крупного рогатого скота (определение Ю. М. Мягковой, Ростов-на-Дону).

Рис. 4. Руническая надпись на кости из Правобережной Цимлянской крепости. Эффект большого увеличения: повреждения на кости сливаются с процарапанными рунами

Поверхность имеет повреждения, хотя не столь значительные, как у реликвария. Дополнительной подработки кость не имела. Руны наносились в два приема: сначала намечались точечными выбоинками, затем процарапывались окончательно. Высота знаков в пределах 7 мм, общая длина надписи 24 мм. Относится к древнетюркской рунике восточноевропейского ареала. По интерпретации С. Г. Кляшторного ее смысл состоял в заклинании «*кость, заживай*» (*Флёров, Кляшторный*, 1993). Возможно, из практики лечебной магии знахаря, к которому обратился кто-то из насельников крепости с переломом, раной или заболеванием[2]. Но в данном случае меня интересует не со-

[2] На Нижнем Дону найдена еще одна односложная надпись, но не на кости, а на камне (*Флёров, Турчанинов*, 1980). Вероятно ее содержание за прошествие более четырех десятилетий нуждается в пересмотре. Она хранится в Ростовском областном музее; автор находки сотрудница музея В. М. Косяненко.

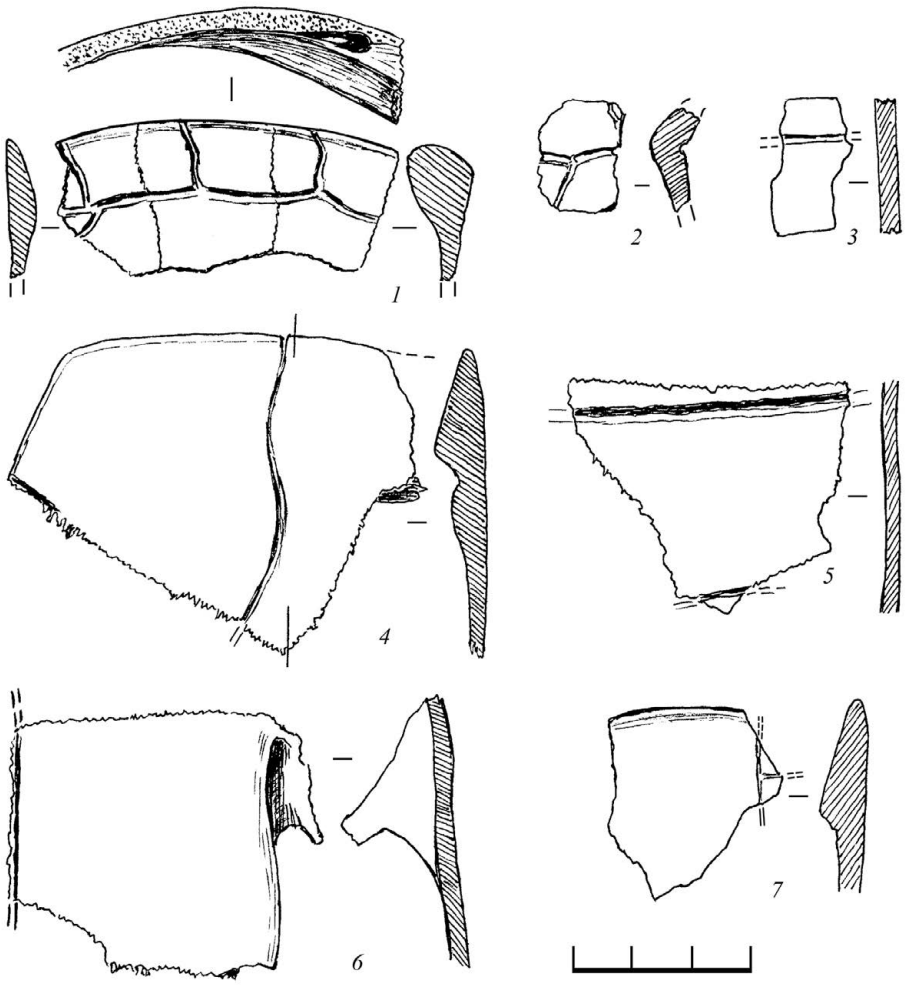


Рис. 5. Фрагменты панциря черепахи из Правобережной Цимлянской крепости (см. рис. 6)

держание надписи, а правильность ее копирования.

Прорисовка выполнена насколько возможно близко к оригиналу, но оставались сомнения в отношении деталей каждой руны и мелких значков в составе надписи. Фотография в натуральную величину (рис. 3, *3*) не дала желаемого результата. На фото с двукратным увеличением с подсветкой с разных сторон надпись и отдельные ее составляющие стали различимее (рис. 3, *4, 5*). Фото же с дополнительным увеличением (рис. 4) показало, в какой степени, не оценимой глазом, нарушена поверхность реликвария, а также вероятность того, что повреждения могли уничтожить или повредить мелкие значки выше и ниже рун, другие уничтожить[3].

Благодаря любезности сотрудников Институтов археологии и информатики Болгарской академии наук я имел возможность ознакомиться с иным методом фиксирования врезанных (или процарапанных) изображений и надписей – рефлексно-преобразовательная фотография (*RTI*). На выходе получается не привычное фото, но точная прорисовка на белом фоне самого предмета и изображенного на нем граффити или надписи. Мало того, *RTI* позволяет восстановить мельчайшие полустертые детали, не замечаемые человеческим глазом или при традиционном фотографировании.

[3] Реликварий и кость с рунической надписью, не пройдя консервацию, уже несколько лет демонстрируются в экспозиции ГИМ в Москве. Их состояние ухудшается из года в год.

Рис. 6. Фрагменты панциря черепахи из Правобережной Цимлянской крепости

Натуралия – щитки черепахи. Панцирь черепах состоит из выпуклого спинного щита – карапакса и плоского брюшного – пластрона. У большинства черепах в среднем 38 роговых щитков покрывает карапакс (панцирь) и 16 – пластрон (нижний щиток). Но находка в Правобережной крепости – это лишь несколько разрозненных щитков, найденных в квадрате 19 раскопа 7 в 2017 г. (рис. 5; 6). В непосредственной близости от Правобережной крепости два панциря черепах обнаружены в слоях XI в. Саркела – Белой Вежи (*Флёрова,* 2001б. С. 112. Рис. 59, *16*)[4]. Останки черепах – нетипичная находка в памятниках салтово-маяцкой культуры и уже поэтому заслуживают упоминаний. Возможно, контекст новых находок покажет, имели ли панцири ритуальное назначение.

«Цилиндр» из обрезка круглой в сечении кости (рис. 1, 7). Его высота 3,7 см, диаметр 2,3 см. Украшен тремя поясками из заштрихованных треугольников. Предмет неслучайно отнесен в самый конец списка. По состоянию и окраске кости он отличается от прочих костяных поделок. Ей и ее орнаментации не удалось найти аналогий в других известных мне салтово-маяцких памятниках. Это дает основание подозревать, что «цилиндр» относится к подстилающему крепость поселению бронзового века.

Итак, в южном раскопе № 6 и восточном № 7 количество изделий из кости оказалось ничтожным. Только трубочки и астрагалы представлены двумя экземплярами, прочие единичны.

Посмотрим, как обстояло дело в раскопах 1939 г. И. И. Ляпушкина и 1958–1959 гг. С. А. Плетнёвой (рис. 7).

Итоговой публикации о своих работах в крепости Ляпушкин не оставил. Наиболее

[4] С. А. Плетнёва рассказывала о полном скелете черепахи в одной из катакомб Дмитриевского могильника. По ее трактовке черепаха некогда попала в камеру незаполненной катакомбы при рытье норы для зимовки, но весной выбраться не смогла. Насколько я знаю, в своих публикация Светлана Александровна эту находку не упоминала.

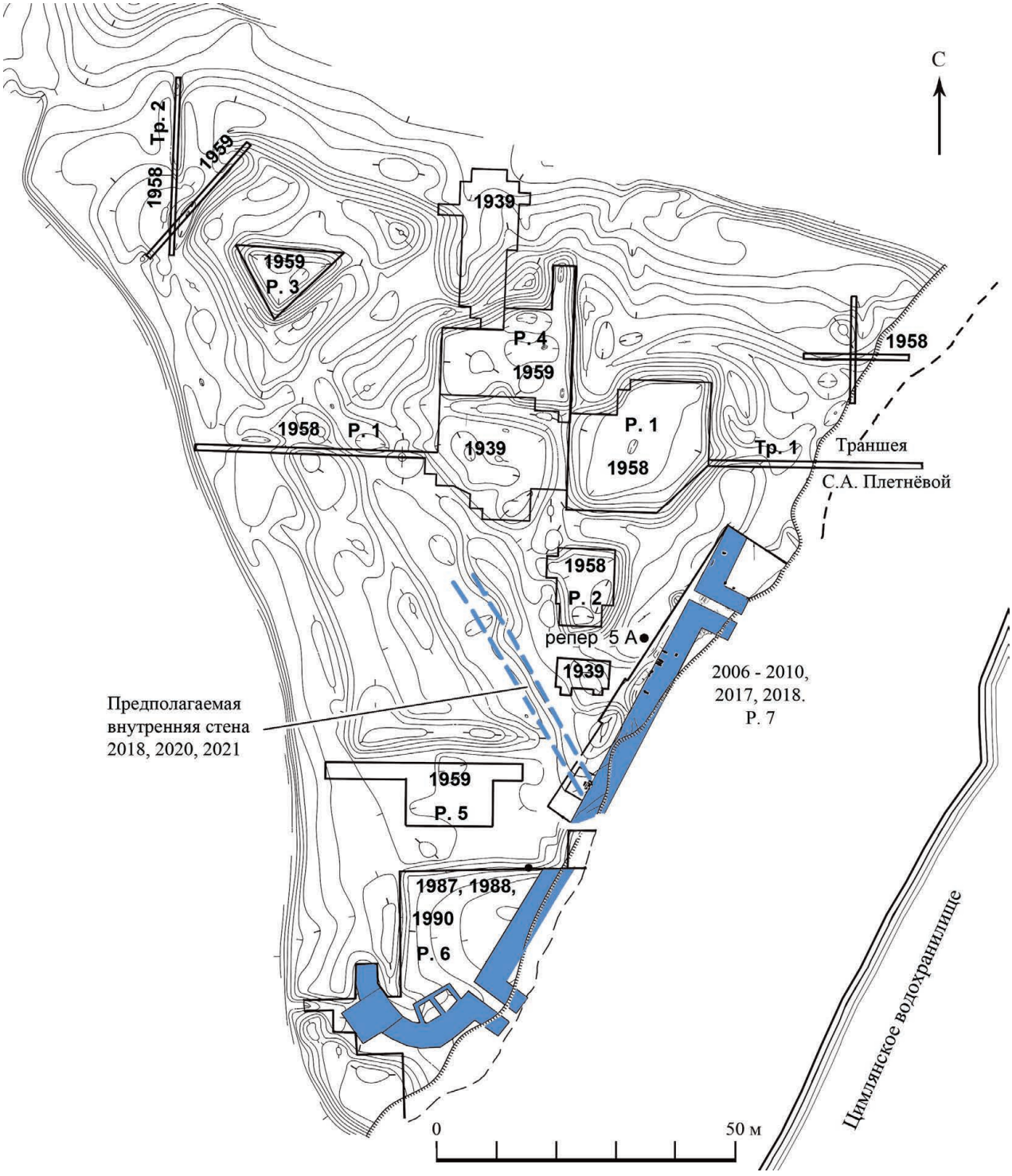


Рис. 7. Правобережное Цимлянское городище с раскопами И. И. Ляпушкина (1939 г.), С. А. Плетнёвой (1958, 1959 гг.) и В. С. Флёрова (1987–2021 гг.). Синим выделены крепостные стены и башни

подробные сведения сосредоточены в одной его статье в ряду описаний других памятников салтово-маяцкой культуры. В ней находим только данные о составе стада и диких животных (*Ляпушкин*, 1958). Среди многочисленных рисунков вещей изображений изделий из кости нет.

С. А. Плетнёва опубликовала все свои находки кости. Они представлены рисунками, но не описаны (*Плетнёва*, 1994. Рис. 52, *3*, *9*,

10, 11, 12): маленькое «колесико», массивный короткий клык (не собака), треугольная плоская подвеска с поперечным отверстием на вершине и еще одна в форме конуса и тоже с отверстием, костяная заостренная поделка длинной 4,5 см. Есть такое предположение: «К предметам женского домашнего шитья я считаю возможным отнести и два массивных кабаньих клыка, которые могли использоваться, в частности, при заглаживании швов» (*Плетнёва*, 1994. С. 323). Не рискую к нему присоединяться.

Плетнева раскрыла до полусотни жилищ, поэтому такое малое число костяных предметов удивляет. Не приходится сомневаться, что в раскопах Ляпушкина, перемежающихся с раскопами Плетнёвой, предметов из кости было не больше, чем у нее и у меня. Напрашивается вывод: у населения крепости кость и рог как поделочный материал не были в ходу. Самой значительной в научном отношении находкой оказался реликварий.

Не думаю, что коллекцию кости Правобережной Цимлянской крепости существенно численно пополнит продолжение раскопок[5].

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Алейников В. В., Кузьмин В. Н., 2013. Курган с ровиком из могильника Садовый II // Хазарские древности. Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей. С. 236–244.

Артамонов М. И., 1958. Саркел – Белая Вежа // Тр. ВДАЭ. Т. I. М.–Л. (МИА № 62). С. 7–84.

Глебов В. П., Иванов А. А., 2007. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона. М.: Мосты культуры. С. 154–176.

Жилина Н. В., 2021. Орнамент или миф на серебре – большой турий рог из Черной могилы (Восток, Византия, Скандинавия, Венгрия, Русь?) // Мир Средневековья: Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН. С. 93–125.

Иванов А. А., 2008. Исследования Константиновского и Шахтинского филиалов РГПУ на Крымском городище в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 23. Азов. С. 189–193.

Иванов А. А., 2013. Исследование юго-восточного участка Крымского городища в 2006–2008 гг. // Хазарские древности. Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей. С. 50–65.

Ключников В. В., 2007. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сб. ст. по материалам XII Междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону. С. 126, 127.

Ключников В. В., 2013. Помещение 2 и яма 18 на памятнике хазарского времени Золотые Горки // Хазарские древности. Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей. С. 163–175.

Ключников В. В., Иванов А. А., 2003. Исследования городища хазарского времени «Золотые Горки» в 2003 г. // VI Донские археологические чтения. Ростов-на-Дону: Региональное отделение Общ-ва охраны памятников истории и искусства. С. 21–23.

Кокорина Н. А., 2014. К вопросу о назначении так называемых «реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы // Поволжская археология. № 2. С. 49–69.

Коротоякская Е. В., 2013. Поселение Нижнемакееевское IV в среднем течении р. Белая Калитва на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай (Ростовская обл.): Аксайский военно-исторический музей. С. 95–106.

Круглов Е. В., 2004. Сложносоставные луки раннехазарского времени // Хазарский альманах. Т. 3. Киев – Харьков: Международный центр хазароведения Восточноукраинского филиала МСУ. С. 63–73.

Круглов Е. В., 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк: ДонНУ. С. 73–142.

[5] В работе с изделиями из кости нельзя замыкаться в рамках салтово-маяцкой культуры. Целесообразно обращаться к опыту исследователей других культур. Но не все достойно подражания. В данном случае речь идет о статье, где изготовление предметов из кости названо «костно-роговая индустрия» (*Панковский, Фидельский*, 2018). Данное определение предполагает выпуск массовой стандартизированной продукции с применением специализированного инструментария, но не изготовление штучных поделок.

Круглов Е. В., 2007. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблеми на прабългарската история и култура. Сб. в пам. на ст. н. с. I ст., д. и. н. Димитър Ил. Димитров. София: НАИМ БАН. С. 91–124.

Ляпушкин И. И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ. Т. I. М.–Л. (МИА № 62). С. 85–150.

Нахапетян (Флёрова) В., Шамрай А., 1990. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието // Археология. Кн. 2. София: АИМ БАН.

Панковский В. Б., Фидельский С. А., 2018. Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Приднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) // Древности. Исследования и проблемы. Сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев – Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т. С. 147–164.

Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 195 с.

Плетнёва С. А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь (Респ. Крым): Таврия. С. 271–397.

Плетнёва С. А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры – Гешарим. 247 с. 124 илл.

Плетнёва С. А., 2001. Предисловие // Флёрова В. Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. С. IX–X.

Савченко Е. И., 1986. Крымский могильник // Древности Северного Кавказа. М.: Наука. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 1). С. 70–101.

Тортика А. А., 1999. Преодоление водных преград кочевыми народами Евразии I–II тыс. н. э.: опыт систематизации // Вісн. Харьків. держ. ун-ту. Вип. 31 (441). Харьків. С. 32–44.

Флёров В. С., 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь (Республика Крым). С. 441–516.

Флёров В. С., Кляшторный С. Г., 1993. Руническая надпись с Правобережного Цимлянского городища // КСИА. Вып. 210. С. 91–93.

Флёров В. С., Турчанинов Г. Ф., 1980. Средневековая аланская надпись из-под ст. Милютинской Ростовской области // Изв. Юго-Осетинского НИИ АН Грузинской ССР. Вып. XXIV. Тбилиси. С. 181–185.

Флёрова В. Е., 1997. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС. 171 с.

Флёрова В. Е., 2001а. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры. 154 с.

Флёрова В. Е., 2001б. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетея. 252 с.

V. S. Flyorov

Objects from the Bone and Horn of the Right-Bank Tsimlyansk Fortress, Khazar Khaganate (Excavations 1987–2021)

Abstract. All objects made of bone/horn are found by the author during the excavation of trenche No. 6 at the southern corner of the fortress and at the trench No. 7 along the eastern wall of the fortress (Fig. 6). Six of the fragments have analogies in other monuments of the Khazar Khaganate (Fig. 1, *1–6*): a pointed tool made of horn; two tubes with through holes at the ends; a dog bone amulet with a hole for hanging; astragalus. The example of astragalus shows how a bad artist distorts the images on them (Fig. 1, *5a*, *5b*).

The most significant find is a reliquary with a previously unknown complex decor (Fig. 2). Much attention is paid to the incorrect definition of such objects as "the mouth of waterskins". Anerroneous definition was introduced into archaeology by M. Artamonov (1958. P. 40.). An unacceptable fantastic opinion is for "inflating swimming facilities when crossing rivers" (*Kokorina*, 2014).

A bone fragment with a runic inscription is shown (Fig. 3, *1, 2*; 4). Attention is paid to the accuracy of drawing of this and similar inscriptions.

Along with the listed items, a rare find is published – fragments of a turtle shell (Fig. 5).

The author's general conclusion: bone processing in the Right-Bank fortress occupied an insignificant place. There were isolated finds of objects made of bone/horn in the excavations of I. I. Lyapushkin in 1939 and S. A. Pletnyova in 1958 and 1959.

К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой

В ноябре 2022 г. отметила свой 90-летний юбилей выдающийся специалист по средневековой археологии Поволжья и Древней Руси кандидат исторических наук Марина Дмитриевна Полубояринова.

Марина Дмитриевна – коренная москвичка и выпускница Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где обучалась под научным руководством А. В. Арциховского (в Новгородской археологической экспедиции она участвовала с 1952 г.). Дипломная работа Марины Дмитриевны «Стеклянные браслеты Новгорода» стала основой ее крупной статьи 1963 г. в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» (№ 117. С. 164–199), актуальной и по сей день.

В 1956 г. М. Д. Полубояринова начала работать в Институте археологии (до 1957 г. – Институт истории материальной культуры АН СССР), с которым оказалась связана вся ее дальнейшая трудовая деятельность: сначала в редакции журнала «Советская археология», а затем – в секторе славяно-русской археологии. М. Д. Полубояринова участвовала в раскопках Новгорода, Рюрикова городища, Смоленска, Друцка, Серенска, ряда древнерусских памятников Орловской области, в 1961 г. самостоятельно вела раскопки Турова. Однако основные исследования Марины Дмитриевны посвящены археологическим материалам Волжской Булгарии и Золотой Орды, памятники которых она изучала совместно с супругом – профессором кафедры археологии МГУ Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым. В 1959 г. вместе с ним она начала исследования Тигашевского городища в Среднем Поволжье, а затем работала на Царевском и Водянском городищах на Нижней Волге.

В 1974 г. Марина Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию «Русские люди в Золотой Орде», на основе которой она написала и через четыре года опубликовала свою первую

монографию «Русские люди в Золотой Орде» (М.: Наука, 1978. 133 с.), обобщившую все имевшиеся к тому времени данные по этой теме. Эта работа стала классической и на многие годы превратилась в настольную книгу всех исследователей Поволжья, востребованную и в славяно-русской археологии.

В 1976–1990 гг. Марина Дмитриевна возглавляла отряд Института археологии, проводившего раскопки на Болгарском городище. Участие в раскопках средневековых памятников различных регионов дало М. Д. Полубояриновой навыки тщательных полевых исследований, большой научный опыт и широкий аналитический кругозор, отличающий ее опубликованные работы. В последние годы работ на памятнике (1989–1990 гг.) она начала раскопки так называемой Рыночной площади – уникального объекта, который оказался руинами центрального городского базара середины XIV в.

Большинство фундаментальных исследований юбиляра связано с Болгаром и его древностями. Отдельная крупная статья посвящена знакам на золотоордынской керамике (Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 165–212). Обобщающее исследование «Стеклянные изделия Болгарского городища» опубликовано в сборнике «Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности» в 1988 г. (М.: Наука. С. 151–219). В этой работе построена классификация изделий, выделены их хронологические группы, указаны центры производства привозных изделий и возможные пути поступления в Среднее Поволжье. Марина Дмитриевна доказала существование обработки стекла на Болгарском городище, правомерность этого вывода подтвердилась новейшими раскопками.

В монографии «Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды» (М.: ИА РАН, 1991. 112 с.) Марина Дмитриевна обобщила все имеющиеся данные об изделиях из драгоценных и поделочных камней, найденных в золотоордынском Поволжье. Результаты исследования находок древнерусских материалов в Среднем Поволжье, а также булгарских и золотоордынских в Древней Руси она представила в фундаментальной монографии «Русь и Волжская Болгария в X–XV вв.» (М.: Наука, 1993. 123 с.). В 2016 г. увидела свет большая работа М. Д. Полубояриновой – свод данных о жилищах Болгара, где тщательно собран, систематизирован и глубоко проанализирован огромный материал, рассеянный по многочисленным отчетам о раскопках (Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка. М.: Наука. С. 5–191). Труды М. Д. Полубояриновой отличаются прекрасным знанием вещевого материала всего Старого Света и письменных источников.

Огромную работу Марина Дмитриевна выполнила по редактированию и подготовке к печати неопубликованных рукописей Германа Алексеевича Федорова-Давыдова: «Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт» (М., 2001), «Денежное дело Золотой Орды» (М., 2003), «Каратунский клад джучидских монет XIV века» (Т. I. Казань; М., 2018; Т. II. Казань, 2020. В соавт. с Д. Г. Мухаметшиным).

Дом Марины Дмитриевны и Германа Алексеевича всегда был открыт для учеников и коллег, отличался гостеприимством и радушием, остается он таким до сих пор.

Марина Дмитриевна чрезвычайно обаятельна благодаря безграничной доброжелательности по отношению ко всем без исключения своим коллегам. Общаться с ней необыкновенно легко и всегда полезно: она умеет поддержать при неудачах и похвалить за успехи. Ее светлый ум, принципиальность, скромность и позитивность вызывают глубокое восхищение у всякого, кому посчастливилось оказаться в кругу ее друзей и знакомых. Марина Дмитриевна – чуткий наставник для молодых исследователей, настоящий Учитель, тактично, но всегда очень точно указывающий ученикам на их недочеты и дающий им ценные методические советы.

Желаем дорогой Марине Дмитриевне крепкого здоровья и душевных сил. Именно они позволяют ей всегда оставаться человеком с большой буквы, как в науке, так и в жизни.

Институт археологии РАН

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.245-263

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН, Москва

Русская керамика в городе Болгаре

Присутствие в культурных слоях Болгара керамики русского происхождения, в том числе непосредственно привезенной из русских земель, констатировалось исследователями с самого начала систематического изучения памятника (*Хованская*, 1954; *Хлебникова*, 1988). Специальное исследование такой керамики впервые провела М. Д. Полубояринова (1993. С. 35–57). Было установлено, что в Болгаре встречаются три разновидности керамики, связанной своим происхождением с древнерусскими гончарными традициями: импортированная из русских земель (группа А); произведенная в Болгаре по русским образцам (группа Б); и керамика местного производства, повторяющая формы русских горшков, но изготовленная из формовочных масс с примесью дробленой раковины речных моллюсков (группа В) (рис. 1)[1]. Группы А и Б соответствуют группе XIV, а группа В – группе XVI в классификации керамики Волжской Булгарии, разработанной Т. А. Хлебниковой. По своей профилировке горшки группы В (или группы XVI) очень близки русской средневековой посуде, однако дробленая раковина никогда не использовалась русскими гончарами в качестве примеси к формовочной массе, поэтому следует согласиться с Т. А. Хлебниковой, относившей такую керамику к изделиям народов Поволжья, испытавших культурное воздействие со стороны русских. В дальнейшем изложении материала эта керамика рассматриваться не будет, как не относящаяся непосредственно к русской гончарной традиции.

Хотя М. Д. Полубояриновой учтены все образцы русской керамики из раскопок 1938–1980 гг. (533 обломка), совершенно очевидно, что этим небольшим числом не ограничивалась вся керамика русского происхождения, найденная в Болгаре за более чем 35 лет раскопок. Дело в том, что полевая статистическая фиксация массовой керамики в XX в. еще не проводилась, а в музейную коллекцию отбирались только наиболее крупные и выразительные профильные части горшков (венчики), которые удалось идентифицировать в качестве «русских» при просмотре керамического материала. Поэтому общее количество русской керамики из прежних раскопок установить уже невозможно, соответственно, нельзя определить долю русской керамики в составе керамического комплекса средневекового Болгара. При этом эмпирические наблюдения позволяли всем предшествующим исследователям говорить о «незначительном» размере такой доли.

Установить реальную долю посуды, привезенной в Болгар из Руси и изготовленной в этом городе по образцу русских горшков, стало возможно только после налаживания статистической фиксации всей керамики, добываемой при раскопках. Впервые это удалось сделать в ходе исследований на раскопах CLXXIX и CXCII (центральный район Болгара) в 2014–2017 гг. (Центральный базар... 2022). На двух раскопах за указанные четыре года вскрыта площадь 1233 кв. м, откуда собрано 5161 образец такой керамики, что составляет пятую часть от керамики

[1] В подписях к рисункам указаны шифры находок, состоящие из номера раскопа (латинскими цифрами) – года раскопок – номера ямы (если находка происходила из такого комплекса) – номера индивидуальной находки (со значком №) или номером по описи керамического материала (с индексом «к»).

Рис. 1. Керамика группы В по М. Д. Полубояриновой (группы XVI по Т. А. Хлебниковой) из Болгара
1 – CLXXIX-2014-ма 153 – № 1049; *2* – CXCII-2016-ма 84-9к; *3* – CLXXIX-2014-ма 153-230к;
1, 3 – слой IV-поздний; *2* – слой IV-ранний

всех этнокультурных групп[2] (25 563 экз.) и более 3% от всего объема керамического материала, собранного на этих раскопах (148 288 обломков). Разумеется, это усредненный результат. На разных раскопах в разные годы доля русской керамики колебалась в пределах от 8 до 29% керамики этнокультурных групп (табл. 1).

Существенные колебания доли русской керамики заметны в слоях разного времени на разных участках раскопов (табл. 2), однако общая тенденция очевидна по сум-

[2] В этот массив включены все керамические материалы, не принадлежащие к гончарной посуде общеболгарской традиции (группа 1 по Т. А. Хлебниковой), которая во всех комплексах Болгара составляла основную массу.

Таблица 1. Структура русской керамики в культурном слое раскопов CLXXIX и CXCII (2014–2017 гг.).

Керамика	Раскоп CLXXIX, годы			Раскоп CXCII, годы			
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2017
Всего (шт.), в том числе:	20175	22128	16546	18196	9225	24336	37688
Этнокультурные группы (шт.), из них:	3170	1549	3440	2043	1195	6095	8071
– русская керамика (гр. XIV), шт. (% от керамики ЭКГ)	688 (21,7)	359 (23,2)	283 (8,2)	550 (26,9)	340 (28,5)	722 (11,8)	2218 (27,5)
– группа А, шт. (% от русской керамики)	372 (54,1)	226 (63,0)	161 (56,9)	233 (42,4)	210 (61,8)	468 (64,8)	998 (64,8)
– группа Б, шт. (% от русской керамики)	314 (45,9)	133 (37,0)	122 (42,1)	317 (57,6)	130 (38,2)	254 (35,2)	254 (35,2)

марным данным: если в домонгольском слое V (второй половины XI – первой половины XIII в.) ее доля составляла всего 9%, то в раннем горизонте IV (золотоордынского) слоя (второй половины XIII – начала XIV в.) она возрастала до 22%, и примерно такой же она оставалась в позднем горизонте (середины XIV – начала XV в.) того же слоя IV[3]. При этом надо учитывать, что в слое V основную долю находок русской керамики могли составлять переотложенные по микроперекопам образцы, происходившие из золотоордынского слоя IV. В таком выводе убеждает отсутствие в этом слое находок развалов или хотя бы крупных обломков русских горшков домонгольской эпохи, которые изобилуют в вышележащем золотоордынском слое IV. Это, конечно, не значит, что в домонгольское время древнерусская посуда не попадала в Болгар, однако на изученном участке в центре города ярких и не вызывающих сомнений образцов такой керамики не встречено (ниже указаны лишь два образца, предположительно связанных с финалом домонгольского времени). Поэтому можно высказать предположение о том, что поистине массовым ввоз русской керамики в Болгар стал только во второй половине XIII в., т. е. в золотоордынскую эпоху. Вероятно, этот ввоз свидетельствует об иммиграции русских людей в Болгар. Если на начальном этапе это были люди, насильственно уведенные монголами в ходе похода 1237–1240 гг., то в дальнейшем, при стабилизации даннических отношений с Ордой, русские могли приезжать сюда и на добровольных началах. Конкретику этих перемещений населения понять пока еще довольно сложно.

Из 5161 образца русской керамики 2725 единиц (т. е. половину – 52,8%) составляли обломки горшков, привезенных с территории Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси (группа А по М. Д. Полубояриновой), остальные представляли собой подражания русским сосудам, изготовленные на территории Золотой Орды, прежде всего, в самом Болгаре (группа Б). Последние повторяли формы русских горшков, но сделаны из красножгущихся глин с примесью очень мелкого песка или вообще без видимых примесей, а также с примесями карбонатов или шамота (табл. 1). На отдельных участках раскопов в разные годы соотношение керамики групп А и Б колебалось, однако в целом было примерно равным, с минимальным преобладанием группы А.

Керамика группы А разделялась в исследованном корпусе находок на два вида. *Первый вид* составляли сосуды из красножгущихся и беложгущихся глин с примесью дресвы в формовочную массу. Таких зафиксировано 2163 экз., т. е. 80% керамики группы А. Заметную долю керамики этого вида

[3] В этом подсчете не учтены единичные находки русской керамики, зафиксированные в слое VI (IX–XI вв.), поскольку все они попали в столь ранний контекст исключительно благодаря микроперекопам, которые зафиксировать практически невозможно. При этом не только в слое VI, но и вообще на всех раскопах 2014–2018 гг. ни одного обломка русских круговых горшков X–XI вв. не обнаружено.

Таблица 2. Доля русской керамики в общей сумме керамики этнокультурных групп по горизонтам IV золотоордынского слоя (%).

Слои, горизонты и даты	Раскоп CLXXIX, годы			Раскоп CXCII, годы				Всего
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2017	
Поздний горизонт слоя IV (сер. XIV – нач. XV в.)	19,2	37,0	10,2	20,0	45,8	10,7	39,7	**22,3**
Ранний горизонт слоя IV (2-я пол. XIII – нач. XIV в.)	26,0	34,7	5,6	47,8	44,3	21,1	31,5	**21,9**
Слой V (2-я пол. XI – 1-я пол. XIII в.)	10,8	3,2	1,0	0	0	0	23,4	**9,3**

(836 шт. или 39%)[4] составляла серия обломков светлоглияных горшков (рис. 2, 3, *1–3*), обладавшей рядом своеобразных признаков:

А) формовочная масса из белых или светложгущихся (желтоватых, розоватых) глин с примесью дресвы при, как правило, неполном (трехслойном) обжиге;

Б) изогнутые наружу венчики, на завернутом внутрь «черновом крае» которых оформлялся выступ («шпора»);

В) декор, в котором наряду с линейным орнаментом на плечико горшка часто наносился однорядный пояс из полукруглых штрихов. Такой декор мог быть получен в результате движений руки мастера, имитирующих нанесение волнистого орнамента, прикасаясь к поверхности горшка только когда палочка в его руке очерчивала нижний изгиб «волны». Судя по увеличению глубины «штрихов» влево, как правило, горшок вращался на гончарном круге против часовой стрелки. Это означает, что гончар держал свой инструмент правой рукой, а поворачивал круг левой.

Все перечисленные выше признаки свойственны керамике Верхневолжья. В частности, профилировка горшков из Болгара идентична изделиям гончаров Торжка домонгольского времени (*Малыгин*, 1991. Типы VIII, IX. Рис. 6, 7), причем в Торжке преобладала белоглиняная керамика из масс без примеси дресвы (*Малыгин*, 1991. С. 201). Поэтому находки из Болгара надо связывать не с Торжком, а с другими районами Верхневолжья, где производилась схожая керамика. Уже с домонгольского времени белоглиняные горшки из масс с примесью дресвы, имевшие схожие по профилировке венчики, бытовали в Твери (*Нестерова*, 2002. Рис. 5, *3–6*; 10, *9*; 14, *6, 8*). Однако статистика массовой керамики по признакам технологии (примеси, цвет глины, режим обжига и т. п.) в Твери не проводилась, поэтому адекватного сравнения данных провести не удается. Можно лишь указать, что венчики с профилировкой, аналогичной вышеописанной (с заворотом «черного края» внутрь и выделенной на нем «шпорой» – типы VI–VIII по В. А. Лапшину) на раскопе в тверском Кремле составляли около 20% (*Лапшин*, 2009. Табл. 11. Рис. 192, 193), причем неясно, все ли венчики этой профилировки изготовлены из беложгущейся глины с примесями дресвы. Так что поиск источника светлоглиняной керамики, обнаруживаемой в Болгаре, следует продолжить.

При исследованиях русских импортов в Болгаре М. Д. Полубояринова выделила керамику этой серии в морфологический тип IV (*Полубояринова*, 1993. С. 39. Рис. 13) – 68 экз. В нем выделялись белоглиняные и «сероглиняные» экземпляры (последние являлись тоже белоглиняными, но ошлакованными в пожарах или загрязненными нагаром – сгоревшими остатками пищи, приготавливавшейся в этих горшках).

Важно заметить, что на других памятниках Золотой Орды в Среднем и Нижнем Поволжье керамика такой серии практически не встречена (*Полубояринова*, 1978. Рис. 22–24, 34, 39). Следовательно, русское население, привезшее в Болгар эту

[4] От числа образцов группы А эта серия составляла 31%. Следует пояснить, что в Болгаре и его окрестностях нет залежей белых или светложгущихся глин, поэтому вся остальная керамика этого города (абсолютно всех этнокультурных групп) – только красноглиняная.

Рис. 2. Керамика группы А (верхневолжская белоглиняная серия) из позднезолотоордынского горизонта слоя 4 в Болгаре

1 – CXCII-2017-27к; *2* – CXCII-2016-я.91-30к; *3* – CLXXIX-2016-50к; *4* – CLXXIX-2013-136к; *5* – CLXXIX-2014-298к

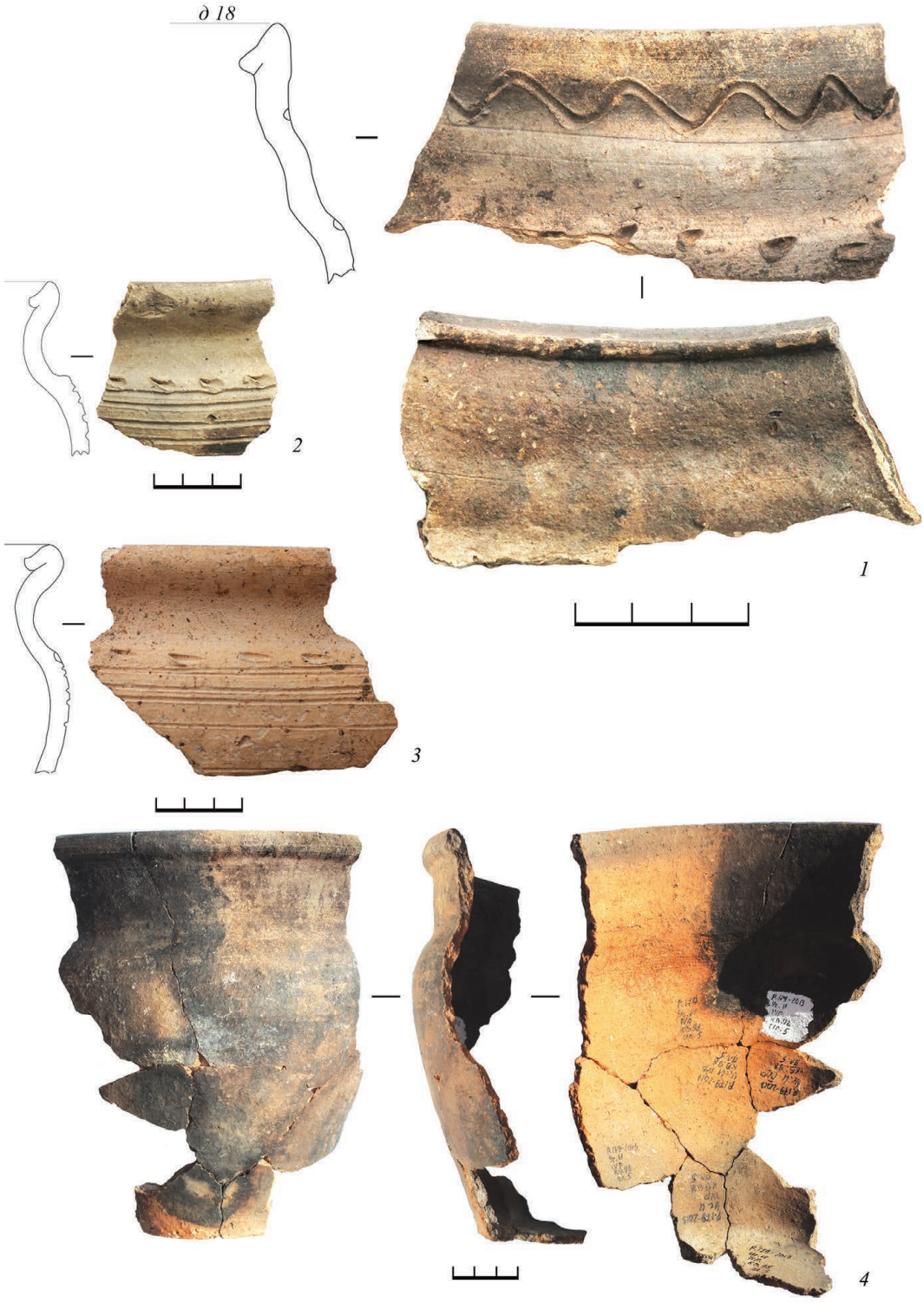


Рис. 3. Керамика группы А из раннезолотоордынского горизонта слоя 4 в Болгаре

1–3 – серия белоглиняной верхневолжской посуды; *4* – красноглиняный горшок-крынка. *1* – СХСII-2017-56к; *2* – СХСII-2017-53к; *3* – СХСII-2016-я.100-35к; *4* – CLXXIX-2013-№ 1356

керамику, происходившее из региона Тверского Поволжья, в других частях Золотой Орды не проживало (разумеется, нельзя исключать, что такие материалы еще будут открыты при новых раскопках).

Основную массу керамики первого вида в Болгаре составляла все же посуда, изготовленная из красножгущихся глин, отощенных дресвой, прошедшая неполный (недостаточно продолжительный) обжиг, что видно по трехслойному излому черепков (рис. 3, *4*; 4). Эти признаки свойственны производственным традициям гончарства Северо-Восточной Руси в самом широком понимании этого региона. Такая керамика имеет обширный круг аналогий в материалах Москвы, Твери, Владимира, Суздаля, Городца, Нижнего Новгорода и других, более мелких городов. Однако надежно выделить среди поступившей в Болгар керамики продукцию отдельных городов оказывается очень сложно, поскольку в XII–XIV вв. горшки Северо-Востока Руси имели высокую степень морфологического сходства, единый технологический уровень и близкую орнаментацию. И хотя в каждом из регионов, в каждом из городов имелись формы, пользовавшиеся наибольшей популярностью, такие же формы бытовали и в иных городах и землях. Горшки из красножгущихся глин с примесью мелкой дресвы с венчиками «общерусских» форм – изогнутые наружу, с «черновым краем», завернутым внутрь в виде уплощенного (типов 13/1, 23/1 и 28/1)[5] или округлого в сечении валика (типов 23/2 и 28/2) – изготавливались в разных частях Северо-Восточной Руси, поэтому уточнить их происхождение на современном уровне знания древнерусской керамики не представляется возможным. Из всего многообразия болгарских находок можно пока указать только на один горшок, морфология венчика которого (вертикальный цилиндрический с утолщением по внешнему краю) имеет сходство с одним горшком-крынкой, найденным в домонгольском комплексе Владимира-на-Клязьме (*Кадиева*, 2003. Рис. 6, 7). Возможно, и другие горшки этой серии также происходили из Владимира или его округи.

Ко *второму виду* керамики группы А относились горшки, изготовленные из беложгущихся или светложгущихся (розовых, желтых и т.п.) глин с примесью в тесте песка (в нескольких случаях – без примесей) – 650 образцов, т.е. 23,8% керамики группы А или 12,6% всей русской керамики (рис. 5; 6). Подобная посуда изготавливалась в XII–XIV вв. на территории Рязанского княжества и в южнорусских землях. Но, учитывая отдаленность Южной Руси от Поволжья, более вероятным кажется поступление основной массы этой керамики именно из Рязанского Поочья, связанного с Болгаром прямым речным путем по Оке и Волге. Среди венчиков горшков этого вида примерно половину составляли формы типа 3/1 с полукруглым валиком на внешней стороне венчика, сформованным путем заворота «чернового края» внутрь (рис. 5, *2*; 6, *3, 5*), характерные именно для Рязанского Поочья XIII–XIV вв. (*Стрикалов*, 2003. С. 378–380; *Коваль*, 2004. С. 80). Несколько более поздним временем (не ранее XIV в.) датируются морфологически схожие венчики типа 4/1, «черновой край» которых заворачивался наружу (рис. 5, *3*; 6, *1, 2*), также характерные прежде всего для Рязанского Поочья. Именно к этому виду принадлежали развал одного горшка и венчик другого (рис. 5, *1, 2*), которые с некоторой долей вероятности можно считать русскими импортами домонгольского времени (правда, самого позднего его этапа – первой трети XIII в.).

Отдельную небольшую серию внутри второго вида керамики группы А составляли красноглиняные горшки из формовочных масс с заметной примесью мелкого и среднего песка. Образцы этой серии незначительно отличались от изделий группы Б (см. ниже), прежде всего, по более крупной размерности песка (до 0,5 мм) и характерной для Рязанского Поочья профилировке венчиков – типов 3/1 и 4/1 (рис. 7, *2*).

Днища горшков рассматриваемого вида обычно формовались на зольных подсыпках, причем на некоторых встречены части клейм. Особенно интересно клеймо в виде княжеского знака (двузубца), сохранившее-

[5] Нумерация типов венчиков здесь и далее по тексту дана по опубликованной типологии (*Коваль*, 2016б).

Рис. 4. Керамика группы А (красноглиняная традиции Северо-Восточной Руси) из раннего (*1, 3, 5, 6*) и позднего (*2, 4*) горизонтов золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – СХСII-2017-я.222-113к; *2* – СХСII-2016-я.123-59к; *3* – CLXXIX-2014-я.184-314к; *4* – СХСII-2014-я.20-224к; *5* – CLXXIX-2014-270к; *6* – СХСII-2014-168к

Рис. 5. Керамика группы А (серия светлоглиняной посуды Рязанского Поочья) из слоя V (*1*, *2*) и раннего горизонта золотоордынского слоя IV (*3*) в Болгаре

1 – CXCII-2017-я.258-116к; *2* – CXCII-2017-я.158-78к; *3* – CLXXIX-2014-я.184-323к

Рис. 6. Керамика группы А (серия Рязанского Поочья) из раннего (*1*, *2*) и позднего (*3*–*5*) горизонтов золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – СХСII-2017-я.100Б-70к; *2* – СХСII-2017-я.100-67к; *3* – CLXXIX-2014-168к; *4* – CLXXIX-2016-№ 906; *5* – СХСII-2016-я.107-№ 2052

Рис. 7. Керамика группы А: серия Рязанского Поочья (*1, 2*) и глазурованная посуда (*3, 4*) из раннего (*2, 4*) и позднего (*1, 3*) горизонтов золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – СХСII-2017-я.161-89к; *2* – CLXXIX-2014-126к; *3* – СХСII-2017-№ 1997; *4* – CLXXIX-2013-№ 1995

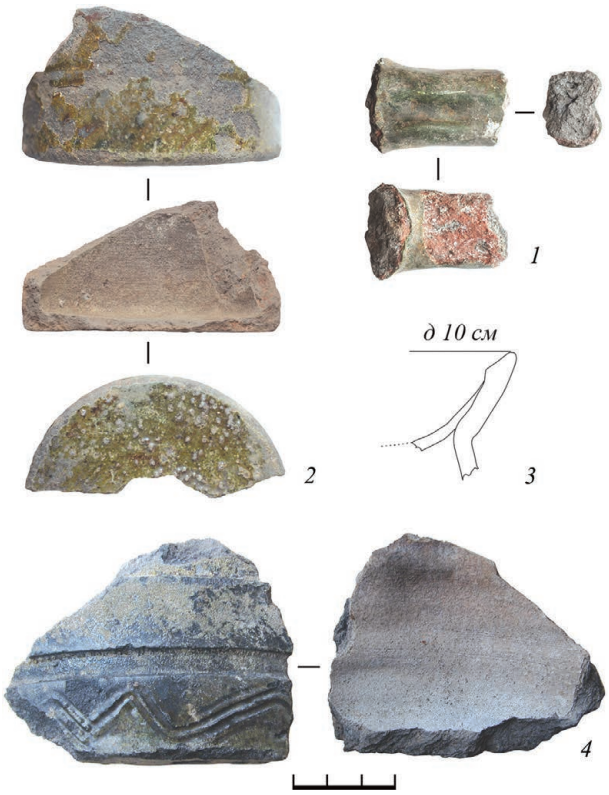


Рис. 8. Глазурованная керамика (*1, 2, 4*) группы А и венчик кувшина (*3*) группы Б из позднего горизонта золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – CLXXIX-2013-№ 1291; *2* – CXCII-2016-№ 1993; *3* – CXCII-2016-я.84-8к; *4* – CLXXIX-2012-№ 887

ся не полностью (рис. 6, *4*). Аналогии таким клеймам известны на русских горшках в разных регионах, но наиболее близкие очертания имеют клейма на горшках Владимира-на-Клязьме предмонгольского времени (*Кадиева*, 2003. Рис. 9, *3*).

В материалах прежних раскопок Болгара сосуды вида 2 с венчиками «рязанских» типов выделялись М. Д. Полубояриновой в морфологический тип V (*Полубояринова*, 1993. С. 39, 40. Рис. 14). Известны они и на других памятниках золотоордынского Поволжья, где составляли хорошо узнаваемые серии: светлоглиняных сосудов в составе типа II керамики Водянского городища (*Полубояринова*, 1978. С. 89. Рис. 22, *II*); светлоглиняной керамики с венчиками типов II (вариант 1) и IX из Березовского селища (*Полубояринова*, 1978. С. 107, 109. Рис. 34, 35). К этому же виду, видимо, нужно относить и горшок со Старокуйбышевского IV селища в Татарстане (*Полубояринова*, 1993. Рис. 30, *13*).

Еще один вид керамики группы А составляли крайне немногочисленные поливные сосуды, представленные единичными обломками кувшинов, изготовленных из ожелезненных (красных в окислительном и черных в восстановительном обжиге) глин с примесями песка (рис. 8, *1, 4*) или песка и дресвы (рис. 7, *4*; 8, *2*). Непрозрачной или полупрозрачной глазурью зеленого (реже желтого) цвета покрывалась только внешняя поверхность этих сосудов, причем перед глазурованием на них никогда не наносился белый ангоб (в отличие от всей поливной золотоордынской посуды), но зато они часто украшалась подглазурным гравированным (линейным или волнистым) орнаментом. К сожалению, места производства русской глазурованной керамики не выявлены. Исключением является белоглиняная керамика Твери (*Романова*, 2009), однако она в изученных материалах как раз не встречена. Правда, найден венчик светлоглиняного горшка с поливой на внутренней и внешней поверхностях (рис. 7, *3*), но его нельзя расценить как «поливную посуду», возможно, глазурь попала на него случайно, причем, возможно, уже после того, как горшок был привезен в Болгар.

Таким образом, среди собственно русской (привозной) керамики Болгара присутствовали импорты из различных территорий Северо-Восточной Руси, среди которых пока более надежно выделяются только серии изделий, происходившие из Тверского Поволжья, Рязанского Поочья и, возможно, Владимира.

Керамика группы Б изготавливалась исключительно из красножгущихся глин. При этом преобладали горшки, изготовленные из формовочных масс с естественной примесью мелкого и очень мелкого песка (до 0,1 мм) – 60% керамики группы. Заметную долю (25%) составляла также керамика из глины без видимых примесей[6]. Последняя на территории Руси в XIII–XIV вв. еще не производились. Наименее распространенными

[6] Белоглиняная керамика Верхнего Дона из масс без видимых примесей пока в Болгаре не встречена.

были изделия из масс с карбонатами (15%). В отношении последней серии надо указать на ее отличие от изделий группы XVI (по Т.А. Хлебниковой) содержанием карбонатов в минимальном количестве и в виде мельчайших по размеру включений. Морфологически она не отличалась от остальной керамики группы Б и была орнаментирована (рис. 9). Все эти признаки позволяют отличать эти изделия от горшков группы XVI с обильной примесью крупных обломков ракушки в тесте, венчиками упрощенной профилировки (почти исключительно – типа 21/2) и лишенных всякой орнаментации.

Совсем редко встречены подражания русским горшкам, изготовленные из формовочных масс с примесями шамота (рис. 10, *5*) – такие примеси для собственно русской средневековой керамики не характерны.

Изготовление подражаний русским горшкам началось уже во второй половине XIII в. (что видно по находкам из раннезолотоордынского горизонта слоя IV – см. табл. 2), сразу же после появления в Болгаре относительно большого числа русских переселенцев. При этом подражания изготавливались из формовочной массы на основе местной глины и по местной рецептуре – из хорошо очищенной глины без всяких искусственных примесей (эта рецептура свойственна гончарству Волжской Булгарии по меньшей мере с X в.). Сам процесс освоения русскими гончарами навыков работы с местной глиной требовал какого-то времени, однако керамика группы Б встречается уже раннем горизонте золотоордынского слоя IV (без учета материалов из ям), причем сразу в довольно значительном количестве – около 30% всей русской керамики[7]. Это значит, что освоение новых навыков произошло довольно быстро, вероятно, уже на протяжении жизни второго поколения иммигрантов.

В обеих группах (А и Б) среди неполивной посуды встречены фактически только одни горшки, исключения составляли лишь несколько обломков корчаг (*Коваль*, 2019. С. 205. Рис. 3, *2*) и кувшинов. Особенно интересен обломок венчика красноглиняного кувшина (группа Б, формовочная масса с мелким песком), в горловине которого сделана мембрана – глиняная пластина с одним или несколькими отверстиями для фильтрации заливаемой в сосуд жидкости (рис. 8, *4*). Такие мембраны-фильтры были распространены на ближневосточной тисненой керамике (*Watson*, 2004. P. 133. Cat. Ac. 1), в Поволжье практически не известной. В керамике Руси самые ранние мембраны в горловинах кувшинов известны на кумганах XV в. (*Баранов, Фатьков*, 2017. Рис. 2; *Травкин*, 2022. Рис. 211). Очевидно, в данном образце можно видеть первую попытку копирования русским мастером редкой детали восточной керамики.

Вообще, почти полное отсутствие среди русской керамики Болгара, как импортов с территории Руси (группа А), так и среди местных подражаний (группа Б), иных форм посуды кроме горшков – является одним из ярких отличий данного комплекса от собственно русской керамики, производившейся в Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси. Там в XIII–XIV вв. уже изготавливались, пусть в небольшом, но все же заметном числе кувшины, крынкообразные сосуды и корчаги. Очевидно, в Болгаре, рынок которого был насыщен подобными изделиями, русские гончары не производили никаких иных форм посуды, кроме традиционных горшков. Остальной ассортимент посуды, видимо, восполнялся общеболгарской лощеной керамикой, абсолютно господствовавшей на местном рынке. Разумеется, в этом ассортименте присутствовали и болгарские горшки, однако они очень сильно отличались от русских, как по форме, так и по орнаментации, причем по качеству русские горшки им существенно уступали. Таким образом, как импорт горшков из русских земель, так и производство подражаний им в Болгаре, были вызваны не дефицитом кухонной посуды как таковой (она имелась тут в избытке и была значительно качественнее русской), а спросом на горшки привычных для русских людей форм.

Для изучения различий в морфологии венчиков горшков групп А и Б была проведе-

[7] Подсчет проведен по материалам раскопа CXCII (2017 г.).

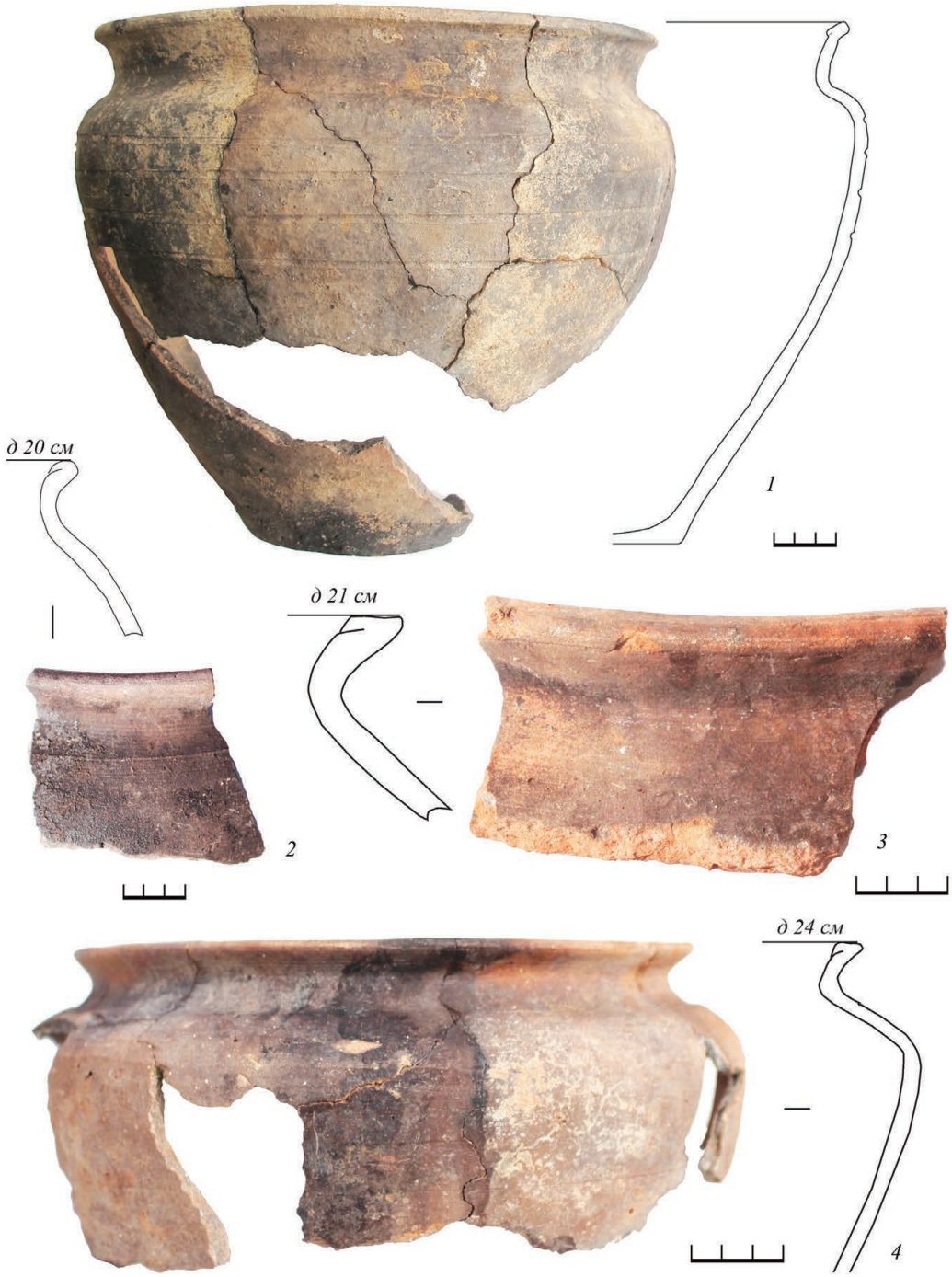


Рис. 9. Керамика группы Б из формовочных масс с карбонатами из раннего (*1, 3*) и позднего (*2, 4*) горизонтов золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – CXCII-2017-я.298-298к; *2* – CLXXIX-2014-59к; *3* – CXCII-2014-184к; *4* – CLXXIX-2014-183к

на статистическая фиксация разных форм[8]. Оказалось, что среди 67 венчиков русских горшков группы А, изготовленных из масс с примесями дресвы (т.е. в гончарной традиции Северо-Восточной Руси), самой распространенной формой был тип 23/1 (рис. 2, *1–5*; 3, *2, 3*; 4, *2*) – изогнутый венчик с уплощенным валиком от заворота «чернового края» внутрь сосуда (39% всех венчиков). Заметно более редкой формой был тип 23/3

[8] Ниже приводятся цифры по материалам раскопок 2015 г.

Рис. 10. Керамика группы Б из формовочных масс с мелким песком (*1, 2, 7*), без видимых примесей песка (*3, 4, 6*) и с примесью шамота (*5*) из раннего (*1, 2, 4, 6*) и позднего горизонтов золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – СХСII-2017-я.187-102к; *2* – СХСII-2014-171к; *3* – СХСII-2015-я.84-11к; *4* – СХСII-2014-172к; *5* – СХСII-2016-я.84-5к; *6* – СХСII-2017-я.217-109к; *7* – СХСII-2014-113к

(изогнутый с подтреугольным сечением края венчика) – 13% венчиков. Очень редкими[9] были венчики с заворотом «чернового края» наружу – классов 4 (рис. 4, *3*) и 14 (рис. 4, *6*), и венчики без деформаций края типа 21/2 (рис. 4, *3*). Единично встречены венчики с валикообразно оформленным «черновым краем» (тип 23/2 – рис. 4, *2*; 5, *1*) и в виде цилин-

[9] Проценты для них не имело смысла высчитывать, они не отразили бы реальной доли таких форм.

дра или «низкой конической воронки» (типы 6/1, 8/2, 33/1 – рис. 3, *4*), поскольку эти формы свойственны домонгольской керамике Руси, а в золотоордынское время они уже практически вышли из «гончарной моды».

Среди керамики группы Б (104 венчика) тип 23/1 (рис. 10, *5*; 11, *3–5*) был также самой популярной формой венчика (32%)[10], но зато на втором месте неожиданно оказался архаичный тип 23/2 (31%) (рис. 10, *4*; 11, *2, 6*). Третьей по распространенности формой был тип 21/2 (изогнутые венчики без следов от заворотов «чернового края») – 15% всех венчиков (рис. 10, *1, 7*; 11, *1*). Если полученные данные не обусловлены случайными причинами, можно думать, что при изготовлении подражаний русской керамике гончары Болгара ориентировались на архаичные, уже вышедшие из употребления формы с валикообразным «черновым краем» (типы 23/2, 28/2). Возможно, в местной среде законсервировались (т. е. были переданы от учителей к ученикам) навыки формообразования, принесенные из городов Руси 1230–1240-х гг.

Замечены также различия в декоре керамики групп А и Б. Если в группе А орнамент несли на себе 20% обломков, то в группе Б – только 10%. Значит в этой группе подавляющее большинство горшков вообще не имело декора. Это совершенно необычная и неожиданная черта для керамического производства XIV в., когда отказ от орнаментации горшков еще нигде на Руси не прослеживался. Но самое крупное различие замечено в типах декора: среди декорированных образцов группы А волнистый орнамент встречен только на 7% обломков, тогда как у булгарских подражаний русской посуде (группа Б) – на 50%. Удивление вызывают обе цифры. Низкая доля волнистого орнамента на русских горшках (группы А) контрастирует с хорошо проверенными на действительно массовом материале данными о заметном росте популярности этого вида декора на Руси в ордынское время (*Коваль*, 2014. С. 56–63). На керамике Рязанщины волнистый орнамент в середине XIV в. доминировал, составляя от 50 до 60%. (*Коваль*, 2004. С. 83). В Москве и Подмосковье в XIV в. доля волнистого орнамента в декоре возросла до 13–21% (*Коваль*, 2016а. С. 455). Вероятно, такие расхождения объясняются невысокой долей рязанской керамики в Болгаре (она составляла, как указывалось выше, всего 12,6% посуды, привезенной из Руси) при доминировании посуды из Верхнего Поволжья, где волнистый орнамент столь же широкого распространения не получил (точнее говоря, количественных данных о распространении там волнистого орнамента в XIII–XIV вв. просто нет, такая статистика никем не проводилась).

Высокая доля волнистого орнамента на керамике группы Б в этом смысле вполне соответствует тенденции, получившей развитие в Рязанском Поочье. Но откуда шло распространение такой моды? Казалось бы, керамика, изготовленная русскими мастерами в Болгаре из местных формовочных масс, если уж она не копировала формы булгарской посуды (а примеров такого копирования нет ни одного!), могла бы воспринять ее декор. Предположение о распространении волнистого орнамента именно на булгарской керамике в прошлом уже высказывалось (*Гоняный*, 2005. С. 145), однако оно не основывалось на конкретных количественных данных, а носило характер догадки. Исследования керамики Болгара показывают, что ничего подобного не наблюдается: прежде всего, в собственно булгарской гончарной керамике (1-й группы по Т. А. Хлебниковой) волнистый орнамент присутствовал на 16,5% орнаментированных образцов (*Куклина*, 2015. Табл. 6), т. е. он встречался заметно реже, чем на керамике Рязанщины, и существенно реже, чем на русской керамике группы Б. Получается, что русские гончары в Болгаре при изготовлении своей посуды, восприняв многие навыки в рецептуре формовочных масс, вовсе не обращали внимания на морфологию и декор булгарской посуды, развивая свою собственную линию. При этом пока неясно, где раньше начался процесс распространения волнистого орнамента на русской

[10] Близкой, но редкой формой были венчики типа 18/1 (рис. 10, *3*).

Рис. 11. Керамика группы Б из формовочных масс с мелким песком (*1, 2, 4*) и без видимых примесей песка (*3, 5*) из позднего горизонта золотоордынского слоя IV в Болгаре

1 – СХСII-2016-я.82-20к; *2* – CLXXIX-2014-182к; *3* – Развал горшка с дном на зольной подсыпке и клеймом: СХСII-2016-я.90-22к; *4* – CLXXIX-2014-я.154-208к; *5* – СХСII-2017-35к

керамике – в Рязанской земле или в Волжской Булгарии. В любом случае приведенные здесь данные позволяют утверждать, что резкий рост доли волнистого орнамента в русской керамике после монгольского нашествия не мог быть инспирирован подражанием булгарской (или ордынской) посуде[11], а составлял совершенно обособленное

[11] Заметим, что статистических данных по основным признакам ордынской керамики городов Нижнего Поволжья не имеется, однако надо иметь в виду, что керамическое производство там развивалось позже, чем в Волжской Булгарии, и под явным влиянием булгарского гончарства.

явление, никак не связанное с влиянием ордынской культуры на русскую.

Таким образом, при общем сходстве морфологии венчиков всей русской керамики, между продукцией собственно русских земель и изделиями русских мастеров, проживавших в золотоордынском Поволжье, имелись заметные различия, проявлявшиеся во всех сферах производства керамики – подготовке формовочных масс, морфологии сосудов, декоре. Эти различия, однако, не столь велики, чтобы заставить сомневаться в единстве керамики русской гончарной традиции.

Само присутствие в Болгаре определимых, иногда с точностью до региона происхождения, форм русской керамической посуды представляется весьма важным фактом. Он свидетельствует о притоке населения из целого ряда районов Северо-Восточной Руси и Рязанщины, привозившего с собой свою кухонную утварь. Хотя трудно себе представить целенаправленную торговлю керамикой из этих регионов, привоз ее в Болгар для реализации переселенцам, такую возможность нельзя все же исключать полностью. Зафиксированное только в раскопе одного года (2015) число привозных русских горшков определено по количеству венчиков разных типов и составило 171 шт. Можно предполагать, что на всей территории Болгара бытовали многие тысячи таких сосудов, принадлежавших нескольким сотням местных жителей – русских. Разумеется, это количество переселенцев составляло ничтожную долю в общей численности населения города. Таким образом, доля русских горшков в общем массиве археологической керамики в целом может в какой-то степени соответствовать проценту русского этноса в населении Болгара.

Интересно, что русские горшки обнаружены в самом центре города, в 150 м от Соборной мечети, т. е. на территории, занятой усадьбами самых состоятельных жителей, среди которых трудно подозревать наличие русских. Но эти горшки могли принадлежать людям, проживавшим на дворах богатых горожан и входивших в состав зависимого населения. Статус этого населения мог быть весьма разнородным – от рабов до свободных, но уточнить его на имеющихся материалах пока не представляется возможным. Присутствие здесь среди находок бронзовых крестов-энколпионов (Центральный базар... 2022. Рис. 185, *6*; 186) позволяет допускать довольно высокий имущественный и социальный статус их владельцев – лично свободных людей, приезжавших в Болгар и снимавших жилье в центре города (купцов или аристократов, путешествовавших в нижневолжские столицы по заданию князей).

О присутствии русских людей в самом центре золотоордынского Болгара свидетельствуют также находки костей свиньи на изученных раскопах, т. е. там же, где встречена русская керамика. Количество этих костей крайне невелико – их число в слоях золотоордынского времени исчисляется десятками, что составляет 0,1% от всех собранных на этой площади костей животных (Центральный базар... 2022. Табл. 24). Однако само наличие костей свиньи на территории усадеб, принадлежавших весьма состоятельным лицам, без сомнения, мусульманского вероисповедания, весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что русские действительно проживали в самом центре Болгара и их быт (включая систему питания) отличался некоторым своеобразием. Разумеется, трудно себе представить разведение свиней в центре Болгара, в 150 м от Соборной мечети, однако ничто не мешает допускать поставку свинины из пригородов для русских людей, проживавших на богатых усадьбах в этом районе.

Проведенные исследования русской керамики на землях Волжской Булгарии и Золотой Орды показывают, насколько важно осуществлять статистическую фиксацию всех признаков каждой из этнокультурных групп посуды, бытовавшей в этом городе. Без количественных данных невозможно не только оценивать объем разноэтничных материалов, но и проводить любые сравнения, как хронологические, так и типологические.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Баранов Н. А., Фатьков А. М., 2017. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 169–178.

Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище. (Тр. ГИМ. Вып. 150). С. 95–162

Кадиева Е. К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22 // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 315–339.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП / отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 58–88.

Коваль В. Ю., 2014. Русское гончарство в золотоордынскую эпоху // Культура русских в археологических исследованиях. Т. II. Омск – Тюмень – Екатеринбург: Магеллан. С. 56–63

Коваль В. Ю., 2016а. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.

Коваль В. Ю., 2016б. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9). 126 с.

Коваль В. Ю., 2019. Надписи на средневековых русских сосудах, выполненные до их обжига // Звучат лишь письмена. К юбилею А. А. Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 200–209.

Куклина А. А., 2015. Гончарная керамика Болгарского городища: новые керамологические исследования // КСИА. Вып. 237. С. 222–231.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (пор материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский гос. унив. 540 с.

Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по ареологии Новгородской земли. 1990 г. М.: МГУ, НМЗ. С. 198–216.

Нестерова М. Е., 2002. Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в тверском кремле // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 70–100.

Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. 132 с.

Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 123 с.

Романова Е. А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: НМЗ. С. 310–339.

Стрикалов И. Ю., 2003. Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 372–381.

Травкин П. Н., 2022. Плесская крепость в XII–XVI вв. Плес: б. и. 378 с.

Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. М.: Наука. С. 7–102.

Хованская О. С., 1954. Гончарное дело Болгара // МИА. № 42. С. 340–368.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Коваль. СПб.: Нестор-История, 2022. (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV). 485 с.

Watson O., 2004. Ceramics from Islamic lands. NY: Tames and Hudson. 512 p.

V. Yu. Koval

Russian Ceramics in Bolgar

Abstract. For the first time in Russian archeology, quantitative data and statistically recorded data on various features of Russian ceramics found during the excavations of Bolgar are presented: the ratio of dishes brought from Russia and made in Bolgar according to Russian samples is shown; different types of rims and ornaments, sets of functional forms of dishes. These data testify to the presence in Bolgar of settlers from the Tver Volga region, the Ryazan Poochye region and, possibly, Vladimir-upon-Klyazma.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.264-275

А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков
Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина, Самара

Бронзовые антропоморфные фигурки из археологических фондов Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина

В археологической коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина имеется ряд предметов, к приобретению которых имеет непосредственное отношение основатель музея – Петр Владимирович Алабин, российский государственный и общественный деятель, военный писатель и журналист, действительный статский советник, почетный гражданин города Вятки, Софии и Самары, член Императорского Археологического общества, член-корреспондент IV Археологического съезда в Казани 1877 г. (*Московский,* 2004).

Среди первых экспонатов музея особое место занимает бронзовое навершие (КП-24640), представляющее собой многофигурную скульптурную группу (рис. 1). Впервые оно описано П. В. Алабиным в работе 1895 г., посвященной характеристике древностей, найденных в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Предмет, названный П. В. Алабиным «бронзовым бурханом», некогда укрепленным на древке, найден при вспашке земли крестьянином Кузьмой Васильевым у дер. Пустынковой[1] Петропавловской волости Самарского уезда. Находку передали в местное земство, его начальником А.П Путиловым она доставлена в музей (*Алабин*, 1895. С. 13–14). Точная дата находки навершия не известна. Вероятно, оно обнаружено в 1880-е годы, так как в докладе П. В. Алабина, прочитанном на IV Археологическом съезде, этот предмет еще не упомянут (*Алабин*, 1884).

Петр Владимирович подробно описал все фигуры композиции, посчитав, что центральная фигура на лошади – это женщина, и слева около нее находится тоже женская фигура (*Алабин*, 1895. С. 14). В музее сохранились фотографии, предположительно сделанные П. В. Алабиным или по его заказу, использованные А. А. Спицыным при подготовке обзорной публикации (*Спицын*, 1896. С. 167. Рис. 42).

А. А. Спицын, характеризуя находку, пишет, что здесь запечатлена группа всадника на слоне с двумя человеческими фигурами по бокам. По мнению А. А. Спицына, «медный бурхан» принадлежал «новым кочевникам», то есть он может относиться к более поздней эпохе, чем ранний железный век (*Спицын*, 1896. С. 166).

Спустя многие годы к изучению навершия из Пустынково обратился И. Б. Васильев (1975. С. 86–92). Он отметил заблуждение А. А. Спицына относительно атрибуции животного, на котором сидит всадник, в качестве слона. Прав был П. В. Алабин, написав, что это – лошадь. И. Б. Васильев очень подробно охарактеризовал морфологические особенности всех фигур скульптуры,

[1] Впоследствии написание названия места нахождения навершия трансформировалось в Пустынково. Нам удалось выяснить, что по спискам населенных мест Самарской губернии на 1859 г. числился населенный пункт Пустынка (Список ... 1864. С. 12), на 1900 г. – д. Б. Пустыновка (*Протопопов*, 1900. С. 82). В настоящее время не существует, это территория Елховского муниципального района в 100 км к северу от г. Самары.

Рис. 1. Бронзовое навершие из Пустынково (общий вид)

1 – вид спереди; *2* – вид сзади; *3* – вид сбоку справа; *4* – вид сбоку слева

подчеркнул уникальность предмета по сложности композиции скульптурной группы и технике изготовления. Кроме того, по его инициативе в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР под руководством Е. Н. Черных произведен спектральный анализ металла, из которого изготовлен предмет (*Васильев*, 1975. С. 92).

Технологически навершие представляет собой сложное изделие, выполненное опытным мастером из бронзы способом отливки по восковой модели. После отливки проводилась дальнейшая обработка изделия – поверхность отшлифовали и отполировали, штихелем акцентированы линии, при отливке получившиеся нечеткими. Нужно отметить, что отливка в целом достаточно качественная, дефекты, связанные с непроливкой, незначительны. В процессе использования были небольшие утраты тонких выступающих частей композиции.

Навершие представляет собой изделие с полой втулкой сложной формы, верхняя часть которого оформлена в виде многофигурной скульптурной группы. Общая высота от основания втулки до верхней части головного убора центральной фигуры составляет 16,3 см, вес – 645 г. Скульптурная группа состоит из всадника на лошади, двух пеших воинов по бокам всадника и дополнительных фигур животных: у левой ноги лошади и на втулке (рис. 2, *1–4*). Втулка имеет трехчастную форму.

Группа расположена на квадратном постаменте пирамидальной формы, усеченной вершиной вниз, он, в свою очередь, опирается на шаровидное основание, переходящее в цилиндрическую втулку. Переходы между частями втулки выделены рельефными элементами. Глубина полой части втулки составляет 7,1 см, ее общая высота – 7,4–7,5 см. Размеры пирамидальной части: основание 4,3×4,4 см, в месте соединения с шаровидной частью – диаметр 2,7 см, общая высота – 2,7–2,9 см, высота боковых граней – 1,35 см. Размеры шаровидной части втулки: высота – 3,5 см, ширина – 2,5 см. Размеры цилиндрического основания втулки: высота – 1,5 см, диаметр 2,0–2,3 см, толщина стенок – 0,2 см.

Боковые грани постамента декорированы растительным орнаментом, состоящим из сочетания трилистников и завитков, заключенным в резную рамку шириной около сантиметра, поврежденную по боковым сторонам (рис. 3, *1–4*). Подобным орнаментом, видимо, было покрыто шаровидное основание, изображения частично сохранились по обеим сторонам лап животного на фронтальной стороне, в остальных местах оно сильно затерто, ширина полосы – 0,7–0,8 см (рис. 4, *1–4, 5*). По периметру цилиндрической части втулки расположены восемь вертикальных незамкнутых полос с волютообразными элементами декора, ширина полос – 0,3–0,5 см, они слегка сужаются к основанию (рис. 4, *1–4, 6*).

В центре скульптурной композиции находится фигура всадника на лошади небольшого размера. Лошадь в статичной позе, взнуздана, поводья свободно расположены на холке лошади, высота лошади в холке составляет 5,0 см. Короткая грива лошади обозначена дуговидными насечками, глаза – круглыми углублениями диаметром около 3 мм, уши намечены небольшими выпуклостями. Длина лицевого отдела лошади – 2,6 см. Длина туловища фигурки от груди до хвоста 3,8 см. Хвост у лошади, намеченный насечками, обломан (рис. 1, *3*; 2, *3*). На ее передних ногах также имеются короткие насечки. Задние ноги слегка присогнуты в коленях. Длина ног 2,4–2,5 см.

Всадник сидит на лошади без седла, скорее всего, с присогнутыми в коленях ногами, высота фигурки в позе «сидя» – 5,0 см, ширина в области талии 1,3 см. Судя по обнаженному торсу, это мужчина. Над выделенной грудью нанесена дуга V-образной формы, возможно, так обозначено нагрудное украшение рис. 1, *1*; 2, *1*). Позвоночник на спине выделен тонкой вертикальной линией (рис. 1, *3*; 2, *3–4*).

Лицо всадника широкое уплощенно-выпуклое, нос практически не выступает, и в области лица наблюдаются повреждения поверхности. На голове небольшая шапка конической формы. Длина головы в шапке – 2,2 см, ширина лица – 1,5 см. Большие глаза имеют миндалевидную форму размерами 0,4×0,2 см. Оба уха выделены в виде небольших утолщений (левое немного больше) и поперечными углублениями на уровне глаз. Возможно, поперечные

Рис. 2. Бронзовое навершие из Пустынково (без масштаба)

1 – вид справа; *2* – вид слева; *3* – вид слева сзади; *4* – вид справа сзади

Рис. 3. Бронзовое навершие из Пустынково (постамент – верхняя часть втулки)

1 – вид спереди; *1а* – вид спереди (прорисовка); *2* – вид слева; *2а* – вид слева (прорисовка); *3* – вид сзади; *3а* – вид сзади (прорисовка); *4* – вид справа; *4а* – вид справа (прорисовка)

углубления появились в результате какой-то технологической операции, – например, остались в месте фиксации восковой модели щипцами в момент заливки. Короткая прическа на затылке передана вертикальными насечками. Слева ногу всадника перекрывает налучье для лука длиной 4,1 см, наибольшая ширина 2,1 см. Правую ногу прикрывает уплощенная птицевидная (?) фигура длиной 4,0 см.

В левой руке всадник держит маленький круглый щит диаметром 1,4–1,6 см, его поверхность покрыта декором в виде солярного знака (рис. 1, *1*; 2, *2*). Ладонью всадник опирается на рукоять меча с широким перекрестьем (рис. 2, *2*). В его правой руке

Рис. 4. Бронзовое навершие из Пустынково (втулка)

1 – вид спереди; *2* – вид слева; *3* – вид сзади; *4* – вид справа; *5* – прорисовка изображения на шаровидной части втулки (без масштаба); *6* – прорисовка изображения на цилиндрической части втулки (без масштаба)

прослеживается обломок подцилиндрического предмета длиной 1,7 см.

Справа от всадника находится полностью обнаженная фигура однорукого мужчины, грудь впалая, живот выпячен, левым боком он стоит вплотную к птицевидной фигуре на правой ноге всадника (рис. 1, *1–3*; 2, *1*, *4*). На груди мужчины под шеей нанесены две дуговидные расходящиеся линии. Правая рука имеет культеобразную форму, вероятно, рука была отставлена в сторону и впоследствии обломана. Кисть его левой руки нахо-

дится на крупе лошади позади спины всадника, сама кисть с выделенными пальцами выглядит непропорционально большой. Над локтем левой руки имеются две короткие насечки. Высота фигурки – 6,2 см, ширина туловища 1,4 см, толщина – 1,2 см. Головной убор конической формы. Длина головы в шапке – 1,8 см, ширина лица – 1,5 см. Прическа короткая, обозначена насечками на затылке. Лицо мужчины широкое уплощенно-выпуклое, в области лица наблюдаются значительные повреждения поверхности. Левый глаз имеет миндалевидную форму размером 0,4×0,2 см, левое ухо выражено сегментовидным утолщением, правый глаз не показан, правое ухо не выделено. На спине вертикальной резной линией обозначен позвоночник, четко выделены ягодицы, спереди выражен половой орган. Длина ног – 1,8–1,9 см.

Слева от всадника расположена однорукая фигура с обнаженным торсом (рис. 1, *2, 4*; 2, *2, 3*). Она развернута спиной по отношению к всаднику и прислонена непосредственно к левой задней ноге лошади. В правой руке у фигуры подцилиндрический предмет длиной 1,7 см, похожий на предмет у всадника, левая рука имеет культеобразную форму. Вероятно, первоначально левая рука была опущена вдоль туловища и обломана в период бытования предмета. Высота фигурки – 6,4 см, туловище имеет ширину 1,3 см, толщина – 1,1 см. Поверхность лицевой части повреждена, короткая прическа обозначена насечками на затылке, головной убор подобен головным уборам предыдущих фигурок, правое ухо достаточно четко выделено. Длина головы в шапке – 1,9 см, ширина лица – 1,5 см. Так же, как у всадника, у третьей фигурки над выделенной грудью нанесены дуги V-образной формы, живот слегка выпячен. Левая нога немного присогнута, на ней заметен дефект отливки в виде небольшого отверстия с неровными краями. На спине отсутствует вертикальная линия. Несмотря на отсутствие выраженного полового органа, как у второй фигурки, предполагаем, что третья фигурка также представляет собой мужчину. Видимо, мужчина одет в штаны, схематически обозначенные вертикальными нарезками и кружочком в районе правого колена, пояс расположен ниже талии.

Таким образом, на основании иконографии всех трех человеческих фигурок, полагаем, что все они изображают мужчин, и, несмотря на повреждения лицевых поверхностей, можно предполагать сходство их антропологического типа и принадлежность к одной тесно связанной группе.

Слева от всадника у правой ноги лошади находится фигура сидячего хищного животного, возможно, льва, с длинной гривой, обозначенной дугообразными насечками (рис. 1, *1, 4*; 2, *2, 3*). Высота животного 2,9 см. Морда размером 1,3×1,5 см приплюснута. Лицевая поверхность повреждена. Спина животного частично перекрыта налучьем.

Внизу на фронтальной части постамента перед лошадью размешена вытянутая фигура животного с пышным хвостом, голова которого отбита (рис. 1, *1, 3–4*). Туловище животного на спине, видимо, покрыто попоной, обозначенной резными линиями. Фигурка прогнута, общая длина – 4,9 см. Передние ноги опираются на основание постамента, задние ноги упираются в шаровидную часть втулки. Длина туловища от груди до хвоста – 4,1 см, толщина в средней части туловища – 7,7 см, длина хвоста – 1,0–1,1 см, по передним лапам длина их составляет 1,6 см.

Сложность композиции навершия, объединяющей антропоморфные, зооморфные и геометрические образы, породила неоднозначность атрибуции предмета, в том числе определения его культурной и хронологической принадлежности. П. В. Алабин, первым описывая находки «бронзовых» бурханов, рассматривал их в контексте буддийских древностей, связанных с проживанием калмыков в заволжских степях в XVIII в. А. А. Спицин, как можно понять из его текста, отнес это навершие к кругу изделий кочевников раннего Средневековья. И. Б. Васильев в 1975 г. в определении датировки и культурной принадлежности этого предмета полемизировал с А. Х. Халиковым, опубликовавшим к тому времени несколько так называемых уродливых статуэток круга древнетюркских памятников. В том же сборнике наряду со статьей И. Б. Васильева опубликована статья Е. В. Цуцкина, посвященная находке бронзового «уродца» у с. Перегрузное Волгоградской области. Последний автор в поисках аналогий для своего предмета

Таблица 1. Навершия из Пустынково. Сравнение доказательств культурной и хронологической атрибуции.

И.Б. Васильев (1975. С. 91–92)	Е.В. Цуцкин (1975. С. 84–85)
По изображению головного убора, ярко выраженной монголоидности лица, трактовке глаз и носа навершие сходно с «уродливыми статуэтками» (*опублик. А.Х. Халиков. – Авт.*). Однако фигурки людей навершия *не имеют ярко выраженных следов уродства.* Следами преднамеренного уродства можно считать лишь отсутствие правого глаза у правой пешей фигурки. Остальные утраты частей тел фигур были связаны с использованием навершия по назначению. Некоторые детали – налучник с коротким, широким, сильно изогнутым луком скифского типа, *маленький круглый щит,* меч с массивной рукоятью и перекрестьем, *изображение животного, похожего на льва, не характерное для тюркских народов,* – заставляют с *осторожностью относить навершие к кругу древнетюркских памятников.* Не исключено, что оно относится к несколько раннему времени, чем «уродливые статуэтки», датируемые А.Х. Халиковым VI–IX вв. н. э.	Сопоставление пустынковского навершия с саратовской, комаровской и перегрузненской статуэтками, чья древнетюркская принадлежности не вызывает сомнения, сходство состава металла пустынковской и перегрузненской отливок (*табл. 2. – Авт.*), а также наличие среди «уродцев» группы всадников позволяет уверенно отнести пустынковское навершие к тюркскому искусству. Детали: *прическа, тип щита, изображение льва, орнаментальные мотивы характерны для восточнотюркских племен.*

Примечание: саратовская фигурка опубликована Н.П. Кондаковым (1929. С. 245–246. Рис. 68); фигурка из хутора Комаровского близ станицы Прохладной опубликована в ОАК (1898. С. 81).

привлек данные по пустынковскому навершию и пришел к заключению, отличному от вывода И. Б. Васильева. Сравнение доказательств культурной и хронологической атрибуции навершия из Пустынково приведены в таблице 1.

Таким образом, оба исследователя, оперируя одними и теми же признаками, пришли к разным выводам. Это обстоятельство подчеркивает сложность интерпретации предмета, обнаруженного вне археологического контекста.

Данные по составу металла, представленные в таблице 2, свидетельствуют об использовании для изготовления навершия многокомпонентного сплава на основе меди (Cu+Sn+PЬ+Zn), что соответствует многокомпонентной латуни (*Коновалов и др.*, 2008. С. 131. Табл. 2.8). Отметим, что подобные сплавы являются явным признаком отливки изделия из металлического лома. Судя по опубликованным результатам анализов медных сплавов, подобный состав не характерен для эпохи раннего железного века и начальной фазы раннего Средневековья азиатского региона (*Грешников, Король,* 2019. С. 250, 256), а для территории Восточной Европы в 1-м тысячелетии н. э. самым распространенным сплавом считаются бронзы (*Сабирова,* 2019. С. 184). Эти данные не позволяют рассматривать указанные хронологические периоды как вероятное время изготовления навершия из Пустынково.

Для территории Восточной Европы показательны наблюдения, сделанные на основе анализа 875 изделий из цветного металла из раскопок в Великом Новгороде. Анализ хронологического распределения многокомпонентных латуней показал, что многокомпонентный сплав V типа (Cu+Zn+Sn+ (Pb)) является ведущим в 20-м (1116–1134) и 18-м (1161–1177) ярусах по новгородской стратиграфии. Начиная с яруса 17 (1177–1197) количество вещей, изготовленных из этого сплава, постоянно сокращается, и в конце XIII в. в ярусе 12 (1281–1299) из него обнаружено всего два изделия (*Коновалов и др.*, 2008. С. 23). Отметим, что, судя по приводимой авторами исследования диаграмме логарифмического распределения свинца в сплавах на медной основе, концентрация свинца в новгородских материалах значительно ниже, чем в навершии из с. Пустынково (табл. 2) (*Коновалов и др.*, 2008. Рис. 11).

Таблица 2. Состав сплава пустынковского навершия[2] (*Васильев*, 1975. С. 92) и перегрузненской находки[3] (*Цуцкин*, 1975. С. 86), (%).

Состав	Пустынковское навершие	Перегрузненская находка
Cu	осн.	осн.
Sn	3,5	3
PЬ	10,0	8
Zn	6,0	4
Bi	0,05	0,02
Ag	0,1,	0,4
Sb	0,4	0,4
As	0,9	–
Fe	0,5	0,8
Ni	0,05	0,05
Co	0,007	сл.?
Mn	0,01	0,01
Au	0,003–0,01	–
In	–	–
Ti	–	–
Ge	–	–

Для уточнения хронологической позиции описываемой скульптуры стоит обратить внимание на предметы вооружения, детально изображенные мастером. Крупное налучье и короткий меч с широким перекрестием, на первый взгляд, отсылают нас к скифской эпохе. Однако небольшой круглый щит у всадника в левой руке появился значительно позднее. Судя по всему, он относится к типу кулачных щитов, или баклеров. В Европе подобные щиты, появившиеся не ранее XII в., наибольшее распространение получили в XIV–XV вв., и после распространения огнестрельного оружия вышли из употребления. Судя по персидским миниатюрам, в XIV–XV вв. подобные щиты использовались и на Востоке вплоть до XIX в.[4]

Учитывая эти факты, мы можем предположить, что навершие из Пустынково изготовлено не раньше XII в.

Особенности сохранности фигурок: отсутствие правого глаза у правой (второй) фигурки, культеобразные руки у двух фигурок, причем у одной правая, у второй – левая; также у этих фигурок выделено только по одному уху. Все эти детали позволяют рассматривать навершие из Пустынково в числе так называемых бронзовых уродцев.

Следует заметить, что находки «уродливых» фигурок (наименование, закрепившееся после работ А. А. Спицына) известны в Самарском Поволжье с конца XIX в. (*Спицын*, 1909). Кроме навершия из Пустынково в 2000-е годы в музей передана новая находка, обнаруженная на Самарской Луке, к сожалению, тоже случайно. Она представлена фрагментом лицевой части антропоморфного изделия (*Кочкина*, 2022). Лицо вытянутой формы, высота от подбородка до линии края составляет 4,5 см, ширина лица в средней части – 3,6 см, высота с шеей – 6,6 см. Нос широкий, слегка уплощен, расширяется книзу, под носом заметна линия, обозначающая переход к верхней линии рта, губы не выделены. Правый глаз представляет собой сквозное отверстие круглой формы диаметром 2,5 мм, левый глаз только намечен округлым углублением. С правой и левой стороны расположены уши полукруглой формы размером 8×3×2 мм, левое ухо плоское сплошное, правое сохранилось лишь наполовину

[2] Выполнено в лаборатории ИА АН СССР (№ 13367–1974 г.) Е. Н. Черных.

[3] Выполнено в лаборатории ЛОИА АН СССР (№ 2/8–74) С. С. Миняевым.

[4] Иранская миниатюра в тимуридкую эпоху (XIV–XV вв.) // URL: http://raretes.ru/biblioteka/denike-zhivopis-irana/miniatyura-v-timuridskuyu-epohu-xiv-xv-vv/ (дата обращения 25.10.2022 г.).

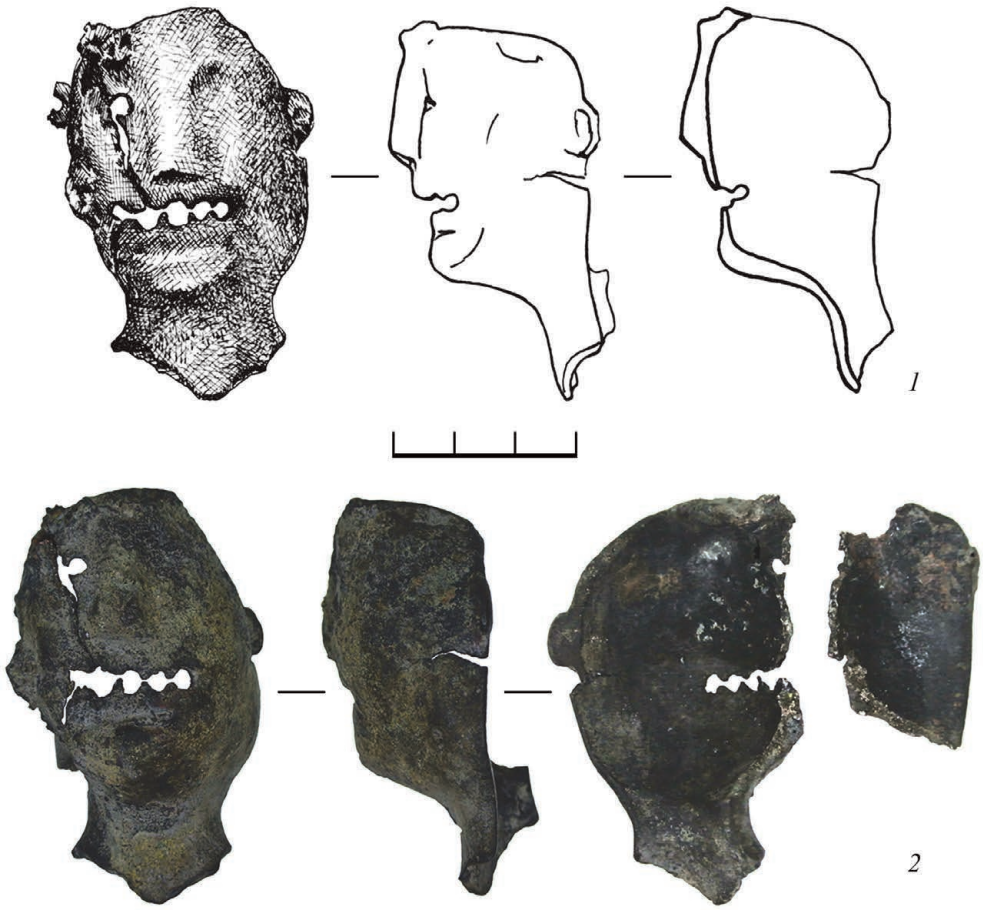


Рис. 5. Фрагмент бронзовой фигурки из археологических фондов СОИКМ им. П. В. Алабина
1 – рисунок; *2* – фотография

и имеет в середине отверстие диаметром 2 мм, оно согнуто в сторону лица (рис. 5).

Рот обозначен круглыми отверстиями в виде щели с несомкнутыми краями, что производит впечатление приоткрытого рта с оскалом. Размеры: длина 2,0 см, диаметры пяти отверстий, формирующих рот с зубами, – 2,5–3,5 см. Ниже линии рта слегка углубленной полосой подчеркнут переход к выпуклому массивному подбородку, переходящему в короткую шею.

Следует предположить, что этот предмет с территории Самарской Луки является составной частью полой двуликой бронзовой антропоморфной фигурки. По типологии В. В. Давыденко и В. К. Гриба ее можно отнести к типу I, подтипу А – односторонне литых двусоставных двуликих фигурок (*Давыденко, Гриб*. 2009. С. 192).

В качестве аналогий этой находке можно указать фигурку «уродца», найденную в насыпи кургана у с. Круглое (быв. Старобельский уезд Харьковской губернии – современная Луганская обл.; *Давыденко, Гриб*, 2009. С. 188) и бронзовую мужскую фигурку, упомянутую А. А. Спицыным (*Спицын*, 1914. С. 125, 128. Рис. 5; *Давыденко, Гриб*, 2009. С. 189).

При определении датировки фрагмента бронзовой фигурки с Самарской Луки приходится опираться на данные уже опубликованных подобных предметов. В последнее время для восточно-европейских бронзовых фигурок так называемых уродцев исследователями предлагается датировка преимущественно в пределах VIII–X вв. (*Давыденко, Гриб*, 2009. С. 193). Территория Самарского Поволжья в этот период представляла собой северную периферию Хазарского каганата с разноэтничным населением, среди которого не последняя роль принадлежала тюркоязычным народам (*Плетнева*, 1999. С. 202,

203). Очевидно, фрагмент нашей фигурки можно датирован широко в пределах последней четверти 1-го тысячелетия н. э. Однако бытование традиции изображения человеческих фигур «уродцев» в медной торевтике, по мнению К. А. Руденко, продолжалось в Волжской Болгарии в течение всего домонгольского периода (*Руденко*, 2017. С. 166).

Возвращаясь к навершию из Пустынково, заметим, что, учитывая наблюдение К. А. Руденко, наше предположение о датировке бронзового навершия из Пустынково домонгольским временем (не ранее XII в.) не лишено основания.

Что касается семантики свойств бронзовых фигурок «уродцев», то здесь, пожалуй, мнения абсолютного большинства исследователей, несмотря на несовпадения, варьируются в рамках одного культурного явления – религиозно-магических культов. А. Х. Халиков связывал бронзовые фигурки с «культом тотемной генеалогии тюркских племен» (*Халиков*, 1971. С. 115; 1981).

Несомненно, представленные в публикации предметы могут быть включены в круг вещей, использовавшихся в культовой практике народов Восточной Европы эпохи Средневековья, в том числе тюркоязычных.

Литература

Алабин П. В., 1884. Нам известные древности в Самарском крае // Тр. IV Археологического съезда в России. Т. 1. Казань: Тип. Унив. С. 1–7.

Алабин П. В., 1895. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара: Губ. тип. 19 с.

Васильев И. Б., 1975. Бронзовое навершие из деревни Пустынково // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд. С. 86–92.

Грешников Э. А., Король Г. Г., 2019. О сплавах на медной основе в металлообработке регионов Центральной Азии VI–XIII вв. (по материалам исследований химического состава археологических и музейных предметов) // ПИФК. № 2. С. 245–261.

Гриб В. К., Давыденко В. В., 2012. Новые находки антропоморфных бронзовых фигурок уродцев // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 361–372.

Давыденко В. В., Гриб В. К., 2009. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: Типология и семантика // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 187–206.

Кондаков Н. П., 1929. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Чешская академия наук и искусств. 464 с.

Коновалов А. А., Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. 191 с.

Кочкина А. Ф., 2022. Находка бронзового «уродца» в Самарском Поволжье // Археология Евразийских степей. № 1. Казань: АН РТ. С. 182–188.

Московский О. В., 2004. Петр Алабин: грани таланта. Самара: СОИКМ; ЗАО «Файн Дизайн компани». 72 с.

Плетнева С. А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. 248 с.

Протопопов И. А., 1900. Список населенных мест Самарской губернии. Самара: Губ. тип. 520 с.

Руденко К. А., 2017. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ. Вып. XII / Ред. А. М. Белавин; Пермь: ПГГПУ. С. 161–173.

Сабирова Т. М., 2019. Состав металла фибул Среднего Прикамья (по материалам коллекции УдГУ) // Поволжская археология, № 1 (27). С. 180–193.

Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. СПб.: МВД, 1864. 133 с.

Спицын А. А., 1896. Материалы по доисторической археологии России: Самарская губерния. Некоторые предметы древности Самарского музея // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1 и 2. СПб.: Тип. П. Скороходова. С. 162–169.

Спицын А. А., 1909. Уродливые медные статуэтки // ИАК. Вып. 29. С. 142–152.

Спицын А. А., 1914. Несколько статуэток // ИАК. Вып. 53. С. 124–134.

Халиков А. Х., 1971. Маклашеевская всадница // СА. № 1. С. 106–117.

Халиков А. Х., 1981. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, ИЯЛИ КФАН СССР. С. 5–20.

Цуцкин Е. В., 1975. Бронзовый «уродец», найденный у села Перегрузное (Саратовская обл.) // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд. С. 81–86.

A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov

Bronze Anthropomorphic Figurines from the Archaeological Funds of Samara Museum for History and Regional Studies Named after P. V. Alabin

Abstract. The article provides information about the finds of bronze anthropomorphic figurines stored in the archaeological funds of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin. The first such figures, which received the name "bronze freaks" in the literature, had been described by P. V. Alabin back in 1895, later these data were used by A. A. Spitsyn. Among them, a bronze pommel with a multi-figure composition, found near the village of Pustynkovo, Samara county, attracts special attention. In the center of the composition is a figure of a half-naked mounted warrior in a pointed headdress with a small round shield in one hand and a broken wand (?) in the other. On either side of him are figures of naked men on foot in similar headdresses, each of whom is missing one arm. The composition is completed by two figures of animals. Since there is no archaeological context of the find, and no close analogies have been found, the exact chronological attribution of the finial is difficult. However, the combination of signs of the pictorial manner of the figurines, the presence of a specific ornament on the sleeve allows us to suggest that the pommel was made in the Middle Ages. A fragment of another "freak" figurine was found on the territory of Samara Luka. There are analogies to it in the early medieval antiquities of the Middle and Lower Volga region, the Don region.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.276-283

Л. Ф. Недашковский*, М. Б. Шигапов**
** Казанский (Приволжский) федеральный университет*
*** ООО «Поволжская археология», Казань*

Стеклянные изделия с Багаевского селища[1]

Актуальным является создание подробной и детальной характеристики материальной культуры золотоордынских сельских памятников. Еще сравнительно недавно джучидское государство представлялось исследователями как степная кочевая империя, в которой имелось незначительное количество относительно крупных городов, разительно отличающихся от других средневековых городских центров полным отсутствием оседлой периферии. Исследования одного из авторов статьи, Л. Ф. Недашковского, доказали существование округи у крупных золотоордынских городов, в состав которой входили малые города и сельские населенные пункты. Назрела необходимость сравнения материальной культуры поселений различных типов – крупных и малых городов, сельских аграрных поселений.

Особенно малоизвестной остается материальная культура сельских поселений Золотой Орды, изучение которой позволит получить принципиально новые исторические выводы о культуре и быте населения села Улуса Джучи (о проблеме, которая вообще не отражена в письменных источниках).

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, кочевали их ставки. В золотоордынское время в Нижнем Поволжье наибольшее количество памятников, и поселений в том числе, отмечается именно в его северных районах, где население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы.

Багаевское селище, откуда происходят анализируемые в данной работе изделия, было одним из таких аграрных поселений. Оно расположено у села Багаевка Саратовского района Саратовской области. Селище обнаружено Л. Ф. Недашковским в 1995 г. и исследовалось им раскопками в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 гг. и 2020–2021 гг. Размеры поселения: 225 м с севера на юг и 490 м с запада на восток; площадь памятника 5,1 га. Это довольно крупное сельское поселение, вытянутое вдоль берега р. Петровки. Средняя мощность культурного слоя 30–40 см, местами она достигает более 90 см.

Двумя раскопами Л. Ф. Недашковский вскрыл 1237,1 кв. м площади Багаевского селища. Раскопками выявлена часть усадьбы, датированной находками золотоордынских монет конца 1270-х – начала 1360-х гг. (самая ранняя – анонимный дирхем периода правления Менгу-Тимура чеканки Сарая 677 г. х., самые поздние – дирхем и пул Хызра чеканки Гюлистана 762 г. х.), на которой исследованы остатки овина, очага, погреба, столбовой, восьми зерновых (одна из них соединялась со вторым погребом) и пятнадцати хозяйственных ям (три из них соединялись с более глубокими колоколовидными в сечении погребами). В 2008–2012, 2016 и 2020–2021 гг. на усадьбе удалось исследовать природное понижение, в южной части которого оборудована полуземлянка; в створе понижения изучены два очага, две зерновые, столбовая и семнадцать хозяйственных ям. В ходе

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

раскопок доказан факт возделывания культурных растений на поселении, сделаны находки, связанные с земледелием и промыслами. Наблюдается хорошая для селищ насыщенность напластований и объектов памятника различными находками. В результате проведенных Л. Ф. Недашковским работ Багаевское селище, расположенное в ближайшей округе золотоордынского города Укека, стало одним из наиболее изученных на сегодняшний день золотоордынских сельских поселений Нижнего Поволжья.

Стеклянные изделия сравнительно нечасто встречаются при раскопках золотоордынских поселений, причем на сельских памятниках они обнаруживаются гораздо реже, чем в городах. Стеклянные изделия известны и из округи Увекского (поселения Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Подгорное, Подстепное, Хмелевское I, могильники Болдыревский, Нижняя Студенка-I, Хмелевский I, Чардымский), Царевского (Водянское и Мечетное городища, поселения Колобовка, Пологое Займище, могильники Водянский II, Царев II, мавзолей у Бахтияровки), Селитренного (селище у поселка Комсомольский, местонахождение Досанг X, могильник Комсомольский IV) городищ и Шареного Бугра (поселения Красный Яр, Самосделка, Татарская Башмаковка, Чертово городище, могильники Маячный Бугор I–II, Татарская Башмаковка).

Изделия из стекла зафиксированы на всех четырех крупнейших золотоордынских городищах Нижнего Поволжья (Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор). В малых городах, входивших в округу крупных, изделия из стекла встречены на девяти (селища Подстепное, Хмелевское I, Колобовка, Комсомольский, Красный Яр, Самосделка, городища Водянское, Мечетное и Чертово) из 14 известных памятников этого типа (*Недашковский*, 2010. С. 166. Табл. 5), т. е. на 64,3% малых городских поселений. Ситуация с крупными сельскими поселениями разительно отличается – находки стеклянных изделий отмечены лишь на четырех (Алексеевское, Багаевское, Колотов Буерак, Подгорное) из 21 известного памятника, т. е. на 19,1% известных золотоордынских сел. Для небольших же поселений, которые могут быть отнесены к остаткам деревень, находки изделий из стекла вообще не зафиксированы. Очевидно, что стеклянные украшения и посуду могли позволить себе наиболее зажиточные люди, проживавшие преимущественно в крупных населенных пунктах.

Стеклянные украшения встречены и в курганах округи Увекского (Астраханский тракт, Большая Дмитриевка I, Покровск, Скатовка I–II, Советское III, Суслы) и Царевского (Бахтияровка I, Заяр, Калиновка, Колобовка II, Ленинск I, Маляевка I, Солодовка I–II, Царев) городищ. Таким образом, украшения из стекла найдены в 16 курганных группах округи крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья, что составляет 26,7% от всех 60 таких курганных групп (*Недашковский*, 2010. С. 212). Примечательно, что в курганах кочевников отмечены лишь находки стеклянных бус, подвесок, перстня и вставок металлических украшений, а стеклянные сосуды, нехарактерные для кочевого быта, вообще не были найдены. Распространенность стеклянных изделий у кочевников была, вероятно, немного большей, чем у сельского населения, и намного меньшей, чем у городского, однако из стеклянных изделий кочевники приобретали исключительно украшения.

Рассмотрим ниже имеющиеся стеклянные изделия с Багаевского селища.

При описании различных категорий стеклянных изделий использовалась типология, предложенная М. Д. Полубояриновой для описания украшений и бытовых изделий из стекла Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 151–219).

Бусы

Крупными именуются бусы, высотой или диаметром больше 10 мм, средними – от 6 до 10 мм, мелкими – до 6 мм.

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек

Подгруппа А. Без дополнительной орнаментации, одноцветные

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – цилиндрические (рис. 1, *1*).

Подтип 1 – рубленый бисер – косо отсеченный кусочек тонкой стеклянной трубочки.

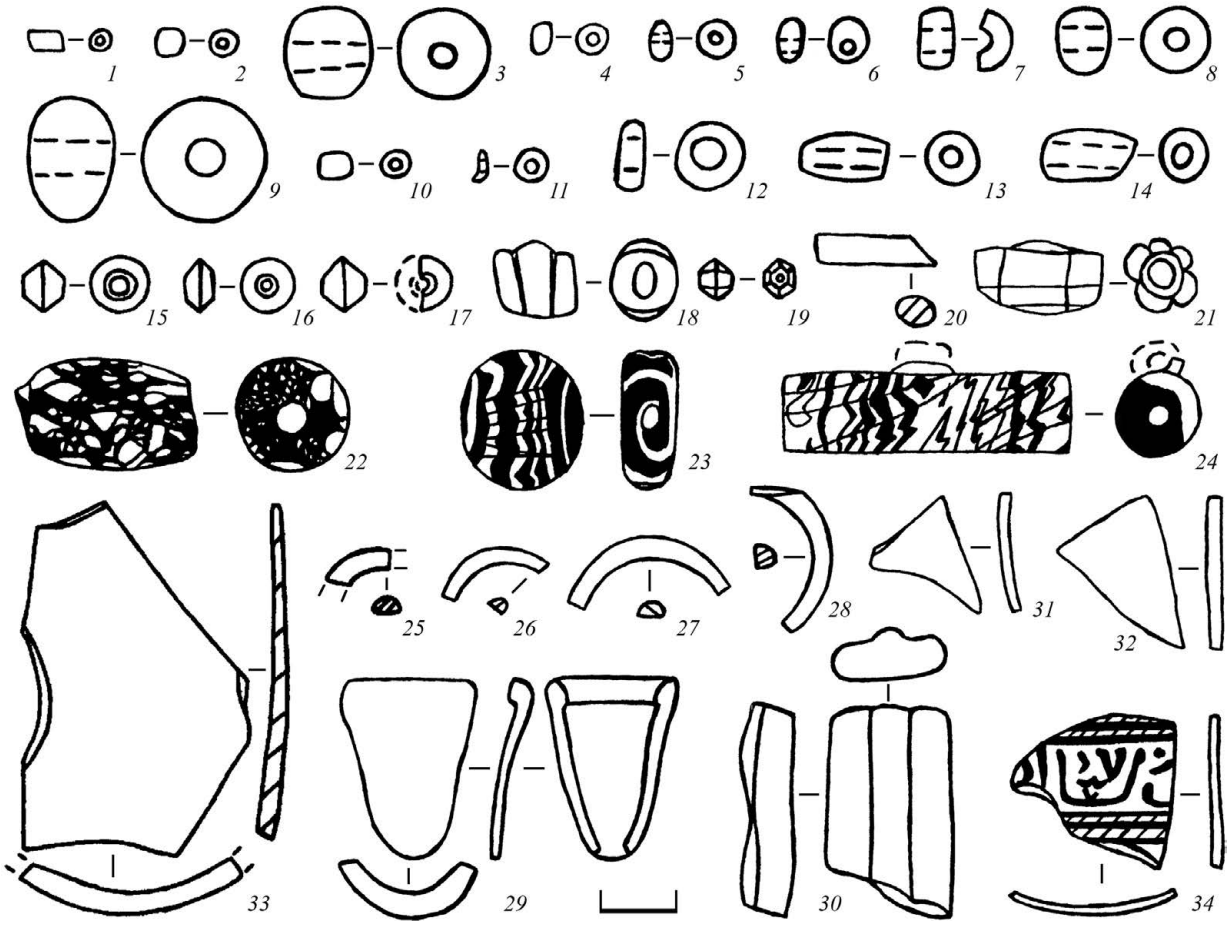


Рис. 1. Стеклянные бусы (*1–19, 21–23*), подвеска (*24*), фрагменты браслета (*20*), перстней (*25–28*) и сосудов (*29–34*) с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения

Раскоп I-2016: 1–2, 5, 10, 16, 18–22 – яма 39 (№ 45, -88 см; № 48, -88 см; № 36, -39 см; № 46, -88 см; № 52, -112 см; № 47, -88 см; № 55, -121 см; № 41, -74 см; № 39, -75 см; № 49, -88 см); *26, 28* – яма 42 (№ 62, -55 см; № 69, -128 см); *32* – яма 40 (№ 56, -63 см). *Раскоп I-2021: 3* – яма 50 (№ 46, -58 см); *14* – яма 9 (№ 54, -35 см). *Раскоп I-2012: 4, 24* – яма 31 (№ 27, -94 см; № 23, -77 см); *23* – яма 30 (№ 13, -44 см); *31* – яма 29 (№ 11, -102 см). *Раскоп I-2020: 6* – яма 44 (№ 29, -109 см); *29* – культурный слой (№ 48, -19 см); *30* – яма 45 (№ 33, -58 см). *Раскоп I-2014*: *7–8, 11–13* – яма 30 (№ 17, -44 см; № 16, -41 см; № 18, -45 см; № 19, -38 см; № 20, -40 см); *27* – культурный слой (№ 14, +12 см). *Раскоп I-2008*: *9, 34* – культурный слой (№ 66, -15 см; № 143, -38 см); *15, 17* – подъем. матер. Л. Ф. Недашковского 2002 г. *Раскоп I-2007*: *25* – яма 4 (№ 32, -63 см); *33* – культурный слой (№ 14, -22 см)

Вид 1 – синие (1 экз.) прозрачные, мелкая бусина (рис. 1, *1*). Синий прозрачный рубленый бисер найден на Болгарском городище (*Полубояринова*, 1988. С. 153–155. Рис. 81, *4–5*. Табл. 1). Рубленый бисер был распространен очень широко (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *15*; *Полубояринова*, 1988. С. 155). Он найден при раскопках мордовских могильников XIII–XIV вв., курганов золотоордынских кочевников, Царевского городища и напластований Болгарского городища золотоордынского времени (*Полубояринова*, 1988. С. 153–155. Рис. 81, *4–5*. Табл. 1; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 72).

Группа I. Бусы, изготовленные способом навивки

Подгруппа А. Без дополнительной орнаментации, одноцветные

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (2 экз.) – шарообразные (рис. 1, *2–3*).

Вид 1 – черные (1 экз.), представлен крупной бусиной (рис. 1, *3*); аналогичные

известны в Древней Руси. Найдены в Саркеле, на Болгарском городище, преимущественно в позднезолотоордынских слоях (*Полубояринова*, 1988. С. 160, 163–164. Рис. 83, *1–2*. Табл. 3) и на Хмелевском I селище (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257, 268. Рис. 1, *1*). Черные шарообразные бусины найдены на Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257) и Селитренном (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *1*) городищах.

Вид 2 – синие прозрачные (1 экз.); представлен мелкой бусиной (рис. 1, *2*). Аналогичные бусы известны на Болгарском городище (*Полубояринова*, 1988. С. 160, 164. Рис. 83, *1–2*. Табл. 3). Синие шарообразные бусы найдены на Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257) и Селитренном городищах (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *1*).

Тип II (6 экз.) – зонные (рис. 1, *4–9*).

Вид 1 – желтые прозрачные (1 экз.), представлен крупной бусиной (рис. 1, *9*) из бесщелочного свинцового стекла, характерного для Древней Руси, Центральной и Западной Европы. Аналогии золотоордынского времени известны с Увекского (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257) и Болгарского (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164–165. Рис. 83, *3–4*. Табл. 3) городищ. Желтые зонные бусы встречены в материалах Селитренного, Царевского и Водянского городищ (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *2*).

Вид 2 – бирюзовые непрозрачные (2 экз.), представлен средней (рис. 1, *8*) и мелкой (рис. 1, *5*) бусинами, химический состав последней близок составу изделий мастерской Селитренного городища. Аналогии известны из золотоордынских напластований Булгара (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164–165. Рис. 83, *3–4*. Табл. 3) и с Увекского городища (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257, 268. Рис. 1, *4*). Бирюзовые непрозрачные зонные бусы известны на Селитренном городище (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *2*).

Вид 3 – синие прозрачные (1 экз.), представлен средней бусиной (рис. 1, *7*). Аналогичные найдены на Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257) и Болгарском (*Баранов и др.*, 2016. С. 137. Рис. 7. *2.148*; *Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164–165. Рис. 83, *3–4*. Табл. 3) городищах, на Царевском, Селитренном городищах (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *2*), в Древней Руси, Хорезме и на Северном Кавказе в материалах X–XIV вв. (*Полубояринова*, 1988. С. 165).

Вид 4 – зеленые прозрачные (2 экз.), представлен мелкими бусинами (рис. 1, *4, 6*) из бесщелочного свинцового стекла, характерного для Древней Руси, Центральной и Западной Европы. Аналогии известны из позднезолотоордынских слоев Булгара (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164–165. Рис. 83, *3–4*. Табл. 3), с Увекского городища, селища «Подстепное» (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257). Зеленые зонные бусины найдены на Селитренном городище (*Бусятская*, 1976. С. 39, 62, 70. Табл. II, *2*) и на Хмелевском I могильнике (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257, 268. Рис. 1, *7*).

Тип III (1 экз.) – бочонкообразные: с плоским основанием и выпуклыми стенками (рис. 1, *10*).

Вид 1 – синие прозрачные (1 экз.), представлен мелкой бусиной (рис. 1, *10*); синие прозрачные бочонкообразные бусы найдены на Болгарском городище (*Полубояринова*, 1988. С. 164–165. Рис. 83, *7*).

Тип IV (2 экз.) – кольцевидные (рис. 1, *11–12*).

Вид 1 – желтые прозрачные (1 экз.), представлен мелкой бусиной (рис. 1, *11*) из поташно-свинцового стекла древнерусского происхождения. Аналогии известны из Булгара (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 166. Рис. 83, *5–6*. Табл. 3), с Увекского городища, селищ Колотов Буерак и Подстепное (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257–258, 268. Рис. 1, *2*). Желтые кольцевидные бусины известны с Селитренного и Царевского городищ (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *4*).

Вид 2 – черные (1 экз.), представлен средней бусиной (рис. 1, *12*). Аналогичные бусы найдены на Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257–258) и Болгарском (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 166. Рис. 83, *5–6*. Табл. 3) городищах. Черные кольцевидные бусины зафиксированы на Селитренном и Водянском городищах (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *4*).

Тип V (2 экз.) – эллипсоидные (рис. 1, *13–14*).

Вид 1 – черные (1 экз.), крупная по размерам бусина (рис. 1, *14*). Аналогии известны с Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 167. Рис. 83, *8*. Табл. 3).

Черные эллипсоидные бусины найдены на Хмелевском I селище (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 258) и Селитренном городище (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *6*).

Вид 2 – бирюзовые непрозрачные (1 экз.), представлен крупной бусиной (рис. 1, *13*). Аналогичные бусы найдены в золотоордынских слоях Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 167. Рис. 83, *8*. Табл. 3), бирюзовая эллипсоидная бусина зафиксирована на Селитренном городище (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *6*).

Тип VI (3 экз.) – битрапецоидные (рис. 1, *15–17*).

Вид 1 – бирюзовые непрозрачные (1 экз.), средняя бусина (рис. 1, *17*). Аналогии известны с Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 167. Рис. 83, *11*. Табл. 3), Увекского городища, Хмелевского I селища и поселения в урочище «Подстепное» (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 258). Бирюзовые непрозрачные битрапецоидные бусины найдены в Хорезме (*Полубояринова*, 1988. С. 167), на Селитренном и Водянском городищах (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *9*).

Вид 2 – синие прозрачные (1 экз.), средняя по размерам бусина (рис. 1, *16*). Аналогии найдены в золотоордынских слоях Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 160, 164, 167. Рис. 83, *11*. Табл. 3), на Увекском городище (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 258, 268. Рис. 1, *8–9*).

Вид 3 – голубые непрозрачные (1 экз.), средняя бусина (рис. 1, *15*). Аналогии известны с Болгарского (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 167. Рис. 83, *11*. Табл. 3) и Увекского (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 258) городищ.

Тип VII (1 экз.) – винтообразные (рис. 1, *18*), образованные накручиванием стеклянного жгута вокруг стержня. Винтообразные бусины найдены на памятниках Древней Руси, золотоордынского Хорезма, на Болгарском (*Полубояринова*, 1988. С. 160–161, 164, 168. Рис. 83, *17*. Табл. 3), Селитренном и Водянском (*Бусятская*, 1976. С. 40, 62, 70. Табл. II, *10*) городищах.

Вид 1 – коричневые прозрачные (1 экз.), крупная бусина (рис. 1, *18*).

Отдел II – ребристые, образующие в поперечном сечении розетку.

Тип I (1 экз.) – эллипсоидные (рис. 1, *21*).

Вид 1 – зеленые прозрачные (1 экз.), крупная бусина (рис. 1, *21*). Аналогия известна с Болгарского городища (*Полубояринова*, 1988. С. 162–164, 170. Рис. 83, *25–26*. Табл. 3); ребристые эллипсоидные бусины найдены в Древней Руси и золотоордынском Хорезме (*Полубояринова*, 1988. С. 170).

Отдел IV. Граненые бусы, в поперечном сечении многогранные.

Тип I (1 экз.) – многогранные (в продольном разрезе бипирамидальные).

Подтип А – 14-гранные (рис. 1, *19*); такие бусы найдены на Болгарском (*Полубояринова*, 1988. С. 162–164, 170. Рис. 83, *29*. Табл. 3) и Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 258, 268. Рис. 1, *19*) городищах.

Вид 1 – коричневые полупрозрачные (1 экз.), мелкая по размеру бусина (рис. 1, *19*).

Подгруппа Б.
Бусы орнаментированные

Бусы с мозаичным узором

Орнаментированы путем вдавливания разноцветных крошек стекла в еще мягкую стеклянную основу бусины с последующей ее огневой полировкой.

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – эллипсоидные (рис. 1, *22*).

Вид 1 – черные (1 экз.), крупная бусина с включениями белого, голубого, печеночно-красного и желтого цветов (рис. 1, *22*). Подобные бусы найдены на Болгарском (*Полубояринова*, 1988. С. 171–172. Табл. 4) и Увекском (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 259) городищах.

Бусы со спиральным узором

Орнаментированы тонкой стеклянной нитью, идущей по спирали от одного отверстия к другому.

Отдел I – бусы, уплощенные в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – дисковидные, близкие к кругу в продольном сечении (рис. 1, *23*).

Вид 1 – черные (1 экз.), крупная бусина с белой спиралью (рис. 1, *23*). Аналогии имеются в материалах Болгарского (*Баранов и др.*, 2016. С. 135. Рис. 7. *2.135*; *Полубояринова*, 1988. С. 173, 176. Табл. 4) и Увекского (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 259) городищ.

Подвески

Представлены крупной подвеской-бусиной.

Подвески-бусины

Группа I. Изготовленные способом навивки

Подгруппа Б. Орнаментированные

Бусы-подвески со спиральной и спирально-волнистой орнаментацией

Отдел I – круглые в поперечном сечении.

Тип I (1 экз.) – цилиндрические (рис. 1, *24*).

Подтип 1 – двойные цилиндрические подвески, сверху к подвеске была прилеплена маленькая бусина, через отверстие которой пропускалась нить.

Вариант А (1 экз.): черная, узор из зигзагообразных белых и красных спиралей (рис. 1, *24*). Аналогии имеются с Болгарского (*Баранов и др.*, 2016. С. 126. Рис. 7. *2.74*; *Полубояринова*, 1988. С. 186–187. Рис. 85, *11*) и Увекского (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 260, 268. Рис. 1, *35–36*) городищ.

Стеклянные браслеты

Имеется фрагмент одноцветного гладкого зеленого браслета (рис. 1, *20*). Аналогичные браслеты найдены на Болгарском (*Полубояринова*, 1988. С. 190–193. Рис. 86, *1*. Табл. 6), Селитренном, Царевском (*Бусятская*, 1976. С. 45, 63, 72. Табл. III, *1–2*) и Увекском городищах, а также на поселении у с. Подгорное (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 261).

Стеклянные перстни

Найдены четыре одноцветных плосковыпуклых перстня, образующие в сечении полукруг (рис. 1, *25–28*). Они имеют ровную поверхность, у одного изделия сохранился фрагмент щитка (рис. 1, *28*). Перстни представлены черными (рис. 1, *25, 28*) и бирюзовыми непрозрачными (рис. 1, *26–27*); химический состав одного из бирюзовых перстней (рис. 1, *26*) близок составу изделий мастерской Селитренного городища. Аналогичные изделия известны с Болгарского (на нем в стеклодельной мастерской были найдены точно такие же бракованные перстни) и Увекского городищ, поселений Хорезма (*Полубояринова*, 1988. С. 194–197. Рис. 87, *2–3*. Табл. 8–10; *Полубояринова*, 2006. С. 153–155, 157–158. Рис. 2; 3, *22–23*. Табл. 1). Еще один аналогичный черный перстень происходит с Водянского городища (*Бусятская*, 1976. С. 48, 72); бирюзовые непрозрачные перстни найдены на Селитренном и Царевском городищах, Хмелевском I селище (*Бусятская*, 1976. С. 48, 72; *Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 261, 268. Рис. 1, *46–47*), причем такие изделия найдены и в стеклодельной мастерской Селитренного городища (*Полубояринова*, 1988. С. 196–197).

Посудное стекло

Группа I. Бесцветные (как правило, специально не окрашенные, зеленоватые) стекла

Венчики

Тип I (1 экз.) – короткое цилиндрическое горлышко флакона. Тип представлен бесцветным изделием с небольшим горизонтальным отгибом внутрь по краю венчика (рис. 1, *29*). Подобные изделия известны с Болгарского (*Полубояринова*, 1988. С. 205), Царевского (*Бусятская*, 1976. С. 51, 64, 67. Табл. IV, *1–3*; VII, *1–2*) и Селитренного (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 172–173. Рис. 33, *7*) городищ.

Ручки

Тип I (1 экз.) – овальная в сечении ручка с канелюрами (рис. 1, *30*). Тип представлен зеленоватым изделием. Подобные ручки кувшинчиков с высоким горлом известны на Болгарском городище и на Афрасиабе (*Полубояринова*, 1988. С. 205–206. Рис. 89, *12*).

Цвет неорнаментированных стенок сосудов группы I коричневый непрозрачный (рис. 1, *31*), зеленоватый прозрачный (рис. 1, *32*) и прозрачный с розоватым отливом (рис. 1, *33*). Изделие с розоватым отливом (рис. 1, *33*) по высокому содержанию калия и кальция может быть отнесено к импорту из Западной Европы.

Группа II. Монохромные прозрачные стекла с цветным декором

К группе относится фрагмент бесцветного сосуда ближневосточного происхожде-

ния (рис. 1, *34*) с росписью эмалью золотого, красного (на рисунке показан штриховкой) и черного (им была выполнена арабская надпись) цветов. Вероятно, что это фрагмент небольшой лампы. Фрагменты подобных ламп найдены в золотоордынских напластованиях Болгарского городища (*Баранов и др.*, 2016. С. 60. Рис. 4. *3–5*).

Стеклянные изделия относительно хорошо представлены в материалах Багаевского селища: там найдено 22 стеклянных бусины, подвеска, браслет, четыре перстня и шесть фрагментов сосудов.

Из 20 бусин, найденных при раскопках, лишь одна происходит из культурного слоя. В зерновой яме 39 найдено девять бус, в хозяйственной яме 30 – шесть бус, в хозяйственных ямах 31 и 44, соединенных с более глубокими погребами, в хозяйственной яме 50 и в яме 9 (жилище) – по одной бусине. Подвеска найдена в яме 31, браслет – в яме 39, перстни – в колоколовидной зерновой яме 4, соединенной с более глубоким погребом аналогичного сечения (1 экз.), в яме 42 (погреб; 2 экз.) и культурном слое (1 экз.). Таким образом, 88,5% от всех найденных при раскопках стеклянных украшений обнаружены в хозяйственных, зерновых ямах или погребах, расположенных вблизи жилища. Вероятно, часть стеклянных украшений, безусловно, представлявших значительную ценность для жителей села, была утеряна или преднамеренно спрятана. В ямах 30 и 39 были спрятаны, очевидно, целые ожерелья, содержавшие: в яме 30 – синяя и желтая прозрачные, бирюзовые и черная непрозрачные стеклянные бусы, крупная черная бусина с белой спиралью (рис. 1, *7–8, 11–13, 23*) и раковина каури с отверстием и желтой стеклянной бусинкой (рис. 1, *11*) внутри; в яме 39 – синие, коричневые и зеленая прозрачные, бирюзовая непрозрачная стеклянные бусы, крупная черная бусина с мозаичным узором (рис. 1, *1–2, 5, 10, 16, 18–19, 21–22*) и кашинная бусина с бирюзовой поливой.

По одному фрагменту стеклянных сосудов найдено в зерновых ямах 29, 40 и в хозяйственной яме 45, соединенной с более глубоким погребом; из культурного слоя происходят три экземпляра.

Сравним приведенные в статье стеклянные изделия золотоордынского времени с изделиями тех же категорий, происходящими с других памятников, расположенных неподалеку.

С Увекского городища, соотносимого с крупным золотоордынским городом Укеком, наиболее значительным городским памятником Саратовского Поволжья, происходит разнообразная коллекция стеклянных изделий (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 257–280), включающая, помимо проанализированных в данной статье категорий изделий, подвески-кулоны, вставки перстней, полуфабрикаты и оконное стекло. Обращает на себя внимание, что при многократном количественном преобладании одноцветных бус с Увекского городища (527 экз.) над бусами Багаевского селища (20 экз.), количество представленных типов одноцветных бус на этих памятниках практически одинаково: 11 на Увекском городище и 10 на Багаевском селище. При многократном же количественном преобладании орнаментированных бус с Увекского городища (125 экз.) над бусами Багаевского селища (2 экз.), количество типов орнаментированных бус резко разнится: 17 на Увекском городище и два на Багаевском селище, что, впрочем, может объясняться малым их количеством, найденным в Багаевке. Подвески, браслеты, перстни и сосуды с Увекского городища преобладают над материалами Багаевского селища как количественно, так и по числу известных типов. На основании этих данных представляется, что стеклянные изделия были гораздо более распространены в крупном городе, чем на селе.

Стеклянные изделия также представлены на Хмелевском I селище, близлежащем малом золотоордынском городе (*Недашковский, Шигапов*, 2016. С. 244–245, 246–247. Рис. 2, *17–37*). Интересно, что на Хмелевском I селище (включая Хмелевский I могильник, расположенный на территории селища) найдено 12 экземпляров одноцветных бус шести разных типов, пять экземпляров орнаментированных бус четырех типов, два перстня и восемь фрагментов сосудов. Таким образом, Багаевское и Хмелевское I селища близки по номенклатуре и количеству стеклянных изделий, хотя на Багаевском селище имеются находки подвески и браслета, отсутствующих на Хмелевском I селище. Также

следует отметить факт преобладания на аграрном Багаевском селище одноцветных бус (и по количеству экземпляров, и по количеству типов), а на Хмелевском I селище, в малом городе – орнаментированных бус (также по числу экземпляров и типов).

На расположенном неподалеку селище Колотов Буерак найдена лишь зонная желтая кольцевидная стеклянная бусинка (*Недашковский, Шигапов*, 2018. С. 550, 551. Рис. 1, *1*).

В округе Укека еще на двух сельских памятниках (селище Подгорное и Алексеевское городище) найдены два стеклянных браслета; лишь на поселении в урочище Подстепное, в малом городе, обнаружены в сопоставимом с Багаевским селищем количестве (31 изделие) стеклянные одноцветные бусы, перстни, вставки перстней и фрагмент сосуда (*Валиулина, Недашковский*, 2005. С. 263).

Подводя итоги, следует отметить, что на Багаевском селище выявлено большее количество стеклянных изделий, чем на любом другом золотоордынском селище, расположенном в округе города Укека. Встречены на Багаевском селище и импортные стеклянные изделия, произведенные за пределами Золотой Орды.

Литература

Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдиков А. Г., 2016. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн. (Музей Болгарской цивилизации. Т. 1). 267 с.

Бусятская Н. Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука. С. 38–72.

Валиулина С. И., Недашковский Л. Ф., 2005. Стеклянные изделия Укека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград: Изд. ВолГУ. С. 257–280.

Недашковский Л. Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 351 с.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2016. Находки с Хмелевского I селища // Проблемы Археологии Нижнего Поволжья: Матер. V Междунар. Нижневолжской археологической конф., 15–18 ноября 2016 года. Элиста: Изд. Калмыцкого унив. С. 242–247.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2018. Находки с селищ Колотов Буерак и Константиновское // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 160. Кн. 3. С. 549–561.

Полубояринова М. Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 151–219.

Полубояринова М. Д., 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. № 4. С. 152–158.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд. МГУ. 274 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ. 228 с.

L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov

Glass Wares from Bagaevka Settlement

Abstract. Glass wares from Bagaevka settlement of the second half of the 13th–14th century, situated in periphery of the Golden Horde city Ukek in Saratov area of municipality ‘City of Saratov’ of Saratov region were analyzed in the article. Bagaevka settlement is quite large rural settlement with the area of 5,1 hectares. The collection of the Bagaevka settlement contains 20 single-colour and 2 ornamented glass beads, pendant, bracelet, 4 rings and 6 fragments of vessels. Morphological features of wares are examined in the article on the basis of typology with involvement of materials of synchronous monuments. Conclusions were made about the topography of the finds of glass wares and about the composition of necklaces made of beads. This complex characterizes material culture of the Golden Horde village of the Low Volga region, which, judging by the published materials, differed from material culture of city and town, situated nearby.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-00004.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.284-298

К. А. Руденко
Казанский государственный институт культуры, Казань

Медная посуда Волжской Булгарии X–XIV веков: датировка и использование

Вопрос о средневековой бытовой медной посуде в археологических материалах Восточной Европы обсуждается на протяжении более чем полувека. Наиболее многочисленными были находки на археологических памятниках Среднего Поволжья, относящихся к государству Волжской Булгарии, а затем к Булгарской области Золотой Орды. Анализ артефактов позволил к началу XXI в. определить особенности производства этой категории изделий, выявить динамику развития технологий их изготовления, ассортимент продукции и эволюцию ряда ее видов (*Руденко*, 1991. С. 352–363; 2000а).

В домонгольское время из всей продукции булгарских медников самыми распространенными были котлы (рис. 1). Они имели стандартную форму и размеры: цилиндрическое тулово диаметром 27–30 см, иногда с чуть расширяющимися в верхней части стенками высотой 15–17 см. Последние сделаны из двух медных листов, соединенных фальцовкой. У котла был отогнутый наружу венчик, под который, как правило, помещалась узкая медная подкладка. В верхней части котла, напротив друг друга, строго по соединительному фальцевому шву, клепками крепились два ушка петлевидной формы с одинарной или двойной расковкой концов. Нижняя часть ушек отогнута на 1,0–1,5 см, то есть на ширину венчика. Дно диаметром 27–32 см, чуть выпуклое, соединялось со стенками сварочным швом в зубец. У таких котлов имелась железная дужка. В золотоордынское время распространился новый тип котлов – колоколовидной формы с небольшим уступом у венчика с кольцевыми бронзовыми ручками (рис. 2, *7*) или с железными массивными ушками (*Полякова*, 1996. С. 242. Рис. 77, *2*).

Помимо котлов, в домонгольское время у булгар бытовали кумганы с носиками. Они изготавливались в меньшем количестве, чем котлы. Некоторые из них с плоской боковой стороной и декоративной ручкой, были привозными (рис. 2, *1, 2*). Большие по емкости кумганы скорее всего являлись мерными емкостями для жидкостей (рис. 2, *4*). В золотоордынское время медные кумганы украшались гравированными орнаментами (рис. 2, *5*).

Аналогичные вышеописанным кумганам изделия, но без носика, разных объемов (рис. 2, *3, 6*) использовались как измерительные сосуды для сыпучих тел и жидкостей (*Руденко*, 2000а. С. 77,78. Рис. 18–23). Часть их могла быть привозной[1]. Известны такие сосуды с надписями арабицей (Подарок созерцающим, 2015. С. 326–327. Кат. 161). Помимо этого, изготавливались небольшие ковши с железной ручкой (рис. 3, *2*).

На Билярском городище в XII в. бытовали небольшие тазы с ушками скобовидной формы (9–10×6–8 см) с одинарной расковкой концов (рис. 4, *1, 2, 7*). Скорее всего, такие тазы были привозными. На других булгарских памятниках такие ушки, насколько нам известно, не встречены[2]. В целом виде они не сохранились, скорее всего, из-за ма-

[1] Как показали анализы, булгарская бытовая посуда изготавливалась из чистой меди, с ничтожным количеством примесей, что в настоящее время делает невозможным определение источника происхождения металла.

[2] Тазы золотоордынского времени существенно крупнее, у них массивные железные ушки и расширяющееся в нижней части тулово (*Руденко*, 2000. С. 76,77. Рис. 9, *5, 6*).

Рис. 1. Медные котлы XII – начала XIII в. Старо-Куйбышевский комплекс (*1*, *2*), Булгарское (*3*), Билярское (*4*) городища. Коллекции МА ИА АН РТ (*1*, *2*) и НМРТ (*3*, *4*)

1, *2* – без шифра; *3* – № 5363–58; *4* – № 5442

лого количества – они все были утилизированы. Другие виды бытовой посуды из меди (чаши, блюда) представлены единичными экземплярами и большого распространения не имели, скорее всего, в силу того, что они не могли конкурировать с дешевой деревянной и глиняной посудой.

Булгарскую медную посуду в целом отличал ряд признаков: фальцевые и сварные (в зубец) соединения частей сосудов, редкое применение заклепочных соединений, сборка из нескольких частей (рис. 5, *1*, *2*, *4а*, *4б*). Для прикрепления ушек у котлов и ручек у кумганов использовались клепки из кованой проволоки, но чаще – из небольших листовых кусочков меди, свернутых в трубочку, конус («кулечком») или «конвертом»[3] (рис. 5, *6*, *7*). Характерной чертой булгарских

[3] Для такого типа заклепки вырезалась заготовка прямоугольной формы с треугольными окончаниями. Она складывалась в виде буквы «т», при этом окончания были сведены вплотную друг к другу, образуя подобие стержня. Последний затем вставлялся в отверстие, и на обратной стороне кончики разводились в противоположные стороны.

Рис. 2. Медные кумганы (*1–6*) и котел (*7*). Билярское (*1, 2*) и Болгарское (*3–7*) городища. Коллекция ГИМ (*1*), НМРТ (*2–4, 6, 7*) и МБЦ (*5*)

1 – экспозиция ГИМ; *2* – № 5427–35; *3* – 5363-10; *4* – 5582; *5* – экспозиция МБЦ (раскопки В.С. Баранова 1991 г.); *6* – № 5363; *7* – № 12090, 5363-3

котлов был отогнутый наружу венчик типа «в» (рис. 5, *3в*) и медные ушки (железные ушки с конца XI в., на котлы не ставились) двух типов – с одинарной и двойной расковкой концов (рис. 5, *А*). Наиболее распространенными были котлы типа М-4 (*Руденко*, 2000а. С. 30–33, 112, 113. Рис. 10; 11).

Надо сказать, что в XII – начале XIII в. помимо булгар некоторые виды медной бытовой посуды, в основном, котлы, изготавливали и их соседи, правда, чаще всего, с помощью иных, более простых технологий, например, клепки (*Руденко*, 2000б. С. 16–19).

На древнерусских памятниках встречаются котлы и ведра, сделанные из медных пластин с помощью клепки, видимо, собственного производства, как, например, на городище Вщиж (*Рыбаков*, 1953. С. 114). Небольшие чашки (7×4 см), напоминающие по форме и размерам булгарские ковши, только без железной ручки, найдены в Берестье в слое конца XIII в. (*Лысенко*, 1985. С. 271. Рис. 185, *1*).

Тем не менее именно Волжская Булгария в домонгольское время оставалась основным экспортером этой посуды на Русь и к финно-угорским народам Предуралья и Поволжья. Целые формы и, вероятно, части от котлов, кумганов и ковшей известны на средневековых поселениях, располагавшихся на речных и сухопутных путях Восточной Европы, достигая, в ряде случаев и весьма отдаленных от булгарских землей областей, например, Южной Руси или Новгорода; фрагменты котлов и даже целые формы найдены на средневековых памятниках Посурья (*Олейников, Руденко*, 2013. С. 144–148; 2017а. С. 168–171; 2017б. С. 326–241; *Руденко*, 1992а. С. 78–86; 1992б. С. 100–103; *Белорыбкин*, 2001.

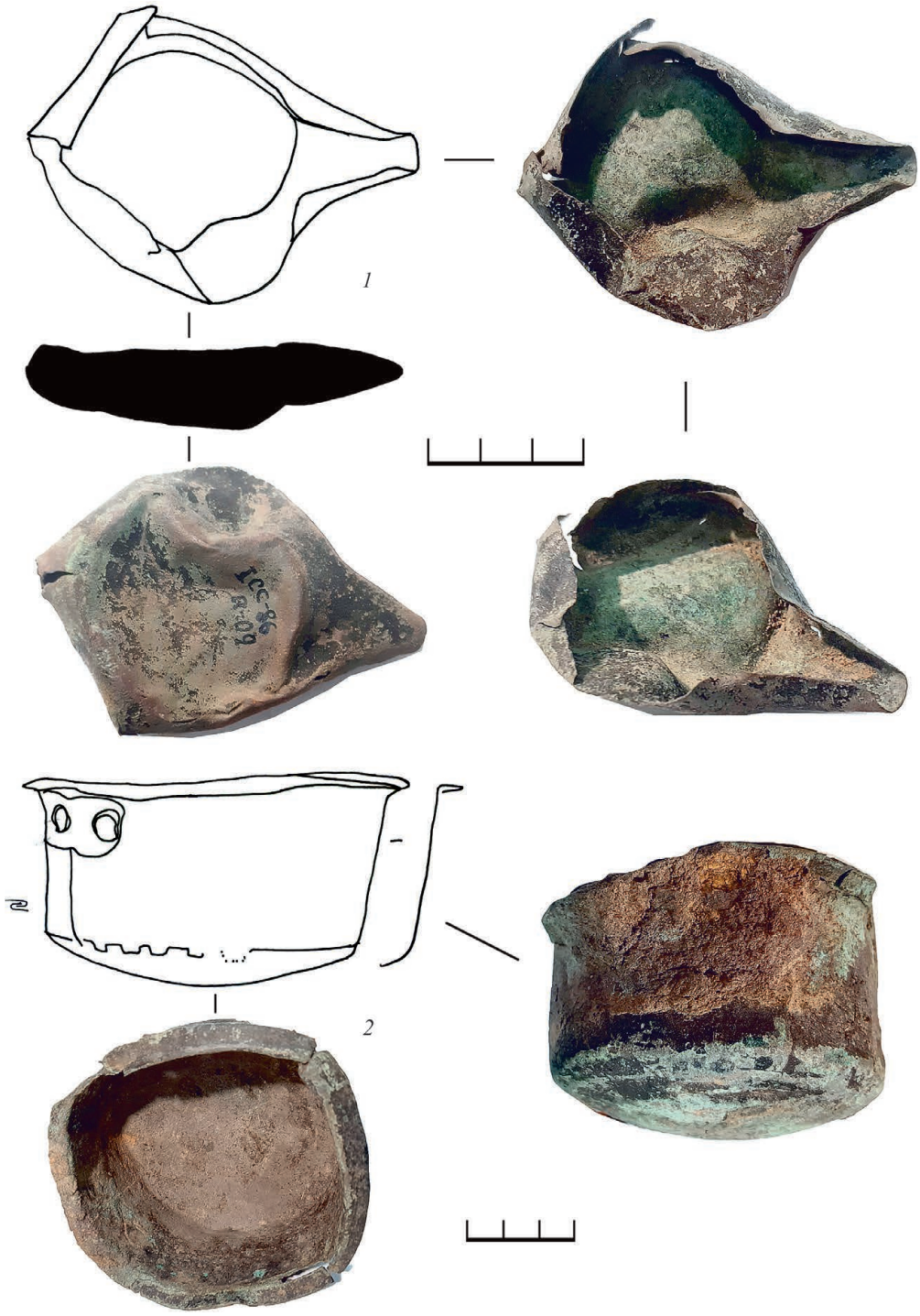


Рис. 3. Медный светильник (*1*) и ковш (*2*). Семеновские V и I селища. Подъемный материал; сборы Е.П. Казакова и Е.А. Беговатова. Коллекция МА ИА АН РТ

1 – 1991 г., полевой № 124; *2* –1986 г., полевой № 09

С. 111–115. Рис. 70; 71; 72; *Губанов, Мищенко*, 2003. С. 52. Рис. 1, *31–35*).

При этом булгарская медная бытовая посуда, в первую очередь котлы, практически не распространялась у кочевников – угров и половцев, хотя у последних таковые имелись, и они даже были частью погребальных ритуалов, но при этом, импортировались они не из Волжской Булгарии. В Пермском Предуралье медная посуда тоже редка. Потребности этого вида изделий в быту здесь компенсировали глиняные котлы.

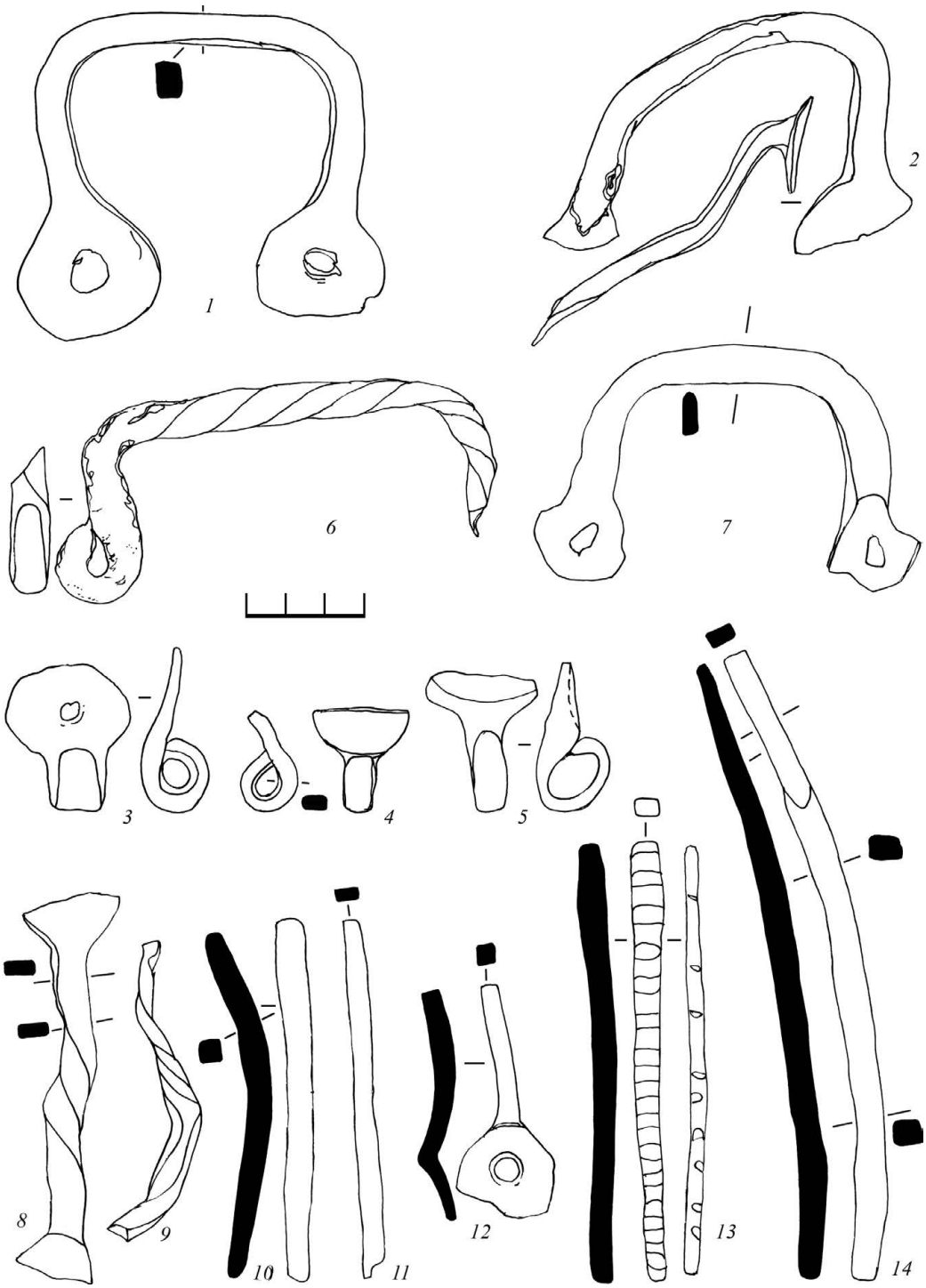


Рис. 4. Медные ушки от котлов (*8, 9, 12*), ушки от тазов (*1, 2, 7*), крючки, сделанные из ушек котлов (*3, 4, 5*), перекрученный стержень (*6*), медные стержни (*10, 11, 13, 14*). Билярское городище (*1–6, 8–14*) и Билярское XII селище (*7*). Коллекция БГИАПМЗ

1 – Б72/27, КП 641/117; *2* – БХXIII/13278, КП 235/1351; *3* – БХXII-73, КП 642/6; *4* – БХXVI-Д/2267, КП 247/1803; *5* – КП 243/744; *6* – БХXVI-Д/2205, КП 250/1806, *7* – 2-118, XII/3203, КП 684/261; *8* – КП 635/9; *9* – БХXII-73/10271, Б223/2826; *10* – БХXII-74/19481, КП 640/96; *11* – БХXII-74/19471, КП 640/137; *12* – БХXII-74/17460, Б-224/2253; *13* – БХXXIX-87/430, КП 614/653; *14* – БХXVI-Д/2172, КП 250/1808

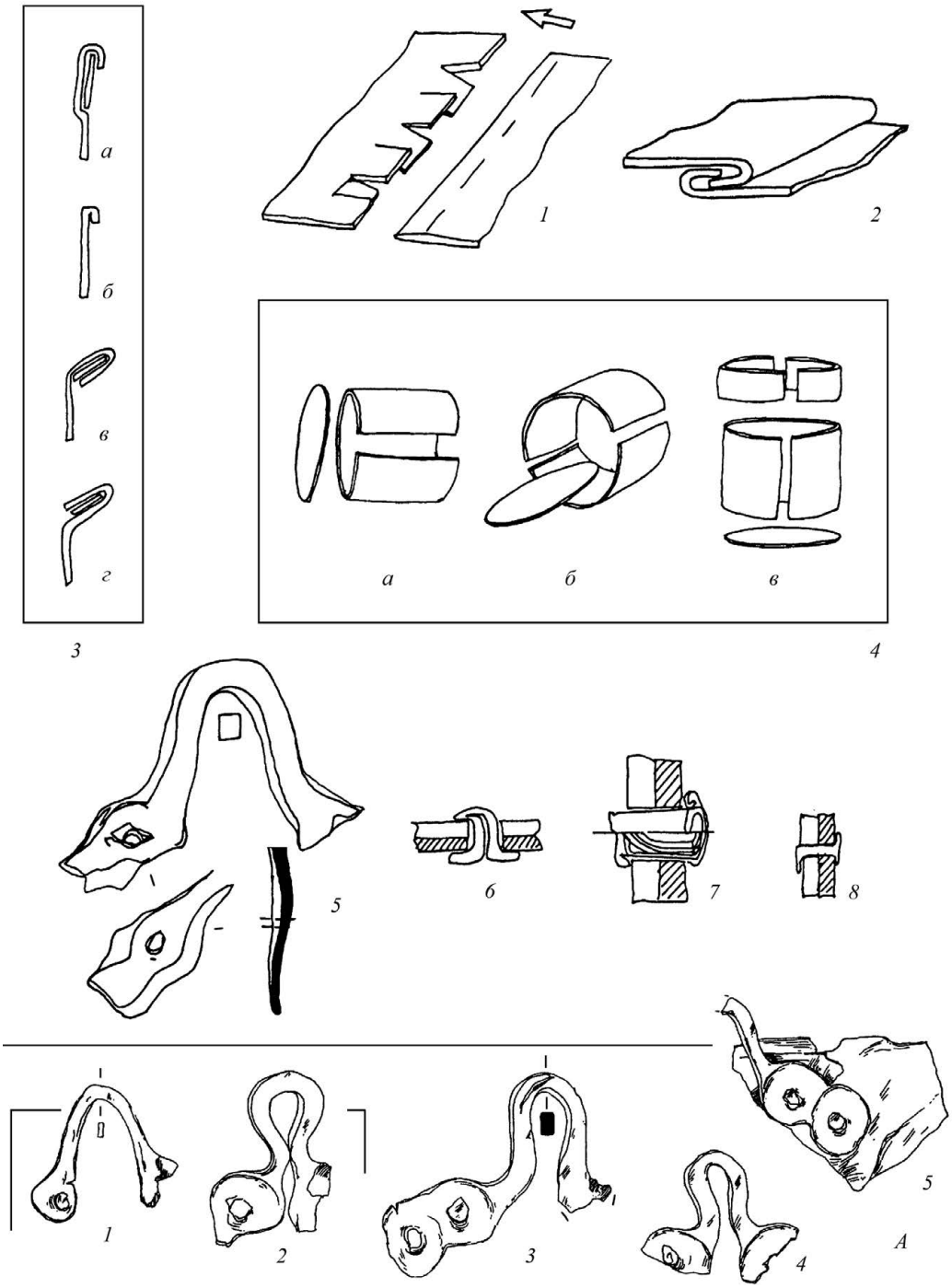


Рис. 5. Схема технологических приемов сборки медных сосудов (*1, 2, 4*), клепочные соединения (*5–8*), типы венчиков (*3*) и типы ушек котлов (*А*)

1 – холодная сварка в зубец; *2* – фальцевое соединение; *3* – типы венчиков: *а)* вертикальный с укрепляющей внешней вставкой, *б)* вертикальный с утолщением на срезе; в) отогнутый с загибом наружу с подкладкой; *г)* отогнутый с загибом внутрь с подкладкой; *4* – приемы сборки сосудов: *а)* двухчастная; *б)* трехчастная; *в)* четырехчастная; *5* – медное ушко котла с дополнительной наваркой стержня для ушка и с пробитым отверстием; *6* – листовая клепка из свернутой конусом пластины (кулечком) с закладной и замыкающей головками; *7* – листовая клепка из свернутой в рулончик пластины; *8* – проволочная клепка; А – типы ушек котлов: *1, 2* – тип 1 с одинарной расковкой окончаний; *3, 4, 5* – тип 2 с двойной расковкой окончаний; *4* – ушко типа 2 с удаленными нижними лопастями; *5* – разрубленное пополам ушко котла типа 2 с фрагментом стенки и венчика

Потребность в медной посуде как источнике сырья также была неактуальна – в Пермском Предуралье имелись собственные месторождения полиметаллических руд, позволявшие изготавливать изделия из меди (*Крыласова, Белавин*, 2021. С. 495, 496).

Вместе с тем импорт медных котлов в Предуралье из Волжской Булгарии все же имел место в силу того, что изготовить тонкий лист меди было непросто, а из стенок котлов можно делать без особых сложностей различные изделия небольших размеров. Это подтверждает и наличие фрагментов медных котлов, в основном, стенок, реже ушек в культурном слое родановских и чепецких городищ (*Белавин, Крыласова*, 2008, с. 207, 208. Рис. 130, 131; *Модин, Иванова*, 2021. С. 57. Рис. 1.16, *18, 20–23, 34–48*). Отметим открытие на Рождественском городище в Пермском крае ремесленной мастерской XII–XIII вв. с большим количеством фрагментов и деталей медной посуды (*Крыласова*, 2021. С. 173–177. Рис. 2Б; 3–6). Правда, мнение автора статьи о производстве медных котлов в этой мастерской вряд ли соответствует действительности. Судя по опубликованным материалам, их здесь не делали, но, вполне вероятно, ремонтировали. Видимо, большая часть находок в виде обрезков медной посуды, разрубленных ушек, заклепок, накладных пластин-заплаток, – все это сырье для переработки, в том числе и для переплавки. Наличие довольно разнообразного инструментария по холодной обработке металла в этой мастерской, а также фрагментов тиглей (*Крыласова*, 2021. С. 178–179. Рис. 7Б) подтверждают данную версию.

В Удмуртском Прикамье, где медные котлы и ковши в XII–XIII вв. использовались как погребальная посуда, их нередко замещали сосуды-подражания или имитации, сделанные из частей стенок и днищ котлов. Известны случаи, когда в захоронения ставили вышедшие из употребления, переделанные котлы (*Иванова, Руденко,* 1994. С. 107–120). Наибольшее количество булгарских медных котлов в конце X–XII в. поступало в Марийское Поволжье. Здесь они использовались в качестве погребальной посуды или входили в жертвенно-ритуальные комплексы. Именно в средневековых марийских могильниках зафиксированы наиболее ранние (конца X–XI в.) целые формы медных котлов (*Никитина, Руденко,* 1998. С. 86–88. Рис. 2; 3). Не исключено, что некоторые из них не булгарского происхождения[4].

Отельные партии булгарских котлов в XII – начале XIII в. попадали на Урал и в Зауралье и даже на поселениях восточного побережья полуострова Ямал. В последнем случае это фрагменты медных котлов, а также сделанные из стенок котлов бытовые поделки – «круженьки». Можно предполагать, что утилизированные котлы использовались как сырье (*Кардаш*, 2011. С. 36, 38, 39. Рис. 46). В Зауралье бытование булгарских медных котлов было достаточно длительным, и изделия XII в. могли попасть в захоронения даже в XIV в. Они прочно занимали место в погребальном обряде, и даже после прекращения импорта котлов эта традиция сохранилась до XVI–XVII вв. (*Яковлев, Боброва*, 1995. С. 101–117). В XVII–XVIII вв. здесь, как и в Волго-Камье, начинают преобладать небольшого объема медные котелки русского производства[5] или их местные производные (*Молодин, Соболев, Соловьев*, 1990. С. 83. Рис. 65).

Как было показано выше, основной экспорт булгарской медной бытовой посуды приходится на XII–XIII вв., причем во второй половине XIII в. чаще всего из булгарских земель вывозились изделия, произведенные ранее, поскольку после монгольского нашествия медницкое производство у булгар пришло в упадок и практически прекратилось. В целом, в булгарских древностях медная бытовая посуда характерна для второй половины домонгольского периода – XII – начала XIII в., являясь своего рода хронологическим маркером.

---

[4] Помимо булгарской в Волго-Камье могла встречаться импортированная из мусульманских стран медная посуда, как, например, медные кружки-кумганы, датированные, в основном, XII в., или походные медные котелки, распространенные в X–XI вв.

[5] Интересно, что фрагменты медной посуды, в основном котлов, в виде медных пластин и заклепок, реже – ушек (железных или медных) для подвешивания, как предполагает О. В. Кардаш, преднамеренно нарубленных, весьма часто встречаются на поселениях и могильниках Северо-Западной Сибири XIII–XVIII вв. (*Кардаш*, 2009. С. 168. Рис. 3.37, *3–7*). Судя по публикациям, это в большинстве своем фрагменты изделий русского производства XVI–XVIII вв.

На булгарских поселениях, существовавших в X–XI вв. находок медной бытовой посуды очень немного, чаще всего это части медных котлов типов М-1 и М-2 двух- или четырехчастной сборки без фальцевых соединений с венчиками типа «а» и «б» и с маленькими железными или бронзовыми ушками 1-го типа (рис. 5, *3а, 3б, 4*). Вопрос о булгарском производстве котлов типов М-1 и М-2 пока остается открытым. В XI в. у булгар появляются котелки с фальцевыми швами, скорее всего завезенные из стран Востока (тип М-3). Они низких пропорций, чуть больше по объему предыдущих, и с венчиком типа «г», который ни раньше, ни позже в Волжской Булгарии у котлов не встречался (рис. 5, *3г*). Среди находок на булгарских памятниках их идентифицировать не удалось, а два известных экземпляра котлов этого типа происходят из древнемарийских могильников (*Руденко*, 2000а. С. 30).

Судя по материалам раскопок поселений, активно развивавшихся во второй половине XI в., например, Остолоповского, Измерского селищ, Билярского городища, с этого времени котлы типа М-4 стали распространяться на булгарских поселениях, достигнув максимума в XII в. Это связано как со сформировавшейся ремесленной производственной базой, освоением технологических приемов сборки (фальцовка и холодная сварка в зубец), а также с распространением в XI–XII вв. у булгар жилищ с печью каминного типа (*Руденко*, 2020. С. 323, 324). При других типах печных устройств использовать котел типа М-4 практически невозможно. Наличие железных цепей для котлов на поселениях, где исследованы жилища этого типа, подтверждает этот тезис.

В сущности, котлы из меди на протяжении всего домонгольского периода у булгар оставались дорогими и достаточно редкими изделиями. Так, по предварительным подсчетам на Мурзихинском селище, возникшем на рубеже X–XI вв., в течение почти 200 лет существования поселения утилизировано не более 20 котлов (тип М-4), от которых сохранились фрагменты стенок и венчиков, а также ушки (*Руденко*, 2015. С. 360, 367–369. Рис. 108, *9–11*; 115, *1–40*). Часть из них явно попала к местным ремесленникам как сырье. На Алексеевском-VI селище, существовавшем со второй половины X в. до рубежа XI–XII вв., зафиксированы детали всего от четырех котлов[6] (*Руденко*, 2015. С. 236, 238, 239. Рис. 8, *1, 2*; 9а, *3–7*), причем они, скорее всего, появились на селище уже как сырье[7]. По данным Г. Ф. Поляковой, на Болгарском городище их тоже немного: целый котел и 67 фрагментов стенок, венчиков и ушек[8] (*Полякова*, 1996. С. 242).

Таким образом, на булгарских памятниках медные котлы, да и в целом медная бытовая посуда, распределяются неравномерно и не повсеместно. На поселениях, расцвет которых приходился на XI в., ее немного. Селения, активно развивавшиеся в XII в., имеют гораздо больше находок такого рода. Здесь, вероятно, сказывалась их востребованность как кухонной посуды в жилищах с печами каминного типа. Утилизированные части котлов, особенно крупные фрагменты стенок и днищ, сельскими и городскими ремесленниками использовались как сырье для мелких поделок, таких как, например, светильники (рис. 3, *1*), блюда, чаши (*Руденко*, 2015. С. 239. Рис. 9а, *9*), а небольшие фрагменты – для ремонта поврежденных медных сосудов и изготовления клепок.

Анализ находок медной бытовой посуды на булгарских поселениях и условий их обнаружения позволяют утверждать, что наиболее массовую категорию – котлы – можно рассматривать как датирующий материал для конца XI–XII в. в Волго-Камье. Поскольку целые формы котлов на поселениях редки, обратим внимание на те их детали, которые встречаются здесь чаще всего и могут служить основанием для датировки:

---

[6] Причем в одном случае ушко могло принадлежать котлу типа М-3 (*Руденко*, 2015. С. 238. Рис. 9а, 7).

[7] Жилища на этом селище не имели печей каминного типа. Здесь использовались глинобитные печи и очаги. Фрагменты и детали котлов, относящихся к типу М4, попали сюда, вероятно, в конце XI в.

[8] По данным М. Д. Полубояриновой на Болгарском городище построек с печью каминного типа не выявлено, а типологически близких построек домонгольского времени здесь немного (*Полубояринова*, 2016. С. 13, 14). Возможно, этим и объясняется невостребованность медных котлов в домонгольском Булгаре.

1) венчики котлов[9] Г-образной формы, образовавшиеся при сгибании верхней кромки стенки изделия шириной 1,0–1,5 см, с последующим отгибом наружу[10] этой части сосуда под углом 45–90°. Под загнутую кромку помещалась узкая медная пластинка (подкладка) шириной до 0,7 см (рис. 5, *3в*). Скорее всего, применение подкладки связано с использованием деревянной крышки для котла, чтобы венчик мог выдержать ее вес и предотвратить деформацию верхней части стенок;

2) фрагменты стенок со следами соединений, которые, отделялись от стенок и донной части в процессе утилизации. На них, как правило, заметен фальцевый замок или сварной шов с квадратной формы зубцами. Зубцы были небольшими, как правило 0,5×0,5 см[11], в отличие от зубцов на большинстве медных сосудов золотоордынского времени, которые на тазах и котлах больших размеров имели размер, в среднем, 1,0×1,0 см;

3) медные ушки котлов. Для рассматриваемого периода характерны довольно крупные ушки с одинарной (7–11×6–8 см) (рис. 6, *3, 8*) или с двойной[12] (11–12×6–9 см) (рис. 7, *6*) расковкой концов (типы 1 и 2)[13], выкованные из квадратного или подпрямоугольного в сечении дрота (0,4–0,7× 0,5–0,7 см) (очень редко, круглого или овального). Верхняя часть ушка всегда арочной формы – внешний диаметр не менее 2,5 см, а внутренний – 1,5–2,0 см (рис. 6, *1, 2, 4, 5, 7–11*). Иногда ушко ковалось из двух медных стержней, в том случае, когда исходный дрот был тонким (рис. 6, *9*). Известны случаи, когда ушко получалось коротким, тогда к окончаниям приваривались дополнительные медные пластины для создания площадок с отверстиями для клепок (рис. 5, *5*). Равновеликие концы стержня ушка длиной 6–12 см разводились под углом 44–85°; а их окончания расковывались, образуя плоскую дисковидную лопасть или же лопасть восьмерковидной формы в случае двойной расковки окончания стержня. В них пробивались отверстия диаметром от 0,5 до 0,8 см[14], куда вставлялись клепки, закреплявшие ушки на стенке изделия.

В большинстве случаев использовались клепки, сделанные из полоски меди, свернутой в конус («кулечек») и затем прокованной; острая часть ее расплющивалась, превращаясь в закладную головку (рис. 5, *6*). После установки ушка, нижняя, более широкая часть клепки также расплющивалась, образуя замыкающую головку (рис. 7, *2*). Клепки из кованых стерженьков (рис. 5, *8*; 7, *10*) встречаются реже, как правило, на котелках меньших размеров; прочность соединения в этом случае была хуже.

После утилизации котлы превращались в ценное сырье для ремесленников. Вероятно, практиковалась продажа фрагментов этих сосудов на вес как сырье, что объясняет большое количество фрагментированных частей и, особенно, ушек, на некоторых сельских поселениях (например, поселение на Семёновском острове в Спасском районе РТ), где они специально собирались и, видимо, отправлялись на пункты приема на районных рынках или в города в ремесленные мастерские.

---

[9] Принадлежность венчика к котлу можно определить по его диаметру (в среднем, диаметр верха котла 27 см), реконструируемому по изгибу фрагмента (если он не был выпрямлен) и по его размеру: ширина венчика котла 1,0–1,5 см.

[10] Угол отгиба, вероятно, мог немного меняться при эксплуатации котла по желанию владельца для подгонки под крышку.

[11] Для медных сосудов X–XI вв. листы соединялись кромками, края которых с обеих сторон надрезаны зубчиками и разведены примерно на 30–35°. Нужно было очень точно подгонять края чтобы каждый зубец, отогнутый вверх, совпадал с зубцом на противоположном листе, отогнутым вниз. В XII в. процесс упростился: надрезался зубчиками только край одного листа, а второй оставался ровным, чуть уплощенным (рис. 4, *1*).

[12] В этом случае ушко фиксируется на стенке котла четырьмя клепками, вместо двух, в случае с одинарной расковкой концов ушка.

[13] Нами ранее выделялись 4 типа ушек, обозначенные буквами русского алфавита: а) на котелках X–XI вв. небольших размеров железные и медные с одинарной расковкой концов; б) медные с одинарной расковкой; в) медные с двойной расковкой концов. Как и предыдущий тип от котлов типа М-4; г) железные ушки от котлов и тазов золотоордынского времени (*Руденко*, 2000. С. 76).

[14] При использовании котла клепки в отверстиях расшатывались, расширялось и отверстие в раскованной части ушка, достигая 1 см (рис. 7, *5*).

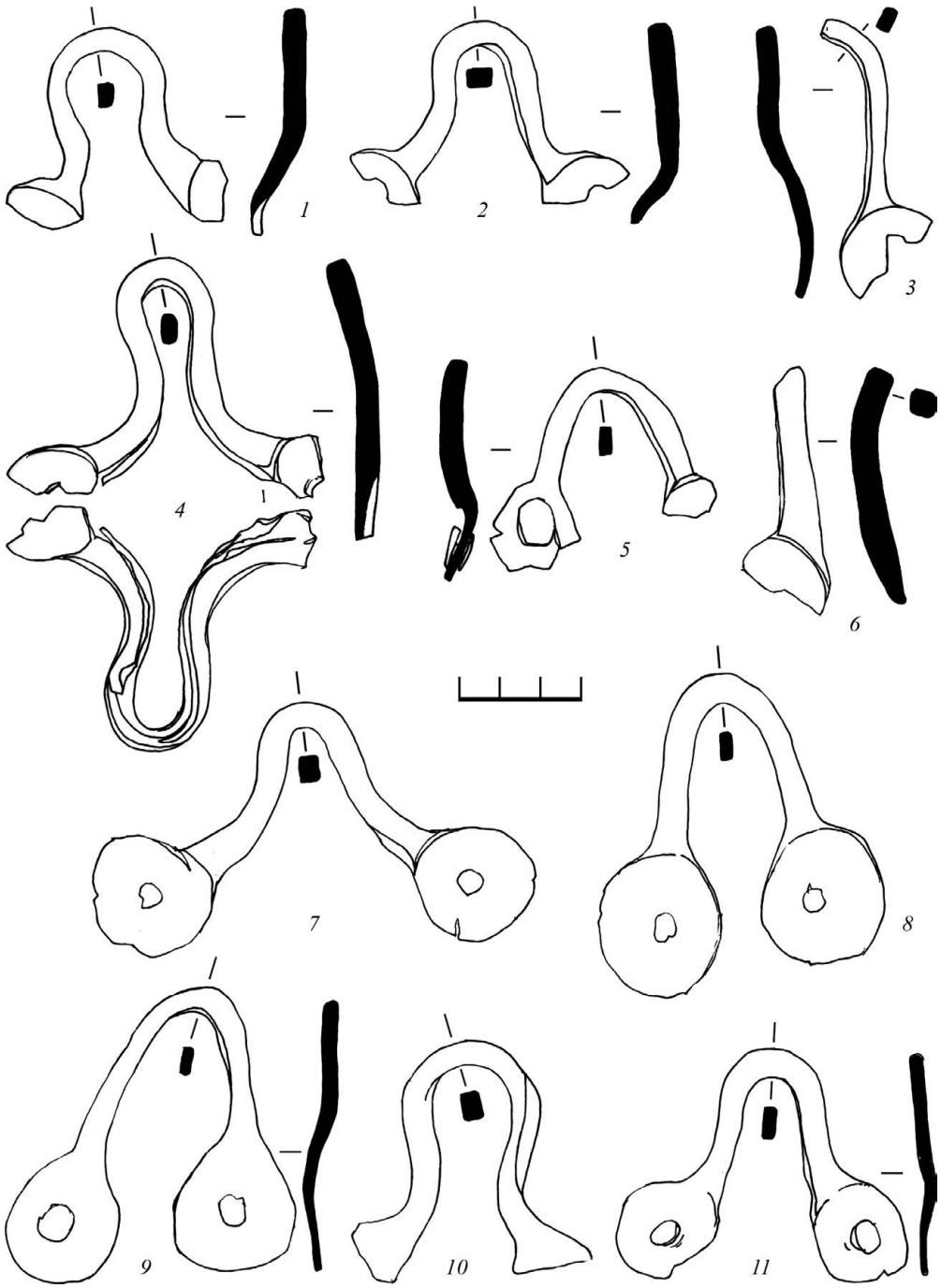


Рис. 6. Медные ушки от котлов. Билярское городище. Коллекция БГИАПМЗ (*1–6*) и НМ РТ (*7–11*)

1 – 9-93, БХХ/1660, КП-653/95; *2* – БХХII-73/4844, КП 642/58; *3* – БХХII-74/17461, Б224/2256; *4* – БХХVI-Д/2266, КП 250/1804; *5* – БХХII-73/3021, Б223/2312; *6* – БХХII-74/17037, КП 640/92; *7* –5427-155/2, АА-44-12; *8* – 5427-176, АА 44-17; *9* – 5427-156/3, АА 44 – 12; *10* – 5427-135, АА 44-12; *11* – 5427-155/5, АА 44-12

Утилизированные части котлов, реже других сосудов, также встречаются на поселениях и могут быть использованы для датировки, конечно, в том случае, если они не сплавлены или не сильно деформированы – то есть можно опознать исходную форму. В принципе, можно диагностировать их и даже после первой стадии утилизации – разрезания сосуда на части и сортировки полученного материала. Представление

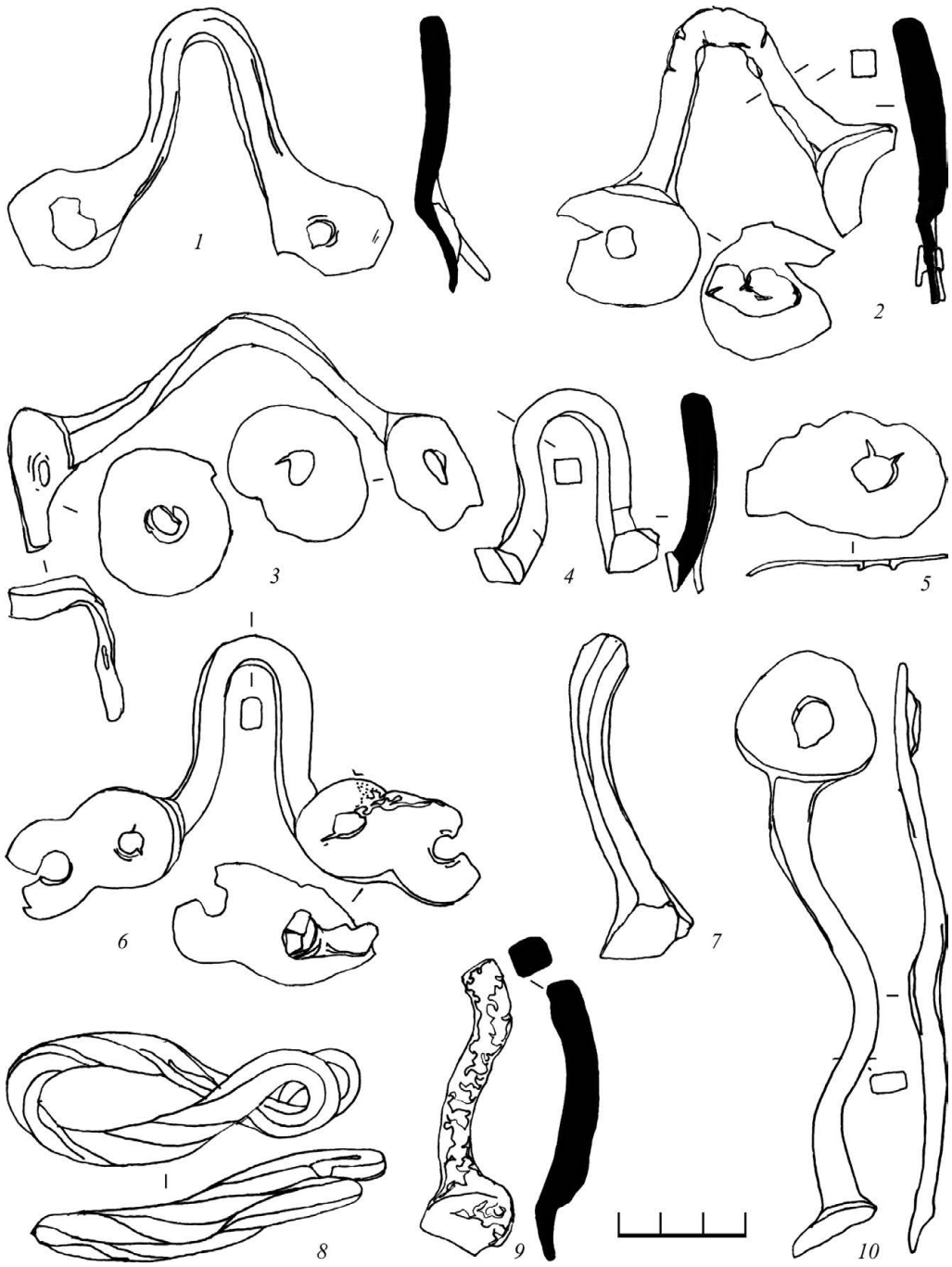


Рис. 7. Медные ушки от котлов. Билярское городище. Коллекция БГИАПМЗ
1 – Б220/4139, БХIX/3360; *2* – КП 659/10; *3* – подъемный материал, 75/41, КП 678/66; *4* – БХXXVIII-1987/1406, КП -611/1978; *5* – БХXIII-81, КП 238/1192; *6* – КП 641/116; *7* – БХХ; *8* – Б XXIII/12408, КП 235/1391; *9* – БХХ/150, КП 629/76; *10* – Б-74/1235

об этом процессе можно получить по материалам исследований Билярского городища в 1970-х – 1980-х годов[15] (рис. 4; 6–8).

Изучение коллекции находок фрагментов медных котлов с этого памятника позволило установить, что вышедшие из употребления изделия разрезались на части: чуть ниже сварного шва отрезалось дно, отделялся венчик и демонтировались ушки; стенки кроились на листы разного размера и фор-

[15] Благодарю директора Билярского музея-заповедника А. А. Кутуева и сотрудников археологического музея на «Святом ключе» за возможность работать в фондах, за поддержку и помощь.

мы, поскольку приходилось вырезать фальцевые швы, поврежденные и залатанные части корпуса (рис. 8, *1–6, 11*).

Как уже говорилось, части стенок котлов, в зависимости от состояния металла и размера могли быть использованы для изготовления небольших медных изделий, например, ковшей или даже светильников (рис. 3, *1, 2*). Оставшиеся после этого кусочки стенок использовались для изготовления заплаток на прохудившиеся места на медных сосудах (рис. 8, *11*); из них же вырезались полоски – подкладки под венчик (рис. 8, *8*). Днища небольших котлов нередко приспосабливали в домашнем хозяйстве как крышки для кухонных горшков или в качестве жаровни.

Раскованные окончания ушек котлов отрубались зубилом с частью стержня длиной 3–4 см. Последний сгибали кольцом, после чего получался крючок или петля для хозяйственных нужд (рис. 4, *3, 4, 5*).

В зависимости от того, отправлялось ли ушко на переплавку или же предполагалось другое использование, его могли разрубить пополам, отделяя расплющенные окончания сразу оба или одно (рис. 6, *3, 10*), или же распрямить стержень ушка (рис. 4, *12*; 7, *4, 5, 10*). Разрубленные части стержня ушка небольших размеров чаще всего сразу отправляли в переплавку (рис. 7, *9*). Нередко после выпрямления стержень ушка перекручивали несколько раз (рис. 4, *2;* 7, *3, 10*), отделяли лопасти (рис. 4, *8, 9*) и только после этого разрубали (рис. 6, *6*; 7, *7*). Перекрученные крупные стержни сгибались в несколько раз (рис. 7, *8*), скорее всего, для последующей проковки. Иногда таким стержням придавали другую форму, например, в виде крючка (рис. 4, *6*).

В ряде случаев выпрямленные ушки без лопастей нагревались и перековывались в стержни (рис. 4, *10, 11*). Следы ударов молотком (ковка) заметны на некоторых полученных таким способом предметах (рис. 4, *13*). Размеры стержня в зависимости от исходного материала могли быть довольно крупными (рис. 4, *14*). Такие медные стержни, вероятно, реализовывались на рынке как товар по весу.

Выпрямленные венчики после удаления подкладки сворачивались в несколько раз почти до формы параллелепипеда и проковывались (рис. 8, *10*). Возможно, их могли использовать в качестве весовых гирек.

Для всех этих действий требовался стандартный набор инструментов: ножницы по металлу, молоток, зубило, клещи, формовочные болванки, тиски, наковальня (Культура Биляра, 1985. С. 75–81. Табл. XXVII, XXVIII, XIX). При изготовлении гирек использовались весы для мелких взвешиваний для контроля массы изделия.

Если котел был сильно изношен, его практически целиком отправляли на сырье. Стенки разрезали на полоски шириной в среднем 8 см и сворачивали с трубочку (рис. 8, *7*) или же сгибали несколько раз в узкую полоску шириной 1–2 см (рис. 8, *9*). Затем при небольшом нагреве их проковывали до создания однородной массы, придавая форму стержня (рис. 4, *14*). Неформатные куски складывали «конвертом» (рис. 8, *13*). Некондиционные части, в первую очередь соединительные швы, сплавлялись в слитки (рис. 8, *12*). Последние были разных размеров, в среднем, 11,0×3,5×3,0–3,5 см. Для плавки, скорее всего, использовались глиняные горшки, плавильные ямы или небольшие горны. Такие объекты открыты в домонгольских слоях Болгара (*Полякова*, 1996. С. 155). Многочисленные тигли, найденные на Билярском городище (Культура Биляра, 1985. С. 84–97), для такого рода операций были малопригодны. Их можно было использовать только в том случае, когда металлический лист или пластина нарезались на очень мелкие кусочки или стачивались с медного стержня напильником в стружку или опилки.

Медная бытовая посуда после монгольских завоеваний не вышла из употребления, но ее стало существенно меньше, и она претерпела заметные изменения в форме и деталях. Домонгольские центры медницкого производства в Волжской Булгарии были уничтожены и не возродились. Средоточием ремесла с конца XIII в. стал город Болгар, где имеются многочисленные свидетельства использования в быту медных и бронзовых изделий, причем немалая их часть была импортной. Последнее полностью относится к литой бронзовой посуде, поскольку булгары литую посуду никогда не производили. Во второй половине XIII в. в Болгаре утили-

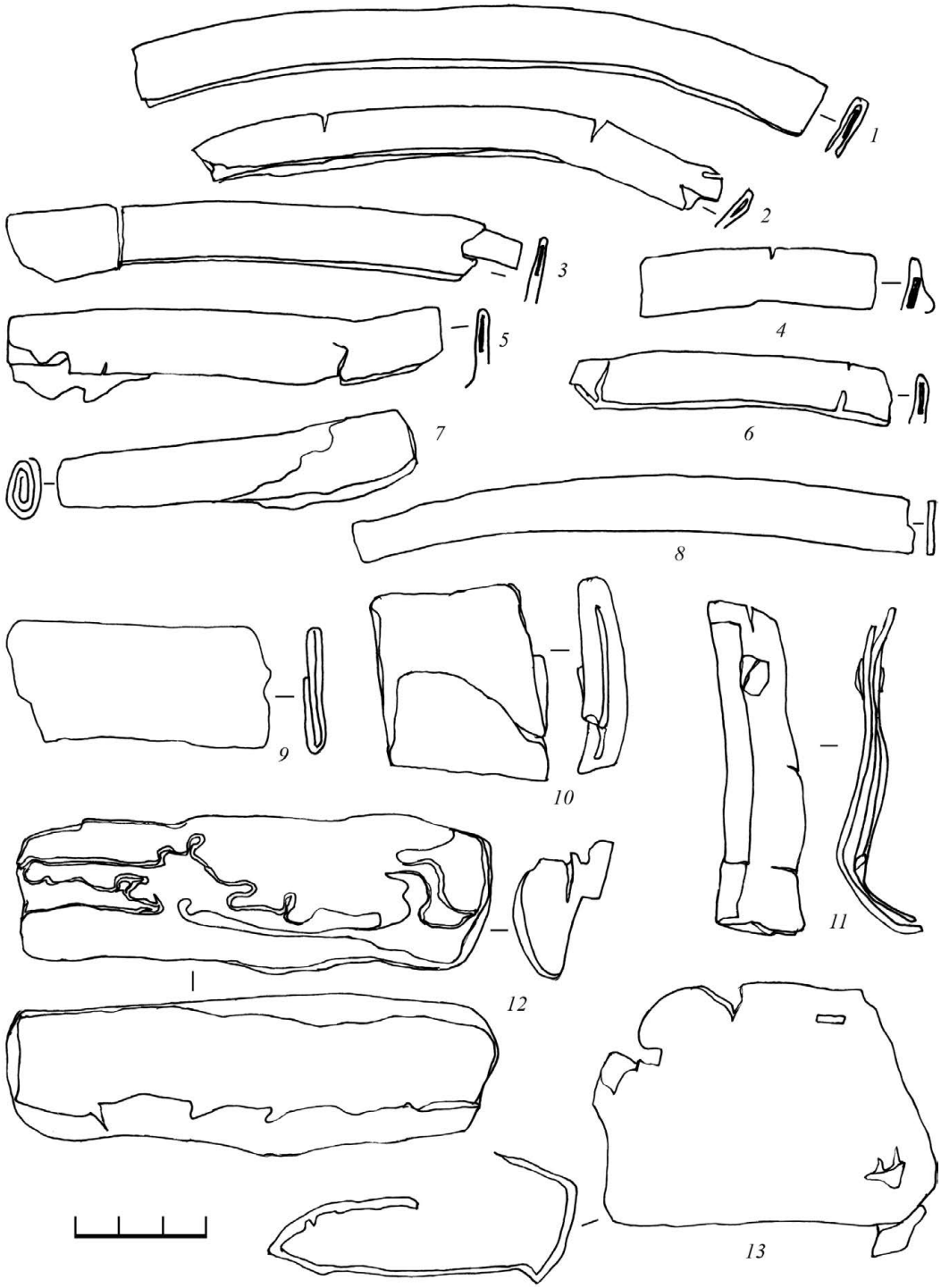


Рис. 8. Фрагменты венчиков от медных котлов (*1–6*), заплатки (*11, 13*), свернутые полоски из стенок котлов (*8, 9, 10*), заготовка прокладки под венчик (*8*), слиток меди (*12*). Билярское городище. Коллекция БГИАПМЗ

1 – БХXVI-78/4217, КП 242/87; *2* – Б-77-26/996, КП 627/104; *3* – БХXIII-81/13899, КП 238/1190; *4* – БХXV/274, КП 240/418; *5* – БХX/1036, 9-101, Б-218/424; *6* – КП 641/118; *7* – БХXII-74/18604, КП 640/112; *8* – КП 626/811; *9* – БХXII/12751, Б-224/2253; *10* – БХXIII-75/2854, КП 227/1788; *11* – XXXVIII/444, КП 610/269; *12* – БХXIII/13193; *13* – БХXXVII-89/193, КП 609/93

зировались медные сосуды, изготовленные в домонгольское время. В XIV в. традиция вторичного использования обветшавших медных сосудов сохранилась, хотя можно предполагать, что сотни, а то и тысячи мелких обрезков медных листов (например, в раскопах XXXVI, XXXIV) были не отходами производственной деятельности медников (*Полякова*, 1996. С. 158), а подготовленным к плавке сырьем.

С последней трети XIII в. у населения Булгарской области Золотой Орды медные котлы стали вытесняться, точнее заменяться чугунными котлами. Востребованность медных котлов упала и в связи с распространением здесь в домах печей иного типа, чем в домонгольский период. По данным М. Д. Полубояриновой в Булгаре в золотоордынское время в жилищах зафиксированы глинобитные (реже кирпичные) сводчатые печи и печи типа тандыра. У некоторых сводчатых печей в верхней части было отверстие диаметром 27–30 см, что совпадало с диаметром дна медного котла[16]. И только в единственном случае можно предполагать специальное приспособление для подвешивания котла (*Полубояринова*, 2016. С. 50–52).

Отметим, что среди традиционных форм медной бытовой посуды в XIII–XIV вв. стали преобладать изделия бóльших объемов, предназначенные либо для общественных построек, например, бань (котлы, чаще тазы), либо для частного пользования, и тоже как техническое приспособление – те же тазы несколько меньшего размера в домашних банях (*Руденко*, 2000а. С. 76). Котлы ордынского времени, известные по материалам мордовских некрополей, например, Барбашинского, имеют более низкие пропорции, и железные ушки, сильно отогнутые от тулова. Стенки котлов дополнительно прочеканивались (*Сташенков, Кочкина*, 2012. С. 149).

Таким образом, медная бытовая посуда, прежде всего, котлы типа М-4 являются датирующим материалом для древностей Волго-Камья XII в., захватывая конец XI и начало XIII в. Причем, эту функцию могут выполнять и детали этих изделий: ушки для подвешивания, фрагменты со следами соединительных швов и части венчиков с подкладкой.

Литература

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский государственный педагогический университет. 603 с.

Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: Пензенский гос. пед. унив. 200 с.

Губанов А. А., Мищенко В. Г., 2003. Результаты исследований селища Крутолатка в 2000–2001 гг. // Записки краеведов. Вып. 1. Пенза: Сталкер. С. 46–53.

Иванова М. Г., Руденко К. А., 1994. Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д. Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 23). С. 107–120.

Кардаш О. В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. 360 с.

Кардаш О. В., 2011. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск: ИА Севера; Екатеринбург: АМБ. 60 с.

Крыласова Н. Б., 2021. Мастерская булгарского ремесленника-медника на Рождественском городище в Пермском крае // Археология Евразийских степей. № 3. С. 169–185.

Крыласова Н. Б., Белавин А. М., 2021. Особенности цветной металлургии и металлообработки в протогородских центрах Среднего Предуралья // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 15. Вып. 3. С. 494–506.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск: Наука и техника. 399 с.

[16] Учитывая малую площадь, попадавшую под воздействие огня, вскипятить воду в котле требовало значительного расхода топлива, да и времени. Дешевле и быстрее можно было это сделать в глиняном горшке.

Модин Р. Н., Иванова М. Г., 2021. Кушманский поселенческий комплекс по данным археологических исследований // Кушманский комплекс памятников IX–XIII вв.: реконструкции и интерпретации. М.: Таус. С. 21–63.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука. 262 с.

Никитина Т. Б., Руденко К. А., 1998. Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийский гос. унив. С. 84–90.

Олейников О. М., Руденко К. А., 2013. Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. № 2. С. 144–148.

Олейников О. М., Руденко К. А., 2017а. Медная кружка XIII в. из Новгорода // РА. № 2. С. 168–171.

Олейников О. М., Руденко К. А., 2017б. Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // КСИА. Вып. 247. С. 326–341.

«Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 2015. 512 с.

Полубояринова М. Д., 2016. Жилища Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А. Г. Ситдиков. М.: Наука. С. 5–191.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ. С. 154–268.

Руденко К. А., 1991. К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X–XIV вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Матер. 2-й региональной науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Н. Новгород: Нижегородский унив., НИП «Этнос». С. 352–363.

Руденко К. А., 1992а. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ Казанского НЦ РАН. С. 78–86.

Руденко К. А., 1992б. К вопросу о связях черниговского и киевского княжеств с Волжской Болгарией (по материалам медной посуды) // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів: Сіверянська думка. С. 100–103.

Руденко К. А., 2000а. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: Репер. 155 с.

Руденко К. А., 2000б. К вопросу о выделении местных центров обработки цветных металлов в Поволжье и Прикамье в X–XIV веках (на примере металлических котлов) // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века. Йошкар-Ола: Марийский гос. унив. С. 16–19.

Руденко К. А., 2015. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: Казанская недвижимость. 400 с.

Руденко К. А., 2020. Жилища Волжской Булгарии X – начала XIII в.: вопросы хронологической классификации // Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре. Т. II. Самара: СГСПУ. С. 323–324.

Рыбаков Б. А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М.: Гос. изд. культурно-просветительской лит-ры. С. 75–120.

Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., 2012. Археологические памятники Самары. Самара: СОИКМ. 160 с.

Яковлев Я. А., Боброва А. И., 1995. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: котел // Средневековые древности Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский гос. унив. С. 101–117.

K. A. Rudenko

Copperware of the Volga Bulgaria (10th–14th Centuries): Dating and Usage

Abstract. In Volga Bulgaria, copper utensils (cauldrons, kumgans, measuring jugs, cups, dishes) were made in the 11th – early 13th century. Boilers for which a fractional typology has been developed are most widely used. Copper cauldrons of different periods differed in the shape and profile of the rim, and therefore can act as a chronological marker for the 12th century, capturing the end of the 11th and the very beginning of the 13th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.299-309

Е. А. Армарчук, И. Н. Кузина,
Т. Ю. Шведчикова
Институт археологии РАН, Москва

Об одном погребении в храме в селе Весёлом

В ходе раскопок средневекового христианского храма у с. Весёлое под Адлером в 2010–2011 гг. в его наосе обнаружились и исследовались погребения, совершенные в период запустения храма, когда он уже перестал действовать, но еще не разрушился (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012). Это вытекает из следующих фактов. Под нартексом храма находится обширный сводчатый склеп, изначально предназначенный для захоронений, следовательно, не было необходимости погребать усопших в пространстве наоса в период функционирования храма, охватывающий последнюю четверть IX – первую половину XI в. Это также показывает стратиграфия и отсутствие после захоронений какого-либо ремонта пола наоса, которым служила розовая цемянка поверх слоя мелкой гальки.

Ниже пойдет речь об исследованном в 2010 г. погребении XI, которое располагалось перед центральной апсидой и примыкало к ступеням, ведущим в виму (захоронения в наосе пронумерованы не арабскими, а римскими цифрами в отличие от внешних погребений). Погребение одиночное, мужское; совершено с западной ориентировкой, в положении вытянуто на спине с согнутыми под прямым углом руками и в сопровождении двух предметов погребального инвентаря – железного клинка и стеклянного кувшинчика (рис. 1).

Клинок обнаружился слева на костяке, уложенным вдоль него под небольшим углом к позвоночнику и рукоятью (которая не уцелела) к голове. Его перекрывало предплечье левой руки усопшего. Вероятно, это оружие было подвешено к поясу или портупейным ремням, от которых ничего не сохранилось, как и от ножен клинка. Ножны, видимо, были деревянными, о чем свидетельствует небольшое пятно-отпечаток древесных волокон ближе к острию клинка.

Клинок относительно короткий, однолезвийный, клиновидный в сечении (рис. 2). Ширина лезвия в основании составляет 2,3 см; вдоль спинки с обеих сторон локально просматриваются остатки мелкой канавки-дола. Общая длина изделия достигает 53,5 см, из них на черен-хвостовик без отверстий для заклепок рукояти приходится 9,2 см. Перекрестием служит шестигранное утолщение, в плане близкое к ромбовидному и как бы намертво закрепленное на клинке. Оно не выступает за его ширину и выглядит наподобие обоймы или оковки его основания. Считать это перекрестие *больстером*[1] мешает тот факт, что оно не является напускным, как установлено при детальном изучении клинка после реставрации, выполненной художником-реставратором ГИМ Е. В. Белькевич, которой авторы выражают благодарность.

Аналоги этому перекрестию на данном этапе не найдены, но даже при их возможном обнаружении следует отметить нестандартность этого оружия, на наш взгляд. Во-первых, его клинок с перекрестием

[1] https://dzen.ru/okskie_nozhi. Обращение от 14.11.2022.

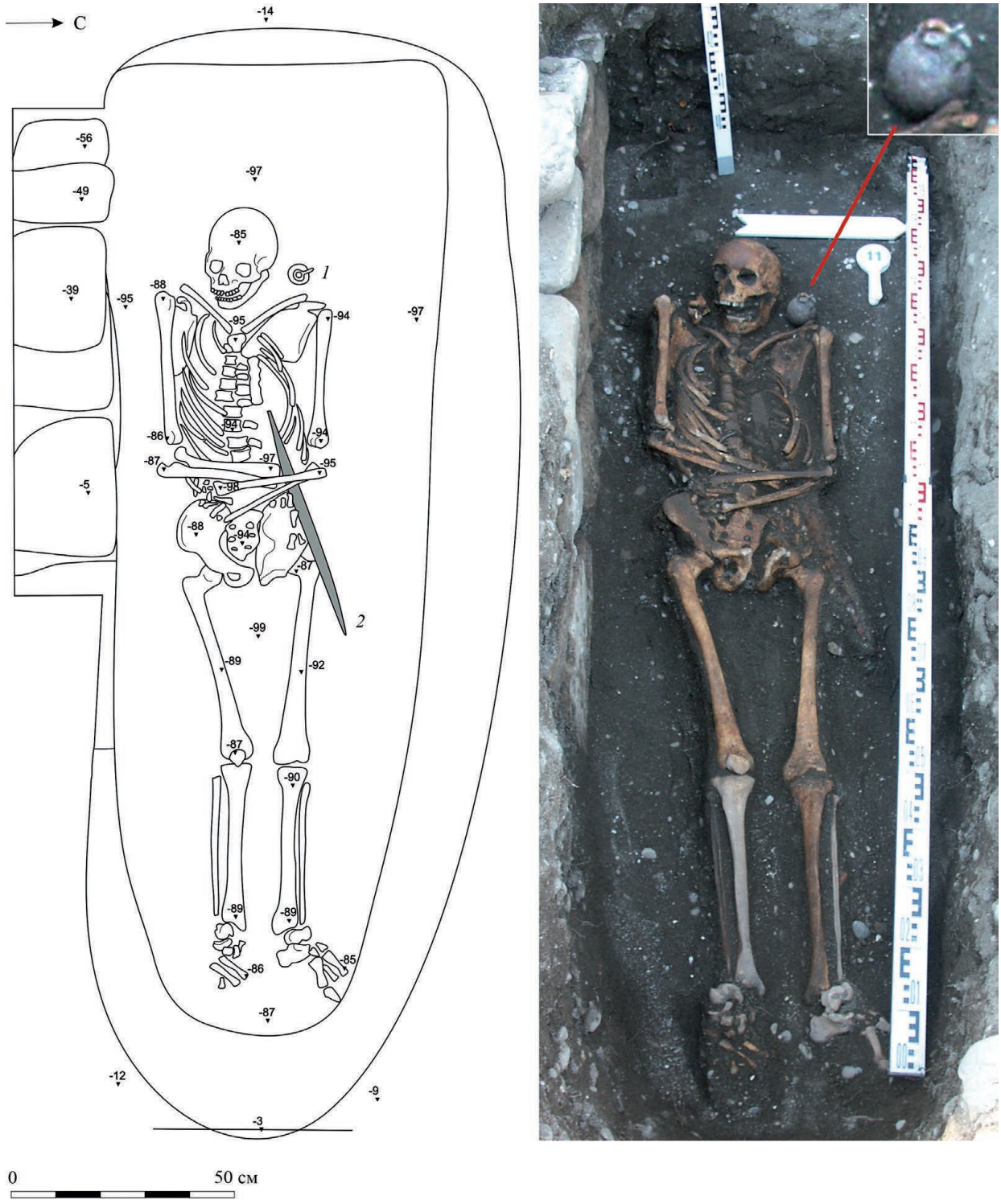


Рис. 1. План и фото погребения XI в наосе храма в Весёлом. На врезке – увеличенное фото стеклянного сосуда

выглядит как цельнокованое изделие, что не предполагает наличие у него напускного перекрестия. Во-вторых, клинок имеет заметно меньшую длину, чем обычные мечи или палаши, и поэтому приближается к боевым кинжалам или ножам, хотя немного превосходит их по длине лезвия. Для сопоставления приведем кинжал общей длиной 47,3 см из погребения № 291 рубежа V–VI вв. могильника Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье (Могильник Дюрсо, 2021. С. 424–426. Рис. 333, *б*) или боевые ножи

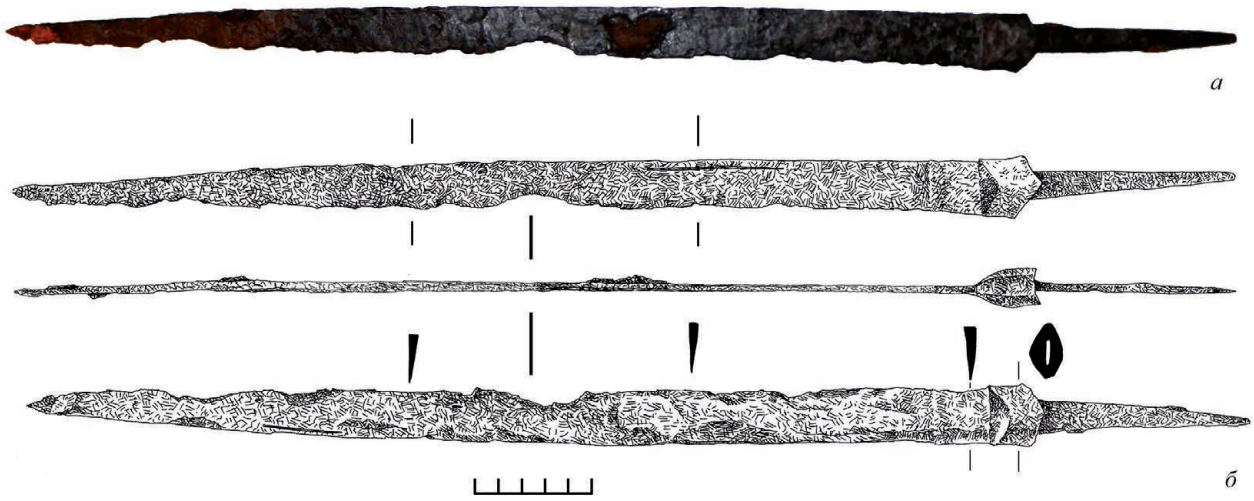


Рис. 2. Железный клинок из погребения XI в наосе храма в Весёлом

второй половины XIV – первой половины XV в. с территории юга России, чья общая длина варьируется от 41 до 45 см (*Кулешов*, 2015. С. 197, 198).

По такому показателю, как отношение длины хвостовика к длине лезвия, равное 1:5, клинок из Весёлого сопоставим с мечом из раннесредневекового могильника Ачмарда на северо-западе Абхазии, описание которого (обоюдоострый или однолезвийный?) отсутствует в публикации и который пока не имеет узкой датировки, будучи грабителями изъят из погребального комплекса (*Джопуа, Нюшков*, 2018. С. 464. Рис. 5, слева). При этом почти четырехсантиметровая ширина его лезвия превышает ширину клинка из Весёлого. Могильник Ачмарда публикаторы относят к раннему периоду цебельдинской культуры.

На данном этапе мы придерживаемся атрибуции клинка из погребения XI в храме в Весёлом как удлиненного боевого ножа[2]. По нашему мнению, принять его за короткий боевой меч мешают, во-первых, отсутствие необходимого для этого перекрестия, – более массивного (чем наблюдаемый упор) и превышающего ширину клинка, – которое прочно фиксировало бы кисть руки на рукояти и делало меч более удобным при использовании. Во-вторых, небольшая ширина и однолезвийность клинка, ограничивающие его функции колюще-режущим ударом. В пользу этой атрибуции говорят и такие признаки, как клиновидное сечение лезвия, его относительно узкий черен и упор, в плане близкий к ромбу, а по общему виду совпадающий с перекрестиями многих боевых ножей, не превышающим ширины их клинка (*Кулешов*, 2015. Рис. 3; 6, *1*; 12, *1*).

Вместе с тем, нельзя исключать производство в средневековый период местными ремесленниками-кузнецами наряду с типичной, массовой продукцией также заказных изделий индивидуальных форм, о чем как бы говорит данный клинок. С другой стороны, его можно отнести к категории редких импортных изделий, учитывая отсутствие аналогий в регионе его обнаружения и примыкающих к нему областях. Следует также сказать, что область распространения такого оружия авторам, к сожалению, пока неизвестна.

Стеклянный кувшин с одной ручкой, выдутый из прозрачного бесцветного стекла[3], в погребении стоял горлом вверх у головы индивида, с ее левой стороны (рис. 1). Он имеет тулово сферической формы с максимальным диаметром 7,4 см на середине высоты, высокое узкое горло с двумя последовательными вздутиями-расширениями до 2,5 см

[2] Авторы выражают благодарность за консультацию по поводу этого нетипичного клинка коллегам И. О. Гавритухину, С. Ю. Каинову, У. Ю. Кочкарову, Ю. А. Кулешову, А. Ю. Скакову и П. С. Успенскому.

[3] Весь сосуд был покрыт толстым слоем глубоко зашедшей иризации, придававшим стеклу грязный серовато-голубой оттенок.

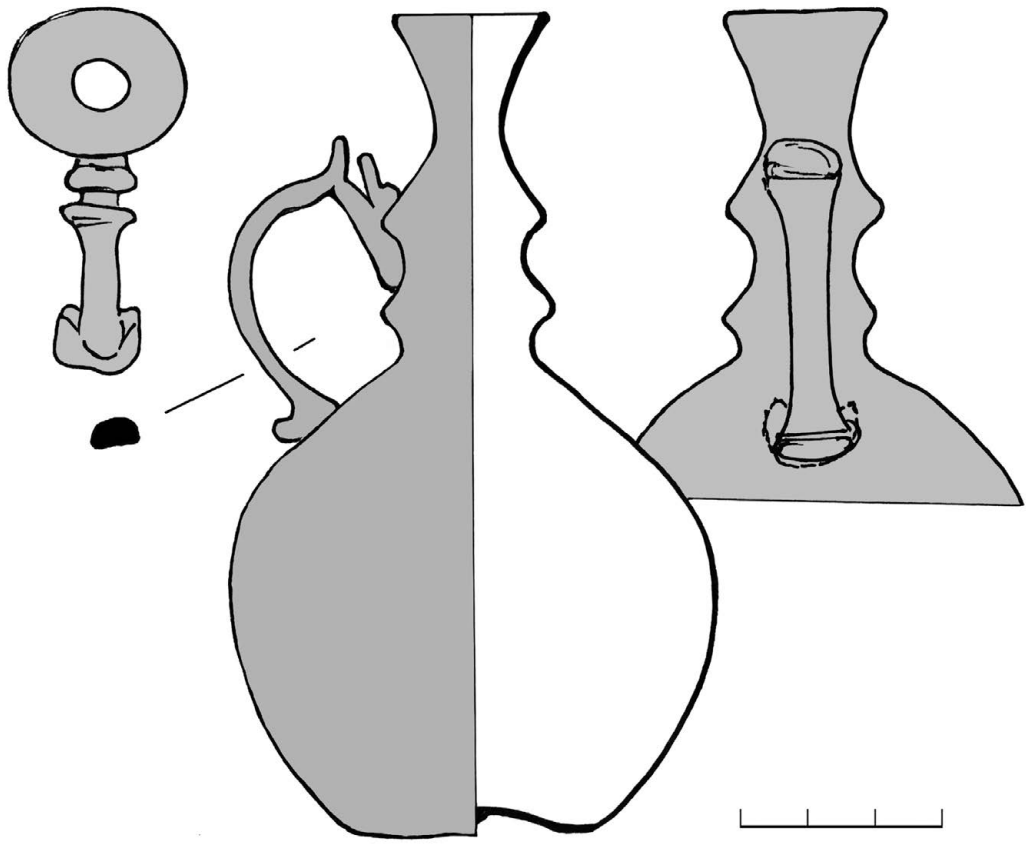


Рис. 3. Стеклянный кувшинчик из погребения XI в наосе храма в Весёлом

и слегка раструбообразный венчик диаметром 2,3 см по краю без утолщения и профилировки (рис. 3[4]). Диаметр его немного вогнутого дна 3,7 см. Общая высота сосуда 12,4 см. Уплощенная ручка шириной 0,6 см крепится вверху почти на середине высоты горла между вздутиями, внизу – к тулову сосуда чуть выше максимального диаметра. Она украшена поперечными щитковидными защипами в местах крепления – двумя поочередными вверху и одним внизу, сделанными щипцами с гладкой рабочей поверхностью. Этот вид декора относится к тиснению.

Точную, совпадающую во всех деталях аналогию кувшинчику из описываемого погребения в Весёлом, авторам найти не удалось. Типологическое сходство известных находок в разной степени фиксируется лишь по отдельным признакам[5].

Аналогичный сосуд происходит из Жинвальского могильника Накалакари в Восточной Грузии (*Рамишвили*, 2003б. С. 307. Табл. 124, *27*), а морфологически однотипный, но без полного совпадения всех деталей, – из Рустави (*Чхатарашвили*, 2007. Табл. XLI, 8; *Рамишвили*, 2003б. С. Табл. 131, *22*). Фрагменты сосуда с таким же устьем (возможно, типологически близкого найденному в Весёлом) обнаружились в погребении XII в. каменного ящика 16 могильника у Северного храма на Нижне-Архызском городище (*Кузнецов*, 1993. С. 165, 166. Рис. 123, *12, 13*). Идентичное горлышко кувшина с двумя незначительными расширениями и следом от ручки в 1886 г. было найдено в Сухуми в траншее «вдоль длинной древней стены» вместе с другим, более вытянутым горлышком с тремя расширениями. Проводивший

[4] После расчистки и фиксации *in situ*, при изъятии из погребения тонкое стекло тулова сосуда распалось на фрагменты разного размера. После этого сфотографировать сосуд полностью не удалось, его форма достоверно реконструирована графически.

[5] Этот вывод совпадает с мнением сотрудницы Государственного Эрмитажа А. А. Чижовой, которой авторы, пользуясь случаем, выражают благодарность за консультацию.

раскопки В. И. Сизов отнес их к периоду после XIII в., отметив сходство с грузинскими серебряными сосудами «сури» (*Сизов*, 1889. С. 29, 38. Фототипия VI, *9*, *10*).

Для кувшина из Весёлого указанные аналогии позволяют осторожно предположить грузинское производство, которое в период XI–XIII вв. достигло апогея, и чья продукция активно экспортировалась из Грузии (*Чхатарашвили*, 2007. С. 77, 78), в том числе в Северо-Восточное и Восточное Причерноморье. В грузинской литературе такие сосуды атрибутируют и как флаконы, и как кувшины. Заметим, что аптекарско-парфюмерная посуда афрасиабских стеклодувов включает кувшиновидные сосуды с ручкой, чья высота не превышает 10 см и которые по этому показателю относят к *флаконам*, хотя иногда их высота достигает 12 см с небольшим, как и у сосуда из Весёлого (*Шишкина*, 1986. С. 15, 23).

На фрагментированной фреске грузинского храма X в. в Атени изображена богоматерь, пьющая «воду обличения» из кувшинчика с длинным узким горлышком и грушевидным туловом, который в целом по морфологии приближается к сосуду из Весёлого (*Амиранашвили*, 1963. Табл. 68). Все сказанное выше показывает распространение таких сосудов на протяжении X–XIII вв. и, возможно, позднее.

Подобные по форме, но не абсолютно идентичные стеклянные кувшинчики встречаются на средневековых памятниках Северо-Восточного и Восточного Причерноморья. Так, два одинаковых меж собой обнаружились в погребениях, совершенных между X–XII вв. в южном склепе и у подножия храма на г. Сахарная Головка под Адлером (погр. 11; рис. 4, С – *Армарчук*, 2010. С. 236. Рис. 27, *1*). Третий, аналогичный им сосуд происходит из погребения в Михельрипше в Гагрском районе Абхазии и датирован не позднее XI–XII вв. (*Воронов*, 2002. С. 356. Рис. 12, *16*). Четвертый, с рифленым туловом, но вдвое больший по величине, находился в слое Цебельды периода развитого Средневековья (*Воронов, Бгажба*, 1985. С. 86. Рис. 109, *17*).

Добавим к ним следующие давнишние находки. Во-первых, археологически целый кувшин из синего стекла с Северного Кавказа (рис. 4, В), опубликованный в числе «случайных находок из местных (черкесских XIV–XV вв.) курганов, купленных в Майкопе», предварительная обобщенная датировка которых теперь требует корректировки (ОАК, 1907. С. 128, 129. Рис. 233). В публикации он упомянут как «венецианский флакончик». Во-вторых, его аналог – распавшийся на фрагменты кувшин зеленоватого стекла из раскопанного В. И. Сизовым подкурганного воинского погребения в колоде на небольшом могильнике возле Раевского городища, к северу от Новороссийска (рис. 4, А). Сизов отметил, что этот стоявший у левой ноги усопшего кувшин имел шарообразное тулово, длинное горло и ручку, «украшенную сверху городками» и подобную найденным им в тот же сезон при раскопках в Сухуми. Он уверенно отнес его к «арабским изделиям приблизительно XIII века» (*Сизов*, 1889. С. 29, 38, 97–100, 149. Фототипия XXVI, *5*. Табл. VI, *11, 12*).

Перечисленные кувшинчики с украшенными ручками по морфологии принадлежат к одной группе, но, несмотря на сходство, некоторыми деталями отличаются от сосуда из Весёлого. В целом, их характеризует цилиндрическое горло с двумя-тремя незначительными расширениями и простой край-венчик; отделка ручки стеклянной лентой с последовательными петлями («городками», по В. И. Сизову) и, наконец, низкий, но визуально заметный кольцевидный поддон округлого тулова. Обратим внимание, что эти сосуды пока ускользнули от внимания исследователей и кроме уточнения датировки ждут определения их ареала и мест производства.

Вернемся к декору ручек перечисленных стеклянных кувшинчиков, который в литературе также называют «волнистым» или «змеевидным». В средневековье мастера-стеклоделы применяли его уже в VIII – начале IX в. и далее, а кроме ручек могли украшать им горло или тулово изделий разных категорий – кувшинов, бутылей, флаконов, кружек и ламп. Это показывает стекло из многих регионов: например, из раскопок на агоре Коринфа, первоначально отнесенное к XI – середине XII в., но позже датированное рубежом XIII–XIV вв. (*Davidson*, 1952. Pl. 57, *727, 728*), а также из других областей

Рис. 4. Стеклянные кувшинчики

А – из воинского подкурганного погр. в колоде возле Раевского городища (по: *Сизов*, 1889);
В – из «черкесских» курганов на территории Адыгеи (по: ОАК, 1907. Рис. 233);
С – из погр. 11 у храма на Сахарной Головке (раскопки Е. А. Армарчук 2007 г.)

Византийской империи и исламского мира (*Lamm*, 1929. Taf. 29, *15*; *Kröger*, 1995. P. 181, 183. Cat. № 234, 236; *Carboni*, 2001. P. 165, 166. Cat. № 38a. P. 189. Cat. № 3.23; 2002. P. 132, 143, 144. Cat. № 49, 59). Об этом говорят и находки из Крыма и Ирана X–XIII вв. (*Крамаровский*, 2015. С. 284. Ил. 4; *Армарчук*, 2021. С. 216. Рис. 4: *Б*; 6: *Б*).

Посмотрим на расширения горла, тоже нередко наблюдаемые у средневековых стеклянных сосудов. По одному такому расширению имеют горла некоторых бутылей из уже упомянутых раскопок в Коринфе (*Davidson*, 1952. P. 117, 118. Fig. 17, *773, 774*. Pl. 59, *776*; *Щапова*, 1998. С. 166. Рис. 26, *б*, внизу слева). По Д. Уайтхаусу, как показательная деталь такие расширения отсутствуют на стекольной продукции IX–X вв. из Самарры и Нишапура. Однако они фиксируются на изученном им стекле с места кораблекрушения 1025 г. в бухте Серче Лимани близ Родоса и становятся уже обычным признаком сосудов XI–XIII вв. (*Whitehouse*, 2002. P. 96, 97. Cat. № 22, 23). С этим можно согласиться, сделав следующие дополнения.

Во-первых, мнение Д. Уайтхауса подкрепляется не только давно опубликованным К. Ламмом восточным стеклом (*Lamm*, 1929. Taf. 3, *43*, *50*; 27, *6–8*). Его подтверждает массовый материал раскопок среднеазиатских памятников, где подобные горла сосудов закрытых форм встречаются в слоях конца IX–XI и XII – начала XIII вв. (*Армарчук*, 1988. С. 239. Табл. I, *5*; III; *Байпаков, Дощанова*, 2011. Рис. 9, *2, 3*; 11, *14*. Илл. IX, XXXIV, XXXVI, XXXIX; *Бяшимова*, 2011. Илл. XIV, XXI; *Мирзаахмедов*, 2011. Рис. 9, *3–7*; 10, *5, 6*; *Якубов*, 2011. Рис. 9, *7, 8*. Илл. V).

Во-вторых, в Согде на Афрасиабе бутыли с одним или несколькими вздутиями на горле начинают производить уже с середины – конца IX в., но широко они распространяются с X в. (*Шишкина*, 1986. С. 23. Рис. 4, *13*; 6, *7, 8, 10*). Они встречены и в Армении на городище Двин в слоях X–XI и XII–XIII вв. (Двин, 2008. Табл. XXXVIII-1; Armenia... 2009. Fig. 49, *12*; 51, *8*, *10*. Pl. LIII, 2).

В-третьих, горлышки некоторых нишапурских бутылочек-флаконов IX–X вв. все же сопровождаются небольшими однократны-

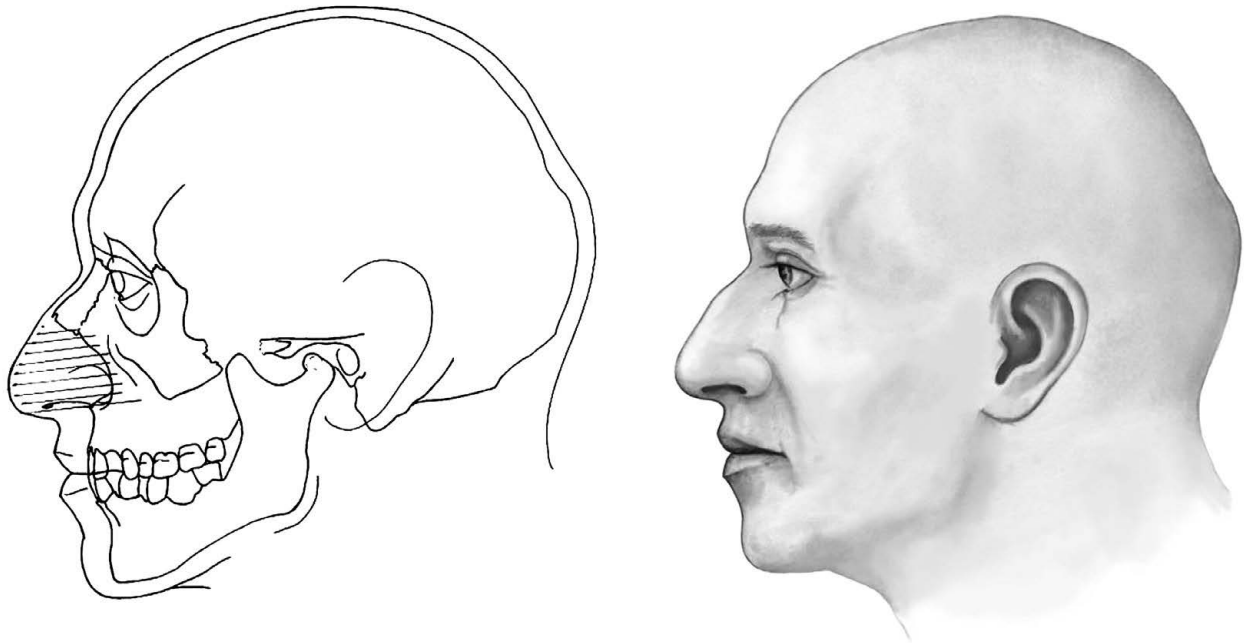


Рис. 5. Графическая реконструкция мужчины из погребения XI. Автор А. В. Рассказова

ми вздутиями, которых нет у других форм в коллекции с этого памятника (*Kröger*, 1995. P. 71, 88, 109. Cat. № 87, 116, 117, 156). Можно также привести пример такого оформления горла у флакона VII–VIII вв. из Сирии (*Carboni*, 2001. P. 42. Cat. 1.8b).

Обратимся к другому признаку сосуда из Весёлого – отделке его ручки щитковидными защипами. В средневековом стеклоделии этот прием активно применяли для сосудов закрытых форм и кружек. В Средней Азии это опять-таки показывает хорошо изученный и датированный афрасиабский материал середины IX – начала XIII в. (*Шишкина*, 1986. С. 13, 17. Рис. 4, *11, 12, 27*). Защипами украшали ручки сосудов и в других регионах, где существовало развитое стеклоделие, в том числе в Северном Хорасане и Иране (*Kröger*, 1995. Cat. № 169, 228; *Carboni, Whitehouse*, 2002. Cat. № 39, 97). Н. Бяшимова правомерно подмечает, что выступы-защипы на ручках служили упором для пальца при использовании этих хрупких стеклянных сосудов (*Бяшимова*, 2011. С. 92. Рис. 8: *1, 3*. Илл. XXVI). Однако узким хронологическим показателем этот признак не выступает.

В итоге авторы на данном этапе полагают, что погребение XI в храме в Весёлом можно датировать в рамках второй половины XI–XII в. – начала XIII в. Оба сопровождавших его предмета и прослеженный погребальный обряд (который, несмотря на присутствие предметов в погребении, характерен для средневековых *христианских* захоронений в данном регионе) пока не позволяют заметно сузить эту датировку.

Наличие в могилах оружия, сопровождающего усопших, является нехарактерным для христианской культуры. По этому показателю погребение XI отличается от остальных захоронений в храме в Весёлом и на его некрополе. Оно содержало скелет мужчины полной комплектности, возраста 40–45 лет и без явных патологий, за исключением зубного камня и признаков пародонтита с частичным обнажением прикорневой области резцов. После осуществления реставрации черепа стало возможным воссоздать графический портрет захороненного, что выполнила А. В. Рассказова (рис. 5)[6]. Изотопные показатели дентина зубов индивида составили -14,69 для ^{13}C (‰)

[6] Авторы выражают искреннюю благодарность А. В. Рассказовой за выполненную графическую реконструкцию.

Рис. 6. Стеклянные сосуды из Тигани (*1, 2* – по: *Antonaras*, 2010. Fig. 30) и из «черкесских курганов XIV–XV вв.» (*3* – по: ОАК, 1907. Рис. 233)

и 8,42 для ^{15}N (‰), что является показателями, приближенными к средним по всей совокупной выборке проанализированных индивидов из наоса, притворов, склепа и некрополя храма. Таким образом, явное отличие данного индивида от остальных особей благодаря антропологическому исследованию не наблюдается.

В завершение скажем о назначении стеклянного сосуда в погребении XI. Данное погребение является далеко не первым, показывающим наличие узкогорлого глиняного или стеклянного кувшинчика в средневековых христианских захоронениях в здешнем регионе. Присутствие таких сосудов было установлено разведками Ю. Н. Воронова 1968–1974 гг. в окрестностях Сочи и Адлера, а затем раскопками Д. Э. Василиненко и Е. А. Армарчук в 2007 и 2008 гг. храмов с примыкающими к ним некрополями в долине и бассейне Мзымты (*Армарчук*, 2008. С. 11, 12; *Василиненко*, 2008. С. 75–80; *Василиненко, Хрушкова*, 2008. С. 81–84).

Издавая материалы своих разведок, Ю. Н. Воронов отметил, что ряд целых глиняных кувшинчиков происходит из *разрушенных* средневековых погребений (*Воронов*, 1979. С. 96. Рис. 57, *1–3*; 58, *14*). Изученные в дальнейшем храмовые некрополи четко продемонстрировали стабильное, хотя и ограниченное наличие небольших узкогорлых сосудов, например, в погребении второй половины VI – начала VII в. в базилике Лесное-1 и в погребениях X–XIII вв. в храмах Крион Нерон и на г. Сахарная Головка (*Армарчук*, 2010. С. 235–237. Рис. 27; *Василиненко, Хрушкова*, 2008. С. 83; *Хрушкова, Василиненко*, 2014. С. 373, 374. Рис. 5; *Khrushkova, Vasilinenko*, 2012. Fig. 5).

Ранее было высказано предположение, что такие глиняные или стеклянные кувшинчики в обрядовой практике местных христиан в IX–XIII вв. могли играть какую-то роль или служить елейницами – сосудами, которыми пользовались для возлияния елея как при соборовании тяжелобольных, так и при отпевании усопших, а при погребении помещали в их могилы (*Армарчук*, 2012. С. 17, 18. Рис. 1, 2). В связи с этим интересны находки в Южной Греции небольших стеклянных сосудов-бутылей без ручек, со сферическим туловом и узким горлом с одинарным вздутием-расширением в его основании (рис. 6, *1, 2*). Они происходят из захоронений в базилике Тигани, на полуострове Мани Пелопоннесский и с места кораблекрушения *Mljet* (*Antonaras*, 2010. P. 402, 403. Fig. 30). А. Антонарас отмечает, что проводившие раскопки археологи датировали погребения в Тигани VI–VII вв., но, вероятно, они относятся к более позднему периоду функционирования памятника. Происходящие из обоих

объектов «бутыли» А. Антонарас склонен трактовать как унгвентарии, небольшие, известные с античного времени вместилища для благовоний, а не как столовые кувшинчики для вина. Сосуды из Тигани обнаруживают аналогию с небольшим флакончиком среди упомянутых «случайных находок из черкесских курганов XIV–XV вв.», который отличается от них синим стеклом и не одним, а двумя расширениями на коротком горлышке без расширенного устья (рис. 6, *3* – ОАК, 1907. С. 128, 129. Рис. 233).

Возможная трактовка небольших сосудов в средневековых христианских захоронениях в Восточном Причерноморье как елейниц не противоречит выдвинутой А. Антонарасом атрибуции подобных греческих находок, а, напротив, согласуется с ней. Вместе с тем заметим, что мелкие сосуды с узким горлышком античного и постантичного времени давно получили определение «бальзамарии», то есть емкости для косметических масел, благовоний и антисептических средств. Это позволяет преполагать и такую функцию небольших узкогорлых сосудов в средневековых христианских погребениях района Большого Сочи, учитывая не до конца сформированную обрядность в регионе.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Амиранашвили Ш. Я., 1963. История грузинского искусства. М.: Искусство. 269 с.

Армарчук Е. А., 1988. Опыт классификации стекла средневекового Хорезма (по материалам городища Садвар) // Материальная культура Востока. Ч. II. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы. С. 234–253.

Армарчук Е. А., 2008. Раскопки христианского храма на г. Сахарная Головка под Адлером // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. Международной научной конференции. Владикавказ. С. 11, 12.

Армарчук, 2010. Раскопки христианского храма на горе Сахарная Головка под Адлером // АО 2007 г. / Ин-т археологии РАН. М.: ЯСК. С. 235–237.

Армарчук Е. А., 2012. Новые находки расписной керамики эпохи Абхазского царства // Поволжская археология. № 1. Казань: Изд-во «Фан». С. 8–20.

Армарчук Е. А., 2021. О лампах из храма у села Весёлое // КСИА. Вып. 265. С. 210–221.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2012. Христианский храм у пос. Весёлое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. № 3. С. 78–90.

Байпаков К., Дощанова Т., 2011. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. II. Стекло. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ. С. 12–64.

Бяшимова Н., 2011. Туркменистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. II. Стекло. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ. С. 81–95.

Василиненко Д. Э., 2008. Олимпиада 2014 и памятники археологии эпохи средневековья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. Международной научной конфер. Владикавказ. С. 75–80.

Василиненко Д. Э., Хрушкова Л. Г., 2008. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. Международной научной конфер. Владикавказ. С. 81–84.

Воронов Ю. Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. 125 с.

Воронов Ю. Н., 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М. – Магнитогорск: ИА РАН; Магнитогорский гос. унив. С. 334–362.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., 1985. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси: Мецниереба. 115 с.

Голофаст Л. А., 2001. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. Вып. VIII / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь: Крымское отд. ИВ им. А. Е. Крымского. С. 97–260.

Двин. IV. Город Двин и его раскопки (1981–1985 гг.) / Ред. А. А. Калантарян. Ереван: Изд. «Гитутюн» НАН РА, 2008. 244 с.

Джопуа А. И., Нюшков В. А., 2018. К проблеме этнокультурной принадлежности памятников Северо-Западной Абхазии в I–VI вв. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сб. науч. тр., посвященный 70-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: ИП Истратов С. В. С. 457–465.

Крамаровский М. Г., 2015. Сельджукская Анатолия глазами шейха из Танджи (Танжера) // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: ГЭ. С. 279–289.

Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII вв. Феодальный город Алании. Ставрополь: Кавказская библиотека. 464 с.

Кулешов Ю. А., 2015. Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей // Золотоордынская цивилизация. № 8. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. С. 197–210.

Мирзаахмедов Д., 2011. Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. II. Стекло. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ. С. 96–160.

Могильник Дюрсо: Каталог. Ч. 1 / Под ред. А. А. Малышева. М.: МАКС Пресс, 2021. (Некрополи Черноморья. VI). 448 с.

ОАК за 1904 год. СПб.: Тип. Глав. Упр. уделов, 1907. 185 с.

Рамишвили Р. М., 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. (Археология). С. 297–320.

Сизов В., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии / Под ред. графини Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°. (МАК. Вып. II). 183 с.

Хрушкова Л. Г., Василиненко Д. Э., 2014. Самая древняя церковь на территории России: базилика Лесное-1 близ Адлера в Краснодарском крае // Современные проблемы изучения истории церкви. Сб. докл. международной конфер. МГУ им. М. В. Ломоносова, 7–8 ноября 2011 г. / Отв. ред. В. В. Симонов, Г. М. Запальский. М.: Паломник. С. 367–377.

Чхатарашвили М. Н., 2007. Производство стекла и его употребление в развитой средневековой Грузии (IX–XIV вв.) // Средневековые археологические памятники Грузии. I. Тбилиси. С. 60–78.

Шишкина Г. В., 1986. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР. 193 с.

Щапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

Якубов Ю., 2011. Таджикистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. II. Стекло. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ. С. 65–80.

Antonaras A. C., 2010. Early Christian and Byzantine Glass Vessels: Forms and Uses // F. Daim, J. Drauschke. Byzanz – das Römerreich in Mittelalter. Teil 1. Welt der Ideen, Welt der Dinge. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz; Berlin. P. 383–430.

Armenia in the Cultural Context of East and West. Ceramics and Glass (4th – 14th centuries) / Ed. by A. A. Kalantaryan. Yerevan: NAS RA “Gitutyun” Publishing House, 2009. 186 p.

Carboni S., 2001. Glass from Islamic Lands. NY: Thames and Hudson. 416 p.

Carboni S., 2002. Hot-Worked Glass // Glass of the Sultans. NY: Metropolitan Museum of Art. P. 101–146.

Carboni S., Whitehouse D., 2002. Glass of the Sultans. NY: Metropolitan Museum of Art. 330 p.

Davidson Gladys R., 1952. Corinth. Results of Excavations. Vol. 12. The Minor Objects. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. 366 p.

Kröger J., 1995. Nishapur. Glass of the Early Islamic Period. NY: Metropolitan Museum of Art. 256 p.

Khrushkova L. G., Vasilinenko D. E., 2012. Basilica Lesnoe-1 Near Sochi in the North-Eastern Black Sea Region // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Oxford. (BAR International Series 2432). P. 141–151.

Lamm C. J., 1929. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Band II. Berlin: Verlag Dietrich Reimer und Ernst Vohsen.

Whitehouse D., 2002. Mold-Blown Glass // Glass of the Sultans. NY: The Metropolitan Museum of Art. P. 81–100.

**E. A. Armarchuk, I. N. Kuzina,
T. Yu. Schvedchikova**

About one Burial in the Temple in Vesyoloe

Abstract. In 2010 in the naos of the temple near the village Vesyoloe near Adler a male burial No. XI was excavated with an accompanying iron blade and a glass jug. Despite their presence, it is Christian in rite, but committed during the period of desolation of the temple in the second half of the 11th – 12th century, according to the stratigraphy. A single-edged blade has a faceted thickening-stop at the base, which is not a false crosshair, but is forged along with the blade. Although no exact analogies to this atypical short blade have not been found, it is attributed as a combat knife. In contrast, the jug from the burial has parallels in the production of glassblowers of the 11th – 13th centuries from the territory of Georgia and the North-Eastern Black Sea region. This shows its general morphology along with details of form and decoration. All of the above allows us to date the burial within the second half of the 11th – the beginning of the 13th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-399-2.310-317

Д. Ю. Бадеев
Институт археологии РАН, Москва

Литейные формы с территории торгово-ремесленного района золотоордынского Болгара (по материалам раскопа CXCII)

В ходе археологических исследований остатков здания городского базара (середины XIV в.) и торгово-ремесленного района золотоордынского Болгара[1], к юго-западу от Соборной мечети, выявлен обширный комплекс створок каменных литейных форм и их обломков. Всего с участка исследований площадью чуть более 2500 кв. м происходило 109 таких находок. При этом планиграфия свидетельствует о максимальной их концентрации в северо-восточной части раскопа CXCII (рис. 1). Так, из 109 экземпляров 100 зафиксированы на раскопе CXCII, три – на раскопе CLXXIX и еще шесть выявлено в раскопах 1989–1993, 2000 гг. (работы М. Д. Полубояриновой, Н. А. Кокориной и Г. Ф. Поляковой). Для сравнения: к концу XX в. со всей площади Болгарского городища насчитывалось 62 литейные формы, из них 54 из мягких пород камня (*Полякова*, 1996. С. 158).

Что касается стратиграфии распределения находок с раскопа CXCII, то подавляющее большинство из них происходило из прослоек и объектов (крупных подвалов) позднего золотоордынского периода, датируемого в интервале с 20-х годов XIV до начала XV в. Сопоставив расположение находок с границами выделенных здесь усадеб и крупных построек, можно утверждать, что на территории усадьбы «Ж» функционировала ювелирная мастерская. Существование мастерской подтверждается также присутствием здесь характерного инструментария, большого количества обломков и целых керамических тиглей. Важно отметить наличие на площадке ювелирной мастерской следов производственного брака – литников медного сплава и свинца; присутствие сырья – слитков желтого металла и свинца, мотков и обрезков медной проволоки; серии предметов, в том числе, бракованных, производство которых осуществлялось в рамках мастерской (*Бадеев, Коваль*, 2018. С. 280. Рис. 7; Центральный базар... 2022. Рис. 117).

Распространение створок литейных форм за границы усадьбы «Ж» можно объяснить перепланировкой участка в ходе строительства здания городского базара в середине XIV в. Судя по тому как расположились находки, связанные с ювелирным производством, выравнивание строительной площадки и трассы новой улицы в середине XIV в. происходило путем подрезки грунта в западной и юго-западной частях усадьбы «Ж» и засыпки этим грунтом крупного подвала на территории усадьбы «Г», а также заметных на тот момент просадок грунта над более ранними объектами. Наглядным примером такого перемещения грунта является находка двух обломков литейной створки, один из которых происходил из заполнения ямы 20–40 гг. XIV в. (яма № 161), а другой найден к юго-западу в слое середины XIV в. Наибольшее количество находок створок каменных литейных форм происходило из заполнения трех крупных подвалов: по монетному материалу два из них датируются в рамках 50–70 гг. XIV в. (ямы № 83 и 84 – по 36 экз.); один – 70–80 гг.

[1] Раскопки проводила совместная экспедиция ИА РАН и ИА АН Республики Татарстан.

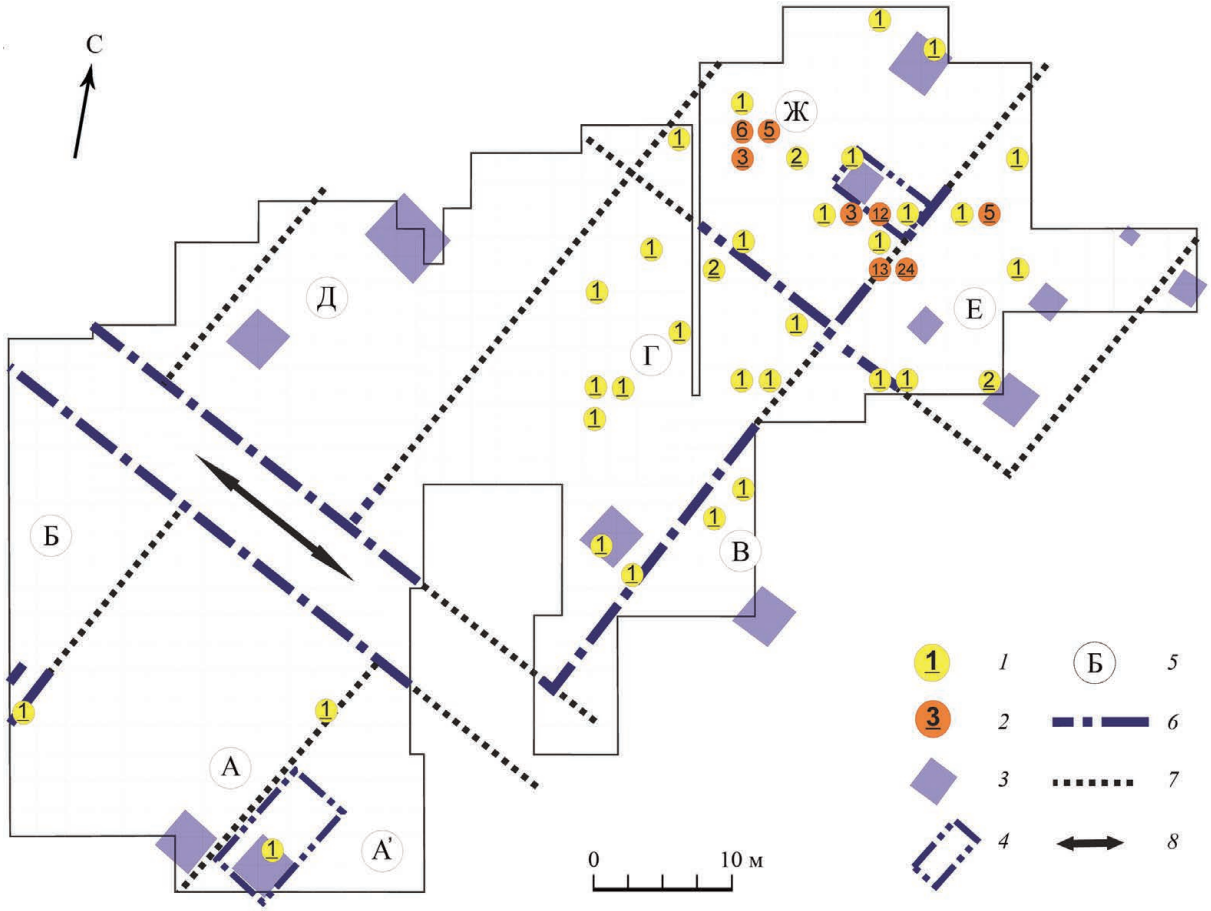


Рис. 1. Распределение находок литейных форм на площадке исследований торгово-ремесленного района золотоордынского Болгара

1, 2 – количество находок в рамках квадрата 2×2 м; *3* – заглубленные объекты – подвалы (20–40 гг. XIV в.); *4* – остатки наземных построек с отопительными сооружениями; *5* – обозначение усадеб 20–40 гг. XIV в.; *6* – выявленные части оград; *7* – реконструируемые части оград; *8* – трасса улицы

XIV в. (№ 91 – 14 экз.). Объекты располагались в линию по оси СЗ – ЮВ. Их заполнение происходило близлежащим грунтом, а следовательно, обломки литейных форм могли залегать в прослойках предшествующего периода. В прослойках раннего горизонта IV (золотоордынского) слоя выявлена лишь одна подобная находка, из прослоек субгоризонта 2 позднего IV золотоордынского слоя происходило 11 створок и их обломков, из прослоек 1 субгоризонта позднего IV золотоордынского слоя – 18 предметов.

Важно отметить, что стратиграфическое (комплексы позднего золотоордынского периода) и планиграфическое распространение литейных форм совпадало с еще одним производством, зафиксированным на данном участке, а именно с мастерской по изготовлению стеклянных щитковых перстней, бус и подвесок (*Полубояринова*, 2006; *Бадеев*, 2021). Совмещение ювелирного и стеклообрабатывающего производств в рамках одной усадьбы встречается и в других средневековых городских центрах, например, в домонгольском Биляре (*Valiulina*, 2016). Нельзя исключать, что данные производства на одной усадьбе по времени могли расходиться в рамках 20–60 гг. XIV в. Однако достоверно определить временные границы (если такие существовали) между ювелирной и стеклообрабатывающей мастерскими, функционировавшими на усадьбе, на данном этапе исследований не представляется возможным.

Для изготовления выявленных створок литейных форм использовалось несколько разновидностей камня. Исследования, проведенные научным сотрудником кафедры региональной геологии и полезных ископаемых Института геологии и нефтегазовых технологий КФУ Р. И. Кадыровым, показали,

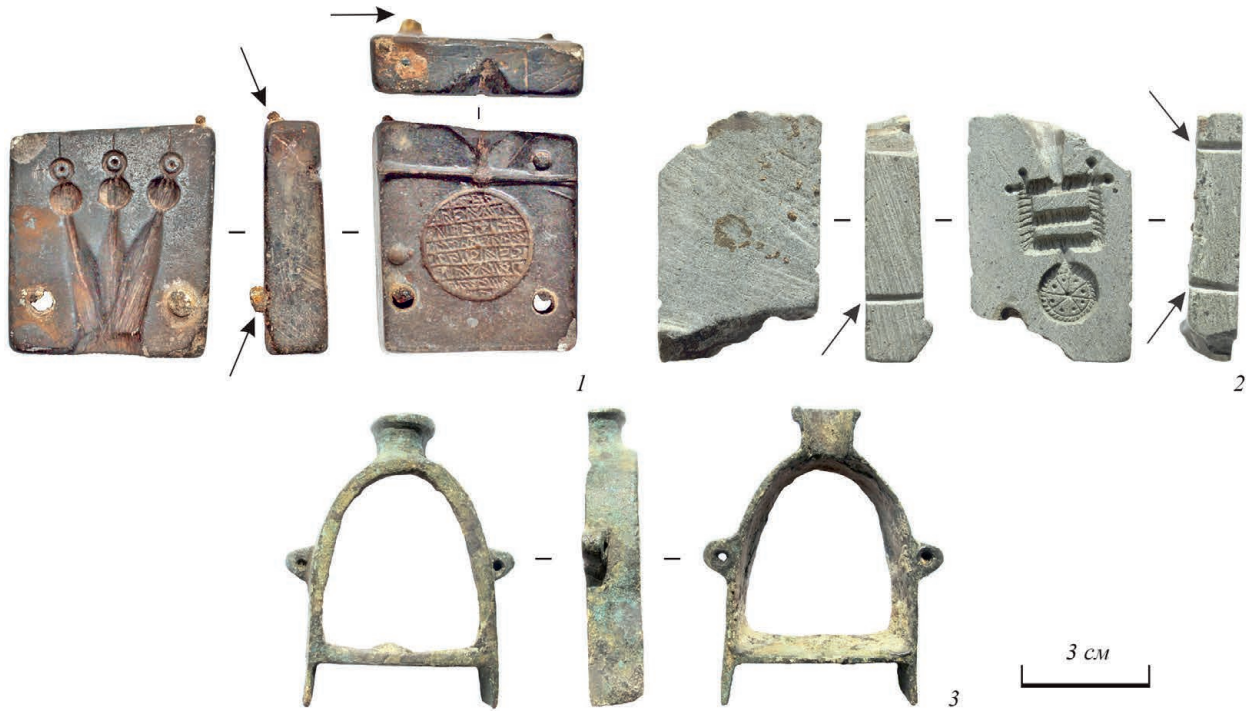


Рис. 2. Способы соединения каменных литейных створок с площадки раскопа CXCII

1 – штифтами; *2* – проволокой; *3* – при помощи обоймы

что местное сырье представлено «белым камнем» (известняком и меловым мергелем), выходы которого имеются вдоль береговой линии Волги и Камы, а привозное – сланцевыми породами, поступавшими с регионов Нижнего и Среднего Урала. Ряд изделий выполнен из обломков талькохлоритовых котлов, поступавший в Болгар из Средней Азии. На территории раскопов CLXXIX и CXCII преобладали створки, выполненные из сланцевых пород – 49 шт.; 20 шт. изготовлены из стенок талькохлоритовых котлов, 33 створки были «белокаменными» и лишь одна изготовлена из песчаника.

Литейные формы с исследованной мастерской по количеству рабочих поверхностей можно разделить на два типа: односторонние (52 экз.) и двусторонние (15 экз.). Сохранность некоторых предметов не позволяла однозначно отнести их к одному из двух представленных типов (соответственно 47 экз.). Подавляющее большинство форм можно отнести к закрытому типу. Присутствовали формы и открытого типа, не имевшие литников и отверстий для креплений (их меньшинство, часть из них, возможно, являлись заготовками). Соединение форм закрытого типа производилось через отверстия штифтами, выполненными из свинца, судя по сохранившимся следам на части створок (рис. 2, *1*). Кроме того, крепление могло осуществляться при помощи стяжек из проволоки, о чем свидетельствуют следы от пропилов на боковых гранях и внешних поверхностях литейных створок (рис. 2, *2*). Фиксация створок при помощи штифтов позволяла не только улучшить качество отливаемых изделий, но и сократить время на их последующую доработку по устранению литейных швов. Для скрепления створок служила бронзовая обойма в форме арки, обнаруженная на раскопе CXCII-2018 г. (рис. 2, *3*). Две аналогичные обоймы известны с других участков Болгарского городища, еще одна – на Увекском городище (*Полякова*, 1996. С. 163. Рис. 58, *12*). Возможность ускорять производственный процесс и отливать несколько изделий мастеру позволял также технологический прием, связанный с расположением литниковых рукавов, имевших по одному входному отверстию для разных лож. Максимальное количество лож для отливки изделий на одной из рабочих поверхностей зафиксировано на массивной известняковой форме (размерами 20,5×10,0×3,2 см), где их насчитывалось 15 экземпляров.

Поражает разнообразием набор изделий, предназначенных для изготовления в найденных формах. По категориям изготовляемых изделий литейные формы можно разделить на несколько групп: 1) украшения (височные кольца, серьги, щитковые перстни, подвески и амулеты различных форм, пластинчатые браслеты, бусины, пронизки); 2) элементы одежды и поясной гарнитуры (нашивные накладки, навершие головного убора, пуговицы шаровидной формы); 3) предметы быта (грузики грибовидной формы, детали миниатюрных зооморфных замков).

Большинство представленных на створках литейных форм изделий находят аналогии на территории золотоордынских городских центров, вместе с тем, некоторые из них известны на территории русских княжеств. Аналогии можно найти и среди домонгольских ювелирных изделий XII – начала XIII в., что свидетельствует о преемственности традиций в изготовлении отдельных категорий ювелирных изделий. Определенные параллели прослеживаются и в используемой орнаментации между изделиями домонгольского периода и декором на формах с раскопа CXCII. Характерными чертами изделий, изготавливавшихся с помощью литейных форм с раскопа CXCII, являются их простота и «имитационность». Так, подвески отливались сразу с ушком, о чем свидетельствует наличие на литейных формах узких каналов, куда помещался стержень, препятствующий попаданию металла. В качестве декора изделий применялась имитация зерни, достигавшаяся высверливанием в форме мелких углублений (диаметром 1–2 мм), а гравировка и резьба передавалась путем нанесения тонких прямых и зигзагообразных линий. Некоторые подвески круглой и прямоугольной формы содержали прочерченные тонким предметом имитации арабографических надписей или руноподобных знаков (рис. 3). Подобные подвески могли выполнять функции амулетов. Например, широкое распространение в Золотой Орде XIV в. получают так называемые магические квадраты, содержавшие цифры восточно-арабского начертания, либо цифры в комбинации с буквами, иными символами. Традицию их использования могли заимствовать из Средней Азии или Закавказья (*Пигарев, Скисов*, 2007).

«Имитационный» характер имели также ложи для изготовления трех- и пятибусинных височных колец: линия по середине полусферы бусины призвана имитировать проволочную обмотку между спаянной из двух половин бусины. Здесь же параллельными тонкими линиями имитировалась навитая на дужку кольца проволока (рис. 4). В целом можно говорить, что подобные «упрощенные» изделия позволяли насытить рынок массовыми изделиями, простыми в изготовлении и не требовавшими высокого уровня умений и навыков ювелира.

Среди подвесок, отливавшихся с помощью рассматриваемых литейных форм, нужно отметить подвески-лунницы и подвески круглой формы, олицетворявшие солнечный диск, в том числе, в виде шести- и восьмилепестковых розеток. Символику полумесяца можно рассматривать в контексте двух традиций: мусульманской и монгольской. Особенно широкое распространение в материальной культуре Золотой Орды названная символика получает в период правления хана Узбека, что соответствует датировке комплекса литейных форм с территории раскопа CXCII. По мнению А. Г. Юрченко, золотоордынские «женские украшения в виде лунниц и солнечного диска» можно включить в «имперский контекст» и «категорию статусных вещей» (*Юрченко,* 2013. С. 123). Одна из створок литейных форм с раскопа CXCII-2016 г. (из заполнения ямы № 83) служила для единовременной отливки нескольких подобных подвесок: подвеска-лунница, подвеска круглой формы, две лицевые орнаментированные розетками пластины прямоугольной формы и с аналогичным орнаментом фигурная подвеска с двумя петлями (*Степанов, Бадеев*, 2019. С. 281, 282). Разнообразие литейных форм, предназначенных для изготовления подвесок-лунниц с территории Болгарского городища, по мнению К. А. Руденко, говорит о находившемся здесь центре их производства (*Руденко*, 2015. С. 195).

Особенностью литейных форм с раскопа CXCII являлось наличие на их поверхностях разнообразных граффити, которые можно разделить на три группы: 1) геометрические знаки; 2) символы (свастика, «узел счастья», четырехконечный крест с криновидными

Рис. 3. Ложи для изготовления подвесок-амулетов на створках каменных литейных форм с раскопа СХСII

завершениями на трех лопастях); 3) знаки в виде птиц (рис. 5). Первые две группы можно отнести к пробам для использования инструмента резчика или составления схем для расположения лож и каналов; последние, скорее всего, связаны со знаками мастеров и ремесленников, в качестве магических оберегов. В подтверждение этой версии следует отметить, что знаки в виде птиц встречаются на булгарских литейных формах и в других ремесленных центрах, например, изображение птицы известно на литейной форме из Биляра (*Руденко*, 2015. Рис. 104, 105). Хотя нельзя исключать другой интерпретации таких граффити – в качестве своеобразных владельческих клейм мастера.

Уникальной находкой стала литейная форма из сланца для отливки перстней. Она

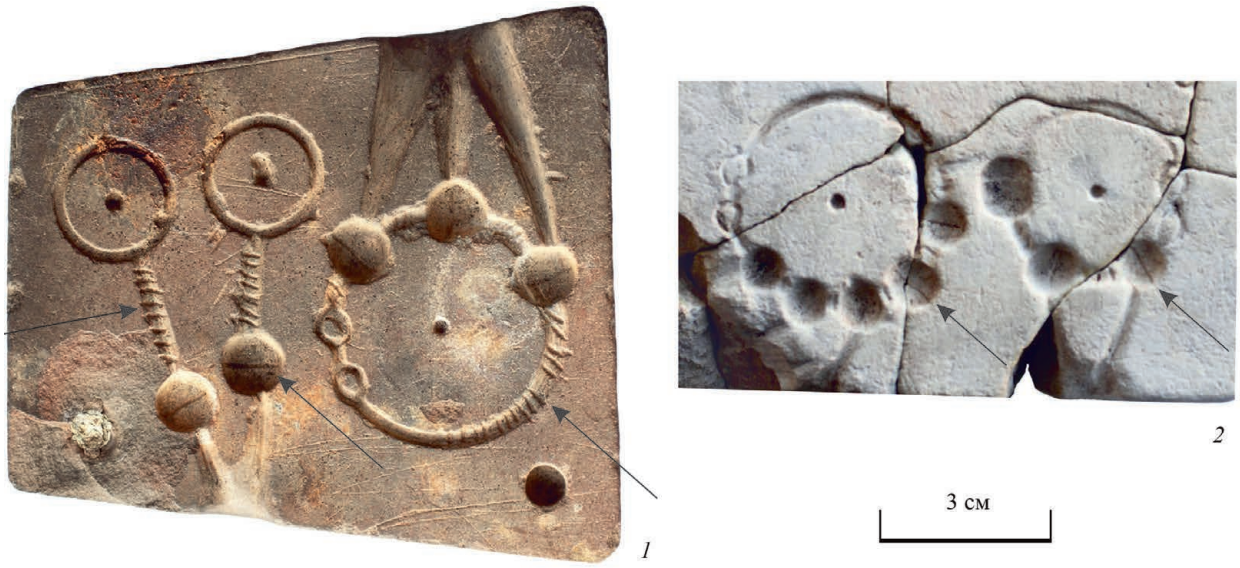


Рис. 4. Имитационные приемы на ложах для изготовления серег на створках литейных форм с раскопа CXCII

состояла из двух створок, на поверхности которых содержались тюркоязычные надписи, выполненные буквами кириллического алфавита. Анализ надписей, проведенный А.А. Медынцевой, позволяет рассматривать их в качестве благожелательных, содержащих половецкое имя «Ясень из рода Коврюев» (*Медынцева, Бадеев, Коваль*, 2018). Скорее всего, указанное на створке имя носил мастер-камнерез, исполнивший форму. Сами надписи, безусловно, иллюстрируют не просто знакомство тюркоязычного населения Золотой Орды с русским языком и письменностью, но говорят о более глубоком усвоении духовных основ такой письменности, т.е. христианства. Свидетельством знакомства мастеров-литейщиков Болгара с христианством является граффито в виде креста с криновидными концами на одной из формочек, а также литейная форма для отливки нательного креста с прямым средокрестием и прямоугольными концами, найденная в непосредственной близости от раскопа CXCII. Кресты подобной формы служили подражанием каменным нательным крестам. Литейные формы для отливки аналогичных крестов, как и сами кресты, найдены в Новгороде, Старой Рязани, Белоозере и Серенске. Предполагаемое время бытования данного типа крестов относится к XIII–XV вв. (*Беленькая*, 1993. С. 13). Нельзя исключать, что один из мастеров в этой мастерской был христианином (или даже русским человеком), но жил и работал в мусульманском городе, в инокультурной среде. Присутствие в Болгаре мастеров литейщиков и ювелиров, выходцев с территории русских земель на основе анализа готовых изделий допускали А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полубояринова и Г.Ф. Полякова (*Смирнов*, 1948. С. 100; *Полубояринова*, 1993. С. 26–30; *Полякова*, 1996. С. 159). Подтверждаются эти предположения и литейными формами с других раскопов Болгарского городища. Наиболее яркий пример происходящая с раскопа CLXXXV находка нескольких створок каменных литейных форм для изготовления подвесок-«барм», характерных для парадного русского княжеского костюма (*Ситдиков, Сивицкий*, 2014. С. 12). Кроме того, в непосредственной близости от рассматриваемой усадьбы, на усадьбе «Е», в конце XIII – начале XIV в. функционировала мастерская по обработке янтаря, где, судя по характеру керамического материала (значительное количество в комплексах усадьбы составляла керамика XIV этнокультурной группы, в том числе археологически целые формы) также могли присутствовать выходцы из русских земель (*Бадеев, Гареев, Баталин*, 2019).

Литейные формы с территории торгово-ремесленного района Болгара (раскоп CXCII) свидетельствуют о синкретическом характере ювелирного искусства золотоордынского периода, как по составу выпускаемых

Рис. 5. Граффити на створках литейных форм с раскопа СХСII

изделий, так и по их художественному оформлению. Во многом это объясняется пестрым в этнокультурном плане населением Болгара. Можно утверждать, что мастера золотоордынского Болгара ориентировались на спрос как среди местного мусульманского населения, так и на заинтересованных в ювелирных изделиях представителей христианской общины, а также кочевой знати, присутствовавшей в городе XIV в. Сам набор створок литейных форм с площадки раскопа СХСII сформировался в период наибольшего экономического подъема города Болгара и золотоордынского государства в целом в 10–40-х гг. XIV в. Характер расположения находок каменных литейных створок позволяет предположить, что некогда они происходили из единого комплекса (клада ремесленника?) первой полови-

ны XIV в. и были переотложены в заполнения более поздних объектов (середины – второй половины XIV в.) в результате хозяйственной деятельности на данном участке города.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Бадеев Д. Ю., 2021. Ремесленная специализация усадеб в центральной части золотоордынского Болгара // Археология Евразийских степей. № 6. С. 8–19.

Бадеев Д. Ю., Гареев Б. И., Баталин Г. А., 2019. Мастерская по обработке янтаря с территории золотоордынского Болгара // КСИА. Вып. 257. С. 232–246.

Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2 (24). С. 270–289.

Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.

Медынцева А. А., Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Надпись на литейной форме из Булгара // «Нескончаемое лето». Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич. С. 141–145.

Пигарев Е. М., Скисов С. Ю., 2007. Магический квадрат в городской культуре Золотой Орды // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: Научная книга. С. 238–246.

Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М.: Наука. 124 с.

Полубояринова М. Д., 2006. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. № 4. С. 152–158.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. М.: ИЯЛИ АН Татарстана. С. 154–257.

Руденко К. А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман. 528 с.

Ситдиков А. Г., Сивицкий М. В., 2014. Раскопы CLXXXIII, CLXXXV, CLXXXVII, CLXXXVIII // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Казанская недвижимость. С. 12–14.

Смирнов А. П., 1948. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник. М.: МГУ. С. 109–110.

Степанов Р. А., Бадеев Д. Ю., 2019. Створка литейной формы из раскопа CXCII Болгарского городища // Археология Евразийских степей. № 6. С. 277–282.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV). 288 с.

Юрченко А. Г., 2013. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия. 432 с.

Valiulina S. I., 2016. Medieval workshop of an alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar // Památky archeologické. № CVII. P. 237–278.

D. Yu. Badeev

Molds from the Territory of the Trade and Handicraft Area of the Golden Horde Bolgar (Based on Materials from Site CXCII)

Abstract. A large craft complex was identified as a result of archaeological research of the trade and craft district of Bolgar of the Golden Horde period. A significant part of the complex consisted of flaps of stone foundries. A total of 109 molds and their fragments were identified. This complex is the most representative from the territory of the Bolgar settlement for all the time of archaeological research. The period of formation of the complex of foundries refers to the first half of the 14th c. The general analysis and characteristics of both the molds themselves and the products for the production of which they were intended are given. Foundries from the territory of the trade and craft district of Bolgar (excavation No. CXCII) testify to the syncretic nature of the jewelry art of the Golden Horde period. This is indicated by both the composition of the manufactured products and their artistic design.

Сокращения

АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИМ БАН – Археологически институт с музей при БАН
АИ ППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АОР – Археологически открития и разкопки
БАН – Българска академия на науките
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВДАЭ – Верхне-Донская археологическая экспедиция
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО – Записки Императорского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИИ – Институт истории
ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований РАН
ИНЭС – Институт экономических стратегий
ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и искусства АН РТ
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МА – Музей археологии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МБЦ – Музей Булгарской цивилизации
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИМ – Музей истории Москвы
МИЦАИ – Международный институт Центральноазиатских исследований, Самарканд
НААР – Национален архитектурно-археологически резерват
НАИМ – Национален археологически институт с музей при БАН
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция

НГБ – Новгородские грамоты на бересте
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИТЭХИМ – Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований в химическом комплексе
НМ – Национальный музей
НМЗ – Новгородский музей-заповедник
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РА – Российская археология
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РГИАМЗ – Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГГРУ – Российский государственный геологоразведочный университет
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИЦ – редакционно-издательский центр
РНБ – Российская национальная библиотека
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТНИИР-центр – Тверской научно-исследовательский и реставрационный центр
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ТРУАК – Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ТСЛ – Троице-Сергиева лавра
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории
УПИ – Урегулиран поземлен имот
ЯСК – Языки славянских культур
BAR – British Archaeological Report

Научное издание

**Мир Средневековья. Проблемы вещеведения.
Материалы научной конференции
к 70-летию отдела средневековой археологии**

Верстка: В. Б. Степанов
Дизайнер обложки: А. С. Загрядская
Художник: А. В. Голикова
Перевод на англ. яз.: В. С. Курмановский, авторы статей

Подписано в печать 26.11.2022
Формат 60×84/8
Уч.-изд. л. 33,0
Тираж 300 экз. Заказ № ...

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано в типографии

ISBN 978-5-94375-399-2
9 785943 753992